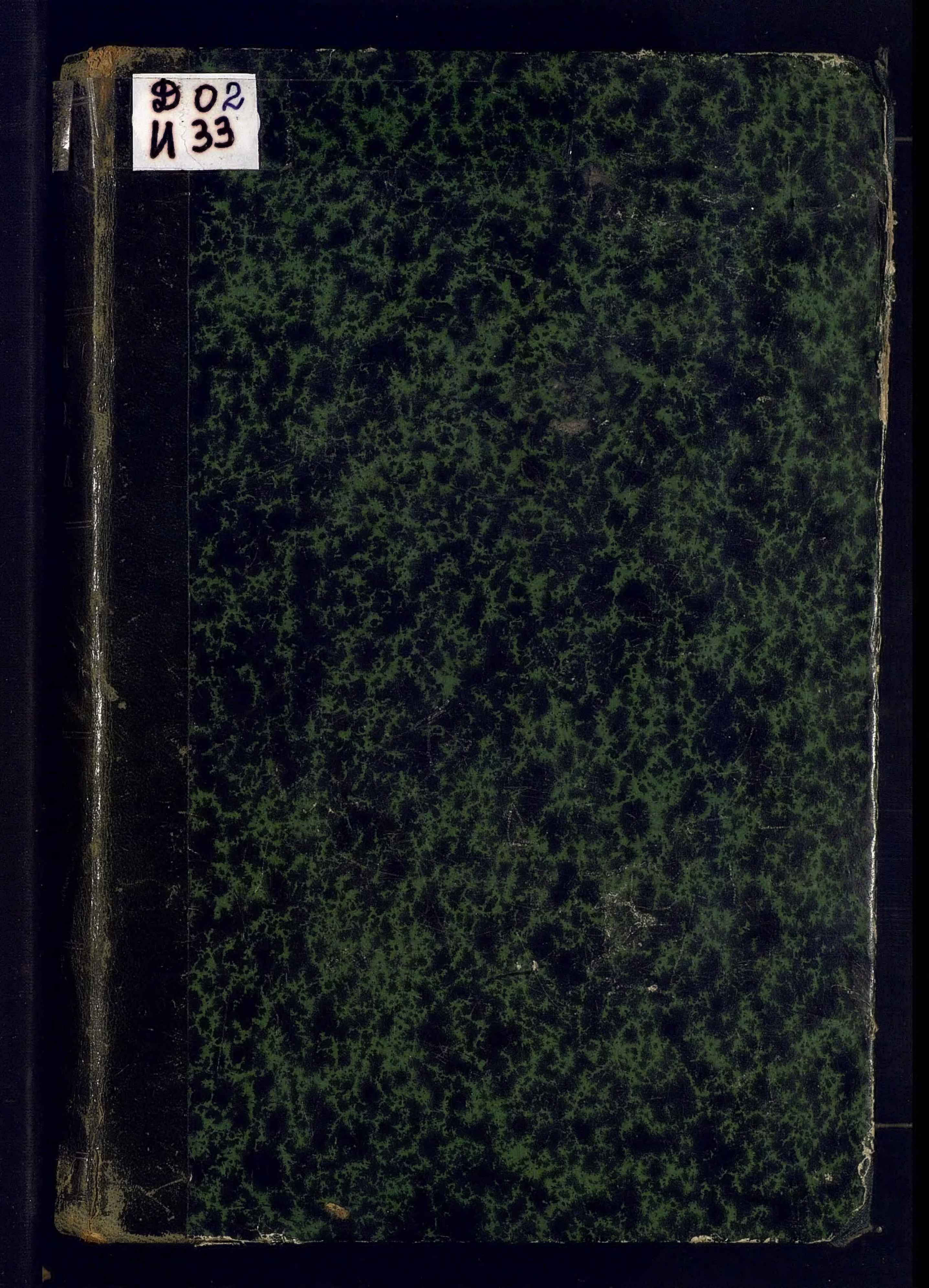

ИЗВѢСТІЯ и УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ XLVI. ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ. 1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

ИЗВѢСТІЯ: Стр.

ЧАСТЬ I.

Протоколы засѣданій Совѣта Казанскаго Университета въ 1878 г. 14 января и 18 февраля. . 1—60.

ЧАСТЬ II.

1) Списокъ почетныхъ членовъ. Личный составъ Императорскаго Каз. Унив. въ январѣ 1879 г 3—28.
3) Состоящія при Унив. особыя учрежд. Ученыя Общества . 29—32.
4) Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Казан. Унив. за 1877 граждан. годъ.—**Н. Г. Фастрицкаго.** . . . . 33—73.
5) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 14—125.
6) Отчетъ о занятіяхъ въ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга и Москвы.—**Д. А. Корсакова** 126—152.
7) Протокъ. Общ. врачей. 157—167.
8) Отчетъ о ходѣ подписки на стипендію имени покойн. заслуж. проф. **Е. Ф. Аристова** . 268—273.
9) Столы Разряднаго Приказа.—**Н. Н. Загоскина** . . . 270—318.
10) Отчетъ о занят. въ Лейпцигск. Унив.—**Л. Колмачевскаго** 319—333.
11) Мнѣнія о диссертац. 334—351.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

I ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ И МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ:

Европейская Россія прошлыхъ геологическихъ эпохъ. — **А. А. Штукенберга** . . . . . 3—32.

II ОТДѢЛЪ ИСТОР.-ФИЛОЛОГИЧЕСК. НАУКЪ:

Англійскіе моралисты.—**А. И. Смирнова** . . . . . . 1—62.

III ОТДѢЛЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ:

1) Промысл. налогъ и методы его установленія въ зап.-европейск. госуд. и Россіи.—**Д. М. Львова.** 1—32.
2) О протестѣ векселей.—**И. Чирихина** . . . . . 225—256.

IV ОТДѢЛЪ МЕДИЦИНСКИХЪ НАУКЪ:

1) Сообщеніе изъ тер. отд. фак. кл. Каз. Ун.—**Н. А. Виноградова** 1—6.
2) Болѣзн. въ Дунайск. Арміи.—**Н. И. Студенскаго** . . . 7—24.
3) Матеріалы для изученія чумы —**В. М. Флоринскаго.** 25—48.

V КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Изслѣдов. А. Кочубинскаго. Одесса 1877.—Рец **И. А. Бодуэна-де-Куртенэ** . . . . . . 1—45.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Учебникъ судебной медицины Эдуарда Гофмана. Перев. подъ ред. проф. **И. М. Гвоздева.** 281—328.
2) Русскіе простонародные травники и лѣчебники.—**В. М. Флоринскаго.** . . I—XVIII и 1—28.
Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Учен. Зап. Каз Ун.» за 1834—1878 годы включительно . 1—41.

Объявленія.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

1879.

1-2

Въ Редакціи „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“ можно между прочимъ получать слѣдующія ея изданія:

Адамюкъ Е. Къ ученію о внутриглазномъ кровообращеніи и давленіи. 1867. Ц. 1 р.

Адамюкъ Е. Матеріалы къ этіологіи глявкомы и ея лѣченію. 1874. Ц. 50. к.

Адамюкъ Е. Офтальмологическія наблюденія. Изъ глазнаго отдѣленія клиники Казанскаго Университета. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

Буличъ Н. Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. Ц. 50 к.

Буличъ Н. Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности. 1866. Ц. 75 к.

Владиміровъ П. Нѣсколько данныхъ для изученія Сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. К. 1878. Ц. 45 к.

Виноградскій В. Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. 1872. Ц. 1 р.

Глинскій Г. О радикалахъ въ органической химіи. 1872. Ц. 1 р.

Загоскинъ Н. П. Уставныя Грамоты XIV—XVI вв., съ сведенымъ текстомъ ихъ и указателемъ къ нему. Два выпуска. К. 1875—1876. Ц. 1 р. 25 к.

Загоскинъ Н. П. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. К. 1876. Ц. 1 р. 20 к.

Загоскинъ Н. П. О правѣ владѣнія дворами въ Московскомъ государствѣ. К. 1877. Ц. 60 к.

Загоскинъ Н. П. Методъ и средства изученія обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. К. 1877. Ц. 40 к.

Корсаковъ Д. Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

Кремлевъ Н. Къ ученію о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды по римскому праву. 1866. Ц. 50 к.

Кремлевъ Н. Сепарація, какъ способъ пріобрѣтенія собственности добросовѣстнымъ владѣльцемъ, по классическому римскому праву. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ Д. Промысловый налогъ и методы его установленія въ Западно-Европейскихъ государствахъ и Россіи. К. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Леваковскій Н. О вліяніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій на форму корней. Съ 14 таб. рисунковъ. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Мандельштаммъ Л. Къ патологіи поджелудочной железы. 1873. Ц. 75 к.

Небосклоновъ А. Борьба Славянъ съ Нѣмцами за независимость въ средніе вѣка. К. 1875. Ц. 1 р. 50 к.

Осиповъ А. Брачное право древняго Востока. 1872. Ц. 1 р.

Осиповъ А. Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. 1873 г. Ц. 50 коп.

Осокинъ Н. Савонарола и Флоренція. Историч. монографія въ двухъ частяхъ. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Осокинъ Н. Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III. 1869. Ц. 3 р.

Осокинъ Н. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами. 1872. Ц. 3 р.

Осокинъ Н. Неаполитанскіе государи въ XIV вѣкѣ. Разсказы изъ итальянской исторіи. К. 1873. Ц. 1 р.

Пашутинъ В. Лекціи Общей Патологіи. Ч. I. Патологія тканей. К. 1878. Ц. 3 р.

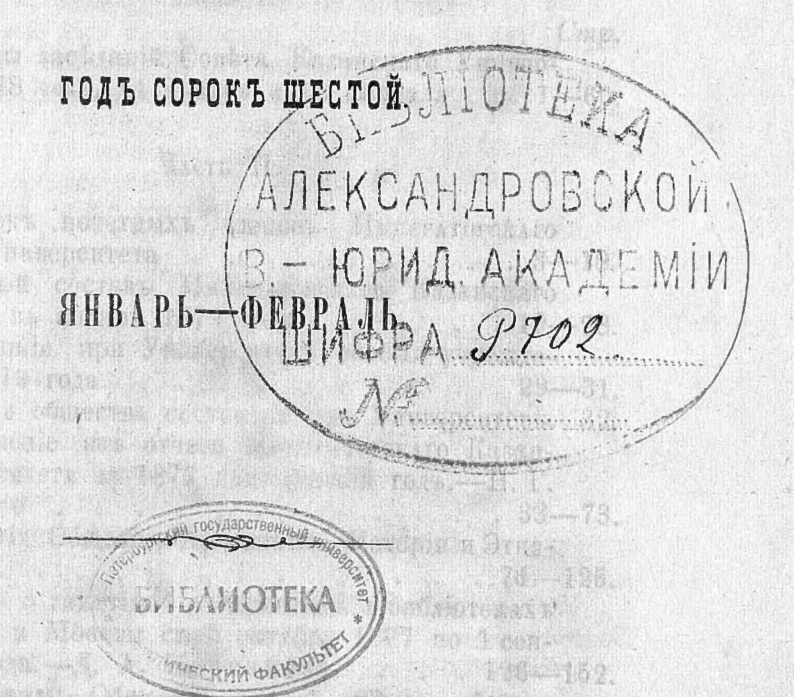
ИЗВѢСТІЯ и УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ.

Часть I.

Стр.

Протоколы засѣданій Совѣта Казанскаго Университета въ 1878 году, 14 января и 18 февраля . . . 1—60.

Часть II.

1) Списокъ почетныхъ членовъ Императорскаго Казанскаго Университета . . . . 3—18.

2) Личный составъ Императорскаго Казанскаго Университета въ январѣ 1879 года. . . . . . . 19—28.

3) Состоящія при Университетѣ особыя учреждев въ январѣ 1879 года. . . . . 29—31.

4) Ученыя общества состоящія при Университетѣ. 32.

5) Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Казанскаго Университета за 1877 гражданскій годъ.—Н. Г. Фастрицкаго . . . . 33—73.

6) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. . . . . 74—125.

7) Отчетъ о занятіяхъ въ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга и Москвы съ 5 октября 1877 по 1 сентября 1878 года.—Д. А. Корсакова. . . . 126—152.

8) Протоколы Общества врачей, 28 сентября и 6 октября 1878 года. . . . . 157—167.

9) Отчетъ о ходѣ подписки на стипендію имени покойнаго заслуженнаго профессора Е. Ф. Аристова и о состояніи стипендіальной суммы къ 1 ноября 1878 года . . . . 268—273.

Стр.

20) Столы Разряднаго Приказа по хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи книгамъ ихъ. Отчетъ о занятіяхъ въ Архивѣ осенью 1878 года.— Н. П. Загоскина . . . . 274—318.

21) Отчетъ о занятіяхъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію Л. Колмачевскаго.— (Отчетъ за лѣтній семестръ 1878 года) . . . 319—333.

22) Мнѣнія о диссертаціяхъ:

а) Отзывъ орд. проф. Бодуэна-де-Куртенэ о докторской диссертаціи Д. Θ. Бѣляева: „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. Историко-литературные этюды. Казань 1878 г.". . . . . 334—337.

б) Отзывы о диссертаціяхъ представленныхъ на заданныя для соисканія наградъ въ прошломъ $18^{77}/_{78}$ академическомъ году темы гг. орд. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Н. К. Нелидова, Н. А. Кремлева и К. А. Арнштейна . . . . 338—351.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

I ОТДѢЛЪ

Естественныхъ и математическихъ наукъ:

Европейская Россія прошлыхъ геологическихъ эпохъ.—А. А. Штукенберга . . . . 3—32.

II ОТДѢЛЪ

Историко-филологическихъ наукъ:

Англійскіе моралисты.—А. И. Смирнова . . 1—62.

III ОТДѢЛЪ

Юридическихъ наукъ:

1) Промысловый налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ и Россіи.—Д. М. Львова . . . . 1—32.

2) О протестѣ векселей.—И. Чирихина . 225—256.

IV ОТДѢЛЪ

Медицинскихъ наукъ:

Стр.

1) Сообщеніе изъ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Казанскаго Университета.—Н. А. Виноградова . . . . 1—6.

2) Болѣзненность въ Дунайской Арміи по свѣдѣніямъ сортировочной коммиссіи во Фратешти.—Н. И. Студенскаго . . . . 7—24.

3) Матеріалы для изученія чумы:

I. Историческій обзоръ чумныхъ эпидемій въ Россіи . . . . 25—39.

II. Проявленіе чумы на живомъ человѣкѣ.—В. М. Флоринскаго. . . . . 40—48.

V Критико-библіографическій отдѣлъ:

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе А. Кочубинскаго. Одесса 1877.—Рец. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. . . . . . . 1—45.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Учебникъ судебной медицины Эдуарда Гофманна. Переводъ студентовъ Казанскаго Университета подъ редакціей профессора судебной медицины И. М. Гвоздева . . . . 281—328.

2) Русскіе простонародные травники и лѣчебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія.—В. М. Флоринскаго . . . . I—XVIII и 1—28.

4) Указатель статей помѣщенныхъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета за 1834—1878 годы включительно. . . . . 1—41.

4) Объявленія.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1879.

ТОМЪ XV.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ПРОТОКОЛЫ
ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
въ 1878 году.

14 Января.

Слушали:

Ст. 1. Высочайшій приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ 11 ноября 1877 г. за № 9, которымъ утверждается заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, тайный совѣтникъ Осокинъ — вновь Ректоромъ сего Университета на четыре года, съ 17-го сентября 1877 года, и продолжается срокъ отпуска за границу ординарному профессору сего Университета, статскому совѣтнику Ковалевскому, по болѣзни, по 15 августа 1878 года. Опредѣлено: Показать объ этомъ въ формулярныхъ о службѣ гг. Осокина и Ковалевскаго спискахъ.

Ст. 2. Приказъ г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 21 декабря 1877 г. за № 10, которымъ утверждаются: Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Нелидовъ секретаремъ юридическаго факультета

сего Университета, согласно избранію факультета, на три года, съ 27 сентября 1877 года, и сверхштатный ординаторъ факультетской хирургической клиники сего Университета, лѣкарь Дмитрій Соловьевъ — штатнымъ ординаторомъ этой клиники, согласно избранію Совѣта Университета, съ 29 октября 1877 года, и увольняются отъ службы ординаторы клиникъ Императорскаго Казанскаго Университета: факультетской акушерскаго отдѣленія Александръ Котовщиковъ и госпитальной хирургическаго отдѣленія Михаилъ Падаринъ, за выслугою срока, съ 22 октября 1877 года. Опредѣлено: О содержаніи приказа относительно гг. Нелидова и Соловьева отмѣтить въ формулярныхъ о службѣ ихъ спискахъ, принявъ самый приказъ къ свѣдѣнію.

Ст. 3. Представленіе физико-математическаго факультета, отъ 30 декабря 1877 г. за № 106, слѣдующаго содержанія: Сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ ботаники Юліанъ Шелль вошелъ въ факультетъ съ просьбой о нижеслѣдующемъ: „Лѣтомъ текущаго года мнѣ удалось собрать въ Оренбургской губерніи коллекцію растеній, которая и разработывается въ настоящее время. Желая пополнить собранный мною матеріалъ и расширить кругъ изслѣдованія въ разныхъ частяхъ Уфимской и Оренбургской губерній, имѣю честь просить физико-математическій факультетъ ходатайствовать о командированіи меня съ 15 апрѣля по 15 сентября 1878 г., съ сохраненіемъ за мною жалованья, въ Уфимскую и Оренбургскую губерніи, и о выдачѣ мнѣ открытаго листа“. Согласно этому прошенію, физико-математическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать о командированіи г. Шелля съ ученою цѣлію на указанный срокъ, съ сохраненіемъ за нимъ жалованья и о выдачѣ ему открытаго листа. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи сверхштатнаго ассистента по каѳедрѣ ботаники г. Шелля, съ ученою цѣлію, въ Уфимскую и Оренбургскую губерніи съ 15 апрѣля по 15 сентября 1878 г., съ сохраненіемъ за нимъ получаемаго имъ по занимаемой должности жалованья.

Ст. 4. Представленіе физико-математическаго факультета, отъ 31 декабря 1877 г. за № 108, которымъ доноситъ Совѣту Университета, что на основаніи правилъ о спеціализаціи студентовъ естественнаго разряда, деканомъ сооб-

щено факультету, что въ текущемъ академическомъ году не имѣется слушателей въ 3 и 4 курсахъ по отдѣлу минералогіи и геологіи. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію.

Ст. 5. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 12 сего января за № 11, которымъ доноситъ Совѣту Университета, что вслѣдствіе предложенія г. Ректора Университета отъ 9 ноября 1877 г. за № 1333, ординаторъ клиники Казанскаго Университета, лѣкарь Иванъ Егоровъ былъ подвергнутъ медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе оператора и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ факультетомъ 14 декабря 1877 г. означеннаго званія. Опредѣлено: Ординатора Егорова утвердить въ званіи оператора, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 6. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 12 сего января за № 5, которымъ доноситъ Совѣту Университета, что вслѣдствіе предложеній г. Ректора Университета отъ 3, 9, 10, 11 и 16 ноября и 7 декабря за №№ 1317, 1343, 1344, 1345, 1357, 1358 и 1384, аптекарскіе ученики Тигранъ Апіанцъ, Станиславъ Дроздовскій, Оттомаръ Доннеръ, Николай Вѣтвицкій, Карлъ Цвенгеръ, Никонъ Александровъ, Эдуардъ Ноккертъ, Владиславъ Лисовскій и Филиппъ Терлецкій были подвергнуты медицинскимъ факультетомъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи ими онаго, изъ нихъ Терлецкій „съ отличіемъ", удостоены факультетомъ 14 декабря 1877 г. означенной степени. Справка: Означенные аптекарскіе ученики, кромѣ Александрова, Лисовскаго и Терлецкаго, представили всѣ документы, требуемые при утвержденіи ихъ въ степени аптекарскаго помощника; Александровымъ же, Лисовскимъ и Терлецкимъ не представлено: 1-мъ увольнительнаго отъ общества свидѣтельства, 2-мъ — свидѣтельства о выбытіи изъ 4 класса гимназіи, а послѣднимъ — метрическаго о рожденіи его свидѣтельства; Апіянцъ, Доннеръ, Александровъ и Ноккертъ происходятъ: Апіянцъ изъ Тифлисскихъ гражданъ, Доннеръ изъ крестьянъ, Александровъ изъ мѣщанъ, Ноккертъ изъ цеховыхъ и Цвенгеръ изъ Рижскихъ гражданъ. Опредѣлено: 1) Дроздовскаго и Вѣтвицкаго утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать имъ свидѣтельства; 2) объ исключеніи Апіянца, Доннера, Цвенгеръ и Ноккерта изъ податнаго состоянія представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго

Округа, и 3) утвержденіемъ Александрова, Лисовскаго и Терлецкаго въ степени аптекарскаго помощника пріостановиться впредь до представленія ими сказанныхъ документовъ.

Ст. 7. Представленіе медицинскаго факультета отъ 13 сего января за № 17, слѣдующаго содержанія: Г. доцентъ А. А. Несчастливцевъ вошелъ въ медицинскій факультетъ съ представленіемъ о нижеслѣдующемъ: „Принимая во вниманіе требованіе значительнаго числа врачей для дѣйствующей арміи, имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать о временномъ увольненіи меня на театръ военныхъ дѣйствій (въ Дунайскую армію) со всѣми правами и преимуществами, указанными въ Высочайшемъ повелѣніи 14 января 1877 года и потомъ снова подтвержденными, т. е. съ сохраненіемъ занимаемаго мною мѣста и жалованья. При этомъ я желалъ бы обратить вниманіе факультета на то обстоятельство, что пребываніе мое въ дѣйствующей арміи можетъ быть небезполезнымъ для расширенія моихъ знаній въ области нервной патологіи. Что же касается до окончанія моихъ чтеній въ настоящемъ году, то я полагаю, что успѣю кончить ихъ во время производства переписки по этому поводу. Одновременно съ симъ заявленіемъ въ факультетъ, мною подано прошеніе въ Военное Министерство“. Доносія объ этомъ Совѣту Университета, медицинскій факультетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ о временномъ увольненіи г. Несчастливцева въ дѣйствующую Дунайскую армію, согласно его представленію. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ подлежащимъ начальствомъ о временномъ увольненіи доцента Несчастливцева въ дѣйствующую Дунайскую армію, съ сохраненіемъ за нимъ содержанія, присвоеннаго означенной его должности.

Ст. 8. Представленіе медицинскаго факультета отъ 14 сего января за № 18, которымъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета о разрѣшеніи на открытіе акушерскаго отдѣленія факультетской клиники, съ порученіемъ веденія ея г. приватъ-доценту А. Н. Соловьеву. Опредѣлено: Настоящее ходатайство медицинскаго факультета разрѣшить, о чемъ его и Правленіе Университета увѣдомить.

Ст. 9. Представленіе экстраординарнаго профессора Г. Н. Глинскаго отъ 9 сего января, слѣдующаго содержа-

нія: „Въ началѣ текущаго учебнаго года, когда въ физико-математическомъ факультетѣ былъ поднятъ вопросъ о распредѣленіи предметовъ между наличными преподавателями, я заявилъ съ своей стороны, что для студентовъ 1 курса естественнаго разряда необходимы практическія упражненія по неорганической химіи. Сознавая всю важность и полезность этихъ упражненій и считая ихъ безотлагательно необходимыми, какъ по личному своему убѣжденію, такъ и въ виду Министерскаго распоряженія, изложеннаго въ предложеніи г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 25 мая 1877 г. за № 3071, я тогда же обратилъ вниманіе факультета на то обстоятельство, что, вслѣдствіе неопредѣленности моихъ отношеній къ лабораторіи, правильная организація упомянутыхъ практическихъ занятій въ настоящее время невозможна, и что поэтому необходимо прежде всего съ точностію опредѣлить — гдѣ именно и на какихъ условіяхъ я могу помѣститься съ своими практикантами. Около того времени мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Совѣтъ Университета разрѣшилъ профессору Зайцеву израсходовать изъ суммы, отпускаемой ежегодно на химическую лабораторію 500 руб. для производства работъ, съ цѣлію увеличенія помѣщеній лабораторіи, которое, по словамъ профессора Зайцева, сдѣлалось необходимымъ въ виду расширенія практическаго преподаванія химіи. Между тѣмъ въ засѣданіи физико-математическаго факультета 7 сентября, вслѣдствіе вышеприведеннаго заявленія моего, состоялось постановленіе о томъ, чтобы профессоръ Зайцевъ и я вошли въ факультетъ съ представленіями объ устройствѣ необходимыхъ приспособленій въ отдѣленіи лабораторіи по неорганической химіи, преподаваемой мною. Предполагая съ своей стороны, что при расходованіи упомянутой суммы въ 500 руб. профессоръ Зайцевъ долженъ будетъ имѣть въ виду это постановленіе физико-математическаго факультета, я ожидалъ, что онъ не откажется выслушать мои словесныя заявленія по этому дѣлу и признаетъ полезнымъ подвергнуть нашему совмѣстному обсужденію вопросъ о томъ, какія именно приспособленія и измѣненія въ устройствѣ лабораторіи, при существующихъ условіяхъ, возможны и необходимы для достиженія обоюдныхъ удобствъ и для удовлетворенія потребностей обѣихъ каѳедръ химіи. Къ сожалѣнію, это ожиданіе мое осталось тщетнымъ. Профессоръ

Зайцевъ не удостоилъ меня довѣрія, не обратился ко мнѣ ни съ однимъ вопросомъ по этому дѣлу и даже, когда я самъ предложилъ ему обсудить вмѣстѣ со мною вопросъ объ улучшеніи и новомъ устройствѣ лабораторіи, онъ отвѣтилъ, что считаетъ это совершенно излишнимъ. Вслѣдствіе этого, я былъ вынужденъ обратиться въ физико-математическій факультетъ съ отдѣльнымъ ходатайствомъ по этому дѣлу и въ прошеніи отъ 30 сентября подробно изложилъ свои соображенія о тѣхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ лабораторіи и аудиторіи, которыя желательны въ настоящее время, и высказалъ, между прочимъ, свое мнѣніе о томъ, какимъ именно образомъ могутъ быть устранены на первыхъ порахъ неудобства совмѣстнаго пользованія двухъ преподавателей химіи имуществомъ лабораторіи и кабинета. Къ прошенію этому были приложены мною четыре объяснительные чертежа. Физико-математическій факультетъ не призналъ, однако, возможнымъ войдти тогда же въ разсмотрѣніе этого моего ходатайства. Затѣмъ, въ засѣданіи факультета 26 октября профессоръ Зайцевъ вошелъ съ особымъ представленіемъ, въ которомъ объясняетъ какія именно комнаты изъ числа имѣющихся въ помѣщеніи лабораторіи онъ можетъ выдѣлить второму преподавателю химіи. Выслушавъ это заявленіе профессора Зайцева и совершенно игнорировалъ пока мое прошеніе отъ 30 сентября, факультетъ опредѣлилъ: „Просить Правленіе Университета сдѣлать надлежащее распоряженіе о передачѣ указаннаго въ представленіи профессора Зайцева помѣщенія въ завѣдываніе профессора Глинскаго". Послѣ того какъ вопросъ о доставленіи каѳедрѣ неорганической химіи необходимыхъ удобствъ былъ, такимъ образомъ, рѣшенъ факультетомъ, имъ было заслушано, наконецъ, въ томъ же засѣданіи 26 октября и мое прошеніе отъ 30 сентября, причемъ состоялось слѣдующее опредѣленіе: „Представленіе профессора Глинскаго отъ 30 сентября, вмѣстѣ со всѣми относящимися приложеніями, представить г. Ректору Университета и просить Его Превосходительсво препроводить означенные документы въ Правленіе (Университета), въ дополненіе къ ходатайству факультета о перечисленіи части помѣщенія химической лабораторіи въ завѣдываніе профессора Глинскаго". Не считая, съ своей стороны, возможнымъ удовлетвориться такимъ отношеніемъ факультета къ моему ходатайству отъ 30 сентября и желая

представить свои возраженія на упомянутое представленіе профессора Зайцева, я обратился въ факультетъ съ новымъ ходатайствомъ отъ 29 октября, причемъ, въ заключеніе, просилъ о передачѣ настоящаго дѣла на усмотрѣніе Совѣта. Къ сожалѣнію, физико-математическій факультетъ оставилъ безъ уваженія и это новое ходатайство мое и въ засѣданіи 10 ноября, когда оно было доложено, факультетъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, выраженномъ въ вышеприведенномъ опредѣленіи отъ 25 октября,—о передачѣ всего дѣла въ Правленіе Университета, куда, дѣйствительно, и были препровождены 9 декабря оба упомянутыя ходатайства мои. Въ виду этого обстоятельства, я и поставленъ въ необходимость обратиться къ Совѣту съ личнымъ ходатайствомъ по настоящему дѣлу. Къ этому побуждаютъ меня и тѣ обстоятельства, при которыхъ происходило и происходитъ самое преподаваніе. Считая необходимымъ въ интересахъ ввѣренной мнѣ каѳедры, а также и для огражденія себя, какъ отвѣтственнаго преподавателя, доложить Совѣту о тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится теперь дѣло преподаванія неорганической химіи и, оставляя въ сторонѣ многіе факты второстепенной важности, я позволю себѣ остановить вниманіе Совѣта только на нѣкоторыхъ особенностяхъ этихъ условій. Съ открытіемъ лекцій въ началѣ текущаго учебнаго года, я приступилъ къ преподаванію неорганической химіи и надѣялся, что при демонстративныхъ лекціяхъ по этому предмету мнѣ будетъ возможно пользоваться тѣми удобствами, которыя представляетъ химическая лабораторія. И дѣйствительно, первыя лекціи были прочитаны мною, повидимому, при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предъидущіе годы, когда я читалъ неорганическую химію въ званіи доцента. Различіе заключалось только въ томъ, что лаборантъ Ломанъ какъ бы пересталъ считать себя обязаннымъ присутствовать на лекціяхъ и принимать участіе въ приготовленіи приборовъ и вообще всего необходимаго при опытахъ. Въ періодъ времени съ открытія курса до 17 октября онъ присутствовалъ только на одной лекціи — о водородѣ. Октября 15, когда на лекціи предполагалось произвести опыты съ хлоромъ, г. Ломанъ не только не явился на лекцію и не приготовилъ необходимыхъ для опытовъ принадлежностей, но не счелъ даже себя обязаннымъ увѣдомить меня объ этомъ заблаговре-

менно, хотя я, по обыкновенію, сообщилъ ему запиской, посланной съ служителемъ лабораторіи, о томъ, что именно должно быть приготовлено къ этой лекціи. По объясненію профессора Зайцева, причиной отсутствія г. Ломана на лекціи 15 октября была болѣзнь. Между тѣмъ, вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу со стороны лаборанта Ломана, лекція 15 октября была мною отмѣнена, о чемъ и было мною доложено г. декану физико-математическаго факультета на словахъ и г. и. д. Ректора Университета рапортомъ отъ 16 октября. Затѣмъ, къ слѣдующей лекціи (17 октября) лаборантъ Ломанъ выставилъ на столѣ аудиторіи, безъ всякой просьбы съ моей стороны, тѣ аппараты, которые должны были служить для опытовъ на лекціи 15 октября, но аппараты эти были собраны въ высшей степени небрежно и притомъ съ такими существенными недостатками, что производить опыты было рѣшительно невозможно. Кромѣ того, предъ самымъ выходомъ моимъ на лекцію, г. Ломанъ заявилъ мнѣ, что присутствовать на этой лекціи онъ не можетъ, такъ какъ будутъ производиться опыты съ хлоромъ. Такимъ образомъ эта лекція была прочитана безъ опытовъ. Въ виду важности этого факта, представляющаго собою нарушеніе общепринятаго порядка преподаванія неорганической химіи, я счелъ своею обязанностью довести о немъ до свѣдѣнія факультета. Въ прошеніи отъ 26 октября, изложивъ обстоятельства дѣла и указавъ на недостатки аппаратовъ и принадлежностей къ нимъ, приготовленныхъ г. Ломаномъ къ лекціи 17 октября, я просилъ факультетъ разсмотрѣть это дѣло и сдѣлать постановленіе относительно того — долженъ ли я продолжать свой курсъ безъ опытовъ и въ томъ случаѣ, если лекціи мои должны имѣть по прежнему характеръ демонстративный, — какими условіями, возможно точно опредѣленными, онѣ должны быть обставлены относительно моего пользованія приборами и матеріалами лабораторіи и помощію г. лаборанта. Ноября 10, когда было заслушано въ факультетѣ это прошеніе мое вмѣстѣ съ письменнымъ объясненіемъ г. Ломана, состоялось опредѣленіе о томъ, чтобы гг. профессоры Зайцевъ, Чугуновъ и Ворошиловъ представили свое мнѣніе по обстоятельствамъ этого дѣла. Въ засѣданіи факультета 16 ноября, во исполненіе только что приведеннаго опредѣленія факультета, профессоры Чугуновъ и Ворошиловъ сдѣлали слѣдующее заявленіе: „При осмотрѣ

аппарата для полученія хлора оказалось, что этотъ аппаратъ не могъ быть поставленъ по своимъ размѣрамъ въ вытяжной шкафъ. Полученіе же хлора на открытомъ столѣ въ аудиторіи мы не можемъ не признать вреднымъ для здоровья". Къ сожалѣнію, я не присутствовалъ въ засѣданіи факультета 16 ноября и потому теперь только имѣю возможность заявить, что заключенія гг. профессоровъ Чугунова и Ворошилова совершенно несправедливы, что зависѣло, по всей вѣроятности, отъ того обстоятельства, что самые факты были имъ представлены въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ. По моему крайнему убѣжденію, первая ошибка гг. профессоровъ Чугунова и Ворошилова заключалась въ томъ, что, приступая къ разслѣдованію этого дѣла, они не признали необходимымъ, чтобы я присутствовалъ при осмотрѣ ими того прибора, о которомъ говоритъ г. Ломанъ въ своемъ письменномъ объясненіи, и не потребовали отъ меня никакихъ объясненій по этому дѣлу. Смѣю думать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ все это дѣло представилось бы гг. профессорамъ Чугунову и Ворошилову совершенно въ другомъ видѣ: имъ было бы тогда ясно—о какомъ именно опытѣ идетъ рѣчь, какой приборъ необходимъ для этого опыта и какія удобства и неудобства представляетъ этотъ опытъ при демонстрированіи его въ аудиторіи. Я глубоко убѣжденъ, что послѣ всего этого, гг. профессоры Чугуновъ и Ворошиловъ получили бы возможность составить по этому дѣлу болѣе вѣрное заключеніе. Между тѣмъ, въ засѣданіи факультета 16 ноября, по выслушаніи вышеприведеннаго заключенія гг. профессоровъ Чугунова и Ворошилова, объ ошибочности котораго я тотчасъ же объяснилъ бы факультету, если бы имѣлъ возможность присутствовать въ этомъ засѣданіи,—состоялось слѣдующее опредѣленіе: „Препроводить все дѣло на рѣшеніе г. Ректора Университета". Что касается мнѣнія профессора Зайцева по настоящему дѣлу, мнѣнія, которое изложено имъ въ особой запискѣ, доложенной факультету въ томъ же засѣданіи 16 ноября, то я ограничусь по поводу его однимъ только замѣчаніемъ. Въ запискѣ своей профессоръ Зайцевъ утверждаетъ, что г. Ломанъ не могъ безъ вреда для здоровья присутствовать на лекціи 17 октября, и притомъ свидѣтельствуетъ, что на лекціи этой опыты надъ хлоромъ были произведены и произведены такъ грубо, что профессоръ Зайцевъ

принужденъ былъ даже удалиться изъ сосѣдней комнаты, чтобы не подвергать себя вредному вліянію ея атмосферы, „насыщенной хлоромъ". „Изъ этого обстоятельства можно видѣть", говоритъ профессоръ Зайцевъ, „насколько хороша была атмосфера въ аудиторіи, гдѣ производилось самое куренье хлоромъ, и сдѣлать падлежащій выводъ объ основательности отказа г. Ломана отъ присутствія па лекціи". Между тѣмъ не нужно упускать изъ виду, что на лекціи 17 октября не было произведено съ хлоромъ ни одного опыта. Такимъ образомъ защита была бы блестящей и обвиненіе неотразимымъ, еслибы то и другое не было ошибкой профессора Зайцева, который забываетъ, что я читалъ лекцію не въ пустой аудиторіи. Я, съ своей стороны, не считаю удобнымъ позволить себѣ такую самоувѣренность, чтобы рѣшиться утверждать противоположное тому, что происходило на глазахъ и, такъ сказать, подъ носомъ у множества свидѣтелей. Я не считаю нужнымъ останавливаться долѣе на анализированіи мнѣнія профессора Зайцева. Не желая утомлять вниманіе гг. членовъ Совѣта указаніями на другія подробности такого же характера, я думаю, что и приведенные мною факты достаточно уясняютъ всю неловкость моего положенія въ лабораторіи и тѣ неудобства, которыми обставлена въ настоящее время каѳедра неорганической химіи. И дѣйствительно, — не смотря на всѣ мои просьбы, практическія занятія со студентами не могутъ быть организованы, лаборантъ не является на лекціи, когда его присутствіе тамъ рѣшительно необходимо; вмѣсто хорошихъ матеріаловъ мнѣ приносятъ на лекціи негодные, съ которыми опыты не могутъ удаваться; вмѣсто приборовъ, собранныхъ какъ слѣдуетъ, на столѣ аудиторіи выставляютъ къ моей лекціи какой-то наборъ посуды; наконецъ, самому мнѣ являться заблаговременно въ лабораторію, для осмотра всего приготовленнаго къ лекціи, рѣшительно неудобно, такъ какъ мнѣ достаточно ясно дали понять, что химическая лабораторія Казанскаго Университета представляетъ для меня уже чужія владѣнія, — владѣнія профессора Зайцева. Послѣ всего этого, смѣю думать, нельзя обвинять меня въ преждевременности моихъ ходатайствъ предъ факультетомъ, какъ это сдѣлалъ профессоръ Мельниковъ въ засѣданіи факультета 10 ноября. По моему крайнему убѣжденію, все дѣло объ устройствѣ необходимыхъ приспособле-

ній въ помѣщеніяхъ лабораторіи сообразно потребностямъ обѣихъ каѳедръ химіи должно бы быть окончательно рѣшено и выяснено еще до открытія курсовъ въ текущемъ учебномъ году. И остается только сожалѣть, что вопросъ этотъ былъ оффиціально поднятъ мною слишкомъ поздно. Представляя все вышеизложенное на благоусмотрѣніе Совѣта Университета, я имѣю честь обратиться къ нему съ почтительнѣйшей просьбой о томъ, чтобы по разсмотрѣніи моего прошенія, поданнаго въ физико-математическій факультетъ отъ 30 сентября 1877 г., а также и прочихъ относящихся сюда документовъ, Совѣтъ принялъ на себя трудъ обсудить все изложенное мною въ упомянутомъ прошеніи и сдѣлать по настоящему дѣлу надлежащее распоряженіе". Опредѣлено: Съ препровожденіемъ настоящаго представленія профессора Глинскаго, просить физико-математическій факультетъ доставить въ Совѣтъ Университета, въ непродолжительномъ времени, разъясненіе по сему дѣлу.

Ст. 10. Представленія: 1) ординарнаго профессора Я. С. Степанова отъ 10 ноября 1877 г., слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь предложить Совѣту Университета отдѣлить изъ суммы, ежегодно ассигнуемой для выписки книгъ въ студентскую библіотеку извѣстную часть для выписки въ эту библіотеку нѣсколькихъ, какъ обще-литературныхъ, такъ и спеціально-научныхъ газетъ и журналовъ, преимущественно русскихъ. Газетами, подразумѣвая здѣсь и еженедѣльныя изданія, студенты могли бы пользоваться не иначе, какъ въ самой библіотекѣ (съ 9 часовъ утра до 3-хъ по полудни); журналы по истеченіи извѣстнаго срока, (считая отъ дня полученія каждой отдѣльной книжки) могли бы выдаваться и на домъ. Чтобы нѣсколько расширить и приспособить первую комнату студентской библіотеки къ занятіямъ въ ней—стеклянная перегородка, находящаяся въ этой комнатѣ, могла бы быть убрана"; и 2) экстраординарнаго профессора Н. В. Сорокина отъ 11 сего января, при которомъ прилагая проэктъ объ устройствѣ студенческой читальни при Университетѣ,—проситъ Совѣтъ Университета разсмотрѣть означенный проэктъ и ходатайствовать объ открытіи читальни. Въ проэктѣ устава читальни изложено: „Читальная имѣетъ цѣлію дать возможность студентамъ слѣдить за періодическою печатью и современной литературой. Она есть отдѣленіе фундаментальной Универси-

тетской библіотеки и помѣщается въ зданіи Университета. На поддержку ея Университетъ ежегодно выдѣляетъ изъ своихъ суммъ 500 рублей. Читальней завѣдуетъ одинъ изъ профессоровъ Университета, который избираетъ себѣ помощниковъ студентовъ. На обязанности завѣдующаго лежитъ выборъ книгъ и періодическихъ изданій для читальни, а также и сношеніе съ редакціями и книжными магазинами. Помощники завѣдующаго занимаются полученіемъ и приведеніемъ въ порядокъ выписанныхъ книгъ, журналовъ и газетъ и дежурствомъ въ читальнѣ во время ея открытія. Въ видѣ соображеній касательно устройства читальни нужно упомянуть слѣдующее: Подъ помѣщеніе для читальни можно уступить двѣ комнаты изъ подъ правленскаго архива. Архивъ же оттуда, по словамъ архиваріуса, можно перенести въ 2 комнаты, служившія прежде карцеромъ и теперь ничѣмъ не занятыя. Этихъ двухъ комнатъ будетъ вполнѣ достаточно, стоитъ только въ нихъ поставить мебель, которую на первыхъ порахъ можно взять изъ актовой залы. Кромѣ этого, для освѣщенія комнатъ нужно провести газъ. Средства, означенныя въ проэктѣ устава на поддержку читальни ежегодно 500 руб., мотивированы тѣмъ соображеніемъ, что въ читальнѣ необходимо имѣть до 50 экземпляровъ періодическихъ изданій, что будетъ стоить около 500 руб. Вотъ эти изданія: 1) Отечественныя Записки 2 экз. 34 р., 2) Слово 2 экз. 34 р., 3) Вѣстникъ Европы 31 р., 4) Дѣло 2 экз. 32 р., 5) Всемірный путешественникъ 13 р. 50 коп., 6) Русская старина 2 экз. 16 р., 7) Древняя и новая Россія 13 р. 50 к., 8) Свѣтъ 2 экз. 10 р., 9) Женское образованіе 3 р. 50 к., 10) Здоровье 2 экз. 10 р., 11) Воспитаніе и обученіе (приложеніе къ журн. „Семья и школа") 8 руб., 12) Земледѣчельская газета 3 р. 90 к., 13) Труды Вольно-экономическаго общества 4 руб., 14) Медицинское обозрѣніе 8 р., 15) Педагогическій сборникъ 5 р., 16) Природа. Естеств. Историч. сборникъ 13 р. 50 к., 17) Русскій архивъ 8 р., 18) Русское обозрѣніе 2 экз. 16 р., 19) Недѣля 2 экз. 16 р., 20) Сѣверный вѣстникъ 2 экз. 35 руб., 21) Голосъ 2 экз. 34 р., 22) Правительственный вѣстникъ 2 экз. 24 р., 23) С. Петербургскія вѣдомости 17 руб., 24) Новое время 17 р., 25) Московскія вѣдомости 2 экз. 36 р., 26) Биржевыя вѣдомости 17 р., 27) Русскія вѣдомости 10 р., 28) Газета Гатцука 4 р., 29) Казанскій Биржевой листокъ

6 р.; 30) Указатель по дѣламъ печати 3 р.; 31) Церковно-общественный вѣстникъ 8 р. —Завѣдующій читальней вполнѣ отвѣтственъ за всю читальню. Какъ онъ, такъ и его помощники студенты не получаютъ никакого вознагражденія. Правила для посѣщающихъ будутъ выработаны по утвержденіи проэкта устава о читальнѣ. Совѣтъ Университета, по выслушаніи вышеизложеннаго, нашелъ учрежденіе студенческой читальни вообще желательнымъ. Опредѣлено: Для обсужденія этого вопроса образовать Коммиссію изъ гг. Проректора Н. Ѳ. Леваковскаго и профессоровъ Н. А. Ѳирсова, Я. С. Степанова, Е. В. Адамюка и Н. В. Сорокина, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ г. Леваковскаго.

Ст. 11. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 2 января за № 8, слѣдующаго содержанія: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія моего и согласно ходатайству Совѣта Казанскаго Университета, предложеніемъ отъ 10 декабря 1877 года за № 13276, увѣдомилъ меня, что Его Сіятельствомъ сдѣлано распоряженіе о внесеніи въ приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія командировки хранителя музея этнографіи, древности и искусствъ Казанскаго Университета, кандидата Соколовскаго въ С.-Петербургъ и Москву на полтора года, для приготовленія къ професорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи, съ производствомъ ему съ 1 января 1878 г. дополнительнаго содержанія изъ суммъ Министерства по шести сотъ р. въ годъ и съ переводомъ этихъ денегъ на первое полугодіе, за полгода впередъ, въ Правленіе Казанскаго Университета для выдачи по установленному порядку. При этомъ Его Сіятельство проситъ меня предложить Совѣту Казанскаго Университета объ установленіи надлежащаго наблюденія за занятіями г. Соколовскаго и о поставленіи сего послѣдняго въ извѣстность, чтобы онъ къ вышеозначенному сроку привелъ свои занятія къ окончанію, такъ какъ никакая за тѣмъ отсрочка не будетъ дана Министерствомъ. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для надлежащаго исполненія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 24 мая 1877 г. за № 526. При слушаніи настоящаго предложенія доложено, что о содержаніи его г. Ректоромъ Университета 5 января за № 25 сообщено въ историко-филогическій факультетъ. Завѣдующій музеемъ древностей и искусствъ, ординарный профес-

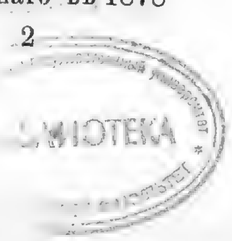
соръ Ѳирсовъ при слушаніи въ факультетѣ предложенія г. Ректора Университета отъ 4 генваря за № 25 относительно того, что господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, согласно представленію историко-филологическаго факультета и Совѣта Университета, разрѣшена командировка хранителю сего музея магистранту Соколовскому въ Москву и С.-Петербургъ съ 1 сего января на полтора года, заявилъ слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что въ представленіи факультета о командированіи г. Соколовскаго выражено было вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайство о порученіи, на время его отсутствія, нѣкоторыхъ изъ лежащихъ на немъ обязанностей по званію хранителя музея частному лицу, по моему усмотрѣнію, съ платою ему до десяти рублей въ мѣсяцъ изъ суммъ музея и съ предоставленіемъ ему права занимать въ это время казенную квартиру г. Соколовскаго, что такое ходатайство было принято Совѣтомъ и что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, разрѣшивъ испрашиваемую факультетомъ и Совѣтомъ Университета г. Соколовскому командировку, разрѣшилъ согласно ихъ представленію, я пригласилъ къ занятіямъ въ музеѣ на изложенныхъ основаніяхъ студента III курса медицинскаго факультета Петра Ѳирсова, полагая, что, во избѣжаніе излишней переписки, денежную плату ему, а равно и тому лицу, которое можетъ замѣнить его, удобнѣе выдавать мнѣ непосредственно изъ аванса съ 1 сего января“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Правленія Университета, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить зависящихъ распоряженій о предоставленіи квартиры г. Соколовскаго на время его отсутствія, студенту Ѳирсову или тому лицу, которое по усмотрѣнію завѣдующаго музеемъ профессора Ѳирсова съ теченіемъ времени можетъ замѣнить его. Справка: Историко-филологическій факультетъ 27 августа 1877 года за № 64 вошелъ въ Совѣтъ Университета съ представленіемъ, въ которомъ изложено слѣдующее: Г. Ректоръ Казанскаго Университета, предложеніемъ отъ 9 іюля сего года за № 753, увѣдомилъ факультетъ, что на представленіе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, основанное на ходатайствѣ факультета и Совѣта Университета о командированіи хранителя музея этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ магистранта г. Соколовскаго въ С.-Петербургъ и Москву съ ученою цѣлію на два года съ производствомъ ему содержанія изъ суммъ Мини-

стерства по 1500 рублей въ годъ, г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 17 іюня за № 7383 сообщилъ г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, что Высочайше утвержденнымъ 6 октября 1867 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшается производить содержаніе профессорскимъ кандидатамъ по 1500 рублей только тѣмъ изъ нихъ, которые отправляются за границу; тѣмъ же изъ профессорскихъ кандидатовъ, кои оставляются при Университетѣ или командируются въ другой городъ внутри Имперіи для ученыхъ занятій производится содержаніе не свыше 600 рублей въ годъ, и что въ виду сего Его Сіятельство не призналъ возможнымъ согласиться на производство г. Соколовскому содержанія изъ суммъ Министерства въ испрашиваемомъ ему размѣрѣ. По поводу этого предложенія, заслушаннаго факультетомъ въ засѣданіи 22 сего августа, ординарный профессоръ русской исторіи Ѳирсовъ тогда же внесъ въ факультетъ представленіе слѣдующаго содержанія: „Въ виду этого, очевидно, условнаго отказа со стороны г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія дать средства магистранту русской исторіи къ окончательному приготовленію къ профессорской дѣятельности, не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, дѣло сдавать въ архивъ: Его Сіятельство не отказываетъ въ ходатайствѣ факультета и Совѣта Университета относительно командированія г. Соколовскаго въ принципѣ, онъ не находитъ только возможнымъ согласиться на отпускъ содержанія г. Соколовскому во время его командировки въ размѣрѣ 1500 р. въ годъ. Повидимому г. Управляющій Министерствомъ изъявилъ бы свое согласіе на отпускъ содержанія г. Соколовскому въ размѣрѣ 600 р. въ годъ, если бы ходатайство Университета ограничилось этою суммою. Вслѣдствіе этого, я полагалъ бы обратиться къ Министерству вновь съ ходатайствомъ о командированіи магистранта Соколовскаго въ Москву и С.-Петербургъ съ цѣлію приготовленія его къ профессорскому званію на иныхъ, хотя менѣе удобныхъ для него, но охотно принимаемыхъ имъ основаніяхъ, а именно: ходатайствовать о командированіи его съ показанною цѣлію на полтора года, считая съ 1 генваря 1878 г., вмѣсто прежде испрашиваемыхъ двухъ, и съ содержаніемъ изъ суммъ Министерства 600 р. въ годъ, вмѣсто 1500 р. Но такъ какъ сумма въ 600 р. для указанной командировки представляется край-

не недостаточною, и Совѣтъ Университета при настоящемъ положеніи своихъ спеціальныхъ средствъ едва ли въ состояніи достаточно ее увеличить на счетъ этого источника, то я бы полагалъ: не будетъ ли признано возможнымъ, вмѣстѣ съ ходатайствомъ объ отпускѣ на содержаніе г. Соколовскому на время его командировки 600 р. изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ходатайствовать и о томъ, чтобы на все время его командировки сохранено было за нимъ получаемое имъ по должности хранителя музея жалованье въ размѣрѣ 500 р. въ годъ. Что же касается до исполненія обязанностей, соединяющихся съ должностію хранителя музея, то, чтобы это обстоятельство не могло послужить препятствіемъ къ командированію г. Соколовскаго на предлагаемыхъ основаніяхъ, я, какъ завѣдующій этимъ музеемъ, существенныя изъ этихъ обязанностей, состоящія въ храненіи въ цѣлости и порядкѣ вещей и учебныхъ пособій, принадлежащихъ музею, въ выдачѣ послѣднихъ для пользованія профессорамъ и студентамъ и въ обратномъ пріемѣ ихъ въ музей, готовъ на время командировки г. Соколовскаго принять на себя; а остальныя обязанности, заключающіяся наиболѣе въ письмоводствѣ и въ исполненіи разныхъ порученій по дѣламъ музея, я бы полагалъ временно возложить на какое либо частное, по моему усмотрѣнію, лицо съ вознагражденіемъ ему за этотъ трудъ отъ 8 до 10 р. въ мѣсяцъ изъ суммъ, ассигнованныхъ по штату на музей, или изъ спеціальныхъ средствъ Университета съ предоставленіемъ таковому лицу, на время отсутствія г. Соколовскаго, казенной его квартиры". Историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь просить ходатайства Совѣта Университета въ смыслѣ этого представленія профессора Ѳирсова, имъ вполнѣ раздѣляемаго. Определено: 1) О содержаніи предложенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа сообщить въ Правленіе Университета; 2) разрѣшить ординарному профессору Ѳирсову нанять частное лицо на время нахожденія въ командировкѣ кандидата Соколовскаго для занятій письмоводствомъ и исполненія разныхъ порученій по дѣламъ музея этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ съ вознагражденіемъ ему за этотъ трудъ по 10 р. въ мѣсяцъ изъ суммъ, ассигнованныхъ по штату на музей и съ предоставленіемъ такому лицу, на время отсутствія г. Соколовскаго, казенной его квартиры. О таковомъ распоря-

женіи увѣдомить Правленіе Университета и историко-филологическій факультетъ.

Ст. 12. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 30 декабря 1877 г. за № 6881, слѣдующаго содержанія: Изъ числа полученныхъ при предложеніи г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 11 ноября 1877 г. за № 12199 смѣтъ на 1878 годъ, препровождая при семъ: два экземпляра приложенія къ финансовой смѣтѣ расходовъ содержанія университетовъ, два экземпляра финансовой смѣты доходовъ и расходовъ безъ приложеній и два экземпляра смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Университета составить по Казанскому Университету свою частную смѣту о предполагаемыхъ доходахъ и расходахъ по установленной формѣ съ надлежащими очистками и объясненіями о причинахъ увеличенія или уменьшенія суммъ смѣтнаго назначенія, руководствуясь при этомъ печатнымъ экземпляромъ смѣты Министерства, и представить таковую въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія *непремѣнно къ 1 апрѣля будущаго 1878 г.*, причемъ въ расписаніяхъ на 1879 г. должны быть приведены слѣдующія свѣдѣнія: а) *по доходу казны*: по возможности точныя цифры дохода, ожидаемаго къ поступленію: по 1 ст. 1, отъ найма строеній квартиръ и другихъ оброчныхъ статей по тому же § ст. 2, отъ продажи ветхаго казеннаго движимаго имущества и вещей; по § 3 ст. 1 за содержаніе въ клиникѣ Университета больныхъ и отъ продажи лекарствъ изъ аптеки и по тому же § ст. 2, отъ выдаемыхъ дипломовъ и свидѣтельствъ и отъ другихъ мелочныхъ поступленій, *съ непремѣннымъ* показаніемъ *дѣйствительнаго* поступленія всѣхъ вышеупомянутыхъ источниковъ дохода за три года (1875, 1876, 1877) и б) *по доходу и расходу спеціальныхъ средствъ*: дѣйствительное поступленіе и расходъ суммъ по I и II отдѣламъ, за 1877 годъ. а по отд. IV о всѣхъ пожертвованныхъ капиталахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Казанскаго Университета, съ обозначеніемъ какъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ означенные капиталы заключаются, такъ и количества получаемыхъ по нимъ процентовъ и производимыхъ изъ нихъ расходовъ. Къ сему имѣю честь присовокупить, что росписанія о суммахъ, подлежащихъ передачѣ въ Государственное казначейство, а равно и слѣдующихъ къ отпуску изъ онаго въ 1878

году, будутъ доставлены въ Совѣтъ Университета, по полученіи изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а потому при требованіи суммъ на расходы по содержанію Казанскаго Университета въ 1878 году, до полученія росписаній, должно сообразоваться со смѣтными назначеніями, указанными въ приложеніи къ финансовой смѣтѣ расходовъ. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго предложенія сообщить въ Правленіе Университета, куда препроводить и смѣту па 1878 годъ.

Ст. 13. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 30 декабря 1877 г. за № 6882, слѣдующаго содержанія: Саратовская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія моего, увѣдомила меня отъ 20 декабря сего года за № 5806, что Саратовскій мѣщанинъ Александръ Шмелевъ, рожденный послѣ X ревизіи, 10 лѣтъ по приговору, данному 1 іюля 1869 г. за полученіемъ имъ званія аптекарскаго помощника, Казенною Палатою исключенъ изъ счета Саратовскихъ мѣщанъ съ начала 1878 г. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 28 ноября сего года за № 1303. Опредѣлено: Аптекарскаго ученика Александра Шмелева утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 14. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 2 января 1878 года за № 9, слѣдующаго содержанія: Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія моего и согласно ходатайству Совѣта Казанскаго Университета, отъ 10 декабря 1877 г. за № 13283, увѣдомилъ меня, что Его Сіятельствомъ сдѣлано распоряженіе о внесеніи въ проэктъ Высочайшаго приказа по Министерству Народнаго Просвѣщенія командировки лектора нѣмецкаго языка Казанскаго Университета кандидата Колмачевскаго за границу срокомъ на два года, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы, съ назначеніемъ ему, съ 1 января 1878 г., изъ суммъ Министерства, въ дополненіе къ получаемому имъ содержанію по должности лектора, добавочнаго содержанія по пяти сотъ руб. въ годъ за удержаніемъ изъ сей суммы 2% въ пенсіонный капиталъ. Приэтомъ Его Сіятельство проситъ меня предложить Совѣту Казан-

скаго Университета снабдить г. Колмачевскаго, по воспослѣдованіи Высочайшаго приказа, инструкціею о его занятіяхъ за границею, согласно Высочайшему повелѣнію, изложенному въ предложеніи Министерства отъ 1 апрѣля 1867 года за № 2482, съ доставленіемъ копіи съ оной въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія и съ предвареніемъ г. Колмачевскаго, чтобы онъ непремѣнно окончилъ свои занятія впродолженіи двухъ лѣтъ, такъ какъ командировка его ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ за тѣмъ продолжена. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Университета для надлежащаго исполненія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 24 мая 1877 года за № 515. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго предложенія увѣдомить Правленіе Университета.

Ст. 15. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 3 января 1878 года за № 22, слѣдующаго содержанія: „По поводу представленія моего г. Министру Народнаго Просвѣщенія отъ 2 декабря 1877 года за № 6501 объ учрежденіи при Казанскомъ Университетѣ дѣтской и глазной клиникъ и принимая во вниманіе, что на основаніи примѣчанія къ п. 24 § 121 Устава Университета 1863 года, клиники офталмологическая и дѣтскихъ болѣзней могутъ быть учреждены только на спеціальныя средства Университета, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 22 декабря 1877 года за № 13842, проситъ меня сообщить оному, для доклада г. Министру, на счетъ какихъ именно суммъ предполагается относить ежегодный расходъ по содержанію упомянутыхъ выше двухъ клиникъ. Вслѣдствіе сего, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета, въ дополненіе къ представленію отъ 28 ноября 1878 г. за № 1246, сообщить мнѣ, на счетъ какихъ именно суммъ предполагается относить ежегодный расходъ по содержанію учреждаемыхъ при Казанскомъ Университетѣ дѣтской и глазной клиникъ“. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго предложенія сообщить въ медицинскій факультетъ и просить оный доставить Совѣту свѣдѣніе о томъ, на счетъ какихъ суммъ предполагается относить ежегодный расходъ по содержанію при Казанскомъ Университетѣ дѣтской и глазной клиникъ.

Ст. 16. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 31 декабря 1877 года за № 6903, слѣ-

дующаго содержанія: Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія моего и согласно ходатайству Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, предложеніемъ отъ 10 сего декабря за № 13272, разрѣшилъ не засчитывать окончившему курсъ наукъ въ нынѣшнемъ году въ Казанскомъ Университетѣ съ правомъ представленія диссертаціи на степень кандидата *Бобровникову* въ полугодичный срокъ для представленія кандидатской диссертаціи тѣхъ мѣсяцевъ, которые онъ проведетъ на дѣйствительной военной службѣ, съ распространеніемъ этой льготы на всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Университетѣ съ правомъ на степень кандидата и долженствующихъ вскорѣ, по окончаніи Университетскаго курса, поступить на военную службу. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженія и руководства, вспослѣдствіе представленія отъ 22 минувшаго ноября за № 1105. Опредѣлено: Настоящее предложеніе принять къ руководству и о содержаніи онаго сообщить въ физико-математическій факультетъ и въ другіе факультеты.

Ст. 17. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 1 декабря 1877 г. за № 6476, которымъ, вслѣдствіе ходатайства Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 28 ноября за № 1205, Его Превосходительство разрѣшаетъ освободить окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ Казанскомъ Университетѣ Ивана Нарциссова отъ коллоквіума на степень кандидата, по дальности отъ Казани мѣста жительства, о чемъ и предоставляетъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. Опредѣлено: Нарциссова Ивана утвердить въ степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему дипломъ. Объ этомъ увѣдомить Правленіе Университета.

Ст. 18. Представленія факультетовъ: 1) историко-филологическаго, отъ 28 октября за № 85, которымъ доноситъ, что онъ желаетъ, чтобы на будущій 1878 годъ, выписаны были для него въ библіотеку Университета тѣ періодическія изданія, которыя поименованы въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, 2) физико-математическаго отъ 28 октября за № 96, при которомъ, представляя списокъ періодическихъ изданій, выписанныхъ для физико-математическаго факультета въ 1877 г., проситъ сдѣлать распоряженіе о выпискѣ въ 1878

г. тѣхъ же изданій съ дополненіями, означенными въ спискѣ; 3) юридическаго отъ 25 ноября за № 81, при которомъ представляетъ списокъ спеціальныхъ періодическихъ изданій, которыя желательно выписать на 1878 годъ въ главную библіотеку Университета, 4) г. ординарнаго профессора Я. С. Степанова, которымъ онъ предлагаетъ Совѣту Университета: а) за прекращеніемъ изданія журнала „Знаніе", замѣнить его журналомъ „Слово", стоившимъ для подписчиковъ 1877 г. 9 руб., и б) выписать „военный сборникъ", весьма богатый статьями по военной администраціи, исторіи, географіи и этнографіи, стоющій 7 руб. 50 коп., и 5) библіотекаря Университета I. Ѳ. Готвальда, отъ 1 октября 1877 г. за № 132, при которомъ представляетъ списокъ общихъ періодическихъ изданій, выписанныхъ для библіотеки въ 1877 году. Опредѣлено: 1.) Изъ общихъ журналовъ въ семъ году выписать: 1) С.-Петербургскія вѣдомости 17 руб., 2) Московскія вѣдомости 16 руб., 3) Русскій міръ 17 руб., 4) Новое время 17 руб., 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 13 руб. 75 коп., 6) Русскій Вѣстникъ 17 руб., 7) Отечественныя записки 17 руб., 8) Вѣстникъ Европы 17 руб., 9) Gottingische gelehrte Anzeigen. 12 руб., 10) Bibliothèque universelle et Archives 15 руб., 11) Revue des deux mondes 18 руб., 12) Notional Zeit. 17 руб., 13) Казанскій Биржевой листокъ 6 руб., 14) Дѣло 16 руб., 15) Слово 6 руб., 16) Сибирь 7 руб., 17) Указатель по дѣламъ печати 1 руб., а всего 233 руб. 75 коп. 2) Отчислить на выписку означенныхъ журналовъ и газетъ 100 руб. сереб. изъ спеціальныхъ суммъ Университета. 3) О содержаніи сихъ распоряженій увѣдомить, съ приложеніемъ списка журналовъ и газетъ на 1878 годъ, г. библіотекаря Университета, предложивъ ему выписать нынѣ же эти журналы и газеты. 4) Копію съ сего постановленія передать въ Правленіе Университата для зависящихъ распоряженій, и 5) Списки періодическихъ изданій по факультетамъ передать въ оные, присовокупивъ, что каждый факультетъ для выписки журналовъ въ 1878 году можетъ располагать суммою въ 189 руб., 68½ коп. Объ этомъ увѣдомить г. ординарнаго профессора Степанова.

Ст. 19. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 21 декабря за № 6796 слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докла-

ду г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 5 день декабря, Высочайше соизволилъ на порученіе профессору Казанской Духовной Академіи Красину и приватъ доценту Казанскаго Университета Гвоздеву чтеніе лекцій въ семъ Университетѣ по кафедрѣ Римской словесности, еще на одинъ годъ, съ производствомъ за этотъ трудъ вознагражденія по 1200 руб. въ годъ каждому изъ остатковъ отъ личнаго состава означеннаго Университета. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, вслѣдствіе представленія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 декабря 1877 г. за № 13172, имѣю честь сообщить Совѣту Казанскаго Университета къ надлежащему исполненію". Определено: О содержаніи настоящаго предложенія увѣдомить Правленіе Университета и историко-филологическій факультетъ.

Ст. 20. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 13 января за № 261 слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 1-й день января, пожаловать ордена св. Станислава 1 степени: Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: Заслуженному ординарному профессору Казанскаго Университета Андрею Бекетову, ординарному профессору того же Университета Юлію Микшевичу; и св. Равноапостольскаго Князя Владиміра третьей степени ординарному профессору упомянутаго Университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Михаилу Никольскому, въ воздаяніе отлично усердной и ревностной ихъ службы. Объ этомъ, вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 3 января за № 80, сообщая Совѣту Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженія, граматы для гг. Бекетова, Микшевича и Никольскаго съ орденскими знаками будутъ доставлены въ Совѣтъ Университета, по полученіи мною изъ капитала орденовъ". Определено: О содержаніи настоящаго предложенія увѣдомить гг. профессоровъ Бекетова, Микшевича и Никольскаго по надлежащему и Правленіе Университета, на предметъ узаконеннаго вычета изъ жалованья означенныхъ лицъ за пожалованіе имъ орденскихъ знаковъ.

Ст. 21. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 января за № 96 о томъ, что онъ разрѣшаетъ освободить дѣйствительнаго студента Павла Ерыклин-

цева отъ коллоквіума на степень кандидата, за дальностію разстоянія мѣстожительства его отъ Казани. Опредѣлено: Ерыклинцева Павла утвердить въ степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему дипломъ.

Ст. 22. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 9 января за № 110, при которомъ, вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 декабря 1877 г. за № 13979, препроводилъ въ Совѣтъ Казанскаго Университета къ исполненію копію съ отношенія къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія Военнаго Министерства отъ 14 декабря 1877 г. за № 278, Высочайшему повѣленію о выпускѣ въ 1878 г. молодыхъ врачей и ветеринаровъ изъ медицинскихъ факультетовъ и ветеринарныхъ институтовъ. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи означенной копіи г. Ректоръ Университета 11 января за № 36 сообщилъ въ медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 23. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 11 января за № 186 слѣдующаго содержанія: Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о расходѣ на вознагражденіе приватъ доцентовъ въ нѣкоторыхъ Университетахъ, мнѣніемъ положилъ: предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, изъ остатковъ отъ кредита, ассигнованнаго по § 5 ст. 1 финансовой смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія 1877 г. на содержаніе личнаго состава профессоровъ и преподавателей въ Университетахъ: С.-Петербурскомъ, Харьковскомъ, св. Владиміра и Казанскомъ, употребить шестнадцать тысячъ семьсотъ восемнадцать рублей на вознагражденіе приватъ доцентовъ въ сихъ Университетахъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) чтобы распредѣленіе вышеозначенныхъ суммъ было предоставлено ближайшему усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія; б) чтобы отпускъ денегъ изъ упомянутыхъ 16718 руб. былъ разрѣшаемъ только на вознагражденіе приватъ доцентовъ и в) чтобы деньги эти давались тѣмъ Университетамъ въ томъ только случаѣ, когда сами Университеты принимаютъ участіе въ вознагражденіи приватъ доцентовъ, по мѣрѣ возможности, изъ принадлежащихъ Университетамъ спеціальныхъ средствъ. Его Импера-

торское Величество таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 20 день декабря 1877 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Сообщая мнѣ о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 31 декабря 1877 года за № 14115, разрѣшилъ изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета (ст. 1 § 5 смѣты М. Н. Пр. 1877 г.) 1) отдѣлить 6268 руб. на вознагражденіе приватъ доцентовъ сего Университета за 3877 г., съ употребленіемъ на сей же предметъ до 1360 руб. 25 коп. изъ спеціальныхъ суммъ Университета и 2) израсходованную Университетомъ въ 1877 г. сумму на содержаніе приватъ—доцентовъ изъ спеціальныхъ средствъ онаго пополнить изъ вышеозначенныхъ 6268 р., отдѣленныхъ на вознагражденіе приватъ доцентовъ изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета. Имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Казанскаго Университета къ исполненію. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоръ Университета увѣдомилъ 13 января Правленіе Университета. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 24. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 января за № 94, которымъ онъ разрѣшаетъ окончившаго курсъ математическихъ наукъ Нечаева освободить отъ коллоквіума на степень кандидата, по случаю командированія его въ С.-Петербурскій Университетъ профессорскимъ стипендіатомъ. Опредѣлено: г. Нечаева утвердить въ степени кандидата математическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему дипломъ.

Ст. 25. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 января за № 95, которымъ онъ разрѣшилъ ввести въ правила для студентовъ Казанскаго Университета, чтобы слушаемые студентами естественнаго разряда математическіе предметы были уравнены съ главными предметами разряда, т. е., чтобы отмѣтка 3 была низшимъ балломъ для перехода студентовъ въ слѣдующіе курсы. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго предложенія сообщить въ физико-математическій факультетъ.

Ст. 26. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 января за № 97 о томъ, что Его Превосходительство увольняетъ отъ исправленія должности лаборанта фармакологической лабораторіи Казанскаго Универ-

ситета Михаила Зайцева, согласно его прошенію. Определено: 1) Объ увольненіи Михаила Зайцева отъ должности лаборанта фармакологической лабораторіи увѣдомить Правленіе Университета и медицинскій факультетъ; 2) выдать ему о службѣ его аттестатъ.

Ст. 27. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 января за № 97 о томъ, что онъ увольняетъ лаборанта технологической лабораторіи Казанскаго Университета, надворнаго совѣтника Константина Зайцева, согласно его прошенію, отъ службы, за болѣзнію. Определено: 1) Объ увольненіи г. Зайцева отъ должности лаборанта технологической лабораторіи увѣдомить Правленіе Университета и физико-математическій факультетъ и 2) выдать г. Зайцеву о службѣ его аттестатъ.

Ст. 28. Донесеніе историко-филологическаго факультета отъ 14 января за № 10 о томъ, что преподаватель исторіи римской литературы и древностей, профессоръ Казанской Духовной Академіи Красинъ и ординарный профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ вошли въ факультетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Факультетомъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ римской словесности кандидатъ С. К. Кузнецовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь, въ Казани, занятія римскою словесностію могутъ подвигаться далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ въ другихъ Университетскихъ городахъ, снабженныхъ прежде всего гораздо лучшими научными средствами. Г. Кузнецовъ, не смотря на всѣ свои усилія, едва ли будетъ въ состояніи воспользоваться предоставленнымъ ему временемъ такъ, какъ это было бы желательно и для него лично, и для самаго предмета. Поэтому мы осмѣливаемся предложить факультету ходатайствовать о командированіи г. Кузнецова или въ Петербургъ и Дерптъ съ прибавкою къ его теперешнему содержанію еще 600 р. (итого 1200 р. въ годъ), или же за границу на тѣхъ условіяхъ, на какихъ обыкновенно командируются заграничные стипендіаты. Мы увѣрены, что Министерство не откажетъ факультету въ удовлетвореніи его ходатайства въ виду особенной важности предмета и полнаго отсутствія его штатнаго представителя въ нашемъ Университетѣ. По обсужденіи сего представленія, историко-филологическій факультетъ постановилъ въ своемъ засѣданіи 11 сего января: просить

ходатайства Совѣта Университета о командированіи профессорскаго стипендіата, кандидата Кузнецова въ С. Петербургъ, на годъ, съ 15 августа сего года, съ прибавкою ему къ получаемой имъ стипендіи 400 руб. въ годъ изъ суммъ Министерства; о чемъ факультетъ имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи кандидата Кузнецова съ ученою цѣлію въ С. Петербургъ на годъ съ 15 августа 1878 года, съ прибавкою ему къ получаемой имъ профессорской стипендіи въ 600 р. еще 400 руб. изъ Министерскихъ суммъ.

Ст. 29. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 14 января сего 1878 года за № 8 о томъ, что факультетъ, назначивъ приглашенному преподавать греческій языкъ студентамъ вышеозначеннаго факультета приватъ-доценту Бергу слѣдующіе часы въ недѣлю въ первомъ курсѣ онаго, — въ среду отъ 9—10 час., въ пятницу отъ 2—3 ч. и въ субботу отъ 2—3, представляетъ объ этомъ на утвержденіе Совѣта. Опредѣлено: Настоящее представленіе историко-филологическаго факультета утвердить, о чемъ его увѣдомить.

Ст. 30. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 11 января за № 1 о томъ, что ординарный профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ вошелъ въ факультетъ съ прошеніемъ, слѣдующаго содержанія: „Въ 1878 году я бы желалъ воспользоваться вакаціоннымъ временемъ для продолженія моихъ изслѣдованій народныхъ говоровъ сѣверо-восточнаго побережья Адріатическаго моря. Съ другой стороны, я считаю весьма полезнымъ для своихъ занятій по части языковъ аріоевропейскихъ посѣтить 4-й международный съѣздъ оріенталистовъ, который соберется во Флоренціи въ сентябрѣ (нов. ст.) 1878 г. и будетъ, между прочимъ, заниматься не только спеціально санскритомъ и индійскими нарѣчіями, но тоже вообще языками аріоевропейскими (индоевропейскими). Поэтому я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ представить меня къ заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время и сверхъ того по 1-е октября 1878 года. Въ виду же, въ 1-хъ, чрезвычайно низкаго курса русскихъ кредитныхъ билетовъ, во 2-хъ значительныхъ издержекъ на путешествіе и пребываніе во Флоренціи

и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, въ 3-хъ, въ виду наконецъ того, что существуетъ обычай давать пособія не только лицамъ, командируемымъ съ ученою цѣлію, но и отправляющимся за границу для поправленія здоровья, — я осмѣливаюсь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать о пособіи для меня или изъ спеціальныхъ суммъ Университета, или же изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Размѣръ этого пособія я предоставляю опредѣлить или факультету, или Совѣту. Въ случаѣ полученія командировки и пособія я, само собою разумѣется, представлю отчетъ какъ о моихъ діалектологическихъ изслѣдованіяхъ, также точно и о 4-мъ международномъ Съѣздѣ орьенталистовъ". Историко-филологическій факультетъ, соглашаясь съ пользою научной цѣли командировки г. ординарнаго профессора Бодуэна-де-Куртенэ, ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета о командированіи его на указанный въ его прошеніи срокъ за границу, съ назначеніемъ ему пособія отъ 300 руб. до 400 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета. Въ томъ же засѣданіи произведено было баллотированіе на выдачу профессору Бодуэнъ де-Куртенэ въ пособіе 350 р. изъ спеціальныхъ суммъ Университета. По баллотированію оказалось: выдать 21, не выдавать 9. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи г. ординарнаго профессора Бодуэнъ-де-Куртенэ съ ученою цѣлію за границу, на лѣтнее вакаціонное время, по 1-е октября 1878 года, 2) въ случаѣ разрѣшенія настоящаго ходатайства, просить Правленіе Университета выдать ему въ пособіе 350 руб. изъ спеціальныхъ суммъ Университета.

Ст. 31. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 14 января за № 5, въ которомъ увѣдомляетъ Совѣтъ Университета, что на время командировки лектора нѣмецкаго языка Колмачевскаго, лекціи по нѣмецкому языку будетъ читать ординарный профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ, согласно выраженному имъ на то согласію при самомъ представленіи г. Колмачевскаго къ командировкѣ. Опредѣлено: Увѣдомить историко-филологическій факультетъ, что Совѣтъ согласенъ на время командировки лектора Колмачевскаго поручить чтеніе лекцій по нѣмецкому языку ординарному профессору Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Ст. 32. Представленіе юридическаго факультета отъ 13 января за № 2, въ которомъ факультетъ, вслѣдствіе настоятельной необходимости чтенія лекцій студентамъ IV курса юридическаго факультета по вакантной каѳедрѣ церковнаго законовѣдѣнія, проситъ Совѣтъ Университета ходатайствовать о порученіи на второе полугодіе $187^7/_8$ учебнаго года преподаванія каноническаго права ординарному профессору исторіи русскаго права С. М. Шпилевскому, съ вознагражденіемъ его за это преподаваніе въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по должности ординарнаго профессора, то есть, изъ 1200 р. годовыхъ. Приэтомъ факультетъ донесъ Совѣту Университета, что онъ счелъ нужнымъ, во избѣжаніе потери времени, просить г. профессора Шпилевскаго немедленно приступить къ преподаванію каноническаго права студентамъ, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. Опредѣлено: Просить разрѣшенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа на порученіе ординарному профессору Шпилевскому чтенія лекцій студентамъ 4 курса юридическаго факультета по вакантной каѳедрѣ церковнаго законовѣдѣнія на срокъ и на условіяхъ, изложенныхъ въ представленіи факультета.

Ст. 33. Представленіе юридическаго факультета отъ 14 января за № 3, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе представленія юридическаго факультета въ началѣ текущаго $187^7/_8$ учебнаго года, Совѣтъ Университета ходатайствовалъ о порученіи съ 1-го января 1878 г. по 1-е января 1879 г. ординарному профессору Нелидову преподаванія по вакантной каѳедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ. На основаніи этого, Высочайше разрѣшено было поручить профессору Нелидову преподаваніе исторіи иностранныхъ законодательствъ на $187^7/_8$ учебный годъ. Потому нынѣ юридическій факультетъ честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета, возобновить, согласно съ предшествовавшимъ представленіемъ, ходатайство о порученіи ординарному профессору Н. К. Нелидову преподаванія по каѳедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ въ теченіе перваго полугодія $187^8/_9$ учебнаго года, то есть, по 1-е января 1879 г., съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по должности ординарнаго профессора, по разсчету изъ 1200 р. въ годъ. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ

Народнаго Просвѣщенія о порученіи ординарному профессору Нелидову преподаванія по вакантной каѳедрѣ иностранныхъ законодательствъ на срокъ и на условіяхъ, изложенныхъ въ представленіи факультета.

Ст. 34. Донесеніе юридическаго факультета 13 января № 1, о томъ, что ординарный профессоръ Я. С. Степановъ обратился въ факультетъ съ представленіемъ, въ которомъ проситъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о возобновленіи практиковавшейся въ 1865 и 1866 годахъ библіотекою Университета, мѣры, заключавшейся въ печатаніи алфавитной росписи всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ библіотеку въ непосредственно предшествовавшемъ году. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. профессоръ Степановъ предлагаетъ установить, чтобы, вслѣдъ за напечатаніемъ алфавитной росписи, была составляема и издаваема систематическая роспись книгъ и періодическихъ изданій, полученныхъ библіотекой въ предшествовавшемъ году, для чего слѣдовало бы, по мнѣнію г. Степанова, въ началѣ каждаго года, назначать по одному изъ членовъ отъ каждаго факультета. Признавая вполнѣ полезность предлагаемой ординарнымъ профессоромъ Степановымъ мѣры, могущей притомъ значительно содѣйствовать составленію полнаго систематическаго каталога библіотеки, юридическій факультетъ проситъ Совѣтъ Университета о приведеніи означенной мѣры въ исполненіе. Опредѣлено: Настоящее ходатайство юридическаго факультета разрѣшить, о чемъ дать библіотекарю къ исполненію, предписавъ ему составить и напечатать къ 1-му апрѣля сего года алфавитный каталогъ какъ за истекшій 1877 годъ, такъ и впредь составлять къ означенному сроку таковые же каталоги. Увѣдомивъ о семъ факультетъ, просить назначить по одному изъ членовъ для составленія систематическаго каталога, о чемъ также дать знать библіотекарю. О семъ постановленіи увѣдомить Правленіе Университета и г. редактора.

Ст. 35. Письмо г. секретаря Казанской Судебной Палаты Константина Булича, переданное въ Совѣтъ г. Ректоромъ Университета, при которомъ, по порученію Сенатора тайнаго совѣтника Ивана Николаевича Орлова, онъ препроводилъ принесенный имъ въ даръ Императорскому Казанскому Университету довольно рѣдкій экземпляръ „Pharsalia“ Лукана, изданія первой четверти XVI вѣка, съ коммента-

ріями. Опредѣлено: Благодарить тайнаго совѣтника Орлова за сдѣланное имъ пожертвованіе Университету, а самую книгу передать въ библіотеку.

Ст. 36. Докладъ о томъ, что изъ суммы, назначенной по ст. 3. § 5 смѣты М. Н. П. въ количествѣ 40217 руб. на стипендіи и пособіе студентамъ, слѣдуетъ перечислить въ ст. 2. того же §, 1160 руб. на слѣдующіе расходы: 1) напечатаніе дипломовъ казеннокоштнымъ студентамъ 300 руб., 2) на студенческую библіотеку 560 руб. и на содержаніе писца при этой библіотекѣ 300 р. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, о перечисленіи изъ ст. 3 § 5 смѣты М. Н. П. въ ст. 2 тогоже § суммы въ количествѣ 1160 р. на вышесказанные предметы.

Ст. 37. Докладъ о томъ, что настоящіе приватъ-доценты Университета, а именно: Смирновъ, Сорокинъ, Васильевъ, Загоскинъ, Котовщиковъ, Шимановскій, Снегиревъ и Соловьевъ впредь до отпуска на содержаніе ихъ суммъ изъ остатковъ личнаго состава, остаются безъ всякаго вознагражденія. Опредѣлено: Просить Правленіе Университета, по примѣру прежнихъ лѣтъ, гг. приватъ-доцентамъ Казанскаго Университета получаемое ими вознагражденіе первымъ 1200 руб. въ годъ, а послѣднимъ по 1000 руб. въ годъ каждому выдавать изъ спеціальныхъ средствъ впредь до отпуска потребныхъ для сего суммъ изъ остатковъ отъ личнаго состава.

Ст. 38. Прошеніе англичанина Джемса Фредерика Ходжетса, поданное г. Ректору и переданное Его Превосходительствомъ въ Совѣтъ Университета, слѣдующаго содержанія: „Желая занять должность лектора англійскаго языка въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить меня Совѣту Университета кандидатомъ на означенную должность. Приэтомъ имѣю честь представить свидѣтельства и удостовѣренія о моихъ прежнихъ занятіяхъ въ Германіи и въ Россіи, равно какъ написанныя мною сочиненія". Опредѣлено: Прошеніе Ходжетса съ приложеніями передать въ историко-филологическій факультетъ.

Въ засѣданіи не присутствовали: а) по нахожденію въ командировкѣ г. э. о. п. Левшинъ; б) въ отпуску: о. п. Ковалевскій; в) по болѣз-

ни: гг. о. п. Буличъ, Зефировъ, Микшевичъ и Зедерштедтъ и г) по обязанности присяжнаго засѣдателя о. п. Баронъ Розенъ.

18 Февраля.

Слушали:

Ст. 1. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 31 октября 1877 года за № 5820, въ которомъ, вслѣдствіе предложенія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 20 того же октября за № 11441, Его Превосходительство сообщилъ Совѣту Университета, для исполненія, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, Высочайше соизволилъ на порученіе ординарному профессору Казанскаго Университета Нелидову чтенія лекцій въ 187⁷/₈ учебномъ году по вакантной каѳедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ, съ вознагражденіемъ его за этотъ сторонній трудъ половиннымъ окладомъ получаемаго имъ жалованья. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 4 ноября 1877 года за № 5820, г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и юридическій факультетъ за № 1078. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 2. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 9 ноября 1877 года за № 5950, въ которомъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 4 ноября за № 1060 сообщилъ, что Его Превосходительство разрѣшаетъ допустить студента 4 курса физико-математическаго факультета Фармаковскаго къ временному исправленію обязанностей хранителя физическаго кабинета Казанскаго Университета, съ выдачею ему за сей трудъ вознагражденія, въ видѣ платы по двадцати рублей въ мѣсяцъ, съ 9 сентября 1877 года изъ штатныхъ суммъ, положенныхъ на хранителей музеевъ; о чемъ и предоставилъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 28 ноября за №№ 1215 и 1216, г. Ректоръ увѣдомилъ

Правленіе Университета и физико-математическій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 3. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 11 ноября 1877 года за № 6044, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, вслѣдствіе представленія его отъ 4 ноября за № 1062, что Его Превосходительство утверждаетъ ординарнаго профессора Нелидова Секретаремъ юридическаго факультета Казанскаго Университета, на три года, съ 27-го сентября 1877 года. Приэтомъ присовокупилъ, что о такомъ утвержденіи г. Нелидова будетъ отдано въ приказѣ по округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 15 ноября 1877 года за №№ 1100 и 1101 г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и юридическій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 4. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 24 ноября за № 6264 слѣдующаго содержанія: „Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министра о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерскаго званія, за сверхсрочную службу, и соглашаясь въ существѣ съ изложеннымъ въ ономъ заключеніемъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го марта 1877 года, между прочимъ, положилъ: 1) Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить слѣдующія правила: А. Относительно предоставленія сверхсрочно - служившимъ унтеръофицерамъ должностей, замѣщаемыхъ по найму. Унтеръофицеры, пробывшіе на сверхсрочной дѣйствительной службѣ въ войскахъ не менѣе пяти лѣтъ и снабженные, при увольненіи отъ оной, рекомендательными свидѣтельствами (ст. 13 Высочайше утвержденнаго 31 августа 1874 года положенія о сверхсрочныхъ нижнихъ чинахъ) имѣютъ преимущественное предъ другими лицами право на занятіе въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ замѣщаемыхъ по вольному найму должностей, на основаніи особыхъ правилъ, которыя установляются по соглашенію Военнаго Министра съ подлежащими Министрами и главными начальствами. Эти правила должны содержать въ себѣ: росписаніе тѣхъ по каждому учрежденію должностей, преимущественное право на занятіе которыхъ предоставляется сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ; требуемыя для занятія каждой должности условія, порядокъ

зачисленія въ кандидаты на должности и замѣщенія открывающихся вакансій. Издаваемыя на семъ основаніи правила публикуются во всеобщее свѣдѣніе. II. Предоставить Военному Министру образовать при ввѣренномъ ему Министерствѣ Коммиссію изъ членовъ отъ всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, для предварительнаго соображенія проекта правилъ о порядкѣ опредѣленія сверх-срочно служившихъ унтеръ-офицеровъ въ должности, замѣщаемыя по найму. Образованная на основаніи Высочайшаго повелѣнія при Военномъ Министерствѣ Особая Коммиссія, приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія и находя, что собранныя Военнымъ Министерствомъ въ 1872 году свѣдѣнія о должностяхъ, могущихъ быть предоставленными сверхсрочно служившимъ унтеръ-офицерамъ, по своей неполнотѣ, не могутъ быть признаны достаточными для составленія росписанія, которое подлежитъ объявленію при правилахъ, публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе, признала необходимымъ просить Министерства и Главныя Управленія доставить по всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ учрежденіямъ необходимыя данныя, по составленной Коммиссіею формѣ. Вслѣдствіе предложенія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, отъ 1-го іюля сего года за № 7878, препровождая присемъ форму вѣдомости, по которой должны быть доставлены названной выше коммиссіи свѣдѣнія по учрежденіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, покорнѣйше прошу Совѣтъ Казанскаго Университета сообщить мнѣ, въ скорѣйшемъ времени, свѣдѣнія по этой формѣ по Казанскому Университету. Опредѣлено: Просить Правленіе Университета немедленно доставить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа требуемыя имъ свѣдѣнія.

Ст. 5. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 29 ноября за № 6346, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, что г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія его о назначеніи заслуженному ординарному профессору Казанскаго Университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Бекетову прибавки пятой доли къ получаемой имъ на службѣ пенсіи, предложеніемъ отъ 11 ноября за № 12161 увѣдомилъ, что такъ какъ изъ формулярнаго списка о службѣ г. Бекетова оказалось, что всей службы его было: по медицинской части — 3 года 11 мѣсяцевъ и 27 дней, и по учебному вѣ-

домству Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ 24 декабря 1848 г. по настоящее время, около 29 лѣтъ, то нынѣ не представляется возможности назначить г. Бекетову прибавку пятой доли къ получаемой имъ на службѣ пенсіи за невыслугою имъ, требуемыхъ 493 ст. пенс. уст., всѣхъ 30 лѣтъ собственно по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія. Опредѣлено: О содержаніи сего предложенія увѣдомить г. заслуженнаго ординарнаго профессора Бекетова.

Ст. 6. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 ноября за № 6178, въ которомъ для надлежащаго распоряженія сообщилъ Совѣту Университета, что г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра, вслѣдствіе представленія его, предложеніемъ отъ 4 ноября за № 11966 назначилъ вдовѣ умершаго на службѣ, бывшаго лектора англійскаго языка Императорскаго Казанскаго Университета, статскаго совѣтника Бересфорда, Любови Бересфордъ, за 25 лѣтнюю службу Бересфорда, на основаніи Св. зак. (изд. 1857 г.) т. III уст. о пенс. и един. пос. ст. 468 п. 2 и ст. 490 примѣч. 2 п. 1 по продолж. 1868 г. и ст. 100, 101, 512 и 514 въ пенсію половинный окладъ жалованья въ 1800 р. ассигн., а на серебро 514 руб. 60 к., двѣсти пятьдесятъ семь руб. тридцать коп. въ годъ, положеннаго лекторамъ Казанскаго Университета по штатамъ Университетовъ 26 іюля 1835 года, съ производствомъ изъ Казанскаго губернскаго казначейства, со дня смерти Бересфорда, 29 іюня 1877 года. О производствѣ этой пенсіи Его Сіятельство отнесся къ г. Министру Финансовъ. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ 29 ноября за № 1254 увѣдомилъ г-жу Бересфордъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 7. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 1 декабря за № 6477, въ которомъ, для надлежащаго распоряженія, сообщилъ Совѣту Университета, вслѣдствіе представленія его отъ 28 ноября за № 1201, что Его Превосходительство увольняетъ ординаторовъ клиникъ Казанскаго Университета хирургической госпитальной Падарина и акушерской Котовщикова отъ службы, за выслугою срока, съ 22 октября 1877 года, и разрѣшаетъ временно допустить Котовщикова къ исправленію должности ордина-

тора акушерской клиники съ производствомъ ему, съ 22 минувшаго октября, присвоеннаго должности ординатора содержанія, въ видѣ платы. Приэтомъ присовокупилъ, что объ увольненіи ординатора Падарина и Котовщикова будетъ отдано въ Приказѣ по Округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 8 декабря 1877 г. за №№ 1266 и 1267 г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 8. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 1 декабря за № 6479, въ которомъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 28 ноября за № 1204, сообщилъ, что Его Превосходительство разрѣшаетъ допустить студента 3 курса медицинскаго факультета Василія Разумовскаго къ исправленію обязанностей лаборанта при каѳедрѣ физіологической химіи Казанскаго Университета, съ 1-го сентября сего года по 1-е іюня 1878 года, съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія, въ видѣ платы, по тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ изъ оклада, должности лаборанта присвоеннаго, о чемъ и предоставилъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 8 декабря 1877 г. за №№ 1268 и 1269, г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 9. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 3 декабря 1877 года за № 6509, въ которомъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 30 ноября за № 1257, для надлежащаго распоряженія, сообщилъ, что Его Превосходительство утверждаетъ сверхштатнаго ординатора факультетской хирургической клиники Казанскаго Университета, лѣкаря Дмитрія Соловьева, штатнымъ ординаторомъ этой клиники, согласно избранію Совѣта Университета, съ 29 октября 1877 года. При чемъ присовокупилъ, что о такомъ утвержденіи Соловьева будетъ отдано въ Приказѣ по Округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 7 декабря за №№ 1263 и 1264 г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 10. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 9 декабря 1877 года за № 6618, въ которомъ, для надлежащаго распоряженія, сообщилъ Совѣту Университета, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія его, предложеніемъ отъ 26 ноября за № 12808, увѣдомилъ его, въ дополненіе къ телеграммѣ г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 28 октября, что дозволенный ординарному профессору Казанскаго Университета, статскому совѣтнику Ковалевскому заграничный отпускъ на четыре мѣсяца, Высочайшимъ Приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 11 ноября 1877 года за № 9, продолженъ г. Ковалевскому, по болѣзни, по 15 августа 1878 г. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 13 декабря за №№ 1277 и 1278, г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 11. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 декабря за № 6744, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, что г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, согласно ходатайству Совѣта Московскаго Университета, представилъ на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣленіе Совѣта означеннаго Университета о томъ, чтобы при перемѣщеніи студентовъ другихъ Университетовъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, въ Московскій Университетъ, предварительно отъ тѣхъ Университетовъ требовать свѣдѣній, изъ какихъ предметовъ и съ какимъ успѣхомъ тѣ студенты подвергались повѣрочному испытанію, и за тѣмъ тѣхъ изъ нихъ, которые не держали повѣрочнаго испытанія по какому либо изъ предметовъ, обязательныхъ для повѣрочнаго испытанія, воспитанниковъ семинаріи подвергать такому изъ тѣхъ предметовъ въ Московскомъ Университетѣ и зачислять выдержавшихъ испытаніе на томъ или другомъ факультетѣ, соображаясь съ требованіями, установившимися въ Университетѣ. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, соглашаясь, съ своей стороны, вполнѣ съ означеннымъ опредѣленіемъ Совѣта Московскаго Университета и находя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезнымъ распространить ту мѣру и на студентовъ другихъ Университетовъ, полу-

чившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, предложеніемъ отъ 19 минувшаго ноября за № 12531, проситъ Его Превосходительство предложить представленіе Попечителя Московскаго Учебнаго Округа по сему предмету на обсужденіе Совѣта Казанскаго Университета и о мнѣніи его увѣдомить Его Сіятельство. Препроводивъ при этомъ въ копіи вышеупомянутое предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 октября 1877 г. за № 5973, проситъ Совѣтъ Казанскаго Университета, по обсужденіи онаго, сообщить Его Превосходительству свое мнѣніе, съ возвращеніемъ копіи. Вышеозначенная же копія предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа слѣдующаго содержанія: „Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета, отъ 27 минувшаго сентября за № 1341, вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „По опредѣленію Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоявшемуся 17 января 1873 г., и по установившемуся въ Московскомъ Университетѣ правилу, воспитанники духовныхъ семинарій, желающіе по окончаніи курса поступить въ Университетъ, обязаны подвергаться повѣрочному испытанію изъ двухъ древнихъ языковъ, изъ русскаго языка и математики и зачисляются въ число студентовъ при такихъ условіяхъ: во 1-хъ, чтобы они имѣли удовлетворительную отмѣтку изъ русскаго языка, во 2-хъ, чтобы въ общемъ выводѣ имѣли баллъ не менѣе 3, и въ 3-хъ, чтобы желающіе поступить на историко-филологическій факультетъ имѣли, кромѣ того, удовлетворительныя отмѣтки изъ древнихъ языковъ, а желающіе поступить на математическій факультетъ —удовлетворительную отмѣтку изъ математики; между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ Университетахъ воспитанники духовныхъ семинарій вовсе не подвергаются повѣрочному испытанію изъ математики, въ другихъ же отъ нихъ не требуется испытанія изъ обоихъ древнихъ языковъ, если поступаютъ не на филологическій факультетъ и проч. Отъ этого происходитъ то, что тѣ изъ воспитанниковъ семинарій, которые чувствуютъ себя слабыми въ какомъ либо предметѣ, подаютъ прошенія о принятіи въ студенты въ тотъ Университетъ, въ которомъ знанія ихъ изъ того предмета не будутъ контролироваться, и затѣмъ, по сдачѣ экзамена, тотчасъ же заявляютъ желаніе перейти въ Московскій Университетъ, избирая, по своему усмотрѣнію, тотъ или другой факуль-

тетъ. Это даетъ возможность воспитанникамъ духовныхъ семинарій намѣренно обходить требованія Московскаго Университета и приноситъ вредъ самому дѣлу, такъ какъ большею частію, какъ видно изъ поданныхъ въ текущемъ мѣсяцѣ прошеній подобнаго рода лицъ, они заявляютъ желаніе поступить въ Московскій Университетъ не на тотъ факультетъ, въ который были приняты по повѣрочному испытанію, напримѣръ, воспитанникъ семинаріи, получившій на повѣрочномъ испытаніи 2 изъ латинскаго языка и принятый въ другомъ Университетѣ на математическій или юридическій факультетъ, заявляетъ требованіе быть принятымъ на историко - филологическій факультетъ въ Московскомъ Университетѣ, или воспитанникъ семинаріи, вовсе не подвергавшійся повѣрочному испытанію изъ математики, принятый на юридическій факультетъ, переходитъ въ студенты Московскаго Университета по математическому факультету. Между тѣмъ, воспитанникъ семинаріи, условно принятый въ извѣстный факультетъ Московскаго Университета, въ случаѣ желанія перейти на тотъ факультетъ, по главному предмету котораго онъ получилъ неудовлетворительную отмѣтку, обязанъ былъ бы подвергнуться дополнительному повѣрочному испытанію изъ такого предмета, а потому Совѣтъ Университета нашелъ справедливымъ, чтобы подобное требованіе было примѣнено къ воспитанникамъ семинарій, переходящимъ изъ другихъ Университетовъ и находящимся въ подобныхъ условіяхъ, и опредѣлилъ: при перемѣщеніи студентовъ другихъ Университетовъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, въ Московскій Университетъ, предварительно требовать отъ тѣхъ Университетовъ свѣдѣній, изъ какихъ предметовъ и съ какимъ успѣхомъ тѣ студенты подвергались повѣрочному испытанію, и затѣмъ тѣхъ изъ нихъ, которые не держали повѣрочнаго испытанія по какому либо изъ предметовъ, обязательныхъ для повѣрочнаго испытанія воспитанниковъ семинарій, подвергать таковому изъ тѣхъ предметовъ въ Московскомъ Университетѣ и зачислять выдержавшихъ испытаніе на тотъ или другой факультетъ, соображаясь съ требованіями, установившимися въ Университетѣ. Донося объ этомъ, Совѣтъ Московскаго Университета проситъ меня объ утвержденіи изложеннаго его опредѣленія для внесенія онаго въ Университетскія правила. Объ этомъ имѣю честь представить на благоусмотрѣ-

ніе и разрѣшеніе Вашего Сіятельства, присовокупляя, что я, съ своей стороны, вполнѣ согласенъ съ опредѣленіемъ Совѣта Московскаго Университета, такъ какъ переходъ изъ другихъ Университетовъ въ Московскій Университетъ студентовъ — бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, при изложенныхъ условіяхъ, въ сущности составляетъ нарушеніе устава гимназій и распоряженій Министерства и крайне вредитъ дѣлу". Справка: Согласно постановленію Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, сообщеннаго выпискою изъ журнала Совѣта М. Н. П. отъ 17 января 1873 г. за № 53, воспитанники духовныхъ семинарій, окончившіе въ нихъ полный или общеобразовательный курсъ, при поступленіи въ Университетъ на всякій факультетъ, подвергаются въ Университетѣ повѣрочному испытанію въ обоихъ древнихъ и русскомъ языкахъ и математикѣ и кромѣ того, согласно постановленію Совѣта Казанскаго Университета отъ 18 августа 1873 г., поступающіе на историко-филологическій факультетъ подвергаются испытанію по всеобщей и русской исторіи, на физико-математическій — физикѣ и географіи, на юридическій — по всеобщей и русской исторіи и на медицинскій факультетъ — физикѣ. Опредѣлено: О содержаніи справки донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, причемъ возвратить Его Превосходительству присланныя въ Совѣтъ Университета приложенія.

Ст. 12. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 22 декабря 1877 года за № 6806, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, что вслѣдствіе представленія его отъ 15 декабря за № 1281 и по неимѣнію препятствія со стороны г. Казанскаго губернатора, Его Превосходительство разрѣшаетъ экстраординарному профессору Сорокину прочесть 22 декабря въ актовомъ залѣ Университета одну публичную лекцію въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ на тему: „какое значеніе имѣютъ запахъ и окраска цвѣтовъ въ жизни растеній". При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 23 декабря за № 1287, г. Ректоръ увѣдомилъ г. экстраординарнаго профессора Сорокина. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 13. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 8 ноября 1877 года за № 5937, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣй-

шему докладу г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго Университета, изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, отказаннаго по духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александры Грумъ-Гржимайло одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „Грумовскою." О такомъ Высочайшемъ повѣленіи, доведенномъ г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Товарищемъ Министра, до свѣдѣнія Правительствующаго Сената и сообщённомъ г. Душеприкащику по завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грумъ-Гржимайло, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства отъ 21 минувшаго октября за № 11475, имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета и препроводить утвержденныя Его Сіятельствомъ 21 октября 1877 года правила объ этой стипендіи къ надлежащему исполненію, присовокупляя, что Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія сдѣлано надлежащее распоряженіе о переводѣ означеннаго капитала въ Правленіе Казанскаго Университета. Въ правилахъ изложено слѣдующее: 1) Согласно духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александры Захаровны Грумъ-Гржимайло, въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ по словесному, или какъ онъ нынѣ носитъ названіе, историко-филологическому факультету учреждается стипендія изъ процентовъ съ капитала въ 5000 руб., заключающагося въ 5% билетахъ Государственнаго банка. 2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 октября 1877 г. именуется Грумовской. 3) Назначаетъ на эту стипендію и смѣщаетъ съ оной, съ утвержденія Совѣта Казанскаго Университета, историко-филологическій факультетъ сего Университета, руководствуясь въ этомъ случаѣ правилами, постановленными относительно стипендій Министерства Народнаго Просвѣщенія. 4) Полученіе Грумовской стипендіи не влечетъ за собою обязательной какой либо службы для получающаго ее студента по окончаніи имъ курса наукъ въ историко-филологическомъ факультетѣ или по оставленіи имъ факультета до окончанія въ немъ полнаго курса. 5) Если въ теченіе какого либо времени Грумовскою стипендіею никто изъ студентовъ историко-филологическаго факультета не будетъ пользоваться, то имѣющія

вслѣдствіе того оставшіяся свободными деньги присоединяются къ основному стипендіальному капиталу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія и правилъ г. Ректоромъ Университета сообщено Правленію Университета 27 и 30 января за №№ 118 и 151 съ препровожденіемъ въ оное копіи съ правилъ, и увѣдомленъ историко-филологическій факультетъ. Опредѣлено: Записать объ этомъ въ протоколъ.

Ст. 14. Предложеніе г. Управлявшаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ, 27 января 1878 г. за № 523, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе засвидѣтельствованія Предсѣдателя бывшей коммиссіи по пересмотру общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 1863 года дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Дѣлянова, о трудахъ членовъ сей коммиссіи, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, въ 30 день истекшаго декабря, объявить Ректору Императорскаго Казанскаго Университета, тайному совѣтнику Осокину, и ординарному профессору сего Университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Кремлеву, въ числѣ другихъ членовъ коммиссіи, Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе, за труды ихъ по пересмотру означеннаго устава. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14 сего января за № 629, сообщая мнѣ объ этомъ для объявленія г. Ректору Императорскаго Казанскаго Университета тайному совѣтнику Осокину и ординарному профессору сего Университета дѣйствительному статскому совѣтнику Кремлеву, присовокупилъ, что вышеприведенное Монаршее благоволеніе внесено въ Высочайшій приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 30 декабря 1877 года за № 11. О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить Совѣту Казанскаго Университета для надлежащаго исполненія. Опредѣлено: Показать объ этомъ въ формулярныхъ о службѣ гг. Осокина и Кремлева спискахъ.

Ст. 15. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 25 января 1878 г. за № 22, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе предложенія г. Ректора Университета отъ 23 декабря 1877 г. за № 1469, лѣкарь Иванъ Дамперовъ былъ подвергнутъ медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе оператора и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удо-

стоенъ 11 января 1878 года означеннаго званія, о чемъ медицинскій факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе. Опредѣлено: Лѣкаря Ивана Дамперова утвердить въ званіи оператора, въ чемъ и выдать ему дипломъ.

Ст. 16. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 25 января 1878 года за № 23, слѣдующаго содержанія: Медицинскій факультетъ, назначивъ на соисканіе наградъ студентами сего факультета въ 187⁷/₈ акад. году слѣдующія темы: 1) по физіологической химіи „О количествѣ основаній и кислотъ, преимущественно неорганическихъ, выводимыхъ мочею человѣка и нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ при физіологическихъ условіяхъ“ и 2) по гистологіи: „Корни лимфатической системы и отношенія ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ первовъ“, имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Университета объ утвержденіи ихъ. Опредѣлено: Предложенныя медицинскимъ факультетомъ темы утвердить и объявить о семъ студентамъ.

Ст. 17. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 25 января 1878 года за № 24, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе предложенія г. Ректора Университета отъ 19 декабря 1877 года за № 1462, лѣкарь М. А. Падаринъ былъ подвергнутъ медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе уѣзднаго врача и оператора и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ 11 января 1878 года означенныхъ званій, о чемъ медицинскій факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе. Опредѣлено: Лѣкаря Падарина утвердить въ званіи уѣзднаго врача и оператора, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 18. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 8 февраля 1878 г. за № 43, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе предложенія г. Ректора Университета отъ 26 января сего 1878 года за № 22, аптекарскій помощникъ Ѳедоръ Чамовъ былъ подвергнутъ медицинскимъ факультетомъ испытанію на степень провизора, и по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ этой степени; о чемъ факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета. Опредѣлено: Ѳедора Чамова утвердить въ степени провизора, въ чемъ и выдать ему дипломъ.

Ст. 19. Отношеніе Казанской Городской Управы, отъ 27 января 1878 года за № 780, слѣдующаго содержанія: Городская Управа имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Университета, что профессоръ Университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Ерастъ Петровичъ Янишевскій, за службу въ должности городскаго головы получилъ слѣдующія награды (По Всеподданѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Государемъ Императоромъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники 14 іюня 1873 года): за труды по выполненію перваго призыва на основаніи новаго устава о военной повинности, по Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 26 день ноября 1875 года, Всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Владиміра 3 степени, и получилъ Высочайшую Его Императорскаго Величества Государя Императора благодарность, выраженную въ милостивомъ рескриптѣ, данномъ на имя г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по случаю усиленной дѣятельности по призыву запасныхъ нижнихъ чиновъ и поставки отъ населенія лошадей 6 мая 1877 года. Опредѣлено: Показать объ этомъ въ формулярномъ о службѣ г. Янишевскаго спискѣ.

Ст. 20. Прошеніе кончившей курсъ повивальнаго искусства Елизаветы Пуговишниковой слѣдующаго содержанія: „Кончивши курсъ наукъ повивальнаго искусства въ 1875 г., я не утверждена до сего времени Совѣтомъ Университета въ званіи повивальной бабки, за непредставленіемъ мною метрическаго свидѣтельства о рожденіи моемъ, а потому, представляя при семъ метрическое свидѣтельство, выданное мнѣ изъ Казанской Духовной Консисторіи 18 января текущаго года за № 114, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ объ утвержденіи меня въ званіи повивальной бабки и выдачѣ мнѣ въ томъ установленнаго свидѣтельства съ надлежащими документами“. Справка: Пуговишникова, какъ видно изъ представленнаго медицинскимъ факультетомъ отъ 12 мая 1875 г. № 229 списка, выдержала испытаніе на званіе повивальной бабки удовлетворительно; но не была утверждена въ этомъ званіи Совѣтомъ Университета по непредоставленію ею метрическаго о рожденіи свидѣтельства. Опредѣлено: Пуговишникову Елизавету утвердить въ званіи повивальной бабки, въ чемъ и выдать ей свидѣтельство.

Ст. 21. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 7 февраля 1878 года за № 41, слѣдующаго содержанія: На выписку изъ протокола засѣданія Совѣта Университета, состоявшагося 14 минувшаго января, о доставленіи Совѣту свѣдѣнія о томъ, на счетъ какихъ суммъ предназначается относить ежегодный расходъ по содержанію предположенныхъ къ учрежденію при Казанскомъ Университетѣ глазной и дѣтской клиникъ, медицинскій факультетъ имѣетъ честь донести Совѣту слѣдующее: 29 мая 1877 г. медицинскій факультетъ получилъ выписку изъ протокола засѣданія Совѣта, состоявшагося, 26 того же мая, слѣдующаго содержанія: „слушали предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 24 мая текущаго года за № 2920 слѣдующаго содержанія: По важности для Университетовъ, а въ особенности для медицинскихъ факультетовъ, учебно-вспомогательныхъ учрежденій вообще, коммиссія, Высочайше учрежденная для разсмотрѣнія всеподданѣйшаго отчета г. Министра Народнаго Просвѣщенія по сему Министерству за 1875 годъ признала весьма полезнымъ, чтобы въ будущихъ отчетахъ Министерства были приводимы сравнительныя свѣдѣнія по всѣмъ Университетамъ: въ какой мѣрѣ обезпечено въ нихъ успѣшное преподаваніе медицинскихъ предметовъ учрежденіемъ при Университетахъ какъ факультетскихъ, такъ и главнымъ образомъ госпитальныхъ клиникъ; такъ какъ только при существованіи этихъ послѣднихъ Университеты могутъ выпускать дѣйствительно свѣдущихъ врачей, въ которыхъ ощущается повсемѣстный недостатокъ. На журналѣ коммиссіи, противъ означенной статьи, Государю Императору благоугодно было собственноручно написать: „принять къ руководству“. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ 14 сего мая за № 5900 сообщая мнѣ для предложенія Совѣту Казанскаго Университета къ исполненію, начиная съ отчета за 1877 г. присовокупилъ, что вышеозначенныя свѣдѣнія за 1876 г. весьма желательно было бы получить нынѣ же, въ дополненіе къ составленнымъ уже отчетамъ за тотъ годъ, въ возможно непродолжительномъ времени. Имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ немедленному исполненію. Опредѣлено: О содержаніи сего предложенія сообщить медицинскому факультету, прося его по содержанію сего предложенія доставить свое заключеніе и, по по-

лученіи свѣдѣній, донести г. Попечителю Округа. По выслушаніи сего, члены медицинскаго факультета, вполнѣ сознавая всю важность и необходимость практическаго образованія врачей въ клиникахъ, и въ тоже время чувствуя крайній недостатокъ въ этомъ отношеніи по причинѣ отсутствія при Казанскомъ Университетѣ глазной и дѣтской клиникъ, а равно и на основаніи заявленій гг. профессора Адамюка и доцента Толмачева, изложенныхъ въ донесеніи факультета Совѣту отъ 19 октября 1877 г. за № 347, выразили свое мнѣніе единогласно о необходимости учрежденія вышеупомянутыхъ клиникъ. Что же касается до суммъ, потребныхъ на ихъ учрежденіе и содержаніе, то, хотя въ примѣчаніи къ п. 24 § 121 Устава Университетовъ 1863 г. и указано на спеціальныя средства Университета, изъ которыхъ только и можетъ производиться этотъ расходъ, но, имѣя въ виду крайне ограниченную величину этихъ суммъ въ Казанскомъ Университетѣ, медицинскій факультетъ натурально не могъ на нихъ разсчитывать, а выразилъ лишь свое мнѣніе о необходимости существованія вышеупомянутыхъ клиникъ не болѣе, какъ въ отвѣтъ на вышеупомянутую выписку изъ протокола засѣданія Совѣта, состоявшагося 26 мая 1877 года. Опредѣлено: О содержаніи сего представленія донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа на предложеніе отъ 3 января 1878 года за № 22 и просить ходатайства Его Превосходительства объ отпускѣ на содержаніе глазной и дѣтской клиникъ изъ суммъ государственнаго казначейства, по неимѣнію въ виду другихъ спеціальныхъ средствъ Университета.

Ст. 22. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 2 января сего года за № 8, слѣдующаго содержанія: „г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія моего и согласно ходатайству Совѣта Казанскаго Университета, предложеніемъ отъ 10 декабря 1877 г. за № 13276, увѣдомилъ меня, что Его Сіятельствомъ сдѣлано распоряженіе о внесеніи въ приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія командировки хранителя музея этнографіи, древностей и искусствъ Казанскаго Университета, кандидата Соколовскаго, въ С.-Петербургъ и Москву на полтора года, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи, съ производствомъ ему съ 1-го января 1878 года, дополнительнаго содержанія изъ суммъ Министерства, по шести сотъ рубл. въ годъ, и съ

переводомъ этихъ денегъ на первое полугодіе, за полгода впередъ, въ Правленіе Казанскаго Университета для выдачи по установленному порядку. При этомъ Его Сіятельство проситъ меня предложить Совѣту Казанскаго Университета объ установленіи надлежащаго наблюденія за занятіями г. Соколовскаго и о поставленіи сего послѣдняго въ извѣстность, чтобы онъ къ вышеозначенному сроку привелъ свои занятія къ окончанію, такъ какъ никакая затѣмъ отсрочка не будетъ дана Министерствомъ. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для подлежащаго исполненія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 24 мая 1877 года за № 526". При слушаніи сего предложенія 5 и 24 января г. Ректоромъ увѣдомленъ историко-филогическій факультетъ за № 25 и сообщено г. Ректору С.-Петербургскаго Университета за № 29, Правленіе Университета за № 181. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 23. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 28 января сего 1878 года за № 543, слѣдующаго содержанія: „Оренбургскій генералъ губернаторъ увѣдомилъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что Киргизскія общества Тургайской области, желая сохранить въ потомствѣ благодарное воспоминаніе о заботахъ и трудахъ его, генералъ—адъютанта Крыжановскаго, на пользу ввѣреннаго его попеченію Киргизскаго населенія Тургайской области, пожертвовали капиталъ въ девятнадцать тысятъ двѣсти рублей, заключающійся въ 5% билетахъ Государственнаго банка 4-го внутренняго займа, на учрежденіе при Казанскомъ Университетѣ трехъ стипендій его имени для бѣдныхъ студентовъ изъ Киргизскихъ дѣтей Тургайской области, каковой капиталъ и переданъ въ Правленіе Казанскаго Университета. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14 день января сего года Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Казанскомъ Университетѣ на счетъ процентовъ означеннаго капитала трехъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіями генералъ—адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго," при этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: „благодарить жертвователей". О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, доведенномъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія до свѣдѣнія Правительствующаго Сената и сообщенномъ генералъ-адъютанту Крыжановскому, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства отъ 17

января сего года за № 648, имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ надлежащему исполненію, покорнѣйше прося составить проэктъ правилъ объ означенныхъ стипендіяхъ, и по составленіи, доставить оный ко мнѣ для представленія на утвержденіе Его Сіятельства". Опредѣлено: Просить г. Проректора Университета составить проэктъ правилъ стипендіи имени генералъ-адъютанта Крыжановскаго и, по составленіи онаго, доставить въ Совѣтъ Университета.

Ст. 24. Представленіе медицинскаго факультета отъ 2-го февраля сего года за № 31, въ которомъ факультетъ донесъ Совѣту Университета о томъ, что г. ординарный профессоръ Е. В. Адамюкъ вошелъ въ медицинскій факультетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Въ виду того, что на предстоящей Парижской выставкѣ должно быть значительное собраніе глазныхъ инструментовъ, препаратовъ, анатомическихъ и другихъ моделей, съ которыми каждому преподавателю моего предмета необходимо имѣть обстоятельное знакомство, и изъ которыхъ многіе желательно пріобрѣсти для нашего столь небогатаго въ этомъ отношеніи кабинета, а наконецъ что на этой же выставкѣ должны быть модели образцовыхъ офталмологическихъ клиникъ, съ которыми мнѣ тоже необходимо познакомиться, такъ какъ слѣдуетъ надѣяться, что будетъ наконецъ у насъ приступлено къ устройству самостоятельной глазной клиники, я имѣю честь просить факультетъ ходатайствовать чрезъ Совѣтъ Университета о командировкѣ меня на вакаціонное время въ Парижъ, съ выдачею мнѣ на этотъ предметъ вспоможенія изъ суммъ Министерства 600 рубл. По возвращеніи, мною представленъ будетъ обстоятельный отчетъ." Вслѣдствіе сего, медицинскій факультетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета о командированіи г. профессора Адамюка на предстоящее вакаціонное время на всемірную Парижскую выставку съ выдачею ему изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вспоможенія въ количествѣ 600 р. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи г. ординарнаго профессора Адамюка на вакаціонное время, въ Парижъ, на всемірную выставку, съ выдачею на этотъ предметъ вспоможенія изъ суммъ Министерства 600 рублей.

Ст. 25. Представленіе медицинскаго факультета отъ 2 февраля сего года за № 33, въ которомъ факультетъ донесъ Совѣту Университета о томъ, что г. директоръ госпитальной хирургической клиники, ординарный профессоръ М. В. Никольскій вошелъ въ медицинскій факультетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Бывшій ординаторъ хирургической госпитальной клиники г. Падаринъ заявилъ мнѣ о своемъ желаніи остаться при той же клиникѣ, въ качествѣ сверхштатнаго ассистента. Гг. членамъ медицинскаго факультета хорошо извѣстны какъ способности, такъ свѣдѣнія и опытность г. Падарина; а потому имѣю честь покорнѣйше просить медицинскій факультетъ ходатайствовать объ избраніи г. Падарина на сказанную должность, что даетъ ему возможность держать докторскій экзаменъ и будетъ весьма полезно для клиники, гдѣ весьма часто встрѣчаются случаи, требующіе опытной помощи. Единственнымъ препятствіемъ къ опредѣленію на должность сверхштатнаго ассистента, при бывшихъ о томъ представленіяхъ, былъ недостатокъ денежныхъ средствъ; но при этомъ я имѣю честь донести факультету, что г. Падаринъ, въ случаѣ избранія, готовъ служить и безъ жалованья, желая не прерывать своей связи съ Университетомъ и чрезъ то имѣть возможность пользоваться его научными пособіями.“ Вслѣдствіе сего, медицинскій факультетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета объ избраніи врача Падарина на должность сверхштатнаго ассистента при госпитальной хирургической клиникѣ, согласно изложенному въ представленіи г. профессора Никольскаго. Опредѣлено: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта г. врача Падарина на избраніе въ должность сверхштатнаго ассистента при госпитальной хирургической клиникѣ безъ жалованья.

Ст. 26. Представленіе медицинскаго факультета отъ 2 февраля сего 1878 года за № 32, въ которомъ факультетъ донесъ Совѣту Университета, что г. доцентъ Н. Ѳ. Высоцкій вошелъ въ медицинскій факультетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, о командированіи меня на предстоящую Парижскую выставку и назначеніи мнѣ, на эту поѣздку, пособія въ размѣрѣ 1000 рублей. Цѣль просимой мною командировки заключается во 1-хъ въ томъ, чтобы ознакомиться съ различными новѣйшими изо-

брѣтеніями и усовершенствованіями въ области отіатрической и вообще хирургической техники и во 2-хъ въ желаніи выставить нѣкоторые свои препараты по анатоміи и гистологіи лимфатической системы и органа слуха, а также нѣкоторыя проектируемыя мною неподвижныя и съемноподвижныя повязки съ приспособленіями для охлажденія и согрѣванія конечностей". Вслѣдствіе сего, медицинскій факультетъ ходатайствуетъ о командированіи Высоцкаго на Парижскую выставку съ выдачею ему пособія въ размѣрѣ 1000 р. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи г. доцента Высоцкаго въ Парижъ на всемірную выставку съ пособіемъ изъ суммъ Министерства въ размѣрѣ 1000 рублей, съ тѣмъ, чтобы г. Высоцкій представилъ отчетъ о своей командировкѣ.

Ст. 27. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 2 февраля сего года за № 30, въ которомъ факультетъ донесъ Совѣту Университета, что г. директоръ факультетской хирургической клиники, заслуженный ординарный профессоръ А. Н. Бекетовъ вошелъ въ медицинскій факультетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „По случаю выхода ординатора хирургической факультетской клиники г. Никольскаго, имѣю честь представить оканчивающаго въ нынѣшнемъ академическомъ году курсъ г. Виктора Васильева, бывшаго у меня впродолженіи года фельдшеромъ и показавшаго особенные успѣхи и способности въ практической клинической хирургіи". Вслѣдствіе сего, медицинскій факультетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета объ избраніи студента Васильева въ должность ординатора факультетской хирургической клиники, по окончаніи имъ курса. Опредѣлено: Баллотировать Васильева въ ординаторы хирургической клиники, по пріобрѣтеніи имъ степени лѣкаря.

Ст. 28. Представленіе медицинскаго факультета, отъ 8 февраля сего года за № 44, въ которомъ факультетъ, вслѣдствіе прошенія сверхштатнаго ассистента при каѳедрѣ судебной медицины лекаря Константина Леонтьева, ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Университета о зачисленіи г. Леонтьева въ военно-медицинскую службу въ Кавказскую армію съ 1 апрѣля по 1 октября сего 1878 года съ сохраненіемъ

за нимъ содержанія отъ Университета. Опредѣлено: Отнестись къ Главному Военному медицинскому Инспектору и просить его о зачисленіи г. Леонтьева на службу по военно-медицинскому вѣдомству на условіяхъ, изложенныхъ въ представленіи факультета.

Ст. 29. Предложеніе г. Ректора Императорскаго Казанскаго Университета, отъ 6 сего февраля за № 39, слѣдующаго содержанія: Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 1 сего февраля за № 636, увѣдомилъ меня, что онъ, возвратясь изъ поѣздки по дѣламъ службы, вступилъ въ управленіе ввѣреннымъ ему учебнымъ округомъ. Имѣю честь увѣдомить объ этомъ Совѣтъ Университета. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 30. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 3 сего февраля за № 693, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по ходатайству Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ числѣ прочихъ, состоящему при военно-временномъ № 47 госпиталѣ консультанту по хирургическому отдѣленію и завѣдывающему эвакуаціею при госпиталѣ, экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго Университета, коллежскому ассесору Льву Левшину, за усердную его службу, орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами. Высочайшій же указъ на таковое пожалованіе состоялся въ 13 день января 1878 года. О вышеизложенномъ, вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 17 минувшаго января за № 710, Его Превосходительство, сообщая Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, присовокупляетъ, что орденскіе знаки и грамота для г. Левшина будутъ доставлены въ Совѣтъ Университета, по полученіи изъ капитула орденовъ. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоромъ Университета увѣдомленъ медицинскій факультетъ 10 сего февраля за № 178. Опредѣлено: О пожалованномъ г. экстраординарному профессору Левшину показать въ формулярномъ о службѣ его спискѣ.

Ст. 31. Два предложенія: 1) Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 10 ноября 1877 г. за № 6143, при которомъ, вслѣдствіе предложенія г. Управлявшаго Ми-

нистерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, отъ 4 того ноября за № 12047, Его Превосходительство препроводилъ въ Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета, для руководства, доставленный Его Сіятельству г. начальникамъ Главнаго Штаба Военнаго Министерства, циркуляръ сего Штаба отъ 25 сентября 1877 г. за № 352, о правилахъ распредѣленія и развозки раненыхъ и больныхъ съ театра войны во внутрь Имперіи и дополнительные къ нему циркуляры за №№ 366, 377, 380, 384 и 389, и 2) Г. Управлявшаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 28 января сего года за № 545, о нижеслѣдующемъ: По поводу заявленія г. Министра Народнаго Просвѣщенія г. Военному Министру о желаніи Совѣта Дерптскаго Университета предоставить въ хирургической клиникѣ онаго 30 кроватей исключительно для раненыхъ и больныхъ, нуждающихся въ болѣе тщательномъ уходѣ и особыхъ медицинскихъ и хирургическихъ пособіяхъ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, сообщая Его Сіятельству, что о направленіи въ г. Дерптъ 30 человѣкъ подобныхъ больныхъ имъ сдѣлано надлежащее распоряженіе, присовокупилъ, что еслибы и другія хирургическія клиники нашихъ Университетовъ изъявили желаніе, подобно Дерптской, представлять исключительно для раненыхъ извѣстное число мѣстъ, то свѣдѣнія отъ нихъ о свободныхъ мѣстахъ должны быть доставлены въ подлежащіе Окружные Штабы не по два раза въ недѣлю, какъ опредѣлено циркуляромъ Главнаго Штаба 1877 г. за № 352, а по мѣрѣ очищенія мѣстъ въ хирургическихъ клиникахъ. О выше изложенномъ, вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 января сего года за № 511, Его Превосходительство сообщилъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ надлежащему исполненію, въ дополненіе къ предложенію г. Попечителя Округа отъ 17 ноября 1877 г. за № 6143. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящихъ предложеній, съ препровожденіемъ вышесказанныхъ циркуляровъ, отъ г. Ректора Университета увѣдомленъ медицинскій факультетъ 29 января за № 146. Опредѣлено: Записать объ этомъ въ протоколъ.

Ст. 32. Представленіе г. ординарнаго профессора И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, отъ 1 сего февраля, переданное въ Совѣтъ г. Ректоромъ Университета, которымъ, на основаніи

§§ 75 и 145 (прим. 1) Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, проситъ Его Превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе о зачисленіи ему въ выслугу срока на пенсію времени, проведеннаго имъ въ С. Петербургѣ, въ качествѣ приватъ-доцента Императорскаго С. Петербургскаго Университета, съ 13 декабря 1870 г. приблизительно по 1 января 1872 г. Для точнаго опредѣленія это времени, необходимо будетъ навести справки въ С. Петербургскомъ Университѣ. Опредѣлено: 1) Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа о зачисленіи ординарному профессору Бодуэнъ-де-Куртенэ въ выслугу срока на пенсію времени, проведеннаго имъ въ С. Петербургѣ, въ качествѣ приватъ-доцента. 2) Предварительно же сего просить С. Петербургскій Университетъ доставить свѣдѣніе о томъ: съ какого и по какое время г. Бодуэнъ-де-Куртенэ состоялъ приватъ-доцентомъ въ означенномъ Университетѣ.

Ст. 33. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 14 января сего 1878 года за № 287, въ которомъ Его Превосходительство сообщилъ Совѣту Университета, къ надлежащему исполненію, что Высочайшимъ Приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 30 декабря 1877 года за № 11, лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго Казанскаго Университета, кандидатъ Колмачевскій, командированъ за границу съ ученою цѣлію на два года. При слушаніи сего доложено, что 21-го января сего года г. Ректоромъ Университета выданы лектору Колмачевскому свидѣтельство за № 24 и открытый листъ за № 25. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 34. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 26-го января сего года за № 500, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, что вслѣдствіе ходатайства его отъ 21 сего января за № 48 и на основаніи § 84 Университетскаго Устава, Его Превосходительство разрѣшаетъ поручить ординарному профессору исторіи русскаго права Шпилевскому преподаваніе по вакантной каѳедрѣ каноническаго права во второмъ полугодіи 187⁷/₈ учебнаго года студентамъ 4 курса юридическаго факультета, съ производствомъ ему за этотъ трудъ вознагражденія въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по должности ординарнаго профессора, о чемъ и предоставилъ Совѣту

Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 27 сего января за №№ 129, 130 и 131, г. Ректоръ увѣдомилъ ординарнаго профессора Шпилевскаго, Правленіе Университета и юридическій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 35. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 31 января сего 1878 года за № 612, въ которомъ сообщилъ Совѣту Университета, что вслѣдствіе представленія его отъ 26 января за № 126 и на основаніи § 76 Университетскаго устава, Его Превосходительство утверждаетъ ординатора хирургической факультетской клиники лѣкаря Владиміра Никольскаго лаборантомъ при фармацевтической лабораторіи Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета съ 30 декабря 1877 года. Причемъ присовокупилъ, что о такомъ утвержденіи Никольскаго будетъ отдано въ Приказѣ по Округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія 3 февраля за №№ 166 и 167 г. Ректоръ увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 36. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 8 февраля сего года за № 20, при которомъ, прилагая диссертацію подъ заглавіемъ: „Византійская мораль въ древнерусскихъ сборникахъ“, написанную окончившимъ курсъ въ прошломъ году по историко-филологическому факультету П. Тихановскимъ, и мнѣніе о ней заслуженнаго профессора Н. Н. Булича въ подлинникѣ, историко-филологическій факультетъ, согласно заключенію профессора Булича, проситъ Совѣтъ Университета объ утвержденіи г. Тихановскаго въ степени кандидата и вмѣстѣ объ освобожденіи его отъ коллоквіума, такъ какъ онъ въ настоящее время находится на службѣ въ г. Царицынѣ. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа объ освобожденіи студента историко-филологическаго факультета г. Тихановскаго отъ коллоквіума, за дальностію разстоянія отъ г. Казани.

Ст. 37. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 8 февраля сего года за № 14, слѣдующаго содержанія: „Опытъ и наблюденія нѣсколькихъ лѣтъ, равно какъ и примѣры прочихъ русскихъ Университетовъ, уже

давно воспользовавшихся § 25 Устава 1863 года, привели историко-филологическій факультетъ Казанскаго Университета къ убѣжденію, что для болѣе успѣшнаго хода въ немъ преподаванія, — имѣющаго двоякую цѣль: возбужденіе въ студентахъ стремленія къ научному изслѣдованію въ избранной ими спеціальности и приготовленіе ихъ (по большей части, обязательныхъ стипендіатовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія) къ достойному занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ, — весьма полезно раздѣленіе факультетскихъ предметовъ на общіе и спеціальные и распредѣленіе, согласно этому раздѣленію, преподаванія на общіе и спеціальные курсы. Вопросъ о раздѣленіи факультета обсуждался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и, не смотря на неполноту преподаванія по нѣкоторымъ незамѣщеннымъ или неполнѣ замѣщеннымъ каѳедрамъ, факультетъ, по большинству голосовъ его членовъ, принялъ въ принципѣ необходимость раздѣленія и затѣмъ составилъ слѣдующее распредѣленіе преподаванія, принимая въ соображеніе тѣ наличныя силы, какія существуютъ въ немъ въ настоящее время. Само собою разумѣется, что развитіе преподаванія и увеличеніе числа преподавателей въ факультетѣ въ будущемъ, чему, безъ сомнѣнія, поможетъ со временемъ и предполагаемая теперь спеціализація, не можетъ лишить факультетъ права, при измѣнившихся обстоятельствахъ, вновь войти съ ходатайствомъ о пересмотрѣ правилъ раздѣленія, представляемыхъ нынѣ на утвержденіе Совѣта. Правила раздѣленія историко-филологическаго факультета заключаются въ слѣдующемъ: 1) Предметы преподаванія въ историко-филологическомъ факультетѣ раздѣляются на основные и спеціальные. 2) Основными факультетскими предметами, обязательными для всѣхъ студентовъ, въ знаніи которыхъ они подвергаются испытанію на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента, будутъ: философія, (логика, психологія, исторія философіи), греческій языкъ, латинскій языкъ, русскій языкъ и исторія русской словесности, славянскія нарѣчія, всеобщая исторія, русская исторія. 3) Спеціальные факультетскіе предметы суть слѣдующіе: древности греческія и римскія, исторія литературы греческой и римской, сравнительное языковѣдѣніе, исторія всеобщей литературы, исторія литературы славянскихъ племенъ, церковная исторія, теорія и исторія искусствъ, политическая экономія, общее государственное

право, физическая географія; послѣдніе три предмета въ историческомъ отдѣленіи считаются дополнительными, то есть, для полученія степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента, достаточно изъ нихъ отмѣтки 3. 4) Сообразно этому раздѣленію предметовъ, преподаваніе дѣлится на общіе и спеціальные курсы. 5) Общіе курсы читаются въ 1 и 2 курсахъ; только немногіе предметы, наприм. исторія философіи, переходятъ въ курсы спеціальные. 6) Спеціальные курсы читаются только въ 3 и 4 курсахъ. 7) Кромѣ основныхъ и спеціальныхъ предметовъ, есть предметъ общій, богословіе, испытаніе изъ котораго обязательно въ общихъ курсахъ, и одинъ изъ новыхъ языковъ, экзамену изъ котораго подвергаются, согласно правиламъ, ищущіе кандидатской степени. 8) Каждый преподаватель имѣетъ право читать необязательные курсы, изъ которыхъ испытанія не производится. 9) Спеціальные курсы, согласно указанной выше цѣли преподаванія, въ историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго Университета раздѣляются на три отдѣленія: 1) классическихъ языковъ, 2) русской словесности и славянской филологіи и 3) историческое. 10) Предметы преподаванія и число часовъ преподаванія въ спеціальныхъ курсахъ: А) *Классическое отдѣленіе.* 1) Исторія философіи по 2 часа въ каждомъ курсѣ, 2) древняя исторія по 2 часа въ каждомъ курсѣ, 3) греческая словесность по 8 часовъ,— 4) латинская по 8 часовъ, — 5) сравнительное языковѣдѣніе по 4 часа, — 6) теорія и исторія искусствъ по 2 часа. — В) *Русской словесности и славянской филологіи.* 1) Исторія философіи по 2 часа въ каждомъ курсѣ, 2) сравнительное языковѣдѣніе по 4 часа —, 3) литературы славянскія по 4 часа —, (практическія упражненія по 2 часа —), 4) русская словесность по 3 часа —, (практическія упражненія по 2 часа —), 5) исторія русскаго языка по 2 часа —, 6) исторія всеобщей литературы по 3 часа —, 7) исторія греческой литературы по 1 часу —, 8) исторія римской литературы по 1 часу —. С) *Отдѣленіе историческое.* 1) Исторія философіи по 2 часа въ каждомъ курсѣ, 2) церковная исторія по 3 часа, 3) всеобщая исторія по 4 часа въ каждомъ курсѣ, (практическія упражненія по 2 часа въ каждомъ курсѣ), 4) русская исторія по 3 часа —, (практическія упражненія по 2 часа —), 5) исторія искусствъ по 2 часа —, 6) политическая экономія по 2 часа —, 7) общее

государственное право по 2 часа —, 8) физическая географія по 1 часу (3 курсъ); предметы подъ цифр. 6, 7 и 8 дополнительные. 11) При переходѣ изъ II въ III курсъ каждый студентъ заявляетъ факультету объ избранномъ имъ отдѣленіи, лекціи котораго и становятся для него обязательными. 12) При испытаніяхъ на степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента, экзаменъ происходитъ по предметамъ спеціальныхъ отдѣленій факультета, причемъ, при удостоеніи степенью или званіемъ принимаются въ соображеніе отмѣтки, полученныя студентомъ при переходѣ изъ II въ III курсъ. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о раздѣленіи преподаванія по историко-филологическому факультету на общіе и спеціальные курсы, согласно представленію факультета.

Ст. 38. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 12 февраля сего года за № 14, слѣдующаго содержанія: „Въ февралѣ настоящаго 1878 г. оканчивается четвертое пятилѣтіе службы профессора Котельникова. Физико-математическій факультетъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить Петру Ивановичу свое глубочайшее уваженіе и полнѣйшую признательность за его долговременную и полезную педагогическую дѣятельность, и въ засѣданіи 8 текущаго февраля просилъ Петра Ивановича не оставлять каѳедры. Петръ Ивановичъ уступилъ просьбѣ факультета и согласился продолжать службу; вслѣдствіе чего, физико-математическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета объ избраніи заслуженнаго профессора Котельникова на слѣдующее пятилѣтіе. При этомъ г. деканъ, отъ имени членовъ факультета, заявилъ, что было бы желательно, чтобы П. И. Котельниковъ былъ избранъ въ почетные члены Казанскаго Университета. Опредѣлено: Баллотировать г. заслуженнаго ординарнаго профессора П. И. Котельникова на оставленіе на службѣ на слѣдующее пятилѣтіе и избраніе въ почетные члены Казанскаго Университета; каковое баллотированіе и произвести въ слѣдующее засѣданіе.

Ст. 39. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 16 февраля сего за № 15, при которомъ, препроводивъ баллотировочный листъ объ избраніи экстраординарнаго профессора К. В. Ворошилова секретаремъ физико-ма-

тематическаго факультета, факультетъ проситъ ходатайства Совѣта объ утвержденіи профессора К. В. Ворошилова въ вышеозначенной должности со дня избранія его факультетомъ, то есть, 8 февраля 1878 г. Опредѣлено: Объ увольненіи ординарнаго профессора Мельникова отъ должности секретаря физико-математическаго факультета и объ опредѣленіи, вмѣсто него, на означенную должность экстраординарнаго профессора Ворошилова представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 40. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 16 февраля сего года за № 12 слѣдующаго содержанія: „Приватъ-доцентъ И. И. Смирновъ вошелъ въ физико-математическій факультетъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: имѣю честь просить физико-математическій факультетъ исходатайствовать мнѣ командировку для магнитныхъ изслѣдованій въ Россіи съ 25 апрѣля по 15 сентября 1878 года. Для этой командировки прошу исходатайствовать мнѣ: 1) открытый листъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 2) Открытыя предписанія отъ гг. начальниковъ губерній: Архангельской, Вологодской и Пермской для полученія законнаго содѣйствія отъ мѣстныхъ полицій и 3) открытыя листы отъ этихъ же начальниковъ губерній на полученіе лошадей въ количествѣ двухъ изъ обывательскихъ подводъ. Предстоящую поѣздку я намѣренъ сдѣлать по рѣкѣ Печорѣ до крайняго пункта на сѣверѣ, опредѣленнаго въ 1848 году профессоромъ Ковальскимъ, обратный же путь предполагаю избрать по рѣкамъ Печорѣ, Ижмѣ, Кедвамѣ, Выгни и отъ Усть-Сысольска черезъ Лальскъ на лошадяхъ до Нижняго Новгорода. Кромѣ тѣхъ средствъ, которыя мнѣ даетъ Императорское Географическое Общество, мнѣ приходится еще просить факультетъ объ исходатайствованіи передъ Совѣтомъ пособія въ размѣрѣ трехъ сотъ рублей“. Фи-

зико-математическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета объ исполненіи просьбы г. Смирнова относительно командировки его и о назначеніи ему 300 рубл. изъ спеціальныхъ средствъ Университета. Опредѣлено: Ходатайствовать, согласно представленію факультета, и баллотировать выдачу 300 рублей изъ спеціальныхъ суммъ Университета въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта.

Ст. 41. Представленіе физико-математическаго факультета, отъ 17 февраля сего года № 17, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе заявленія профессора Е. П. Янишевскаго, физико-математическій факультетъ имѣлъ сужденіе о распредѣленіи профессуры и доцентуръ по разрядамъ факультета и опредѣлилъ ходатайствовать о томъ, чтобы въ будущемъ, по мѣрѣ представившейся возможности, число ординарныхъ профессуръ на разрядѣ математическихъ наукъ было 5, на разрядѣ естественныхъ наукъ 6; число экстраординарныхъ профессуръ на математическомъ разрядѣ 2, на разрядѣ естественныхъ наукъ 3, число доцентовъ по разряду математическихъ наукъ 1, естественныхъ наукъ 2. Но въ виду существованія на физико-математическомъ факультетѣ при 13 каѳедрахъ 11 ординарныхъ профессуръ, представляется крайнее неудобство распредѣленія силъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что двѣ изъ каѳедръ могутъ оставаться безъ представителей съ званіемъ ординарнаго профессора, и потому хотя факультетъ, желая, по возможности, равномѣрно распредѣлить преподавательскія силы, и постановилъ раздѣлить число существующихъ ординатуръ между разрядами, призналъ однако необходимымъ, чтобы, при пересмотрѣ Устава Университетовъ, было обращено вниманіе на указанное неудобство и чтобы число ординатуръ было увеличено до 13-ти, о чемъ и имѣетъ честь просить ходатай-

ства Совѣта. Опредѣлено: Просить ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, согласно представленію факультета.

Ст. 42. Представленіе физико-математическаго факультета, отъ 18 февраля сего года за № 18, въ которомъ факультетъ проситъ Совѣтъ Университета войти вновь съ ходатайствомъ о командированіи на всемірную выставку въ Парижъ, на прежнихъ условіяхъ, гг. профессоровъ А. К. Чугунова, А. М. Зайцева и Н. В. Сорокина. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа войти вновь съ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія о командированіи на всемірную выставку въ Парижѣ гг. профессоровъ Чугунова, Зайцева и Сорокина.

Ст. 43. Прошеніе ординарнаго профессора Е. П. Янишевскаго слѣдующаго содержанія: „Будучи утвержденъ въ степени магистра математики 3 февраля 1854 года, я, въ слѣдующемъ 1855 году 5 сентября былъ допущенъ Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа къ преподаванію математики въ Университетѣ, впредь до опредѣленія меня на службу, а затѣмъ 20 октября того же года Высочайшимъ Приказомъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ Казанскомъ Университетѣ, и только въ 1857 году, 22 мая утвержденъ въ должности адъюнкта. Принимая во вниманіе, что я началъ свою преподавательскую службу съ 5 сентября 1855 года, я имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Университета ходатайствовать о зачисленіи мнѣ службы съ 5 сентября 1855 года до 22 мая 1857 года въ тотъ срокъ, который требуется закономъ для полученія званія заслуженнаго профессора. Опредѣлено: Согласно прошенію, просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о за-

численіи ординарному профессору Янишевскому въ службу времени, проведеннаго имъ въ качествѣ преподавателя и и. д. адъюнкта Казанскаго Университета.

Ст. 44. Заявленіе г. ординарнаго профессора Н. Н. Булича о томъ, что по подпискѣ, собранной между профессорами и преподавателями, а равно и другими лицами, принадлежащими къ Университету, вмѣсто обычнаго обѣда 5 ноября, въ пользу голодающихъ Казанской губерніи, у казначея Университета, находится 271 руб. съ коп., которыя до сихъ поръ не употреблены по назначенію. О п р е д ѣ л е н о: Просить г. профессора Н. Н. Булича принять отъ Казначея Университета означенныя деньги и распорядиться употребленіемъ ихъ.

Въ засѣданіи не присутствовали: а) по нахожденію въ командировкѣ г. э. п. Левшинъ; б) въ отпуску г. о. п. Ковалевскій; в) по болѣзни: г. проф. бог. Зефировъ, гг. о. п. Котельниковъ, Макшеевичъ, Петровъ, Шпилевскій и Бодуэнъ-де-Куртенэ.

СПИСОКЪ

ПОЧЕТНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

СО ВРЕМЕНИ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕГО.

1. Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Алексѣй Кирилловичъ *Разумовскій*, съ 6 мая 1814 г. *Ум.* въ 1837 г.

2. Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ *Румянцевъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1826 г.

3. Князь Григорій Семеновичъ *Волконскій*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1824 г.

4. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ *Державинъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1816 г.

5. Министръ Юстиціи Тайный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ *Дмитріевъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1837 г.

6. Государственный Секретарь Вице-Адмиралъ и Россійской Академіи Президентъ Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1840 г.

7. Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Димитрій Ивановичъ *Хвостовъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1835 г.

8. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа Михаилъ Александровичъ *Салтыковъ*, съ 4 іюля 1814 г. *Ум.* въ 1851 г.

9. Преосвященный *Евгеній* Епископъ Калужскій и Боровскій, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1837 г.

10. Тайный Совѣтникъ Николай Николаевичъ *Новосильцевъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1838 г.

11. Дѣйствительный статскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ *Мартыновъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

12. Дѣйств. Ст. Сов. Николай Яковлевичъ *Озерецковскій*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1827 г.

13. Членъ С. Петербургской Академіи Наукъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ивановичъ *Фусъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1827 г.

14. Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-хирургъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Яковъ Васильевичъ *Вилліе*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

15. Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Александровичъ *Крейтонъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

16. Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Яковъ Ивановичъ *Лейтонъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

17. Вятскій гражданскій губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ *Фонъ-Брадке*, съ 16 декабря 1814. *Ум.*

18. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ членъ Коммиссіи составленія законовъ Густавъ Андреевичъ *Розенкампфъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

19. Московскаго университета профессоръ Дѣйств. Ст. Сов. Вильгельмъ Михайловичъ *Рихтеръ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1822 г.

20. Членъ С. Петербургской Академіи Наукъ, Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ *Шубертъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1822 г.

21. Флота Капитанъ 1 Ранга Иванъ Ѳедоровичъ *Крузенштернъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1846 г.

22. Коллежскій Совѣтникъ Николай Михайловичъ *Карамзинъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1826 г.

23. Харьковскаго университета профессоръ Колл. Сов. Андрей Ивановичъ *Лобенвейнъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

24. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Петръ *Франкъ* въ Гейдельбергѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1821 г.

25. Лейбъ-Медикъ и Прусскій Стат. Совѣт. *Гуфландъ* въ Берлинѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1836 г.

26. Баварскій Тайный Совѣтникъ и членъ законодательной коммиссіи Анзельмъ *фонъ-Фейербахъ* въ Мюнхенѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1833 г.

27. Членъ Національнаго Института и Почетнаго Легіона Сильвестръ *де-Сасси* въ Парижѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1838 г.

28. Членъ Національнаго Института и Почетнаго Легіона *Грегоаръ* въ Парижѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1831 г.

По Высочайшему повелѣнію исключенъ изъ списка почетныхъ членовъ въ 1821 году.

29. Профессоръ Гёттингенскаго университета Карлъ Фридрихъ *Гауссъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1855 г.

30. Профессоръ Вѣнскаго университета Георгій *Прохаска*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1820 г.

31. Надворный Совѣтникъ Профессоръ въ Цюрихѣ Іоганнъ *Горнеръ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1834 г.

32. Профессоръ въ Эрфуртѣ Іоганнъ *Троммсдорфъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1837 г.

33. Профессоръ въ Регенсбургѣ Плацидъ *Гейнрихъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1825 г.

34. Профессоръ восточныхъ языковъ въ Іенѣ Георгій *Лорсбахъ*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.*

35. Директоръ гимназіи Іоаннъ Іоахимъ *Беллерманъ* въ Берлинѣ, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1842 г.

36. Надворный Совѣтникъ профессоръ въ Гейдельбергѣ Антонъ *Тибо*, съ 16 декабря 1814 г. *Ум.* въ 1840 г.

37. Оренбургскій Муфтій *Мухаммедъ-Джанъ* Хусеинъ Оглу, съ 14 февраля 1816 г. *Ум.*

38. Профессоръ Галльскаго университета, Надворный Совѣтникъ *Пфаффъ*, съ 14 февраля 1816 г. *Ум.* въ 1826 г.

39. Попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа, Дѣйств. Стат. Совѣт. Сергій Семеновичъ *Уваровъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1855 г.

40. Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ *Аделунгъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1843 г.

41. Профессоръ Московскаго университета Григорій Ивановичъ *Фишеръ Фонъ-Вальдгеймъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1853 г.

42. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и академикъ *Шторхъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1835 г.

43. Профессоръ Абовскаго Университета *Гильдстремъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.*

44. Профессоръ Дерптскаго университета Георгъ Фридрихъ *Парротъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1852 г.

45. Статскій Совѣтникъ академикъ Василій Михайловичъ *Севергинъ*, съ 14 іюня 1816 г. *Ум.*

46. Бывшій профессоръ Казанскаго университета Іоан. Іос. *Литтровъ*, съ 10 іюля 1816 г. *Ум.* въ 1840 г.

47. Преосвященный *Амвросій*, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, съ 16 іюня 1816 г. *Ум.* въ 1831 г.

48. Начальникъ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ 6 класса *Н. А. Шленевъ*, съ 4 января 1817 г. *Ум.*

49. Герптскаго университета профессоръ Іоаннъ Фридрихъ *Эрдманъ*, съ 22 ноября 1817 г. *Ум.* въ 1846 г.

50. Императорской Академіи Наукъ академикъ Коллежскій Совѣтникъ Іоаннъ Филиппъ *Кругъ*, съ 22 ноября 1819 г. *Ум.* въ 1844 г.

51. Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Генералъ отъ Инфантеріи Князь Петръ Михайловичъ *Волконскій*, съ 28 августа 1820 г. *Ум.* въ 1852 г.

52. Главнокомандующій въ Грузіи Генералъ отъ Инфантеріи Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, съ 28 августа 1820 г. *Ум.* въ 1861 г.

53. Саратовскій гражданскій губернаторъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Давыдовичъ *Панчулидзевъ*, съ 28 августа 1820 г. *Ум.* въ 1833 г.

54. Казанскій гражданскій губернаторъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Андреевичъ *Ниловъ*, съ 28 августа 1820 г. *Ум.*

55. Директоръ Казанскаго университета Статскій Совѣтникъ Александръ Павловичъ *Владимірскій*, съ 26 марта 1821 г. *Ум.*

56. Управляющій Военно-Строительнымъ училищемъ Генералъ-Маіоръ Левъ Львовичъ *Карбоньеръ*, съ 25 октября 1822 г. *Ум.* въ 1836 г.

57. Ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета Антонъ Антоновичъ *Дегуровъ*, съ 8 іюня 1823 г. *Ум.* 1849 г.

58. Генералъ отъ Артиллеріи Графъ Алексѣй Андреевичъ *Аракчеевъ*, съ 18 марта 1824 г. *Ум.* въ 1834 г.

59. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа Дѣйст. Статс. Совѣт. Егоръ Васильевичъ *Карнѣевъ*, съ 23 апрѣля 1824 г. *Ум.* въ 1849 г.

60. Губернаторъ Западной Сибири Генералъ отъ Инфантеріи Петръ Михаиловъ *Капцевичъ*, съ 12 мая 1824 г. *Ум.* въ 1840 г.

61. Директоръ Канцеляріи Министерства Народнаго Просвѣщенія Князь *Ширинскій-Шихматовъ*, съ 23 іюня 1824 г. *Ум.* въ 1863 г.

62. Камергеръ Королевскаго Прусскаго Двора, Иностранный членъ Парижской Академіи Наукъ Александръ *Фонъ-Гумбольдтъ*, съ 30 сентября 1825 г. *Ум.* въ 1859 г.

63. Членъ Французской Академіи Наукъ Франсуа *Араго* въ Парижѣ, съ 30 сентября 1825 г. *Ум.* въ 1853 г.

64. Членъ Французской Академіи Наукъ Алексисъ *Буваръ* въ Парижѣ, съ 30 сентября 1825. *Ум.* въ 1843 г.

65. Гофмаршалъ Саксенъ-Готскаго Двора Генералъ Лейтенантъ баронъ Францъ *Цахъ* въ Генуѣ, съ 30 сентября 1825 г. *Ум.* въ 1832 г.

66. Членъ Туринской Академіи Наукъ *Плана* въ Туринѣ, съ 30 сентября 1825 г. *Ум.*

67. Россійскій посланникъ Тайный Совѣтникъ Андрей Яковлевичъ *Италинскій* въ Римѣ, съ 30 сентября 1825 г. *Ум.*

68. Австрійскій придворный адвокатъ Францъ *Фонъ*-*Гейнтлъ*, съ 14 января, 1826 г. *Ум.* въ 1859 г.

69. Губернаторъ низовыхъ губерній Генералъ отъ Инфантеріи Алексѣй Николаевичъ *Бахметевъ*, съ 23 іюня 1826 г. *Ум.* въ 1841 г.

70. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь, Дѣйст. Статс. Совѣт. Дмитрій Николаевичъ *Блудовъ*, съ 12 августа 1827 г. *Ум.* въ 1844 г.

71. Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Дѣйст. Статс. Сов. Димитрій Ивановичъ *Языковъ*, съ 14 января 1828 г. *Ум.* въ 1845 г.

72. Профессоръ восточныхъ языковъ и древней эксегезы Ростокскаго университета Антонъ Ѳеодоръ *Гартманъ*, съ 18 мая 1828 г. *Ум.* въ 1837 г.

73. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ отъ Инфантеріи, Графъ Арсеній Андреевичъ *Закревскій*, съ 17 декабря 1830 г.

74. Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Графъ Александръ Григорьевичъ *Строгановъ*, съ 11 мая 1835 г.

75. Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій *Филаретъ*, съ 18 августа 1836 г. *Ум.* въ 1857 г.

76. Профессоръ Дерптскаго университета и членъ Академіи Наукъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Вильгельмъ *Струве*, съ 24 февраля 1838 г. *Ум.* въ 1864 г.

77. Ординарный Академикъ Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ Яковъ *Шмидтъ*, съ 14 декабря 1839 г. *Ум.* въ 1848 г.

78. Королевско-Саксонскій Государственный Министръ Баронъ *Линденау*, съ 25 ноября 1840 г. *Ум.* въ 1854 г.

79. Его Королевское Высочество Принцъ Іоганнъ Саксонскій, съ 25 ноября 1840 г.

80. Непремѣнный Секретарь Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Павелъ Николаевичъ *Фусъ*, съ 25 ноября 1840 г. Ум. въ 1855 г.

81. Членъ-корреспондентъ Казанскаго университета Ишанъ Сахибъ-Заде Наибъ-уль-Ашрафъ Хаджи *Мухаммедъ Халилъ* бенъ Гофранъ Алла, съ 30 іюля 1842 г.

82. Министръ финансовъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Егоръ Францовичъ *Канкринъ*, съ 26 ноября 1842 г. Ум. въ 1845 г.

83. Начальникъ Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ, Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Константинъ Владиміровичъ *Чевкинъ*, съ 26 ноября 1842 г.

84. Членъ и Непремѣнный Секретарь Королевской Академіи Наукъ въ Брюсселѣ и директоръ тамошней обсерваторіи Л. А. Ж. *Кетле*, съ 17 ноября 1843 г.

85. Ханъ внутренней Киргизской Орды, Генералъ-Маіоръ Джегангиръ *Букѣевъ*, съ 7 іюня 1844 г. Ум. въ 1848 г.

86. Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій съ 3 ноября 1846 г. Сконч. въ 1853 г.

87. Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Константинъ Матвѣевичъ *Бороздинъ*, съ 29 августа 1846 г. Ум. въ 1848 г.

88. Членъ Французской Академіи Надписей, оріенталистъ Гарсенъ *Де-Тасси*, съ 8 января 1848 г.

89. Ординарный Академикъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ Яковъ Ивановичъ *Бередниковъ*, съ 22 апрѣля 1848 г. Ум. въ 1854 г.

90. Управляющій Московскимъ Главнымъ Архивомъ М. И. Д. Князь Михаилъ Андреевичъ *Оболенскій*, съ 22 апрѣля 1848 г.

91. Главный Командиръ Черноморскаго флота и порта Генералъ-Адъютантъ, Адмиралъ Михаилъ Петровичъ *Лазаревъ*, съ 10 марта 1849 г. Ум. въ 1851 г.

92. Предсѣдатель Ученаго Комитета Морскаго Министерства, Вице-Президентъ Русскаго Географическаго Общества, Генералъ-Адъютантъ, Вице-Адмиралъ Ѳеодоръ Петровичъ *Литке*, съ 10 марта 1849 г.

93. Директоръ Канцелярiя Министра Императорскаго Двора, Академикъ С. Петербургской Академiи Наукъ по отдѣленiю русскаго языка и словесности, Тайный Совѣтникъ Владимiръ Ивановичъ *Панаевъ*, съ 10 марта 1849 г. *Ум.* въ 1859 г.

94. Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенiя и Членъ Главнаго Правленiя Училищъ Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ *Гаевскiй*, съ 10 марта 1849 г.

95. Академикъ Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ *Остроградскiй*, съ 10 марта 1849 г. *Ум.* въ 1861.

96. Директоръ Главнаго Педагогическаго Института, Академикъ Императорской Академiи Наукъ по отдѣленiю русскаго языка и словесности, Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Иванъ Ивановъ *Давыдовъ*, съ 10 марта 1849 г. *Ум.* въ 1863 г.

97. Ректоръ и ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета, Академикъ С. Петербургской Академiи Наукъ по отдѣленiю русскаго языка и словесности, Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Петръ Александровичъ *Плетневъ*, съ 10 марта 1849 г. *Ум.* въ 1866 г.

98. Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Иванъ Тимоѳеевичъ *Спасскiй*, съ 10 марта 1849 г. *Ум.*

99. Заслуженный профессоръ Московскаго Университета, Статскiй Совѣтникъ Дмитрiй Матвѣевичъ *Перевощиковъ*, съ 10 марта 1849 г.

100. Инспекторъ сельскаго хозяйства южныхъ губернiй, Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Христiанъ Христiановичъ *Стевенъ*, съ 26 октября 1819 г. *Ум.* въ 1863 г.

101. Ординарный Профессоръ С. Петербургскаго университета, Статскій Совѣтникъ, Мирза Александръ Касимовичъ *Казембекъ*, съ 26 октября 1849 г.

102. Директоръ Департамента Государственнаго Казначейства, Тайный Совѣтникъ Александръ Максимовичъ *Княжевичъ*, съ 13 марта 1852 г.

103. Ректоръ Харьковскаго университета Статскій Совѣтн. Карлъ Карловичъ *Фойгтъ*, съ 22 декабря 1852 г.

104. Ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета, членъ консультаціи Министерства Юстиціи, Дѣйст. Ст. Совѣт. Константинъ Алексѣевичъ *Неволинъ*, съ 28 іюня 1854 г. *Ум.* въ 1855 г.

105. Министръ Народнаго Просвѣщенія Тайный Совѣтникъ Авраамъ Сергѣевичъ *Норовъ*, съ 26 августа 1854 г.

106. Членъ Совѣта Министерства Внутр. Дѣлъ, ординарный Академикъ С. Петербургской Академіи Наукъ, Тайный Совѣтникъ Константинъ Ивановичъ *Арсеньевъ*, съ 15 декабря 1854 г. *Ум.* въ 1866 г.

107. Предсѣдатель медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Тайный Совѣтникъ Михаилъ Антоновичъ *Маркусъ*, съ 15 декабря 1854 г.

108. Дѣйствительный членъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ Александръ Андреевичъ *Рихтеръ*, съ 15 декабря 1855 г.

109. Ординарный Академикъ С. Петербургской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Ивановичъ *Кеппенъ*, съ 15 декабря 1854 г. *Ум.* въ 1864 г.

110. Членъ медицинскаго совѣта, ординарный профессоръ и Академикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ивановичъ *Пироговъ*, съ 15 декабря 1854 г.

111. Ординарный профессоръ Московскаго университета Дѣйствительный Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ *Иноземцовъ*, съ 15 декабря 1854 г.

112. Ординарный Академикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Карлъ Максимовичъ *Бэръ*, съ 15 декабря 1854 г.

113. Ординарный Академикъ, Членъ С. Петербургской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Эмилій Христіановичъ *Ленцъ*, съ 15 декабря 1854 г. *Ум.* въ 1865 г.

114. Ординарный профессоръ, членъ медицинскаго отдѣленія Дерптскаго университета, Статскій Совѣтникъ Карлъ Карловичъ *Клаусъ*, съ 15 декабря 1854 г. *Ум.* въ 1864 г.

115. Ординарный Академикъ Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ *Брандтъ*, съ 15 декабря 1854 г.

116. Директоръ училищъ Новгородской губерніи, заслуженный профессоръ Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ *Эрдманнъ*, съ 15 декабря 1854 г. *Ум.* въ 1863 г.

117. Ординарный профессоръ Московскаго университета, Статскій Совѣтникъ Григорій Ефимовичъ *Щуровскій*, съ 15 декабря 1854 г.

118. Митрополитъ Новгородскій и С. Петербурскій *Григорій*, съ 9 іюля 1857 г. *Ум.* въ 1860 г.

119. Генералъ-Лейтенантъ Владиміръ Порфирьевичъ *Молоствовъ*, съ 2 октября 1857 г. *Ум.* въ 1863 г.

120. Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, съ 26 сентября 1858 г.

121. Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ 1 октября 1858 г.

122. Членъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ *Нечаевъ*, съ 28 августа 1858 г. *Ум.*

123. Вице-директоръ Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Илларіоновичъ *Козловъ*, съ 28 августа 1858 г.

124. Ординарный профессоръ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Петровичъ *Загорскій*, съ 28 августа 1858 г.

125. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ Евграфъ Петровичъ *Ковалевскій*, съ 26 ноября 1858 г.

126. Первый воспитанникъ Казанскаго университета Сергій Тимофѣевичъ *Аксаковъ*, съ 3 декабря 1858 г. Ум. въ 1859 г.

127. Берлинскій профессоръ *К. Б. Рейхертъ*, съ 21 іюля 1859 г.

128. Директоръ Парижской обсерваторіи *Леверье*, съ 16 марта 1860 г.

129. Директоръ Берлинской обсерваторіи *Энке*, съ 16 марта 1860 г. Ум. въ 1856 г.

130. Директоръ Гривичской обсерваторіи *Эри*, съ 16 марта 1860 г.

131. Директоръ Зеебергской обсерваторіи Г*анзенъ*, съ 16 марта 1860 г.

132. Директоръ Альтонской Обсерваторіи *Петеръ*, съ 16 марта 1860 г.

133. Членъ Парижской академіи наукъ *Флурань*, съ 8 іюня 1860 г.

134. Профессоръ въ Боннѣ *Аргеландеръ*, съ 8 іюня 1860 г.

135. Профессоръ въ Парижѣ *Клодъ-Бернаръ*, съ 8 іюня 1860 г.

136. Профессоръ въ Берлинѣ *Дюбуа-Реймонъ*, съ 8 іюня 1860 г.

137. Профессоръ въ Лейпцигѣ Вильгельмъ *Рошеръ*, съ 8 іюня 1860.

138. Ординарный профессоръ Дерптскаго университета *Биддеръ*, съ 8 іюля 1860 г.

139. Ординарный профессоръ С. Петербургской Медико - Хирургической Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Зининъ*, съ 22 іюня 1860 г.

140. Директоръ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Генералъ-Штабъ докторъ, Тайн. Сов. *Отсолигъ*, съ 28 марта 1861 г. Ум.

141. Государь Наследникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ, съ 17 августа 1861 г. Сконч. въ 1865 г.

142. Директоръ Обсерваторіи Римской Коллегіи членъ корреспондентъ Парижской Академіи Наукъ Анджело *Секки*, съ 17 іюля 1862 г.

143. Членъ Парижской Академіи Наукъ Людвигъ *Воловскій*, съ 17 іюля 1862 г.

144. Членъ Парижской Академіи Наукъ Эмиль *Бланшаръ*, съ 17 іюля 1862 г.

145. Бывшій директоръ предсѣдательствовавшій въ коммиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, Сенаторъ Ромуальдъ *Губе*, съ 7 іюля 1862 г.

146. Профессоръ Варшавской Духовной Академіи Вячеславъ Александровичъ *Маціевскій*, съ 17 іюля 1862 г.

147. Профессоръ въ Collège de France, Мишель *Шевалье*, съ 17 іюля 1862 г.

148. Профессоръ въ Тюбингенѣ Робертъ *фонъ-Моль*, съ 17 іюля 1862 г.

149. Профессоръ въ Вюрцбургѣ *Келикеръ*, съ 17 іюля 1862 г.

150. Профессоръ въ Вѣнѣ *Людвигъ*, съ 17 іюля 1862 г.

151. Профессоръ въ Вѣнѣ *Брюке*, съ 17 іюля 1862 г.

152. Профессоръ въ Берлинѣ *Вирховъ*, съ 17 іюля 1862 г.

153. Профессоръ въ Гейдельбергѣ *Рау*, съ 17 іюля 1862 г.

154. Профессоръ въ Лондонѣ членъ Royal College of chemistry *Гофманъ*, съ 17 іюля 1862 г.

155. Заслуженный профессоръ Казанскаго университета Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Францъ Осиповичъ *Елачичъ*, съ 28 января 1854 г.

156. Заслуженный профессоръ Казанскаго университета Никаноръ Алексѣевичъ *Скандовскій*, съ 28 января 1854 г.

157. Исправляющій должность ординарнаго профессора Казанскаго университета Викторъ Ивановичъ *Григоровичъ*, съ 28 января 1854 г.

158. Профессоръ въ Марбургѣ Германъ *Кольбе*, съ 12 марта 1865 г.

159. Ординарный профессоръ Гиссенскаго университета *Игерингъ*, съ 29 апрѣля 1865 г.

160. Профессоръ Берлинскаго университета Францъ *Боппъ*, съ 25 апрѣля 1866 г.

161. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, при посѣщеніи въ 1866 году Его Высочествомъ Казанскаго Университета.

162. Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, Сенаторъ, Графъ Дмитрій Андреевичъ *Толстой*, съ 9 сентября 1866 г.

163. Бывшій ординарный профессоръ Казанскаго университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Θедоровичъ *Поповъ*, съ 9 сентября 1866 г. *Ум.* въ 1878 г.

164. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета, Статскій Совѣтникъ Евменій Филипповичъ *Аристовъ*, съ 29 мая 1867 г. *Ум.* въ 1875 г.

165. Его Императорское Высочество Государь, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, при посѣщеніи Его Высочествомъ Казанскаго университета въ 1866 г.

166. Статскій Совѣтникъ Григорій Ивановичъ *Мѣшковъ*, съ 1 сентябри 1867 г.

167. Профессоръ математики *Гуель* въ Бордо, съ 22 марта 1868 г.

168. Его Имперарское Высочество, Государь, Великій Князь Алексій Александровичъ, при посѣщеніи Его Высочествомъ въ 1868 г. Казанскаго университета.

169. Ординарный профессоръ С. Петербургскаго Университета Александръ Михайловичъ *Бутлеровъ*, съ 22 февраля 1869 г.

170. Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ *Романовскій*, Герцогъ Лейхтенбергскій, съ 22 февраля 1869 г.

171. Академикъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ Николай *Кокшаровъ*, съ 27 мая 1869 г.

172. Помощникъ Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Димитріевичъ *Соколовъ*, съ 19 ноября 1869 г. *Ум.* въ 1873 г.

173. Ординарный Академикъ, Тайный Совѣтникъ Михаилъ Петровичъ *Погодинъ*, съ 11 декабря 1871 г. *Ум.*

174. Заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета, ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности, Тайный Совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ *Соловьевъ*, 25 апрѣля 1872 г.

175. Сенаторъ, членъ Археографической Коммиссіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Тайный Совѣтникъ Николай Васильевичъ *Калачовъ*, съ 21 октября 1872 г.

176. Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Константинъ Петровичъ *Побѣдоносцевъ*, съ 21 октября 1872 г.

177. Профессоръ Берлинскаго университета, докторъ Теодоръ *Моммсенъ*, съ 21 октября 1872 г.

178. Профессоръ Гейдельбергскаго университета, докторъ Бернардъ *Виндшейдъ*, съ 21 октября 1872 г.

179. Почетный лейбъ-медикъ, ординарный профессоръ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи, докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сергѣй Петровичъ *Боткинъ*, съ 24 февраля 1873 г.

180. Заслуженный профессоръ, членъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Тайный Совѣтникъ Эдуардъ Ивановичъ *Эйхвальдъ*, съ 5 мая 1873 г.

181. Берлинскій профессоръ Рудольфъ *Гнейстъ*, съ 27 мая 1874 г.

182. Вѣнскій профессоръ Лоренцъ *Штейнъ*, съ 27 мая 1874 г.

183. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Григорьевичъ *Станиславскій*, съ 30 мая 1874 г.

184. Высокопреосвященнѣйшій Макарій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, Свято-Духова Виленскаго монастыря священно-архимадритъ, присутствующій членъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, докторъ Богословія, съ 5 октября 1874 г.

185. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, Тайный Совѣтникъ Петръ Димитріевичъ *Шестаковъ*, съ 1 февраля 1875 г.

186. Голландскій ученый профессоръ Корнелій Фердинандъ *Дондерсъ*, съ 22 марта 1875 г.

187. Заслуженный ординарный профессоръ, докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Андреевичъ *Бунге*, съ 22 ноября 1875 г.

188. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета, Тайный Совѣтникъ Петръ Ивановичъ *Котельниковъ*, съ 3 марта 1878 г.

189. Горный Инженеръ, Генералъ - Лейтенантъ, Академикъ Григорій Петровичъ *Гельмерсенъ*, съ 3 марта 1878 г.

190. Профессоръ Мюнхенскаго университета *Зибольдъ*, съ 1 апрѣля 1878 г.

191. Профессоръ Льежскаго университета *Шваннъ*, съ 29 апрѣля 1878 г.

192. Деканъ историко-филологическаго факультета, Варшавскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, Тайный Совѣтникъ Осипъ Михайловичъ *Ковалевскій*, съ 29 апрѣля 1878 г. *Ум.* въ 1878 г.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ январѣ 1879 года.

1) *Ректоръ*, Заслуженный Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Финансоваго права*, докторъ политическихъ наукъ, *Тайный Совѣтникъ* Евграфъ Григорьевичъ *Осокинъ*.

2) *Проректоръ*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Ботаники*, докторъ ботаники, Д. С. С. Николай Ѳеодоровичъ *Леваковскій*.

Деканы факультетовъ:

3) *Историко-филологическаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Русской Исторіи*, докторъ русской исторіи, Д. С. С. Николай Алексѣевичъ *Ѳирсовъ*.

4) *Физико-математическаго*, Заслуженный Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Астрономіи*, докторъ математики и астрономіи, *Тайный Совѣтникъ* Маріанъ Альбертовичъ *Ковальскій*. (Онъ же инспекторъ Родіоновскаго Института благородныхъ дѣвицъ).

5) *Юридическаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Римскаго права*, докторъ гражданскаго права, Д. С. С. Николай Александровичъ *Кремлевъ*.

6) *Медицинскаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Физіологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Николай Осиповичъ *Ковалевскій*.

Профессоръ Православнаго Богословія:

7) Магистръ богословскихъ и философскихъ наукъ, протоіерей, Михаилъ Михайловичъ *Зефировъ*. (Онъ же Настоятель Университетской церкви).

Заслуженные ординарные профессоры:

8) По каѳедрѣ *Механики*, докторъ философіи, *Тайный Совѣтникъ* Петръ Ивановичъ *Котельниковъ*.

9) По каѳедрѣ *Энциклопедіи права*, докторъ юридическихъ наукъ, *Тайный Совѣтникъ* Антонъ Григорьевичъ *Станиславскій*.

10) По каѳедрѣ *Русскаго языка и Русской литературы*, докторъ славяно-русской филологіи, Д. С. С. Николай Никитичъ *Буличъ*.

11) По каѳедрѣ *Хирургической Факультетской Клиники*, докторъ медицины и хирургіи, Д. С. С. Андрей Николаевичъ *Бекетовъ*.

Ординарные профессоры:

12) По каѳедрѣ *Технологіи*, магистръ технологіи, *Тайный Совѣтникъ* Андрей Кириловичъ *Чугуновъ*.

13) По каѳедрѣ *Чистой Математики*, докторъ чистой математики, Д. С. С. Эрастъ Петровичъ *Янишевскій*. (Онъ же городской голова г. Казани).

14) По каѳедрѣ *Терапевтической Факультетской Клиники*, докторъ медицины, Д. С. С. Николай Андреевичъ *Виноградовъ*.

15) По каѳедрѣ *Патологической Анатоміи*, докторъ медицины, Д. С. С. Александръ Васильевичъ *Петровъ*.

16) По каѳедрѣ *Терапевтической Госпитальной Клиники*, докторъ медицины, Д. С. С. Михаилъ Ѳедоровичъ *Субботинъ*.

17) По каѳедрѣ *Церковной Исторіи*, магистръ богословскихъ наукъ, Д. С. С. Иванъ Михайловичъ *Добротворскій*. (Секретарь историко-филологическаго факультета).

18) По каѳедрѣ *Минералогіи*, докторъ минералогіи, Д. С. С. Фридрихъ Фридриховичъ *баронъ Розенъ*.

19) По каѳедрѣ *Хирургической Госпитальной Клиники*, докторъ медицины, Д. С. С. Михаилъ Васильевичъ *Никольскій*.

20) По каѳедрѣ *Исторіи Русскаго права*, докторъ государственнаго права, Д. С. С. Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*.

21) По каѳедрѣ *Полицейскаго права*, докторъ полицейскаго права, Д. С. С. Яковъ Спиридоновичъ *Степановъ*.

22) По каѳедрѣ *Судебной Медицины*, докторъ медицины Д. С. С. Иванъ Михайловичъ *Гвоздевъ*.

23) По каѳедрѣ *Химіи*, докторъ химіи, Д. С. С. Александръ Михайловичъ *Зайцевъ*.

24) По каѳедрѣ *Фармакологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Иванъ Михайловичъ *Догель*.

25) По каѳедрѣ *Психіатріи*, докторъ медицины. Д. С. С. Александръ Юстиновичъ *Фрезе* (сверхштатный). (Онъ же директоръ Окружной лечебницы для умалишенныхъ во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ).

26) По каѳедрѣ *Всеобщей Исторіи*, докторъ всеобщей исторіи, Д. С. С. Николай Алексѣевичъ *Осокинъ*.

27) По каѳедрѣ *Офталмологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Емельянъ Валентіевичъ *Адамюкъ*.

28) По каѳедрѣ *Зоологіи*, докторъ зоологіи, С. С. Николай Михайловичъ *Мельниковъ*.

29) По каѳедрѣ *Зоологіи*, докторъ зоологіи, С. С. Владиміръ Владиміровичъ *Заленскій*.

30) По каѳедрѣ *Гражданскаго права и Гражданскаго Судоустройства и Судопроизводства*, докторъ

гражданскаго права, Д. С. С. Адольфъ Михайловичъ *Осиповъ*.

31) По каѳедрѣ *Государственнаго права*, докторъ государственнаго права, Д. С. С. Николай Константиновичъ *Нелидовъ*. (Секретарь юридическаго факультета).

32) По каѳедрѣ *Славянской филологіи*, докторъ славянской филологіи, С. С. Мемнонъ Петровичъ *Петровскій*.

33) По каѳедрѣ *Гистологіи*, докторъ медицины, С. С. Карлъ Августовичъ *Арнштейнъ*.

34) По каѳедрѣ *Физіологической Анатоміи*, докторъ медицины, С. С. Дмитрій Сергѣевичъ *Ермолаевъ*.

35) По каѳедрѣ *Геологіи и Палеонтологіи*, докторъ минералогіи и геологіи, С. С. Александръ Антоновичъ *Штукенбергъ*.

36) По каѳедрѣ *Сравнительной граматики Индо-Европейскихъ языковъ*, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія Иванъ Александровичъ *Бодуэнъ-де-Куртенэ*.

37) По каѳедрѣ *Частной Патологіи и Терапіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Иванъ Ивановичъ *Зедерштедтъ*. (Сверхштатный).

38) По каѳедрѣ *Акушерства и женскихъ болѣзней*, докторъ медицины, Д. С. С. Василій Марковичъ *Флоринскій*.

39) По каѳедрѣ *Греческой словесности*, докторъ греческой словесности, Н. С. Дмитрій Ѳедоровичъ *Бѣляевъ*.

Экстраординарные профессоры:

40) По каѳедрѣ *Физіологической химіи*, докторъ медицины, С. С. Арсеній Яковлевичъ *Щербаковъ*. (Секретарь медицинскаго факультета).

41) По каѳедрѣ *Теоретической Хирургіи*, докторъ медицины, К. С. Левъ Львовичъ *Левшинъ*.

42) По каѳедрѣ *Общей Патологіи*, докторъ медицины, К. С. Викторъ Васильевичъ *Пашутинъ*.

43) По каѳедрѣ *Ботаники*, докторъ ботаники, К. С. Николай Васильевичъ *Сорокинъ*.

44) По каѳедрѣ *Физiологiи*, докторъ медицины, К. С. Константинъ Васильевичъ *Ворошиловъ*. (Секретарь физико-математическаго факультета).

45) По каѳедрѣ *Химiи*, докторъ химiи, Н. С. Григорiй Николаевичъ *Глинскiй*.

46) По каѳедрѣ *Физики*, докторъ физики, Робертъ Андреевичъ *Колли*.

Доценты:

47) По каѳедрѣ *Фармацiи*, магистръ фармацiи, С. С. Робертъ Андреевичъ *Лангель*.

48) При каѳедрѣ *Чистой Математики*, магистръ чистой математики, К. С. Ѳедоръ Матвѣевичъ *Суворовъ*.

49) При каѳедрѣ *Русской Исторiи*, магистръ русской исторiи, С. С. Дмитрiй Александровичъ *Корсаковъ*.

50) По каѳедрѣ *Частной Патологiи и Терапiи* докторъ медицины, К. С. Михаилъ Аристарховичъ *Хомяковъ*.

51) По доцентурѣ *Энциклопедiи и Исторiи Медицины, съ порученiемъ преподавать Ляринголкопiю*, докторъ медицины, К. С. Матвѣй Флоровичъ *Болдыревъ*.

52) По доцентурѣ *Оперативной Хирургiи*, докторъ медицины, К. С. Николай Ивановичъ *Боголюбовъ*.

53) По доцентурѣ *Сифилидологiи и Дерматологiи*, докторъ медицины, Александръ Генриховичъ *Ге*. (Онъ же и. д. старшаго врача Казанской земской больницы).

54) По каѳедрѣ *Философiи*, магистръ философiи Н. С. Аполлонъ Ивановичъ *Смирновъ*.

55) По доцентурѣ *Отiатрiи*, докторъ медицины, Н. С. Николай Ѳедоровичъ *Высоцкiй*.

56) По каѳедрѣ *Международнаго права*, магистръ международнаго права, К. С. Николай Павловичъ *Ивановъ*.

57) По каѳедрѣ *Гигіены*, докторъ медицины, Н. С. Иринархъ Полихроніевичъ *Скворцовъ*.

58) По доцентурѣ *Дѣтскихъ болѣзней*, докторъ медицины, Н. С. Николай Александровичъ *Толмачевъ*.

59) По доцентурѣ *Общей и аналитической химіи*, магистръ химіи, Н. С. Флавіанъ Михайловичъ *Флавицкій*.

60) По доцентурѣ *Десмургіи и Ортопедіи*, докторъ медицины, Н. С. Николай Ивановичъ *Студенскій*.

61) По *Исторіи Русскаго права*, магистръ, Николай Павловичъ *Загоскинъ*.

Приватъ-доценты:

62) *Латинскаго языка*, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ, Порфирій Петровичъ *Гвоздевъ*.

63) *Физической Географіи*, кандидатъ математическихъ наукъ, Иванъ Николаевичъ *Смирновъ*.

64) *Уголовнаго права*, магистрантъ Николай Николаевичъ *Виноградскій*.

65) *Агрономической химіи*, кандидатъ естественныхъ наукъ, Василій Ивановичъ *Сорокинъ*.

66) *Славянской филологіи*, кандидатъ историко-филологическаго факультета, Иванъ Алексѣевичъ *Снегиревъ*.

67) *Семіотики и Діагностики*, докторъ медицины, Николай Ивановичъ *Котовщиковъ*.

68) *Практическаго гражданскаго судопроизводства*, кандидатъ юридическихъ наукъ, Митрофанъ Васильевичъ *Шимановскій*, (Онъ же членъ Казанскаго Окружнаго Суда).

69) *Греческаго языка и Словесности*, Инспекторъ Казанской 2-й гимназіи, Леопольдъ Александровичъ *Бергъ*.

Преподаватели:

70) *Логики и Психологіи*, Экстраординарный Профессоръ Казанской Духовной Академіи, магистръ богословскихъ наукъ, Веніаминъ Алексѣевичъ *Снегиревъ*.

71) *Римской Словесности,* Ординарный Профессоръ Казанской Духовной Академіи, докторъ богословія, Михаилъ Яковлевичъ *Красинъ.*

Лекторы:

72) *Французскаго языка,* К. С. Адольфъ Карловичъ *Леженъ.*

73) *Нѣмецкаго языка,* кандидатъ историко-филологическихъ наукъ Леонардъ Зеноновичъ *Колмачевскій.*

Прозекторъ:

74) Докторъ медицины, Н. С. Николай Михайловичъ *Маліевъ.*

Помощники прозектора:

75) Лѣкарь, Иванъ Михайловичъ *Шумковъ.*

76) Лѣкарь, Владиміръ Ивановичъ *Земблиновъ* (сверхштатный).

77) Лѣкарь, Николай Матвѣевичъ *Любимовъ* (свер.).

Ординаторы:

78) Лѣкарь, Дмитрій Григорьевичъ *Семченковъ.*

79) Лѣкарь, Дмитрій Васильевичъ *Соловьевъ.*

80) Лѣкарь, Викторъ Васильевичъ *Васильевъ.*

81) Лѣкарь, Николай Сергѣевичъ *Зимнинскій.*

82) Лѣкарь, Иванъ Васильевичъ *Годневъ.*

83) Допущенный временно къ и. д. Ординатора Акушерской Клиники, докторантъ, Александръ Ивановичъ *Котовщиковъ.*

84) И. д. ординатора при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники, докторъ медицины, Павелъ Петровичъ *Асташевскій.*

Астрономъ-наблюдатель:

85) Магистрантъ астрономіи, Н. С. Платонъ Сергѣевичъ *Порѣцкій*.

Сверхштатные ассистенты:

86) При каѳедрѣ *Ботаники*, кандидатъ естественныхъ наукъ, Юлій Карловичъ *Шелль*.

87) При *Астрономической обсерваторіи*, кандидатъ математическихъ наукъ, Генрихъ Андреевичъ *Салинъ*.

88) При каѳедрѣ *Судебной медицины*, лѣкарь, Константинъ Михайловичъ *Леонтьевъ*.

89) При отдѣленіи *Глазной клиники*, лѣкарь, Иванъ Елисѣевичъ *Егоровъ*.

90) При каѳедрѣ *Физіологіи*, лѣкарь, Николай Александровичъ *Миславскій*.

91) При *Госпитальной клиникѣ*, лѣкарь, Михаилъ Александровичъ *Падаринъ*.

92) При *Гигіеническомъ кабинетѣ*, лѣкарь, Владиміръ Дмитріевичъ *Орловъ*.

93) При *Геологическомъ кабинетѣ*, кандидатъ естественныхъ наукъ, Петръ Ивановичъ *Кротовъ*.

Лаборанты:

94) Провизоръ, К. С. Гуго Іоахимовичъ *Ломанъ*.

95) Провизоръ, К. Секр. Карлъ Ивановичъ *Кебель*.

96) К. Секр. Эмануилъ Даниловичъ *Пельцамъ*.

97) Лѣкарь, Владиміръ Ивановичъ *Никольскій*.

98) Технологъ 1-го разряда Владиміръ Матвѣевичъ *Рудневъ*.

99) Кандидатъ естественныхъ наукъ, Иннокентій Ивановичъ *Канонниковъ*.

100) Провизоръ, Тит. Сов., Ромуальдъ Игнатьевичъ *Ключевскій* (сверхшт.).

101) Лѣкарь, Александръ Порфирьевичъ *Сизовъ* (сверхштатный).

102) Провизоръ, Порфирій Никитичъ *Крыловъ* (сверхштатный).

Оставленные при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію:

По Историко-филологическому факультету:

103) Кандидатъ Петръ Владиміровичъ *Владимiровъ.*

104) Кандидатъ Степанъ Кировичъ *Кузнецовъ.*

105) Кандидатъ, Иванъ Владиміровъ *Соколовскій.*

106) Кандидатъ, Иванъ Николаевичъ *Смирновъ.*

По физико-математическому факультету:

107) Кандидатъ математическихъ наукъ, Николай Владиміровичъ *Нечаевъ.*

По юридическому факультету:

108) По каѳедрѣ *Гражданскаго судопроизводства,* кандидатъ Григорій Ѳедоровичъ *Дормидонтовъ* (своекоштный).

109) По каѳедрѣ *Политической экономіи,* кандидатъ Дмитрій Михайловичъ *Львовъ.*

110) По каѳедрѣ *Государственнаго права,* кандидатъ, Владиміръ Егоровичъ *Щегловъ.*

По медицинскому факультету:

111) Лѣкарь, Иванъ Михайловичъ *Потѣхинъ.*

Библіотекарь:

112) Д. С. С. Іосифъ Ѳедоровичъ *Готвальдъ.*

Помощники библіотекаря:

113) К. С. Евстафій Семеновичъ *Лешковскій.*
114) К. С. Василій Львовичъ *Кононовъ.*
115) И. д. помощника кандидатъ Викторъ Викторовичъ *Ивановскій.*

Хранители музеевъ:

116) Магистрантъ, Т. С. Иванъ Владиміровичъ *Соколовскій.*
117) Сергѣй Михайловичъ *Смирновъ.*
118) Кандидатъ, естественныхъ наукъ, К. С. Василій Ивановичъ *Сорокинъ.*

Помощники проректора:

119) К. С. Карлъ Ивановичъ *Войцѣховичъ.*
120) С. С. Александръ Николаевичъ *Чемезовъ.*
121) Г. С. Николай Павловичъ *Брюховъ.*

---

122) Секретарь Совѣта, С. С. Николай Глѣбовичъ *Фастрицкій.*
123) Секретарь Правленія, Кол. Секр. Константинъ Петровичъ *Красновъ.*
124) Секретарь по студентскимъ дѣламъ, К. А. Василій Герасимовичъ *Смоленскій.*
125) Казначей, К. А. Викторъ Константиновичъ *Савельевъ.*
126) Бухгалтеръ, К. А. Петръ Ивановичъ *Ставропольскій.*
127) Экзекуторъ, Н. С. Ѳедоръ Ивановичъ *Омельяновичъ.*
128) Архитекторъ К. А. Владиміръ Кузмичъ *Бечко-Друзинъ.*

129) Архиваріусъ, К. А. Петръ Ивановичъ *Шляпниковъ*.

130) Письмоводитель медицинскаго факультета. К. Р. Михаилъ Николаевичъ *Глинскій*.

131) Студентскій врачъ, К. А. Александръ Александровичъ *Кремлевъ*.

132) Временно испр. должность смотрителя клиники, С. С. Александръ Николаевичъ *Чемезовъ*.

133) Священникъ клинической церкви, Андрей Михайловичъ *Черняевъ*.

134) Діаконъ Университетской церкви, Александръ Петровичъ *Чистосердовъ*.

135) Причетникъ Александръ Егоровичъ *Сперанскій*.

136) Механикъ, личный почетный гражданинъ, Фридрихъ Августовичъ *Генкель*.

137) Испр. д. Начальника Университской Типографіи, Д. С. С. Іосифъ Θедоровичъ *Готвальдъ*.

138) Повивальная бабка при Акушерской клиникѣ, Анна Ивановна *Миллеръ*.

Состоящія при Университетѣ особыя учрежденія къ 1 января 1879 года.

1) Университетскій Судъ. Члены: Ординарные профессоры: Адольфъ Михайловичъ *Осиповъ*, Николай Андреевичъ *Виноградовъ* и Николай Алексѣевичъ *Θирсовъ*; Кандидаты: Ординарные профессоры: Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*, Иванъ Александровичъ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* и экстраординарный профессоръ Константинъ Васильевичъ *Ворошиловъ*.

2) Редакторъ „Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“, ординарный профессоръ *А. М. Осиповъ*.

3) Библіотеки главная и студентская въ завѣдываніи *I. Θ. Готвальда.*

4) Соединенные кабинеты: древностей и изящныхъ искусствъ и нумизматическій въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. А. Θирсова.*

5) Астрономическая обсерваторія въ завѣдываніи заслуженнаго ординарнаго профессора *М. А. Ковальскаго.*

6) Кабинетъ практической механики въ завѣдываніи заслуженнаго ординарнаго профессора *П. И. Котельникова.*

7) Физическій кабинетъ съ лабораторіею, кабинетъ физической географіи, физическая и метеорологическая обсерваторія въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Р. А. Колли.*

8) Кабинетъ органической химіи съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. М. Зайцева.*

9) Кабинетъ неорганической химіи, съ лабораторіею, въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Г. Н. Глинскаго.*

10) Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Ф. Ф. барона Розена.*

11) Геологическій и Палеонтологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. А. Штукенберга.*

12) Ботаническій садъ въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Н. В. Сорокина.*

13) Ботаническій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. Θ. Леваковскаго.*

14) Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. М. Мельникова.*

15) Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *В. В. Заленскаго.*

16) Физіологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. О. Ковалевскаго.*

17) Физiологическiй кабинетъ физико-математическаго факультета въ завѣдыванiи экстраординарнаго профессора *К. В. Ворошилова.*

18) Техническiй кабинетъ съ лабораторiею и кабинетъ Агрономической Химiи съ лабораторiею въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *А. К. Чугунова.*

19) Музей Физiологической Анатомiи въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *Д. С. Ермолаева.*

20) Музей Патологической Анатомiи въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *А. В. Петрова.*

21) Гистологическiй кабинетъ въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *К. А. Арнштейна.*

22) Фармацевтическiй кабинетъ съ лабораторiею въ завѣдыванiи доцента *Р. А. Лангеля.*

23) Фармакологическiй кабинетъ въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *И. М. Догеля.*

24) Кабинетъ Судебной медицины въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *И. М. Гвоздева.*

25) Кабинетъ Гигiеническiй въ завѣдыванiи доцента *И. П. Скворцова.*

26) Кабинетъ Общей Патологiи съ лабораторiей въ завѣдыванiи экстраординарнаго профессора *В. В. Пашутина.*

27) Медико-Химическiй кабинетъ и лабораторiя въ завѣдыванiи экстраординарнаго профессора *А. Я. Щербакова.*

28) Кабинетъ теоретической Хирургiи въ завѣдыванiи экстраординарнаго профессора *Л. Л. Левшина.*

29) Акушерскiй кабинетъ и Акушерская клиника съ ея отдѣленiями въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *В. М. Флоринскаго.*

30) Терапевтическая Факультетская клиника съ кабинетомъ въ завѣдыванiи ординарнаго профессора *Н. А. Виноградова.*

31) Хирургическiй кабинетъ и Хирургическая Факультетская клиника въ завѣдыванiи заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Н. Бекетова.*

32) Офталмологическая факультетская клиника и кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Е. В. Адамюка.*

33) Терапевтическая Госпитальная клиника съ кабинетомъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *М. Ѳ. Субботина.*

34) Хирургическая Госпитальная клиника съ кабинетомъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *М. В. Никольскаго.*

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА,

СОСТОЯЩІЯ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ:

I. Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Предсѣдатель П. Д. Шестаковъ, Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа.

Товарищъ Предсѣдателя орд. проф. С. М. Шпилевскій.

Секретарь доцентъ Н. П. Загоскинъ.

Казначей В. К. Савельевъ.

Члены Совѣта: протоіер. П. Е. Заринскій, Н. И. Золотницкій, И. А. Износковъ, В. В. Радловъ, орд. проф. Н. А. Ѳирсовъ.

II. Общество Врачей.

Предсѣдатель проф. К. А. Арнштейнъ.
Секретарь доц. Н. Ѳ. Высоцкій.
Второй Секретарь М. А. Падаринъ.

III. Общество Естествоиспытателей.

Вице-Президентъ А. А. Штукенбергъ.
Секретарь В. И. Сорокинъ.

IV. Общество Юридическое.

Управленіе еще не составилось.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА 1877 ГРАЖДАНСКІЙ ГОДЪ.

Читано Секретаромъ Совѣта Н. Г. Фастрицкимъ.

На основаніи § 49 Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, предлагается вниманію Вашему, мм. гг., извлеченіе изъ отчета Казанскаго Университета за 1877 годъ.

Императорскій Казанскій Университетъ состоитъ изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ физико-математическій и юридическій факультеты раздѣляются на разряды:—первый на разрядъ наукъ математическихъ и разрядъ наукъ естественныхъ, а второй—на разрядъ наукъ юридическихъ и разрядъ наукъ государственныхъ.

Штатныхъ преподавателей, отдѣльно по факультетамъ, *состояло на лицо*:

а) По историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3, лекторовъ 2, всего 11 лицъ; б) по физико-математическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 2, лаборантовъ 4, астрономъ наблюдатель 1, всего 20; в) по

юридическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 8, доцентовъ 1, всего 9 лицъ и г) по медицинскому факультету ординарныхъ профессоровъ 12 ([1]) и 2 сверхштатныхъ, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 11, прозекторъ 1, помощниковъ прозектора 2 штатныхъ и 1 сверхштатный, лаборантовъ 1 и сверхштатныхъ 2 всего 35 лицъ.

Общее число наличныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 36, экстраординарныхъ 6, доцентовъ 17, прозекторовъ 1, помощниковъ прозектора 2 штатныхъ и 1 сверхштатный, астрономъ наблюдатель 1, лаборантовъ 8, изъ нихъ 2 сверхштатныхъ, лекторовъ 2, всего 74 лица.

Сверхштатныхъ преподавателей въ Казанскомъ Университетѣ состоитъ 2: 1 по психіатріи и 1 по частной патологіи и терапіи.

При факультетахъ: историко-филологическомъ, физико-математическомъ, юридическомъ и медицинскомъ въ 1877 году состояло 10 приватъ-доцентовъ, которые читали: 1 латинскій языкъ, 1 физическую географію, 1 уголовное право, 1 агрономическую химію, 1 теорію функцій, 1 исторію русскаго права, 1 семіотику и діогностику, 1 практическое гражданское судопроизводство, 1 славянскую филологію и 1 акушерство и женскія болѣзни.

Сверхъ того, приглашены къ временному преподаванію (въ историко-филологическомъ факультетѣ: римской сло-

---

([1]) Штатныхъ профессоровъ въ медицинскомъ факультетѣ состоитъ 11 но въ сей послѣдней цифрѣ—12 значится профессоръ, избранный по вакантной экстраординатурѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора и съ добавочнымъ окладомъ ординарнаго профессора изъ остатковъ личнаго состава.

весности ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи *Красинъ* и логики и психологіи—экстраординарный профессоръ тойже Академіи *Снегиревъ*.

Имѣются преподавательскія вакансіи по факультетамъ: а) историко-филологическому: 1) римской словесности съ 2-й половины 1869 года, 2) исторіи всеобщей литературы и 3) теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ—послѣднія двѣ со времени введенія въ дѣйствіе Университетскаго Устава 833 года и положенныя по штатамъ Россійскихъ ун ивер ситетовъ 1863 г. двѣ каѳедры восточныхъ языковъ; б) физико-математическому: 1) второй каѳедры математики съ 11 декабря 1871 года, 2) агрономической химіи съ 27 марта 1870 года и 3) физической географіи со времени введенія въ дѣйствіе Университетскаго Устава 1863 года; в) юридическому: 1) каноническаго права съ 9 сентября 1869 года и 2) исторіи славянскихъ законодательствъ со времени введенія въ дѣйствіе Университетскаго Устава 1863 года и г) медицинскому: частной патологіи и терапіи.

1) *Историко-филологическій факультетъ*. 1) Въ 1877 году факультетъ имѣлъ 19 засѣданій, въ томъ числѣ 4 для производства испытаній на ученыя званія и въ числѣ послѣднихъ 2 публичныхъ.

2) Измѣненій въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія ихъ въ отчетномъ году не послѣдовало. 3) Изъ каѳедръ, положенныхъ въ факультетѣ по уставу 1863 года, заняты были: а) философіи—доцентомъ *А. И. Смирновымъ*, b) Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ—орд. профес. *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ*, с) исторіи русскаго языка и русской литературы—заслу-

женнымъ орд. профес. *Н. Н. Буличемъ,* d) славянской филологіи—орд. профес. *М. П. Петровскимъ,* e) всеобщей исторіи—орд. профес. *Н. А. Осокинымъ,* g) русской исторіи—орд. профес. *Н. А. Ѳирсовымъ,* i) церковной исторіи орд. профес. *И. М. Добротворскимъ,* h) греческой словесности и языка доцентомъ *Д. Ѳ. Бѣляевымъ,* утвержденнымъ въ этомъ званіи въ началѣ отчетнаго года, но приступившимъ къ чтенію лекцій въ факультетѣ только въ октябрѣ 1877 года, такъ какъ въ первое полугодіе онъ находился въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлію. Кромѣ того, при каѳедрѣ русской исторіи состоялъ доцентъ *Д. А. Корсаковъ,* который читалъ лекціи только въ первое полугодіе, находясь второе полугодіе въ командировкѣ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани съ ученою цѣлію. Изъ означенныхъ лицъ въ послѣднее десятилѣтіе заняли преподавательскія должности въ факультетѣ доценты: *Корсаковъ, Смирновъ* и *Бѣляевъ* и профессора: *Осокинъ, Бодуэнъ-де-Куртенэ* и *Петровскій.* Послѣдній, хотя въ штатные преподаватели по занимаемой каѳедрѣ поступилъ въ послѣднее десятилѣтіе, но началъ свою преподавательскую дѣятельность въ качествѣ временнаго преподавателя еще до введенія устава 1863 года. Оставались вакантными каѳедры: a) римской словесности, b) исторіи всеобщей литературы, c) теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ и d) положенныя по штатамъ Россійскихъ Университетовъ 1863 г. въ Казанскомъ Университетѣ двѣ каѳедры восточныхъ языковъ.

Занимавшій нѣкоторое время въ теченіи послѣдняго десятилѣтія каѳедру римской словесности въ званіи доцента, а потомъ экстраордин. профес. *В. И. Модестовъ* перешелъ на таковую же каѳедру въ университетѣ Св. Владиміра.

Занимавшіе каѳедру восточныхъ языковъ, съ званіемъ экстраординарныхъ профессоровъ, гг. *Холмогоровъ* и *Ильминскій* въ послѣднее десятилѣтіе выбыли изъ факультета, первый за выслугою 25-ти лѣтнягою срока учебной службы, а второй, по случаю назначенія его на должность директора Казанской учительской семинаріи. Изъ поименованныхъ вакантныхъ каѳедръ слѣдующія каѳедры не были въ отчетномъ году занимаемы и временными преподавателями: а) исторіи всеобщей литературы, b) теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ и с) каѳедры восточныхъ языковъ.

Что касается до вакантной каѳедры римской словесности, къ постоянному и достойному замѣщенію которой всѣ мѣры, принятыя факультетомъ и въ томъ числѣ конкурсъ, оказались безуспѣшными, то преподаваніе по ней въ отчетномъ году, по примѣру предыдущаго, съ Высочайшаго соизволенія, было поручено преподавателю 2-й Казанской гимназіи, затѣмъ назначенному инспекторомъ первой Императорской гимназіи, привать-доценту *П. П. Гвоздеву* и ординарному профессору Казанской Духовной Академіи *М. Я. Красину*, изъ коихъ на обязанности перваго лежало преподаваніе латинскаго языка и объясненія римскихъ авторовъ, а на обязаности втораго чтеніе лекцій по римскимъ древностямъ и исторіи римской литературы.

По каѳедрѣ греческой словесности, за отсутствіемъ штатнаго преподавателя въ первое полугодіе, преподаваніе ведено было, съ Высочайшаго разрѣшенія, ординарнымъ профессоромъ *Добротворскимъ*. Ходатайство факультета, въ видахъ усиленія преподаванія по этой каѳедрѣ, о порученіи преподаванія по ней и во второе полугодіе отчетнаго года профессору *Добротворскому* Совѣтомъ университета было отвергнуто.

Въ видахъ усиленія преподаванія по каѳедрѣ философіи, по примѣру предъидущаго года, былъ приглашенъ, съ Высочайшаго соизволенія, къ чтенію лекцій по логикѣ и психологіи экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи *В. А. Снегиревъ.* Въ видахъ усиленія преподаванія по каѳедрѣ славянской филологіи съ начала втораго полугодія отчетнаго года факультетомъ, съ одобренія Совѣта Университета, поручено преподаваніе нѣкоторыхъ частей этаго предмета приватъ-доценту *И. А. Снегиреву.* Озабочиваясь приготовленіемъ преподавателей въ факультетѣ на будущее время, факультетъ въ отчетномъ году ходатайствовалъ чрезъ Совѣтъ Университета предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи за границу: для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ греческой словесности—кандидата, приватъ доцента *А. И. Егорова,* для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей литературы—лектора нѣмецкаго языка *Л. З. Колмачевскаго,*—обоихъ на два года; въ Москву и С.-Петербургъ—для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи, магистранта *И. В. Соколовскаго* на полтора года. Всѣ эти ходатайства г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія были уважены.

Въ тѣхъ же видахъ, согласно тоже ходатайства факультета, оставлены Совѣтомъ Унивеьситета при Университетѣ въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ окончившіе курсъ въ отчетномъ году кандидатами: для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ римской словесности—*Кузнецовъ* и для приготовленія къ каѳедрѣ исторіи русскаго языка и русской словесности *Владиміровъ.*

4) Факультетъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущихъ, кромѣ обыкновеннаго контроля надъ занятіями

студентовъ, состоящаго въ переводныхъ испытаніяхъ, для студентовъ перваго курса назначалъ передъ святками репетиціи изъ пройденнаго въ послѣднее полугодіе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ 28 студентовъ 6-ть получили отмѣтку въ среднемъ выводѣ болѣе 4-хъ, 9-ть по 4 и трое—каждый не менѣе по 3, 8-мь не явились на репетиціи или по всѣмъ предметамъ или по нѣкоторымъ только, по уважительнымъ причинамъ, почему объ нихъ факультетомъ постановлено: допустить ихъ къ переводному испытанію; остальные два человѣка не явились на репетиціи, по неизвѣстнымъ причинамъ, почему относительно ихъ постановлено: не допускать ихъ къ переводному испытанію, если не представятъ законныхъ удостовѣреній объ уважительности причинъ неявки ихъ на репетиціи. Относительно же студентовъ прочихъ курсовъ факультетъ, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, особенное вниманіе обращалъ на письменныя самостоятельныя работы, требуя отъ каждаго студента, по крайней мѣрѣ, одной работы по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ.

Всѣхъ такихъ работъ въ отчетномъ году студентами II, III и IV курсовъ было представлено 20, а именно: по *русской словесности*—заслуженному профессору *Буличу*—4: студентами III курса *Анастасьевымъ*—„*Критическій разборъ* сочиненія *Буслаева—историческіе очерки народной русской словесности и искусства*“, *Кукурановымъ*—„*Краткій обзоръ главнѣйшихъ мнѣній о Гоголѣ*“, IV курса *Владиміровымъ*“—„*Краткій обзоръ литературы русскаго народнаго эпоса*“ и *Тихановскимъ*—„*К. И. Батюшковъ и характеръ его литературной дѣятельности*“. Всѣ эти сочиненія профес. *Буличъ* призналъ весьма удовлетворительными (5) по основа-

тельности знанія и знакомству авторовъ съ источниками и пособіями для трудовъ, по трудолюбію ихъ и по достоинству изложенія.

По русской исторіи—6, а именно: орд. профес. *Өирсову* студентами II курса 5, изъ коихъ онъ призналъ весьма удовлетворительными, по содержанію и изложенію сочиненія студентовъ: *Шабердина*—„*Поученіе Владиміра Мономаха, какъ матеріалъ для личной характеристики этаго князя и бытовой исторіи этаго времени*" и *Петерсена* „*Положеніе русской женщины въ домонгольскій періодъ по начальной лѣтописи и ея продолжателямъ*",—удовлетворительными (4); остальныя три работы—доценту *Корсакову* 1 студентомъ IV курса *Краснодэмбскимъ*—„*О князѣ Курбскомъ*", о каковой работѣ онъ отозвался, какъ обнаруживающей въ авторѣ тщательное изученіе источниковъ и способность его вдумываться въ историческіе факты и дѣлать имъ должное освѣщеніе.

По всеобщей исторіи—ордин. профес. *Осокину* 5, изъ которыхъ сочиненія студентовъ III курса *Кулагина*—„*Послѣдствіе 30 лѣтней войны для Германіи (по монографіи Гайдера)*", *Смирнова*—„*Новый взглядъ на исторію—Хорватовъ въ X вѣкѣ по поводу труда Дрилова—Византія и южные славяне въ X вѣкѣ*", IV курса *Краснодэмбскаго*—„*Внутренняя исторія Польши при Стефанѣ Баторіѣ*" и *Соловьева*—„*О положеніи римлянъ въ Италіи подъ владычествомъ Лонгобардовъ*"—онъ нашелъ, въ виду ихъ основательности и хорошихъ пріемовъ, отличными, а работу *Меньщикова* (IV курса) хорошею (4).

По римской словесности—преподавателю *Красину* студентами IV курса три, которыя всѣ найдены имъ удовлетворительными.

По сравнительной грамматикѣ Индо-Европейскихъ языковъ—орд. профес. *Бодуэнъ-де-Куртенэ* 2, а именно: студентами III курса: *Ахмеровымъ „Глагольныя формы татарскаго языка“* и *Черкасовымъ „Опытъ изложенія употребленія и значенія сослагательнаго и желательнаго наклоненій по сочиненію Der Gebrauch des Conjunctivs und Optativs im griechischen und Senscrit. von B. Delbrück“*, о которыхъ онъ отозвался съ весьма лестной стороны, находя ихъ вполнѣ добросовѣстными и основательными трудами и потому заслуживающими напечатанія.

Сверхъ годичныхъ письменыхъ работъ для стипендіатовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III курсѣ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ опредѣлить свою спеціальность, и въ IV ведены были, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, особыя практическія занятія въ учрежденныхъ пять лѣтъ тому назадъ съ этою цѣлію при факультетѣ семинаріумахъ подъ руководствомъ: по *русской словесности*—заслуженнаго профессора *Булича*, въ которыхъ участвовало пять студентовъ, по *русской исторіи* и *географіи*—орд. профес. *Ѳирсова*, руководившаго занятіями пяти студентовъ и въ первое полугодіе (для студентовъ IV курса)—доцента *Корсакова*, имѣвшаго въ своемъ руководствѣ 4 студента; по *всеобщей исторіи* и *географіи*—орд. профес. *Осокина*, руководствовавшаго занятіями пяти студентовъ, по *греческой словесности* и *языку*—въ первое полугодіе—орд. профес. *Добротворскаго*, руководствовавшаго пять студентовъ, а во второе—доцента *Бѣляева*, у котораго подъ руководствомъ было два студента, по *римской словесности* и *языку*—приватъ-доцента *Гвоздева* и преподавателя *Красина*,

руководствовавшихъ 4 студентовъ. Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ допускается участіе и товарищей лекторовъ, и наконецъ въ разборѣ годичныхъ письменныхъ работъ студентовъ. Кромѣ того, ведены были практическія занятія со студентами орд. профес. *Бодуэнъ-де-Куртенэ* по двумъ необязательнымъ отдѣламъ языковѣдѣнія по языку Санскритскому (два часа въ недѣлю для желающихъ III и IV курсовъ) и по глоттологическимъ (лингвистическимъ) упражненіямъ (два часа въ недѣлю для желающихъ всѣхъ четырехъ курсовъ). Въ этихъ занятіяхъ принимали участіе 10 студентовъ.

Изъ студентовъ, получившихъ ранѣе начала отчетнаго года и въ теченіи его стипендіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и другія, уравненныя съ ними относительно условій удержанія ихъ за собою, смѣщены со стипендій четверо, а именно: студенты I курса, нынѣ II курса, *Некрасовъ Петръ*, *Орловъ Николай* и *Потаповъ Григорій*, такъ какъ на переводномъ испытаніи каждый изъ нихъ получилъ отмѣтку въ среднемъ выводѣ менѣе 4-хъ, и 1-го же курса *Будринъ*, за невыдержаніемъ переходнаго экзамена.

Для помѣщенія въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета факультетомъ въ отчетномъ году одобрены слѣдующіе труды: 1) орд. профес. по каѳедрѣ исторіи рус-

скаго права *С. М. Шпилевскаго* — „Булгарскіе и татарскіе памятники въ Казанской губерніи“; 2) орд. проф. *Бодуэнъ-де-Куртенэ*: a) „по поводу книги Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jesiku (вторичная вокализація въ Хорватскомъ языкѣ) Б. Ягича. b) Рецензія разсужденія“ Historyczny obszar Polski przez Wincentego Pola; Rzecz o dialektach mowy Polskiej (историческая область Польши Викентія Поля и критическое разсужденіе о діалектахъ Польской рѣчи); c) подробная программа лекцій въ 187⁶/₇ учебномъ году, d) отзывъ о книгѣ „Русскій букварь для польскихъ дѣтей“, изд. по распоряженію начальства Варшавскаго Учебнаго Округа. 3) *Н. И. Золотницкаго* „Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ“. 4) Приватъ-доцента *И. А. Снегирева* „Отрывки Чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ“.

Въ 1877 году штатные преподаватели въ факультетѣ имѣли соотвѣтственныя должностямъ ученыя степени.

Преподавателями историко-филологическаго факультета въ отчетномъ году изданы слѣдующіе труды:

Орд. профес. *Осокинъ*: 1) помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“ (1878 г. № 1) рукопись „Описаніе пути Россійскаго Императорскаго посольства отъ Рущука чрезъ Шумлу въ Константинополь въ 1793 году“ съ предисловіемъ. 2) Издалъ литографированный курсъ Средневѣковой исторіи (Казань 1877 г.) до XIII столѣтія (часть первая).

Доцентъ *Д. Бѣляевъ* напечаталъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (апрѣль 1877 г.) статью подъ заглавіемъ „Отечество, любовь къ нему и смерть за него, по Еврипиду“.

Орд. профес. *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ* напечаталъ: 1) глоттологическія (лингвистическія) замѣтки II. О такъ называемой „эвфонической вставкѣ“ согласнаго въ славянскихъ языкахъ (Филологическія записки, изд. *А. Хованскимъ*, 1877 г. XVI, вып. I. (Вмѣстѣ съ I замѣткой вышедшія тоже особымъ оттискомъ). 2) Критическій отчетъ о брошюрѣ „Der Materialismus und das Slawenthum Vom. D. Josef Sernec etc. Marburg. 1874“. (Сборникъ государственныхъ знаній подъ редакціею *В. П. Безобразова*. Томъ III. Спб. 1877). 3) Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію во время заграничной командировки 1872—73 г. II. Отчетъ за первое полугодіе 1873 г. III. Отчетъ за второе полугодіе 1873 г. (Извѣстія Императорскаго Казанскаго Университета 1877 г. №№ 2 и 3). (Тоже особымъ оттискомъ). 4) Критическая замѣтка о брошюрѣ „Modlitwy Wacława Zabytek mowy staropolskiej etc. podaje Henryk Suchecki. Kraków 1871. (Учетыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1877 г. № 1). Тоже особымъ оттискомъ. 5) По поводу книги „Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jesiku. Napisao V. Jagic u Zagrebu 1869 г.“. (Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1877 г. № 3). (Тоже особымъ оттискомъ). 6) Критическая замѣтка о книгѣ „Фонетика Кашубскаго языка“ изслѣдованіе *П. Стремлера*. Воронежъ 1874 г. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 г., августъ) (тоже особымъ оттискомъ). 7) Критическая замѣтка о книгѣ Beiträge zur slawischen dialectologie von Lucian Malinowski, Leipzig 1873 г. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1877 г., ноябрь) (тоже особымъ оттискомъ). 8) Начало „подробной программы лекцій въ 1876—77 учебномъ году (Извѣстія Императорскаго

Казанскаго Университета № 3). 9) Polityczne drgnienia Lłowion austryackich (Przegląd tygodniowy Warszawa 1877 №№ 36—51).

Орд. профес. *М. П. Петровскій* напечаталъ во второмъ томѣ славянскаго сборника „ДКА ГАР"—статью и написалъ статью „о трудахъ *В. П. Григоровича* въ области славянской филологіи".

Орд. профес. *Н. Н. Буличъ*, въ день юбилея Императора Александра 1-го, читалъ статью въ торжественномъ собраніи университета 12 декабря 1877 года: „Воспитаніе и юность Императора Александра".

Доцентъ *Корсаковъ* продолжалъ печатать въ „Древней и Новой Россіи" свою монографію „объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ".

Въ отчетномъ году изъ преподавателей публичныхъ лекцій никто не читалъ; но въ открытыхъ въ началѣ 1876—1877 учебнаго года высшихъ женскихъ курсахъ читали лекціи, служащія продолженіемъ чтеній прошлаго года: заслуженный профессоръ *Н. Н. Буличъ* исторію русской литературы въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ по двѣ лекціи въ недѣлю; орд. профес. *Н. А. Ѳирсовъ*—исторію Россіи въ Московскій періодъ—по двѣ лекціи въ недѣлю; орд. профес. *Н. А. Осокинъ* читалъ по двѣ лецкіи въ недѣлю по исторіи возрожденія классицизма, обозрѣвая событія съ половины XVI вѣка до половины XVII столѣтія. Лекторъ нѣмецкаго языка *Л. З. Колмачевскій* излагалъ по двѣ лекціи въ недѣлю исторію новыхъ Европейскихъ литературъ съ XV до второй половины XVII столѣтія.

Въ отчетномъ году сочиненій для пріобрѣтенія степени доктора или магистра въ факультетъ представлено не

было. Удостоены званія приватъ-доцента: a) славянской филологіи, по удовлетворительномъ защищеніи въ публичномъ засѣданіи факультета 8 мая 1877 г. сочиненія „Отрывки изъ чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ“ и по прочтеніи удовлетворительно двухъ пробныхъ лекцій кандидатъ *И. А. Снегиревъ*. b) Греческой словесности, по удовлетворительномъ защищеніи въ публичномъ засѣданіи факультета 24 апрѣля 1877 г. разсужденія: „*Опытъ изложенія греческихъ условныхъ предложеній въ научномъ и педагогическомъ отношеніи*“ и по прочтеніи удовлетворительно двухъ пробныхъ лекцій, преподаватель 3-й Казанской гимназіи *Л. А. Бергъ*.

Подвергался испытанію въ факультетѣ на званіе преподавателя исторіи и географіи въ прогимназіяхъ исправляющій должность учителя исторіи и географіи Стерлитамакской прогимназіи, кандидатъ Казанской Духовной Академіи *Румянцевъ Григорій*, выдержавшій таковое удовлетворительно.

Физико-математическій факультетъ. Въ началѣ 1877 года оставались не замѣщенными слѣдующія каѳедры: 1) практической механики, 2—физической географіи, 3—агрономической химіи и 4—вторая каѳедра химіи. Не преподавался, однакоже, въ теченіи 1877 года только одинъ изъ названныхъ предметовъ—практическая механика, вслѣдствіе перехода приглашеннаго факультетомъ преподавателя этаго предмета, доцента Преображенскаго въ Новороссійскій Университетъ; преподаваніе физической географіи было поручено приватъ-доценту И. Н. *Смирнову*, преподаваніе агрономической химіи приватъ-доценту В. И. *Сорокину*, а преподавателемъ по второй ка-

ѳедрѣ химіи былъ приглашенъ бывшій доцентъ Г. Н. *Глинскій*. Послѣдній въ теченіи 1877 года, по полученіи имъ при Харьковскомъ Университетѣ степени доктора химіи, занялъ вакантное мѣсто по 2-й каѳедрѣ химіи въ званіи экстраординарнаго профессора. Такимъ образомъ, не замѣщенными остались три каѳедры: 1) практической механики, 2—физической географіи 3—агрономической химіи, а не преподается только одинъ предметъ—практическая механика. Всѣ прочія каѳедры факультета замѣщены штатными преподавателями и преподаваніе всѣхъ предметовъ въ 1877 году производилось безъ перерывовъ по программамъ, утвержденнымъ факультетомъ. Такимъ образомъ, составъ физико-математическаго факультета можно считать прочнымъ и обезпеченнымъ въ его организаціи. Размѣры преподаванія въ отчетномъ 1877 году были разширены на естественномъ разрядѣ физико-математическаго факультета введеніемъ въ программу занятій студентовъ этого разряда обязательнаго курса тригонометріи и аналитической геометріи на первомъ курсѣ. Введеніе въ курсъ натуралистовъ названныхъ предметовъ сдѣлано въ виду трудностей въ преподаваніи и изученіи нѣкоторыхъ отдѣловъ физики безъ предварительнаго знакомства студентовъ съ мамематикой. Знанія же физики вообще и особенно такихъ ея отдѣловъ, какъ оптика, теорія свѣта, совершенно необходимо и крайне важно для изученія другихъ наукъ, входящихъ въ составъ естественнаго разряда, какъ напр. минералогіи, физіологіи, гистологіи и др.

Съ цѣлію достиженія наилучшихъ успѣховъ преподаванія, читаемыхъ въ факультетѣ предметовъ и наиболѣе дѣйствительнаго контроля надъ тѣмъ, чтобы студенты дѣй-

ствительно занимались преподаваемыми предметами, физико-математическій факультетъ прибѣгалъ и въ 1877 году къ тѣмъ же мѣрамъ, которыя, по опытамъ прежнихъ лѣтъ, оказались наиболѣе цѣлесообразными;—съ этою цѣлію были установлены; 1) обязательныя практическія занятія студентовъ по всѣмъ предметамъ обоихъ разрядовъ, 2—полугодичныя репетиціи, замѣняемыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ письменными работами, съ разрѣшенія факультета и 3—экзамены. По чистой математикѣ студенты 1 и 2-го курсовъ математическаго разряда занимались подъ руководствомъ пр. Э. П. *Янишевскаго* практическимъ рѣшеніемъ задачъ, а подъ руководствомъ доцента Ѳ. М. *Суворова*, студенты 1-го курса однихъ разрядовъ занимались рѣшеніемъ задачъ изъ сферической тригонометріи и аналитической геометріи (изъ сборника задачъ Waltona). Студентамъ 2 курса математическаго разряда предлагались задачи на интегрированіе функцій (изъ сборниковъ задачъ Грегори и Френе). Подробное письменное изложеніе рѣшеній предложенныхъ задачъ служило замѣною репетицій. Студенты старшихъ курсовъ брали для прочтенія спеціальные мемуары и монографіи и по нимъ составляли письменныя работы. Такихъ письменныхъ работъ въ истекшемъ году было представлено четыре: 1) эйлеровы интегралы, 2) о сходности строкъ, 3) о разложеніи функцій въ тригонометрическія строки, и 4) объ интегрированіи уравненій съ частными производными 1-го порядка. Подъ руководствомъ пр. П. И. *Котельникова* студенты математическаго разряда занимались рѣшеніемъ задачъ изъ области теоретической механики. *По Астрономіи* студенты того же разряда 2 курса рѣшали, подъ руководствомъ пр. М. А. *Коваль-*

скаго, разныя задачи, а студенты 3 и 4 курсовъ производили наблюденія переносными инструментами. Изъ нихъ студентъ Нечаевъ вычислилъ орбиты кометы Коджія. *По физикѣ* студенты обѣихъ отдѣленій предложенныя имъ доцентомъ Р. А. *Колли*, слѣдующія экспериментальныя задачи: 1) опредѣленіе разности высотъ помощію катетометра, 2) опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ, 3) опредѣленіе коэффиціента расширенія стекла и опредѣленіе температуры помощію вѣсоваго термометра, 4) опредѣленіе теплоемкости тѣлъ на приборѣ Реньо, 5) опредѣленіе скрытой теплоты водянаго пара. По химіи студенты 2 курса естественнаго разряда зинимались, подъ руководствомъ пр. А. М. *Зайцева*, качественнымъ анализомъ, а студенты 3 и 4 курсовъ того же разряда—количественнымъ анализомъ и изслѣдованіями по органической химіи. Студенты 3 курса того же разряда занимались техническимъ анализомъ, подъ руководствомъ пр. А. К. *Чугунова*. *По кристаллографіи и минералогіи* студенты 1 курса естественнато разряда занимались разборомъ сложныхъ формъ кристалловъ, студенты 2 курса—опытами съ паяльной трубкой, студенты 4 курса—количественнымъ анализомъ минералловъ, измѣреніемъ угловъ кристалловъ и опредѣленіемъ минеральныхъ видовъ. подъ руководствомъ пр. *Барона Розена*. *По физической географіи* студенты 3 и 4 курсовъ занимались магнитными наблюденіями, подъ руководствомъ приватъ-доцента *Смирнова*. *По геологіи* студенты 4 курса разработывали, подъ руководствомъ пр. *Штукенберга*, собранные ими во время лѣтнихъ экскурсій, матеріалы. *По Ботаникѣ* студенты 1 курса естественнаго разряда занимались практически по анатоміи растеній, подъ руководствомъ пр. *Леваковскаго*,

а студенты 2 курса того же разряда—*по морфологіи* споровыхъ и сѣменныхъ растеній, подъ руководствомъ э. пр. *Сорокина*. *По зоологіи* студенты 1 курса естественнаго разряда занимались, подъ руководствомъ пр. В. В. *Заленскаго*, *по морфологіи* безпозвоночныхъ животныхъ, а студенты 2 курса того же разряда практически изучали сравнительную остеологію и методы микроскопическихъ изслѣдованій, подъ руководствомъ пр. Н. М. *Мельникова*. *По физіологіи животныхъ* студенты 3 курса естественнаго разряда практически изучали, подъ руководствомъ э. о. пр. *Ворошилова*, анатомическое и гистологическое строеніе тканей и органовъ по готовымъ препаратамъ и производили химическіе анализы животныхъ тканей, отдѣленій и выдѣленій.

Представители факультета въ отчетномъ 1877 году, кромѣ факультетскихъ курсовъ, читали еще отдѣльные курсы для студентовъ другихъ факультетовъ Университета, ветеринарнаго института и для фармацевтовъ; профессора *Мельниковъ* и *Заленскій* читали отдѣльные курсы зоологіи и сравнительной анатоміи для медиковъ, ветеринаровъ и фармацевтовъ; профессора *Леваковскій* и *Сорокинъ* курсъ Ботаники ветеринарамъ и фармацевтамъ. Доцентъ *Колли* читалъ отдѣльный курсъ физики для медиковъ, ветеринаровъ и фармацевтовъ; пр. *Баронъ-Розенъ*—курсъ минералогіи для медиковъ. Пр. *Ворошиловъ* читалъ отдѣльный курсъ спеціальной физіологіи студентамъ 2 курса медицинскаго факультета и отдѣльный краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка студентамъ 1 и 2 курсовъ юридическаго факультета.

Дѣятельность факультетскихъ преподавателей въ отчетномъ году, кромѣ преподаванія, посвящена была разра-

боткѣ спеціальныхъ вопросовъ изъ области тѣхъ наукъ, которыхъ каждый изъ нихъ состоитъ представителемъ. Въ астрономической обсерваторіи въ отчетномъ году продолжаемы были опредѣленія положенія околополярныхъ звѣздъ и приготовленъ къ печати 1-й томъ этихъ работъ. Въ метеорологической обсерваторіи продолжались метеорологическія наблюденія г. *Кебелемъ* и магнитныя приватъ-доцентомъ *Смирновымъ*. Послѣднимъ сдѣланы были, кромѣ того, лѣтомъ 1877 года опредѣленія всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма въ 32-хъ пунктахъ на сѣверъ Россіи отъ Казани до Архангельска. Для производства этихъ наблюденій *Смирнова* факультетъ исходатайствовалъ ему пособіе въ 300 руб. изъ спеціальныхъ средствъ, и для достиженія большей точности магнитныхъ наблюденій, снабдилъ его хорошимъ универсальнымъ и астрономическимъ аппаратомъ *Брауэра*, съ помощію котораго можно получать точныя астрономическія координаты. На пріобрѣтеніе названнаго аппарата факультетъ отдѣлилъ 850 руб. отъ разныхъ кабинетовъ изъ штатныхъ суммъ, съ разрѣшенія Совѣта Университета. По метеорологіи приватъ-доцентъ *Смирновъ* въ отчетномъ году публиковалъ: 1) краткій отчетъ о магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ 1876 году и 2) о климатѣ Казани 1-я часть, суточныя измѣненія. По Ботаникѣ пр. *Леваковскій* публиковалъ работу „о вліяніи воды на развитіе нѣкоторыхъ видовъ Salix"; пр. *Зайцевъ* публиковалъ результаты своихъ изслѣдованій по вопросу о превращеніи диэтилькарбинола въ мэтилпропилкарбинолъ; синтезъ и свойства диэтилуксусной и мэтилпропилуксусной кислоты; профессоръ *Заленскій* публиковалъ въ 1877 году слѣдующія изслѣдованія: 1) Über die Knospung der Salpen

э. о. пр. *Сорокина*, 2) Рѣшеніе теоремы Пиѳагора и способность ея къ совершено произвольнымъ построеніемъ П. *Серебровскаго*; 3) Работы, служащія для описанія сѣверной части неба, начиная съ параллели 75 градусовъ пр. М. А. *Ковальскаго*, и 4) Краткій отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россійской Имперіи И. Н. *Смирнова*.

Въ физико-математическомъ факультетѣ, въ теченіи 1877 г. подвергались спеціальному испытанію на званіе учителей гимназіи: 1) кончившій курсъ Университета Александръ *Александровъ* и 2) Кандидатъ математическихъ наукъ Семенъ *Сластниковъ*. По выдержаніи установленнаго испытанія, факультетъ удостоилъ ихъ званія преподавателя математики въ гимназіяхъ. Въ теченіи 1877 г. факультетъ имѣлъ 22 засѣданія.

Юридическій факультетъ имѣлъ въ теченіи отчетнаго 1877 года 14 засѣданій; предметы преподаванія, равно какъ и распредѣленіе ихъ оставались тѣже, что и въ предшествовавшіе годы; по вакатной каѳедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ преподаваніе, съ Высочайшаго соизволенія, поручено было ординарному профессору *Пелидову*, а по вакантной каѳедрѣ уголовнаго права велъ преподаваніе приватъ - доцентъ *Виноградскій*; церковное законовѣдѣніе въ истекшемъ году не было преподаваемо, но оканчивавшіе курсъ студенты выслушали этотъ предметъ въ предшествовавшемъ году; мѣры контроля надъ занятіями студентовъ употреблялись тѣ же, что и въ прежніе годы, т. е. полугодовыя репетиціи и письменыя работы по факультетскимъ предметамъ. Сверхъ того, по нѣкоторымъ предметамъ въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, велись практическія занятія съ ними; факуль-

въ Morphologisches Jahrbuch Bd. III. 2) Exudes sur le Bryozoaires entoproctes въ Annal. des Sc. naturelles V. 3) два предварительныя сообщенія объ исторіи развитія стерляди, въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій Казанскаго общества естествоиспытателей. Изъ геологическаго кабинета вышли слѣдующія работы, публикованныя въ трудахъ общества естествоиспытателей: 1) геологическія изслѣдованія 1876 г. и 2) геологическія изслѣдованія 1877 г. пр. А. А. *Штукенберга.* 3) Матеріалы геологіи Вятской губерніи студента *Кротова*; 4) геологическій разрѣзъ береговъ Камы отъ Усолья до Елабуги,—студента *Зайцева.* Послѣднія двѣ работы сдѣланы подъ руководствомъ пр. *Штукенберга.* Кромѣ того, послѣдній напечаталъ въ трудахъ археологическаго съѣзда статью „каменныя орудія и бронзовыя вещи Печерскаго края". По физіологіи животныхъ пр. *Ворошиловъ* публиковалъ въ трудахъ общества естествоиспытателей слѣдующія изслѣдованія: 1) о судьбѣ мылъ, вводимыхъ въ желудокъ; 2) о количественномъ содержаніи гликогена въ различныхъ органахъ и объ условіяхъ со стороны питанія, измѣняющихъ величину его содержанія; 3) о положеніи чувствующихъ и двигательныхъ путей по длинѣ шейной части спиннаго мозга, и 4) о ходѣ, мѣстѣ и способѣ прикрѣпленія сердечныхъ мышцъ. Пр. *Глинскій* напечаталъ отвѣтъ на критику его диссертаціи профессоромъ *Зайцевымъ.* Г. *Шелль* публиковалъ въ протоколахъ общества естествоиспытателей изслѣдованія „о развитіи пигмента въ корняхъ нѣкоторыхъ видовъ Salix."

Факультетомъ одобрены къ напечатанію на средства университета въ 1877 г. слѣдующія сочиненія: 1) Основы микологіи съ обозрѣніемъ ученія о заразительныхъ болѣзняхъ

тетомъ разсмотрѣно и одобрено къ напечатанію въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ сочиненія приватъ-доцента *Загоскина* „Исторія права Московскаго государства“, т. I. Кромѣ названнаго сочиненія, въ „Ученыхъ Запискахъ“ Университета ординарнымъ профессоромъ *Шпилевскимъ* помѣщены: „Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ и рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Университета въ день празднованія Университетомъ столѣтія со дня рожденія Императора Александра I-го, носящая заглавіе: „Заботы Императора Александра I-го о Казани“; всѣ наличные преподаватели факультета имѣли требуемыя уставомъ Университетовъ ученыя степени; въ отчетномъ году никто изъ преподавателей публичныхъ лекцій не читалъ, равно какъ не было производимо факультетомъ испытаній на степень магистра и не было разсматриваемо сочиненій pro venia legendi или на степени магистра и доктора.

Медицинскій факультетъ въ 1877 году имѣлъ 20 засѣданій, въ томъ числѣ три публичныхъ: одно для защищенія диссертаціи на степень магистра фармаціи и два для выслушанія лекцій на полученіе званія приватъ-доцента.

Измѣненій въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія не было.

На каѳедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней избранъ и утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора докторъ медицины *Флоринскій*. Званія приватъ-доцента удостоенъ докторъ медицины *Соловьевъ*, которому и поручено чтеніе ученицамъ повивальнаго класса акушерства и женскихъ болѣзней.

Къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ приняты были мѣры и способы контроля надъ занятіями ихъ

тѣ же, какія и въ 1876 году. Кромѣ того физика и химія изъ вспомогательныхъ предметовъ сдѣланы факультетскими.

Госпитальныя клиники, вслѣдствіе увеличивающагося годъ отъ году числа студентовъ, оказываются недостаточными; кромѣ того для пользы преподаванія и образованія практическихъ врачей необходимо учрежденіе клиникъ глазной и дѣтскихъ болѣзней.

Въ отчетномъ году не производилось чтеній: по доцентурамъ медицинской географіи и статистики, эпизоотіи и ветеринарной полиціи по неимѣнію лицъ, желающихъ занять эти доцентуры.

Изъ вновь привлеченныхъ къ преподавательской дѣятельности ученыхъ въ послѣднее десятилѣтіе выбыли профессора: Лесгафтъ, *Голубевъ Левицкій* и *Славянскій*,—послѣдній по случаю перемѣщенія его тѣмъ же званіемъ въ С.-Петербургскую Медико-хирургичесеую Академію; остальные же преподаватели продолжаютъ свою дѣятельность въ факультетѣ.

Для помѣщенія въ „Ученыхъ Запискахъ" Казанскаго Университета факультетомъ одобрены:

а) Экстраординарнаго профессора *Щербакова* переводъ книги Гоппе-Зейлера „Physiologische Chemie I Theil Allgemeine Biologie. Berlin 1877 г.

в) Доцента *Студенскаго*: „Организація Казанскаго санитарнаго отряда, бывшаго въ Сербіи и его дѣятельность въ г. Крагуевцѣ".

с) Приватъ-доцента *Котовщикова*: „Обзоръ важнѣйшихъ работъ по діагностикѣ за 1876 годъ".

д) Помощника прозектора *Шумкова*: „Къ вопросу о психической жизни".

c) Помощника прозектора *Любимова*: 1) „Очеркъ патолого-анатомическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Казанскомъ Университетѣ за 1875—6 годы и 2) „Случай ущемленія подвздошной кишки Lig. mesenterico-mesocolico“.

Всѣ преподаватели имѣютъ соотвѣтственныя должностямъ ученыя степени.

Преподавателями факультета изданы въ 1877 году слѣдующія труды:

а) Орд. проф. *Ковалевскимъ*: 1 „положеніе вопроса объ отношеніи кислорода къ образованію слюны“ отчеты доктора *Соковнина* по этому вопросу—въ приложеніи къ протоколамъ Общества естествоиспытателей. 2) „Матеріалы къ изученію вліянія дыханія на кровообращеніе“ въ трудахъ Каз. Общ. естествоиспытателей. Экспериментальная часть этой работы напечатана также въ Du-Bois-Reymrnd's Archiv f. Anatomie u. Physiologie подъ заглавіемъ „Ueber d. Einwirkungen der küntstlichen Athmung auf den Drück im Aortensystem“.

б) ординарнымъ профессоромъ *Догелемъ*: 1) Die Muskeln und Nerven des Herzens bei einigen Mollusken“ 2) Die ganglienzellen des Herzens bei verschiedenen Thieren und bei Menschen“. Обѣ статьи напечатаны въ Archiv für Mikroskopische Anatomie. B. 14. 1877.

b) Ординарнымъ профессоромъ *Адамюкомъ*: „Офталмологическія наблюденія. I вып. Въ Учен. Зап. Казанск. Универс.

c) Орд. профессоромъ *Арнштейномъ* въ запискахъ Вѣнской академіи наукъ: 1) „Die Nerven der behaarten Haut“. 2) Въ Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften за 1877 г. Zur Kenntniss der güergestresften Musculatur der Venen“.

d) Экстраординарнымъ профессоромъ *Щербаковымъ*: „Способы санитарныхъ изслѣдованій. Часть первая: качественный и количественный анализъ водъ, употребляемыхъ для питья“. Издано Главнымъ Военно-Медицинскимъ Управленіемъ, какъ руководство для военныхъ врачей, 33 листа.

e) Доцентомъ *Ге*: „Дѣятельность сифилическаго отдѣленія Казанской земской больницы въ 1877 году“.

f) Доцентомъ *Скворцовымъ*: 1) Совѣты врача солдатамъ, „№ 29 Вѣстника Народной Помощи. 2) „Краткій курсъ военно-полевой гигіены. 3) „Положеніе гигіены въ нашей жизни, № 3, „Здоровье“, 4) Лекціи по гигіенѣ“ читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ 80—100 №№ Врачебн. вѣдомостей. 5) „Основные вопросы народной гигіены“, 3 томъ Сборника сочиненій по суд. мед. и общ. гигіенѣ за 1877 г.

g) Доцентомъ *Флавицкомъ*: 1) объ окисленіи псевдопропилированнаго этил-гликола“. 2) „Къ вопросу о превращеніи псевдопропил-этилена въ триметил-этиленъ“. Въ журналѣ Русскаго химическаго общества.

Публичныхъ лекцій не было, но въ теченіи великаго поста 1877 г. доцентомъ *Скворцовымъ* было прочитано 6 лекцій по военно-полевой гигіенѣ офицерамъ расположенныхъ въ Казани войскъ.

Э. П. *Левшинъ* напечаталъ: „Опытъ приложенія литеровской перевязки съ отчетомъ о большихъ операціяхъ, произведенныхъ въ казанской земской больницѣ за 10 мѣсяцевъ съ 26 марта 1876 г. по 1 января 1877 г. Воен. Мед. Ж. декабрь 1877 г.

Въ отчетномъ году испытанію на степени доктора медицины и магистра фармаціи никто не подвергался. Разсмотрѣна и одобрена къ публичному защищенію дис-

сертація на степень магистра фармаціи подъ заглавіемъ „О бензойныхъ смолахъ“, авторъ которой г. *Тегартемъ* и удостоенъ факультетомъ означенной степени.

Въ общепатологическомъ кабинетѣ, за ограниченностью инструментальнаго состава кабинета, занятія состояли почти исключительно въ работахъ профессора *Пашутина*, который: а) продолжалъ свои изслѣдованія надъ разложеніемъ бѣлковъ и альбуминатовъ тяжелыхъ металловъ въ присутствіи кислорода и безъ онаго, и б) производилъ опыты надъ животными (а также и на шематическихъ приборахъ съ эластическими и неуступчивыми трубками) для опредѣленія вліянія положенія тѣла животнаго на давленіе крови въ различныхъ провинціяхъ тѣла. Кромѣ того, докторъ *Купидоновъ* производилъ въ общепатологическомъ кабинетѣ изслѣдованія объ измѣненіи въ половой сферѣ сукъ вслѣдствіе вырѣзанія яичниковъ.

Проф. *Пашутинъ* началъ съ 1877 г. изданіе курса Общей патологіи.

Совѣтъ Университета въ 1877 году имѣлъ 15 засѣданій.

Измѣненія въ отношеніи раздѣленія факультетовъ на отдѣленія, соединенія и раздѣленія каѳедръ въ 1877 году не было.

Изъ преподавателей, утвержденіе коихъ зависитъ отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначены ординарными профессорами: по каѳедрѣ Частной патологіи и Терапіи дѣйствительнный статскій совѣтникъ *Зедерштедтъ* и по каѳедрѣ акушерства женскихъ и дѣтскихъ болѣзней—причисленный къ Министерству Народ. Просв., членъ ученаго Комитета сего Министерства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Флоринскій*, (изъ нихъ первый сверхштатнымъ) и экстраординарнымъ профессоромъ по 2 каѳедрѣ химіи, надворный совѣтникъ *Глинскій*.

Оставлены на службѣ еще 5 лѣтъ: заслуженные ординарные профессоры по каѳедрамъ: финансоваго права, тайный совѣтникъ Е. Г. *Осокинъ*—по выслугѣ 35 лѣтъ и хирургической факультетской клиники, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—по выслугѣ 30 л. и библіотекарь Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Готвальдъ* по выслугѣ 35 лѣтъ и изъ нихъ первый утвержденъ вновь ректоромъ Университета на четырхлѣтіе съ 17 сентября 1877 года.

Съ разрѣшенія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, утверждены: Университетскими судьями: ординарныя профессоры: *Добротворскій*, *Нелидовъ* и *Петровъ* и къ нимъ кандидатами—ординарные профессоры: *Ѳирсовъ* и *Петровскій* и экстраординарный профессоръ *Сорокинъ*; в) секретарями факультетовъ: Юридическаго—ординарный профессоръ *Нелидовъ* и медицинскаго—экстраординарный профессоръ *Щербаковъ*; доцентомъ по каѳедрѣ греческой словесности—магистръ *Бѣляевъ*, помощникомъ проректора—коллежскій совѣтникъ *Чемезовъ*, лаборантомъ фармацевтической лабораторіи—ординаторъ *Никольскій*, помощникомъ прозектора патологической анатоміи лѣкарь *Зебмлиновъ*; ординаторами хирургическихъ клиникъ лѣкаря: факультетской *Соловьевъ* и госпитальной *Зиминскій*.

Уволены за выслугою положеннаго срока: Секретарь медицинскаго факультета, ординарный профессоръ *Ермолаевъ* и ординаторы: Лѣкаря—акушерскаго отдѣленія факультетской клиники *Котовщиковъ* и госпитальной клиники хирургическаго отдѣленія *Падаринъ* и по прошеніямъ: доцентъ по каѳедрѣ практической механики *Преображенскій*, лаборантъ при каѳедрѣ физіологической химіи, кан-

дидатъ *Канонниковъ*, ординаторы: лѣкаря—акушерскаго отдѣленія факультетской клиники Брониславъ *Вертель*, и тер. отд. Владиславъ *Вертель* и госпитальный клиники *Шершеневичъ*; помощникъ прозектора физіологической анатоміи, лѣкарь Владиміръ *Износковъ* и п. д. помощника прозектора при зоотомическомъ кабинетѣ кандидатъ Николай *Износковъ*. Допущенъ къ временному исправленію должности ординатора акушерской клиники лѣкарь *Котовщиковъ*

Допущены къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента по предметамъ Славянской филологіи—кандидатъ *Снегиревъ* и акушерства и женскихъ болѣзней докторъ медицины *Соловьевъ*.

Оставлены стипендіатами при Университетѣ для усовершенствованія въ избранныхъ ими спеціальностяхъ кандидаты по факультетамъ: Историко-филологическому—*Кузницовъ* и *Владиміровъ*, физико-математическому—*Нечаевъ* и юридическому—*Львовъ*.

Особыя порученія начальства исполняли: состояли членами въ попечительномъ Совѣтѣ: заслуженные ординарныя по русскому языку и словесности *Буличъ* и математикѣ—*Котельниковъ* и ординарные профессоры: по древнимъ языкамъ—*Добротворскій*, по исторіи *Ѳирсовъ*. и по естественнымъ наукамъ—*Леваковскій*. Командированы съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* лекторъ *Колмаческій* и помощникъ прозектора *Любимовъ*; въ Оренбугскую, Уфимскую, Самарскую и Пермскую губерніи для геологическихъ изслѣдованій ординарный профессоръ *Штукенбергъ*; съ ученою цѣлію, въ С.-Петербургъ, Москву и Астрахань—доцентъ *Корсаковъ*; въ дѣйствующую армію (Дунайскую)—экстраординарный профессоръ *Левшинъ*; для приготовленія къ профессорскому званію: за границу приватъ-доцентъ *Егоровъ* и въ Москву и С.-Пе

тербургъ хранитель музея *Соколовскій*; въ С.-Петербургъ, съ цѣлію участія въ научной обработкѣ коллекцій туркестанскихъ растеній и. д. хранителя ботаническаго музея *Смирновъ*; назначены: въ дѣйствующую армію, на случай войны, доцентъ *Студенскій* и въ военно-эквакуціонную службу, въ распоряженіе Ясской эквакуціонной Коммиссіи врачемъ прозекторъ *Маліевъ*.

Умерли: лекторъ англійскаго языка *Бересфордъ* и помощникъ проректора *Зоммеръ*.

По финансовой смѣтѣ 1877 года назначено: 1) по § 5 ст. 1, на содержаніе личнаго состава 208,746 руб. 60 коп., въ томъ числѣ сверхштатныхъ 4322 руб., 2) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 81,166 руб. 45 к., въ томъ числѣ сверхштатныхъ 21,671 р. 45 коп.; кромѣ того, Обществу Естествоиспытатателей при Казанскомъ Университетѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 7 октября 1868 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, 2500 руб., 3) по ст. 3, на стипендіи и пособія студентамъ 24,257 руб., на содержаніе казенныхъ медицинскихъ стипендіатовъ 12,000 руб., на содержаніе стипендіатовъ имени св. Кирилла и Меѳодія 960 руб., сверхъ штата: на содержаніе 20 Сибирскихъ стипендіатовъ 2000 руб., на содержаніе 4-хъ стипендіатовь изъ магометанъ Оренбургскаго края 1000 руб., итого по ст. 3: по штату 37,217 руб. сверхъ штата 3000 руб., всего по стат. 3,— 40,217 руб.; вычтено: на пенсіи 3598 руб. 70 коп., въ инвалидный капиталъ 224 руб. 70 коп., всего вообще 332,953 руб. 45 коп.

По смѣтѣ спеціальныхъ средствъ было назначено: 1) сбора за слушаніе лекцій 13,320 руб., 2) процентовъ съ

пожертвованныхъ капиталовъ 5785 руб. 90 коп.; 3) съ типографіи университета 13,792 руб., а всего доходовъ 32,897 руб. 90 коп.

Расходовъ: 1) двухъ-процентнаго вычета, подлежащаго въ сумму ученаго комитета: суммы сбора за слушаніе лекцій 266 руб. 40 коп. и процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 3342 руб. 99 коп.; 2) на добавочную плату механику Генкелю 120 руб.; 3) на стипендіи и пособія бѣднымъ студентамъ 3320 руб.; 4) на стипендію имени Государя Наслѣдника Цесаревича 250 руб., 5) на наемъ пѣвчихъ для университетской церкви 450 руб.; 5) на составленіе капитала для содержанія стипендіата Наслѣдника Цесаревича изъ процентовъ 250 руб.; 7) на вознагражденіе 2-мъ ординаторамъ и студенту за занятія: первому при глазномъ отдѣленіи клиники, 2-му при каѳедрѣ судебной медицины и послѣднему при каѳедрѣ патологической анатоміи, всего троимъ 1,640 руб.; 8) на вознагражденіе библіотекаря при читальной комнатѣ 360 руб.; 9) на вознагражденіе профессоровъ, приватъ-доцентовъ и чиновниковъ, содержаніе кабинетовъ и разные другіе расходы, по усмотрѣнію Совѣта Университета, на основаніи §§ 42 и 109 устава университетовъ, Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г.,—6653 руб. 60 коп.; 10) на уплату причетнику клинической церкви въ добавокъ къ таковой-же, производимой изъ штатной суммы—60 руб.; 11) на содержаніе въ Университетѣ стипендіатовъ: 1-го *Мусина—Пушкина*, 3-хъ *Державиной*, 1-го *Михайлова*, *Ломоносова*, *Дубовицкаго*, *Лебедева*, братьевъ *Пащенко*, *Журавлева*, въ память столѣтія со дня рожденія *Карамзина*, 1-го *Т. С. Шестакова*, графа *А. С. Сперанскаго*, Пермскаго благороднаго собранія, и коллежскаго ассесора *Велигорскаго*,

4645 руб. 59 коп.; 12) на премiи студентамъ изъ % съ капитала, пожертвованнаго орд. профес. г. *Степановымъ* 10 руб.; 13) на вознагражденiе студентовъ за ихъ сочиненiя, изъ % съ капитала, пожертвованнаго купцомъ *Плѣшаковымъ* 12 руб.; 14) на усиленiе капиталовъ: 1950 руб., отдѣльныхъ на содержанiе стипендiи въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича 97 руб. 50 коп; тайнаго совѣтника *Агафонова* 56 руб.; 15) на выдачу дѣйствительному статскому совѣтнику *Ротштейну* 800 руб.; 16) отчислено въ сумму ученаго комитета 2% 94 руб. 81 к. и 17) на содержанiе типографiи 13792 руб.

Такъ какъ университетскiй судъ въ теченiи 1877 г. не собирался, то и постановленiй онаго не было.

По представленiю историко-филологическаго факультета, съ разрѣшенiя г. Министра Народнаго Просвѣщенiя день 12 декабря 1877 года—память столѣтiя, со дня рожденiя Императора Александра I-го—праздновался особымъ торжественнымъ собранiемъ Казанскаго Университета, на которомъ были прочитаны рѣчи: г. заслуж. орд. профес. *Буличемъ* „Дѣтство и юность Императора Александра I-го", г. орд. профес. *Шпилевскимъ*: „Забота Императора Александра I-го" и о Казани и г. секретаремъ Совѣта *Фастрицкимъ* „Краткiй очеркъ организацiи преподаванiя въ Казанскомъ Университетѣ въ царствованiе Императора Александра I-го".

Пособiй выдано въ теченiи 1877 года: а) изъ остатковъ суммы, ассигнованной по смѣтѣ 1877 года § 5 ст. 3 на стипендiи и пособiя, 176 своекоштнымъ студентамъ по всѣмъ факультетамъ 4702 руб. 45 коп., б) изъ суммы сбора за право слушанiя лекцiй своекоштнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ 1913 руб. 9 коп., в) отъ Комитета для

вспомоществованія бѣднымъ студентамъ Казанскаго Университета 460 руб., г) отъ Тобольскаго общества для вспомоществованія одному студенту 80 руб. и двумъ по 60 руб., итого 200 руб., д) отъ Томскаго общества для вспомоществованія 4-мъ студентамъ по 50 руб. каждому, итого 200 руб., е) отъ Калужскаго общества для вспомоществованія одному студенту 25 руб. и ж) отъ Вятской Губернской Земской Управы 5-ти студентамъ по 30 руб. каждому, итого 150 рублей.

Прошеній отъ студентовъ о предоставленіи льготъ относительно платы за слушаніе лекцій въ 1877 году поступило 353. По этимъ прошеніямъ: а) освобождено отъ платы за весь годъ 65 студентовъ, за половину года 184 студента, б) разсрочено 27 студентамъ и затѣмъ в) прошенія остальныхъ студентовъ оставлены безъ уваженія, или по неудовлетворительности успѣховъ, или свидѣтельствъ о бѣдности.

Сверхъ сего, освобождено отъ платы за слушанія лекцій въ теченіи всего Университетскаго курса, на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 марта 1876 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, 47 студентовъ медицинскаго факультета, согласно данныхъ ими обязательствъ, по окончаніи курса, прослужить по назначенію Правительства два года.

Суммы сбора за право слушанія лекцій къ 1 января 1877 года оставалось 6427 руб. $97\frac{1}{2}$ коп., въ 1877 году поступило на приходъ 11909 руб. 51 коп., употреблено въ расходъ 18146 руб. 14 коп., а именно: а) на предметы, указанные въ § 109 Устава Университетовъ и на вознагражденіе профессоровъ и приватъ-доцентовъ за преподаваніе студентамъ лекцій, а также сверхштатныхъ ордина-

торовъ и прочихъ лицъ за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей 14,143 руб. 52 коп., изъ числа которыхъ израсходованные въ 1877 году на вознагражденіе приватъ-доцентовъ 5440 руб. 91 коп., возвращены въ 1878 году въ сумму сбора за право слушанія лекцій изъ остатковъ отъ суммы по § 5 ст. 1, смѣты 1877 г. на личный составъ Университета, б) на ученыя командировки: доценту Скворцеву 300 руб., приватъ-доценту Смирнову 300 руб., помощнику прозектора Любимову 300 руб. и и. д. хранителя ботаническаго музея Смирнову 250 руб., итого 1150 руб., в) подъемныхъ денегъ профессору Славянскому и доценту Колли по 300 руб. — 600 руб., г) на погребеніе помощника проректора Зоммера 200 руб.; вдовѣ ординатора клиники Соковнина на погребеніе мужа ея 200 руб. и вдовѣ чиновника Раева, служившаго писцомъ при студентской библіотекѣ, на тотъ же предметъ 30 руб., итого 430 руб., д) вознагражденія въ видѣ пособія: священнику клинической церкви Черняеву 150 руб., архиваріусу Университета Шляпникову 100 руб., письмоводителю медицинскаго факультета Глинскому 100 руб., писцамъ канцеляріи Университета 300 руб., служителямъ Университета и клиники 615 руб., сторожу ботаническаго сада Елисѣеву за долговременную его службу, при оставленіи оной, по слабости здоровья, 50 руб. и дочери служителя Козловскаго 100 руб., итого 1415 руб., е) на погребеніе 6 студентовъ 157 руб. 62 коп. и ж) на учрежденіе стипендіи въ Бозѣ почившаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича 250 руб.

Изъ *стипендій* разныхъ наименованій, состояло на лицо:

1) Въ память въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича одна въ 250 руб. въ годъ, изъ суммы сбора за право слушанія лекцій.

2) Государя Великаго Князя Владиміра Александровича въ память Карамзина три стипендіи, по 200 руб. каждая, изъ суммъ Его Императорскаго Высочества.

3) Министерства Народнаго Просвѣщенія 40 стипендій, по 300 руб. каждая въ годъ.

4) Казеннокоштныхъ 40, по 300 руб. въ годъ каждая.

5) Сибирскаго края полагалось 28, но за переводомъ изъ нихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 14 день ноября 1872 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, 8 стипендій въ Императорскій историко-филологическій Институтъ, осталось 20; изъ нихъ воспитываются въ Казанскомъ Университетѣ 15, въ С. Петербургскомъ 2 и Московскомъ 3, по 300 руб. каждая.

6) Оренбургскаго края изъ магометанъ 4, по 250 руб.

7) Оренбургской губерніи 2, по 200 руб.

8) Уфимской губерніи 2, по 200 руб.

9) Астраханской губерніи 4, по 200 руб.

10) Пермской губерніи 4, по 200 руб.

11) Св. Кирилла и Меѳодія 3, по 300 руб.

Сумма на всѣхъ вышеозначенныхъ стипендіатовъ, исключая первыхъ двухъ стипендій, отпускается изъ Государственнаго Казначейства въ количествѣ 40,217 рублей.

12) Одинъ стипендіатъ, состоящій отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, получающій содержаніе въ годъ по 200 руб. изъ кредита, открываемаго ежегодно означеннымъ Министерствомъ, освобождается отъ взноса платы за слушаніе лекцій.

13) Минина и Пожарскаго (нынѣ Нижегородскаго Дворянства) три по 250 руб. въ годъ, изъ нихъ одна состоитъ свободною. Сумма на содержаніе этихъ стипендіатовъ отпускается изъ Нижегородскаго Александровскаго Дворянскаго Банка.

На проценты съ пожертвованныхъ Университету капиталовъ:

14) Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мусина-Пушкина одна въ 142 руб. 85 коп. въ годъ.

15) Братьевъ Пащенко три, по 300 руб. каждая.

16) О. В. Журавлевой одна въ 200 руб.

17) Тайнаго совѣтника Дубовицкаго одна въ 300 руб.

18) Тайнаго совѣтника Шестакова одна въ 300 руб. (Деньги за право слушанія лекцій взимаются).

19) Штабъ-лѣкаря Лебедева одна въ 200 руб.

20) Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ротштейнъ двѣ по 300 руб.

21) Дѣйствительной тайной совѣтницы Державиной три, по 114 руб. 28 коп. въ годъ каждая (вакантны).

22) Вдовы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Грумъ-Гржимайло одна въ 250 руб.

23) Въ память событія 4 апрѣля 1866 года одна въ 200 руб. изъ суммъ членовъ педагогическаго совѣта Томской гимназіи (вакантна).

24) Пермскаго Благороднаго собранія въ память событія въ Парижѣ 25 мая 1867 года одня въ 200 руб.

25) Пермскаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ одна въ 300 руб. (вакантна).

26) Саратовскаго Дворянскаго Депутатскаго собранія Колычева одна въ 200 руб. (вакантна).

27) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галкина одна, въ 300 руб. (изъ суммы, собранной гражданами г. Вольска Саратовской губерніи) вакантна.

На счетъ суммъ Земскихъ Управъ:

Губернскихъ:

28) Вятской 11, по 300 руб. каждая.

29) Казанской двѣ: 1-я въ 250 руб. и 2-я въ 200 р.

30) Пензенской въ память графа М. М. Сперанскаго одна, въ 300 руб.

31) Самарской 4, по 200 руб. въ годъ каждая.

32) Симбирской 6, по 300 руб. въ годъ каждая.

Уѣздныхъ:

33) Бузулукской 1, въ 300 руб.

34) Глазовской 1, въ 300 руб.

35) Гороховецкой 1, въ 250 руб.

36) Инсарской 1, въ 300 руб.

37) Керенской 1, въ 300 руб.

38) Мензелинской 3, по 300 руб. въ годъ каждая.

39) Новоузенской 1, въ 250 руб.

40) Ставропольской 1, въ 250 руб.

41) Усманской 1, въ 250 руб.

42) Устьсысольской 1, въ 300 руб.

43) Царевококшайской 1, въ 300 руб.

44) Чембарской 1, въ 200 руб.

На суммы городскихъ Управъ:

45) Астраханской 1, въ 300 руб.

46) Бирской 1, въ 300 руб.

47) Симбирской 1, въ 200 руб.

48) Тобольскаго общества для вспомоществованія учащимся 5, по 200 руб. въ годъ каждая.

49) Высочайше учрежденная 3 сентября 1875 года на вѣчныя времена 1 стипендія при Казанскомъ Университетѣ и 1-й гимназіи Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Александровны, по 300 руб. въ годъ, на счетъ ежегоднаго пожертвованія изъ городскихъ доходовъ г. Чистополя (вакантна).

Казачьихъ войскъ:

50) Астраханскаго 1, въ 350 руб.

51) Оренбургскаго 4, по 340 руб. каждая.

52) Сибирскаго 1, въ 340 руб.

53) Уральскаго 5, по 340 руб. каждая.

54) Кавказскаго края 1, въ 300 руб.

55) Семирѣченской области 1, въ 300 руб.

Сверхъ того, согласно ходатайству Императорскаго Казанскаго Университета, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, послѣдовало въ 23 день февраля 1876 г. Высочайшее соизволеніе на открытіе подписки для учрежденія стипендіи въ память покойнаго профессора Е. Ф. Аристова.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 года предъ началомъ курсовыхъ и окончательныхъ испытаній, студентовъ состояло 536, изъ нихъ переведено въ слѣдующіе курсы 418, осталось въ тѣхъ же курсахъ 58, уволено изъ Университета 10, окончило курсъ 45, 1 переведенъ изъ IV курса юридическаго на естественный разрядъ въ 1 курсъ; не было на экзаменахъ 4.

Поступило въ студенты въ началѣ сего 1878—79 академическаго года 183: изъ воспитанниковъ гимназій 106, духовныхъ семинарій 77. Первое мѣсто въ настоящемъ году по числу поступившихъ, принадлежитъ факультету медицинскому, а именно въ этотъ факультетъ поступило 125; затѣмъ, на юридическій съ государственнымъ разрядомъ поступило 25 (на разрядъ юридическихъ наукъ 24, на разрядъ государственныхъ наукъ 1), физико-математическій 23 (на разрядъ математическихъ наукъ 21, на разрядъ естественныхъ наукъ 2), на историко-филологическій 10.

Въ началѣ текущаго академическаго года перешло въ другіе Университеты и Медико-Хирургическую Академію 18.

Поступило въ Казанскій Университетъ изъ другихъ Университетовъ 5.

Всего *студентовъ* по 1 ноября сего года состоитъ 651; вольныхъ слушателей 57.

Изъ окончившихъ въ настоящемъ 1878 году курсъ наукъ удостоены степени кандидата: по историко-филологическому факультету Иванъ *Смирновъ*; по физико-математическому факультету, разряду естественныхъ наукъ Петръ *Кротовъ* и юридическому факультету, разряду юридическихъ наукъ: *Альбинскій* Александръ, *Бѣлицкій* Александръ, *Ивановскій* Викторъ, *Полякъ* Михаилъ, *Стахіевъ* Иванъ, *Щегловъ* Владиміръ и *Чирихинъ* Иванъ; признаны заслуживающими степени кандидата, если въ узаконенный срокъ, по § 17 положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата, представятъ диссертаціи, студенты IV курса историко-филологическаго факультета: *Анастасіевъ* Андрей и *Кулагинъ* Александръ; физико-математическаго, разряда математическихъ наукъ:

Кадомцевъ Петръ и *Фармаковскій* Павелъ и разряда естественныхъ наукъ *Хилковскій* Василій; юридическагв факультета, разряда юридическихъ наукъ: *Арлянскій* Николай, *Мотовъ* Михаилъ, *Подбѣльскій* Петръ, *Соколовскій* Владиміръ, *Чевскій* Михаилъ и разряда государственныхъ наукъ *Калашниковъ* Иванъ.

Съ званіемъ дѣйствительнаго студента окончили курсъ по факультетамъ: историко-филологическому: *Ахмеровъ* Шабгазъ-Гирей, *Нехотяевъ* Николай и *Черкасовъ* Михаилъ; физико-математическому, разряда математическихъ наукъ: *Кирѣевъ* Василій и *Михалевъ* Иванъ, по разряду естественныхъ наукъ *Зайцевъ* Павелъ; по разряду юридическихъ наукъ *Адоратскій* Викторъ; *Аницыфровъ* Василій, *Каринскій* Сергѣй, *Красносамарскій* Валеріанъ, *Меликовъ* Дмитрій, *Миловидовъ* Иванъ, *Одинцовъ* Валентинъ, *Поповъ* Николай, *Поппе* Николай, *Садовскій* Дмитрій, *Севрюгинъ* Евпсихій, *Тресвятскій* Николай, *Цитовичъ* Николай, *Юматовъ* Александръ, *Яровой* Николай и *Ярчевскій* Василій; разряда государственныхъ наукъ: *Зимнинскій* Константинъ, *Сципіонъ* Александръ и *Сципіонъ* Михаилъ.

Согласно Высочайшему повелѣнію, 8 декабря 1877 г. состоявшемуся, изложенному въ отношеніи Главнаго Военно-Медицинскаго Управленія къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія отъ 14 того же декабря за № 278, изъ медицинскаго факультета выпущены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, ранѣе установленнаго для окончанія курса срока, со степенью лѣкаря, слѣдующіе студенты V курса медицинскаго факультета: *Авраамовъ* Михаилъ, *Арнольдовъ* Алексѣй, *Баршевскій* Арсеній, *Беклемишевъ* Алексѣй, *Будринъ* Степанъ, *Васильевъ* Викторъ, *Веймарнъ* Александръ, *Виноградовъ* Але-

ксѣй, *Гавриловскій* Романъ, *Годневъ* Иванъ, *Есиповъ* Николай, *Золотницкій* Владиміръ, *Костко* Антонъ, *Красиковъ* Ананій, *Кремковъ* Константинъ, *Левицкій* Мартирій, *Литвиновъ* Николай, *Миловзоровъ* Михаилъ, *Модзолевскій* Адамъ, *Морозовъ* Алексѣй, *Наумовъ* Иванъ, *Оглоблинъ* Николай, *Орловъ* Владиміръ, *Охотинъ* Иванъ, *Петровъ* Владиміръ, *Перуанскій* Николай, *Поповъ* Прокопій, *Пятовъ* Сергѣй, *Разумовскій* Александръ, *Радзевичъ* Оттонъ, *Селивановскій* Михаилъ, *Соколовъ* Петръ, *Сырневъ* Николай, *Тиховъ* Константинъ, *Целерицкій* Константинъ и *Черневскій* Зиновій, и изъ нихъ *Есиповъ*, кромѣ того, съ званіемъ уѣзднаго врача.

На заданныя въ прошедшемъ году темы представлены по факультетамъ:

1) Историко-филологическому — одно сочиненіе подъ девизомъ № 333 „О языкѣ Русскихъ былинъ".

2) Юридическому — три сочиненія съ эпиграфами, на темы: двѣ подъ заглавіемъ: „Организація высшаго управленія въ царствованіе Императора Александра I-го", одна съ эпиграфомъ: „Le sublime de l' administration est de bien connaitre, quelle est la partie du pouvoir, grande ou petite, que l'on doit employer dans les diverses circonstances". Montesquieu, L' ésprit des lois, „L. XII, C. XXV, 36"; вторая съ эпиграфомъ: „Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ". (Въ память графа Сперанскаго, стран. 229, письмо Сперанскаго къ князю Голицыну); третья: „Переводъ и объясненіе текста Dig. de adquirendo rerum dominio lib. 41, tit. 1", съ эпиграфомъ: „Quidquid non agnoscit glossa, non agnoscit forum".

3) По медицинскому: „Корни Лимфатической системы и отношенія ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ нервовъ“, съ эпиграфомъ: „Неутомимое наблюденіе есть главное условіе всякаго значительнаго успѣха“.

Сочиненія эти, согласно отзывамъ гг. ординарныхъ профессоровъ: о первой — *Бодуэнъ-де-Куртенэ;* второй и третьей — *Нелидова;* четвертой — *Кремлева* и пятой — *Арнштейна*, признаны факультетами заслуживающими награжденія золотой медали.

По вскрытіи, въ засѣданіи Совѣта 28 октября, пакетовъ съ именами авторовъ, оказалось, что означенныя диссертаціи принадлежатъ студентамъ: IV курса: первая — историко-филологическаго факультета Николаю Кукуранову; вторая — разряда юридическихъ наукъ: Виктору Ивановскому, третья — Владиміру Щеглову, четвертая — Михаилу Поляку и пятая — V курса медицинскаго факультета Александру Догелю.

Совѣтъ Университета опредѣлилъ: наградить въ торжественномъ собраніи Университета студентовъ: IV курса факультетовъ: историко-филологическаго Николая *Кукуранова*, юридическаго, разряда юридическихъ наукъ: Виктора *Ивановскаго*, Владиміра *Щеглова* и Михаила *Поляка* и медицинскаго, V курса Александра *Догеля* золотыми медалями.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПРОТОКОЛЪ

II-ГО ЗАСѢДАНІЯ СОВѢТА ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 20 ІЮНЯ 1878 Г.

Въ засѣданіи присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя С. М. Шпилевскій, Члены Совѣта: Н. И. Золотницкій, Н. А. Износковъ, секретарь Н. П. Загоскинъ и казначей В. К. Савельевъ. За отсутствіемъ г. Предсѣдателя Общества, засѣданіе открыто г. Товарищемъ Предсѣдателя.

I. Секретарь Общества доложилъ о томъ, что сдѣлано имъ въ исполненіе постановленія Совѣта отъ 11 мая, касательно изготовленія извѣщеній различнымъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ о вступленіи Общества въ начало дѣятельности своей. Изготовлены отношенія 27 ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, восьми университетамъ, четыремъ духовнымъ академіямъ и 20 губернскимъ статистическимъ комитетамъ, съ оповѣщеніемъ объ открытіи съ 5 мая текущаго года научной дѣятельности Общества и съ просьбою объ оказаніи ей содѣйствія. Отношенія эти будутъ разосланы вмѣстѣ съ экземплярами перваго выпуска „Извѣстіи“ Общества. При этомъ секретарь просилъ разрѣшить

ему расходъ изъ кассы Общества на переписку заготовленныхъ отношеній на бѣло.—*Постановлено*: Представленные проэкты отношеній одобрить и разрѣшить расходъ на переписку ихъ на бѣло.

II. Секретарь Общества, Н. П. Загоскинъ, во видахъ большаго распространенія въ здѣшнемъ краѣ свѣдѣній объ Обществѣ и его задачахъ и для привлеченія этимъ путемъ большаго количества лицъ къ содѣйствію послѣднимъ, предложилъ изготовить печатныя извѣщенія объ открытіи Общества, объ его организаціи и задачахъ и о тѣхъ видахъ содѣйствія, которое можетъ быть оказываемо ему всѣми вообще лицами, хотя бы и непосвятившими себя преимущественнымъ археологическимъ, историческимъ или этнографическимъ занятіямъ. Эти извѣщенія, напечатанныя въ значительномъ количествѣ экземпляровъ на листахъ обыкновенной писчей бумаги, должны быть разосланы всѣмъ по возможности лицамъ здѣшняго края, отъ которыхъ можетъ быть ожидаемо какое либо содѣйствіе Обществу, какъ-то: землѣвладѣльцамъ, городскимъ и сельскимъ священникамъ, преподавателямъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и т. п. лицамъ.—*Постановлено*: Поручить Н. П. Загоскину составленіе проэкта подобнаго извѣщенія.

III. Секретарь Общества доложилъ что имъ, въ силу постановленій I Общаго Собранія 5 мая и I засѣданія Совѣта 11 мая, заготовлены бланки, конверты и другія писчебумажныя принадлежности для Общества, а также напечатаны и переплетены кассовыя и канцелярскія книги и книги для каталоговъ Общества. Сверхъ того пріобрѣтенъ щкафчикъ для бумагъ Общества и произведены расходы по перепискѣ протоколовъ засѣданій. Всѣ эти расходы, представляющіе сумму въ 26 р. 91 к., за исключеніемъ не выяснившихся еще типографскихъ расходовъ, покрыты г. казначеемъ Общества по представленіи ему надлежащихъ счетовъ. Затѣмъ секретарь доложилъ Совѣту, что имъ составлены каталоги библіотеки и музея Общества, а самыя книги и вещи перенумерованы и приведены въ порядокъ. Въ библіотекѣ оказалось 134 названія книгъ и картъ; въ музеѣ Общества оказалось 197 номеровъ различныхъ вещей. Съ составленіемъ каталога библіотеки открывается возможность для гг. членовъ пользоваться изъ нее книгами.—*Постановлено*: Доложенное секретаремъ Общества принять къ свѣдѣнію.

IV. Секретарь Общества доложилъ, что въ виду постановленія Совѣта отъ 11 мая, имѣло мѣсто ходатайство передъ Совѣтомъ Императорскаго Казанскаго Университета о печатаніи при „Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Университета“ протоколовъ засѣданій, списковъ, инструкцій и программъ Общества, съ правомъ полученія 300 отдѣльныхъ оттисковъ печатаемаго. Въ отвѣтъ на это ходатайство получено изъ Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета увѣдомленіе отъ 7 іюня за № 564 съ извѣщеніемъ о согласіи Совѣта на удовлетвореніе ходатайства Совѣта Общества.—*Постановлено*: О таковомъ согласіи Совѣта Университета занести въ протоколъ, съ выраженіемъ благодарности Совѣту за его споспѣшествованіе дѣятельности Общества.

V. Секретарь Общества напомнилъ Совѣту разсужденія, имѣвшія мѣсто во II общемъ собраніи членовъ Общества отъ 22 мая, по вопросу о ходатайствѣ предъ Совѣтомъ Университета относительно предоставленія членамъ Общества права пользованія книгами изъ библіотеки музея древностей и изящныхъ искусствъ, учрежденнаго при историко-филологическомъ факультетѣ Университета; разсужденія эти не выработались въ засѣданіи 22 мая ни въ какое опредѣленное постановленіе. Въ виду послѣдняго, секретарь Общества возбудилъ вопросъ,—считаетъ-ли Совѣтъ нужнымъ входить по этому вопросу съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Университета?—*Постановлено*: Въ виду настоящаго вакаціоннаго времени и перерыва засѣданій какъ Совѣта Университета, такъ и общихъ собраній Общества—отложить рѣшеніе этого вопроса до болѣе удобнаго времени.

VI. Секретарь Общества доложилъ постановленіе общаго собранія 22 мая о выдачѣ членамъ Общества, выѣзжающимъ изъ г. Казани и изъявляющимъ желаніе собирать, во время пребыванія своего внѣ г. Казани, различныя свѣдѣнія, матеріалы и пособія для общества,—особыхъ удостовѣрительныхъ листовъ, съ удостовѣреніемъ въ томъ, что они дѣйствительно члены Общества и дѣйствуютъ въ его интересахъ. При этомъ представленъ секретаремъ приготовленный имъ проектъ подобныхъ удостовѣрительныхъ листовъ, въ которомъ, кромѣ вышеуказаннаго удостовѣренія, заключается и просьба къ различнымъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ и къ частнымъ лицамъ объ оказаніи предъявителямъ листовъ зависящаго отъ нихъ содѣй-

ствія.—*Постановлено*: Представленный секретаремъ проэктъ утвердить и предложить гг. отъѣзжающимъ членамъ Общества, желающимъ получить удостовѣрительные листы, обращаться за полученіемъ таковыхъ къ г. секретарю Общества.

VII. Доложено состоявшееся въ общемъ собраніи 22 мая предложеніе въ члены-сотрудники Общества П. И. Фанагорскаго.—*Постановлено*: Въ виду отсутствія отъ самаго предлагаемаго лица заявленія о желаніи его содѣйствовать цѣлямъ Общества и въ виду отсутствія фактическаго проявленія содѣйствія его дѣятельности Общества, которымъ могло бы быть выполнено отсутствіе перваго условія,—отложить утвержденіе П. И. Финагорскаго въ этомъ званіи до полученія отъ него личнаго заявленія о желаніи быть полезнымъ Обществу или до какого либо внѣшняго проявленія таковаго желанія его.

VIII. Секретарь Общества, Н. П. Загоскинъ, предложилъ къ избранію въ члены-сотрудники Общества ученаго начальника православной миссіи въ г. Иркутскѣ, архимандрита Мелетія, извѣстнаго Совѣту какъ ученою дѣятельностію своею, такъ и содѣйствіемъ оказаннымъ IV Археологическому Съѣзду; археологическія и этнографическія предметы, доставленные архимандритомъ Мелетіемъ IV Археологическому Съѣзду, составляютъ нынѣ достояніе музея Общества.—*Постановлено*: Просить архимандрита Мелетія принять на себя званіе члена-сотрудника Общества.

IX. Секретарь Общества обратился къ Совѣту Общества съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему производства въ теченіе лѣтняго вакаціоннаго времени мелкихъ расходовъ по Обществу, безъ исходатайствованія особаго предварительнаго утвержденія отдѣльныхъ предметовъ расхода, на сумму не свыше десяти рублей (по совокупности всѣхъ расходовъ).—*Постановлено*: Разрѣшить г. казначею Общества выдачу секретарю Общества на мелкіе расходы по Обществу до десяти рублей, по частямъ или единовременно.

X. И. А. Износковъ обратился къ Совѣту съ слѣдующимъ предложеніемъ: При многихъ церквахъ Казанской епархіи имѣются богатые архивы, въ которыхъ по всей вѣроятности заключаются болѣе или менѣе цѣнные матеріалы для исторіи мѣстнаго края. Въ большинствѣ случаевъ архивы эти весьма плохо сохраняются и нерѣдко безслѣдно исчезали. Желательно было бы, чтобы церковные архивы

здѣшней епархіи приведены были въ большую или меньшую извѣстность и чтобы Общество получило возможность безпрепятственнаго ознакомленія съ ними. Въ видахъ послѣдняго, г. Износковъ предлагаетъ обратиться къ Его Преосвященству, Архіепископу здѣшней епархіи съ почтительнѣйшею просьбою дать черезъ благочинныхъ предписаніе приходскимъ священникамъ, о дозволеніи членамъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи ознакомляться съ архивами ввѣренныхъ имъ церквей, а также дозволять приходскимъ священникамъ, по собственному побужденію, препровождать на непродолжительное время для разсмотрѣніе Общества тѣ архивные матеріалы, которые могутъ представить извѣстный историческій или этнографическій интересъ.—Выслушавъ предложеніе И. А. Износкова, Совѣтъ *постановилъ*: Ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, о предписаніи приходскимъ священникамъ открывать для членовъ Общества церковные архивы и о дозволеніи имъ доставлять Обществу на непродолжительное время архивные матеріалы, представляющіе историческій или этнографическій интересъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *Н. Загоскинъ.*

ПРОТОКОЛЪ

III-го ЗАСѢДАНІЯ СОВѢТА ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 23 АВГУСТА 1878 ГОДА.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель П. Д. Шестаковъ; Товарищъ Предсѣдателя С. М. Шпилевскій; члены Совѣта: Протоіерей отецъ П. Заринскій, Н. И. Золотницкій, И. А. Износковъ, В. В. Радловъ, Н. А. Ѳирсовъ, секретарь Н. П. Загоскинъ и казначей В. К. Савельевъ. Сверхъ того въ засѣданіе приглашенъ былъ дѣйствительный членъ П. А. Пономаревъ, въ виду желанія его сдѣлать нѣсколько личныхъ заявленій Совѣту.

I. Секретарь Общества прочелъ и предложилъ къ подписанію протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта отъ 20 іюня.

II. Доложены бумаги поступившія на имя Общества со времени послѣдняго засѣданія Совѣта. Въ томъ числѣ доложены:

а) Отвѣтъ г. Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на извѣщеніе объ открытіи Общества, отъ 20 іюня, за № 414, слѣдующаго содержанія: „Препровожденный при отношеніи Общества отъ 30 минувшаго іюня за № 30 первый выпускъ Извѣстій въ архивѣ полученъ и переданъ въ его библіотеку. Привѣтствуя молодое Общество съ его открытіемъ и принося ему выраженіе искренней благодарности за его пожертвованіе, объ которомъ будетъ своевременно публиковано въ газетахъ, архивъ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется, что связь, установившаяся съ нимъ при самомъ возникновеніи Общества, не прекратится и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что архивъ съ своею библіотекою изобилуетъ богатымъ матеріаломъ для изученія древностей, касающихся русскаго и инородческаго населе-

нія Казанской губерніи, объ чемъ уже и былъ представленъ обстоятельный каталогъ отъ архива на бывшій въ прошломъ году IV Археологическій Съѣздъ въ г. Казани, который постановилъ напечатать этотъ библіографическій сборникъ въ Трудахъ Съѣзда. При семъ архивъ честь имѣетъ увѣдомить, что библіотека его всегда будетъ открыта для гг. членовъ новаго Общества, желающихъ воспользоваться тѣмъ библіографическимъ матеріаломъ, который имъ можетъ быть нуженъ. Подписалъ Директоръ Архива, Двора Е. И. В. Гофмейстеръ, дѣйствительный членъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Московскаго Археологическаго Общества Баронъ Ѳ. Бюлеръ".

б) Отвѣтъ Совѣта Московской Духовной Академіи на извѣщеніе объ открытіи Общества, отъ 27 іюля за № 495, въ которомъ Совѣтъ Академіи изъявляетъ согласіе на обмѣнъ изданій съ Обществомъ.

III. Доложено предложеніе члена-сотрудника Р. Г. Игнатьева (изъ Минска) о новомъ изданіи Обществомъ „Оренбургской исторіи" Рычкова, напечатанной въ 1759 году въ издававшихся академикомъ Миллеромъ *„Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ"*, при чемъ г. Игнатьевъ предлагаетъ свои услуги для составленія комментарій къ новому изданію.—*Постановлено*: Увѣдомить Р. Г. Игнатьева, что въ настоящее время матеріальныя средства Общества не дозволяютъ ему приступить къ приведенію въ исполненіе этого предложенія, не смотря на несомнѣнную полезность послѣдняго, но что Совѣтъ будетъ имѣть его въ виду для будущаго времени и съ благодарностію воспользуется предложеніемъ г. Игнатьевымъ своихъ услугъ для этого дѣла.

IV. Секретарь Общества доложилъ о матеріалахъ, поступившихъ въ Общество отъ инспектора училищъ Уржумскаго уѣзда, Василія Константиновича Магнитскаго, и отъ почетнаго члена Казанскаго Университета Григорія Ивановича Мѣшкова, при чемъ оба лица изъявляютъ полную готовность содѣйствовать ученымъ цѣлямъ Общества.—*Постановлено*: благодарить гг. Магнитскаго и Мѣшкова за сочувствіе ихъ задачамъ Общества и просить ихъ принять на себя званіе членовъ-сотрудниковъ его.

V. Секретарь Общества доложилъ что дѣйствительный членъ Общества, *А. Ѳ. Лихачевъ*, поручилъ ему увѣдомить Совѣтъ о

весьма интересномъ открытіи сдѣланномъ имъ въ окрестностяхъ г. Казани. Г. Лихачеву удалось открыть подъ самымъ г. Казанью мѣстность, несомнѣнно свидѣтельствующую о существованіи на ней нѣкогда производства каменныхъ орудій. Г. Лихачевъ желалъ бы сдѣлать сообщеніе о своемъ открытіи въ первомъ же общемъ собраніи Общества, причемъ имѣетъ въ виду въ томъ же засѣданіи демонстрировать гг. членамъ Общества и самыя коллекціи, собранныя имъ въ этой мѣстности.—*Постановлено*: Внести сообщеніе А. Ѳ. Лихачева въ программу занятій перваго же общаго собранія гг. членовъ Общества.

VI. Дѣйствительный членъ *П. А. Пономаревъ* представилъ „Предварительное сообщеніе о слѣдахъ г. Укека при деревнѣ Набережномъ Увекѣ, близь города Саратова“, содержащее въ себѣ изложеніе результатовъ предпринятой имъ въ августѣ настоящаго года экскурсіи въ деревню Увекъ, на мѣстѣ расположенія которой существовалъ нѣкогда татарскій городъ Укекъ. При этомъ г. Пономаревъ предъявилъ коллекцію монетъ и археологическихъ находокъ, собранныхъ имъ въ этой мѣстности, планъ окрестностей Увекскаго городища, рисунокъ расположенія такъ называемыхъ кучугуръ, т. е. ряда холмовъ, заключающихъ въ себѣ остатки древняго города и нѣсколько снимковъ съ мѣстныхъ памятниковъ древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. А. Пономаревъ предложилъ вниманію Совѣта переданное ему для сообщенія Обществу бывшимъ профессоромъ Казанской духовной академіи, извѣстнымъ оріенталистомъ Г. С. Саблуковымъ, обширное изслѣдованіе его подъ заглавіемъ: „Остатки древностей въ Усть-Набережномъ Увекѣ“, давно уже написанное имъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не изданное въ свѣтъ. Въ дополненіе къ сообщеніямъ П. А. Пономарева, С. М. Шпилевскій указалъ на извѣстія оставленныя относительно слѣдовъ города Укека извѣстнымъ оріенталистомъ Френомъ и на факты сообщаемые относительно Увѣкскаго городища въ изданіяхъ Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и въ нѣкоторыхъ другихъ печатныхъ источникахъ.—Собравъ такимъ образомъ свѣдѣнія относительно источниковъ для составленія болѣе или менѣе полной картины минувшаго и настоящаго этого городища, Совѣтъ *постановилъ*: Просить П. А. Пономарева, какъ лично и весьма обстоятельнымъ образомъ изслѣдовавшаго Увекское

городище, составить на основаніи его собственныхъ розысканій, а также и на основаніи изслѣдованій Френа, Саблукова и другихъ, по возможности полный сводъ свѣдѣній относительно прошедшаго и настоящаго Увѣкскаго городища, и о составленіи изъ имѣющаго получится такимъ образомъ матеріала рѣчи для прочтенія на предполагаемомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ торжественномъ публичномъ собраніи Общества. Относительно же предварительнаго сообщенія „О слѣдахъ г. Укека и проч.“, представленнаго П. А. Пономаревымъ, *постановлено*: внести его въ программу занятій перваго же общаго собранія гг. членовъ Общества. При этомъ С. М. Шпилевскій вызвался представить въ томъ же общемъ собраніи нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній относительно Увекскаго городища. Наконецъ, относительно собранія джучидскихъ монетъ, представленныхъ П. А. Пономаревымъ и собранныхъ имъ въ деревнѣ Увекѣ, *постановлено*: просить дѣйствительнаго члена В. К. Савельева разобрать ихъ и о результатахъ изслѣдованія ихъ представить въ первомъ же общемъ собраніи Общества.

VII. Предсѣдатель Общества, *П. Д. Шестаковъ*, представилъ свѣдѣнія о постепенномъ разрушеніи слѣдовъ г. Укека и возбудилъ вопросъ о мѣрахъ, которыя могло бы принять Общество для ихъ сохраненія, или, по крайней мѣрѣ, для болѣе или менѣе точнаго описанія изчезающихъ съ лица земли памятниковъ Укекской старины. Владѣлецъ мѣстности на которой находятся остатки г. Укека, г. Мауринъ, поставляетъ бутовый камень для г. Саратова, являясь въ этомъ отношеніи подрядчикомъ Саратовской городской управы. Разработка бутоваго камня въ д. Увекѣ, начавшись отъ берега рѣки Волги, достигла нынѣ такъ называемыхъ кучугуръ, т. е. рядовъ холмовъ, скрывающихъ подъ собой остатки города Укека. Остатки древнихъ каменныхъ построекъ города, добываемые изъ этихъ холмовъ, и отправляются въ настоящее время въ г. Саратовъ въ качествѣ бутоваго камня. Такимъ образомъ изо дня въ день систематически разрушаются сохранившіеся въ деревнѣ Увекѣ остатки древняго города Укека. П. Д. Шестаковъ вызвался просить отъ имени совѣта Общества г. Саратовскаго губернатора, М. Н. Галкина-Врасскаго, не отказаться передать г. Маурину просьбу Общества о снятіи по мѣрѣ эксплуатаціи кучугуръ плановъ съ обнаруживающихся слѣ-

довъ города и, если возможно, объ описаніи ихъ. При этомъ П. А. Пономаревъ заявилъ, что въ бытность его въ селѣ Ивановскомъ Увекѣ (не вдалекѣ отъ Набережнаго Увека) имѣлъ онъ случай познакомится съ просвѣщеннымъ мѣстнымъ священникомъ, Алек. Ив. Дроздовымъ, который, будучи самъ любителемъ древностей, изъявилъ полную готовность быть сотрудникомъ и корреспондентомъ общества.—*Постановлено*: a) Просить П. Д. Шестакова отнестись къ М. Н. Галкину-Врасскому съ просьбою передать г. Маурину желаніе Общества, b) Просить священника А. И. Дроздова принять на себя званіе члена-сотрудника Общества.

VIII. *В. К. Савельевъ* сообщилъ Совѣту, что въ бытность его въ началѣ текущаго августа въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, удалось ему получить свѣдѣніе о весьма значительномъ собраніи столбцовъ XVII вѣка, хранящемся въ мѣстной гимназіи. Г. директоръ гимназіи не видитъ съ своей стороны препятствія къ доставленію ихъ на нѣкоторое время на разсмотрѣніе Общества.—*Постановлено*: Просить г. директора Нижегородской гимназіи о доставленіи на нѣкоторое время для разсмотрѣнія Общества собранія столбцовъ, хранящихся во ввѣренной его управленію гимназіи.

IX. *Н. И. Золотницкій* заявилъ Совѣту объ изготовленномъ имъ сообщеніи: „Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ".—*Постановлено*: Имѣть въ виду сообщеніе Н. И. Золотницкаго для включенія его въ программу занятій одного изъ ближайшихъ общихъ собраній гг. членовъ Общества и для прочтенія извлеченій изъ него на имѣющемъ быть публичномъ торжественномъ собраніи Общества.

X. Обсуживался вопросъ о ходатайствованіи предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о предоставленіи Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи, по отношенію къ полученію и пересылкѣ по почтѣ всякаго рода корреспонденціи, тѣхъже льготъ и преимуществъ, какія предоставлены въ этомъ отношеніи Императорскимъ Университетамъ.—*Постановлено*: Просить Совѣтъ Университета представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія о ходатайствѣ Общества.

XI. По представленію секретаря Общества обсуждался вопросъ объ изысканіи помѣщенія для храненія библіотеки, музея и прочаго имущества Общества.—*Постановлено*: Хода-

тайствовать передъ Совѣтомъ Университета объ отведеніи для Общества помѣщенія въ зданіи Университета.

XII. Обсуживался вопросъ о назначеніи дня для перваго послѣ вакаціоннаго времени общаго собранія гг. членовъ Общества.—*Постановлено*: Назначить общее собраніе на 4 сентября, въ 7 часовъ вечера, въ малой залѣ Университета. Для занятій общаго собранія предназначена слѣдующая программа: 1) Докладъ секретаря о дѣйствіяхъ въ теченіи вакаціоннаго времени совѣта Общества и о поступившихъ въ Общество приношеніяхъ; 2) Баллотировки новыхъ дѣйствительныхъ членовъ (гг. Бекетова, Можаровскихъ и Флоринскаго; 3) Сообщенія С. М. Шпилевскаго и П. А. Пономарева о городѣ Укекѣ; 4) Сообщеніе В. К. Савельева о джучидскихъ монетахъ, собранныхъ въ дер. Увекѣ П. А. Пономаревымъ и 5) Сообщеніе А. Ѳ. Лихачева объ открытыхъ имъ слѣдахъ каменнаго вѣка близь г. Казани.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *Н. Загоскинъ.*

ПРОТОКОЛЪ

III-го ОБЩАГО СОБРАНІЯ ГГ. ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 4 СЕНТЯБРЯ 1878 ГОДА.

Засѣданіе открыто въ 7 часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества П. Д. Шестаковымъ. Въ засѣданіи присутствовали: Н. Я. Агаѳоновъ, Н. Н. Буличъ, І. О. Готвальдъ, Н. П. Загоскинъ (секретарь), Протоіерей П. Е. Заринскій (членъ Совѣта), И. А. Износковъ (тоже), Д. А. Корсаковъ, К. В. Лаврскій, А. Ѳ. Лихачевъ, Н. А. Осокинъ, П. А. Пономаревъ, И. М. Порфирьевъ, Баронъ Ѳ. Ѳ. Розенъ, В. К. Савельевъ (казначей), Н. А. Толмачевъ, С. М. Шпилевскій (товарищъ Предсѣдателя), А. А. Штукенбергъ, Н. Ѳ. Юшковъ, Э. П. Янишевскій и Н. А. Ѳирсовъ (членъ Совѣта).

I. Секретарь Общества заявилъ, что протоколъ предшествовавшаго чрезвычайнаго общаго собранія 22 мая читанъ въ настоящемъ засѣданіи не будетъ, такъ какъ онъ былъ обращенъ къ подписанію летучимъ протоколомъ и уже напечатанъ въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ „Извѣстій" Общества.

II. На основаніи § 28 Устава Общества, секретарь доложилъ общему собранію краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта въ теченіи лѣтняго вакаціоннаго времени и о новыхъ пріобрѣтеніяхъ сдѣланныхъ музеемъ Общества, библіотекою и архивомъ рукописныхъ матеріаловъ.

Изъ дѣйствій Совѣта особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія мѣропріятія: приняты мѣры къ привлеченію къ участію въ дѣятельности Общества лицъ, могущихъ быть ему полезными; съ этою цѣлью избраны Совѣтомъ въ члены-сотрудники Общества: *В. К. Магницкій* (въ Уржумѣ), *архимандритъ Мелетій* (въ Иркутскѣ), *Г. И. Мѣшковъ* (въ Казани), и священникъ *А. И. Дроздовъ* (въ селѣ Ивановскомъ Увекѣ). Отъ Совѣта

Императорскаго Казанскаго Университета исходатайствовано безплатное печатаніе „Извѣстій“ Общества при издаваемыхъ имъ Ученыхъ Запискахъ, съ правомъ полученія 300 отдѣльныхъ оттисковъ; первый выпускъ „Извѣстій“ Общества уже вышелъ въ свѣтъ. Въ Совѣтъ же Казанскаго Университета поступило ходатайство предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ уравненіи Общества съ Университетомъ по отношенію къ праву безплатной пересылки по почтѣ всякаго рода корреспонденціи. Приняты споры къ изысканію помѣщенія для библіотеки и музея Общества; съ этою цѣлью Совѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Университета объ отведеніи ему помѣщенія въ стѣнахъ Университета. Въ декабрѣ мѣсяцѣ текущаго года предположено торжественное публичное собраніе Общества. Предположено обратиться къ г. Саратовскому Губернатору М. Н. Галкину-Врасскому, съ просьбою о принятіи мѣръ къ приведенію въ извѣстность и спасенію для науки археологическихъ памятниковъ, находящихся въ деревнѣ Увекѣ. Равнымъ образомъ предположено обратиться съ ходатайствомъ къ Его Преосвященству архіепископу Казанскому и Свіяжскому, объ открытіи гг. членамъ Общества доступа въ церковные архивы и къ свободному обозрѣнію находящихся по епархіи памятниковъ церковныхъ древностей. Утверждена форма удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о принадлежности ихъ къ Обществу, имѣющихъ выдаватся членамъ выѣзжающимъ изъ г. Казани и желающимъ воспользоватся таковыми для производства изысканій и собиранія свѣдѣній и матеріаловъ для Общества. Совѣтъ обратился къ г. директору Нижегородской гимназіи съ просьбою о доставленіи для разсмотрѣнія Общества значительнаго собранія столбцевъ XVII вѣка, имѣющихся въ гимназіи. Совѣтомъ разосланы извѣщенія объ открытіи дѣятельности Общества и съ просьбою объ оказываніи содѣйствія ученымъ задачамъ его, всѣмъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, университетамъ, духовнымъ академіямъ и губернскимъ статистическимъ комитетамъ губерній, входящихъ въ районъ дѣятельности Общества. Отъ многихъ Обществъ и учрежденій получаются нынѣ заявленія сочувствія къ цѣлямъ и задачамъ Общества, съ обѣщаніемъ содѣйствія ему въ достиженіи послѣднихъ.

Библіотека Общества обогатилась слѣдующими приношеніями:

a) *Отъ Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ* полученъ въ даръ полный экземпляръ Трудовъ и Протоколовъ его, со всѣми къ нимъ приложеніями.

b) *Отъ Минскаго Губернскаго Статистическаго Комитета* получена въ даръ Памятная Книжка Минской губерніи на 1878 годъ, въ двухъ выпускахъ.

c) *Отъ Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета* получено въ даръ девять книгъ и брошюръ его изданія.

d) *Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* доставленъ VI выпускъ „Извѣстій" его за 1877 г и указатель къ „Извѣстіямъ" 1877 года.

e) *Отъ Н. П. Загоскина* получены въ даръ сочин. Березина: „Ханскіе Ярлыки. I. Ярлыкъ Тохтамыша Хана къ Ягайлу 1392—1393 г." (Казань 1850 г.), Фигье Л: „Первобытный человѣкъ" и „Описаніе Россійской имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ", Книга II: „Архангельская губернія" (С.-Петербургъ 1845 г).

f) *Отъ профессора Варшавскаго Университета г. Микуцкаго*: два экземпляра брошюры его: „Матеріалы для Сако-Арійскаго корнеслова".

Въ музей Общества поступили слѣдующія приношенія:

a) *Отъ В. В. Радлова*: 84 предмета добытыхъ при раскопкахъ древняго кладбища въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ; три кремневыхъ стрѣлы, два кремневыхъ и одинъ діоритовый топоръ, кремневая пила, стамеска и нуклеусъ, найденные въ различныхъ мѣстностяхъ Чебоксарскаго и Казанскаго уѣздовъ.

b) *Отъ А. И. Смирнова*: 13 пронизокъ и 2 амулета, пріобрѣтенныхъ въ селѣ Успенскомъ—Болгарахъ.

c) *Отъ Н. Ѳ. Высоцкаго*: каменные топоръ и долото, найденные въ Казанскомъ уѣздѣ.

d) *Отъ В. К. Магницкаго*: три фотографіи съ типами Черемисскихъ дѣтей.

e) *Отъ Е. Т. Соловьева*: шесть мѣдныхъ монетъ (1 джучидская, 1 визант. и 4 русскихъ).

f) *Отъ Г. И. Мѣшкова*: тринадцать литографированныхъ портретовъ (съ факсимиле подписей) царственныхъ особъ изъ дома Романовыхъ XVII—XVIII вв., сдѣланныхъ по рисункамъ Бореля.

Собраніе рукописныхъ матеріаловъ обогатилось слѣдующими приношеніями:

а) *Г. И. Мѣшковъ* сообщилъ „Краткую записку о Высочайшемъ въ 1836 г. пребываніи блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича въ гг. Пензѣ и Чембарѣ“ и „Воспоминанія современника о Высочайшемъ посѣщеніи г. Пензы Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1824 г.“, собственнаго своего сочиненія, и принесъ въ даръ патентъ 1748 г. и автографъ гр. М. М. Сперанскаго.

b) *В. К. Магницкій* доставилъ этнографическій сборникъ своего составленія: „Сборникъ переживаній древней культуры у жителей 2-го стана Чебоксарскаго уѣзда“, а также оригиналъ заговора противъ воровъ и копію съ черемисскаго договорнаго письма 1775 г.

c) *Н. П. Загоскинъ* представилъ приготовленное имъ къ печати собраніе актовъ XVII вѣка (архивъ кн. В. И. Баюшева), касающееся исторіи Арзамасскаго, Алатырскаго, Симбирскаго и сопредѣльныхъ съ ними уѣздовъ.—*Постановлено*: Выразить искреннюю признательность лицамъ, доставившимъ вышеозначенныя книги, предметы и матеріалы.

Въ заключеніе отчета своего, секретарь сообщилъ общему собранію, что изслѣдованіе дѣйствительнаго члена и Товарища Предсѣдателя Общества С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи“—увѣнчано Императорскимъ Русскимъ Археологическихъ Обществомъ, въ С.-Петербургѣ, первою преміею—большою золотою медалью.

III. Предсѣдатель Общества, П. Д. Шестаковъ, заявилъ общему собранію, что бывшій профессоръ Казанской духовной академіи, *Г. С. Саблуковъ*, передалъ въ распоряженіе Общества, чрезъ П. А. Пономарева, рукописное изслѣдованіе свое о древнемъ городѣ Укекѣ и о сдѣланныхъ на мѣстѣ его въ различныя времена находкахъ.—*Постановлено*: Выразить Г. С. Саблукову глубокую признательность Общества за столь полезное и цѣнное приношеніе.

IV. Секретарь Общества доложилъ общему собранію, что членъ основатель Общества, *Е. М. Тимаевъ*, (въ С.-Петербургѣ), доставилъ на имя С. М. Шпилевскаго *сто рублей денегъ* въ качество единовременнаго членскаго взноса (на основ. § 16 Устава). Деньги эти переданы С. М. Шпилев-

скимъ г. казначею Общества и записаны на приходъ въ кассовую книгу.—*Постановлено*: На основаніи § 16 Устава Общества признать Е. М. Тимаева пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ Общества, о каковомъ постановленіи и увѣдомить его.

V. Происходили баллотировки въ дѣйствительные члены лицъ, предложенныхъ въ предшествовавшее общее собраніе: профессора А. Н. Бекетова, Ал. Ѳ. Можаровскаго, Ап. Ѳ. Можаровскаго и профессора В. М. Флоринскаго. Результатъ баллотировокъ оказался избирательнымъ для всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ.—*Постановлено*: Извѣстить гг. Бекетова, Можаровскихъ и Флоринскаго о избраніи ихъ въ дѣйствительные члены. Профессора А. Н. Бекетовъ и В. М. Флоринскій, присутствовавшіе въ залѣ засѣданія, вслѣдъ за избраніемъ ихъ, приглашены г. Предсѣдателемъ занять мѣста въ ряду дѣйствительныхъ членовъ Общества.

VI. С. М. Шпилевскимъ и Н. П. Загоскинымъ предложены слѣдующіе новые кандидаты въ дѣйствительные члены: *Р. О. Гроссманъ*, *А. Н. Островскій* и *М. В. Шимановскій*.—*Постановлено*: Баллотировать гг. Гроссмана, Островскаго и Шимановскаго въ дѣйствительные члены въ ближайшемъ общемъ собраніи Общества.

VII. *С. М. Шпилевскій* представилъ обозрѣніе литературныхъ свѣдѣній о городѣ Укекѣ, слѣды котораго обнаруживаются въ настоящее время у деревни Набережнаго Увека, въ 12-ти верстахъ къ югу отъ г. Саратова. Важнѣйшее изслѣдованіе объ этомъ древнемъ городѣ принадлежитъ знаменитому оріенталисту Френу (Memoires de l'Acad. Imper. VI série, III, въ русскомъ переводѣ въ III т. Трудовъ Росс. Акад.). Френъ впервые объясняетъ названіе этого города отъ монгольскаго слова „Укекъ", что значитъ валъ, платина, и объясняетъ превращеніе этого названія изъ „Укекъ" въ „Увекъ" подобно превращенію слова „Азакъ" въ „Азовъ". Френъ представляетъ рядъ свидѣтельствъ объ этомъ городѣ, начиная съ XIII стол. (Марко-Поло): въ XIV стол.—Абульфеда и Ибнъ-Батута; въ „Hist. de Timur-Bec, trad. Par Petis de la Croix" упоминается о разрушеніи этого города Тамерланомъ; подъ 1521 г. Увекъ упоминается въ Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя; около полов. XVI стол. этотъ городъ, подъ именемъ *Вецины*, встрѣчается у Узидамара; въ Книгѣ Большаго Чертежа показано городище Увѣщенское;

въ XVI стол. этотъ городъ посѣщалъ Борраy. Затѣмъ Френъ приводитъ сообщенія объ Увекѣ извѣстныхъ путешественниковъ по Россіи во второй половинѣ прошедшаго столѣтія— Палласа и Лепехина—и показанія профессора Эрдмана въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Френъ указываетъ также на монеты, чеканенныя въ этомъ городѣ, и описываетъ нѣкоторыя найденныя здѣсь въ 1834 году вещи.

Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1835 г, въ ст. „О Монгольскихъ древностяхъ",—описаны остатки этого города и найденныя здѣсь въ 1834 г. вещи, которыя были представлены на разсмотрѣніе Френа и описаны въ указанной статьѣ его.

Описаніе современнаго состоянія городища и находимыхъ здѣсь вещей помѣщено въ „Матеріалахъ къ описанію Саратовской губерніи", изданныхъ Саратовскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1875 г.

Далѣе С. М. Шпилевскій представилъ извлеченія изъ описанія городища и ученаго изслѣдованія объ этомъ древнемъ монгольскомъ городѣ, на мѣстѣ котораго встрѣчаются и памятники до-мусульманской эпохи,—почтеннаго оріенталиста *Г. С. Саблукова*, по рукописной статьѣ его 1846 г. доселѣ не напечатанной. Г. Саблуковъ представляетъ подробное описаніе городища и находимыхъ здѣсь вещей и монетъ, сообщаетъ народныя преданія о городѣ, указываетъ и разбираетъ свидѣтельства о немъ книги Большаго Чертежа и Абульфеды. Важное значеніе статьи г. Саблукова увеличивается еще приложеніями въ ней: описаніемъ нѣкоторыхъ вещей найденныхъ въ Увекѣ (21 предметъ) и двухъ собраній золотоордынскихъ монетъ изъ этого городища, принадлежавшихъ саратовскому епископу Аѳанасію и г. Романову и нынѣ уже несуществующихъ; сверхъ того г. Саблуковъ описываетъ еще цѣлый рядъ найденныхъ въ Увекѣ монетъ (1286—1366 г.) и одну монету, выбитую русскими денежниками, въ подраженіе татарскимъ.

Въ заключеніе своего реферата, г. Шпилевскій, по поводу сообщенія г. Саблуковымъ что, по мѣстному преданію, въ Увекѣ въ прошедшемъ столѣтіи существовалъ монастырь, о чемъ не сохранилось прямыхъ свидѣтельствъ,—указалъ, что въ „Географическомъ описаніи р. Волги", составленномъ для путешествія Императрицы Екатерины II по Волгѣ, обозначены три рѣчки: Верхняя Увековка, Увекъ и Нижняя

Увековка, на послѣдней показанъ монастырь Іоанна Предтечи.

По поводу сообщенія С. М. Шпилевскаго, *В. М. Флоринскій* указалъ, что Лепехинъ, въ своихъ „Дневныхъ запискахъ“ (т. I), также упоминаетъ о монастырѣ, находящемся по его словамъ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Саратова, на „рѣчкѣ Увіекѣ, въ пріятномъ мѣстѣ, окруженномъ изрядными рощами“. Въ эпоху посѣщенія монастыря Лепехинымъ (1769 г.), деревянныя строенія его представлялись уже обветшалыми; въ немъ не было никакой братіи и онъ служилъ лишь хуторомъ Саратовскому мужескому монастырю. Лепехинъ называетъ этотъ монастырь на рѣкѣ Увекѣ „Четыретресвятскимъ“.

П. А. Пономаревъ присовокупилъ, что, въ бытность его въ селѣ Ивановскомъ Увекѣ, тоже слышалъ онъ отъ мѣстнаго священника отца А. Дроздова, который между прочимъ сообщилъ ему, что въ мѣстной церкви имѣется Евангеліе, надпись на которомъ свидѣтельствуетъ, что оно составляло вкладъ „Четыресвятскому“ монастырю.

Н. И. Золотницкій сдѣлалъ нѣсколько лингвистическихъ замѣчаній относительно названій Укекъ и Увекъ. Разница въ названіи города „Укек“ и „Увек“ объясняется изъ чувашскаго языка: древне тюркское *к* въ срединѣ слова исчезаетъ, а какъ чувашскій языкъ недопускаетъ сосѣдства двухъ гласныхъ звуковъ и всегда помѣщаетъ между ними звукъ *в* (какъ наприм. современное татарское *туганъ*, а чувашское *туванъ*, родственникъ), то отсюда ясно, что Ўкек=Ўвек. Если, какъ полагаетъ Френъ, монгольское названіе „Ўкек“ значитъ валъ, плотина, то оно напоминаетъ чувашское „*пўве*“, имѣющее тоже значеніе: изчезновеніе въ послѣднемъ словѣ конечнаго *к*—въ современномъ чувашскомъ языкѣ есть явленіе самое обыкновенное (наприм. татарское *тарак* и чувашское *тора*, гребень). Недостатокъ же звука *к* въ началѣ названія города объясняется также примѣрами изъ чувашскаго языка; такъ нынѣшнее чувашское названіе Царь—*Умбу*, произошло также чрезъ выпускъ начальнаго *м* изъ полнаго названія *Мук-бій*, которое равнозначуще алтайскому *Улу-бій*, и означаетъ „великій Господинъ“, „Государь“; а звукъ *м*=*п*, *б*. Такимъ образомъ, если Чуваши потомки Буртасъ,—то вышеизложенное сообщается для соображеній

при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о томъ, не былъ-ли *Укек* = *Увек* —буртасскимъ городомъ.

VIII. *П. А. Пономаревъ* прочелъ свое сообщеніе о современныхъ слѣдахъ города Укека, остатки котораго были разсмотрѣны имъ въ первой половинѣ августа текущаго года. Референтъ прежде всего остановилъ вниманіе слушателей на физическомъ описаніи Увекской горы, нижняя терасса которой, обращенная къ рѣкѣ Волгѣ, и занята остатками города, выяснивъ удобства этого пункта въ обсервaціонномъ, стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ, объясняющія самое возникновеніе здѣсь въ древности города Укека. Референтъ указалъ затѣмъ на постепенное исчезновеніе всей нижней терассы, а слѣдовательно и остатковъ города, уничтожаемыхъ весенними разливами р. Волги и дождевыми потоками. Что же касается различныхъ находокъ на мѣстѣ древняго Укека, то референтъ послѣдовательно указалъ на слѣдующіе предметы: 1) *Древніе фундаменты* изъ бутоваго камня съ кирпичной кладкой сверху, обнаруженные въ первыхъ числахъ августа текущаго года при выработкѣ бута для замощенія Саратовскихъ улицъ; 2) *Узорчатые плитняковые камни* въ формѣ пораллелепипедовъ, кубовъ, карнизовъ и проч.; 3) *Водопроводныя гончарныя трубы* небольшаго калибра, которыя на ряду съ другими остатками зданій указываютъ на значительное городское благоустройство Укека; 4) *Человѣческія кости*, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіяся въ предѣлахъ нижней терассы, а равно кости допотопныхъ животныхъ и животныхъ домашнихъ; 5) *Различнаго рода домашняя утварь*, металлическая и глиняная: кувшины, чашки, восточныя металлическія зеркала и т. п.; 6) *Двѣ аллебарды*, изчезнувшія во время пожара изъ церковной сторожки села Увека и составляющія единственное оружіе, когда либо поднятое въ развалинахъ Укека; 7) *Идолы (божки)* изъ камня и серебра, находившіеся въ коллекціи К. Я. Маурина и указывающіе на до-магометанскій періодъ Укека; 8) *Джучидскія монеты*, серебряныя и мѣдныя, находимыя какъ отдѣльными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами, а также *чеканную машинку*, посредствомъ которой чеканились въ древ. Укекѣ монеты, и значительные *куски мѣди*, какъ матеріалъ денежнаго производства; 9) *Вещи служившія въ качествѣ украшеній*: пронизки, подвѣски, кольца, браслеты, золотые

перстни и т. п. Затѣмъ, упомянувъ еще о двухъ Увекскихъ находкахъ—серебрянной вещицѣ имѣвшей форму лягушки, и печати изъ темнаго камня съ именемъ Михаила, князя Черниговскаго (находившейся на III Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ),—референтъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о бывшихъ укекскихъ коллекціяхъ, составленныхъ въ Саратовѣ архіеп. Аѳанасіемъ, К. Я. Мауровымъ и священ. А. И. Дроздовымъ, а равно и о судьбѣ настоящихъ находокъ, которыя, при отсутствіи въ г. Саратовѣ коллекторовъ, идутъ на переплавъ или утилизируются крестьянами въ домашнемъ хозяйствѣ.

Въ заключеніе, принимая во вниманіе уничтоженіе остатковъ Укека р. Волгою, дождевыми потоками и работами производимыми здѣсь съ цѣлію выработки бута, а равно и изчезновеніе всѣхъ современныхъ Укекскихъ находокъ въ рукахъ серебренниковъ и мѣдниковъ,—референтъ предложилъ Обществу изыскать средства для пріостановки разрушенія древнихъ фундаментовъ, для научной разработки остатковъ Укекской древности и для пріобрѣтенія всѣхъ монгольскихъ вещей, находимыхъ крестьянами деревни Бережнаго Увека, расположенной на мѣстѣ древняго Укека.

По прочтеніи своего сообщенія, П. А. Пономаревъ предъявилъ собранію планъ мѣстности древняго Укека съ ея окрестностями, рисунки съ существующихъ тамъ памятниковъ древности и коллекцію археологическихъ предметовъ собранныхъ имъ въ деревнѣ Укекѣ (металлич. зеркала, золотой перстень, пронизки, подвѣски, металлич. бляхи и украшенія, образцы гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, глиняный кувшинъ, черепки съ поливою и украшеніями, серебреныя и мѣдныя монеты и т. п.). При этомъ П. А. Пономаревъ изъявилъ желаніе принести планъ, рисунки и собранную имъ коллекцію—въ даръ для музея Общества.—По выслушаніи послѣдняго заявленія П. А. Пономарева, собраніе *постановило*: Изъявить глубокую благодарность Общества П. А. Пономареву за столь значительное приношеніе музею Общества.

IX. *В. К. Савельевъ* сообщилъ результаты сдѣланнаго имъ, при содѣйствіи І. Ѳ. Готвальда, описанія монетъ хановъ Золотой орды (Джучидскихъ), пріобрѣтенныхъ П. А. Пономаревымъ изъ разныхъ рукъ у крестьянъ деревни На

бережнаго Увека, находящагося на мѣстѣ древняго ордынскаго города Укека. Всѣхъ монетъ собрано г. Пономаревымъ 225 экземпл., изъ нихъ 53 серебреныхъ и 172 мѣдныхъ, представляющихъ собою 82 отдѣльныхъ вида. Самая древняя монета относится ко времени Менгу-Тимуръ-Хана (выбита въ Булгарѣ въ 763 году гиждры или 1274-5 христ. эры), а самыя позднія ко времени Абдулъ-Азизъ-Шеихъ-Хана (выбиты въ Новомъ Сараѣ и Гюлистанѣ въ 767 году гиждры или 1365-6 христ. эры), слѣдовательно разсмотрѣнныя монеты объемлютъ промежутокъ времени въ 91 годъ. Вообще-же, по различнымъ ханамъ, распредѣляются онѣ слѣдующимъ образомъ: Менгу-Тимуръ—3 вида, Токтогу-Ханъ—6 видовъ, Узбекъ-Ханъ—14 вид., Джанибекъ-Ханъ—32 вида, Бирдибекъ-Ханъ—3 вида, Мюридъ-Ханъ—1 видъ, Хызръ-Ханъ—4 вида, Азизъ-Шейхъ-Ханъ—2 вида, неизвѣстныхъ Джучидскихъ монетъ—11 видовъ, неизданныхъ монетъ—6 видовъ. По мѣсту чеканки отдѣльные виды распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Новый Сарай—33 вида, Гюлистанъ—13 вид., Сарай—12 вид., Укекъ—4 вида, Мухша—3 вида, Булгаръ и Харизмъ—по 2 вида, Тарджинъ и Орда—по 1 виду. При этомъ г. Савельевъ представилъ Обществу составленный имъ подробный каталогъ всѣхъ монетъ собранія г. Пономарева.

X. Предсѣдатель Общества, *П. Д. Шестаковъ*, заявилъ общему собранію о письмѣ, полученномъ имъ отъ г. директора Саратовской гимназіи, М. А. Лакомте; г. Лакомте, сообщая собранныя имъ свѣдѣнія объ Увекскомъ городищѣ и о производящихся въ немъ работахъ, изъявляетъ полную готовность содѣйствовать Обществу доставленіемъ свѣдѣній какъ о дѣлаемыхъ въ этой мѣстности открытіяхъ и находкахъ, такъ по возможности и доставленіемъ самыхъ находокъ, при чемъ обѣщаетъ лично посѣтить эту мѣстность. Г. Лакомте надѣется доставить Обществу экземпляръ *божка* (идола), нѣсколько экземпляровъ которыхъ найдено было въ разныя времена въ Увекскомъ городищѣ, и фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ находокъ.

XI. *А. Ѳ. Лихачевъ* представилъ предварительное сообщеніе о сдѣланномъ имъ открытіи слѣдовъ каменнаго вѣка въ ближайшей окрестности г. Казани, за ново-татарскою слободою, на заливной равнинѣ, на берегу озера, не подалеку отъ дороги къ Бакалдинской пристани.

Нахожденіе предметовъ каменнаго вѣка въ Казанской губерніи уже было извѣстно и прежде, точно также какъ и доказательства того, что они выдѣлывались въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, гдѣ ихъ находятъ. А. Ѳ. Лихачевъ имѣетъ въ своей коллекціи предметовъ каменнаго вѣка изъ Казанской губерніи: *нуклеусы, колотушки. скребки и осколки,* добытые въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, но еще ни разу, до сихъ поръ, не удавалось найдти мѣста обдѣлки каменныхъ орудій, со всей обстановкой фабрикаціи или мастерской, такъ, чтобы самъ изслѣдователь имѣлъ возможность выбирать изъ почвы предметы каменнаго вѣка. Въ этомъ отношеніи сдѣланное А. Ѳ. Лихачевымъ открытіе слѣдовъ каменнаго вѣка близь г. Казани тѣмъ особенно важно, что на этомъ мѣстѣ найдены имъ всѣ слѣды производства каменныхъ орудій именно такъ, какъ они обыкновенно встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась выдѣлка подобныхъ предметовъ. Здѣсь найдены вмѣстѣ: а) куски кремней, служившіе матеріаломъ; в) колотушки и шлифовальные камни, с) орудія обдѣланныя вчернѣ, д) недодѣланныя и обломавшіяся при отдѣлкѣ орудія, е) разнаго вида и назначенія орудія вполнѣ обдѣланныя и г) множество осколковъ, образовавшихся при обиваніи кремня.

Вслѣдствіе значительнаго количества добытаго А. Ѳ. Лихачевымъ матеріала, подлежавшаго анализу и приведенію въ возможно систематическій порядокъ, за краткостью времени онъ не могъ составить къ настоящему засѣданію полнаго реферата, который онъ надѣется представить въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій. При сообщеніи своемъ г. Лихачевъ демонстрировалъ гг. членамъ и образцы найденныхъ имъ слѣдовъ каменнаго вѣка.

XII. Протоіерей *П. Е. Заринскій* сдѣлалъ сообщеніе объ открытой имъ малой древней каменной иконѣ.

На прошломъ IV археологическомъ съѣздѣ въ Казани академикомъ И. И. Срезневскимъ сдѣлано было сообщеніе о двухъ каменныхъ иконахъ, съ рѣзными изображеніями св. Николая и св. ап. Андрѣя, найденныхъ въ ризницахъ Казанскаго каѳедральнаго собора и Свіяжскаго женскаго монастыря. Ученый изслѣдователь отнесъ ихъ къ XIII и XIV в. и замѣтилъ, что онѣ вполнѣ достойны вниманія мѣстныхъ археологовъ и что подобныя находки, которыя несомнѣнно

повторятся въ Казанской губерніи,—служатъ памятниками существованія христіанства въ Болгаро-Казанскомъ краѣ.

Протоіерей П. Е. Заринскій указалъ на рядъ подобныхъ находокъ, а именно: на найденныя иконы въ с. Болгарахъ, въ с. Ишакахъ, въ г. Цывильскѣ и наконецъ на открытую имъ икону въ г. Козмодемьянскѣ. Въ краткомъ историческомъ очеркѣ онъ указалъ на распространеніе христіанства въ Болгаро-Казанскомъ царствѣ со временемъ св. Владиміра до 1552 г. и, обозначивъ нѣкоторыя мѣстности, служившія здѣсь центрами христіанства, онъ сдѣлавъ предположеніе, какой именно христ. общинѣ должна была принадлежать та или другая икона. Нѣкоторыя изъ найденныхъ мѣстныхъ иконъ отличаются весьма искусной, какъ-будто, не русской, отдѣлкой; другія же, очевидно, мѣстнаго происхожденія. Особенною тонкостью работы отличаются иконы: Болгарская, Ишакская и Свіяжская. Изображенія на двухъ послѣднихъ тожественны и представляютъ сс. Николая, Василія вел. и Архангела Михаила въ царскомъ облаченіи. Всѣ эти иконы сдѣланы изъ твердаго аспида различныхъ цвѣтовъ, начиная отъ темнаго до темно-зеленаго и буро-краснаго. Найденная пр. Заринскимъ икона принадлежитъ ополченцу Попову и отрыта его дѣдомъ въ землѣ при хозяйственной постройкѣ въ г. Козмодемьянскѣ. Образокъ сохранился вполнѣ и представляетъ изображеніе св. Николая, вокругъ котораго вырѣзаны семь отроковъ въ Ефесѣ, въ весьма оригинальныхъ положеніяхъ. Мѣра иконы $^3/_4$ вершка; она сдѣлана изъ буро-краснаго аспида. Съ обѣихъ сторонъ на иконѣ находится надпись: НИКОЛА—ОТРОКИ. Филигранный серебреный окладъ сохранился вполнѣ и вверху оканчивается чеканнымъ серебренымъ ушкомъ съ отверстіемъ для шнурка; на ушкѣ вычеканенъ Спасовъ Нерукотворенный образъ. Подобныя иконы находятъ въ сѣверной и восточной части Европейской Россіи; нѣкоторые экземпляры подобныхъ образковъ находятся въ Музеѣ христ. искус. при Императорской Академіи Художествъ. Онѣ рѣзались на аспидѣ и на драгоцѣнныхъ камняхъ. Референтъ, сличая изображенія семи отроковъ Ефесскихъ на найденной имъ иконѣ съ подобными же изображеніями, встрѣчающимися *на змѣевикахъ* или *лу́нахъ*, а равно изображенія Архангела Михаила въ царскомъ облаченіи и молитву: „Помози, Господи, рабу твоему“, находящимся на прочихъ каменныхъ иконахъ, съ такими же изображеніями

и надписями на лунахъ, находитъ аналогію между лунами и этими иконами. Тѣ и другія, т. е. и луны и иконы изъ камня, носились на шеѣ, что видно по кольчикамъ, придѣланнымъ къ лунамъ и изъ оклада съ ушкомъ на Козмодемьянской иконѣ. Иконы изъ камня, вполнѣ православнаго характера, референтъ считаетъ памятниками торжества Христіанства надъ двоевѣріемъ. Мы знаемъ, что въ древней полуязыческой-полухристіанской Руси нѣкоторыми, въ видѣ талисмановъ, носились на шеѣ *наузы*, противъ которыхъ съ такою энергіею возставало православное духовенство, начиная съ древнихъ временъ Св. Кирилла Туровскаго и оканчивая позднѣйшими. Наузы почитались православными русскими людьми предметами противу-христіанскими, происходящими „отъ вѣры въ эллинскихъ бѣсовъ". Дѣйствительно, на оборотной сторонѣ всѣхъ луновъ находятся головы или лица, окруженныя змѣями, что очевидно есть остатокъ языческихъ талисмановъ, съ различными символами, наприм. съ гнѣздомъ змѣй, съ змѣями трехглавыми, съ изображеніемъ Медузы и т. п. Послѣ торжества христіанства въ Греціи, новообращенный христіанинъ не могъ разстаться съ своими амулетами, продолжая ихъ носить или придавая имъ полухристіанскій видъ. Отсюда луны съ греческими надписями христіанскаго характера и съ древними заклинаніями, съ изображеніемъ головы Медузы и съ ликами ангеловъ и христіанскихъ святыхъ. Луны перешли къ намъ изъ Греціи, какъ перешли оттуда письменные апокрифическіе памятники съ полуязыческими воззрѣніями. Церковь энергически-старалась искоренить употребленіе этихъ суевѣрныхъ наузъ,—и вотъ послѣ долгой борьбы языческіе символы исчезаютъ съ иконъ носимыхъ на груди, а остаются на нихъ лишь изображенія архангела Михаила, седьми отроковъ въ Ефесѣ, св. Николая и т. п.

Что касается до найденной иконы семи отроковъ, то референтъ указываетъ на одинъ змѣевикъ, вырѣзанный на камнѣ, принадлежащій Владимірскому каѳедральному собору. На немъ изображены съ лицевой стороны семь отроковъ Ефесскихъ, съ молитвою вокругъ: „Гди Іс. Хс., давый сонъ семи отрокамъ въ Ефесской Горѣ, даждь нама рабома твоима (имя рекъ) сонъ животный и мирный и угаси силу огненную. Аминь". Такого рода молитвы встрѣчаются въ ложныхъ или искаженныхъ молитвахъ въ родѣ тѣхъ, которыя

напечатаны въ „Памятникахъ Отреченной литературы“ Тихонравова; такія молитвы къ семи отрокамъ, въ болѣе правильномъ видѣ, встрѣчаются и въ древнихъ требникахъ. Найденная икона носилась, вѣроятно, людьми больными нервными болѣзнями, при которыхъ безсоница продолжается по нѣскольку недѣль, или же дѣтьми, страдающими безсоницею. Православная Церковь не видѣла въ послѣднемъ благочестивомъ употребленіи иконы ничего нарушающаго каноны VII Вселенскаго собора.

Найденная икона относится знатоками, которымъ прот. П. Е. Заринскій посылалъ фотографическіе снимки съ иконы, къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Окладъ иконы открытъ снизу такъ, что она можетъ легко выниматся изъ оклада. На иконѣ—слѣды дѣйствія воды: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она размыта. Владѣлецъ иконы не хотѣлъ продать её референту и, какъ узналъ послѣдній, изъ слѣдующаго личнаго расчета: владѣлецъ за извѣстное вознагражденіе даетъ лицамъ, страдающимъ безсоницей, пить воду съ своей иконы. Весьма вѣроятно, что при этомъ владѣлецъ читаетъ какую либо лживую молитву; въ рукописныхъ сборникахъ, въ наставленіяхъ при подобныхъ молитвахъ, иногда дѣйствительно встрѣчается омовеніе какихъ-либо предметовъ (Тихонр. II, 352). Это совершенно согласно съ понятіями инородцевъ Казанслаго края, которые во время болѣзней даже даютъ больнымъ пить воду съ древнихъ каменныхъ орудій.

По окончаніи своего сообщенія, протоіерей Заринскій принесъ въ даръ музею Общества фотографическіе (въ увеличенномъ видѣ) снимки съ оклада и съ самой иконы и обѣщалъ представить полный рефератъ объ этомъ предметѣ.

XIII. *В. К. Савельевъ* сдѣлалъ сообщеніе о сдѣланномъ въ самый день засѣданія (4 сентября), въ $8^1/_2$ часовъ утра, открытіи клада древне-русскихъ серебрянныхъ монетъ въ казанскомъ Кремлѣ. Кладъ этотъ обнаруженъ при копаніи у тротуара зданія Военнаго Училища, противъ крыльца Каѳедральнаго собора, канавы для проложенія водопроводной трубы. Часть клада успѣла разойтись по частнымъ рукамъ, но г. Казанскимъ Губернаторомъ были приняты немедленныя мѣры къ охраненію находки. Насколько успѣлъ выясниться характеръ клада—содержащіяся въ немъ монеты всѣ относятся къ эпохѣ предшествующей царствова-

нію Іоанна IV. Г. Савельевъ надѣется сообщить въ свое время болѣе или менѣе полное описаніе клада, такъ какъ г. Казанскій Губернаторъ предоставилъ ему для разсмотрѣнія около двухъ фунтовъ монетъ изъ найденнаго клада, и получить разрѣшеніе отобрать изъ этого клада коллекцію для музея Общества.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *Н. Загоскинъ.*

ПРОТОКОЛЪ

IV-го ЗАСѢДАНІЯ СОВѢТА ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 24-го ОКТЯБРЯ 1878 ГОДА.

Въ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Общества П. Д. Шестаковъ, Товарищъ Предсѣдателя С. М. Шпилевскій, члены Совѣта: прот. П. Е. Заринскій, И. А. Износковъ, В. В. Радловъ, секретарь Н. П. Загоскинъ и казначей В. К. Савельевъ.

I. Секретарь Общества прочелъ и предложилъ къ подписанію протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта отъ 23 августа.

II. Доложены бумаги поступившія на имя Общества со времени послѣдняго засѣданія Совѣта. Въ томъ числѣ доложены:

a) Отвѣтъ Саратовскаго Губ. Статист. Комитета на отношеніе Совѣта отъ 31 авг. за № 87, съ сообщеніемъ „Свѣдѣній о древностяхъ найденныхъ близъ деревни Увекъ". —*Постановлено:* Напечатать сообщеніе Комитета въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

b) Замѣтка члена Общества Ап. Ѳ. Можаровскаго: „Къ вопросу о судьбѣ Захаріе-Елисаветинской церкви, что при новокрещенскихъ школахъ Луки Канашевича". — *Постановлено*: Пріобщить сообщеніе г. Можаровскаго къ матеріаламъ Общества.

c) Отношенія: Университетовъ С. Петербургскаго, Варшавскаго и Св. Владиміра, Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ и восточно-сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, съ изъявленіемъ готовности на обмѣнъ изданіями.

d) Письмо на имя члена Общества, Н. А. Толмачова, отъ агента компаніи „Кавказъ и Меркурій", П. П. Медвѣ-

дева, въ Ленкорани, съ приложеніемъ замѣтки: „Нечаянное мое знакомство съ А. Вамбери“. — *Постановлено:* Напечатать замѣтку г. Медвѣдева въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

III. Прочтено отношеніе Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета о согласіи Совѣта на предоставленіе Обществу просимаго имъ помѣщенія въ стѣнахъ Университета и извѣщеніе Правленія Университета объ очищеніи этого помѣщенія. По прочтеніи отношеній Совѣта и Правленія, г. Предсѣдатель и члены Совѣта произвели осмотръ отведеннаго помѣщенія для соображенія размѣра требуемаго имъ ремонта. Затѣмъ заключено было условіе съ призваннымъ въ засѣданіе подрядчикомъ Мельниковымъ относительно ремонта и приспособленія, сообразно съ потребностями Общества, отведеннаго помѣщенія, за 25 руб. сер. — *Постановлено:* Просить г. казначея, по окончаніи работъ по ремонту помѣщенія, уплатить за оныя подрядчику Мельникову 25 рублей изъ имѣющейся суммы Общества.

IV. Въ виду пріобрѣтенія Обществомъ помѣщенія, секретарь представилъ соображенія о неизбѣжности извѣстнаго расхода на внутреннее устройство его. Расходъ этотъ исчисляется секретаремъ до 40 рублей. — *Постановлено:* Разрѣшить секретарю Общества кредитъ изъ кассы Общества до 40 рублей для пріобрѣтенія необходимой обстановки для новаго помѣщенія Общества.

V. Секретарь Общества доложилъ о необходимости заключенія съ однимъ изъ служителей Университета условія относительно отопленія, чистки новаго помѣщенія Общества и общаго присмотра за нимъ.—*Постановлено:* Поручить г. секретарю заключить таковое условіе съ однимъ изъ университетскихъ служителей и разрѣшить расходъ въ размѣрѣ двухъ рублей въ мѣсяцъ на вознагражденіе послѣдняго, а равно разрѣшить секретарю дачу извѣстнаго вознагражденія служителямъ, которые примутъ участіе въ переноскѣ имущества Общества въ новое помѣщеніе и въ установкѣ его здѣсь.

VI. Въ виду заявленія г. секретаря о необходимости установленія извѣстнаго опредѣленнаго размѣра вознагражденія для лица, переписывающаго на-бѣло бумаги Общества, *постановлено:* Разрѣшить секретарю уплачивать за переписку бумагъ Общества, за полный листъ (въ 4 страницы)—

25 коп., за полъ-листа 12 коп., за повѣстку и другія мелкія работы—5 коп. со штуки.

VII. Секретарь Общества доложилъ о переговорахъ своихъ съ рѣзщикомъ Гатауллинымъ, относительно приготовленія по образцамъ, утвержденнымъ Общимъ Собраніемъ 4-го сентября, двухъ печатей Общества—большой сургучной и малой штемпельной; Гатауллинъ заявляетъ, что не можетъ взять за эту работу менѣе 30 рублей.— *Постановлено*: Разрѣшить расходъ въ 30 рублей на вознагражденіе рѣзщика Гатауллина за изготовленіе печатей для Общества.

VIII. Секретарь Общества, указывая на необходимость пріобрѣтенія картоновъ для археологическихъ атласовъ, снимковъ съ древнихъ надписей и изображеній и т. п. предметовъ, въ видахъ большей сохранности ихъ — просилъ о разрѣшеніи ему расхода въ 6½ рублей для этой цѣли.—*Постановлено*: Разрѣшить г. секретарю просимый расходъ.

IX. Въ виду пріобрѣтеннаго Обществомъ опредѣленнаго помѣщенія и ежедневнаго обогащенія ученыхъ пособій Общества,—возбужденъ вопросъ о своевременности примѣненія § 41 Устава Общества, т. е. раздѣленіи между членами Совѣта обязанностей по храненію и завѣдованію музеемъ, библіотекою и архивомъ рукописей, которыя до сего времени сосредоточивались въ лицѣ одного секретаря Общества. — *Постановлено*: Возложить на члена В. В. Радлова, согласно изъявленной имъ на то готовности, завѣдованіе музеемъ Общества, съ выдѣленіемъ нумизматическаго собранія въ спеціальное завѣдованіе члена В. К. Савельева, а секретарю Общества, Н. П. Загоскину, поручить, кромѣ непосредственныхъ секретарскихъ обязанностей его, продолженіе завѣдованія библіотекою и архивомъ рукописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ возложено на секретаря и библіотекаря Общества, Н. П. Загоскина, изготовленіе къ слѣдующему засѣданію Совѣта проэкта правилъ для пользованія библіотекою и архивомъ Общества.

X. В. К. Савельевъ заявилъ Обществу о сообщеніи ему г. Казанскимъ губернаторомъ, Н. Я. Скарятинымъ, части серебрянныхъ древне-русскихъ монетъ (ок. 1 ф. 75 зол.), изъ найденнаго въ казанскомъ Кремлѣ 4-го сентября текущаго года клада, съ разрѣшеніемъ отобрать извѣстное количество экземпляровъ для нумизматическаго собранія Общества. При этомъ В. К. Савельевъ предъявилъ отобранныя

имъ для Общества монеты Великаго Новгорода и Московскія, вел. кн. Василія Васильевича и Іоанна III, въ количествѣ 81 экз. въ 44 видахъ, и представилъ свое сообщеніе о монетахъ клада 4-го сентября.— *Постановлено*: выразить Его Превосходительству Н. Я. Скарятину глубокую признательность Совѣта за его содѣйствіе ученымъ задачамъ Общества, а сообщеніе В. К. Савельева напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

XI. И. А. Износковъ предложилъ Совѣту избрать въ члены - сотрудники Общества секретаря Казанскаго Губ. Статист. Комитета, *Ник. Ник. Вечеслава*, извѣстнаго своими заслугами по изслѣдованію древностей мѣстнаго края. —*Постановлено*: избрать Н. Н. Вечеслава въ члены-сотрудники Общества, о чемъ и увѣдомить его.

XII. Обсуживался вопросъ о назначеніи обыкновеннаго Общаго Собранія Общества и представленіе г. секретаря о имѣющихся въ распоряженіи Совѣта матеріалахъ для него. — *Постановлено*: Назначить Общее Собраніе на 31 октября, въ 7 часовъ вечера, въ малой залѣ Университета. Для занятій Общаго Собранія предначертана слѣдующая программа: 1) Докладъ секретаря о текущихъ дѣлахъ и о поступившихъ въ Общество приношеніяхъ; 2) Баллотировки новыхъ дѣйствительныхъ членовъ (гг. Гроссмана, Островскаго и Шимановскаго); 3) Сообщеніе А. А. Штукенбергомъ замѣтки П. И. Кротова „О каменныхъ орудіяхъ находимыхъ въ мѣстномъ краѣ“; 4) Сообщенія Д. А. Корсакова объ архивѣ Казанскаго Губернскаго Правленія и о нѣкоторыхъ актахъ, касающихся исторіи мѣстнаго края; 5) Сообщеніе А. А. Штукенберга о Чудскомъ городищѣ на устьѣ р. Чусовой; 6) Сообщеніе Н. И. Золотницкаго „Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ“.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *Н. Загоскинъ*.

I приложеніе къ протоколу засѣданія Совѣта отъ 24-го октября.

СВѢДѢНІЯ О ДРЕВНОСТЯХЪ, НАЙДЕННЫХЪ БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ УВЕКЪ.

(Сообщено Саратовскимъ Губ. Стат. Комитетомъ).

Въ 15 верстахъ отъ города Саратова, ниже его, на правомъ берегу р. Волги, находится деревня Набережный Увекъ; непосредственно за Увекомъ открывается мѣстность десятинъ въ 8-мь, граничащая съ одной стороны р. Волгою, а съ другой—горою, испещренная небольшими холмами. Эта земля принадлежитъ господамъ Мауринымъ и, частію, до 2-хъ десятинъ, городу Саратову. Саженяхъ въ 30 отъ берега начинаются на этой площади канавы,— въ которыхъ находятся стѣны древн. каменныхъ строеній,—вырытыя въ этомъ году подрядчиками, доставляющими бутовый камень для мостовыхъ въ Саратовѣ, а далѣе во многихъ мѣстахъ виднѣются слѣды каменныхъ стѣнъ, не возвышающихся надъ землею, а напротивъ, ниже уровня, прикрытыя землею; стѣны эти частью разломаны, частью сверху очищены отъ земли, частью же покрыты землею и обозначаются только нѣкоторымъ надъ ними углубленіемъ земли. Вырытыя каменныя стѣны были расположены подъ прямыми углами и образовывали внутри помѣщенія около 5 аршинъ; высота стѣнъ отъ $1\frac{1}{2}$ арш. до 5 аршинъ, толщина отъ $1\frac{1}{2}$ арш. до $4\frac{1}{2}$ арш. Каменная кладка преимущественно бутовая, на известковомъ растворѣ, сверху перекрыта хорошо обожженнымъ кирпичемъ въ 3 ряда, а въ основаніи ея имѣлись отводныя канавки изъ бутоваго же камня или гончарныя трубы. Въ одной изъ стѣхъ, у дверей, оказалось нѣсколько тесаныхъ камней не мѣстной породы, съ высѣченными украшеніями въ видѣ звѣздочекъ и филенокъ. Кирпичи имѣютъ форму квадрата въ 6 верш. длины, а толщина $1\frac{1}{4}$ верш.; въ одномъ мѣстѣ отрыта стѣна, сложенная изъ одного такого-же кирпита,—толщиною до $1\frac{1}{2}$ арш.,—а въ нѣкоторыхъ другихъ изъ одной бутовой кладки, безъ перекрышки кирпичемъ. У одной

изъ стѣнъ отрытъ круглый камень діаметромъ въ 1 арш., толщ. 4 верш., съ отверстіемъ въ серединѣ. На всемъ пространствѣ 8 десятинъ попадаются изломанные кирпичи, кусочки кувшиновъ, мѣдныя и серебряныя деньги.

Вещи эти простираются до берега и видны въ довольно значительномъ количествѣ (разумѣется исключая денегъ) на пескѣ, близь воды, и вымыты вѣроятно изъ берега, гдѣ онѣ и теперь замѣтны; по показанію жителей, Волга прежде текла много далѣе отъ настоящаго берега.

При раскопкѣ же этихъ стѣнъ найдена только: верхняя половина человѣческаго черепа и нѣсколько монетъ съ татарскими надписями, подобныхъ тѣмъ, которыя часто находятся въ этой мѣстности, и между которыми встрѣчаются съ изображеніемъ льва и солнца.

II приложеніе къ протоколу засѣданія Совѣта отъ 24 октября.

НЕЧАЯННОЕ МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ А. ВАМБЕРИ.

(Сообщено П. П. Медвѣдевымъ).

Въ 1863 году я, вновь пріѣхавшій изъ Москвы въ г. Шахрудъ, расположенный въ С.-В. Персіи, принялъ тамъ въ свое завѣдованіе факторію, нынѣ отошедшаго въ вѣчность, Закаспійскаго Торговаго Товарищества. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ этотъ городъ, въ одно сѣренькое декабрьское утро, я поспѣшилъ ранѣе обыкновеннаго спуститься изъ жилыхъ комнатъ факторіи, помѣщавшейся во 2-мъ этажѣ караванъ-сарая, въ контору, чтобы приступить къ пріему хлопка, наканунѣ купленнаго мною на обмѣнъ нашего русскаго желѣза, съ придачею извѣстной части денегъ, —но каково же было мое удивленіе, когда поджидавшій меня въ конторѣ молодой персъ, сынъ мѣстнаго купца, отъ котораго я долженъ былъ начать пріемъ хлопка, заявилъ мнѣ, что отецъ его проситъ отложить работу на завтра, ибо онъ сегодня, собираясь итти ко мнѣ, чихнулъ одинъ разъ, а потому и предпочелъ остаться дома. Предразсудокъ этотъ—до

того мнѣ неизвѣстный — что разъ чихнуть означаетъ препятствіе, былъ со всѣми подробностями объясненъ мнѣ, какъ новичку, почтеннымъ прикащикомъ факторіи, муллою Абдулрасулемъ. Дѣлать было нечего, пришлось покориться и просить молодаго человѣка кланяться отцу и пожелать ему напредь отъ меня чихать не менѣе двухъ разъ къ ряду.

Запявшись послѣ этого разсчетомъ червондаровъ, доставлявшихъ нашъ хлопокъ на Гязскій берегъ—моя работа была нарушена вошедшимъ ко мнѣ въ контору какимъ то хромымъ дервишемъ, по фасону платья смахивающимъ на туркменскаго, и привѣтствовавшимъ меня съ приличной дистанціи, очень нерѣшительно, не то русскимъ, не то славянскимъ языкомъ. Надо признаться, что я не особенно вѣжливо отвѣтилъ ему за перерывъ моихъ занятій, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что предо мною фигурируетъ одинъ изъ тунеядцевъ многочисленной въ Персіи плеяды дервишей, какъ нибудь случайно изучившій нѣсколько русскихъ словъ, пока не разъяснилось, что это переодѣтый европеецъ-путешественникъ. Долгъ требовалъ по возможности загладить неумѣстный задоръ, и я тотчасъ, пріостановивъ занятія, повелъ Европейца къ себѣ на верхъ, гдѣ разъяснилось, что незнакомецъ ни кто иной, какъ извѣстный нынѣ путешественникъ по Средней Азіи, венгерецъ А. Вамбери, возвращавшійся тогда оттуда черезъ Мешедъ и Шахрудъ въ Тегеранъ, и пожелавшій, ради отдыха и смѣны лошадей, прожить въ Шахрудѣ дня 3—4. Предложеніе съ моей стороны поселиться на тѣ дни у меня было имъ съ благодарностью принято и я впослѣдствіи, по справедливости говоря, не сожалѣлъ объ этомъ, — потому что трудно встрѣтить человѣка болѣе пріятнаго нежели г. Вамбери, въ особенности въ необщественной Персіи. Разсказамъ его, въ высшей степени живымъ и интереснымъ, о впечатлѣніяхъ только что вынесенныхъ имъ изъ негостепріимныхъ странъ, не было конца, но я не привожу ихъ здѣсь, такъ какъ всѣ они вошли въ его сочиненія по путешествію въ Среднюю Азію, какъ мнѣ потомъ пришлось читать, за исключеніемъ развѣ того, что ненависть его къ Россіи, при всей его сдержанности со мною какъ съ русскимъ и вдобавокъ оказавшимъ ему гостепріимство, видимо прорывалась; но, какъ мнѣ казалось тогда, не шла далѣе политическихъ событій, свершившихся въ концѣ 40-хъ годовъ, и я ни какъ не ожидалъ что этотъ человѣкъ,

такъ горячо тогда высказавшій свои сочувствія великимъ реформамъ и политикѣ нынѣшняго царствованія, будетъ впослѣдствіи всяческимъ образомъ нападать на Россію и тѣмъ возбуждать и безъ того болѣзненное воображеніе барышниковъ-англичанъ противъ нашей политики въ Средней Азіи.

Черезъ три или четыре дня, хорошо не помню, г. Вамбери, тѣмъ же дервишемъ какъ и явился, хотя безъ всякой надобности, а просто за невозможностью пріобрѣтенія Европейскаго костюма въ Персіи, въ сопровожденіи вывезеннаго имъ изъ Хивы или Бухары здороваго молодаго туземца, къ великому огорченію посѣщавшаго его у меня одного небогатаго торговца-англичанина Ленкфильда, впослѣдствіи варварскимъ образомъ убитаго персидскими солдатами и похороненнаго мною въ Шахрудѣ,— выѣхалъ въ Тегеранъ, оставивъ мнѣ на память при семъ автографъ, слѣдующаго содержанія:

„A. Vámbéry, Memb: de l' academie Hongroise, retournant de sa mission en l' Asie centrale. A Charoud $^{28}/_{12}$ 1863".

Однако, не смотря на кратковременное пребываніе г. Вамбери въ Шахрудѣ, я полагаю его и теперь еще помнятъ нѣкоторые почетные обыватели этого города, какъ человѣка необыкновенной силы воли и отчаянной неустрашимости,— потому что въ то время попавшему какъ нибудь случайно въ Хиву или Бухару не только Европейцу, но и Персіанину шіитскаго толка, не было возврата. Сверхъ того, своимъ знаніемъ корана и толкованіемъ онаго въ духѣ шіитской и сунитской мусульманскихъ сектъ, онъ до крайности заинтересовалъ Шахрудскихъ муллъ, приглашенныхъ тогда мною на одинъ изъ вечеровъ послушать ученаго „френги". Не менѣе этого поразилъ онъ ихъ и полнымъ знаніемъ языковъ Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго, съ различными ихъ оттѣнками, и они, помню, разошлись по домамъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что Вамбери истый послѣдователь Магомета, безъ чего, по ихъ понятіямъ, Аллахъ не повелѣлъ бы сосредоточить въ головѣ „френги" столько свѣта.

Все это впрочемъ было такъ давно, что я забылъ и думать о пріятной встрѣчѣ съ г. Вамбери въ Шахрудѣ, тѣмъ болѣе, что самые язвительные отзывы его о Россіи, своевременно передававшіеся нашими газетами изъ иностранныхъ, уже года два или три какъ не попадаются мнѣ на

глаза; но обстоятельства заставившія меня вспомнить о немъ также случайны, какъ и самая встрѣча съ нимъ. Въ прошломъ году я познакомился съ доцентомъ Каз. У—та г. Т—вымъ и, разговорившись съ нимъ о ходѣ нашей торговли съ Персіей, мы какъ то перешли къ странствованіямъ г. Вамбери по Ср. Азіи, и г. Т—въ, узнавъ о встрѣчѣ моей въ Шахрудѣ, просилъ меня написать объ этомъ краткое воспоминаніе, что я и исполняю нынѣ. Г. Ленкорань, 11 мая 1878 года.

III приложеніе къ протоколу засѣданія Совѣта отъ 24-го октября.

ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ МОНЕТЪ КЛАДА 4-ГО СЕНТЯБРЯ 1878 Г.

(Сообщено В. К. Савельевымъ).

4-го сентября сего 1878 года, утромъ, въ крѣпости, при копаніи канавы для водопроводной трубы, возлѣ тротуара зданія военнаго училища, противъ крыльца Кафедральнаго собора, найденъ кладъ русскихъ серебряныхъ денегъ. Онѣ находились, какъ изъ разсказовъ съ достовѣрностію заключить можно, въ кожаномъ мѣшкѣ; тѣ монеты, которыя лежали на верху, были черны (окислены), а въ срединѣ—бѣлы. Рабочій выкинулъ часть ихъ съ землею наверхъ и тогда начали собирать ихъ. При этомъ много ихъ разошлось по разнымъ рукамъ.

По прибытіи на мѣсто г. Казанскаго Губернатора, деньги эти собраны были отъ рабочихъ и другихъ лицъ. Н. Я. Скарятинъ въ тотъ же день прислалъ мнѣ для разсмотрѣнія 1 ф. 75 зол. ихъ.—По разборѣ этихъ денегъ, онъ поручилъ мнѣ отобрать изъ нихъ коллекцію для Каз. Арх. Общества.

Кладъ этотъ состоялъ преимущественно изъ денегъ Іоанна III-го, изъ коихъ главную массу составляли: Денга московская (Шуб. 280) и всадникъ съ саблею по верхъ головы, съ буквами подъ конемъ С Л (Шуб. 281 и 282); затѣмъ были монеты В. К. Василья Васильевича, Рязанскія Василья Іоанновича и Новгородскія. Можетъ быть тутъ оказались бы деньги и другихъ удѣльныхъ князей, если бы кладъ этотъ сохранился вполнѣ.—Въ этомъ кладѣ заключались почти всѣ виды денегъ Іоанна III-го, доселѣ описанныя.

Имѣю честь представить при семъ списокъ отобранныхъ мною монетъ, а равно и самыя монеты:

В. К. Іоанна III (1462—1505).

1) Шуб. 280. Денга московская . . . . . 4 экз.
2) Шуб. 281. Подъ кон. ЄЛ . . . . 2 —
3) Под. Шуб. 281. Безъ ободка на обѣихъ сторонахъ . . . . 4 —
4) Под. Шуб. 281. Съ ободкомъ около цвѣтка. 4 —
5) Шуб. 283. По татарски: деньга города Москвы. 2 —
6) Тоже, но безъ ободка. . . . . 2 —
7) Шуб. 284. Гдрь всея русіи. . . . . . . 2 —
8) Шуб. 285. Мастеръ Александровъ . . . 2 —
9) Шуб. 286. Oristoteles. . . . . 2 —
10) Таже, съ ободкомъ около надписи . . . 2 —
11) Шуб. 289. Подъ кон. Ю. . . . . 1 —
12) Шуб. 290. Подъ кон. Є. . . . . 1 —
13) Шуб. 291. Подъ кон. М. . . . . 1 —
14) Под. Шуб. 291. Подъ кон. М, безъ ободка на обѣихъ сторонахъ. . . . . 1 —
15) Шуб. 295. Подъ кон. Г. . . . . 1 —
16) Под. Шуб. 296. Мон. ф, подъ кон. ЛК . 1 —
17) Шод. 212. Мон. ф, подъ кон. ѠГ . . . 1 —
18) Шуб. 297. Мон. ф, подъ кон. Т. . . . 1 —
19) Чертк. 123, голова въ профиль . . . . 4 —
20) Шод. 168. Подъ кон. ЯЗ . . . . 2 —
21) Шуб. 298. Господарь всея россіи . . . 4 —
22) Шуб. 301. Гдрь всея русі (надпись кудрявая) 2 —
23) Тоже, но около надписи ободокъ изъ точекъ 2 —
24) Шуб. 302 } Дозоръ . . . . 3 —
25) Шуб. 303 } Дозоръ . . . . 3 —
26) Шуб. 304 } Дозоръ . . . . 3 —
27) Шуб. 305 } Дозоръ . . . . 3 —
28) Шуб. 307. Подъ кон. Ѧ. . . . . 1 —
29) Шуб. Подъ коп. Б. . . . . 1 —
30) Чертк. 97. Подъ кон. К. . . . . 1 —
31) Шуб. 326. По татарски: Ибанъ . . . . 1 —

В. К. Васильа Васильевича (1425—1462).

32) Шуб. 240. . . . . 1 —
33) Шуб. 256. . . . . 1 —

34) Шуб. 265. . . . . 1 экз.
35) Шуб. 269. Денга московская . . . . . . 4 —
36) Чертк. 67. . . . . 1 —
37) Чертк. 80. . . . . 1 —

Рязанская.

В. К. Василья Іоанновича (1456—1483).

38) Шуб. 85. Денга Рязанская. . . . . . . 2 —

Вел. Новгорода. *Во время самобытія* (1420—1478).

39) знаки: О . . . . 1 —
40) знаки: Л . . . . 1 —
41) знаки: † . . . . 1 —
42) знаки: Ne. . . . . 1 —
43) знаки: П . . . . 1 —
44) знаки: С†О . . . . 1 —

Итого 44 вида, 81 экз.

Въ заключеніе обязанностью считаю присовокупить: 1-е) что большая часть найденныхъ монетъ окислились до того, что годны лишь для сплава; 2-е) что крупныхъ монетъ Іоанна III-го было сравнительно мало; 3-е) что кромѣ монетъ, пріобрѣтенныхъ изъ этого клада отцами Заринскимъ и Акрамовскимъ (пожертвованныхъ имъ въ Общество), пріобрѣтено членомъ общества Н. А. Толмачевымъ 99 экз., мною разсмотрѣнныхъ, изъ которыхъ оказалась одна очень интересная монета великаго Новгорода, нигдѣ не описанная, а именно: царь стоитъ на правой сторонѣ, а человѣкъ передъ нимъ на лѣвой, между тѣмъ какъ на всѣхъ досѣлѣ описанныхъ монетахъ изображено: царь на лѣвой сторонѣ, а человѣкъ передъ нимъ на правой; 4-е) что подобный кладъ монетъ Іоанна III-го найденъ былъ въ крѣпости лѣтъ 15 тому назадъ, при рытіи фундамента для крыльца съ лѣвой стороны Собора. Въ этомъ кладѣ были почти всѣ тѣ же монеты, которыя заключались въ нынѣ найденомъ кладѣ.

КАТАЛОГЪ

БИБЛІОТЕКИ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

(числа въ скобкахъ, въ концѣ названій книгъ — указываютъ №№ книгъ по документ. каталогу библіотеки).

---

1. **Акты** Воронежскіе Петровскіе, хранящіеся въ Архивѣ Воронежскаго Губерн. Стат. Комитета. Собиралъ Ѳ. Яворскій. Вып. I-й. Вор. 1872 г. (№ 25).

2. **Алабинъ П.** — Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города. Ист.-стат. очеркъ Изданіе Самарскаго Губ. Стат К-та. Сам. 1877 г. (№ 156).

3. **Амфилохій**, архим. Описаніе Евангелія 1092 года. М. 1877 (№ 99).

4 **Аристовъ Н.** Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Ворон. 1875 (№ 107).

5. **Аристовъ Н.** О землѣ Половецкой. Историко-географическій очеркъ. Кіевъ, 1877. (№ 120).

6. **Aspelin**, dr. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Premiere livraison: Ages de la pierre. Deuxieme livraison: L' age du ferre. Helsingfors, 1877. Два тома. съ рис. (№ 76).

7. **Bataillard P.** Les derniers travaux relatifs aux bohémiens. Paris. 1872. (№ 97).

8. **Bataillard P.** Sur les origines des bohémiens. Paris, 1876 (№ 98).

9. **Бентковскій I.** Древнія христіанскія церкви за Кубанью, близь Хумары (Извлеченіе изъ Ставроп. Губ. Вѣдом. за 1876 г.) (№ 47).

10. **Березинъ И. Н.** Ханскіе ярлыки. I. Ярлыкъ Тохтамыша Хана къ Ягайлу, 1392—1393 года. Съ 2 снимками. Каз. 1850 (№ 129).

11. **Брикнеръ А.** Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи (№ 74).

12. **Бурачковъ П.** О запискѣ Готскаго топарха. Спб. 1877 (№ 95).

13. **Бѣлорусскій Архивъ**, часть I. М. 1824 (№ 13).

14. **Wankel H.** dr. Der Bronze-Stier aus der býčiskála — Höhle (mit 1 Tafel). Wien, 1877 (№ 56).

15. **Wankel H.**, dr. Ein prähistorischer Schädel mit einer halbgeheilten Wunde auf der Stirne. höchstwahrscheinlich durch Trepanation enstanden. Wien, 1877 (№ 55).

16. **Wankel H.**, dr. Gleichzeitigkeit des Menschen mit dem Höhlenbären in Mahren. Wien, 1877 (№ 54).

17. **Веселовскій Г. М.** Воронежъ въ историческомъ и со-

временно-статистическомъ отношеніяхъ (съ планомъ). Изд. Ворон Губ. Стат. Комитета. В. 1866 (№ 24).

18. **Вечеславъ Н.** Замѣтки о городищахъ, курганахъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпяхъ Казанской губерніи. К. 1874 (№ 35).

19. **Вечеславъ Н.** Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи по приходамъ. Два тома. К 1875—1876 (№ 34).

20. **Виноградскій В.** Матеріалы для климатологіи сѣверо-восточной Россіи и Сибири. Приложеніе къ протоколамъ Каз. Общества Естествоиспытателей (№ 125).

21. **Вѣстникъ** Общества древне-русскаго искусства при Моск. Публ. Музеѣ, изд. подъ ред. Г. Д. Филимонова. 1874—1876 г., №№ 1—12. Москва (съ 9 табл. рис.; 3 листами нотъ и мн. политипажами) (№ 155)

22 **Hansen G.** Die Kirchen und ehmaligen Klöster Rewals. Rewal 1873, № 44.

23. **Hansen G.** Die Sammlungen inländischer Alterthümer und anderer auf die baltischer Provinzen besüglichen Gegenstände. Rewal. 1875 (№ 43)

24 **Гаркави А.** Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (съ пол. VII в. до к. X. в. Р. Х.). Спб. 1870 (№ 109).

25. **Голлманъ Г. Ф.** Рустрингія, первоначальное отечество в. к. Рюрика и братьевъ его. Истор. очеркъ. Пер. И. Снегирева. М. 1819 (№ 7).

26. **Головкинскій Н А.** Описаніе геологическихъ наблюденій произведенныхъ лѣтомъ 1866 года въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Спб. 1868 (№ 119).

27. **Григорьевъ В. В.** — Императорскій С. Петербургскій Университъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Историческая записка сост. по порученію Совѣта Унив—та. Спб. 1870 (№ 161)

28. **Дитятинъ И.** — Устройство и управленіе городовъ Россіи въ XVIII стол. Спб. 1875 (№ 163).

29. **Дитятинъ И.** — Городское самоуправленіе до 1870 года. Яросл. 1877 (№ 164).

30. **Добровскій І.** Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Ист. — крит. изслѣдованіе. Пер. съ нѣм. М. 1825 (№ 14).

31. **Древности.** — Труды Московскаго Археологическаго Общества. Выпуски I—IV, VI и VII. М. 1865—1878 гг (№ 1).

32. **Европеусъ Д. И.** Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣв. части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ея жителей. Съ атласомъ изъ 2 картъ. Спб. 1874 (№ 61)

33. **Europaeus D.** Die Stammverwandtschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt. Спб. 1877 (№ 62).

34 **Загоскинъ Н.** Уставныя Грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Два выпуска. Каз. 1875—1876. (№ 110).

35. **Загоскинъ Н.** Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго пра-

ва Славянъ вообще и Русскихъ въ особсности. Каз. 1877 (№ 112).

36. **Загоскинъ Н.** Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. Каз 1876 (№ 111).

37. **Загоскинъ Н.** Исторія права Московскаго Государства. Томъ первый. Каз. 1877 (№ 113).

38. **Законы** Вел. Князя Іоанна III го Васильевича и Судебникъ Царя Іоанна IV-го Васильевича, съ дополнительными указами, съ предисл. К Калайдовича и П. Строева. М. 1819 (№ 6).

39. **Закревскій Н.** — Описаніе Кіева. Изданіе Моск. Арх. Общ. Два тома, сь атласомъ рисунковъ. М. 1868 (№ 151)

40. **Зарнпскій Н.**, прот.—Церковныя древности г. Казани. Оттискъ изъ «Извѣстій по Каз. Епархіи» за 1877 г. (№ 93).

41. **Зарнпскій Н.**, прот.—Очерки древней Казани (съ планомъ). К. 1877 (№ 92).

42. **Золотницкій Н. И.**—Замѣтки для ознакомленія съ чувашскимъ нарѣчіемъ. Вып. I Отдѣлъ звуковой. Каз. 1871. (№ 167).

43. **Золотницкій Н. И.**—Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. К. 1877 (№ 72).

44. **Ивановскій Н.** Мнимая священническая присяга патріарха Іоакима. Оттискъ изъ «Правосл. Собесѣдника» 1873 г. (№ 91).

45. **Ивановскій Н.** О безпоповщинской исповѣди. М. 1874 (№ 89).

46. **Ивановскій Н.** — О таинствѣ Св. Причащенія по ученію старообрядцевъ. М. 1875 (№ 90).

47. **Ивановскій Н.** — Сборникъ бесѣдъ съ старообрядцами. Вып. I. Каз 1877 (№ 88).

48. **Ивановскій Н.**—Бесѣды съ старообрядцами въ трехъ селеніяхъ Казанской епархіи. Каз. 1877 (№ 87).

49. **Извѣстія** Императорскаго Географическаго Общества, издаваемые подъ ред. В. И. Срезневскаго. Годъ XIII-й, 1877 г. Семь выпусковъ. (№ 71).

50. **Indicateur** des cartes geographiques et des plans de l' Asie, appartenant a la collection carthographique de la bibliotheque des Archives Principales du Ministere des Affaires Etrangeres a Moscou. S.-Petersb 1876 (№ 115).

51. **Историческое** описаніе земли Войска Донскаго. Томы I и II. Новочерк., 1869 — 1872 (№ 30).

52. **Исторія** Льва Діакона Калойскаго и др. сочиненія византійскихъ писателей, пер. съ греч. Д Поповымъ. Спб. 1820 (№ 9).

53 **Іоаннъ**, экзархъ Болгарскій. М. 1824 (№ 12).

54. **Казанскій Вѣстникъ**, издаваемый при Императ. Казанскомъ Университетѣ. Части I—III, 1821 г. (№ 146).

55. **Калайдовичъ К.** Памятники Россійской Словесности XII-го вѣка М 1821 (№ 75).

56. **Карманная** книжка для В... К... (т. е. вольныхъ каменьщиковъ) и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ и пр. Изд. 2-ое. М. 1783 (№ 165).

57. **Карта** естественнаго приращенія сельскаго населенія Казанской губерніи по волостямъ (№ 104).

58. **Карта** памятниковъ древности Казанской и сопредѣльныхъ съ нею губерній, составл. въ 1877 г. Е. Т. Соловьевымъ (рукописная) (№ 130).

59. **Карта** Туркестанскаго Военнаго Округа, составл. и литографиров. при Туркестанскомъ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ. Ташкентъ, 1872 г. На 3 листахъ (№ 131).

60. **Карты** спеціальныя Туркестанстаго края, на вощеномъ коленкорѣ (Машт. 20 верс. въ 1 англ. дюйм.). Шесть листовъ (№ 132).

61. **Каталогъ** библіотеки Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. К. 1877 (№ 128).

62. **Каталогъ** отдѣленія доисторическихъ древностей Моск. Публ. Музея. М. 1873 (№ 172)

63. **Кондаковъ Н. П.** Древняя архитектура Грузіи. М. 1876 (№ 60).

64. **Крыловъ А.** Умственное и нравственное развитіе донскихъ калмыковъ. Новоч. 1873. (№ 82).

65. **Крыловъ А.** Опытъ Калмыцко-Русскаго словаря. (№ 83).

66. **Крыловъ А.** Поѣздка къ калмыкамъ. Новочерк. 1873 (№ 84).

67. **Leger L.** Rapport a son Excellence le ministre de l' instruction pudlique sur une mission scientifique prés le congrés archeologique de Kiew. Paris, 1877 (№ 58).

68. **Лейбовичъ Л. Н.** — Сводная Лѣтопись составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи. Выпускъ I: Повѣсть временныхъ лѣтъ. Спб. 1876 (№ 162).

69. **Лербергъ Г.** Изслѣдованія служащія къ объясненію др. Русской Исторіи, Пер. Д. Языкова. Спб. 1819 (№ 5).

70. **Любавскій А.** Юридическія монографіи и изслѣдованія. Томы II и IV. Спб. 1867 и 1877 г. (№ 68).

71. **Любимовъ Н.** Извлеченіе изъ приходской лѣтописи Богоявленской церкви гор. Арска. Оттискъ изъ «Извѣстій по Каз. епархіи». К. 1876. (№ 65).

72. **Магнитскій В.** Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда Каз. губерніи. К. 1877. (№ 78).

73. **Маловъ Е.** Описаніе церквей г. Казани. Каз. 1870. (№ 85).

74. **Мальховъ Н.** свящ. Симбирскіе Чуваши и поэзія ихъ. К. 1877 (№ 81)

75. **Матеріалы** къ описанію Саратовской губерніи. Изд. Сарат. Губ. Стат. К—та, подъ ред. секретаря Н. Я. Воскобойникова. Сар. 1875 (№ 137).

76 **Мельниковъ С.** Акты историческіе и юридическіе, собранные въ Казанской и друг. сосѣдств. губерніяхъ. Томъ I. К. 1859 (№ 37).

77. **Микуцкій С. П.** Матеріалы для Сако-Арійскаго корнеслова. Варш. 1875. (№ 73).

78. **Миллеръ В.** Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». М. 1877 (№ 94).

79. **Можаровскій А.** Покореніе Казани Русской державѣ. К. 1871 (№ 80).

80. **Можаровскій А.** Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. К. 1873. (№ 79).

81. **Можаровскій Ал. О.**— Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губ. въ ихъ потѣхахъ, остротахъ, стишкахъ и пѣсняхъ. М. 1877 г. (№ 170).

82. **Можаровскій Ал.** Русскій Донъ-Кихотъ богатырь Ѳома-Крома сынъ Беренниковъ. Каз. 1878. (№ 169).

83. **Montelius, Oscar.** Führer durch das Museum Vaterländischer Alterthümer in Stockholm. Hamburg, 1876 (съ политипажами) (№ 121).

84. **Назаровъ Ф.** Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи. Спб. 1821 (№ 11).

85. **Нижегородка.**—Путеводитель и указатель по Н.-Новгороду и по Нижегородской ярмаркѣ (съ планомъ). Н.-Новг., 1876 (№ 39).

86. **Тоже**, на 1877 г. Н.-Новг. 1877 (№ 40).

87. **Обозрѣніе** Румянцевской описи Малороссіи, изд. Черниговскаго Губ. Стат. К—та. Три выпуска. Кіевъ, 1866—1875 г. (№ 42). Вып. I Полкъ Черниговскій. Вып. II. Полкъ Кіевскій и Нѣжинскій. Вып. III: Полкъ Стародубскій.

88. **Описаніе** документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ М—ва Юстиціи. Книги I—III. Спб. 1869—1876. (№ 148).

89. **Описаніе** Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Книга вторая: Архангельская губернія. Спб. 1845 (№ 134).

90. **О пріютахъ** для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ связи съ краткимъ историч. очеркомъ мѣстъ заключенія вообще. Изданіе Саратовскаго Справочн. Листка. Сарат. 1873 (№ 143).

91. **Опытъ** о посадникахъ Новгородскихъ. М. 1821 (№ 10).

92. **Отчетъ** о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Вятскаго Губерн. Статист Комитета за 1873 г., сост. секретаремъ К—та Спасскимъ. В. 1873 (№ 28).

93. **Отчетъ** о дѣйствіяхъ Казанскаго Губ. Статистическаго Комитета за 1876 г. К. 1877 (№ 33).

94. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, съ 11 ноября 1875 по 14 ноября 1876 г. Од., 1877 (№ 63).

95. **Памятная** Книжка Воронежской губерніи на 1863—64 г. (съ видомъ) В. 1864. (№ 20).

96 **Тоже**, на 1865—66 г. (съ картой). В, 1867 (№ 21).

97. **Тоже**, на 1870—71 г. (съ картой). В. 1871 (№ 22)

98. **Тоже**, на 1875 г. В. 1875 (№ 23).

99. **Памятная** Книжка Вятской губерніи на 1873 г. Изд. Вят. Губ. Стат. К—та. В. 1873 (№ 27).

100. **Памятная книга** Казанской губерніи на 1866—1867 г. (съ картой). К. 1866. (№ 31).

101. **Тоже**, на 1868—1869 г. К. 1868 (№ 32).

102. **Памятная книжка** Минской губерніи, 1878 года. Изд. Минск. Губерн. Стат. К—та. Двѣ части, съ картой. М. 1878 (№ 136).

103. **Памятная книжка** Архива Казанскаго Окружнаго Суда, сост. Н. Тихменевымъ. Три выпуска. К. 1876 (№ 48).

104. **Переписка** митроп. Кіевскаго Евгенія съ Государственнымъ Канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ и съ нѣкоторыми друг. современниками (съ 1813 по 1825 г.). Вып. I и III. Воронежъ, 1868—1872 (№ 26).

105. **Перетятковичъ Г.** Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ (очеркъ изъ исторіи края и его колонизаціи. М. 1877 (№ 173).

106. **Петровъ Н.** Описаніе рукописей церковно - археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи. Выпускъ второй. К. 1877 (№ 17).

107. **Писцовыя Книги** Московскаго Государства, издав. Императ. Рус. Географ. Обществомъ подъ ред. Н. В. Калачова Часть I, отдѣл. 2-ое. Спб. 1877 (№ 77).

108. **Письма** Русскихъ Государей и другихъ особъ царскаго семейства. Четыре выпуска. *Вып. I*: Переписка Петра I съ Екатериною. *Вып II*: Переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны и дочерей ея. *Вып. III*: Переписка царевича Алексѣя Петровича и царицы Евдокіи Ѳедоровны. *Вып. IV*: Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны. М. 1861—1862 (№ 15).

109. **П — льева.** — Цвѣтникъ лекарственный. Матеріалы для этнографіи. Каз. 1873 (№ 86).

110. **Положеніе** объ Археологическомъ Институтѣ въ С. Петербургѣ. Спб. 1877. (№ 102).

111. **Правда Русская** или Законы Великихъ Князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечеств. исторіи. Въ типогр. Св. Прав. Синода. 1792. (№ 64).

112. **Программа** для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (изд. Императ. Рус Географическаго Оaщества). Спб. 1877 г. (№ 100).

113. **Протоколы** засѣданій Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Восемь выпусковъ, 1869—1878 г. (№ 123).

114. **Протоколы** засѣданій Совѣта Императорскаго С. Петербургскаго Университета, съ приложеніями. Книги 1—17. Спб. 1870—1878 г. (№ 160).

115. **Протоколы** Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Засѣданія 11 ноября, 19 дек. 1877 г., 1 марта и 2 мая 1878 г. и отчетъ за 1877 г. (№ 157).

116. **Протоколъ и отчетъ** Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1873 г. Сар. 1874. (№ 140).

117. **Тоже**, за 1875 г. Сарат. 1876 (№ 141).

118. **Тоже**, за 1877 г. Сарат. 1878 (№ 142).

119. **Проэктъ правилъ** о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древности и старины и наблюденія за ихъ сохраненіемъ. (№ 70).

120. **Пупаревъ А.** Матеріалы для исторіи и статистики Орлов-

ской губерніи. Томъ I. Ор. 1877 (№ 41).

121. Путеводитель по Дашковскому Этнографическому Музею. М. 1877 (№ 171).

122. **Rambaud A.** Les études archeologiques en Russie. Le congrés de Kasan (№ 44 журнала «La revue politique et litteraire» за 1877 г.) (№ 57).

123. **Росписаніе** городскихъ и сельскихъ приходовъ, церквей и причтовъ Самарской епархіи, Высочайше утвержденное 17 янв. 1876 г. (Приложеніе къ № 12 Сам. Епарх. Вѣд. за 1876 г.) (№ 46).

124. **Самоквасовъ Д. Я.** Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ. Варш. 1876. (№ 69).

125. **Сборникъ** Археологическаго Института. Книга I, подъ ред. Н. В. Калачова. Спб. 1878 (№ 149).

126. **Сборникъ** на 1866 годъ, изданный Обществомъ древнерусскаго искусства при Моск. Публичномъ Музеѣ (съ XXIII табл. рис. и многими политипажами). М. 1866 (№ 153).

127. **Тоже,** на 1873 годъ (съ 8 табл. рис. и мн. полит.). М. 1873 (№ 154).

128. **Синьё ё цюань.** Новый завѣтъ на китайскомъ языкѣ. Печат. ксилографич. 1869 (№ 101).

129. **Собраніе** Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ. 4 тома и начало пятаго (недопечатаннаго). М. 1813—1827 (№ 4).

130. **Соловьевъ Е. Т.** Древности Казанской губерніи, съ двумя картами. К. 1877 (№ 36).

131. **Софійскій Временникъ** или Русская Лѣтопись съ 862 по 1634 г. Двѣ части. М. 1820—21 (№ 8).

132. **Списки** населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленные и изданные Центр. Стат. Ком—мъ Министерства Внутр. Дѣлъ. Выпускъ II. Астраханская губ. 1861. Выпускъ X. Вятская губ. 1876. Выпускъ XXVIII Оренбургская губ. 1871. Выпускъ XXX. Пензенская губ. 1869. Выпускъ XXXI. Пермская губ. 1875. Выпускъ XXXVI. Самарская губ. 1862. Выпускъ XXXVIII. Саратовская губ. 1862. (№ 19).

133. **Списокъ** съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 1565—1588 г. Изд. Казанскою Дух. Академіею. К. 1877 (№ 18).

134. **Списокъ** лицамъ служащимъ въ Саратовской губерніи. Сар. 1875 (№ 139).

135. **Стояновъ А.** Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ Казанской губерніи. Приложеніе къ протоколу 23 засѣд. 21 авг. 1871 г. Каз. Общества Естествоиспытателей (№ 127).

136. **Струковъ Д.** Древніе памятники христіанства въ Тавридѣ. М. 1876 (№ 96).

137. **Съѣздъ,** Третій Археологическій въ Кіевѣ, 2 авг. 1874 г. Программа Съѣзда. М. 1873. (№ 66).

138. **Съѣздъ** Третій Археологическій. Списокъ членовъ Съѣзда. К. 1874 (№ 67).

139. **Съѣздъ,** Четвертый Архе-

ологическій въ Казани. 31 іюля 1877 года. Программа съѣзда. М. 1876 г. (№ 105).

140. **Съѣздъ**, Четвертый Археологическій въ Казани. А) Извлеченія изъ протоколовъ Предварительнаго Комитета по устройству Съѣзда. В) Извѣстія о занятіяхъ IV Археологич. Съѣзда въ Казани. К. 1877. С) Указатель выстгвки при IV Археологическомъ Съѣздѣ въ Казани. К. 1877 (№ 106).

141. **Съѣздъ**, четвертый русскихъ естествоиспытателей въ Казани, съ 20 по 30 августа 1873 года. К. 1873 (№ 118).

142. **Таблица** соотвѣтственности въ русской исторіи годовъ отъ сотворенія міра годамъ отъ Рождества Христова. М. 1867 г. (№ 152)

143. **Терновскій Ф.** Нѣсколько данныхъ для церковной статистики Казанской епархіи въ концѣ прошлаго столѣтія, извлеченныхъ изъ документовъ Св. Синода. К. 1877 (№ 108).

144. **Торговые** пункты въ Саратовской губерніи. Матеріалы для статистики губерніи. Выпускъ I: Уѣзды Аткарскій, Балашовскій и Сердобскій, А. Раевскаго. Сар. 1870 (№ 138).

145. **Трироговъ В.** Опытъ изслѣдованія явленій общественной жизни. — Волость. — Сарат. 1875 (№ 145).

146. **Трироговъ В.** Экономическіе опыты.—Податная душа.— Изд. Императ. Рус. Географ. Общества. Спб. 1878 (№ 144).

147. **Труды** I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Два тома. Къ нимъ Атласъ рисунковъ. М. 1871 (№ 150).

148. **Труды** II-го Археологическаго Съѣзда въ С. Петербургѣ. Вып. I. Къ нимъ Атласъ рисунковъ, Спб. 1876 (№ 2).

149. **Труды** III-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома. Къ иимъ Атласъ рисунковъ. К. 1877 (№ 3).

150. **Труды** Астраханскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, выпуски I и III — V. Астрах, 1869—1877 г. (№ 158).

151. **Труды** Донскаго Войсковаго Статистическаго Комитета. Вып. I и II. Новочерк., 1867—1874 (№ 29).

152. **Труды** Курскаго Губерн. Статистическаго Комитета. Четыре выпуска. К. 1863—1874 (№ 38).

153. **Труды** Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. К. 1871—1878.

Томъ I: а) Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги, М. Богданова; b) Мезозойскія образованія Общаго Сырта, И. Синцова; с) Къ вопросу о вытѣсненіи однихъ растеній другими, Н. Леваковскаго; d) Списокъ рыбъ порядка Teleostei, встрѣчающихся въ устьяхъ Волги, В. Яковлева; е) Chaetospira Dutouriae, В. Аленицына.

Томъ II: а) Микологическія изслѣдованія, Н. Сорокина; d) Къ вопросу о вытѣсненіи однихъ растеній другими, Н. Леваковскаго; с) Китайскій корень Жень-Шень, Н. Кашина; d) О сиренгинѣ, Ю. Шелля; е) О такъ наз. гонидіяхъ лишайниковъ и пр., Н. Соро-

кина; f) Замѣтка о развитіи чешуекъ Eleagnus pungens, Н. Сорокина.

Томъ III: a) О землетресеніяхъ въ Сибири, А. Орлова; b) Отчетъ о Вогульской экспедиціи, Н. Маліева; c) О землетрясеніяхъ въ пріуральскихъ странахъ, А. Орлова; d) Путешествіе къ Вогуламъ, Н. Сорокина.

Томъ IV: a) Вотяки Казанской губерніи, Д. Островскаго; b) Матеріалы для сравнительной антропологіи, Н. Маліева; c) Обозрѣніе группы Siphomycetes, Н. Сорокина.

Томъ V: a) Матеріалы для геологіи Вятской губ., П. Кротова; b) О народныхъ лекарственныхъ растеніяхъ употребл. въ Пермской губ, П. Крылова; c) О землетресеніяхъ въ Сибири и пр. А. Орлова; d) Предварит. отчетъ о ботанич. экскурсіи въ Пермскую губ., П. Крылова; e) Антропологическій очеркъ башкиръ, Н. Маліева; f) Матеріалы для фгоры Урала, Н. Сорокина.

Томъ VI: a) Къ вопросу о гніеніи, М. Хомякова; b) Геологическія изслѣдованія 1876 г., А. Штукенберга; c) Матеріалы къ изученію вліянія дыханія на кровообращеніе, Н. Ковалевскаго; d) Геологическія изслѣдованіи 1877 г., А. Штукенберга; e) Провѣрка дѣйствій камфоры на животный организмъ, В. Никольскаго. f) Матеріалъ къ флорѣ Пермской губерніи, П. Крылова.

Томъ VII: a) Матеріалы для геологіи Вятской губ., П. Кротова; b) Геологическій разрѣзъ берега р. Камы и пр., А. Зайцева. (№ 122).

154. **Труды** Казанскаго Общества Любителей отечественной словесности. Кн. 1-я. Каз., 1815 г. (№ 147).

155. **Указы** различныхъ годовъ, печатные и рукописные. Одинъ большой томъ. (№ 168).

156. **Уставъ** Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. К. 1878 (№ 135).

157. **Уставъ** Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ и b) **Частныя правила** его. (№ 124).

158. **Участіе** Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ съѣздѣ оріенталистовъ 1876 г. (№ 114).

159. **Фигье Л.** Первобытный человѣкъ. Съ рисунками (№ 133).

160. **Христофоровъ Н.** Матеріалы для исторіи Симбирской губерніи (рядная 1607 и сговорная запись 1698 г.; мировая запись 1657 и обыскная запись 1684 г.) Оттискъ изъ Симб. Губ. Вѣдом. за 1869 г. (№ 45).

161. **Чарыковъ Н.** Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина въ 1600 и 1601 гг., съ портретомъ. По докум. Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Спб. 1876 (№ 16).

162. **Чудотворныя** и особенно мѣстночтимыя иконы и крестные ходы въ Казанской епархіи. Оттискъ изъ «Извѣстій по Казанской епархіи» за 1872 г. К. 1872 (№ 59).

163. **Чупинъ Н.** Членъ Екатеринбургской Горной Канцеляріи М. И. Башмаковъ и дѣйствія его во время Пугачевщины (Изъ Пермск. Губ. Вѣдом. за 1869 г.) (№ 51).

164. **Чупинъ Н.** О нѣкоей исторической будто-бы запискѣ (изъ Пермскихъ Губ. Вѣдом. за 1870 г.) (№ 49).

165. **Чупинъ Н.** Дополненіе къ предъидущей статьѣ (изъ Пермскихъ Губ. Вѣдом. за 1871 г.) (№ 50).

166 **Шелль Ю.** Матеріалы для климатологіи сѣверо - восточной Россіи и Сибири за 1875 г. Приложеніе къ протоколамъ Каз. Общества Естествоиспытателей (№ 126).

167. **Шестаковъ П. Д.** Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій. Каз. 1868 (№ 159).

168. **Шпилевскій С. М.** Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи. К. 1877 (№ 116).

169. **Шпилевскій С. М.** Заботы Императора Александра I-го о Казани. Рѣчь произнесенная въ торжественн. собраніи Императ. Каз. Унив—та въ юбилейный день столѣтія рожденія Императора Александра I. К. 1877 (№ 117).

170. **Штукенбергъ А. А.** Европейская Россія прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Рѣчь. Каз. 1878 (№ 166).

Книги поступившія во время печатанія каталога.

171. **Записки** Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томы IV, IX, XI, XII и XIV. Спб 1852—1858 г. (№ 176).

172 **Извѣстія** Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томы III—VIII и первый вып. IX-го. Спб. 1861—1877 г. (№ 177).

173. **Труды** Восточнаго Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общества. Части V, VII—XI, XIII, XIV, XVI, XVII. Спб. 1869—1872. (№ 178).

174. **Тизенгаузенъ В.** Монеты Восточнаго Халифата. Спб. 1873. (№ 179).

175. **Записки** для обозрѣнія русскихъ древностей. Спб. 1851. (№ 180).

176. **Стефани Л.**, академ. Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ. Спб. 1872. (№ 181).

177. **Макарій**, архим. Памятники церковной древности. Нижегородская губернія. Спб. 1857. (№ 182).

178. **Григорьевъ В. В.** Жизнь и Труды П. С. Савельева. Спб. 1861. (№ 183).

179. **Оленинъ А. Н.** Археологическіе Труды. Томъ I, вып. I. Спб. 1877. (№ 184).

180. **Соловьевъ Н.** прот. Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. Спб. 1858. (№ 185).

181. **Антонинъ**, архим. О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Спб. 1874. (№ 186).

182. **Veliaminof-Zernof, V.** Dictionnaire Djaghataï — Turc. S. P. 1869. (№ 187).

183. **Древности** Россійскаго

Государства. Кіевскій Софійскій Соборъ. Атласъ чертежей и рисунковъ, 3 выпуска. Спб. 1874. (№ 188).

184. **Константскій Соборъ** 1414—1418 г. Изд. Импер. Рус. Археол. Общ—ва. Спб. 1874 (№ 175).

185. **Журналы** Казанск. Губерн. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за 1862, 1864 и 1865 гг. (№ 174).

186. **Золотницкій Н. И.** Корневой чувашско-русскій словарь. К. 1875 (№ 188 А.).

187. **Золотницкій Н. И.** Особенности чувашскаго языка, зависящія отъ измѣненія и выпуска согласныхъ гортанныхъ звуковъ (изъ Уч. Зап. Каз. Унив—та за 1877 г.) (№ 188 В).

188. **Риттихъ А.** Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. 2 ч. К. 1870 (№ 188 С).

ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНІЯ КНИГАМИ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

I.

Пользованіе книгами изъ библіотеки Общества предоставляется, кромѣ членовъ дѣйствительныхъ, членамъ почетнымъ, соревнователямъ и сотрудникамъ.

II.

Пользованіе книгами заключается или во взятіи ихъ для занятій на домъ, или въ чтеніи ихъ въ самомъ помѣщеніи Общества.

III.

Выдаются на домъ не иначе, какъ съ разрѣшенія на каждый отдѣльный случай Совѣта Общества, для научныхъ занятій:

a) Рукописи всякаго рода.

b) Гравюры, эстампы и различнаго рода атласы.

c) Книги разбитыя и разброшюрованныя, до ихъ переплетенія.

IV.

Для выдачи книгъ изъ библіотеки Общества, библіотекарь обязанъ присутствовать въ помѣщеніи библіотеки не рѣже двухъ разъ въ недѣлю, заблаговременно извѣщая о назначенныхъ имъ для сего опредѣленныхъ дняхъ и часахъ. Сверхъ этихъ двухъ дней, выдача книгъ можетъ быть производима также по окончаніи засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества.

V.

Всякое лице, берущее изъ библіотеки книгу для пользованія на дому, обязуется оставить у библіотекаря собственноручную записку въ полученіи книги. Съ другой стороны, и библіотекарю строго воспрещается выдавать кому бы то ни было книги изъ библіотеки безъ полученія въ томъ росписки получателя.

VI.

Лице желающее получить книгу по возвращеніи ея другимъ лицемъ, у котораго она въ данную минуту числится, имѣетъ право записаться кандидатомъ на нее въ особо заведенную для того книгу. Кандидатъ не явившійся за полученіемъ книги въ указанный библіотекаремъ день возвращенія ея—теряетъ преимущественное право свое на полученіе ея ранѣе прочихъ требователей.

Примѣч. Правомъ указаннымъ въ этомъ параграфѣ могутъ пользоваться только члены дѣйствительные.

VII.

Выдача на домъ вновь поступившихъ въ библіотеку книгъ допускается лишь по истеченіи семи дней послѣ поступленія ихъ въ библіотеку; въ теченіи же первыхъ семи дней новыя книги выкладываются въ помѣщеніи библіотеки на столъ, для разсмотрѣнія ихъ посѣтителями библіотеки.

VIII.

Срокъ пользованія взятою изъ библіотеки книгою опредѣляется въ *три недѣли* (21 день) для изданій не періодическихъ и изданій періодическихъ не текущаго академическаго года. Періодическія изданія текущаго академическаго года выдаются на срокъ не свыше *двухъ недѣль* (14 дней). Лице, для котораго оканчивается срокъ пользованія книгою, можетъ снова заявить желаніе оставить ее за собою на новый срокъ, если только никто не записанъ на эту книгу кандидатомъ.

Примѣч. Къ числу періодическихъ изданій относятся и выходящіе въ неопредѣленные промежутки времени, выпусками, сборники и т. п. изданія различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

IX.

За продержаніе книгъ свыше установленныхъ въ § VIII сроковъ, взымается въ видѣ штрафа, послѣ истеченія трехъ льготныхъ дней, за каждыя послѣдующія сутки просрочки, по 20 коп. съ тома или выпуска. Штрафныя деньги составляютъ специальныя средства библіотеки и, по представленіямъ библіотекаря Совѣту, употребляются на ея внутреннее улучшеніе.

X.

Общая стоимость книгъ, выданныхъ одному лицу (хотя бы и не одновременно), не должна превышать сумму 30 рублей (по оцѣнкѣ докум. каталога библіотеки). Библіотекарю вмѣняется въ обязанность неуклонное наблюденіе за соблюденіемъ этого правила.

XI.

На всякой книгѣ заключающей въ себѣ гравюры, рисунки на особыхъ таблицахъ, планы и т. п. приложенія, должно быть означено количество таковыхъ. Библіотекарь провѣряетъ наличность ихъ при каждой отдѣльной выдачѣ и пріемѣ книги.

XII.

Запрещается дѣлать въ текстѣ или на поляхъ книгъ какія бы то ни было отмѣтки или приписки, чернилами или карандашемъ, а также загибать листы и складывать непереплетенныя книги вдвое.

XIII.

За утрату или порчу взятой изъ библіотеки книги, лице, за которымъ она числится, отвѣтствуетъ передъ Обществомъ въ той суммѣ, въ какой оцѣнена книга въ документальномъ каталогѣ библіотеки, съ прибавленіемъ 15% на новую выписку (если книга не можетъ быть пріобрѣтена въ Казани) и стоимости переплета (если книга была переплетена). Въ случаѣ утраты или порчи книги составляющей библіографическую рѣдкость или не имѣющейся въ продажѣ, — предоставляется мѣсячный срокъ для возмѣщенія ущерба библіотеки доставленіемъ другаго, равнаго въ каче-

ственномъ отношеніи экземпляра книги; съ истеченіемъ этого льготнаго мѣсяца размѣръ отвѣтственности опредѣляется, по докладу библіотекаря, особымъ постановленіемъ Совѣта.

XIV.

Отвѣтственности, опредѣляемой § XIII-мъ, подлежитъ и библіотекарь, за оказавшійся при повѣркѣ библіотеки или сдачѣ ея, недочетъ въ книгахъ, обусловливаемый его упущеніями.

XV.

Лице, пользующееся книгами изъ библіотеки Общества, тѣмъ самымъ считается принявшимъ на себя изложенныя въ настоящихъ правилахъ обязательства.

Утверждены Совѣтомъ Общества 25 ноября 1878 года.

Секретарь *Н. Загоскинъ.*

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Библіотекарь и секретарь Общества имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. членовъ, что, для выдачи книгъ изъ библіотеки и для другихъ дѣлъ, онъ будетъ находиться въ помѣщеніи Общества, по понедѣльникамъ и средамъ отъ 12 до 2 часовъ по полудни, и сверхъ того по субботамъ отъ 6 до 8 час. вечера, исключая табельныхъ дней.

ОТЧЕТЪ

о занятіяхъ

ВЪ АРХИВАХЪ И БИБЛІОТЕКАХЪ С. ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ,

съ 5 октября 1877 по 1 сентября 1878 года.

Начавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изученіе жизни и дѣятельности А. П. Волынскаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей царствованія Анны Іоанновны, я, по естественному ходу занятій, вошелъ въ разсмотрѣніе всего этого царствованія, столь мало изслѣдованнаго научно (1). Въ апрѣлѣ 1877 года я просилъ факультетъ ко-

(1) Изложеніе всѣхъ событій царствованія Анны Іоанновны находится въ *двухъ* общихъ изслѣдованіяхъ по Русскому XVIII в. 1) Въ «Gesch. des Russischen Staates» проф. Германа, Bd. IV, Hamb. 1849 — преимущественно по архиву дрезденскому. Русскій переводъ изслѣдованія проф. Германа помѣщенъ въ Русскомъ Архивѣ 1866. — 2) Въ «Ист. Россіи», проф. С. М. Соловьева, т. XIX и XX. М. 1869—70, по русскимъ архивнымъ матеріаламъ. — Отдѣльной монографіи о всемъ царствованіи Анны Іоанновны на русскомъ языкѣ нѣтъ. Монографія нѣмецкаго ученаго I. W. Barthold'a (у Raumer'а, въ его Hist.-Taschenbuch, VII, 80—175) отличается строго-научнымъ изслѣдованіемъ матеріала, хотя страдаетъ неполнотой съ фактической стороны. Спеціальныя изслѣдованія, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ изъ царствованія Анны Іоанновны, весьма не многочисленны, но перечислять ихъ здѣсь не входитъ въ мой планъ; замѣчу только, что изъ нихъ очень немного строго-научныхъ трудовъ. Къ числу этихъ послѣднихъ безспорно принадлежатъ монографіи проф. Герье и Е. П. Карновича; я не говорю о тѣхъ монографіяхъ, въ которыя событія изъ царствованія Анны Іоанновны входятъ эпизодически, какъ напримѣръ проф. Попова о Татищевѣ и проф. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Свѣдѣнія о царствованіи Анны Іоанновны, передаваемыя Schmidt-Phiseldeck'омъ въ его «Materialien zu der Russ. Gesch. seit dem Tode Peter des Grossen». Bd. II, s. 1—180. — (Riga 1784) не полны и не отличаются строго критическимъ анализомъ, хотя наводятъ на многія любопытныя соображенія. Сравнительная близость автора къ описываемымъ событіямъ весьма естественно мѣшала ему вполнѣ ясно понимать явленія тридцатыхъ годовъ XVIII в. — Книга Вейдемейера: «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны» (1-е изд. 1831, 4-е 1848 г.) — есть трудъ компилятивный. Изъ множества нѣмецкихъ и французскихъ компиляцій вообще о преемникахъ Петра Великаго до Екатерины II, я укажу только, какъ на болѣе обстоятельную, на книгу Schöll'a: «Cours d' histoire des etats Européens», Paris, 1834.

мандировать меня въ С. Петербургъ, Москву и Астрахань для занятій въ тамошнихъ архивахъ. Въ то время я былъ увлеченъ личностью А. П. Волынскаго, и въ архивѣ астраханскаго губернскаго правленія былъ увѣренъ найти подробныя данныя для исторіи управленія Волынскимъ Астраханской губерніей. Факультету угодно было сочувственно отнестись къ моему прошенію, и я былъ командированъ на годъ, съ 1 сентября 1877 по 1 сентября 1878 г., въ С. Петербургъ, Москву и Астрахань.

Я началъ свои работы съ С. Петербурга, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1877 года. Занятія въ петербургскихъ архивахъ и библіотекахъ во многомъ измѣнили мой первоначальный планъ. Волынскій былъ забытъ, или, лучше сказать, стушевался въ цѣломъ рядѣ вопросовъ изъ внутренней исторіи Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны. Богатство архивнаго матеріала указало мнѣ новые вопросы и само намѣтило мнѣ рубрики моихъ изслѣдованій, но архивный матеріалъ оказался столь обиленъ, что я долженъ былъ ограничиться не только Петербургомъ и Москвою, но даже не имѣлъ времени познакомиться вполнѣ съ тѣмъ матеріаломъ, къ которому я получилъ уже доступъ. Эти пробѣлы въ моихъ занятіяхъ я надѣюсь восполнять постепенно, пользуясь для того вакаціоннымъ временемъ.

Допущеніемъ въ правительственные архивы я исключительно обязанъ благосклонному вниманію Его Сіятельства, Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Вслѣдствіе ходатайства Его Сіятельства, я получилъ Высочайшее разрѣшеніе на просмотръ въ С. Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ актовъ первостепенной важности, а также разрѣшеніе на занятія въ подвѣдомственныхъ имъ архивахъ: отъ г. Государственнаго Канцлера, Министровъ—Юстиціи, Военнаго и Морскаго и Главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Кромѣ того, Его Сіятельство разрѣшилъ мнѣ заниматься въ архивѣ Св. Синода.

Въ С. Петербургѣ я работалъ въ слѣдующихъ архивахъ: 1) въ Государственномъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 2) въ Сенатскомъ, 3) въ Синодальномъ—и кромѣ того, въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ Москвѣ я занимался въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Я не

успѣлъ разсмотрѣть матеріала, за недостаткомъ времени, въ архивахъ: II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерствъ—Военнаго и Морскаго.

Кромѣ матеріала, извлеченнаго мною изъ вышеназванныхъ государственныхъ хранилищъ источниковъ русской исторіи, многіе ученые спеціалисты передали въ мое распоряженіе весьма любопытные, малоизвѣстные источники, какъ изданные, такъ и не изданные.

Имѣю честь представить факультету отчетъ о моихъ предварительныхъ работахъ по исторіи царствованія Анны Іоанновны въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Смѣю думать, что по неразработанности этой исторіи въ наукѣ, будетъ не лишено нѣкотораго интереса указаніе на тѣ неизданные и малоизвѣстные источники, съ которыми мнѣ привелось познакомиться.

Царствованіе Анны Іоанновны, тридцатые годы XVIII в., представляетъ собою важную эпоху въ новой Русской исторіи. Царствованіе это есть дальнѣйшее логическое развитіе внѣшнихъ пріемовъ реформы Петра Великаго и всецѣлое отступничество отъ внутренняго смысла, отъ задачи реформы. Петръ Великій, который „не презиралъ земли родной и зналъ ея предназначенье", унесъ съ собой въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы: — они не были въ силахъ воскресить духа перваго императора. Царствованіе Анны Іоанновны есть время полнаго господства Нѣмцевъ, „перешедшихъ нашъ порогъ", время систематическаго попиранія русской народности, время внѣшней силы и внутренняго ослабленія государства. Грандіозные размѣры замысловъ великаго Петра мельчаютъ, горизонтъ русской политической жизни съуживается. Иноземцы, призванные Петромъ въ качествѣ экспертовъ разныхъ отраслей знанія, преимущественно техническихъ,—являются господами и законодателями; просвѣщенныхъ людей изъ нихъ, какъ Лефора (Лефорта), Брюса, Фика, Сиверса и др.,—смѣняютъ разные проходимцы, авантюристы и карьеристы, вродѣ Бирона, принца Гессенъ-Гом-

бургскаго, братьевъ Лёвенвольде и др. Московское царство, преобразованное Петромъ въ Россійскую имперію, превращается въ третьестепенное нѣмецкое герцогство, для котораго политическимъ идеаломъ является не идеалъ европейскаго монархизма во главѣ коллегіальнаго строя, о чемъ мечталъ Петръ Великій, а государственное устройство Голштиніи, Мекленбурга и Курляндіи. Европейская дипломатія хозяйничаетъ въ Петербургѣ какъ у себя дома, и во внѣшней политикѣ петербургскій кабинетъ всецѣло зависитъ отъ капризнаго воззрѣнія нѣмецкаго цесаря. Учрежденія Петра извращаются, система его внутренняго управленія измѣняется, флотъ, созданіе всей его жизни, „дитя его сердца“ — приходитъ въ упадокъ, военная дисциплина превращается въ мекленбургско-голштинскую казарменную формалистику, торговля и промышленность чахнутъ, финансы разстраиваются, государственный долгъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ русскимъ людямъ не хорошо жилось въ царствованіе Анны Іоанновны, весьма также естественно, что лучшіе изъ русскихъ людей того времени серьозно задумывались надъ вопросомъ „о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, какъ они тогда выражались. Стали образовываться, если не политическія партіи, то кружки политически-мыслящихъ людей, направленные противъ иноземцевъ, противъ нѣмецкаго террора. По ихъ воззрѣніямъ *одни только Нѣмцы* были виновны во всѣхъ нестроеніяхъ Россіи. Но историкъ не можетъ вполнѣ согласиться съ ними. Не исключительно только Нѣмцы были виновны въ бѣдствіяхъ русскаго человѣка первой половины XVIII в. Львиная часть этихъ бѣдствій происходила отъ него самого. Весь общественный складъ тогдашней Руси производилъ тѣ нестроенія, въ которыхъ современники напрасно обвиняли однихъ Нѣмцевъ, забывая о прегрѣшеніяхъ русскихъ людей. Отсутствіе общественной, такъ сказать, спайки, дѣйствіе въ разбродъ, эгоизмъ и своекорыстіе—вотъ что губило тогдашняго русскаго человѣка и не давало ему возможности придти къ какому нибудь положительному результату, пригодному для „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“. „Намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ!“ — весьма характеристически замѣчалъ одинъ юродивый первой половины XVIII в. Кружки

политически-мыслящихъ людей возникали среди „шляхетства“, класса общества, болѣе другихъ все таки привыкшаго жить политическою жизнію. Разнообразны были политическіе идеалы этихъ кружковъ. Люди, принадлежавшіе къ нимъ, пытались найти свои идеалы то въ прошломъ Россіи, преимущественно въ земскомъ значеніи боярства, то въ государственномъ устройствѣ сосѣднихъ государствъ,—особенно Швеціи и Польши, то въ идеяхъ Локка, Гоббеса, Томазія, Пуфендорфа и другихъ, менѣе извѣстныхъ, западно-европейскихъ политическихъ писателей XVII и начала XVIII в.

Получивъ Высочайшее разрѣшеніе на разсмотрѣніе въ Государственномъ Архивѣ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ и документовъ первой половины XVIII в., — я приступилъ къ изученію этихъ столь малоизвѣстныхъ источниковъ. По мѣрѣ изученія ихъ, я приходилъ къ убѣжденію, что существеннымъ моментомъ въ исторіи распри между Русскими и Нѣмцами въ царствованіе Анны Іоанновны является фактъ воцаренія этой государыни. Въ это время впервые проявляется тотъ антагонизмъ между Русскими и Нѣмцами, который достигаетъ своего апогея въ борьбѣ Волынскаго и его кружкà съ Минихомъ, Остерманомъ и Бирономъ. Въ воцареніе Анны Іоанновны сказывается и та рознь между русскими людьми, которая характеризуетъ ихъ послѣдующее несогласіе въ политическихъ воззрѣніяхъ и мѣропріятіяхъ. „Родословные люди“, представителями которыхъ являются князья Голицыны и Долгорукіе, бросаютъ перчатку „новымъ людямъ“, созданнымъ реформой Петра Великаго, а въ особенности иноземцамъ, явившимся къ намъ въ обиліи во время реформы. Олигархическіе замыслы боярскаго кружкà встрѣчаютъ оппозицію въ среднемъ шляхетствѣ, которое также заявляетъ свои права на участіе въ государственномъ управленіи. Противъ этихъ, враждующихъ другъ съ другомъ, лагерей возстаютъ приверженцы неограниченнаго самодержавія Анны Іоанновны, на сторонѣ котораго стоятъ всѣ новые люди реформы. Къ нимъ присоединяются иноземцы, которые боятся торжества, и боярскихъ, и шляхетскихъ воззрѣній. Они считаютъ это торжество — побѣдой стараго р у с с к а г о в а р в а р с т в а надъ е в р о п е й с к о й ц и в и л и з а ц і е й, внесенной реформою Петра Великаго. Такимъ образомъ, въ фактѣ воцаренія Анны Іоанновны мы видимъ уже начало двойной борьбы: борьбы сословной и національной.

Изученіе воцаренія Анны Іоанновны привело меня къ изученію вопросовъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ, а именно: 1) о престолонаслѣдіи послѣ Петра Великаго до Екатерины II включительно, 2) о положеніи придворныхъ и шляхетскихъ партій въ правленіе Петра II, въ то время, когда окончательно выяснились политическія воззрѣнія верховниковъ и шляхетства, выразившіеся при воцареніи императрицы Анны, 3) объ историческомъ развитіи политическихъ воззрѣній московскаго боярства XVI и XVII вв. и русскаго вельможества XVIII в. Затѣмъ я остановился на подробномъ изслѣдованіи: 1) дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта, высокаго сената и духовнаго синода — трехъ первенствующихъ въ Россіи государственныхъ учрежденій той эпохи, за время отъ кончины Петра II до уничтоженія верховнаго тайнаго совѣта 4 марта 1730 года и 2) жизни и дѣятельности важнѣйшихъ сторонниковъ ограниченія самодержавія Анны Іоанновны, князей Долгорукихъ и князя Д. М. Голицына. Изученіе этихъ процессовъ ввело меня въ самый разгаръ борьбы русскаго шляхетства съ правителями-Нѣмцами эпохи Анны Іоанновны и дало мнѣ возможность ближе познакомиться съ политическими воззрѣніями шляхетства. Около этихъ процессовъ я и сосредоточилъ свое дальнѣйшее изученіе тридцатыхъ годовъ XVIII в.

По этимъ вопросамъ мною разсмотрѣны слѣдующіе источники.

А) Государственный Архивъ.

I. Подлинные документы о восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны (разд. III, дѣла за №№ 4, 6 и 7).

Здѣсь находятся:

1) Подлинныя „кондиціи“, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, подписанныя ею въ Митавѣ 25 января и разорванныя въ Москвѣ 25 февраля 1730 года и нѣсколько копій съ нихъ, а также и черновыя ихъ редакціи. Черновыя редакціи весьма важны для опредѣленія процесса составленія „кондицій“ въ окончательной формѣ.

2) Протоколъ верховнаго тайнаго совѣта 19 января 1730 года объ избраніи Анны Іоанновны и письмо къ ней объ этомъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта (послѣднее въ нѣсколькихъ черновыхъ редакціяхъ и въ бѣловой).

3) Рескриптъ Анны Іоанновны верховному тайному совѣту изъ Митавы отъ 28 января 1730 г. о согласіи ея на кондиціи—въ бѣловомъ спискѣ, надорванномъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ кондиціями, 25 февраля 1730 г.

4) Допросъ П. С. Сумарокову, посланному въ Митаву Ягушинскимъ для предупрежденія Анны Іоанновны о кондиціяхъ. Допросъ этотъ произведенъ въ Митавѣ 26 января 1730 г. Кн. В. Л. Долгорукимъ и М. М. Голицинымъ младшимъ.

5) Черновой проэктъ повѣстки изъ верховнаго тайнаго совѣта на собраніе 2 февраля 1730 г. для выслушанія „кондицій", подписанныхъ Анной Іоанновной, протоколъ этого собранія и благодарственное письмо членовъ верховнаго совѣта къ Аннѣ Іоанновнѣ за согласіе на кондиціи, отъ 5 февраля 1730 г.

6) Различные проэкты о государственномъ устройствѣ, поданные въ верховный совѣтъ сенатомъ, синодомъ, генералитетомъ, шляхетствомъ и отдѣльными лицами, отъ 2 до 10 февраля—всего *десять* проэктовъ и изложеніе содержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

7) Современный реэстръ переписки верховнаго тайнаго совѣта съ кн. В. Л. Долгорукимъ за время пребыванія его въ Митавѣ для предложенія Аннѣ Іоанновнѣ „кондицій".

8) Прошеніе о возстановленіи самодержавія, поданное Аннѣ Іоанновнѣ шляхетствомъ 25 февраля 1730 г.

9) Выписка изъ высочайшаго повелѣнія 4 марта 1730 г. о доставленіи императрицѣ изъ верховнаго тайнаго совѣта переписки кн. В. Л. Долгорукаго и хранившихся тамъ-же алмазныхъ вещей.

10) Присяжные листы, какъ общіе, такъ и отдѣльно членовъ верховнаго тайнаго совѣта, генералитета и придворныхъ,—въ вѣрности самодержавной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Ко всѣмъ этимъ документамъ имѣется современная обложка съ собственноручною надписью императрицы Анны Іоанновны: „о коварныхъ письмахъ, какъ я на престолъ взошла". Сохранился также въ дѣлѣ № 6

конвертъ съ слѣдующей надписью Екатерины II: „б е з ъ и м е н н о г о у к а з у н и к о м у н е в ы д а в а т ь“, подъ которой рукою Н. И. Панина написано: „Въ семъ пакетѣ находятся въ подлинникахъ пункты отъ верховнаго совѣта императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предложенныя, ею подписанные и потомъ изорванные; прошеніе отъ дворянства къ Ея Величеству о уничтоженіи оныхъ и о принятіи паки самодержавной власти и разныя бумаги до сего важнаго происшествія касающіеся“.

Почти всѣ перечисленные документы впервые обнародованы, хотя и въ извлеченіяхъ, въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, т. XIX. Исключеніе составляютъ только №№ 3 и 8 и нѣкоторые документы изъ № 6. (Всѣ эти №№ относятся къ моему, вышеприведенному, списку). № 3 изданъ по черновому списку, любопытному тѣмъ, что онъ писанъ весь рукою Кн. В. Л. Долгорукаго, д в а ж д ы: въ *первый разъ* П. М. П о г о д и н ы м ъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830, (ч. I, стр. 368—371) и во второй разъ въ 1877 г. А. Ѳ. Б ы ч к о в ы м ъ, въ „Русской Старинѣ“, (т. XVIII, стр. 511—512). Изъ „Московскаго Вѣстника“ рескриптъ этотъ перепечатывался въ другихъ изданіяхъ, посвященныхъ исторіи воцаренія Анны Іоанновны. № 8 напечатанъ Л. Н. М а й к о в ы м ъ въ „Памятникахъ новой русской исторіи“, сборникѣ, изданномъ Кашпиревымъ, въ числѣ другихъ документовъ, относящихся до воцаренія Анны Іоанновны (т. I, отд. II, стр. 1—16). Всѣ эти документы изданы по копіямъ И. П. Ш у л ь г и н а, работавшаго въ Государственномъ Архивѣ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ бытность его преподавателемъ исторіи и статистики Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу старшему. Въ числѣ этихъ документовъ напечатано *три* шляхтскихъ проэкта о государственномъ устройствѣ, близкихъ по редакціи къ разсмотрѣннымъ мною въ Государственномъ Архивѣ. Два изъ этихъ послѣднихъ проэктовъ напечатаны въ нѣмецкомъ переводѣ въ приложеніи ко II т. „Materialien zu der Russischen Geschichte“ S c h m i d t - P h i s e l d e c k'a. „Кондиціи“ верховнаго тайнаго совѣта многими изслѣдователями считались даже утраченными. Такого мнѣнія держатся, напримѣръ, составитель сборника „La Cour de Russie il y a cent ans“, г. Щебальскій, въ статьѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоан-

новны и князь П. В. Долгорукой, въ своихъ „Memoires", изданныхъ въ Женевѣ въ 1867 г.

II. Сказаніе Θеофана Прокоповича о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, подъ заглавіемъ: „конецъ Петра II", (разр. III, дѣло № 6 л. 57—72), списокъ исправляющій явныя ошибки текста въ печатномъ изданіи этого сказанія А. В. Терещенки (Сынъ Отеч. 1837, ч. CLXXXIV, стр. 23—73 и отд. изданіе въ томъ-же году). Списокъ Государственнаго архива почти дословно схожъ со спискомъ Языкова, напечатаннымъ имъ въ приложеніи къ „Запискамъ дюка Лирійскаго и Бервикскаго", Спб. 1845, стр. 186—217.

III. Черновые журналы верховнаго тайнаго совѣта съ 19 января по 28 февраля 1730 г. включительно, на 72 листахъ (разр. III, д. № 5). Журналы эти важны тѣмъ, что бѣловыхъ журналовъ за это время не сохранилось. Написанные въ торопяхъ, на скоро, въ иныхъ случаяхъ они представляютъ скорѣе конспектъ засѣданія чѣмъ его журналъ. Присутствующіе члены верховнаго тайнаго совѣта въ нѣкоторыхъ журналахъ названы только по именамъ—безъ фамилій: очевидно писецъ не считалъ нужнымъ заносить хорошо извѣстныя ему фамиліи въ черновой набросокъ журнала. Журналы верховнаго тайнаго совѣта представляютъ полную картину его распоряженій по внутреннему государственному управленію за все время отъ смерти Петра II до присяги на самодержавіе Анны Іоанновны. Я еще возвращусь къ этому важному документу, послѣ указанія на журналы и протоколы верховнаго тайнаго совѣта, хранящіеся въ другихъ архивахъ.

IV. Слѣдственныя дѣла о князьяхъ Долгорукихъ съ 1730 по 1741 г. включительно. Всѣхъ такихъ дѣлъ въ Государственномъ Архивѣ *двадцать одинъ* нумеръ въ 34 фоліантахъ. Изъ нихъ самыя интересныя слѣдующія дѣла:

1) *1730—1731 г.* Показанія князей Долгорукихъ о подложномъ духовномъ завѣщаніи Петра II (разр. VI, № 165) и дѣло о ссылкѣ князей Долгорукихъ (ibid., № 164).

2) *1730—1735 г.* Содержаніе князя С. Г. Долгорукаго и его семьи въ Рененбургѣ и въ его Замоторинской вотчинѣ и переписка за это время его жены, княгини Марфы Пет-

ровны Долгорукой, урожденной Шафировой. (Ibid. №№ 166 и 170).

3) *1732 г.* О слухахъ въ народѣ, что князья Долгорукіе вѣнчали княжну Екатерину Долгорукую съ трупомъ императора Петра II, дабы сдѣлать ее наслѣдницею престола (ibid., № 168).

4) *1738—1741 г.* Экстракты изъ дѣлъ по доносу на Долгорукихъ тобольскаго подъячаго Тишина, 28 экстрактовъ въ 3-хъ частяхъ, (ibid. № 181) и судъ и приговоръ надъ Долгорукими въ 1739 г. (ibid. № 182).

5) *1737—1741 г.* Донесенія караульныхъ офицеровъ о князьяхъ Вас. Влад. и Мих. Влад. Долгорукихъ (ibid. № 183 и 184).

6) *Разныхъ годовъ.* Отрывки разныхъ дѣлъ о Долгорукихъ (ibid, №№ 170 и 185).

Изъ дѣлъ о Долгорукихъ изданы только отрывки, далеко не представляющіе ихъ процесса вполнѣ и не дающіе того богатаго матеріала для бытовой исторіи Россіи первой половины XVIII в., который заключается въ подлинныхъ дѣлахъ. Самые замѣчательные отрывки изъ дѣлъ о Долгорукихъ изданы: у кн. П. В. Долгорукаго, въ Сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ (стр. 237—256), въ Чтен. Моск. Общ. ист. и др., 1864, кн. I, см., стр. 1—7, въ Русск. Архивѣ 1866, стр. 46—47, въ „Памятникахъ новой русской исторіи" Кашпирева, т. I, отд. II, с. 152—194.

V. *1736 и 1737 г.* Процессъ княгини Настасьи Кантемиръ съ ея родственниками и о привлеченіи къ нему князя Д. М. Голицына, въ *трехъ* картонахъ in folio (отд. VI, № 189).

Сущность этого процесса заключается въ слѣдующемъ. Вдова Молдавскаго господаря, княгиня Настасья Кантемиръ завела тяжбу изъ за наслѣдства послѣ ея мужа съ своимъ пасынкомъ, зятемъ кн. Д. М. Голицына, княземъ Конст. Дм. Кантемиромъ. Сенатъ рѣшилъ эту тяжбу въ пользу княгини, а кн. Кантемиръ аппелировалъ къ императрицѣ. Въ 1736 году былъ учрежденъ для разсмотрѣнія этой аппеляціи вышній судъ, подъ предсѣдательствомъ самой императрицы. Дѣло, хотя очень косвенно, коснулось кн. Д. М. Голицына, и Анна Іоанновна была рада случаю придраться къ главному зачинщику „кондицій" верховнаго тайнаго со-

вѣта. Въ началѣ 1737 года онъ былъ заключенъ въ Шлюссельбургъ (²).

Въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, находится переписка кн. Д. М. Голицина съ его сыновьями, князьями Сергѣемъ и Алексѣемъ, а также съ нѣкоторыми другими лицами и каталогъ, далеко впрочемъ неполный, его нѣкогда обширной библіотеки политическихъ и историческихъ сочиненій въ его подмосковномъ селѣ Архангельскомъ (Bibliotheca Archangelina). Кромѣ того, въ Государственномъ Архивѣ я просмотрѣлъ и отдѣльно хранящіеся письма кн. Д. М. Голицына. Къ сожалѣнію, ихъ всего только два (1727 и 1729 г.)—микроскопическій остатокъ громадной его переписки, опечатанной послѣ его заточенія въ Шлюссельбургѣ, въ 1737 году.

VI. Кабинетныя дѣла съ 1700 по 1728 годъ включительно. Въ 162 фоліантахъ этихъ дѣлъ находятся, между прочимъ, подлинныя письма къ Петру Великому многихъ крупныхъ дѣятелей царствованія Анны Іоанновны. Сдѣланныя мною извлеченія изъ этихъ писемъ весьма важны для характеристики князей Голицыныхъ, Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ дѣятелей этого царствованія.

В) Архивъ Правительствующаго Сената.

Занятія въ немъ значительно облегчаются прекрасной „Описью Высочайшихъ повелѣній, хранящихся въ этомъ архивѣ“, составленной и изданной начальникомъ его П. И. Барановымъ (Спб. 1872—78, 4 т.). Въ сенатскомъ архивѣ мною разсмотрены:

I. Книга крѣпленымъ протоколамъ, состоявшимся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ за генварь и февраль 1730 г., на 215 листахъ, in fol. (кн. лит. К).

(²) Подробности см. въ моей монографіи: «А. П. Волынскій», Др. и Нов. Россія 1877 г., кн. 6.

II. Книги именныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній за 1730—1740 г., всего *одинадцать* фоліантовъ. Эти книги весьма много пополняютъ такъ наз. „Полное Собраніе Законовъ", на повѣрку далеко неудовлетворяющее своему заглавію.

С) Архивъ Святѣйшаго Синода.

Печатное описаніе этого архива, съ подробными извлеченіями изъ дѣлъ, доведено только до 1724 г. (Въ свѣтъ вышелъ пока первый томъ, заключающій въ себѣ описаніе дѣлъ за 1542—1721). Въ этомъ архивѣ мною разсмотрѣны:

I. Дѣла о кончинѣ Петра II и о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, 1730, №№ 32, 34, 35 и 36. Здѣсь находятся:

1) Протоколъ синода о кончинѣ Петра II, о совершеніи по немъ панихидъ и о погребеніи его.

2) Протоколъ синода о титулѣ Анны Іоанновны.

3) Списки духовенства, бывшаго въ то время въ Москвѣ.

4) Сношенія синода съ епархіальными архіереями о разсылкѣ вторичныхъ присягъ.

5) Переписка объ отправленіи торжества восшествія на престолъ Анны Іоанновны 19 января.

II. Дѣла о церковныхъ торжествахъ и церемоніяхъ въ царствованіе Петра II и Анны Іоанновны. Къ нимъ относятся:

1) Объ обрученіи Петра II съ княжной Е. А. Долгорукой, 28 ноября 1729 года (№ 58).

2) О коронаціи Анны Іоанновны 28 апрѣля 1730 (№ 33).

III. Дѣла по уклоненію священно и церковно-служителей отъ присяги Аннѣ Іоанновнѣ. Такія дѣла тянутся до кончины императрицы въ 1740 г.; ихъ въ архивѣ находится всего 97 дѣлъ.

IV. Разныя дѣла за 1730—1740 г. касающіяся священно и церковно-служителей. Здѣсь находятся, между прочимъ, дѣла о возмущеніи ими крестьянъ.

D) Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Здѣсь мною разсмотрѣны: дѣла верховнаго тайнаго совѣта съ 19 января по 8 ноября 1730 г., дипломатическія сношенія русскаго правительства съ иностранными державами съ 19 января по іюль 1730 г., портфёли знаменитаго исторіографа Гергарда Фридриха Мюллера и портфёли А. Ѳ. Малиновскаго.

I. Дѣла верховнаго тайнаго совѣта (св. № 7) касаются дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами за указанное время и заключаютъ въ себѣ:

1) Отпуски протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта, на 38 листахъ.

2) Бѣловой журналъ, или дневную записку дѣламъ верховнаго тайнаго совѣта, на 79 листахъ.

3) Черновое сообщеніе въ верховный тайный совѣтъ о вспомогательныхъ цезарю нѣмецкому войскахъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 19 февраля 1730 г., на 3-хъ листахъ.

II. Въ картонахъ дипломатическихъ сношеній (всего 17 связокъ) находятся слѣдующіе документы:

1) Протоколы о грамотахъ и отпуски грамотъ Анны Іоанновны къ иностраннымъ государямъ.

2) Отвѣтныя грамоты къ ней иностранныхъ государей, въ подлинникахъ, копіяхъ и переводахъ.

3) Протоколы секретнымъ и ординарнымъ рескриптамъ къ нашимъ министрамъ и резидентамъ при иностранныхъ дворахъ и отпуски этимъ рескриптамъ.

4) Реляціи и оффиціальныя письма нашихъ министровъ и резидентовъ, секретныя (шифрованныя) и ординарныя, на имя коллегіи иностранныхъ дѣлъ, верховнаго тайнаго совѣта и императрицы Анны Іоанновны.

5) Приложенія къ нимъ, въ числѣ которыхъ находятся: a) копіи съ реляцій и меморій пословъ другихъ дворовъ своимъ правительствамъ и оффиціозная переписка нашихъ дипломатическихъ агентовъ съ иностранными принцими и государственными дѣятелями. b) №№ иностранныхъ газетъ и летучихъ листковъ, заключающихъ въ себѣ порицательныя и хвалебныя извѣстія о тогдашнихъ русскихъ событіяхъ. Такъ

напр., къ реляціямъ Бестужева изъ Копенгагена приложены два №№ „Staats und Gelehrte Zeitung“ и „Reichs-Post Reiter“, отъ 27 января 1730 г., съ извѣстіемъ о возвышеніи князей Долгорукихъ. Русскій резидентъ въ Амстердамѣ ф а н ъ-д е р ъ Б у р г ъ присылаетъ вырѣзку изъ № „Gazette d'Utrecht“ отъ 9 мая 1730 г. съ опроверженіемъ ложныхъ слуховъ о тогдашнихъ русскихъ происшествіяхъ, а секретарь нашей миссіи въ Гагѣ Г е й н ц е л ь м а н ъ сообщаетъ печатный листокъ на голландскомъ языкѣ съ печальной кантой о кончинѣ Петра II, распѣваемой въ Гагѣ.

6) Переписка русскихъ министровъ и резидентовъ съ русскими государственными людьми, какъ напр., письма нашихъ пословъ въ Берлинѣ и Парижѣ, князя Серг. Дм. Голицына и графа А. И. Головкина къ А. И. Остерману, письмо резидента въ Копенгагенѣ А. П. Бестужева-Рюмина къ князю В. Л. Долгорукому.

7) Переписка польскихъ вельможъ съ императрицей Анной Іоанновной, съ гр. Г. И. Головкинымъ и А. И. Остерманомъ: Ѳ. Потоцкаго, князей Казиміра и Мартіана Огинскихъ, княгини Елены и княжны Маріи Огинскихъ, Людв. Поцея и др.

8) Меморіалы и сообщенія нѣкоторыхъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ о тогдашнихъ нашихъ дѣлахъ: цесарскаго—графа Вратислава, испанскаго—герцога де-Лиріа, польскаго—Лефорта и шведскаго—Дитмара.

9) Нѣкоторыя отдѣльныя дѣла и переписки, какъ напримѣръ: a) переписка о подкупѣ княземъ Сергѣемъ Григ. Долгорукимъ польскихъ вельможъ на гродненскомъ сеймѣ 1729 г. b) Письма Кантакузена къ Ѳеофану Прокоповичу о притѣсненіи православныхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ и докладъ объ этомъ Ѳеофана императрицѣ, 19 апрѣля 1730 г. (напеч. въ Русск. Арх. 1863 г.).

Особеннымъ интересомъ отличаются сношенія съ слѣдующими государствами: цесаремъ нѣмецкимъ, Польшей, Пруссіей, Даніей, Швеціей, Голландскими штатами съ Франціей и Испаніей Общее содержаніе донесеній нашихъ дипломатовъ состоитъ въ передачѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя произвели на иностранныя правительства и на общественное мнѣніе разныхъ странъ Западной Европы кончина Петра II и избраніе и восшествіе на престолъ Анны Іоанновны, и тѣхъ слуховъ, которые распространялись тогда въ

публикѣ по поводу этихъ событій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма интересны донесенія нашихъ министровъ и резидентовъ изъ Голландіи, Пруссіи и Польши о сношеніяхъ ихъ съ представителями прессы, по тогдашнему выраженію, съ „курантёрами“ и „газетёрами“, за сообщеніями которыхъ весьма зорко слѣдила наша коллегія иностранныхъ дѣлъ.

При разсмотрѣніи картоновъ дипломатическихъ сношеній большое пособіе оказали мнѣ реэстры, составленные къ нимъ просвѣщеннымъ труженникомъ на поприщѣ русской археографіи, Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

III. Классическіе портфёли Мюллера, эта поистинѣ энциклопедія русской исторіи и археологіи (всего 793 картона), дали мнѣ очень много данныхъ для соображеній генеалогическихъ, біографическихъ и хронологическихъ. Кромѣ того, въ нихъ мною найдено два списка сказанія Ѳеофана Прокоповича „о кончинѣ Петра II“ (№ 150, портф. 1 и 8).

IV. Портфёли А. Ѳ. Малиновскаго (числомъ 17), обнимающіе собою русскую исторію съ 911 по 1796 годъ, на первый взглядъ представляютъ очень много матеріала для разсматриваемаго времени. Такъ, громадный портфёль № 9 заключаетъ до 50-ти тетрадей и статей, касающихся эпохи 1725—1762 гг. Но при внимательномъ разсмотрѣніи портфёля оказывается, что большинство изъ этихъ тетрадей и статей составляютъ, или списки съ печатныхъ матеріаловъ, или же переводы, также изданныхъ, иностранныхъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе, изъ остающагося неизданнаго матеріала и изъ нѣкоторыхъ неизданныхъ переводовъ я извлекъ нѣсколько интересныхъ источниковъ, изъ которыхъ назову слѣдующія:

I) Отрывокъ изъ рукописи: „Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго верховнаго тайнаго совѣта“,—отрывокъ, заключающій въ себѣ протоколы верховнаго тайнаго совѣта съ 28 апрѣля по 7 мая 1727 года, и „тестаментъ“ императрицы Екатерины I по редакціи Rousset: „Supplement au corps diplomatique“ (t. II, part. II, p. 188). Самая эта рукопись есть сводъ, составленный Малиновскимъ. Она подробно описана кн. М. А. Оболенскимъ въ статьѣ: „Протоколы верховнаго тайнаго совѣта“, Библіогр. Зап. 1858, № 23. Изъ этой статьи оказывается, что напечатанные въ „Чтеніяхъ

М. Общ. исторіи и древностей россійскихъ" (1858, кн. II) „Протоколы верховнаго тайнаго совѣта"—суть ничто иное какъ сокращеніе рукописи Малиновскаго и, будучи составлены несравненно позже того времени къ которому относятся, никакъ не могутъ быть почтены о ф ф и ц і а л ь н ы м и протоколами совѣта. Сличеніе ихъ съ подлинными журналами и протоколами верховнаго тайнаго совѣта, найденными мною въ архивахъ государственномъ, сенатскомъ и главномъ московскомъ, вполнѣ подтвердило мысль кн. Оболенскаго; причемъ для меня стало ясно, что Малиновскій не имѣлъ подъ руками черновыхъ журналовъ верховнаго тайнаго совѣта, разсмотренныхъ мною въ государственномъ архивѣ, а равно и протоколовъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ (см. выше лит. В, I). Матеріалами для свода Малиновскаго послужили: а) журналы верховнаго тайнаго совѣта, хранящіеся въ московскомъ главнымъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, b) печатные манифесты и указы, с) переписка кн. В. Л. Долгорукаго, реэстръ который указанъ мною при разсмотрѣніи документовъ Государственнаго архива (I, 7.), d) разные архивные документы и выписки, е) иностранные сборники, вродѣ вышеприведеннаго Руссе.

2) Списокъ тестамента Екатерины I-й, представляющій варіанты къ напечатаннымъ текстамъ.

3) Списки придворныхъ штатовъ: Петра II, 1727 г. и Анны Іоанновны, 1731 г.

4) Списокъ „сказанія Ѳеофана Прокоповича о кончинѣ Петра II и восшествіи на престолъ Анны Іоанновны".

5) Рескриптъ Анны Іоанновны С. А. Салтыкову съ благодарностью за доставленіе шута, князя Голицина, и доношеніе Салтыкова о „баловнѣ" Иванѣ Матюшкинѣ.

6) Русскій переводъ отрывка о воцареніи Анны Іоанновны изъ книги Schmidt-Phiseldeck'а: „Matertalien zu der Russ. Gech. seit dem Tode Peter des Gross. (t. II, 1 Abt., s. 1—36) подъ заглавіемъ: „Повѣствованіе иностранныхъ писателей о уничтоженіи императрицею Анною условій, ограничивавшихъ самодержавную монаршескую власть, и о гибели князей Долгорукихъ съ единомышленниками ихъ за дерзновенное покушеніе ихъ". Судя по почерку, языку и бумагѣ, переводъ относится къ концу XVIII вѣка.

Кромѣ того, для справокъ я пользовался прекрасно устроенной библіотекой печатныхъ книгъ московскаго главнаго

архива, а также просмотрѣлъ нѣкоторыя рукописи изъ собранія А. Ѳ. Малиновскаго и кн. М. А. Оболенскаго. Изъ перваго собранія отмѣчу двѣ рукописи: „Біографическія свѣдѣнія объ управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ, составл. Малиновскимъ въ 1816 г. и „О взаимныхъ посольствахъ европейскихъ государствъ“ Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Изъ втораго собранія любопытны родословныя книги русскихъ князей и бояръ.

E) Въ Московскимъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

разсмотрѣны мною:

I) *Три* фоліанта журналовъ и протоколовъ „высокаго“ сената, за январь, февраль и мартъ 1730 г. (кн. №№ 117—119).

II) Реэстръ валовой крѣпленымъ протоколамъ „правительствующаго“ сената за 1730 г., съ 5 марта, кн. № 129.

F) Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ.

I. Рукописное отдѣленіе.

Здѣсь, руководствуясь описаніемъ рукописей библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго, составленнымъ К. Ѳ. Калайдовичемъ и П. М. Строевымъ (М. 1825 г.), просмотрѣлъ я главнѣйшія переводы на русскій языкъ политическихъ сочиненій заподно-европейскихъ, конца XVII и нач. XVIII в. изъ Bibliotheca Archangelina князя Д. М. Голицина. Незначительная часть этой библіотеки (до 200 книгъ) пріобрѣтена послѣ московскаго пожара 1812 г. графомъ Толстымъ, а изъ его собранія перешла въ извѣстное „древлехранилище“ Погодина, поступившее въ Императорскую Публичную Библіотеку. Мною разсмотрѣны преимущественно переводы анонимныхъ политическихъ сочиненій, такъ какъ съ

переводами извѣстныхъ по имени авторовъ я познакомился изъ источниковъ печатныхъ. Изъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ я разсмотрѣлъ подробно только двѣ рукписи, по ихъ чрезвычайной важности для опредѣленія круга политическихъ воззрѣній русскаго шляхетства первой половины XVIII в., именно — Локка: „Правленіе гражданское", переводъ нач. XVIII в. (F, II, 41) и І. Г. Бесселя: „Новоумноженный поличическаго счастія ковачъ" (F, II, 68). Переводъ извѣстнаго трактата Локка, кромѣ самаго факта своего появленія, любопытенъ еще по предисловію, въ которомъ русскій переводчикъ предлагаетъ свои воззрѣнія на различныя „ступени собранія гражданскаго" и критически разсматриваетъ воззрѣнія на это „собраніе"—Гуго Гроція, Пуффендорфа и Локка, причемъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему. Книга Бесселя имѣла очень большой кругъ читателей среди русскаго шляхетства первой половины XVIII в. и явилась однимъ изъ главнѣйшихъ основаній для обвиненія А. П. Волынскаго.

Изъ анонимныхъ сочиненій просмотрѣны мною слѣдующія:

1) Министерство или правителство кардинала Рахилія и Мазарина, съ политическими разсмотрѣніи отъ году 1624 даже до 1651; переводъ съ франкфуртскаго изданія 1652 года, учиненный въ 1712 г. стараніемъ кіевскаго губернатора, кн. Д. М. Голицына, въ тамошней академіи. 3 переплета (F, II, 58).

2) Өеоримато, или разсужденіе о правомъ и мирномъ царства правленіи. Рукоп. нач. XVIII в. (F, II, 27).

3) О Нѣмецкой землѣ, или Рымскомъ государствѣ (другое заглавіе Строева: „краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ"). Рукоп. нач. XVIII в. (F, IV, 70).

4) Описаніе винъ ими же къ погибели и къ разоренію всякія царства приходятъ и которыми дѣлы въ цѣлости и въ смиреніи содержатся и строятся. Рук. нач. XVIII в. (F, XV, 21).

5) Камень опыта политическаго. Рук. нач. XVIII в. (F, XV, 22).

6) Наставленіе мужа приватнаго, съ языка гишпанскаго, обычайному къ гражданству, съ приданными авторовъ сентенціями, во кратцѣ собранное. Рук. нач. XVIII в.

7) Наставленіе мужа народнаго языка Галлицкаго (французскаго) къ пріятію рѣчи посполитой, со изображенными авторовъ сентенціями и по каждомъ глаголѣ приданными. Рук. нач. XVIII в.—№№ 6 и 7 въ одномъ переплетѣ. (F, I, 322).

Всѣ эти сочиненія, наряду съ переводами твореній корифеевъ политической науки XVI и XVII в. в.: Макіавелли, Локка, Гоббеса, Томазія, Гуго Гроція, Пуффендорфа, и второстепенныхъ политическихъ западно-европейскихъ писателей того же времени, (и тѣ и другія наполняли библіотеки кн. Д. М. Голицына, А. П. Волынскаго, В. Н. Татищева и др.)—представляютъ любопытный источникъ для изученія уровня политическаго образованія и „умоначертанія"—по выраженію публициста второй половины XVIII в., князя М. М. Щербатова,—передовыхъ русскихъ дѣятелей изъ высшаго и средняго шляхетства первой половины того-же вѣка. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ политическихъ сочиненій видно, что образованные люди изъ шляхетства первой половины XVIII в. весьма внимательно изучали политическую жизнь Европы за послѣднія два столѣтія, и были довельно близко, для того времени, знакомы съ государственнымъ строемъ западно - европейскихъ государствъ. Иногда приводилось имъ, впрочемъ, черпать свѣдѣнія не изъ первыхъ рукъ, а изъ тяжеловѣсныхъ, схоластическихъ копиляцій, и этимъ, между прочимъ, можно объяснить нѣкоторую неточность въ ихъ представленіяхъ, напримѣръ, о государственномъ устройствѣ Англіи, объ „Утопіи" Т. Мура, объ усиленіи королевской власти во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ.

II. Отдѣленія печатныхъ книгъ.

По характеру моихъ источниковъ я занимался въ четырехъ изъ этихъ отдѣленій: 1) Russica, въ такъ наз. залѣ графа Корфа, въ которой сосредоточены всѣ сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Пособіемъ при ознакомленіи съ этимъ отдѣломъ мнѣ служилъ: „Catalogue de la section des Russica", изданный Императорской публичной библіотекой въ 1873 г., 2 т. in 8°, 2) Историческомъ, 3) такъ наз. Poligaphia, гдѣ находятся иностранныя періодическія изданія

энциклопедіи и сочиненія по исторіи западно-европейскихъ литературъ, 4) въ отдѣленіи русскихъ книгъ. Кромѣ того, я работалъ въ журнальной и общей читальной залахъ публичной библіотеки. Книги, не составляющія библіографической рѣдкости, выдавались мнѣ на домъ, съ разрѣшенія г. помощника директора Императорской публичной библіотеки.

Я позволю себѣ остановиться только на самыхъ любопытныхъ по своей малоизвѣстности книгахъ, мною изученныхъ.

I) Періодическія изданія, выходившія съ 1730 по 1741 годъ въ Германіи, Франціи и Голландіи. Въ нихъ весьма интересны корреспонденціи изъ Петербурга и Москвы о тогдашнихъ русскихъ происшествіяхъ и біографіи замѣчательныхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей; нѣкоторыя изъ этихъ біографій составлены при жизни лицъ, которымъ онѣ посвящены. Мною разсмотрѣны слѣдующія періодическія изданія:

1) Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt, за 1730 и 1731. (выход. въ Лейпцгѣ).

2) Die neue Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt.— Выход. тамъ-же, за 1738—1742 г.

3) Der Genealogiche Archivarius, welcher alles was sich unter den jetzt lebenden hohen Personen in der Welt an Geburthen, Vermählugen, Avencements und Todtes-Fallen veränderliches zuträgt (und) sorgfältig anmerket. Leipzig. Издатель *Heinsius*, за 1731—1738 г.

4) Genealogisch-Historische Nachrichten von den aller neusten Begebenheiten, welche sich an den Europaischen Höfen zutragen, worinn zugleich vieler Standes-Personen und anderer Berühmter Leute Lebens-Beschreibungen vorkommen. Продолженіе предъидущаго изданія тѣмъ-же издателемъ, съ 1739 по 1744 г.

5) Historisches Journal, еженедѣльное изданіе, за 1730 г.

6) Mercure historique et politique, contenat l' etat present de l' Europe, ce qui se passe dans toutes les Cours, l'interet des Princes et generalement tout ce qu'il y a de curieux. Выходилъ въ Гагѣ, издатель H. Scheurleer. 1730—1740.

7) Receul de Gazette dedié au Roy, за 1730. Это старѣйшая французская политическая газета, основанная въ Парижѣ Ренодо, въ 1631 году ([8]).

II. Весьма интересно изданіе, близко приближающееся по своему характеру къ тогдашнимъ газетамъ и журналамъ, представляющее литературную обработку извѣстій о политическихъ событіяхъ въ Европѣ, — „Nationen Gespräche, oder curieuse Discurse über die jetzigen Conjuncturen und wichtigsten Begebenheiten". Изданіе это выходило въ Берлинѣ у Амбр. Хауде (Haude) съ 1727 г. и содержитъ въ себѣ нѣсколько „Entrevue" между двумя представителями различныхъ европейскихъ національностей. Въ этихъ свиданіяхъ они передаютъ другъ другу „о духѣ и геніи своей націи", оспариваютъ взаимно другъ друга и пускаются въ длинныя разсужденія. Анонимный авторъ остается также не безучастнымъ въ этихъ діалогахъ. Онъ относится критически къ мнѣніямъ разглагольствующихъ патріотовъ и сообщаетъ въ каждомъ „Entrevue" общій очеркъ исторіи того народа, о которомъ происходитъ разговоръ. 21—24 „Entrevue" посвящены діалогу между Русскимъ и Венгерцемъ. Разговоры происходятъ въ Гагѣ и относятся къ 1730 году. Въ нихъ идутъ разсужденія о правленіи Петра II, о ссылкѣ Меншикова и возвышеніи Долгорукихъ, о болѣзни и кончинѣ юнаго императора, объ избраніи Анны Іоанновны, о ея коронаціи и опалѣ Долгорукихъ, объ отношеніи Россіи къ Австріи — и сообщается краткій очеркъ русской исторіи до 1730 г.

Къ тому же разряду литературно-политическихъ произведеній слѣдуетъ отнести разсмотрѣнные мною разные: „Curieuse Gespräche" (напр. между Русскимъ и Французомъ, Francf. 1734, и между Русскимъ и Нѣмцемъ, ibid. 1741 и 1742 г.), и „Gespräche in dem Reiche derer Todten". Здѣсь, въ царствѣ тѣней, Анна Іоанновна сходится лицомъ къ лицу съ папой Климентомъ XII, съ королевой англійской Елизаветой, съ императоромъ нѣмецкимъ Карломъ VI;

([8]) Пособіемъ при разсмотрѣніи періодическихъ изданій XVIII в. служили мнѣ: для нѣмецкихъ журналовъ — книга Prutz'a «Geschichte des Deutschen Journalismus» (вышла только первая часть этого весьма обстоятельнаго изслѣдованія, Hannover 1845), — для французскихъ E. Hatin «Histoire de la presse en France», Paris 1859—1860, v. 1—5.

князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій разговариваетъ съ своимъ сыномъ Иваномъ и братьями, казненными въ Новгородѣ въ 1739. Графъ Остерманъ, Морицъ Саксонскій и другіе замѣчательные люди времени Анны Іоанновны—являются въ царствѣ мертвыхъ. Всѣ они разсказываютъ свою жизнь и свои воззрѣнія на тогдашнія „конъюнктуры". Въ большинствѣ случаевъ эти воззрѣнія не составляютъ ихъ дѣйствительныхъ воззрѣній, а принадлежатъ анонимнымъ публицистамъ, влагающимъ свои политическія убѣжденія въ ихъ уста, говорящимъ подъ ихъ, такъ сказать, псевдонимами. Всѣ эти разговоры весьма интересны для ознакомленія съ воззрѣніями на тогдашнія русскія происшествія современныхъ имъ нѣмецкихъ публицистовъ.

III. Біографіи нѣмецкихъ тріумвировъ изъ иноземныхъ правителей эпохи Анны Іоанновны: Бирона, Остермана и Миниха, написанныя при ихъ жизни ученымъ компиляторомъ изъ Галле, Фр. Христ. Гемпелемъ († 1757),—любопытны по прославленію нѣмецкой правительственной партіи и по тенденціознымъ выходкамъ противъ Елизаветы Петровны и ея правъ на Россійскій престолъ. По ея воцареніи, въ 1743, они были строго запрещены въ Россіи, и по поводу ихъ зловредности возникла переписка нашего правительства съ иностранными кабинетами. (См. извлеченія изъ этой переписки въ „Библіографич. Запискахъ" 1861 г., с. 41—42, 192—194).

G. Источники, доставленные частными лицами.

Слѣдующія лица почтили меня сообщеніемъ принадлежащихъ имъ рукописей вполнѣ и въ извлеченіяхъ: профессоръ С. Петербургскаго Университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, директоръ Московскаго Дворцоваго Архива Г. В. Есиповъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, въ настоящее время Русскій Посолъ въ Константинополѣ, предсѣдатель Этнографическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Л. Н. Майковъ и членъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества Ю. Ѳ. Штендманъ.

1) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ мнѣ рукопись двадцатыхъ годовъ XIX в., форматомъ въ полълиста писчей бумаги, переплетенную въ красный сафьянъ, 226 нум. стр. Рукопись заключаетъ въ себѣ: a) Extrait du Journal du duc

de Lihria et de Berwick—французскій текстъ, по которому издалъ Языковъ въ 1845 г. русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго, 1727—1730 гг.". При сличеніи оригинала съ переводомъ оказываются непростительныя ошибки противъ французскаго текста, на что было уже указано въ „Русской Старинѣ" (1873., 1-е изд. VIII, 24—40). Кромѣ того, изученіе рукописныхъ извлеченій изъ журнала де-Лиріа привело меня къ убѣжденію, что тѣхъ записокъ, о которыхъ говоритъ Д. И. Языковъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу, герцогъ де-Лиріа никогда не писалъ, да и не могъ писать. b) Архивное извѣстіе о Долгорукихъ, напечатанное Л. Н. Майковымъ, въ „Памятникахъ новой русской исторіи" г. Кашпирева, (т. I, отд. II, с. 174—193).

Записки, которыя приписываетъ Языковъ герцогу-де-Лиріа, писаны отцомъ послѣдняго, маршаломъ Франціи герцогомъ Бервикомъ, и не имѣютъ ничего общаго съ извлеченіемъ изъ дневника испанскаго посла. Собственныя записки герцога Бервика оканчиваются 1716 г., а остальные годы его жизни изложены по его бумагамъ издателемъ ихъ. Записки изданы впервые въ Гагѣ, въ 1737—38, затѣмъ въ 1738 г. въ Лондонѣ. Въ 1778 г. ихъ было два изданія: швейцарское, безъ означенія мѣста печати, и парижское. Всѣ перечисленныя изданія записокъ появились на французскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Memoires du marechal Berwick, ecrits par lui même—2 t. Испанскій посолъ при Русскомъ дворѣ, герцогъ де Лиріа, не имѣлъ при своей фамиліи прибавки: „де Бервикъ". Герцогомъ Бервикъ назывался его отецъ, а полная фамилія посла была: герцогъ де Лиріа и де Херико, (Duc de-Liria et de Xerico), графъ Финмутъ, баронъ де Босвортъ. Такъ называетъ его испанскій король Филиппъ V въ своей подлинной отзывной грамотѣ отъ 15 іюня 1730, которая хранится въ Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Св. IX, тетр. № 6).

2) Г. В. Есиповъ дозволилъ мнѣ сдѣлать извлеченія изъ приготовляемой имъ къ печати статьѣ: „Княгиня Аграф. Петр. Волконская", составленной на основаніи архивнаго матеріала. До сихъ поръ любопытная для характеристики придворно-шляхетскихъ нравовъ переписка княгини Волконской была извѣстна только по отрывкамъ изъ ея дѣла

находящимся у Арсеньева (Царствованіе Петра II, с. 25, 26, примѣч. 19, 21; с. 40, примѣч. 29, 30; с. 58, 60, примѣч. 37, 38; с. 78; примѣч. 78) и С. М. Соловьева (въ его статьѣ: А. П. Бестужевъ-Рюминъ, Р. Рѣчь 1861, №№ 4 и 77 и Исторія Россіи, т. XIX, гл. I и II.). Г. В. Есиповъ, кромѣ того, передалъ въ мое распоряженіе нѣкоторыя свои извлеченія: a) изъ писемъ А. П. Бестужева-Рюмина 1727 г. —b) изъ дѣла 1732 года о письмѣ съ „пунктами", предложенными Аннѣ Іоанновнѣ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, которое было найдено у московскаго священника Ивана Федорова. — c) изъ переписки С. А. Салтыкова 1737 года о книгахъ кн. Д. М. Голицына.

3) Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій дозволилъ мнѣ сличить двѣ политическія записки Татищева, напечатанныя Погодинымъ (Сборникъ „Утро" 1859, с. 369—388) съ своими списками, находящимися въ двухъ рукописныхъ сборникахъ in fol. подъ заглавіемъ: „Историческія бумаги" (т. 8 и 12). Обѣ записки Татищева въ этихъ сборникахъ, *первая*—„Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ" и *вторая*: „о правильномъ раздѣленіи Россіи на губерніи и о необходимости Русскаго Географическаго Словаря"—находятся въ новыхъ, современныхъ намъ, копіяхъ (почеркъ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія), но представляютъ любопытные варіанты къ тексту, напечатанному Погодинымъ, и во многихъ мѣстахъ исправляютъ его ошибки.

4) Л. Н. Майковъ передалъ въ мое распоряженіе нѣкоторыя изъ принадлежащихъ ему бумагъ, представляющія любопытныя данныя для внутренней исторіи Россіи первой половины XVIII в.

5) Ю. Ѳ. Штендманъ сообщилъ мнѣ извлеченія изъ неизданныхъ копій съ депешъ нѣмецко-цесарскихъ,—посла, гр. Вратислава, и резидента Гогенгольцера и прусскаго посланника Акселя Мардефельда, снятыхъ въ государственныхъ архивахъ вѣнскомъ и берлинскомъ для Императорскаго Русскаго Историческаго общества.

Кромѣ исчисленныхъ сообщеній рукописнаго матеріала, мнѣ было обѣщано содѣйствіе для полученія извлеченій изъ донесеній пословъ шведскихъ и датскихъ и англійскихъ резидентовъ при дворѣ императрицы Анны Іоанновны изъ архивовъ стокгольмскаго, копенгагенскаго и лондонскаго,

Но и этимъ не исчерпывается то просвѣщенное внима- маніе, которое я встрѣтилъ въ Петербургѣ и Москвѣ среди ученыхъ спеціалистовъ. Иные изъ нихъ предоставили въ мое распоряженіе свои выписки—плодъ многолѣтнихъ занятій, (какъ напр. А. П. Барсуковъ—собранные имъ матеріалы для біографіи князя Д. М. Голицына), другіе снабжали меня изъ своихъ библіотекъ печатными, рѣдкими и малодоступными, монографіями, русскими и иностранными (Л. Н. Майковъ и С. Н. Шубинскій).

Не могу обойти молчаніемъ и своихъ бесѣдъ съ спеціалистами. Живой обмѣнъ мыслей въ частномъ разговорѣ иной разъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ кропотливыя справки въ нѣсколькихъ томахъ книгъ. Освѣщеніе вопроса съ другой стороны, указаніе на новые источники, совѣтъ обратить вниманіе на тѣ подробности, которыя ускользали при моемъ собственномъ изученіи источниковъ и т. п., при самомъ тепломъ, искреннемъ участіи къ моимъ занятіямъ—все это не могло не дѣйствовать на меня живительно, не могло не увеличивать моей энергіи и стойкости въ трудѣ.

Съ чувствомъ глубочайшей и искренней благодарности считаю я особо отраднымъ для меня долгомъ припомнить совѣты и указанія академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота и С. М. Соловьева; профессоровъ: К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго; Л. Н. Майкова и А. Н. Пыпина,—а также выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ, сообщившимъ мнѣ изданные и неизданные источники и способствовавшимъ успѣху моихъ занятій въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Во всѣхъ архивахъ и въ отдѣленіяхъ Императорской Публичной библіотеки я встрѣчалъ предупредительное вниманіе, какъ со стороны гг. завѣдующихъ, такъ и лицъ имъ подвѣдомственныхъ. Только благодаря этому вниманію, я могъ въ столь короткій срокъ ознакомиться съ такой массой матеріала.

Приложеніе требованій строгой исторической критики къ разсмотрѣнному мною и невполнѣ обслѣдованному матеріалу, изученіе общедоступныхъ, печатныхъ, источниковъ и сопоставленіе ихъ свидѣтельствъ съ данными, вновь мною добытыми—вотъ задачи, которыя я себѣ поставилъ при научномъ анализѣ моихъ источниковъ. А источники исторіи цар-

ствованія Анны Іоанновны насущно нуждаются въ критической обработкѣ. Массу ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, пришлось мнѣ встрѣтить въ сужденіяхъ, какъ объ источникахъ, такъ и о событіяхъ этого царствованія. Впрочемъ, такое явленіе весьма понятно. До послѣдняго почти времени большинство фактическихъ подробностей вообще изъ исторіи всей эпохи отъ смерти Петра Великаго до воцаренія Екатерины II и даже сужденія о лицахъ и о событіяхъ этой эпохи—почерпались изъ иностранныхъ компиляцій весьма сомнительной достовѣрности. Только какихъ нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ сталъ появляться болѣе достовѣрный матеріалъ, какъ въ спеціальныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ посвященныхъ исторіи XVIII в. („Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.", „Русскій Архивъ", „Русская Старина", „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества" и нѣкотор. друг.), такъ и въ общихъ журналахъ. Мемуары, дневники, воспоминанія, частныя переписки — въ изобиліи находили себѣ мѣсто на ихъ страницахъ, но большею частію безъ тщательной критической провѣрки. Еще позже сталъ понемногу выплывать на свѣтъ Божій архивный матеріалъ оффиціальнаго характера, но и онъ выплывалъ въ клочкахъ, въ отрывкахъ, иногда въ невѣрныхъ копіяхъ и въ неполныхъ извлеченіяхъ. Это объясняется тѣмъ, что архивныя выписки являлись въ печать въ большинствѣ случаевъ изъ частныхъ собраній. Въ государственные архивы доступъ былъ и остался весьма труденъ, и немногимъ удавалось туда проникнуть. Получивъ этотъ доступъ, я тѣмъ болѣе осмотрительно и строго отнесся, какъ къ себѣ лично, такъ и къ научному изслѣдованію архивнаго матеріала. При устраненіи недостовѣрныхъ свѣдѣній, иностранные источники дали мнѣ также достаточный запасъ довольно важныхъ, смѣю думать, малоизвѣстныхъ, данныхъ. Научная разработка исторіи всего нашего XVIII в. только наступаетъ, и я почту себя вполнѣ счастливымъ, если результаты моихъ работъ по исторіи царствованія Анны Іоанновны послужатъ корректурными листами для будущаго историка этого царствованія.

Въ настоящее время, дополнивъ матеріалъ собранный мною въ С. Петербургѣ и Москвѣ, печатными, общеизвѣстными источниками — я остановился въ моихъ изслѣдованіяхъ на слѣдующихъ вопросахъ изъ царствованія Анны Іоанновны и ближайшихъ къ нему эпохъ:

1) Политическія воззрѣнія русскаго шляхетства въ первую половину XVIII в.

2) Воцареніе Анны Іоанновны.

3) Дѣятельность кн. Д. М. Голицына.

4) Историческая и политическая роль князей Долгорукихъ въ связи съ исторіей борьбы русскихъ людей съ Нѣмцами-правителями въ царствованіе Анны Іоанновны.

5) Критическій разборъ малоизвѣстныхъ иностранныхъ источниковъ исторіи этого царствованія.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ я надѣюсь обработать въ скоромъ времени для диссертаціи на степень доктора Русской исторіи.

Д. А. Корсаковъ.

Казань,
15 ноября 1878 г.

ПРОТОКОЛЪ

І-ГО ГОДИЧНАГО ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

28 Сентября 1878 г.

Присутствовали: 19 дѣйствительныхъ членовъ и значительное количество постороннихъ посѣтителей.

1) Секретарь Общества Н. Ѳ. Высоцкій прочелъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1877—78 академ. годъ. Мм. Гг.! Дѣятельность нашего Общества, какъ Вамъ извѣстно, началась со второй половины декабря прошлаго 1877 г. Четыре лѣтнихъ мѣсяца Общество не имѣло засѣданій, слѣдовательно этотъ первый отчетъ охватываетъ очень короткій періодъ времени въ 5 мѣсяцевъ.

Въ этотъ періодъ Общество состояло изъ 53 членовъ; изъ нихъ—почетныхъ 3 и дѣйствительныхъ 50; живущихъ въ Казани—48 и иногородныхъ 5.

Общество имѣло 5 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ гг. членами сдѣлано 6 ученыхъ сообщеній, а именно:

1) *К. А. Арнштейномъ* и *А. Н. Соловьевымъ*—Mola hydatidosa incipiens.

2) *М. Ф. Болдыревымъ*—Polypus laryngis multiplex.

3) *Н. А. Виноградовымъ*—Два случая Febris intermittens larvatae.

4) *Н. Ѳ. Высоцкимъ*—Лимфатическая система обволакивающихъ апоневрозовъ.

5) *А. Н. Соловьевымъ*—Изъ Лихачевскаго родильнаго отдѣленія. І. Случай остановки кровотеченія послѣ родовъ введеніемъ кусковъ льда въ полость матки. ІІ. О сшиваніи промежности посредствомъ кэтъ-гутъ.

6) *А. Я. Щербаковымъ*—Къ вопросу о дѣйствіи желудочнаго сока на фибринъ. Предварительное сообщеніе.

Нѣкоторые изъ этихъ сообщеній вызвали довольно оживленные дебаты въ Обществѣ.

Въ истекшемъ году кромѣ того были подняты въ Обществѣ и поставлены на очередь нѣкоторые вопросы относительно болѣзненности въ городѣ, а именно: И. М. Гвоздевымъ „О случаяхъ Сибирской язвы наблюдавшихся въ Казани" и мною „Объ изученіи перемѣжающейся лихорадки". Проэктъ программы для изученія ея былъ одобренъ Обществомъ и согласно постановленію его напечатанъ во 100 отдѣльныхъ оттискахъ для разсылки врачамъ города и губерніи.

Кромѣ напечатанныхъ научныхъ матеріаловъ Общество имѣетъ еще въ запасѣ трудъ *В. М. Флоринскаго* о старинныхъ русскихъ лечебникахъ и травникахъ, и *М. Ф. Болдырева*—письмо изъ С.-Стефано—о положеніи врачей и госпиталей дѣйствующей арміи. Печатаніе труда В. М. Флоринскаго, по желанію его, пока отложено; письмо-же *М. Ф. Болдырева* получено мною въ вакаціонное время и еще не могло быть доложено Обществу.

Наши Протоколы и Труды, согласно предложенію г. Редактора Университетскихъ Извѣстій и Ученыхъ Записокъ профессора Осипова и благодаря согласію Совѣта Университета, печатаются въ Университетскомъ Журналѣ, причемъ Обществу предоставляется безплатно 350 экземпляровъ Трудовъ и Протоколовъ ежегодно и кромѣ того 50 печатныхъ листовъ для отдѣльныхъ оттисковъ.

Свѣдѣнія о состояніи библіотеки Общества:

Въ библіотекѣ Общества до декабря прошлаго года имѣлось 1081 названіе книгъ, брошюръ и журналовъ. Съ декабря до настоящаго сентября мѣсяца поступило: 31 диссертаціи изъ всѣхъ отечественныхъ Университетовъ и Медико-Хирургической Академіи. Отдѣльныхъ книгъ и брошюръ 8; кромѣ того, протоколы и труды 11 Медицинскихъ Обществъ, а именно: Варшавскаго, Витебскаго, Виленскаго, Тамбовскаго, Тульскаго, Русскихъ врачей въ Москвѣ, Московскаго Медицинскаго Общества, Московскаго Хирургическаго Общества, Харьковскаго Медицинскаго Общества, Кавказскаго Медицинскаго Общества и Общества Морскихъ врачей въ Кронштадтѣ. Ученыя Записки и Извѣстія всѣхъ Русскихъ Университетовъ и Медико-Хирургической Академіи. Труды Обществъ Естествоиспытателей: С.-Петербургскаго, Казанскаго, Кіевскаго, Рижскаго и Одесскаго. Про-

токолы труды и отчеты 3 Земскихъ Управъ и Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и 1 Медицинскій журналъ.

2) По прочтеніи отчета Предсѣдатель обратился къ Обществу съ слѣдующими словами: Мм. гг.! Изъ отчета г. Секретаря Вы вѣроятно уже усмотрѣли, что дѣятельность Общества въ истекшемъ, первомъ году его существованія не отличалась особенною оживленностію.—Засѣданія Общества были далеко не многолюдны, научныя сообщенія не многочисленны. Общество собиралось только разъ въ мѣсяцъ. Это явленіе объясняется отчасти новизною дѣла. Многіе еще присматриваются къ дѣятельности Общества, вмѣсто того чтобъ принимать дѣятельное участіе, выжидают вмѣсто того чтобъ дѣйствовать. Надо надѣяться, что гг. врачи замѣнятъ этотъ экспектативный методъ (имѣвшій можетъ быть первое время нѣкоторое основаніе), пріемами болѣе дѣйствительными и этимъ дадутъ Обществу возможность окрѣпнуть и рости.

Кромѣ того, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, принадлежащіе къ числу самыхъ дѣятельныхъ врачей, отсутствовали въ прошломъ году, исполняя патріотическій долгъ за Балканами и на Кавказѣ. Въ настоящее время они вернулись и надо надѣяться, что они подѣлятся съ нами своими наблюденіями. Я увѣренъ, что ихъ сообщенія будутъ настолько же интересны и поучительны, насколько плодотворна была ихъ дѣятельность во время войны.

Наконецъ нельзя не указать на то, что наши клиницисты до сихъ поръ большею частію уклонялись отъ дѣятельнаго участія въ трудахъ Общества. Въ нашихъ изданіяхъ Вы не найдете ни одного клиническаго отчета. Клиническая дѣятельность нашихъ товарищей прошла для Общества безслѣдно, а между тѣмъ Общество, состоящее при Университетѣ, имѣетъ нѣкоторое нравственное право расчитывать на этотъ матеріалъ. Я впрочемъ не теряю надежды, что гг. клиницисты откроютъ намъ свою сокровищницу и что сообщенія ихъ будутъ украшать страницы нашихъ протоколовъ. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что ученыя Общества уже по существу своихъ занятій и цѣлей только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ расчитывать на быстрый ростъ и блестящую внѣшнюю обстановку, т. е. на значительное число членовъ и многотомныя ежегодныя изданія.

Послѣ пятимѣсячной дѣятельности нельзя еще судить о томъ насколько наше Общество удовлетворяетъ требованіямъ научной медицины, насколько оно оправдало надежды тѣхъ которые желали видѣть въ Обществѣ врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ—корпорацію сознательно и неуклонно идущую къ научнымъ цѣлямъ. Что касается меня, то я вѣрю въ будущность Общества, потому что вѣрю въ свѣтлую будущность русской науки, потому что сознаю высокое значеніе Казанскаго Университета въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа.

3) Произведены выборы Предсѣдателя и Секретарей записками. Предсѣдателемъ избранъ К. А. Арнштейнъ 16 голосами, Секретарями: Н. Ѳ. Высоцкій 18 голосами и М. А. Падаринъ 10 голосами.

4) Въ члены Ревизіонной Коммиссіи избраны записками-же: И. М. Гвоздевъ, Д. С. Ермолаевъ и А. Н. Соловьевъ.

Предсѣдатель *К. Арнштейнъ*

Секретарь *Н. Высоцкій.*

ПРОТОКОЛЪ

6-ГО ОЧЕРЕДНАГО ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

6 Октября 1878 г.

Въ засѣданіи присутствовало: 21 дѣйствительный членъ и 16 постороннихъ посѣтителей.

1) Читанъ и утверждалъ протоколъ I-го годичнаго засѣданія Общества.

2) Членъ Ревизіонной Коммисіи И. М. Гвоздевъ заявилъ, что, по повѣркѣ приходо-расходной книги Общества, всѣ счеты оказались правильными и согласными съ наличностью.

3) Секретарь доложилъ, что въ Общество поступило 13 прошеній отъ студентовъ медицинскаго факультета о помѣщеніи ихъ на вакантную стипендію Д. С. С. Л. В. Роттштейна. Прошенія поданы слѣдующими лицами: 2 курса—Рождественскимъ Михаиломъ. 3 курса—Богоявленскимъ Иваномъ, Тараткевичемъ Михаиломъ, Виноградовымъ Василіемъ, Покровскимъ Андреемъ, Ершовымъ Сергѣемъ и Боголюбовымъ Николаемъ. 4 курса—Никольскимъ Петромъ, Свенцицкимъ Евгеніемъ, Печоркинымъ Евгеніемъ, Неболюбовымъ Василіемъ, Благовидовымъ Иваномъ и 5 курса—Скамницкимъ Павломъ.

Изъ числа этихъ 13 претендентовъ двое—студентъ 3 к. Богоявленскій Иванъ и 4 к. Никольскій Петръ, едва-ли могутъ имѣть права на полученіе стипендіи Роттштейна, такъ какъ они уже состоятъ казенными стипендіатами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Секретарь представилъ средніе выводы изъ отмѣтокъ полученныхъ претендентами на переводныхъ испытаніяхъ прошедшаго года.

Послѣ этаго нѣкоторыми членами Общества было заявлено, что для сужденія о правахъ претендентовъ на стипендіи было-бы правильнѣе не довольствоваться только отмѣтками за одинъ академ. годъ, но имѣть свѣденія объ успѣхахъ этихъ лицъ за все время пребыванія ихъ въ Университетѣ. Кромѣ того было-бы не лишнимъ собрать свѣденія о томъ не оставался-ли кто нибудь изъ претендентовъ по 2 года въ однимъ курсѣ и если оставался, то по какимъ причинамъ. По обсужденіи этаго заявленія *постановлено*:

а) Отложить дѣло о стипендіи Д. С. С. Л. В. Роттштейна до слѣдующаго засѣданія.

б) Поручить Секретарю собрать свѣденія объ успѣхахъ претендентовъ за все время ихъ пребыванія въ Университетѣ, а также о томъ не оставался-ли кто либо изъ нихъ по 2 года въ одномъ курсѣ и если оставался, то по какимъ причинамъ.

4) Секретарь Общества Н. Ѳ. Высоцкій внесъ слѣдующія предложенія. Способъ который мы доселѣ практиковали при избраніи стипендіатовъ, по моему мнѣнію, совершенно неудовлетворителенъ, по тому что не гарантируетъ Обществу избраніе дѣйствительно достойнѣйшихъ, изъ кандидатовъ. Мы руководились доселѣ при избраніи только экзаменаціонными отмѣтками. Но большинство изъ насъ, преподавателей Университета, полагаю, согласится со мною, что отмѣтка на экзаменѣ, къ сожалѣнію, очень часто, вовсе не опредѣляетъ степени знанія и усердія экзаменующагося, а есть дѣло случая. Кромѣ того и отмѣтки представляемыя претендентами обыкновенно отличаются одна отъ другой лишь ничтожными дробями. На этомъ основаніи мнѣ кажется было-бы правильнѣе отъискать какой нибудь другой, болѣе основательный, способъ сужденія о „предшествующемъ образованіи кандидата", которое, по § 5 стипендіальныхъ правилъ, должно руководить Обществомъ при избраніи стипендіатовъ. Наилучшимъ матеріаломъ для такого сужденія были-бы письменныя работы на темы назначаемыя Обществомъ. Выборъ темъ желательно было-бы согласовать съ главною цѣлью Общества—„изученіемъ мѣстныхъ болѣзненныхъ формъ" (§ 5 Устава Общества). Если бы это мое предложеніе было принято, то Общество могло-бы заблаговременно назначать темы и публиковать объ нихъ. Письменныя работы на эти темы могли-бы быть представляемы въ Общество, напр. за 1 мѣ-

сяцъ до лѣтнихъ вакацій. Такимъ образомъ всѣ члены Общества могли-бы ознакомиться съ ними. Кромѣ того Общество могло-бы назначать коммиссіи для ихъ разбора. Имѣя такіе матеріалы, рядомъ съ требуемыми стипендіальными правилами отмѣтками и другими документами, Общество могло-бы несравненно основательнѣе чѣмъ теперь обсуждать относительные достоинства претендентовъ и дѣлать дѣйствительно правильные выборы.

Кромѣ этого моего предложенія, будетъ-ли оно принято или нѣтъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе Общества на необходимость пополнить стипендіальные правила еще нѣсколькими частными постановленіями, а именно:

1) Лица пользующіеся стипендіями Д. С. С. Л. В. Роттштейна обязаны ежегодно представлять Обществу экзаменаціонныя отмѣтки и удостовѣренія о поведеніи, такъ какъ при неудовлетворительности тѣхъ и другаго, на основаніи § 7 стипендіальныхъ правилъ, можетъ быть возбужденъ въ Обществѣ вопросъ о смѣщеніи стипендіатовъ.

2) Лица желающіе получить вакантную стипендію обязаны представлять въ Общество при прошеніи всѣ требуемые стипендіальными правилами документы, а именно: а) свидѣтельство о бѣдности, б) свидѣтельство объ успѣхахъ за все время пребыванія ихъ въ Университетѣ, подписанное Деканомъ или Секретаремъ медицинскаго факультета и в) удостовѣреніе о поведеніи отъ Проректора. Не представившіе всѣхъ этихъ документовъ не будутъ допускаемы къ баллотировкѣ въ Обществѣ.

Е. В. Адамюкъ, по поводу перваго предложенія Н. Ѳ. Высоцкаго, сказалъ, что онъ не можетъ съ нимъ согласиться уже потому, что письменныя работы не требуются стипендіальными правилами. Онъ считаетъ совершенно достаточнымъ руководствоваться при избраніи одними отмѣтками.

В. М. Флоринскій сказалъ, что требовать отъ лицъ желающихъ получить стипендію и удовлетворительныхъ отмѣтокъ и такихъ-же письменныхъ работъ—значило-бы требовать черезъ чуръ многаго. Что нибудь одно—или то, или другое. Онъ-бы болѣе стоялъ за отмѣтки.

А. Я. Щербаковъ сказалъ, что по его мнѣнію руководиться сочиненіями было-бы самое правильное. По освобожденіи стипендій нынѣшнихъ кандидатовъ желающіе получить

ихъ имѣютъ $1\frac{1}{2}$ или 2 года въ своемъ распоряженіи— время совершенно достаточное для исполненія работы. Что касается до полученія стипендій по сочиненіямъ, то мы уже имѣемъ тому примѣръ въ стипендіи покойнаго Наслѣдника-Цесаревича. Принятіе предложенія Н. Ѳ. Высоцкаго было-бы весьма желательно такъ какъ спеціальныя работы съ одной стороны были-бы полезны для самихъ студентовъ, а съ другой Общество получило-бы возможность судить о стипендіатахъ не по случайнымъ отмѣткамъ, а по ихъ сочиненіямъ.

И. М. Гвоздевъ сказалъ, что онъ не допускалъ-бы для студентовъ никакихъ сочиненій такъ какъ они отнимаютъ только время отъ обязательныхъ занятій.

Н. О. Ковалевскій сказалъ: я поддерживаю первое предложеніе Н. Ѳ. Высоцкаго тѣмъ болѣе, что стипендіи находятся въ рукахъ ученаго Общества. Принявши это предложеніе, при обсужденіи достоинства кандидатовъ, оно могло-бы руководиться не факультетскими отмѣтками, но объективными данными, о которыхъ оно само можетъ судить. Такимъ образомъ всѣ члены Общества, а не одни только члены медицинскаго факультета становятся компетентными лицами. Если-же руководиться только отмѣтками, то было-бы правильнѣе передать выборъ стипендіатовъ медицинскому факультету. Иначе для меня не понятна вся эта процедура.

Н. А. Виноградовъ: я примыкаю къ мнѣнію И. М. Гвоздева. На нашемъ факультетѣ и безъ того уже много поводовъ къ спеціальнымъ занятіямъ, и между тѣмъ для образованія врачей необходима извѣстная равномѣрность въ изученіи всѣхъ отраслей медицинскихъ знаній. Этимъ правиломъ поддерживалась-бы неравномѣрность образованія.

Н. О. Ковалевскій думаетъ, что письменныя работы на заданную тему представляются однимъ изъ наиболѣе развивающихъ педагогическихъ методовъ. Они вовсе не влекутъ за собой необходимо узкой, односторонней спеціализаціи, такъ какъ всякое разумное занятіе извѣстной спеціальностью развиваетъ работающаго вообще и подготовляетъ къ другимъ спеціальностямъ.

Н. А. Виноградовъ сказалъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ Ковалевскаго вообще. Но всякая спеціальная работа требуетъ извѣстнаго количества времени, которое идетъ неизбѣжно въ ущербъ другимъ обязательнымъ занятіямъ. Несомнѣнно, что спеціальныя работы дѣйствуютъ развиваю-

щимъ образомъ, но цѣль университетскаго образованія не одно развитіе, а и снабженіе лица извѣстнымъ запасомъ свѣденій необходимыхъ для его дальнѣйшей практической дѣятельности.

В. М. Флоринскій сказалъ: принявъ письменныя работы мы бы лишали стипендій студентовъ I и II курсовъ, которые по своему развитію еще не далеко ушли отъ гимназистовъ и потому не могли-бы выдерживать конкуренціи съ студентами высшихъ курсовъ.

А. Я. Щербаковъ замѣтилъ, что при выдачѣ стипендій онъ всегда-бы предпочиталъ студентовъ высшихъ курсовъ.

Предсѣдатель, указывая на то что предметъ обсужденія уже достаточно исчерпанъ, предложилъ голосовать первое предложеніе Н. Ѳ. Высоцкаго.

Предложеніе это отвергнуто 16 голосами противъ 5.

Остальныя два предложенія приняты единогласно.

Постановлено: извѣстить о принятыхъ правилахъ Совѣтъ Университета и просить его объ ихъ утвержденіи законнымъ порядкомъ.

5) *М. А. Падаринъ* спросилъ: на какомъ основаніи двое изъ подавшихъ прошеніе, казенные стипендіаты, лишаются правъ на баллотировку. Одинъ изъ нихъ просилъ г. Падарина заявить, что онъ отказался бы отъ казенной стипендіи если-бы былъ выбаллотированъ на стипендію Ротштейна.

Предсѣдатель заявилъ, что такая баллотировка противорѣчила-бы стипендіальнымъ правиламъ, такъ какъ казенный стипендіатъ уже обезпеченъ его стипендіею.

6) Секретарь доложилъ, что въ Общество получно отношеніе Директора Императорской Казанской первой гимназіи, отъ 13 Сентября за № 753, которымъ онъ, на основаніи пункта 3 правилъ о стипендіяхъ Д. С. С. Л. В. Ротштейнъ, проситъ объ избраніи „троихъ изъ приходящихъ учениковъ гимназіи впредь до окончанія ими курса, съ выдачею по 30 р. въ годъ каждому, съ тѣмъ что-бы оставшіеся за тѣмъ отъ стипендіальной суммы (2000 руб.) проценты, въ количествѣ 10 руб., выдавать имъ же ежегодно по-ровну на книги.“ При этомъ Секретарь представилъ и полученный имъ отъ г. Директора списокъ 10 наиболѣе нуждающихся учениковъ гимназіи.

Постановлено: назначить стипендіатами Д. С. С. Л. В. Роттштейнъ въ Императорской Казанской первой гимназіи

воспитанниковъ: V класса Кузнецова Θедора и Лалетина Михаила и IV класса Некрасова Владимира, о чемъ и увѣдомить г. Директора этой гимназіи.

7) Секретарь доложилъ, что въ вакаціонное время, получены имъ, на имя Общества, отъ Медицинской Коммиссіи Комитета Антропологической выставки, состоящаго при Императорскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, программы собиранія предметовъ для антропологической выставки, по медицинскому отдѣлу. Программы эти очевидно могли быть доложены Обществу только въ нынѣшнемъ первомъ, послѣ ваката, очередномъ засѣданіи. Кромѣ того Предсѣдатель получилъ отъ той-же Коммиссіи письмо, за № 983 отъ 23 сентября, слѣдующаго содержанія: Милостивый Государь! Весной текущаго года Медицинская Коммиссія, состоящая при Комитетѣ Антропологической выставки въ Москвѣ, уже имѣла честь обращаться въ Общество, въ которомъ Вы состоите предсѣдателемъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать ей въ своемъ просвѣщенномъ и сочувственномъ содѣйствіи для собиранія свѣденій и предметовъ къ антропологической выставкѣ, устраиваемой въ Москвѣ весной слѣдующаго года. Къ сожалѣнію Коммиссія до сихъ поръ не получила отвѣта на свое приглашеніе. Полагая, что это могло произойдти отъ какой либо случайной не аккуратности почты, Коммиссія позволяетъ себѣ вновь и на этотъ разъ уже лично къ вамъ обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ, прося передать его въ свою очередь членамъ вашего многоуважаемаго Общества.

Коммиссія не сомнѣвается, что какъ представитель почтеннаго ученаго Общества Вы съ своей стороны употребите всѣ условія для возможнаго осуществленія изложенной просьбы; но конечно одному трудно сдѣлать многое, а въ такомъ случаѣ кромѣ личнаго своего участія не найдете-ли возможнымъ заинтересовать въ пользу готовящейся выставки цѣлый кружокъ своихъ сотоварищей, составивъ такимъ образомъ изъ нихъ какъ-бы особую Коммиссію по примѣру нѣкоторыхъ Московскихъ медицинскихъ Обществъ. Такого рода Коммиссія, принявъ на себя добровольно опредѣленную работу и заботу, безъ сомнѣнія съ большимъ успѣхомъ могла-бы содѣйствовать собиранію того интереснаго и разнообразнаго матеріала который могъ-бы представлять для упомянутой цѣли вашъ край. Само собой понятно, что чѣмъ

больше похлопочатъ члены Вашего Общества для выставки, тѣмъ большее русское спасибо получатъ они отъ Комитета выставки, который кромѣ того располагаетъ и другими средствами поощренія своихъ экспонентовъ. Но такое сотрудничество безспорно принесетъ большую честь каждому врачу и прямо лишь своимъ участіемъ въ полезномъ, всероссійскомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Коммиссія имѣетъ честь просить Васъ снова передать въ Общество тѣ программы по которымъ собираніе свѣденій и предметовъ для выставки было-бы наиболѣе желательнымъ, а также статью „Объ участи врачей въ антропологической выставкѣ", знакомящую съ главнѣйшими вопросами Антропологіи, въ которыхъ врачи могли-бы служить дѣлу выставки съ большею компетентностью. Кромѣ данныхъ намѣченныхъ въ программахъ, на выставкѣ могутъ имѣть мѣсто и другія свѣденія и предметы указываемые спеціалистами медицины и имѣющіе отношеніе къ основной задачѣ антропологіи—изученію физическихъ и физіологическихъ свойствъ и особенностей человѣческихъ рассъ и т. п. О послѣдующемъ Медико- Антропологическая коммиссія покорнѣйше проситъ Васъ почтить ее своимъ увѣдомленіемъ по слѣдующему адресу: Московская дѣтская больница, Главному Доктору Егору Арсеньевичу Покровскому. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Предсѣдатель медико-антропологической коммиссіи Е. Покровскій.

Полагая, что Общество не можетъ не сочувственно отнестись къ этому дѣйствительно полезному предпріятію, сказалъ Секретарь, я вошелъ въ переговоры съ нѣкоторыми членами Университета и частными лицами, интересующимися успѣхами Антропологіи и Этнографіи въ нашемъ отечествѣ, и пришелъ къ убѣжденію, что Общество наше, при содѣйствіи другихъ ученыхъ Обществъ и музеевъ при Университетѣ состоящихъ, а также и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, могло-бы представить на выставку довольно обширный и въ высокой степени интересный матеріалъ для Антропологіи и Этнографіи нашей мѣстности, а можетъ быть и вообще восточной полосы Россіи. Поэтому я-бы предложилъ Обществу принять посильное участіе въ дѣлѣ устройства выставки. Для этой цѣли всего удобнѣе было-бы назначить особую коммиссію, которой и поручить заняться разработкой этаго вопроса, пригласивъ къ участію представителей Общества Естествоиспытателей и другихъ лицъ, которыхъ она найдетъ нужнымъ.

Постановлено: составить Коммиссію изъ гг. Ермолаева, Маліева, Толмачева и Высоцкаго, предоставивъ ей войдти въ сношенія съ Обществомъ Естествоиспытателей, а также и другими учеными Обществами и лицами, по ея усмотрѣнію.

8) А. Н. Соловьевъ сдѣлалъ: 1) краткое сообщеніе о полипѣ матки и 2) извлеченіе изъ представленнаго имъ въ Общество подробнаго „2-го отчета по Лихачевскому родильному отдѣленію" ([1]).

По поводу втораго собщенія возникли слѣдующіе дебаты.

В. М. Флоринскій. Я позволилъ-бы себѣ не согласиться съ вашимъ мнѣніемъ относительно вліянія ранняго вставанія на послѣродовыя болѣзни. Ваши примѣры едва-ли выясняютъ дѣло. Измѣренія продольнаго діаметра матки не есть измѣренія всей матки; а слѣдовательно и ваши заключенія объ инволюціи матки едва-ли основательны. Кромѣ того нужно принять въ соображеніе, что при слабости маточныхъ связокъ послѣ родовъ и значительной тяжести самой матки она очень легко можетъ опуститься при вставаніи родившей, а слѣдовательно и самыя цифры полученныя вами относительно длины матки едва-ли могутъ служить истиннымъ ее выраженіемъ.

А. Н. Соловьевъ отвѣчалъ, что онъ не утверждаетъ положительно чтобы инволюція при раннемъ вставаніи родильницъ совершалась быстрѣе чѣмъ при лежаніи, такъ какъ доселѣ еще не обладаетъ достаточнымъ количествомъ необходимыхъ фактовъ, а указываетъ лишь предположительно, что „раннее вставаніе.... *повидимому* благопріятствуетъ инволюціи".

В. М. Флоринскій. Что касается другаго положенія Вашего, что у крестьянокъ будто-бы болѣзни матки наблюдаются рѣже чѣмъ у женщинъ высшихъ классовъ общества, то и съ нимъ едва-ли можно согласиться. Судя по довольно значительному количеству женщинъ приходившихъ въ мою амбуляторію въ Петербургѣ, а также въ здѣшнюю Акушерскую клинику я долженъ придти скорѣе къ обратному заключенію, т. е. что количество больныхъ маточными болѣзнями женщинъ въ нисшихъ классахъ общества гораздо больше чѣмъ въ высшихъ. Кромѣ того я долженъ прибавить, что для ранняго вставанія родильницъ нѣтъ и ана-

---

([1]) Отчетъ этотъ возвращенъ А. Н. Соловьеву, согласно его желанію, и потому не можетъ появиться въ трудахъ Общества.

томическихъ основаній. Матка послѣ родовъ тяжела, рыхла, легко можетъ опускаться и вы, дозволяя раннее вставаніе, можете искуственно вызвать массу заболѣваній.

А. Н. Соловьевъ. Абсолютно большее количество больныхъ женщинъ низшихъ классовъ еще ни чего не доказываетъ такъ какъ и количество этихъ женщинъ вообще значительно превышаетъ количество женщинъ высшихъ слоевъ общества. Что-же касается указываемыхъ вами анатомическихъ основаній, то, руководясь ими, слѣдовало-бы ожидать при вставаніи скорѣе наклоненіе матки кпереди чѣмъ ея опущеніе, чего однако не наблюдается.

В. М. Флоринскій. Далѣе то обстоятельство, что женщины которымъ вы позволяли рано вставать чувствовали себя относительно хорошо еще не доказываетъ чтобы раннее вставаніе не вызвало у нихъ вредныхъ послѣдствій. Что въ деревняхъ встаютъ рано это всѣмъ извѣстно, но слѣдовать этому примѣру едва-ли основательно.

А. Н. Соловьевъ указалъ на то, что оставляя женщину въ постели продолжительное время мы такимъ образомъ ослабляемъ ее и мѣшаемъ инволюціи. Это-же подтверждаетъ и *Goodel*, наблюдавшій, что родильницы, лежащія въ постелѣ, чувствуютъ себя лучше на 5-й чѣмъ на 9-й день. Кромѣ того я опять повторяю, что я не берусь рѣшать положительно вопроса о раннемъ вставаніи и выдаю свои выводы лишь за весьма вѣроятные на томъ основаніи, что отъ ранняго вставанія я не наблюдалъ ни какихъ дурныхъ, а много хорошихъ послѣдствій.

В. М. Флоринскій: а я напротивъ скажу что дурныя послѣдствія этаго способа неизбѣжно будутъ только они не скажутся втеченіи тѣхъ 7 дней когда родильница находится подъ вашимъ наблюденіемъ, а можетъ быть черезъ 7 мѣсяцевъ или 7 лѣтъ.

А. Н. Соловьевъ. Бывши нѣсколько лѣтъ консультантомъ, по женскимъ болѣзнямъ, въ здѣшней лечебницѣ для приходящихъ, я имѣлъ возможность ежегодно видѣть около 1500 больныхъ женщинъ и обращалъ тщательное вниманіе на причины вызывавшія заболѣванія. Хотя свои страданія многія изъ нихъ и объясняли раннимъ вставаніемъ, но я не помню ни одного случая гдѣ бы рядомъ съ этимъ не существовало другихъ болѣе важныхъ, для происхожденія болѣзней, моментовъ, особенно подниманія различныхъ тяжестей—чугуновъ, ведеръ съ водою и т. п. Поэтому, между

прочимъ, я и говорю, что не раннее вставаніе само по себѣ вызываетъ послѣродовыя заболѣванія матки, а не рѣдко соединяющійся съ нимъ, особенно у небогатыхъ людей, неправильный режимъ родильницъ.

В. М. Флоринскій сказалъ: дозволеніе вставать родильницѣ съ постели на 2, 3 день послѣ родовъ, у небогатыхъ особенно классовъ общества, повлечетъ за собою, въ большинствѣ случаевъ, участіе женщины въ различныхъ домашнихъ работахъ и этимъ путемъ увеличитъ количество послѣродовыхъ заболѣваній. Мнѣ кажется акушеры должны бы настаивать чтобы женщины послѣ родовъ не только не вставали ранѣе 9 дней, но и не принимались за работы по крайней мѣрѣ 6 недѣль.

Н. А. Виноградовъ: практическое примѣненіе этаго правила составляетъ другой вопросъ. Здѣсь идетъ чисто теоритическое разсужденіе и при рѣшеніи его не нужно брать побочныхъ обстоятельствъ, каковы тяжелыя работы и т. п. При указаніяхъ на большее количество больныхъ женщинъ въ низшихъ классахъ возраженія А. Н. Соловьева о численномъ превосходствѣ этихъ женщинъ вообще передъ женщинами высшихъ классовъ должны быть несомнѣнно приняты во вниманіе.

И. М. Гвоздевъ сказалъ Соловьеву: вы принимаете, что количество околоплодныхъ водъ ежедневно равномѣрно увеличивается, но это едва-ли вѣрно,—равномѣрное прибываніе водъ ни кѣмъ не доказано, а слѣдовательно и расчетъ вашъ не вѣренъ.

Е. В. Адамюкъ спросилъ: такъ какъ по вашимъ наблюденіямъ оказывается, что вѣсъ младенцевъ мужескаго пола превосходитъ вѣсъ младенцевъ женскаго, количество-же околоплодныхъ водъ остается одинаковымъ, то нельзя-ли по вѣсу женщинъ опредѣлять кѣмъ онѣ беременны?

А. Н. Соловьевъ отвѣчалъ что на этотъ вопросъ онъ не обращалъ вниманія.

К. А. Арнштейнъ спросилъ Соловьева: не замѣтили-ли вы при различномъ режимѣ родильницъ, т. е. при классическомъ лежаніи или при раннемъ вставаніи, различія въ количествѣ послѣродовыхъ очищеній и продолжительности ихъ выдѣленія. Эти факты, если-бы они были подмѣчены, имѣли-бы важное значеніе для вопроса о послѣродовой инволюціи матки.

А. Н. Соловьевъ отвѣчалъ, что въ послѣднее время онъ обращалъ вниманіе на количество и продолжительность очищеній, но наблюденія его еще не такъ многочисленны чтобы онъ могъ сказать что нибудь положительное. *Goodel* говоритъ, что при раннемъ вставаніи уменьшаются кровянистыя выдѣленія, другіе нѣкоторые авторы указываютъ вообще на уменьшеніе при этомъ послѣродовыхъ очищеній.

В. М. Флоринскій сказалъ, что единственное обстоятельство говорящее въ пользу ранняго вставанія есть болѣе легкое выдѣленіе послѣродовыхъ очищеній.

М. А. Падаринъ сказалъ: акушеры смотрятъ на только-что родившую матку какъ на органъ понесшій сильное травматическое поврежденіе, а хирургія учитъ насъ, что такому органу, для возвращенія его къ нормѣ, первѣе всего необходимъ покой. Исходя изъ этой точки зрѣнія нельзя одобрить раннее вставаніе.

А. Н. Соловьевъ въ отвѣтъ В. М. Флоринскому сказалъ: уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ своемъ 1-мъ отчетѣ по Лихачевскому родильному отдѣленію онъ указывалъ на то, что раннее вставаніе благопріятствуетъ болѣе легкому и быстрому истеченію лохій. Что-же касается возраженія г. Падарина, то я разрѣшая раннее вставаніе стремлюсь избавить родильницу возможно скорѣе и совершеннѣе отъ разлагающихся отдѣленій, т. е. отъ самозараженія. При этомъ я вовсе не настаиваю чтобы женщина непремѣнно ходила; она ложится какъ только пожелаетъ. Такимъ образомъ покой матки едва-ли значительно нарушается.

9) Секретарь доложилъ письмо М. Ф. Болдырева полученное имъ изъ С.-Стефано въ минувшую вакацію.

Предсѣдатель *К. Арнштейнъ.*

Секретарь *Н. Высоцкій.*

ОТЧЕТЪ

О ХОДѢ ПОДПИСКИ НА СТИПЕНДІЮ ИМЕНИ ПОКОЙНАГО ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА Е. Ф. АРИСТОВА И О СОСТОЯНІИ СТИПЕНДІАЛЬНОЙ СУММЫ КЪ 1 НОЯБРЯ 1878 ГОДА.

Тотчасъ послѣ смерти заслуженнаго ординарнаго профессора анатоміи Евменія Филипповича Аристова, послѣдовавшей 26-го октября 1875 года, ученики и почитатели покойнаго, желая увѣковѣчить память о немъ, остановились на мысли учредить стипендію имени Е. Ф. Аристова при медицинскомъ факультетѣ казанскаго университета. Открытая между ними съ этою цѣлью частная подписка покрылась немедленно пожертвованіями на сумму около тысячи рублей, что дало имъ возможность, составивъ проэктъ положенія о стипендіи (см. „Извѣст. Казан. Унив". 1876. № 1. стр. 202), обратиться черезъ медицинскій факультетъ въ Совѣтъ университета съ просьбою о разрѣшеніи продолжать подписку. Согласно постановленію Совѣта, принятому въ засѣданіи его 22 ноября того же года, и по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ въ 23 день февраля 1876 года Высочайше соизволилъ на открытіе при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ подписки на стипендію имени заслуженнаго профессора Е. Ф. Аристова, причемъ г. министръ, согласно назначенію Совѣта университета предоставилъ нижеподписавшимся принимать поступающія пожертвованія.

На этомъ основаніи г. Ректоръ Университета обратился съ извѣщеніемъ объ открытіи подписки на стипендію къ гг. медицинскимъ инспекторамъ военныхъ округовъ, губернскимъ

медицинскимъ инспекторамъ и областнымъ врачамъ, начальникамъ медицинской части въ портахъ, главнымъ врачамъ военныхъ госпиталей, президентамъ медицинскихъ обществъ и ректорамъ университетовъ. До сихъ поръ получены отвѣты, большею частію съ присовокупленіемъ поступившихъ на стипендію денегъ, отъ слѣдующихъ изъ вышеупомянутыхъ лицъ:

1) отъ военно-медицинскихъ инспекторовъ округовъ: виленскаго, кіевскаго, одесскаго, харьковскаго, кавказскаго, оренбургскаго, западно-сибирскаго и восточно-сибирскаго (отъ 8 изъ 14);

2) отъ губернскихъ медицинскихъ инспекторовъ, областныхъ и губернскихъ врачей: астраханскаго, владимірскаго, волынскаго, вятскаго, елизаветпольскаго, калужскаго, кѣлецкаго, ломжинскаго, минскаго, оренбургскаго, плоцкаго, полтавскаго, псковскаго, симбирскаго, ставропольскаго, тамбовскаго, тверскаго, тульскаго, харьковскаго, эриванскаго, енисейскаго, иркутскаго, тобольскаго, томскаго, приморской области, забайкальскаго, уральскаго (отъ 27 изъ 73);

3) отъ начальниковъ медицинской части въ портахъ и флотиліяхъ: с.-петербургскаго, кронштадтскаго, черноморскаго и ревельскаго портовъ; флотилій: каспійской и аральской; ижорскаго морскаго госпиталя и отъ управленія флота генералъ-штабъ-доктора (отъ 8 изъ 10);

4) отъ главныхъ врачей военныхъ госпиталей и лазаретовъ: с.-петербурскихъ—клиническаго и семеновскаго, виленскаго, варшавскаго—уяздовскаго, кѣлецкаго, бендерскаго, керченскаго, тираспольскаго, херсонскаго, чугуевскаго, астраханскаго, московскаго, владикавказскаго, хасавъ-юртовскаго, темиръ-ханъ-шуринскаго, омскаго, иркутскаго, самаркандскаго, вѣрненскаго, ростовскаго на Дону и ишимскаго (т. е. отъ 21 изъ 54);

5) отъ президентовъ медицинскихъ обществъ: вятскаго, калужскаго, керченскаго, московскаго хирургическаго, тобольскаго физико-медицинскаго и морскихъ врачей въ Николаевѣ (т. е. отъ 6 изъ 47);

6) отъ ректора дерптскаго университета и гг. профессоровъ с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Разсматривая полученные до сихъ поръ результаты всей подписки, видно, что самое дѣятельное участіе въ ней принялъ Императорскій Казанскій Университетъ, изъ числа чле-

новъ котораго только двое не участвуютъ въ подпискѣ; другіе же, кромѣ участія деньгами, нашли еще возможнымъ читать въ пользу стипендіи публичныя лекціи (а именно: Л. Л. Левшинъ, Е. В. Адамюкъ, Н. А. Ѳирсовъ, Н. М. Маліевъ, А. Я. Щербаковъ и А. Г. Ге.), такъ что общая сумма пожертвованій лицами принадлежащими къ составу Казанскаго Университета (а именно: 1899 рублей) превышаетъ $^1/_3$ всей до сихъ поръ пожертвованной суммы.

Изъ другихъ лицъ болѣе дѣятельное участіе было оказано особенно учениками и почитателями покойнаго, отчасти довольно крупными личными пожертвованіями отчасти кромѣ того различными мѣрами къ умноженію стипендіальнаго капитала. Между этими лицами съ особенною благодарностью должны быть упомянуты: деканъ медицинскаго факультета ордин. проф. *Н. А. Виноградовъ* (100 р.), не мало способствовавшій успѣху дѣла; *Д. И. Образцовъ* съ супругой (300 р.)—въ Казани; *З. М. Цибульскій* съ супр. (300 р.)—въ Томскѣ; товар. прокурора казан. окруж. суда *С. А. Гисси*, принимавшій дѣятельное участіе въ устройствѣ публичныхъ лекцій въ Казани; докторъ казанскаго университета *П. В. Рудановскій*—въ Н. Тагилѣ, назначившій всю сумму отъ распродажи 3-го вып. своего сочиненія „о строеніи спиннаго мозга" въ пользу стипендіи; начальникъ медицинской части с.-петербургскаго порта *Д. В. Мерцаловъ*, ордин. проф. с.-петербургской медико-хирургической академіи *Н. В. Склифосовскій*, докторъ *А. А. Миславскій*—въ Екатеринбургѣ, докторъ *Ѳ. В. Арнольдовъ*—въ Симбирскѣ и докторъ *А. В. Михайловскій* въ Нерчинскѣ, собравшіе между своими знакомыми и сослуживцами довольно значительныя суммы; послѣдній кромѣ того способствовалъ устройству литературно-музыкальнаго вечера, даннаго въ пользу стипендіи Нерчинскимъ отдѣленіемъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества (вся собранная г. Михайловскимъ сумма превышаетъ 400 рубл.).

Наконецъ нельзя не остановиться съ особенною признательностью передъ дѣятельностью въ пользу стипендіи тѣхъ лицъ, служебный постъ которыхъ былъ не безъ значенія для распространенія подписки. Между ними прежде всего долженъ быть упомянутъ г. флота-генералъ-штабъ-докторъ *Б. И. Бушъ*; затѣмъ гг. губернскіе медицинскіе инспекторы: вятскій—*І. М. Михайловъ*, волынскій *И. П.*

Могилянскій-Русобтовскій, минскій—*К. И. Диберг*ъ, енисейскій —*А. И. Бургеръ*, иркутскій—*С. С. Муратовскій*, симбирскій—*Н. А. Глассонъ* и томскій—*Ф. Ю. Маткевичъ*.

Изъ ранѣе опубликованныхъ „свѣдѣній (*) о состояніи суммъ жертвуемыхъ на стипендію имени Е. Ф. Аристова“ видно, что по мѣрѣ накопленія денегъ были покупаемы 5% билеты государственнаго банка, получаемые-же затѣмъ на нихъ %% прикладывались къ капиталу.

Изъ тѣхъ же „свѣдѣній“ видно, что со времени открытія подписки и по 1 ноября 1878 года жертвуемыя суммы поступали слѣдующимъ образомъ:

Со дня подписки по 1 марта 1876 года поступило.	1469 р. —
Съ 1 марта по 1 мая 1876 г.	1095 р. —
%% съ 2200 р. по 1 мая 1876 г. . .	55 р. —
Съ публичныхъ лекцій въ Казани. . .	328 р. —
Съ 1 мая 1876 по 1 января 1877 г. .	1580 р. 01 к.
%% съ 3200 р. съ 1 мая по 1 ноября 1876 года.	80 р. —
Съ 1 января 1877 года по 1 января 1878 года.	941 р. 05 к.
%% съ 4200 руб. съ 1 ноября 1876 по 1 ноября 1877 года	210 р. —
Съ 1 января 1878 года по 1 ноября 1878 года.	138 р. 11 к.
%% съ 5200 руб. съ 1 ноября 1877 по 1 ноября 1878 года	260 р. —
Итого къ 1 ноября 1878 года поступило.	6156 р. 17 к.

Покупка 5% билетовъ государственнаго банка была сдѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ январѣ 1876 года пріобрѣтены 3 билета на сумму 1200 р. за . . . . 1218 р. 95 к.

Въ мартѣ 1876 г. 1 бил. въ 1000 р. за 1026 р. 54 к.

(*) См. «Извѣстія Импер. Каз. Универс.» 1876. № 1, стр. 196 и 220; № 2, стр. 301; 1877. № 1, стр. 73; 1878. № 1, стр. 134 и № 6, стр. 836.

Въ маѣ 1876 г. 1 бил. въ 1000 р. за . 1006 р. 27 к.
Въ декабрѣ 1876 г. 2 бил. по 500 р. за 1011 р. 35 к.
Въ декабрѣ 1877 г. 1 бил. въ 1000 р. за 1006 р. 45 к.
За возобновленіе права на храненіе по 1 ноября 1878 года уплачено. . . . . 2 р. 75 к.
Въ ноябрѣ 1878 г. 8 бил. по 100 р. за 788 р. —
За возобновленіе права на храненіе по 1 ноября 1879 года . . . . 1 р. 60 к.

Итого. . . 6061 р. 91 к.

Остатокъ къ 1 ноября—94 руб. 26 к. находится у нижеподписавшихся.

Итакъ къ 1 ноября 1878 года вся накопившаяся сумма, достигла minimum нормальнаго размѣра, опредѣленнаго учредителями стипендіи въ 6000 рублей, которые нынѣ и переданы въ Совѣтъ Казанскаго Университета [1]. Но чтобы по мысли учредителей придать стипендіи этой характеръ *спеціальный*, т. е. чтобы съ ея помощью дать возможность молодымъ людямъ не только получать общее медицинское образованіе, но и посвящать себя исключительно изученію той науки, которой всю жизнь свою служилъ покойный профессоръ Е. Ф. Аристовъ, т. е. *анатоміи*,—необходимо, чтобы размѣръ стипендіальной суммы значительно превысилъ указанный minimum. Мысль эта заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что покойный, употребляя всѣ нравственныя усилія для привлеченія возможно-большаго числа учениковъ къ занятіямъ анатоміею, постоянно скорбѣлъ о полномъ отсутствіи матеріальныхъ средствъ для привлеченія къ этимъ занятіямъ, занятіямъ, которыя дѣйствуя наиболѣе пагубнымъ образомъ на здоровье не даютъ даже въ отдаленномъ будущемъ надежды на такое матеріальное обезпеченіе, на какое могутъ разсчитывать посвятившіе себя многимъ другимъ отраслямъ медицины.

Поэтому, изъ вышеизложеннаго хода подписки па стипендію отрадно видѣть, что мысль о привлеченіи къ занятіямъ анатоміею можно такимъ путемъ считать до нѣкоторой степени осуществимою: съ небольшимъ въ два года собранъ капиталъ, превышающій 6000 рублей, собранъ въ

[1] См. Извѣстія Имп. Каз. Унив. 1878. № 6, стр. 836.

самое неблагопріятное для такихъ предпріятій время, когда всякій несъ свой излишекъ для войны за освобожденіе славянъ; собравъ, наконецъ, силами только одной трети тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ университетъ счелъ себя вправѣ обратиться съ приглашеніемъ къ участію. Не подлежитъ сомнѣнію, что остальныя двѣ трети приглашенныхъ при сравнительно лучшемъ теперь общемъ финансовомъ положеніи не откажутся отъ участія въ подпискѣ и такимъ образомъ стипендіальный капиталъ, увеличиваемый въ то же время присоединяемыми къ нему %%, какъ до сихъ поръ, скоро возрастетъ до необходимаго по мысли учредителей maximum и даже, можетъ быть, удвоится. Только тогда Императорскій Казанскій Университетъ получитъ возможность, согласно волѣ учредителей и желаніямъ покойнаго профессора Е. Ф. Аристова, учредить спеціальную *анатомическую стипендію*, въ полной увѣренности, что періодически выпускаемые университетомъ молодые анатомы своими трудами дѣйствительно увѣковѣчатъ память о покойномъ учителѣ нашемъ и товарищѣ.

Казань
5 ноября 1878 г.

Ординарный проф. *А. Петровъ.*
Э.-ординарный проф. *А. Щербаковъ.*

СТОЛЫ РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА,

ПО ХРАНЯЩИМСЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ КНИГАМЪ ИХЪ.

Отчетъ о занятіяхъ въ Архивѣ осенью 1878 года.

Занимаясь въ послѣднее время изслѣдованіемъ вопроса о центральномъ управленіи Московскаго государства—я давно сознавалъ необходимость предпринять на нѣкоторое время поѣздку въ Москву, для ознакомленія съ матеріалами, представляемыми по отношенію къ этому вопросу московскими архивами. Въ началѣ осени текущаго года нашелъ я возможнымъ удѣлить съ этою цѣлью мѣсяцъ изъ своего времени. Но, къ величайшему сожалѣнію моему, краткость времени, находившагося въ моемъ распоряженіи (съ 9 сентября по 15 октября), дозволила мнѣ произвести нѣкоторыя работы лишь въ одномъ изъ московскихъ архивовъ—въ Архивѣ Министерства Юстиціи, находящемся въ завѣдываніи сенатора Н. В. Калачева,—отложивъ до болѣе благопріятнаго времени занятія въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Архивѣ Оружейной Палаты, Печатнаго Двора (при Московской синодальной типографіи) и нѣкотор. др., также представляющихъ громадное научное значеніе для интересующаго меня вопроса, а равно и продолженіе дальнѣйшихъ занятій въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Матеріальная поддержка въ предпринятой мною поѣздкѣ, оказанная мнѣ по представленію юридическаго факультета, Совѣтомъ Казанскаго Университета—вмѣняетъ мнѣ въ нравственный долгъ въ краткомъ очеркѣ представить Университету отчетъ о моихъ занятіяхъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Масса матеріала, находящагося въ этомъ Архивѣ и относящагося къ вопросу о центральномъ управленіи Московскаго государства—какъ я и предвидѣлъ, —оказалась подавляющею. Извѣстно, что весь Архивъ Министерства Юстиціи раздѣленъ на три отдѣленія, образовавшіяся изъ существовавшихъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ, до организаціи Архива въ настоящемъ его видѣ - трехъ отдѣльныхъ архивовъ: a) Государственнаго Разряднаго, b) Государственнаго Старыхъ Дѣлъ и c) Архива Вотчиннаго Департамента [1]. Не принимая во вниманіе матеріала представляемаго III отдѣленіемъ (вотчинныя и помѣстныя производства)—съ которымъ я не имѣлъ возможности познакомиться даже въ самыхъ поверхностныхъ чертахъ—весь матеріалъ, представляемый первыми двумя отдѣленіями для интересующаго меня вопроса, простирается, по приблизительному и самому умѣренному исчисленію, до 1250 книгъ и 10000 столбцовъ. Средній объемъ книги отъ 300 до 600 полулистовъ; діаметръ-же многихъ столбцовъ простирается до 6 вершковъ. Въ виду такаго подавляющаго матеріала, я счелъ за необходимое обратить преимущественное вниманіе свое на дѣла какаго либо одного приказа—и остановился на дѣлахъ Приказа Разряднаго, какъ важнѣйшаго въ системѣ центральныхъ установленій Московскаго государства, въ особенности во второй половинѣ XVII вѣка. Но и въ предѣлахъ этихъ границъ, въ виду крайней недостаточности находившагося въ моемъ распоряженіи времени—мнѣ пришлось подумать о еще большей специализаціи моихъ работъ: я рѣшился просмотрѣть лишь *производства* Разряднаго Приказа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, оставивъ въ сторонѣ разрядныя и боярскія книги, родословныя, десятни, разл. списки и др. памятники разряднаго вѣдомства. Я рѣшился сверхъ того ограничиться лишь разсмотрѣніемъ книгъ Разряднаго Приказа, не касаясь столбцевъ его, разсмотрѣніе которыхъ, вслѣдствіе весьма неудобнаго способа храненія ихъ — нерѣдко требуетъ непомѣрнаго труда и значительной потери времени.

Все производство Разряднаго Приказа раздѣляется по столамъ, существовавшимъ въ этомъ приказѣ во второй по-

---

(1) Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ Архива имѣются въ первой книгѣ «Описанія документовъ и бумагъ его» (Москва, 1869 г.).

ловинѣ XVII вѣка. Въ настоящее время въ Архивѣ имѣются въ наличности дѣла девяти разрядныхъ столовъ: 1) Московскаго, 2) Владимірскаго, 3) Новгородскаго, 4) Бѣлгородскаго, 5) Сѣвскаго, 6) Кіевскаго, 7) Денежнаго, 8) Помѣстнаго и 9) Приказнаго. Не сохранились дѣла столовъ Казанскаго и Смоленскаго, учрежденныхъ въ Разрядѣ указомъ отъ 12 ноября 1680 года (²).

Представлю краткій очеркъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ разсмотрѣнія книгъ каждаго изъ этихъ столовъ Разряда въ отдѣльности.

1. Московскій столъ.

Сохранившееся въ Архивѣ производство Московскаго стола вмѣщаетъ въ себѣ 208 книгъ (1571—1707 гг.) и 1180 столбцевъ (1549—1704 гг.).

Московскій столъ Разряднаго Приказа, называвшійся также „*Московскимъ большимъ столомъ*“ (³),—представляется несомнѣнно важнѣйшимъ столомъ этого Приказа, центральнымъ пульсомъ всей многосторонней дѣятельности Разряда. Сферу вѣдомства этого стола можно опредѣлить тѣмъ, что въ немъ сосредоточивалось вѣдаміе всѣхъ разрядныхъ дѣлъ, не подлежавшихъ вѣданію другихъ столовъ того же приказа. Какъ и во всей системѣ распредѣленія предметовъ приказнаго вѣдомства—въ вѣдомствѣ столовъ Разряднаго Приказа проявляется двоякое начало—*территоріальное*, то есть завѣдованія цѣлыми областями во всѣхъ отношеніяхъ (столъ Бѣлогородскій, Сѣвскій) и *родовое*, т. е. порученіе извѣстному столу вѣданія отдѣльнаго рода разрядныхъ дѣлъ, но за то уже безъ всякаго ограниченія предѣлами какой либо опредѣленной мѣстности (столы денежный, помѣстный, приказный). И вотъ, всякое дѣло, которое не подлежало вѣданію какого либо территоріальнаго стола и которое вмѣстѣ съ тѣмъ не касалось вѣдомства денежнаго, помѣстнаго или приказнаго стола,—тѣмъ самымъ пріурочивалось къ вѣдом-

---

(²) П. С. З. № 844.

(³) Записная Книга Моск. стола № 8: «Книга записная Московскаго Большаго Стола, 158 года» (заглавіе).

ству стола Московскаго. Такимъ образомъ является почти несомнѣннымъ, что Московскій столъ есть древнѣйшій изъ столовъ Разряда (4), изъ котораго мало по малу выдѣлялись и обособлялись, въ виду значительнаго обилія дѣлъ, остальные разрядные столы,—подобно тому какъ такой-же процессъ постепеннаго выдѣленія вѣдомствъ наблюдается и во всей системѣ Московскихъ приказовъ. Въ книгахъ Московскаго стола встрѣчаемъ мы указы и боярскіе приговоры о построеніи сторожевыхъ линій и станицъ по южной украйнѣ и росписи сторожамъ, распоряженія о построеніи и возобновленіи городовыхъ стѣнъ, отпуски воеводъ по городамъ (5) (за исключеніемъ городовъ, вѣдомыхъ въ территоріальныхъ столахъ Разряда), указы и распоряженія о встрѣчѣ чужеземныхъ пословъ (на сколько они касаются самаго внѣшняго церемоніала встрѣчъ), указы служилымъ людямъ о походахъ, наказы даваемые ратнымъ воеводамъ при отправленіи въ походы, указы о роспускѣ по домамъ служилыхъ людей, дѣла о бѣгахъ ратныхъ людей изъ службъ, отписки воеводъ о вѣстяхъ и непріятельскихъ нашествіяхъ, мѣстническія дѣла и т. п.

Но изъ всѣхъ книгъ Московскаго стола наиболѣе драгоцѣнный историческій и историко-юридическій матеріалъ представляютъ такъ называемыя *записныя книги* его (6) Въ эти книги заносились записи наиболѣе важныхъ событій имѣвшихъ мѣсто при царскомъ дворѣ, списки личнаго состава приказовъ, списки воеводъ по городамъ вѣдаемымъ Разрядомъ, записывались царскіе указы и боярскіе приговоры касавшіеся вѣдомства Разряда или объявлявшіеся черезъ его посредство и т. п. Къ сожалѣнію, количество дошедшихъ до нашихъ дней записныхъ книгъ Московскаго стола представляется весьма небольшимъ—между тѣмъ какъ онѣ еже-

---

(4) Самая ранняя книга его (№ 1) относится впрочемъ лишь къ 79, т. е. 1571 году, а самый ранній столпъ—къ 1549 году.

(5) Весьма замѣчательно, что подъ 1626 г. (см. книгу 20-ю Моск. стола) встрѣчаются указанія на завѣдованіе Московск. столомъ смѣны воеводъ въ городахъ подвѣдомственныхъ приказу Казанскаго Дворца (именно въ гг. Казани, Свіяжскѣ, Санчурскѣ и др.).

(6) Имѣющія въ Архивѣ свою самостоятельную нумерацію, отдѣльную отъ нумераціи прочихъ книгъ Московскаго стола.

годно велись при Разрядѣ (каждая записная книга обнимаетъ собою промежутокъ времени въ одинъ годъ

Въ Архивѣ хранится въ настоящее время всего 26 книгъ этого рода, относящихся къ слѣдующимъ годамъ: 1626, 1632, 1637, 1639, 1641, 1647, 1649, 1650, 1660—1663, 1665, 1667, 1669, 1674, 1679, 1682, 1684, 1685, 1687, 1688, 1691, 1694 гг. Весьма многія изъ записныхъ книгъ могли погибнуть, вмѣстѣ съ массою другихъ матеріаловъ, въ тяжелую годину 1812 года, когда, въ виду приближенія къ Москвѣ арміи Наполеона I—всѣ дѣла Разряднаго Архива были свалены въ Кремлевскій ровъ.

Въ виду важности матеріала, представляемаго для исторіи центральнаго управленія Московскаго записными книгами Московскаго стола—весьма значительное большинство бывшаго въ моемъ распоряженіи времени посвятилъ я ихъ разсмотрѣнію и дѣланію изъ нихъ нужныхъ для меня выписокъ. Позволю себѣ въ сжатомъ очеркѣ представить общее содержаніе встрѣчающихся въ этихъ книгахъ записей различнаго рода:

I. Списки личнаго состава приказовъ и воеводъ въ городахъ.

Во главѣ записной книги каждаго года помѣщается, во первыхъ—списокъ судей по Московскимъ Приказамъ и, во вторыхъ — списокъ воеводъ по городамъ, вѣдомымъ въ Разрядѣ. Въ нѣкоторыхъ записныхъ книгахъ этотъ начальный отдѣлъ книги носитъ слѣдующее заглавіе: „По указу Великого Государя царя и великого князя N N всея В. и М. и Б. Россіи Самодержца, на Москвѣ въ приказѣхъ бояре и окольничіе и думные люди и стольники и стряпчіе и дворяня и дьяки, и въ городѣхъ, которые вѣдомы въ Разрядѣ, бояре и окольничіе и воеводы и приказные люди, нынѣшняго 187 году“ (7). Въ случаѣ измѣненій въ данномъ году личнаго состава приказовъ или смѣны воеводъ въ городахъ—перемѣны эти отмѣчались тутъ же, на поляхъ книги или между строками, противъ имени судьи или воеводы, напримѣръ:

(7) Зап. Книга 7187 г., № 19.

«Володимерскій (Судный Приказъ): бояринъ Ив. Вс. Морозовъ да князь Нкт. Нкт. Гагаринъ, дьяки Тимоѳей Агѣевъ, Артемій Хватовъ». Снизу отмѣтка другою рукою: «И сентября въ 8 день бояринъ Ив. Вас. Морозовъ да князь Микита Гагаринъ посланы въ Казань воеводы . . . . и 145 г., въ декабрѣ, въ Володимерскомъ Судномъ Приказѣ указалъ Государь быти боярину князю Ив. Ан. Голицыну» (8).

Или въ спискахъ воеводъ:

«Въ Володимірѣ: стряпчій князь Тимоѳей княжь Ивановичъ сынъ Шаховской.—Отпущенъ за службу во 180 году апрѣля въ 30 день.—Въ наказѣ написанъ воеводою (9).—Росписался іюня въ 4 день того жъ году».

Затѣмъ позднѣйшая приписка на бѣломъ мѣстѣ:

«И марта въ 23 день нынѣшняго 182 году, по указу Великого Государя, по челобитью Володимерскихъ монастырей, архимандритовъ и игуменовъ, и Володимерскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ московскихъ чиновъ и городовыхъ, и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, князю Тимоѳею Шаховскому въ Володимірѣ велѣно быть третій годъ» (10).

По отношенію къ приведеннымъ мною сейчасъ свѣдѣніямъ, въ нихъ заключающимся,—записныя книги Московскаго стола однажды уже дали обильный матеріалъ для ученой работы. Всѣмъ занимающимся исторіею русскаго права извѣстна конечно работа: „Московскіе старинные приказы“ (Новикова), помѣщенная въ XX томѣ Древней Россійской Вивліоѳики (изд. второе, М. 1791 г.), въ которой въ алфавитномъ порядкѣ изложены свѣдѣнія о Московскихъ приказахъ, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія именно на личный составъ приказовъ въ различные годы. Въ этой работѣ не указаны источники послужившіе для нея матеріаломъ,—и вѣроятно многія лица, интересующіяся русскою исторіею, задумывались надъ вопросомъ: не утрачены-ли въ настоящее время матеріалы, бывшіе во второй половинѣ XVIII вѣка въ распоряженіи Новикова? Между тѣмъ уже поверхностное сопоставленіе открываетъ, что вся работа Новикова (насколько она касается личнаго

---

(8) Зап. Книга 7145 г., № 3, листы 1—3.

(9) Въ другихъ мѣстахъ: «Въ наказѣ написанъ съ *вичемъ*» (т. е. съ такимъ окончаніемъ отечества).

(10) Зап. Книга 7182 г., № 18, л. 15.

состава приказовъ), — основывается именно на записныхъ книгахъ Московскаго стола, причемъ въ распоряженіи Новикова было большее количество записныхъ книгъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое нынѣ хранится въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Этотъ отдѣлъ записныхъ книгъ Московскаго стола имѣетъ еще и другой, весьма важный интересъ для исторіи центральнаго управленія Московскаго: по этимъ записямъ можно изучить весьма часто практиковавшееся во второй половинѣ XVII вѣка соединеніе нѣсколькихъ приказовъ въ вѣданіи одного лица, причемъ соединеніе это бывало не рѣдко чисто личнымъ: каждый изъ соединенныхъ приказовъ сохранялъ значеніе особаго установленія съ очерченнымъ кругомъ вѣдомства, а перѣдко — за исключеніемъ лишь „большаго судьи", первоприсутствующаго нѣсколькихъ, внѣшнимъ образомъ соединенныхъ приказовъ — сохранялъ даже отдѣльный личный составъ. Такъ въ 1674 году внѣшнимъ образомъ соединены были приказы: Посольскій, Малороссійскій, Новгородскій, Аптекарскій, Владимірской и Галицкой Четей — подъ управленіемъ окольничаго А. С. Матвѣева, съ которымъ сидѣли отдѣльные дьяки для Аптекарскаго и общіе дьяки для остальныхъ приказовъ. Во внѣшнемъ соединеніи находились въ томъ же году приказы Рейтарскій и Иноземный, съ общимъ первоприсутствующимъ (стольн. кн. И. Б. Троекуровъ) и отдѣльными для каждаго дьяками; приказы Бол. Дворца, Судный Дворцовый, Оружейный, Золотой Палаты и Костромской Чети, также съ общимъ первоприсутствующимъ (бояр. и оруж. Б. М. Хитрово) и отдѣльными для каждаго вторыми судьями и дьяками; въ подобномъ же соединеніи находились приказы Помѣстный, Печатный и Новой Чети, княж. Смоленскаго и Устюжской Чети, Большаго Прихода и Денежнаго Сбора ([11]).

Что касается свѣдѣній о воеводахъ и приказныхъ людяхъ по городамъ вѣдомымъ въ Разрядѣ, — то всѣ города исчисляются здѣсь въ слѣдующей системѣ: a) *Города Замосковные* (Владиміръ, Суздаль, Шуя, Муромъ, Нижній, Арзамасъ, Ярославль, Кострома, Вологда, Можайскъ и др., всего числомъ 30), b) *Города Украйные* (Тула, Серпуховъ,

---

([11]) Зап. Книга 7182 г., № 18.

Кошира и др., числомъ 8), с) *Города Рязанскіе* (Переясл. Раз., Коломна, Пронскъ и др., числомъ 11), d) *Города Заоцкіе* (Калуга, Воротынскъ, Мещовскъ и др., числомъ 8), e) *Города Сѣвскаго полка и Сѣверскіе* (Бѣлевъ, Сѣвскъ, Болховъ и др., числомъ 11); f) *Города Бѣлогородскаго полка*, которые раздѣлены на города Бѣлгородскаго полка просто (Мценскъ, Елецъ, Ливны, Курскъ и др.), на города *по чертѣ* (Бѣлгородъ), города *отъ Бѣлгорода направо*, города *отъ Бѣлгорода налѣво* и города *за чертою* (Харьковъ и др.),— всего 58 городовъ; g) *Города Новгородскаго разряду* (Великій Новгородъ, Псковъ и ихъ пригороды и Тверь,—всего 13 городовъ (12).

III. Записи различныхъ придворныхъ событій, торжествъ и церемоніаловъ.

Здѣсь встрѣчаемъ мы записи о царскихъ выходахъ („походахъ") въ подмосковныя села и монастыри, для богомолья или по случаю мѣстныхъ праздниковъ, причемъ всегда записывается нарядъ бояръ для вѣданія Москвы и дневольный нарядъ чиновъ во дворецъ на время царскаго отсутствія, напримѣръ:

«145 года, мая въ 23 день, Государь Ц. и В. К. Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи поволилъ идти въ село Покровское, а съ Государемъ бояре и окольничіе и думные люди и стольники и стряпчіе и дворяне Московскіе и жильцы.—А на Москвѣ указалъ Государь быти бояромъ: кн. И. А. Голицыну, кн. А. В. Хованскому, окольничему С. М. Проѣстеву. И того жъ дни на Государевѣ дворѣ съ бояриномъ со кн. И. А. Голицынымъ дневать и ночевать: стольники . . . (27 чел.), стряпчіе . . . (2 чел.), дворяне . . . (74 чел.), дьяки . . . (12 чел.) и т. п. (13).

Здѣсь записываются далѣе случаи бытности обѣденныхъ столовъ у Государя, причемъ приводятся списки бояръ бывшихъ за царскимъ столомъ (14); помѣщаются записи о бытіи Государей у богослуженія въ томъ или другомъ изъ храмовъ

---

(12) Зап. Кн. № 18.

(13) Зап. Книга № 3, л. 220 и сл.; № 1, л. 90; № 3, л. 38 и мн. др.

(14) Зап. Книга № 5, л. 184; № 10, л. 21 и мн. др.

Московскихъ ([15]); списки особъ бывшихъ съ поздравленіями у царя и царицы, по случаю большаго праздника, новаго года или какого либо радостнаго событія ([16]); записи о рожденіи и крещеніи новорожденныхъ въ царскомъ семействѣ, съ исчисленіемъ особъ, бывшихъ при обрядѣ и затѣмъ у царскаго стола ([17]); записи о царскихъ опалахъ и о возвращеніи ко двору опальныхъ ([18]); о производствахъ въ придворные чины ([19]); о пожалованіи разл. лицъ денежными наградами, кубками, шубами и царскимъ милостивымъ словомъ([20]); записи о нарядѣ бояръ и другихъ придворныхъ чиновъ на различныя церемоніи, наприм. къ торжественнымъ богослуженіямъ, къ пріему иноземныхъ пословъ, къ присутствію „у дѣйства новаго лѣта" ([21]); записи о предоставленіи государями извѣстныхъ милостей вслѣдствіе тѣхъ или другихъ придворныхъ событій или для поминовенія усопшихъ членовъ царскаго дома ([22]); наконецъ записи о различнаго рода церемоніалахъ, наприм. пріемѣ и отпускѣ чужеземныхъ пословъ, торжественнаго шествіи патріарха въ Вербное Воскресеніе въ сопровожденіи царя и бояръ, и т. п. ([23]).

([15]) Зап. Кн № 19, л. 52, 61 и др.

([16]) Зап. Кн. № 18, л. 62 и др.

([17]) Зап. Кн. № 7, л. 57 и сл.

([18]) Зап. Кн. № 2, л. 18; № 3, л. 210; № 26, л. 138 и др.

([19]) Зап. Кн. № 1, л. 238 и сл., № 7, л. 76 об. и мн. др.

([20]) Зап. Кн. № 10, л. 217; № 12, л. 43, 105 и др.

([21]) Зап. Кн. № 2, л. 131; № 18, л. 56; № 19, л. 32.

([22]) Зап. Кн. № 26, л. 152 об. (въ П. С. З. № 1483).

([23]) Напримѣръ: «Октября въ 14 день (1636 г.) у Государя. . . на пріѣздѣ Кизыльбашкова Шаха гонецъ былъ въ Золотой въ Меньшей Полатѣ. А при Государѣ въ Золотой Полатѣ были и сидѣли по лавкамъ: бояре и окольничіе и думные люди и стольники и дворяне большіе въ золотѣ и въ шапкахъ въ горлатныхъ. При Государѣ же были и стояли по обѣ стороны Государева мѣста въ бѣломъ платьи съ топоры, стольники: по правой сторонѣ . . . по лѣвой сторонѣ . . . и т. д. слѣдуетъ подробный протоколъ церемоніи). Зап. Кн. № 3, л. 86 об. и сл., см. также № 2, л. 44; № 3, л. 34; № 10, л. 232; № 19, л. 16 и др.

III. Высшее вѣданіе ратнаго дѣла и служилыхъ людей.

Относительно ратнаго дѣла и вѣданія служилаго класса встрѣчаемъ мы въ записныхъ книгахъ Московскаго стола смѣтные списки наряду, пороху, свинцу и др. запасовъ по разл. городамъ(24), смѣтные списки городовыхъ служилыхъ людей (25), записи о назначеніи воеводъ по полкамъ (26), записи распоряженій о бытіи служилыхъ людей въ готовности къ службѣ по первому призыву (27), о сборѣ и высылкѣ служилыхъ и ратныхъ людей въ различные города къ службѣ (28), о роспускѣ со службъ служилыхъ и ратныхъ людей (29), о сборѣ съ населенія денегъ и хлѣбныхъ запасовъ на жалованье ратнымъ людямъ (30), о снабженіи ратныхъ людей огнестрѣльнымъ оружіемъ (31) и т. п. Здѣсь записываются распоряженія и по военно-интендантской дѣятельности, наприм. о закупкѣ хлѣбныхъ запасовъ и конскаго фуража для войска и о высылкѣ ихъ въ тѣ мѣстности, въ которыхъ оказывается въ нихъ потребность (32). Наконецъ встрѣчаются здѣсь записи распоряженій объ изслѣдованіи обидъ, причиняемыхъ населеніямъ ратными людьми и объ убавкѣ, въ видѣ наказанія, жалованья у начальныхъ людей за самовольный штурмъ обложеннаго города и значительную потерю вслѣдствіе того людей (33).

---

(24) Зап. Кн. № 1, лл.: 1, 12, 16, 43 об., 205; № 3, л. 27 и др.

(25) Зап. Кн. № 1, лл. 1, 3 об., 11, 43 об.; № 3, л. 27; № 10, л. 293 и др.

(26) Зап. Кн. № 1, л. 170; № 3, л 64; № 16, лл. 241, 250 об. и др.

(27) Зап. Кн. № 12, л. 26 об. и др.

(28) Зап. Кн. № 2, л. 49; № 12, лл. 25, 28, 49 об.; № 13, л. 16 и др.

(29) Зап. Кн. № 1, л. 13 об.; № 2, л. 108; № 5, л. 145; № 13, л. 92 и др.

(30) Зап. Кн. № 12, л. 25 об.

(31) Зап. Кн. № 10, л. 209.

(32) Зап. Кн. № 12. лл. 53 об., 63. 128, 232 об.

(33) Зап. Кн. № 10, л. 147; № 12, л. 44.

IV. Дѣла административнаго характера.

Здѣсь встрѣчаемъ мы распоряженія о назначеніи различныхъ лицъ въ города на воеводства и для другихъ приказныхъ дѣлъ, какъ постояннаго, такъ и временнаго характера ([34]); записи о сдачахъ и пріемахъ городовъ воеводами([35]) о назначеніи различныхъ чиновъ въ приказы для усиленія личнаго состава послѣднихъ ([36]) и т. п.

V. Записи царскихъ грамотъ и указовъ, обнародоваемыхъ черезъ Разрядъ.

Извѣстно, что Разрядный приказъ служилъ между прочимъ установленіемъ, черезъ посредство котораго обнародовались царскіе указы и грамоты, которые не пріурочивались къ спеціальному вѣдомству какого либо одного приказа и которые нужно было довести до свѣдѣнія нѣсколькихъ или всѣхъ приказовъ; между этими указами встрѣчаемъ и такіе, которые непосредственно касаются общаго вѣдомства самаго Разряда. Здѣсь встрѣчаемъ мы записи грамотъ предназначенныхъ къ отсылкѣ въ различные приказы, съ распоряженіями общаго характера, наприм. о временномъ прекращеніи во всѣхъ установленіяхъ теченія процессуальныхъ сроковъ для служилыхъ людей, по случаю отправленія ихъ на государеву службу ([37]); о неправежѣ недоимокъ и судныхъ пошлинъ въ приказахъ въ теченіи извѣстнаго промежутка времени, по особому распоряженію государя ([38]); о доставленіи приказами списковъ вѣдомыхъ въ нихъ служилыхъ людей различныхъ чиновъ, для составленія общей годовой разрядной смѣты ([39]).

([34]) Зап. Кн. № 1, лл. 79, 179, 264; № 3, л. 86; № 16, л. 250 об.

([35]) Зап. Кн. № 7, л. 86.

([36]) Зап. Кн. № 1, л. 160; № 23, л. 174.

([37]) Зап. Кн. № 1, л. 176; № 2, л. 25; № 10, л. 225; № 12, л. 138 об.

([38]) Зап. Кн. № 26, л. 152 об.

([39]) Не безъинтересны свѣдѣнія, которыя требуются при этомъ отъ приказовъ; *отъ Иноземскаго* напримѣръ: «Сколько на Москвѣ и въ

Здѣсь-же находимъ записи грамотъ, посылавшихся въ города по различнымъ дѣламъ; между прочимъ съ требованіемъ высылки представителей отъ городовыхъ служилыхъ людей для участія ихъ въ земскомъ соборѣ ([40]). Далѣе встрѣчаемъ здѣсь записи весьма значительнаго количества указовъ, касающихся полицейскихъ мѣръ по городу Москвѣ—именно назначенія и росписанія по частямъ города объѣзжихъ головъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ береженіе столицы отъ пожаровъ ([41]).

Изъ другихъ указовъ записанныхъ въ разсматриваемыхъ нами книгахъ, отмѣтимъ: грамоту о возведеніи въ санъ патріарха пр. Іоакима ([42]); формы крестоцѣловальныхъ записей

городѣхъ.... полковниковъ, и ротмистровъ, и поручиковъ и всякихъ начальныхъ людей... и гречанъ, и сербянъ, и волошанъ, и поляковъ, и литвы, и нѣмецъ стараго и новаго выѣзду, и русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, да и черкасъ и всякихъ иноземцовъ въ городѣхъ по службамъ, которыхъ вѣдаютъ въ Иноземскомъ Приказѣ» (Зап. Кн. № 2 (1632 г.), л. 11 об.). *Отъ Посольскаго Приказа*: «Сколько разныхъ земель царей, царевичевъ, и мурзъ большихъ, и переводчиковъ, и толмачей, и станичныхъ татаръ и всякихъ иноземцовъ помѣстныхъ и кормовыхъ... и кто имяны въ городѣхъ воеводъ и приказныхъ людей и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ отпущены, и сколько въ тѣхъ городѣхъ стрѣльцовъ и козаковъ и пушкарей и затинщиковъ и всякихъ служилыхъ людей, которые городы вѣдомы въ Посольскомъ приказѣ» (ib., л. 12). *Отъ Казанскаго Дворца*: «... кто нынѣ на Теркѣ и въ Астарахани и въ Казани и во всѣхъ Понизовыхъ и въ Сибирскихъ городѣхъ бояръ и воеводъ и дьяковъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и подъячихъ и толмачей и переводчиковъ, и кто въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ... отпущенъ, и сколько въ тѣхъ городѣхъ... головъ татарскихъ и стрѣлецкихъ и казачьихъ и сотниковъ и князей и мурзъ и новокрещеновъ татаръ служилыхъ и тархановъ и оброчныхъ чуваши и черемисы и мордвы и башкирцовъ» (id. л. 12 об.).

([40]) «Декабря въ 17 день (1636 г.) посланы въ города государевы грамоты о дворянѣхъ и о дѣтяхъ боярскихъ, а по государеву указу велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выслать изъ городовъ по шти человѣкъ *для государева и земскаго дѣла*». Зап. Кн. № 3 (7145 г.). л. 135 об. Указаніе это весьма важно, давая основаніе предполагать существованіе въ первой половинѣ 1637 года земскаго собора, до настоящаго времени неизвѣстнаго.

([41]) Зап. Кн. № 1, л. 202; № 3, л. 205 об.; № 6, л. 155 № 18, л. 264 и др.

([42]) Зап. Кн. № 18, л. 195.

для приведенія къ присягѣ различныхъ чиновъ людей ([43]); указы о наказаніяхъ смертною казнью и ссылкою измѣнниковъ и мятежниковъ ([44]); указъ, сказанный служилымъ людямъ всякихъ чиновъ о доставленіи ими въ Разрядъ родословныхъ росписей родовъ своихъ ([45]); о назначеніи молебна по случаю взятія непріятельскаго города ([46]); о перечисленіи городовъ Углича и Романова „воеводскими отпуски и иными дѣлы", изъ вѣданія Большаго Дворца въ вѣданіе Разряда ([47]), и т. п.

Въ записной книгѣ 1637 г. (№ 3) весьма замѣчателенъ указъ объ отсрочкѣ совершенія смертной казни надъ женщинами, присужденными къ ней во время беременности, до разрѣшенія ихъ отъ бремени. Позволю себѣ выписать его цѣликомъ:

«145 году, мая въ 19 день, Государь указалъ: которыя на Москвѣ и въ городѣхъ дѣвки и мужни жены и вдовы, а по Судебнику и по уложенью дойдутъ до смертныя казни, а будутъ беременны, и тѣхъ покамѣста родятъ и минетъ шесть недѣль не казнити, а робенка отдать ближнему, а будетъ пуста и взять нѣкому, дать наемъ женѣ, которая бъ его вскормила, а на годъ дать *(пробѣлъ въ одно слово)*, для того, что роженое отъ нея не виновато. А какъ по роженіи минетъ 6 недѣль, и ея, исповѣдавъ и причастя, казнить смертью по грацкому закону.— И сей Государевъ указъ для вѣдома и въ книгу записать.—А подлинной указъ, рука думного дьяка Ивана Гавренева ([48]), вклеенъ въ приказной столпъ нынѣшнего 145 году» ([49]).

Таково общее содержаніе записныхъ книгъ Московскаго стола. Уже изъ сдѣланнаго мною сжатаго очерка его— несомнѣнно открывается неисчерпаемое богатство матеріала,

---

([43]) «Запись цѣловальная, приводить къ государеву крестному цѣлованью бояръ, и окольничихъ, и думныхъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и всякихъ людей, нынѣшнего 145 (1637) году». Зап. Кн. № 3, л. 13.

([44]) Зап. Кн. № 10, л. 136; № 12, л. 169 и сл.

([45]) Зап. Кн. № 21, л. 101 и сл.

([46]) Зап. Кн. № 10, л. 129.

([47]) Зап. Кн. № 26 (1694 г.), л. 143.

([48]) Иванъ Гавреневъ, въ годъ изданія этого указа, присутствовалъ въ Разрядѣ.

([49]) Зап. Кн. 1637 г., № 3, листъ 218.

представляемаго ими изслѣдователю древне-русскаго государственнаго быта. Къ сожалѣнію приходится сказать грустную истину, что этимъ драгоцѣннымъ памятникамъ не долго остается удовлетворять любознательности изслѣдователей: большая часть записныхъ книгъ находится въ такомъ ветхомъ состояніи,—что къ нимъ страшно приступиться; истлѣвшіе края листовъ положительно осыпаются при ихъ перелистованіи. Весьма многія мѣста до такой степени выцвѣли, отъ дурнаго храненія ихъ въ теченіи продолжительнаго времени, до настоящей реорганизаціи Архива, въ сыромъ и затхломъ помѣщеніи,—что въ настоящее время совершенно недоступны для прочтенія; иные листы истлѣли на половину и представляютъ собою почти невозстановимые фрагменты. Книги эти все болѣе и болѣе разрушаются при каждомъ, хотя бы и самомъ осторожномъ, пользованіи ими. Весьма и весьма было бы желательно чтобы Архивъ, или какое нибудь другое ученое учрежденіе, принялъ мѣры къ подробному, систематическому научному описанію ихъ, если уже не къ самому изданію—хотя бы только въ извлеченіяхъ—этихъ крайне важныхъ памятниковъ нашей старины.

2. Владимірскій Столъ.

Производство Владимірскаго Стола Разряднаго приказа сохраняется въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ 26 книгъ и 204 столбцевъ. Самая ранняя книга относится къ 1671 (7179) году, самый ранній столбецъ—къ 1614 году.

Разсмотрѣніе книгъ Владимірскаго стола указываетъ на весьма несложное вѣдомство его. Въ немъ сосредоточивалось исключительное вѣданіе въ разрядномъ отношеніи служилыхъ людей городовъ Владимірскаго разряда. Въ вѣданіи разсматриваемаго стола состояли, какъ усматривается изъ книгъ его—слѣдующіе города: Алексинъ, Арзамасъ, Балахна, Богородскъ, Боровскъ, Бѣлоозеро, Верея, Владиміръ, Волоколамскъ, Вязьма, Гороховецъ, Звенигородъ, Калуга, Клинъ, Коломна, Кошира, Ломовъ Верхній, Ломовъ Нижній, Лухъ, Мещерскъ, Можайскъ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Норовчатское городище, Одоевъ, Переяславль Залѣс., Переяславль Ряз., Романовъ, Руза, Рязань, Ряжскъ,

Серпуховъ, Соловъ, Суздаль, Тамбовъ, Торуса, Троицкій острогъ, Тула, Юрьевецъ, Юрьевъ Польскій, Ярославецъ Малый, Шацкъ. Кромѣ того, въ книгахъ Владимірскаго стола встрѣчаются вѣскія основанія для предположенія, что въ вѣданіи его находился и Московскій уѣздъ, за исключеніемъ самаго города Москвы (50). Въ частности, завѣдываніе служилыми людьми исчисленныхъ выше городовъ встрѣчается въ книгахъ Владимірскаго стола въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

a) Веденіе общихъ смѣтныхъ списковъ служилыхъ людей по отдѣльнымъ городамъ, съ обозначеніемъ положеннаго каждому изъ нихъ помѣстнаго и денежнаго окладовъ (51).

b) Смотрѣнные списки недорослямъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ (52).

c) Разборныя книги служилымъ людямъ отдѣльныхъ городовъ, съ занесеніемъ въ нихъ сказокъ о дѣтяхъ, братьяхъ, племянникахъ и другихъ имѣющихся родственникахъ каждаго служилаго человѣка, съ обозначеніемъ положеннаго каждому по верстанью помѣстнаго и денежнаго жалованья и съ указаніемъ коня, оружія и другихъ ратныхъ принадлежностей, съ которыми обязанъ являться служилый человѣкъ на службу (53).

d) Раздаточныя книги денежнаго жалованья, выдаваемаго городовымъ служилымъ людямъ (54).

Такимъ отразомъ кругъ вѣдомства Владимірскаго стола является весьма опредѣленнымъ и ограниченнымъ. Желая провѣрить свѣдѣнія открытыя мнѣ книгами этого стола, я бралъ неудачу нѣкоторые столбцы его—но и въ нихъ не открылось никакихъ особыхъ предметовъ вѣдомства Владимірскаго стола. Привожу краткое содержаніе попадавшихся мнѣ здѣсь дѣлъ, которое покажетъ, какъ выражались въ частностяхъ указанные выше предметы вѣдомства Владимірскаго стола.

Здѣсь находимъ мы, напримѣръ, челобитье Шацкаго осаднаго головы, кн. Мих. Гагарина, объ отпускѣ его по

---

(50) Книги № 9 (183 года), л. 73 и сл.
(51) Кн. № 4 (вся), кн. №№ 5, 6, 9 и др. (цѣликомъ).
(52) Кн. № 10, л. 85 и сл., л. 164 и сл.; кн. № 25 (вся).
(53) Книги № 9, л. 1 и сл., № 14, № 16, № 21.
(54) Книга № 17.

обѣщанью помолиться къ Николѣ Чудотв., что и разрѣшается ему подъ условіемъ сдачи города и его ключей другому лицу ([55]). Встрѣчаемъ челобитье тулянина Офросимова о пожалованіи ему за службу пустошки въ помѣстье, по поводу котораго Столъ относится къ Помѣстному Приказу ([56]). Встрѣчаемъ челобитья двухъ подвѣдомственныхъ Столу служилыхъ людей о перечисленіи ихъ изъ городоваго списка въ дворовый, одного—„за службу", другаго—„по родству и за службу", вслѣдствіе чего выписывается въ Столѣ „на примѣръ, которые по родству и за службу написаны по дворовому списку"—и дѣло рѣшается на основаніи существующихъ прецедентовъ. Встрѣчаемъ челобитье объ опредѣленіи осаднымъ головою въ Путивль; на основаніи челобитья дѣлается справка („выписка") о прежнемъ головѣ, отставленъ ли, и за что, и по склейкамъ докладной выписки помѣчается: „Государь пожаловалъ, велѣлъ ему быти въ головахъ до лѣта (т. е. на годъ)" ([57]). Далѣе встрѣчаемъ случаи запросовъ Столу изъ разл. приказовъ, съ требованіемъ доставленія справокъ о разл. служилыхъ людяхъ. Напримѣръ, изъ Помѣстнаго Приказа требуется отписать въ него „......Боровскаго уѣзда новокрещенному Поликарпу Прокофьеву сыну Козакову что помѣстный окладъ, и что за нимъ по разборному списку написано помѣстья" ([58]); изъ Приказа Казанскаго Дворца требуются справки, по какимъ городамъ и по какимъ спискамъ—выборному или дворовому—служатъ данныя лица ([59]); изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ требуется справка о служиломъ человѣкѣ, „въ службѣ ль онъ или въ отставкѣ написанъ, и что про него у разбору окладчики сказали... и за которыя службы и въ которомъ году по Московскому списку написанъ" ([60]) и т. п.

([55]) Столпъ № $\frac{\text{Общій 8858}}{\text{Частный 27}}$, дѣло № 2. (1627 г.)

([56]) Ib., дѣло № 8.

([57]) Ib., дѣло № 11.

([58]) Ст. № $\frac{\text{Общій 8862}}{\text{Частный 31}}$.

([59]) Ст. № $\frac{\text{Общій 8859}}{\text{Частный 28}}$.

([60]) Ст. № $\frac{8862}{31}$ и др.

3. Новгородскій Столъ.

Сохранившееся въ Архивѣ Министерства Юстиціи производство Новгородскаго стола заключается изъ 74 книгъ (самая ранняя отъ 1616 г.) и 371 столбцевъ (тоже).

Вѣдомство Новгородскаго стола заключалось въ высшемъ завѣдованіи ратнаго дѣла и служилыхъ людей городовъ, входившихъ въ составъ Новгородскаго Разряда. Новгородскій столъ вѣдалъ и отпуски воеводъ въ города этого Разряда ([61]). Остальные предметы вѣдомства, касающіеся этихъ городовъ (наприм. финансовое и др.), не входили въ кругъ дѣятельности Стола, сосредоточиваясь въ Новгородскомъ Приказѣ. Изъ книгъ Новгородскаго стола открывается, что въ районъ вѣданія его входили слѣдующіе именно города: Борисоглѣбовъ, Бѣжецкій Верхъ, Бѣлая, Велижъ, Вязьма, Галичъ, Гдовъ, Дмитровъ, Дорогобужъ, Зубцовъ, Изборскъ, Кашинъ, Клинъ, Кострома, Ладога, Лукъ Великій, Лютинъ, Невль, *Новгородъ Великій*, Опочекъ, Печерскій монастырь, Полоцкъ, Порховъ, *Псковъ*, Ржева Волод., Рославль, Смоленскъ, Старица, *Тверь*, Торжокъ, Торопецъ, Угличь, Холмъ, Ярославль ([62]).

Представлю обозрѣніе важнѣйшихъ сторонъ внутренняго содержанія книгъ Новгородскаго стола. Здѣсь находимъ мы:

a) Смѣтныя книги городовъ Новгородскаго Разряда. Здѣсь помѣщаются, по отдѣльнымъ городамъ, описанія городскихъ укрѣпленій, опись наряда, зелья, свинца, городовой казны, хлѣбныхъ запасовъ и т. п. оборонительнаго и продовольственнаго инвентаря ([63]).

b) Смѣтныя книги (списки) служилыхъ и ратныхъ людей по отдѣльнымъ городамъ, вѣдомымъ въ Столѣ ([64]).

([61]) Впрочемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ конкурировалъ съ Новгородскимъ Приказомъ—и весьма трудно опредѣлить, какъ разграничивался между обоими установленіями этотъ видъ дѣятельности. Въ книгѣ Новг. Стола. № 11, л. 1—мы видимъ смѣну воеводы Новгор. Столомъ; въ книгѣ № 63, л. 1—отпускъ воеводы Новгородскимъ Приказомъ.

([62]) Книга Волод. Стола № 11 (1665 г.), см. рубрику: «Въ городѣхъ воеводы», лл. 1—8.

([63]) Кн. № 2, л. 126; № 8, лл. 3 и сл., 57 и сл.

([64]) Кн. № 2. лл. 143 и сл., 168 и сл., 211 и сл.; № 35, 45, 50 (цѣликомъ).

c) Смотрѣнные списки недорослямъ, служилымъ и ратнымъ людямъ (65).

d) Разборныя книги служилымъ людямъ различиыхъ городовъ, по содержанію своему совершенно тожественныя таковымъ же книгамъ, указаннымъ мною при обозрѣніи книгъ Владимірскаго стола (66).

e) Раздаточныя книги денежнаго жалованья, выдаваемаго служилымъ и ратнымъ людямъ разл. городовъ (67).

f) Книги верстанья служилыхъ людей отдѣльныхъ городовъ въ службу и помѣстьями (68).

g) Поименные списки выходцевъ изъ польской, литовской и нѣмецкой земель, переходящихъ въ Московское подданство (69).

h) Записныя книги воеводъ, назначаемыхъ въ города Новгородскаго Разряда, съ отмѣткою въ нихъ отдѣльныхъ случаевъ смѣны воеводъ, и книги воеводскихъ отпусковъ (70).

i) Акты сдачи и пріема городовъ воеводами (71).

k) Записи различнаго рода распоряженій, касающихся организаціи ратнаго дѣла и вѣданія служилыхъ людей въ городахъ, напримѣръ указовъ о бытіи ратнымъ людямъ въ готовности къ выступленію въ походъ по первому требованію, памяти воеводамъ о доставленіи списковъ служилыхъ людей, памяти въ другіе приказы о доставленіи оружія, полковыхъ вещей и т. п. запасовъ для ратныхъ людей и т. п. (72).

---

(65) Кн. №№ 4, 24, 34 (цѣликомъ).

(66) Кн. № 12, л. 306; №№ 14, 16, 17, 26 и др. (цѣликомъ).

(67) Кн. № 1; № 13, л. л. 189 и сл., 436 и сл.; № 2, л. 405; № 15, л. л. 5 и сл., 194 и сл.

(68) Кн. №№ 6, 7.

(69) Кн. № 2, л. л. 3 и сл., 90 и сл.

(70) Книги №№ 30, 31, 58 л. 1 и сл., 68. Приведемъ для образца начало одной изъ книгъ воеводскихъ отпусковъ: «Въ Розрядѣ записная книга Новгородскаго стола.—Записка: Отпуски воеводамъ и всякимъ дѣламъ нынѣшняго 199 году.—Новгородскаго Разряду: Въ Вел. Новѣгородѣ бояринъ и воеводы N N, отпускъ имъ изъ Новгородскаго Приказу и т. д.».

(71) Кн. № 2, л, 108 и сл. (росписныя книги).

(72) Кн. № 58, л. л. 73, 93, 93 об. и др.; № 63, л. л. 58, 106; № 68, л. л. 69, 71, 85 и др.

l) Записи памятей и грамотъ, доставляемыхъ въ Столъ изъ другихъ приказовъ ([73]).

m) Записи различныхъ распоряженій касающихся внутренней организаціи самаго Стола ([74]).

Для изслѣдованія вопроса о взаимныхъ сношеніяхъ Приказовъ и о характерѣ распредѣленія между ними предметовъ вѣдомства, а въ особенности для исторіи ратнаго дѣла въ Московскомъ государствѣ — крайне интересною представляется записная книга Новгородскаго стола, хранящаяся въ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ № 58 и относящаяся къ 1687 году. Здѣсь записаны распоряженія Новгородскаго стола и его сношенія съ другими приказами по поводу приведенія на военное положеніе Новгородскаго разряда полка, долженствовавшаго выступить въ походъ съ бояриномъ и воеводами А. С. Шеинымъ съ товарищами. Такъ, изъ Оружейной Палаты принимается подъ росписку знамя; изъ Патріаршаго Приказа вытребовывается для Новгородскаго полка попъ съ церковною утварью; изъ Приказа Большаго Дворца — государевъ полковой шатеръ; изъ Конюшеннаго Приказа — обозные экипажи; изъ Приказа Большой Казны — высылка десяти стопъ бумаги для походной канцеляріи; въ Аптекарскій Приказъ посылается память о прикомандированіи къ полку лекаря съ медикаментами; въ Иноземскій Приказъ — о присылкѣ въ полкъ трубачей и литаврщиковъ; въ Новгородскій — о высылкѣ въ полкъ подъячихъ, пушкарей и кузнецовъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются распоряженія о сборѣ и переписи ратныхъ людей, составляются списки орудій назначенныхъ для Новгородскаго полка, описи нужныхъ для похода вещей и запасовъ и т. п. ([75]).

4. Бѣлогородскій Столъ.

Сохранившееся въ Архивѣ Министерства Юстиціи производство Бѣлогородскаго стола заключается въ 201 книгѣ

([73]) Книга № 55 (7191 года).

([74]) Кн. № 63, л. л. 45, 91, 103. Не безъинтересно здѣсь распоряженіе о переводѣ подъячаго изъ Бѣлогородскаго стола въ Новгородскій Столъ (л. 45).

([75]) Книга № 58 (7195 г.), л. л. 31, 65, 73, 74, 90 об., 92, 93, 93 об., 94 об., 95, 116, 141, 202 и др.

(самая ранняя 1629 г.) и 1917 стольцахъ (самый ранній 1618 г.). Бѣлогородскій столъ, въ сравненіи съ изложенными выше областными столами Разряда—представляетъ одну весьма любопытную особенность: въ немъ сосредоточивалось не одно только вѣданіе ратнаго дѣла и служилыхъ людей городовъ Бѣлогородскаго разряда—но и полное вѣданіе этихъ городовъ въ административномъ и въ финансовомъ отношеніи.

Неволинъ, въ своемъ изслѣдованіи „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго" заявляетъ, что „нѣкоторые города зависѣли отъ Разряда не только по назначенію въ нихъ чиновниковъ и по завѣдованію въ нихъ военною частію, но также и по управленію въ нихъ всѣми казенными доходами и недвижимыми государственными имуществами" ([76]), причемъ ссылается на указъ отъ 10 февраля 1665 г. ([77]), по которому „повелѣно было Разряду завѣдывать всѣми доходами городовъ Бѣлогородскаго и Сѣвскаго полковъ". Замѣчательно здѣсь то, что подобное завѣдованіе въ Разрядѣ (именно въ Бѣлогородскомъ столѣ) финансоваго управленія въ городахъ Бѣлогородскаго полка, по книгамъ Бѣлогородскаго стола, сохраняющимся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, встрѣчается гораздо ранѣе 1665 (7173) г. А такъ какъ въ приводимомъ Неволинымъ указѣ 1665 года весьма явственно говорится о завѣдованіи отнынѣ въ разрядѣ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, вѣдомыхъ передъ тѣмъ въ приказахъ Большаго Прихода и Новой Чети — то остается предположить, что вѣданіе этихъ сборовъ въ городахъ Бѣлогородскаго полку сосредоточивалось въ Бѣлогородскомъ столѣ ранѣе передачи ихъ въ завѣдованіе финансовыхъ приказовъ, что завѣдованіе ихъ въ этихъ послѣднихъ передъ 1665 г. было однимъ изъ временныхъ, преходящихъ, измѣненій — которыми такъ обильна исторія распредѣленія вѣдомства между приказами. Приведемъ нѣкоторые факты свидѣтельствующіе о томъ, что и до указа 1665 г. въ вѣдомство Бѣлогородскаго стола входило управленіе финансовою частью въ городахъ Бѣлогородскаго полка. Такъ, въ 1641 году здѣсь вѣдомъ былъ сборъ лавочныхъ пошлинъ по г. Усерду ([78]); въ

([76]) Неволинъ, Сочиненія, т. VI, стр. 148.
([77]) П. С. З. I. № 370.
([78]) Книга Бѣлог. Ст. № 6 (7149 г.), л. 22 и сл.

1650 году здѣсь вѣдомъ былъ расходъ на мѣстныя потребности денежной таможенной казны по г. Козлову ([79]); въ 1652 году между книгами Бѣлогородскаго стола находимъ книги кабацкой винной пріемки, сборную кабацкую книгу, расходную книгу по управленію таможенными и кабацкимъ сборамъ и книги сбору денегъ съ лавокъ и оброчныхъ мѣстъ по городамъ Бѣлгороду, Осколу, Ливнамъ и др. ([80]); въ 1649 г. книги сбора оброчныхъ денегъ съ лавокъ и торговыхъ мѣстъ по г. Коротояку ([81]) и мн. др. Финансовые сборы, поступавшіе съ городовъ вѣдомыхъ въ Бѣлогородскомъ столѣ, употреблялись на потребности управленія ими и въ особенности на содержаніе ратныхъ людей ротъ и полковъ гусарскаго, копѣйнаго, рейтарскаго и солдатскаго строю, приписанныхъ къ Бѣлогородскому Разряду: „...и годовое жалованье, деньги и хлѣбъ, ... по окладомъ ихъ (ратныхъ людей) давано Бѣлогородскаго полку въ городѣхъ, деньги изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, а въ иныхъ годѣхъ посыланы деньги съ Москвы“ ([82]),—говорится въ одномъ изъ смѣтныхъ списковъ, сохранившихся въ дѣлахъ Бѣлогородскаго полка; да и самый указъ 10 февраля 1665 г. весьма явственно предписываетъ обращеніе финансовыхъ доходовъ городовъ Бѣлогородскаго полка на покрытіе расходовъ по вѣдомству именно Бѣлогородскаго стола ([83]). Весьма значительную часть содержанія документовъ этого стола, какъ ниже увидимъ мы, составляютъ именно книги, росписи и отписки, касающіяся финансоваго управленія,—и въ этомъ отношеніи можно смѣло указать на книги Бѣлогородскаго стола, какъ на весьма обильный и цѣнный источникъ для изученія исторіи русскаго финансоваго права.

Что касается района вѣдомства Бѣлогородскаго стола, то въ немъ вѣдались—какъ показываетъ уже самое назва-

---

([79]) Кн. Бѣлог. Ст. № 24 (7158 г.), л. 271 и сл.

([80]) Ib., № 29, л. л. 1 и сл., 39 и сл., 50 и сл., 59 и сл., 200 и сл., 239 и сл., 279 и сл. и др.

([81]) Ib. № 30, л. л. 1 и сл.

([82]) Ib, № 100, л. 40.

([83]) Впрочемъ иногда часть финансовыхъ сборовъ съ городовъ Бѣлогородскаго полка, быть можетъ излишекъ,—поступивши въ Разрядъ, препровождалась отсюда въ финансовый приказъ (см. кн. Бѣлог. Ст. № 72, 1666 года, л. 66 об.).

ніе—города входившіе въ составъ Бѣлогородскаго полка. Въ послѣдній годъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, когда всѣ военныя силы Московскаго государства, приписанныя къ различнымъ городамъ, были раздѣлены на 9 разрядовъ (нѣчто напоминающее корпуса послѣдующаго времени), тогда города Бѣлгородскаго полка выдѣлились въ два разряда, Бѣлогородскій и Тамбовскій, оставаясь по прежнему въ вѣданіи разсматриваемаго стола. Въ одной изъ сохранившихся годовыхъ переписныхъ книгъ Бѣлогородскаго стола, относящейся къ 1683 (7191) году и хранящейся въ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ № 121, находимъ мы перечисленіе всѣхъ городовъ, вѣдомыхъ въ этомъ столѣ,—именно съ раздѣленіемъ ихъ на города разрядовъ Бѣлогородскаго и Тамбовскаго. Приведу цѣликомъ это перечисленіе, которое даетъ понятіе о пространствѣ территоріи, входившей въ составъ Бѣлогородскаго полка и вѣдавшейся въ Бѣлогородскомъ столѣ:

a) *Города Бѣлогородскаго разряда*: Алешинъ, Андреевы Лозы, Ахтырскъ, Богодуховъ, Балаклея, Болховъ, Борисовъ (Царевъ—), Боровль, Бѣлгородъ, Бѣлополье, Валуйки, Верхососенскъ, Вольный, Волчьи Воды, Высокополье, Городный, Двурѣчный Огородъ, Золочевъ, Змѣевъ, Изюмъ, Карповъ, Коломакъ, Колонтаевъ, Короча, Краснополье, Красный Кутъ, Лебедянъ, Лиманъ, Маяцкъ, Межирѣчье, Мерефа, Мирополье, Мурафа, Нижегольскъ, Ольшанскъ, Осколъ Новый, Осколъ Старый, Острогожскъ, Перекопъ Новый, Палатовъ, Рублевъ Огородъ, Салтовъ, Соколовъ, Соленый, Суджа, Сумы, Сѣнное Проворотье, Увалки, Усердъ, Харьковъ, Хатмыжскъ, Чугуевъ, Яблоновъ, — всего 53 города.

b) *Города Тамбовскаго разряда*: Бѣлоколодезь, Воронежъ, Данковъ, Добрый, Елецъ, Епифань, Ефремовъ, Землянскъ, Коротоякъ, Костенскъ, Лебединъ, Ливны, Новосиль, Орловъ, Сокольскъ, Талецкъ, Урывъ, Усмань, Чернавскъ, Чернь,— всего 20 городовъ.

Сверхъ этого перечня городовъ Бѣлогородскаго и Тамбовскаго разрядовъ, вѣдомыхъ въ Бѣлогородскомъ столѣ, въ Бѣлогородскомъ полку, какъ усматривается изъ другихъ книгъ, числились и другіе города, какъ напримѣръ: Алек-

сѣевъ (1647—1648 гг.) ([84]), Валки (1668 г.) ([85]), Каменный (1676 г.) ([86]), Козловъ (1650, 1660, 1676 гг.) ([87]), Ряжскъ (1650 г.) ([88]), Ново-Черкасскъ (1653, 1668, 1672 гг.) ([89]).

Считаю здѣсь необходимымъ остановиться на одномъ весьма любопытномъ явленіи, причины котораго не удалось мнѣ изслѣдовать, вслѣдствіе крайней недостаточности времени, которымъ располагалъ я при своихъ работахъ въ Архивѣ: многіе города, входящіе въ составъ Бѣлогородскаго полка, иногда значутся въ книгахъ Сѣвскаго стола, наряду съ городами вѣдомыми въ послѣднемъ; въ другихъ же случаяхъ замѣчается обратное явленіе: города Сѣвскаго полка упоминается въ книгахъ Бѣлогородскаго стола, какъ подлежащія вѣданію послѣдняго ([90]). Въ одномъ случаѣ подобнаго рода смѣшеніе рѣзко бьетъ въ глаза своею странностью: въ книгѣ Сѣвскаго стола № 15 (7189 = 1681 года), въ спискахъ явившихся на службу служилыхъ людей различныхъ городовъ, исчисляются, наряду съ городами Сѣвскаго полка, и города Бѣлогородскаго полка, и даже самый Бѣлгородъ— главный городъ этого полка. Весьма можетъ быть, что причиною подобнаго смѣшенія подвѣдомственности нѣкоторыхъ городовъ обоихъ полковъ служила спорность вопроса о томъ, въ составъ котораго изъ нихъ должно имъ входить, а еще болѣе вѣроятно то предположеніе, что причина его обусловливалась шаткостью распредѣленія вѣдомствъ между отдѣль-

---

([84]) Кн. Бѣлог. Ст. № 18.

([85]) Ib., № 56, л. 946.

([86]) Ib. № 65.

([87]) Ib., № 24, л. 246 и сл.; № 45, л. 84 и сл.; № 89, л. 1—163.

([88]) Ib., № 24, л. 4 и сл.

([89]) Ib., № 31, л. 1 и сл.; № 57, л. 395 и сл.; № 78.

([90]) *Города Бѣлогородскаго полка, встрѣчающіеся въ ряду городовъ Сѣвскаго полка*: *Новосиль* (Кн. Сѣвск. ст. № 11 (175 года), л. 438 и сл.); *Хотмыжскъ* (Id.); *Чернь* (Id.); *Вольный* (Id.); *Карповъ* (Id.); *Корочевъ* (Id., № 13, (184 года), л. 1 и сл.); *Епифанъ* (Id. № 15 (189 года).—*Города Сѣвскаго полка, встрѣчающіеея въ ряду городовъ Бѣлогородскаго полка*: *Курскъ* (Кн. Бѣлгор. Ст. № 10 (150 года), л. 1 и сл.; л и сл.; № 11 (152 г.), № 64 (184 г.)); *Брянскъ* (Id. № 1 (137 г.), л. 12; № 27 (159 г.)); *Рыльскъ* (Id. № 1 (137 г.), л. 126 об.); *Черниговъ* (Id. № 5, л. 80 и сл.); *Стародубъ* (Id. № 8 (149—152 гг.)) и др.

ными установленіями, которая въ значительной степени присуща была центральному управленію Московскаго государства и могла отразиться даже въ распредѣленіи вѣдомства между отдѣленіями одного и того же учрежденія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ столовъ Разряда былъ слишкомъ обремененъ накопленіемъ работы — часть предметовъ вѣдомства его могла быть временно передана другому столу, близкаго первому по роду и характеру дѣятельности; наконецъ служилые и ратные люди нѣсколькихъ городовъ одного полка могли быть временно поручаемы вѣданію стола, завѣдующаго другимъ полкомъ, какъ скоро того требовали соображенія стратегическія или извѣстныя задачи военнаго управленія. Укажу еще большую странность въ книгахъ Бѣлгородскаго полка: въ одной изъ этихъ книгъ помѣщаются смотрѣнные списки служилыхъ людей городовъ Гдова, Опочка, Острова и Изборска ([91]), въ другой — фигурируютъ города Ярославль, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Бѣжецкій Верхъ, Ростовъ и Дмитровъ ([92]), а въ третьей заключаются акты переписи дворовъ, и въ нихъ всякихъ чиновъ людей, 18-ти слободъ города Москвы ([93]). Не имѣвъ времени изслѣдовать причинъ такого рѣзкаго (очевидно временнаго) расширенія вѣдомства Бѣлогородскаго стола и не позволяя себѣ представлять какихъ либо проблематическихъ объясненій его —я констатирую этотъ фактъ лишь въ надеждѣ обратить на него вниманіе лицъ, которымъ представится случай изслѣдовать книги этого стола.

Перехожу къ обзору общаго содержанія книгъ Бѣлогородскаго стола.

1. *Годовыя смѣтныя книги городовъ Бѣлогородскаго полка.*— Съ теченіемъ каждаго года въ городахъ, подвѣдомственныхъ Бѣлогородскому столу, составлялись годовые отчеты или годовыя смѣтныя книги этихъ городовъ, въ которыхъ описывалось состояніе города и его крѣпостей, исчислялся нарядъ и пушечные припасы города, указывалось состояніе

([91]) Кн. Бѣлог. Ст. № 66 (185 года), л. л. 1 и сл.

([92]) Id., № 38 (165 года). Слѣдоват., въ данныхъ случаяхъ Бѣлогородскій столъ вторгается въ вѣдомства Новгородскаго стола Разряда и Новгородской Четверти.

([93]) Id., № 3 (146 года).

городской хлѣбной и денежной казны, перечислялись приказные городовые люди съ указаніемъ окладовъ жалованья ихъ и наконецъ составлялась общая вѣдомость числящихся по городу дворянъ и дѣтей боярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и другихъ ратныхъ людей. Попеченія о составленіи годовой смѣты возлагались на мѣстнаго воеводу. Составленныя такимъ образомъ смѣтныя книги препровождались въ Бѣлгородъ, какъ центральный городъ полка,—въ которомъ находилась особая Разрядная Изба,—и отсюда уже, вмѣстѣ съ смѣтною книгою самаго Бѣлгорода отсылались въ Столъ, гдѣ онѣ переплетались всѣ вмѣстѣ и представляли такимъ образомъ полную картину современнаго состоянія всѣхъ городовъ Бѣлгородскаго полка ([94]).

Для болѣе точнаго понятія о годовыхъ смѣтныхъ книгахъ городовъ, приведемъ начала двухъ изъ подобныхъ книгъ:

«По переписнымъ книгамъ съ Алешни, Андрея Толмачева, каковыя прислалъ въ Бѣлгородъ, годовую смѣту городу и людемъ и казнѣ и всякимъ пріемнымъ статьямъ, за своею рукою, нынѣшняго 192 году, написано:

Городъ Алешня построенъ въ 186 году на рѣчкѣ на Олешнѣ, съ крымской стороны.

Губнаго старосты, городовыхъ прикащиковъ, осаднаго и стрѣлецкаго и казацкаго головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ нѣтъ.

Приказныя избы подъячіе: *(исчисленіе)*.

Площадныхъ дьячковъ на Олешнѣ нѣтъ и т. д. и т. д. ([95])«.

Или:

«Лѣта 7178, сентября въ 15 день, по Государеву Цареву и в. к. Алексѣя Михаиловича всея В. и М. и Б. Россіи Сам—ца указу, и по грамотѣ изъ Розряду за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова, воевода

([94]) Таковы именно книги Бѣлогородскаго стола №№ 124 (7192 г.), 132 (7194 г.), 133 (7194 г.), 153 (7197 г.), 168 (7204 г.), составленныя изъ переплетенныхъ вмѣстѣ годовыхъ смѣтныхъ книгъ городовъ Бѣлгородскаго полка. Возьмемъ для образца книгу № 124. Во главѣ ея слѣдуетъ годовая смѣта по г. Бѣлгороду,—въ которомъ находится особая *Разрядная Изба* (см. въ этой книгѣ первый листъ № 1-го),—а за тѣмъ слѣдуютъ смѣтныя книги прочихъ полковыхъ городовъ, доставленныя въ Столъ не прямо, а черезъ центральный г. Бѣлгородъ, наприм.: «По переписнымъ книгамъ съ Алешни... каковыя прислалъ въ Бѣлгородъ, годовую смѣтную книгу городу и людемъ и казнѣ и всякимъ пріемнымъ статьямъ, за своею рукою и пр.» (см. книги 124-й №№ 10, 12, 13 и др.).

([95]) Книга Бѣлог. Ст. № 124 (№ 10).

Трое. Андр. Трубниковъ велѣлъ учинить въ сихъ тетрадяхъ годовую смѣту Епифанцамъ дѣтемъ боярскимъ, и стрѣльцамъ и козакамъ и пушкаремъ и всякимъ градскимъ служилымъ людемъ, и приказной избы подъячимъ, и каковъ городъ мѣрою, и по городу башнямъ, и въ городѣ наряду мѣднаго и железного, и что къ нимъ ядеръ, зелья и свинцу и фитилю, и хлѣбнымъ запасамъ, и вѣстовой колоколъ каковъ вѣсомъ, и что по городу и около города всякихъ крѣпостей. И то писано въ сихъ тетрадѣхъ порознь по статьямъ:

Городъ ставленъ острогомъ стоячимъ, дубовой, и тотъ острогъ во многихъ мѣстѣхъ подгнилъ; по городу 2 башни и т. д, и т. д.» (96).

2) *Отписки воеводъ о пріемѣ и сдачѣ городовъ* и самые акты смѣны воеводъ (*росписныя книги*), по отношенію къ городамъ Бѣлогородскаго полка, такъ какъ Бѣлгородскій столъ всецѣло вѣдалъ назначеніе воеводъ въ подвѣдомственные ему города (97).

3) *Строильныя книги* о построеніи вновь городовъ въ предѣлахъ подвѣдомственной Столу территоріи и ремонтъ городовъ существующихъ, и отписки воеводъ по этому предмету. Такъ, въ документахъ Стола встрѣчаемъ мы книгу касающуюся построенія гор. Хатмыжска, который велѣно въ 1640 г. ставить воеводѣ В. И. Толстому на „Хотмышскомъ городищѣ“, на р. Ворсклѣ, для береженія отъ непріятельскихъ нападеній на русскую украйну (98).

---

(96) Id. № 70 (л. 971 и сл., л. 987 и сл.).

(97) Кн. Бѣлог. Ст. №№ 2, 27 (л. 1 и сл.), 32 (л. 123 и сл.), 40 (л. л. 1 и сл., 151 и сл.), 56 (л. 902 и сл.), 65 (л. л. 1 и 28), 136 и мн. др. *Образецъ росписной книги:* «171 году. Книги росписныя Царева-Борисова города воеводы М. С. Дурново съ Аѳ. Норовымъ». Ниже помѣта: «171 г. іюня въ 24 д. прислалъ изъ Царева Борисова города Михаило Дурной». Еще ниже резолюція тѣмъ же почеркомъ: «Написать то все въ годовую роспись и Офонасья Норова противъ прежнего росписного списка во всемъ счесть накрѣпко». Ниже, подъ заглавіемъ и этими позднѣйшими помѣтами, слѣдуетъ начало самой книги: «Лѣта 7171, апрѣля въ 6 день, по Гос. Цареву и в. к. Алексѣя Михаиловича указу и по грамотѣ изъ Розряду, за приписью дьяка Аѳ. Зыкова, воевода Мих. Сав. Дурново принялъ у Аѳанасья Норова Царевъ-Борисовъ городъ и городовыя ключи» и т. д. (Кн. № 56, л. 902 и сл.).

(98) Кн. №№ 4 (л. 1 и сл.), 40 (л. 360), 126 и др. У Неволина годъ построенія Хатмыжска ошибочно поставленъ 1637 (см. его списокъ городовъ, въ VI т. сочиненій).

4) *Смотрѣнныя, разборныя, переписныя и приборныя книги* служилыхъ и ратныхъ людей по городамъ. Бѣлогородскаго стола ([99]). Уже въ силу самаго значенія Разряда, какъ высшаго установленія вѣдающаго дѣла службы, вытекаетъ, что подобнаго рода книги и списки составляютъ весьма значительную часть всѣхъ матеріаловъ Бѣлогородскаго стола. Здѣсь, при исчисленіи городовыхъ служилыхъ и ратныхъ людей, указываются обыкновенно и оклады помѣстнаго, денежнаго и хлѣбнаго жалованья ихъ.

5) *Раздаточныя книги денежнаго и хлѣбнаго жалованья*, выдаваемаго городовымъ служилымъ и ратнымъ людямъ, ежегодно высылавшіяся, для отчетности, въ Бѣлогородскій столъ ([100]), а также *книги раздачи* ратнымъ людямъ различныхъ городовъ *суконъ и кафтановъ* ([101]).

6) *Книги сбора и расхода городовыхъ хлѣбныхъ запасовъ* на продовольствіе ратныхъ людей, и *книги доимочныя* по сбору этихъ запасовъ ([102]).

7) *Книги касающіяся финансоваго управленія городовъ Бѣлогородскаго полка.* Книги этого рода — представляющія весьма цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго финансоваго права — встрѣчаются въ книгахъ Бѣлогородскаго стола въ очень значительномъ количествѣ. Это составляетъ прямое слѣдствіе высказаннаго выше положенія, что всѣ финансовые доходы городовъ Бѣлогородскаго полка обращались на покрытіе потребностей самаго Бѣлогородскаго стола, почему и вѣдались въ этомъ столѣ. Здѣсь прежде всего находимъ мы общія книги денежныхъ доходовъ и расходовъ ([103]), затѣмъ приходныя и расходныя книги по различнымъ спеціальнымъ рубрикамъ, какъ то: сбора съ кузницъ, лавокъ, съ торговъ и

([99]) Кн. №№ 7, 20 (81 л.), 21 (л. л. 5, 8, 10 и др.), 44 (л. л. 1, 233, 365), 57 (л. 277), 65 (л. 1214 и сл.), 94 (л. 416), 96 (л. 269), 104, 108, 110 и мн. др.

([100]) Id., №№ 15 (л. 25 и сл.), 24 (л. 4 и сл.), 28 (л. 106 и сл.), 41 (л. 16 сл.), 57, 74, 100 и др.

([101]) Id. №№ 99, 75.

([102]) Id. №№ 34 (л. 31 и сл.), 70 (л. л. 1 и сл., 16 и сл.), 78 (л. 1 и сл.), 84 (л. 107), 89, 156 (NB), 164 и др.

([103]) Напр. Кн. Бѣл: Ст. №№ 18 (л. л. 2 и сл.. 5 и сл.), 20 (л. 115 и сл.), 24 (225 и сл.) и др.

промысловъ, съ мельницъ и различныхъ оброчныхъ статей ([104]), расходъ денегъ таможеннаго и кабацкаго сбора, судныхъ пошлинъ и т. п. ([105]). Всѣ книги этого рода, ведшіяся при городовыхъ приказныхъ избахъ, съ истеченіемъ года отсылались въ видахъ отчетности въ Столъ и здѣсь хранились, переплетенныя въ извѣстномъ порядкѣ. Въ Столъ отправлялись съ истеченіемъ года также сборныя или продажныя книги головъ и цѣловальниковъ, приставленныхъ къ вѣданію различныхъ сборовъ, — головъ и цѣловальниковъ таможенныхъ, кабацкихъ и мельничныхъ. Такъ, мы находимъ въ книгахъ Бѣлогородскаго стола сборныя или продажныя книги вѣрныхъ кабацкихъ головъ, расходныя книги послѣднихъ, книги кабацкія винной пріемки, сборныя книги мельничныхъ головъ и т. п. ([106]). Здѣсь встрѣчаемъ мы далѣе записи ра-

---

([104]) Кн. №№ 24 (л. 246 и сл.), 29 (л. 279), 30, 44 (л. 257 и сл.), 45 (лл. 89, 84, 100 и др.), 55 (л. 626 и сл.) и др.

([105]) Напр. Кн. №№ 24 (л. л. 271 и сл., 334 и сл.), 34 (л. 164 и сл., — пошлины судныя, банныя, проѣзжія и т. п.) и др.

([106]) Кн. Бѣлог. Ст. №№ 24 (л. 39 и сл.), 29 (л. л. 1 и сл., 50 и сл., 56 и сл.), 102 (л. л. 33 и сл., 81 и сл., 144 и сл.) и др. Представлю образецъ книги подобнаго рода, изъ котораго увидимъ мы, какъ имѣла мѣсто самая отчетность по этимъ книгамъ. Беру «Книгу мельничнаго сбора» по гор. Вольному, 7187 года:

«Лѣта 7187, сентября въ 1 день, по указу Вел. Государя.... и по грамотѣ изъ Розряду за приписью дьяка Любима Домнина, Вольного города мельничной голова Несторъ Костинъ съ цѣловальники учали Государеву мельничную пошлину сбирать, помольныя деньги, сентября съ перваго числа, съ четверика по 3 деньги, съ толчей ступъ по 2 деньги; а тотъ Вольновской четверикъ таможенной. А сколько на мельницу х..дитъ мельничной доходъ и что въ расходѣ по мѣсяцомъ — и то писано въ сей въ книгѣ подлинно, порознь, статьями. — Въ А день...., въ К день.... (и такъ далѣе по мѣсяцамъ и днямъ)». (Кн. № 102, л. л. 33 и сл.). Подобную же книгу по г. Вольному имѣемъ мы и по кружечному кабацкому сбору (ibid., л. л. 81 и сл., 144 (или 114) и сл.).

Посмотримъ теперь, какъ наступала отчетность по этимъ книгамъ, послѣ представленія ихъ въ Столъ; на это укажутъ намъ помѣты сдѣланныя на нихъ въ Столѣ. На заглавномъ листѣ первой книги помѣчено: «188 году генваря въ 18 день. — По книгамъ *счесть* и учинить *выписка* и *поднесть* безъ мотчанья». (Кн. № 102, л. 33). На книгѣ кружечнаго сбора помѣчено: «188 году, декабря въ 29 день, подалъ голова Степанъ Житовъ: По книгамъ счесть и учинить выписка» (Ibid. л. 114 или 144).

споряженій по самой организаціи въ городахъ финансоваго управленія; такъ вся книга Бѣлогородскаго стола № 86 (1675 года) заключаетъ въ себѣ собранные вмѣстѣ указы о выборѣ головъ для завѣдованія пошлинными сборами различнаго рода, съ присовокупленіемъ самыхъ тетрадей сбора (напр. въ г. Мценскѣ — таможенныхъ пошлинъ, въ г. Усмани — пошлинъ съ соли, вина и другихъ статей и т. п).

Въ книгахъ Бѣлогородскаго стола находимъ мы указанія и на сборъ нѣкоторыхъ другихъ доходовъ, напримѣръ сборъ рублевыхъ денегъ взамѣнъ личной службы съ служилыхъ людей различныхъ городовъ ([107]) и сборъ денегъ полоняничныхъ ([108]); впрочемъ сборъ послѣдняго рода передавался, по всей вѣроятности, въ Полоняничный приказъ, что мы видимъ относительно всѣхъ вообще приказовъ, какъ территоріальныхъ, такъ и родовыхъ.

8) *Книги, касающіяся внутренняго дѣлопроизводства Бѣлогородскаго стола.*—Книги этого рода представляютъ неоцѣненный матеріалъ для исторіи русскаго права; смѣло рекомендуемъ ихъ вниманію лицъ, желающихъ изслѣдовать внутренній порядокъ приказнаго дѣлопроизводства, взаимныя отношенія и сношенія отдѣльныхъ приказовъ и отношенія приказовъ къ областному управленію. Къ этой рубрикѣ относятся три книги Бѣлогородскаго стола. Первая изъ нихъ, хранящаяся въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ дѣлахъ Бѣлогородскаго стола, подъ № 95 (7184 года), содержитъ въ себѣ съ одной стороны грамоты посылаемыя въ города Бѣлогородскаго полка, а съ другой стороны — отписки въ Столъ воеводъ и приказныхъ людей этихъ городовъ. Остальныя двѣ книги—значущіяся въ книгахъ Бѣлогородскаго стола подъ №№ 72 и 122—представляютъ изъ себя повседневные настоль-

---

Изъ этихъ помѣтъ видимъ, что книги доставлялись въ Столъ самими головами; здѣсь онѣ повѣрялись подъячими, и на основаніи повѣрки составлялся докладъ (выписка), который и представлялся на разсмотрѣніе судей Разряда.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что помѣтами на книгахъ и актахъ не слѣдуетъ пренебрегать: онѣ даютъ драгоцѣнныя указанія и нерѣдко проливаютъ свѣтъ на многія темныя стороны старин. дѣлопроизводства.

([107]) Кн. Бѣлог. Ст. №№ 184 и 185.

([108]) Id., № 44 (л. 250 и сл.).

ные журналы Стола въ теченіи извѣстныхъ промежутковъ времени; первая изъ нихъ обнимаетъ собою промежутокъ времени съ марта по августъ мѣсяцы 7174 (1666) года, вторая —съ 12 сентября по 30 августа 7192 г. (или съ 12 сент. 1683 по 30 авг. 1684 г., по современному намъ лѣтосчисленію). Если бы дошли до нашихъ дней всѣ подобнаго рода книги Бѣлгородскаго стола—мы имѣли бы полную хронологическую лѣтопись его ([109]). Здѣсь, подъ каждымъ днемъ, записываются всѣ входящія въ Столъ бумаги въ томъ видѣ, въ какомъ изготовлены онѣ Столомъ для доклада присутствію Разряда, и затѣмъ подъ каждою подобною записью излагается резолюція судей или рѣшеніе государя,— если дѣло докладывалось послѣднему; въ концѣ каждой статьи отмѣчается также, кому именно изъ подъячихъ сдана бумага. Въ этихъ статьяхъ находимъ мы отписки Столу изъ городовъ по всѣмъ вообще предметамъ вѣдомства перваго; а такъ какъ Бѣлгородскій столъ, по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему городамъ, носилъ вполнѣ характеръ установленія, компетентность котораго опредѣлялась по пространству территоріи, —то ясно, что эти книги представляютъ источникъ первой важности и для исторіи мѣстнаго управленія. Значеніе этихъ книгъ идетъ еще далѣе того: онѣ дадутъ серьезный матеріалъ для всякаго вообще изслѣдованія въ сферѣ исторіи права Московскаго,

Для общей характеристики этихъ книгъ, позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ книги № 72-й:

«Того жъ числа (2 апрѣля).—Писалъ къ Великому Государю изъ Брянску кружечного двора вѣрной голова Семенъ Мокѣевъ съ товарищи, что де имъ противъ прошлого году денегъ въ сборѣ не будетъ, потому что питушка нѣтъ.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: Отписать къ нимъ же, что бъ сбирали неоплошно съ радѣньемъ и учинили бы передъ прежнимъ сборомъ прибыль большую, а не такъ бы какъ во 173 году вѣрной голова и цѣловальники воровали и кружечного двора прибыль крали, а въ томъ и винились, и за то имъ будетъ наказанье жестокое и сосланы будутъ въ ссылку въ Сибирь, а недоборъ доправятъ на нихъ больше людей; а они бъ отъ того ото всего остере-

---

([109]) Подобные повседневные журналы, или записныя докладныя книги, велись безъ сомнѣнія во всѣхъ Московскихъ приказахъ.

тались и сбирали со всякимъ радѣньемъ неоплошно и некорыстно.— Отписка отдана Өедору Пономареву» (110).

«Того жъ числа (2-го же апрѣля).—Писалъ къ Великому Государю изъ Бѣла Города бояринъ и воевода князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ со товарищи о вѣстяхъ, что писалъ къ нему бояринъ и войска запорожскаго гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкой.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: Великому Государю чтена, послать о томъ память въ Малороссійскій Приказъ.—Отписка отдана Борису Корѣлкину» (111).

«Апрѣля въ 3 день.—Писалъ къ Великому Государю съ Сапожка Иванъ Сербинъ о осовахъ.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: Великій Государь указалъ его за прописку и что сложена отписка *не по чину*, какъ бываютъ иныя отписки, послать въ тюрьму на два дни, а подъячего, кто писалъ, бить батоги нещадно; а довелось было его за то изъ воеводства перемѣнить. И Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ то письмо на милость положить; и онъ бы, вѣдая то, ему Великому Государю служилъ и поискалъ прибыли и велѣлъ тѣ осоки описать, сколько ихъ и кто ими владѣетъ, и давно ль, и почему, и кто пустошитъ, а описывать бы велѣлъ имянно и взять у тѣхъ людей сказки за ихъ руками, и съ крѣпостей списки за ихъ же руками и прислать къ Москвѣ тотчасъ.—Взялъ (*т. е. отписку*) Өедька Пономаревъ (*написано другою рукою, вѣроятно самимъ подъячимъ Пономаревымъ*» (112).

«Того жъ числа (3 апрѣля).—Писалъ къ Великому Государю изъ Смоленска (113) стольникъ и воевода князь Петръ Большой Прозоровской съ рейтаромъ съ Ортемьемъ Волковымъ о вѣстяхъ, что писалъ къ нимъ изъ Рославля воевода Иванъ Тухачевской, что съ польскими людьми Государевыхъ ратныхъ людей бой былъ, и на томъ бою взятъ въ полонъ ротмистръ Андрей Веста да смоленской рейтаръ Семенъ Ваулинъ, да убитъ до смерти солдатскаго строя порутчикъ Лаврентей Булычевъ, да трое человѣкъ раненыхъ.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: Великій Государь указалъ писать въ Рославль къ воево-

---

(110) Кн. № 72 (л. 60 об.).

(111) Кн. № 72 (л. 61 об.).

(112) Кн. № 72 (л. 62).

(113) Любопытная задача для изслѣдованія: какимъ путемъ оказываются подвѣдомственными Бѣлогородскому столу города Смоленскъ и Рославль? (смотри также Кн. № 72, лл. 150, 151, 151 об.). Извѣстно, что въ эту эпоху они вѣдались въ Приказѣ княж. Смоленскаго. Изъ книгъ же Сѣвскаго стола узнаемъ мы, что они вѣдаются иногда и въ немъ (Кн. Сѣв. ст. №№ 14, 15 и 18 (1669, 1681 и 1687 гг.) для Рославля и № 18. (1687 г.), для Смоленска).

дѣ, что онъ учинилъ то дурно, выслалъ на вылазку не развѣдывая про непріятельскихъ людей про многихъ; и онъ бы впредь такъ не дѣлалъ, развѣдывалъ бы про непріятельскіе приходы допряма и поискъ чинилъ, усматривая времяни что бъ поискъ чинить, а ратныхъ людей оберегать.— Та отписка отдана Григорію Яковлеву» ([114]).

«Того жъ числа (5 апрѣля) отдана отписка стола.—Писалъ къ Великому Государю съ Воронежа Яковъ Татищевъ объ отпуску для челобитья казака Петра Ѳедорова съ товарищемъ.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Ѳедора Грибоѣдова: Въ столпъ отписка отдана Борису Корѣлкину апрѣля въ 11 день (*т. е. отдана для вклейки въ столпъ, находящійся въ вѣданіи подьячаго Корѣлкина*)» ([115]).

«Того жъ числа (8 апрѣля) —Писалъ Великому Государю съ Бѣлой стольникъ и воевода Петръ Зиновьевъ съ пушкаремъ . . . и прислалъ мѣдныхъ денегъ 2228 алтынъ.—Помѣта на отпискѣ дьяка Василья Семенова: Припять тѣ деньги въ Розрядъ и отослать ихъ въ Приказъ Большія Казны съ иными такими же.—Въ Москвѣ отписка отдана Ѳедору Пономареву» ([116]).

«Того жъ числа отдана отписка стола.—Писалъ къ Великому Государю изъ Костенскаго Макаръ Милевской, съ воронежцомъ сыномъ боярскимъ . . . что билъ челомъ Великому Государю воронежского роду пушкарскій братъ С. Усачовъ, что изъ Костеньского уѣзду, изъ села Рукима, поповскій староста Троицкій попъ Сергѣй вывезъ къ себѣ во крестьянство сына боярскаго Ивашку Фролова, а его Ивашково помѣстье пусто ([117]), и чтобъ отдать ему.—Помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: Послать Государева грамота въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводомъ, велѣть указъ учинить до чего доведется, а Милевского велѣть посадить въ тюрьму на день за его боярское безчестье, что пишетъ къ Великому Государю объ указѣ *мимо его боярина и воеводы* ([118]).— Отписка отдана Борису Корѣлкину» ([119]). —

Приведу еще нѣсколько сокращенныхъ указаній на содержаніе той же книги:

Изъ Одоева воевода доноситъ что городъ худъ, «безъ подѣлки горо-

---

([114]) Кн. № 72 (л. 62 об.).

([115]) Кн. № 72 (л. 66).

([116]) Кн. № 72 (л. 66 об.); сравни выше примѣчаніе 80.

([117]) Любопытное указаніе на низкую ступень матеріальнаго благосостоянія городовыхъ служилыхъ людей.

([118]) Указаніе на значеніе Бѣлгорода, какъ средней инстанціи между столомъ и остальными полковыми городами. (Совершенно подобный же случай см. Кн. № 72, л. 155 об.).

([119]) Кн. № 72 (л. 145 об.).

довой быти не мочно». Помѣта: «Къ отпуску; а въ Пушкарскій Приказъ послать память» ([120]).

Изъ Новосиля воевода доноситъ, что на пиру у стряпчаго Лодыженскаго одинъ гость бранилъ другаго измѣнникомъ. Помѣта: «Великій Государь указалъ послать свою Государеву грамоту къ боярамъ и воеводамъ въ Бѣлгородъ, что бъ учинили указъ, сыскавъ о томъ дѣлѣ» ([121]).

Бѣлогородскій воевода пишетъ о мельницахъ, находящихся въ безоброчномъ владѣніи у троихъ бѣлогородцевъ. Помѣта: «Выписать, за что даны безоброчно въ помѣстье» ([122]), и т. п. и т. п.

Въ заключеніе обзора книгъ Бѣлогородскаго стола я долженъ замѣтить, что въ нихъ заключаются указанія и на порученіе Бѣлогородскому столу нѣкоторыхъ особенныхъ, спеціальныхъ порученій, не входящихъ въ кругъ обыкновеннаго, нормальнаго вѣдомства его. Такъ, въ 1670 г. въ этотъ столъ доставлялись отписки изъ городовъ о приводѣ къ крестному цѣлованью козаковъ и вообще всего населенія Малороссійскихъ городовъ (хотя въ это время и существовалъ особый Малороссійскій приказъ) ([123]). Такъ въ 1678 г. Бѣлогородскій столъ принималъ мѣры къ разведенію въ г. Чугуевѣ виноградныхъ садовъ и арбузныхъ грядъ ([124]).

5. Сѣвскій Столъ.

Разсмотрѣвъ вѣдомство Бѣлогородскаго стола, на сколько выясняется оно изъ сохранившихся книгъ этого отдѣленія Разряднаго приказа — намъ придется уже, для избѣжанія повтореній, сказать весьма мало о столѣ Сѣвскомъ, такъ какъ, какъ мы это выше видѣли—онъ является по отношенію къ городамъ Сѣвскаго полка или Сѣвскаго разряда совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и Бѣлогородскій столъ по отношенію къ городамъ Бѣлогородскаго полка или Бѣлогородскаго и Тамбовскаго разрядовъ. Вслѣдствіе этого и

([120]) Кн. № 72 (л. 146 об.).

([121]) Еще указаніе на значеніе г. Бѣлгорода, какъ средней инстанціи между столомъ и прочими полковыми городами. Кн. № 72 (л. 146 об.).

([122]) Кн. № 72 (л. 157).

([123]) Кн. № 56 (лл. 1031, 1045 и др.).

([124]) Кн. № 94 (л. 122 и сл.).

содержаніе книгъ Сѣвскаго стола совершенно аналогично содержанію книгъ Бѣлогородскаго стола (книги смѣтныя, разборныя, переписныя, росписныя, приходо-расходныя и т. п.), хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно является и несравненно болѣе скуднымъ, вслѣдствіе весьма малаго количества сохранившихся въ Архивѣ дѣлъ его: производство Сѣвскаго стола сохранилось въ количествѣ 33 книгъ (самая ранняя 1631 г.) и 508 столбцевъ (самый ранній 1623 г.).

По книгамъ этого стола, въ составъ Сѣвскаго полка входили слѣдующіе города, ему подвѣдомственные: Болховъ, Брянскъ, Воротынскъ, Козельскъ, Корочевъ, Кромы, Курскъ, Мещовскъ, Мценскъ, Недрыгайловъ, Новгородъ Сѣверскій, Обоянь, Орелъ, Почепъ, Путивль, Рославль, Рыльскъ, Серпейскъ, Стародубъ, *Сѣвскъ*, Трубческъ, Черниговъ.

Сѣвскъ служилъ центральнымъ городомъ всего полка; подобно тому какъ и въ Бѣлгородѣ—центральномъ городѣ Бѣлгородскаго полка—въ немъ находилась особая Разрядная изба ([125]). Подобно Бѣлгороду — онъ служилъ посредствующею инстанціею между столомъ и остальными полковыми городами. Нельзя не сознаться въ трудности составленія твердаго списка городовъ Сѣвскаго полка, подвѣдомственныхъ Сѣвскому полку. *Постоянно* встрѣчаемъ мы подвѣдомственными этому столу лишь центральные города района Сѣвскаго полка; подвѣдомственность же городовъ расположенныхъ по окраинамъ этого района подвергалась весьма замѣтнымъ колебаніямъ. Сѣвскій полкъ граничилъ съ юго-востока съ Бѣлогородскимъ полкомъ, съ юга и юго-запада—съ райономъ Малороссійскаго приказа и Кіевскаго стола, съ сѣверо-запада съ райономъ Смоленскаго Приказа, съ сѣвера съ райномъ Владимірской Четверти; вслѣдствіе этого вѣдомство Сѣвскаго стола весьма часто, по отношенію къ пограничнымъ городамъ его, перекрещивалось съ вѣдомствами установленій, которымъ подвѣдомственны были сосѣдственные районы. Выше указано уже было нами смѣшеніе вѣдомствъ Бѣлогородскаго и Сѣвскаго столовъ ([126]); внимательное разсмотрѣніе представленнаго нами перечня городовъ, встрѣчающихся въ книгахъ Сѣвскаго стола въ ка-

---

([125]) См. Кн. Сѣв. ст. № 32 (лл. 11 и 25).

([126]) См. выше примѣч. 90.

чествѣ подвѣдомственныхъ ему, указываетъ, что здѣсь попадаются города вѣдомые во Владимірской Четверти (Болховъ, Воротынскъ, Серпейскъ), въ Смоленскомъ Приказѣ (Рославль) и наконецъ въ Малороссійскомъ Приказѣ (Черниговъ).

6. Кіевскій столъ.

При незначительномъ количествѣ документовъ, сохранившихся отъ производства Кіевскаго стола, именно 56 книгъ (самая ранняя 1666 г.), 7 столбцевъ и 1 вязки—большія затрудненія представляетъ опредѣленіе характера и района территоріальнаго вѣдомства его. Особенно трудно опредѣлить отношенія его къ Малороссійскому Приказу. Долженъ сознаться, что я не могъ прійти въ этомъ отношеніи ни къ какому опредѣленному результату. Можно было бы думать, что въ этомъ столѣ вѣдался Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ какомъ либо *одномъ* отношеніи. Но разсмотрѣніе книгъ его опровергаетъ это предположеніе: здѣсь мы встрѣчаемъ—какъ и въ дѣлахъ предшествовавшихъ Столовъ—книги переписныя служилыхъ и жилецкихъ людей ([127]), книги смѣтныя ([128]), книги росписныя ([129]), книги приходныя и расходныя различнымъ статьямъ ([130]) и т. п. Не теряясь далѣе въ догадкахъ и гипотезахъ—позволю себѣ лишь выставить слѣдующее предположеніе: не обусловливалось - ли выдѣленіе административнаго вѣданія г. Кіева и окрестныхъ городовъ въ спеціальное завѣдованіе Разряда, изъ общаго вѣданія Малороссійскаго Приказа, въ виду нежеланія распространить на эти города тѣ весьма обширныя административныя льготы, которыя предоставлены были южнымъ Малороссійскимъ городамъ? ([131]).

([127]) Кн. Кіевск. ст. № 1.

([128]) Id. №№ 6, 9, 11.

([129]) Id. № 2.

([130]) Id. №№ 15, 21.

([131]) Весьма вѣроятно, что рѣшеніе вопроса о значеніи Кіевскаго стола Разряднаго Приказа нужно искать въ дѣлахъ Приказа Малорос-

Въ настоящее время остается намъ разсмотрѣть еще три стола Разряднаго Приказа, вѣдомство которыхъ опредѣляется уже по роду дѣлъ. Это именно столы: Помѣстный, Денежный и Приказный.

7. Помѣстный столъ.

Мы видѣли выше, что въ непосредственномъ вѣдѣніи Разряда состояло весьма значительное количество южныхъ и юго-западныхъ городовъ, вѣдавшихся въ немъ не только служилыми отношеніями и ратными дѣлами—но и всею своею администраціею. До присоединенія Малороссіи и учрежденія Малороссійскаго Приказа—въ немъ вѣдалось управленіе всею Московскою юзо-западною украйною. Ясно, что уже весьма рано должна была оказаться потребность въ учрежденіи при Разрядѣ особаго отдѣленія для завѣдованія въ этихъ городахъ всѣми вотчинными и помѣстными отношеніями,—отношеніями, которыя лежали въ основѣ всей организаціи служилаго сословія. Помѣстный столъ Разряда и былъ отвѣтомъ на эту потребность. Въ немъ вѣдались—съ устраненіемъ общей компетентности Помѣстнаго Приказа — всѣ вотчинныя и помѣстныя отношенія украйныхъ городовъ, вѣдавшихся въ Разрядѣ. При обзорѣ района вѣдомства Бѣлогородскаго и Сѣвскаго полковъ сдѣлано уже было нами самое исчисленіе этихъ городовъ. Такимъ образомъ компетентность Помѣстнаго стола является вполнѣ очерченною и не возбуждаетъ никакихъ особенныхъ сомнѣній.

Сохранившееся въ Архивѣ Министерства Юстиціи производство Помѣстнаго стола заключается въ однихъ столбцахъ, количество которыхъ простирается до 217 (самый ранній относится къ 1622 году).

Разсмотримъ общее содержаніе дѣлъ Помѣстнаго стола, на сколько выяснилось оно изъ разсмотрѣнныхъ мною столбцевъ.

сійскаго. Въ первой книгѣ Кіевскаго стола подвѣдомственными послѣднему исчисляются слѣдующіе Малороссійскіе города (кромѣ самого Кіева): Барышевка, Барышъ-Поле, Березна, Борзна, Буромля, Воронковъ, Всеволожъ, Золотоноша, Иванъ-Городецъ, Кобыжна, Кропивна, Посовка, Песчаный и др.

1) Судныя дѣла о спорныхъ помѣстныхъ земляхъ ([132]).

2) Производство измѣренія и описанія земель ([133]).

3) Дѣла о надѣленіи служилыхъ людей помѣстными землями за службы и челобитья ихъ о томъ ([134]).

4) Выдача выписей на земли съ книгъ отказныхъ и писцовыхъ ([135]).

5) Челобитныя и дѣла по размежеванію земель между владѣльцами и жалобы на неправильное размежеваніе ([136]).

6) Челобитныя и дѣла о справѣ помѣстій и вотчинъ и объ утвержденіи во владѣніи таковыми ([137]).

7) Челобитныя и дѣла о неправильномъ завладѣніи вотчинными и помѣстными землями ([138]).

8) Дѣла о переходѣ правъ владѣнія вотчинами и помѣстьями отъ одного лица къ другому ([139]).

([132]) Столбецъ № $\frac{\text{Общ. } 8190}{\text{Част. } 81}$ (1677 г., гор. Бѣлоколодезь); № $\frac{8200}{91}$ (1698 г., гор. Брянскъ); № $\frac{8205}{96}$ (1678 г., гор. Ливны); № $\frac{8293}{184}$ (1690 г., гор. Добрый); № $\frac{8225}{116}$ (1683 г., гор. Путивль); № $\frac{8258}{149}$ (1686 г., гор. Усердъ) и мн. др.

([133]) Ст. № $\frac{8191}{82}$ (1677 г., гор. Нов. Осколъ, Землянскъ, Обоянь, Новосиль).

([134]) Ст. № $\frac{8139}{30}$ (1648 г., гор. Добрый), № $\frac{8288}{179}$ (1690 г.), №№ $\frac{8136}{27}$, $\frac{8148}{39}$, $\frac{8239}{130}$, $\frac{8252}{143}$, $\frac{8280}{171}$ и мн. др.

([135]) №№ $\frac{8186}{177}$, $\frac{8199}{90}$, $\frac{8212}{103}$, $\frac{8249}{140}$, $\frac{8252}{143}$ и др.

([136]) №№ $\frac{8190}{81}$, $\frac{8254}{145}$, $\frac{8314}{205}$, $\frac{8210}{101}$, $\frac{8236}{127}$ и др.

([137]) №№ $\frac{8192}{83}$, $\frac{8213}{104}$, $\frac{8262}{153}$, $\frac{8301}{192}$ и др.

([138]) №№ $\frac{8224}{115}$, $\frac{8251}{142}$, $\frac{8231}{122}$, $\frac{8256}{147}$, $\frac{8264}{155}$ и др.

([139]) №№ $\frac{8278}{169}$, $\frac{8295}{186}$, $\frac{8301}{192}$ и др.

Такимъ образомъ уже изъ сдѣланнаго краткаго перечисленія содержанія столбцевъ Помѣстнаго стола — открывается весьма важное значеніе ихъ для изученія исторіи правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ.

8. Денежный Столъ.

Изъ обзора предъидущихъ столовъ Розряднаго Приказа не трудно уже было замѣтить, что въ распоряженіи этого Приказа постоянно находились довольно значительныя суммы денегъ, поступавшія въ него съ подвѣдомственныхъ ему городовъ, а также поступавшія въ него изъ другихъ вѣдомствъ, на жалованье и содержаніе ратнымъ людямъ. Вслѣдствіе этого весьма естественнымъ и необходимымъ было учрежденіе при Разрядѣ особаго отдѣленія для вѣданія счетоводства по всѣмъ суммамъ, поступавшимъ въ кассу Разряда и отпускавшимся изъ нея на удовлетвореніе различныхъ потребностей. Такимъ чисто финансовымъ отдѣленіемъ Разряда служилъ *Денежный столъ* его. Учрежденіе этого Стола относится, по всей вѣроятности, къ очень раннему времени; по крайней мѣрѣ онъ существовалъ уже въ 1615 г.: къ этому году относится самая ранняя изъ хранящихся въ Архивѣ книгъ его. Кромѣ значенія чисто бухгалтерскаго отдѣленія Разряда, Денежный столъ имѣлъ также и значеніе отдѣленія, контролирующаго движенія суммъ въ городахъ подвѣдомственныхъ Приказу; въ дѣлахъ его находимъ мы массу книгъ, содержащихъ въ себѣ росписанія окладныхъ и неокладныхъ доходовъ различныхъ городовъ, книги съ списками расходовъ по различнымъ городамъ, съ списками городовыхъ недоимокъ за прошлые годы, вѣдомости объ остаточныхъ за расходами суммахъ въ городахъ и т. п. Сюда доставлялись изъ другихъ (территоріальныхъ) столовъ приходо-расходныя книги и различнаго рода смѣтныя вѣдомости, которыя и провѣрялись здѣсь подъячими, сообразно съ имѣвшимися въ столѣ смѣтами доходовъ и расходовъ отдѣльныхъ городовъ, подвѣдомственныхъ Разряду [140].

---

[140] Кн. Ден. Ст. №№ $\frac{11629}{1}$, $\frac{11632}{4}$, $\frac{11634}{6}$, $\frac{11641}{13}$, $\frac{11643}{15}$,

Кромѣ веденія счетоводства и контроля по движенію суммъ относительно отдѣльныхъ городовъ подвѣдомственныхъ Разряду, на обязанности Денежнаго стола лежало, какъ мы выше замѣтили, веденіе книгъ по всѣмъ вообще доходамъ и расходамъ Разряднаго Приказа и составленіе общаго баланса ихъ: въ дѣлахъ Денежнаго стола находимъ мы *общія* приходо-расходныя книги и затѣмъ отдѣльныя записныя книги—приходныя и расходныя—*„всякимъ розряднымъ доходомъ“* ([141]).

$\frac{11649}{21}$, $\frac{11661}{33}$, $\frac{11723}{95}$, $\frac{11733}{105}$, $\frac{11748}{120}$, $\frac{11749}{121}$, $\frac{11812}{184}$, и мн. др. Въ дѣлахъ Денежнаго стола находимъ особую книгу, содержащую въ себѣ дѣла по «счету» головъ и цѣловальниковъ, завѣдующихъ въ городахъ различными казенными сборами (№ $\frac{11808}{180}$).

([141]) Образецъ общей записной приходной книги Разряда:

«Тетрадь записная Розряднаго Приказу Великого Государя... денежнымъ и всякимъ доходамъ, нынѣшняго 174 году, при дьякѣхъ, при думномъ при Дементьѣ Башмаковѣ, да при Ѳедорѣ Грибоѣдовѣ да при Васильѣ Семеновѣ». Послѣ этого заглавія слѣдуетъ поденная запись различныхъ поступленій, наприм.: «Февраля въ 26 день, по отпискѣ и по книгамъ, изъ Серпейска Михаилъ Нестеровъ прислалъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ прошлого 173 году, сбору головы Митьки Иванова, 73 руб. 14 алтынъ 2 деньги, и тѣ деньги отданы въ пріемъ Артемью Лобкову» (№ $\frac{11963}{335}$, л. 104). Образцы записныхъ расходныхъ книгъ Разряда см. № $\frac{11771}{143}$ («Книга Великихъ Государей... разряднымъ денежнымъ окладнымъ и неокладнымъ и всякимъ расходомъ, нынѣшняго 200 году, при бояринѣ Тихонѣ Никитовичѣ Стрѣшневѣ съ товарищи») и № $\frac{11823}{195}$ («Книга Государевымъ... денежнымъ окладнымъ расходомъ Разрядного Приказу, при дьякахъ, при думномъ при Дементіѣ Башмаковѣ...»). Образецъ общаго Разряднаго баланса см. № $\frac{11757}{129}$. См. также №№ $\frac{11647}{19}$, $\frac{11648}{20}$, $\frac{11727}{99}$, $\frac{11729}{101}$, $\frac{11771}{143}$, $\frac{11860}{232}$ и мн. др.

9. Приказный Столъ.

Производство Приказнаго стола Разряда сохранилось въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ 46 книгъ (самая ранняя 1636 г.) и 2749 столбцевъ (самый ранній 1613 г.). При маломъ количествѣ сохранившихся книгъ этого стола—на основаніи этого рода матеріала не вполнѣ ясно возстановляется значеніе и кругъ дѣятельности этого отдѣленія Разряда; быть можетъ недостаточность книгъ могла бы быть восполнено огромнымъ количествомъ сохранившихся столбцевъ его,—но я не могъ имѣть, къ сожалѣнію, возможности съ ними ознакомиться.

Главными функціями Приказнаго стола, по сохранившимся книгамъ его, являются:

1) *Вѣданіе русскихъ полонянниковъ и раненыхъ служилыхъ и ратныхъ людей.* Сюда изъ полковъ доставлялись списки лицъ раненыхъ въ бояхъ и захваченныхъ въ непріятельскій плѣнъ. Въ послѣднимъ отношеніи Приказный столъ долженъ былъ стоять въ весьма близкомъ отношеніи къ Полоняничному Приказу, имѣвшему на своемъ попеченіи заботы о выкупѣ военноплѣнныхъ и о сборѣ на этотъ предметъ съ населенія особыхъ полоняничныхъ денегъ. Изъ Приказнаго стола выдавалось жалованье лицамъ раненымъ и вышедшимъ изъ непріятельскаго плѣна—„за раны и за полонное терпѣнье“; такимъ образомъ этотъ столъ вмѣщалъ въ себѣ значеніе комитета попечительства подъ ранеными воинами. Прежде нежели поступить въ вѣданіе Приказнаго стола, раненые и вышедшіе изъ плѣна допрашивались въ немъ,—въ какихъ полкахъ и въ какихъ бояхъ были они ранены или полонены, и какимъ образомъ удалось имъ выйти изъ полону; раненые сверхъ того подвергались здѣсь освидѣтельствованію. Актъ допроса раненыхъ и полонянниковъ и осмотра раненыхъ записывался въ особую книгу—послѣ чего назначался каждому изъ нихъ опредѣленный размѣръ жалованья „за раны и полонное терпѣнье“. Подобнаго рода дѣятельность Приказнаго стола наступала по окончаніи каждой компаніи—и при этомъ осмотръ и допросъ раненыхъ и вышедшихъ изъ полону заносился въ записныя книги по полкамъ, такъ что въ одну книгу заносились раненые и полоненники изъ полка такого-то воеводы, во вторую—другаго воеводы и т. д. Такъ, въ записной книгѣ

Приказнаго стола № 12 (1662 г.) переписаны раненые и полонянники потерпѣвшіе въ 1661 г. на государевой службѣ въ черкасскихъ городахъ и находившіеся въ полку боярина и воеводы В. Шереметева, затѣмъ такіе же переписи раненыхъ и полоненныхъ людей изъ полка боярина и воеводы г. Куракина, затѣмъ боярина и воеводы князя Ю. Долгорукаго ([142]) и т. д.

2) *Вѣданіе непріятельскихъ людей взятыхъ въ русскій полонъ.* Имъ также велись списки въ Приказномъ столѣ ([143]).

3) *Запись и допросъ иноземцевъ выѣзжающихъ въ Московское государство* изъ чужихъ краевъ. Переходящіе через рубежъ иноземцы доставлялись въ Разрядъ изъ различныхъ вѣдомствъ для ихъ допроса. Такъ въ 1671 году „Генваря въ 14 день (какъ записано въ одной изъ книгъ Приказнаго стола) къ Великому Государю писали изъ Смоленска бояринъ и воевода . . . и прислали выѣзжего иноземца шляхтича Гр. Жилинскаго, выѣхалъ тотъ иноземецъ изъ Литовскія стороны на государево имя въ вѣчную службу съ женою и съ челядникомъ.—И генваря въ 27 числѣ, по помѣтѣ на отпискѣ думного дьяка Семена Титова (присутствовавшаго въ этомъ году именно въ Разрядѣ), велѣно тому иноземцу дать государева жалованья за выѣздъ 10 рублей, пара соболей въ 3 рубли, да сукно, кормовыхъ денегъ на два мѣсяца по гривнѣ на день, и изъ Розряда отослать его въ Казанскій Дворецъ и написать въ службу, въ какую пригодится“ ([144]). Въ другихъ случаяхъ выѣхавшіе иноземцы доставляются въ Разрядъ для ихъ допроса изъ Посольскаго Приказа; мы имѣемъ также примѣръ доставленія ихъ сюда для расспроса изъ Приказа Челобитеннаго, куда первоначально ударили выѣхавшіе челомъ о зачисленіи ихъ въ Московскую службу ([145]). Изъ приведенной выше выписки

([142]) Кн. Прик. Ст. № 12. См. также №№ 9, 10, 13, 16, 17, 20, 35 и мн. др. Въ книгѣ № 16 записаны русскіе полонянники, размѣненные въ Крыму на крымскихъ полоненниковъ,—которые доставляются въ Разрядъ изъ Посольскаго Приказа (л. 223 и сл.).

([143]) Кн. Прик. ст. №№ 7 и 8.

([144]) Кн. Прик. ст. № 21 (л. 1).

([145]) Кн. Прик. ст. № 21 (1671—1696 гг., лл. 19 об., 26, 62, 64 и мн. др.).

видимъ мы также, что Приказный столъ давалъ выходцамъ награды за ихъ выѣздъ и распоряжался зачисленіемъ ихъ въ службу по вѣдомству того или другаго приказа.

4) Въ Приказномъ столѣ Разряда сосредоточивалась далѣе *функція судебная*; здѣсь, какъ можно думать, вѣдались всѣ судныя дѣла, подлежавшія юрисдикціи Разряда, который—какъ и всѣ вообще Московскіе приказы—былъ судебною инстанціею по отношенію къ лицамъ ему подвѣдомственнымъ. Дѣйствительно, въ дѣлахъ разсмотрѣнныхъ уже нами столовъ Разряда мы не замѣчали признаковъ сколько нибудь организованной, постоянной, судебной дѣятельности; болѣе нежели вѣроятно, что Приказный столъ и служилъ отдѣленіемъ, въ которое поступали всѣ разрядныя судныя дѣла. По крайней мѣрѣ до насъ дошли *четыре* книги этого стола, относящіяся именно къ судебной функціи его. Одна изъ нихъ представляетъ изъ себя записную книгу судныхъ и расправныхъ дѣлъ поступающихъ въ Разрядъ изъ различныхъ городовъ (преимущественно Бѣлогородскаго и Сѣвскаго полковъ) и судныхъ пошлинъ взятыхъ съ этихъ дѣлъ. Вторая книга составилась изъ тетрадей съ записями оконченныхъ и неоконченныхъ дѣлъ и съ означеніемъ поступившихъ съ нихъ судныхъ пошлинъ различныхъ наименованій. Третья книга содержитъ въ себѣ запись приставныхъ памятей, поручныхъ записей, ставочныхъ и мировыхъ челобитенъ и т. п. актовъ судопроизводства. Наконецъ четвертая книга заключаетъ въ себѣ записи уголовныхъ дѣлъ, поступавшихъ въ Разрядъ въ различные годы изъ различныхъ городовъ ([146]). Лишнее было-бы указывать на значеніе этихъ книгъ для исторіи русскаго процесса; послѣдняя изъ нихъ представляетъ сверхъ того обильный и цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго уголовнаго права.

5) Есть основаніе полагать, что въ Приказный столъ *поступали* для дальнѣйшаго доклада всякаго рода *вѣстовыя* (т. е. съ *вѣстями*, съ извѣстіями о ходѣ дѣлъ въ дѣйствующихъ войскахъ или о всякаго рода подозрительныхъ движеніяхъ за рубежемъ) *отписки* изъ полковъ и городовъ. По крайней мѣрѣ въ одной изъ книгъ Приказнаго стола (1665

([146]) Кн. Прик. ст. №№ 41, 42, 37 и 30 (лл. 145—238).

года) находимъ записаннымъ слѣдующее распоряженіе: „173 году, февраля въ 28 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ: которыя вѣстовыя отписки и письма присланы будутъ изъ полковъ и изъ городовъ въ Розрядъ нынѣшняго году марта съ 1 числа, и изъ (*съ*) тѣхъ отписей и съ вѣстовыхъ писемъ списки присылать въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ повсядневно" ([147]). Разъ это распоряженіе занесено въ записную книгу Приказнаго стола—мы имѣемъ полное право предполагать, что подобнаго рода отписки и письма поступали именно въ этотъ столъ. Замѣчу что этотъ весьма любопытный указъ—восполняющій небогатыя свѣдѣнія, имѣющіяся о Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ—не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ.

6) Въ записныхъ книгахъ Приказнаго стола находимъ мы далѣе нѣкоторыя *распоряженія касающіяся полицейскаго права*, обнародоваемыя слѣдовательно через его посредство ([148]). Я нашелъ именно два подобныхъ примѣра. Въ 1660 г. записанъ здѣсь посланный въ различные города царскій указъ о недопущеніи въ праздничные дни пьянства и буйствъ ([149]). Въ 1666 году занесенъ въ записную книгу стола слѣдующій любопытный указъ, невошедшій въ Полное Собраніе Законовъ: „Въ нынѣшнемъ во 174 году, мая въ 14 день, Великій Государь . . . указалъ изъ Розряду послать памяти во всѣ приказы, гдѣ вѣдомы Московскія слободы, чтобъ въ тѣхъ слободахъ переписать всякихъ чиновъ служилыхъ пріѣзжихъ людей, гдѣ кто стоитъ и сколь давно, и за какими дѣлами живутъ, и не службы ль отбываютъ. Таковъ Великаго Государя указъ присланъ изъ походу съ подъячимъ съ Алексѣемъ Яцкимъ. И по сему Великого Государя указу мая въ 17 числѣ посланы въ приказы памяти таковы" ([150]).

([147]) Кн. Прик. ст. № 14 (л. 6).

([148]) Быть можетъ въ видѣ исключенія изъ общаго правила, или по самому роду распоряженій—такъ какъ нормальнымъ порядкомъ обнародованіе царскихъ указовъ шло черезъ Московскій столъ.

([149]) Кн. Прик. ст. № 5.

([150]) Кн. Прик. ст. № 14 (л. 113).

7) Записныя книги Приказнаго стола даютъ намъ наконецъ видѣть, что были *города которые вѣдались столомъ* во всѣхъ отношеніяхъ,—слѣдовательно по отношенію къ которымъ носилъ онъ характеръ установленія съ вѣдомствомъ территоріальнымъ. Эти города были приписаны къ столу вѣроятно въ видахъ усиленія специальныхъ доходовъ его; извѣстно, что случаи подобной приписки городовъ къ установленіямъ, вѣдомство которыхъ опредѣлялось по роду дѣлъ, —вовсе не были явленіемъ рѣдкимъ въ жизни центральныхъ правительственныхъ учрежденій Московскихъ. Въ подобномъ отношеніи къ Приказному столу находились именно (на сколько это выясняется изъ книгъ его)—города Козловъ, Бѣльскъ и Челнавскій острогъ, съ ихъ уѣздами ([151]).

Таковы результаты, полученные мною изъ разсмотрѣнія сохранившихся въ Архивѣ Министерства Юстиціи производствъ отдѣльныхъ столовъ Разряднаго Приказа. Я оставилъ Архивъ глубоко убѣжденный въ томъ, что безъ черпанія изъ него историческихъ матеріаловъ—невозможно дальнѣйшее развитіе науки исторіи русскаго права (не говоря уже объ остальныхъ Московскихъ Архивахъ, также скрывающихъ въ своихъ шкафахъ обильныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о русской юридической старинѣ); что изученіе исторіи русскаго государственнаго и юридическаго быта до тѣхъ поръ не освободится отъ проведенія предвзятыхъ идей, отъ односторонних и крайнихъ выводовъ, отъ безконечнаго ряда теорій и гипотезъ, въ которыхъ положительно теряется неопытный изслѣдователь,—пока оно будетъ строиться на изданныхъ до нашихъ дней собраніяхъ актовъ—представляющихъ изъ себя случайные, отрывочные, во внутренней разобщенности стоящіе памятники стариннаго нашего быта.

([151]) Кн. Прик. ст. №№ 6, 15, 23 (лл. 1 и сл., 551 и сл., 590 и сл. и др.), 26, 27, 28, 32, 33, 38 (лл. 1108 и 1226 и др.), обнимающія время 1652—1695 гг. Эти три города находились въ нын. Тамбовской губ., около гор. Козлова. Интересно, что по дѣламъ Бѣлогородскаго стола (см. выше списокъ городовъ ему подвѣдомственныхъ)— г. Козловъ показанъ вѣдаемымъ въ немъ.

Въ заключеніе чувство простой справедливости заставляетъ меня заявить, что если въ находившійся въ моемъ распоряженіи краткій промежутокъ времени удалось мнѣ сдѣлать въ Архивѣ Министерства Юстиціи сравнительно болѣе того, нежели сколько я могъ расчитывать сдѣлать вначалѣ—то этимъ обязанъ я крайней предупредительности, аккуратности, скорому и безпрепятственному исполненію требованій, которыя встрѣтилъ я въ Архивѣ.

Вслѣдствіе этого считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность свою начальнику I отдѣленія, И. Н. Николеву, и всѣмъ вообще чинамъ Архива Министерства Юстиціи.

Н. Загоскинъ.

Казань,
19 ноября 1878 г.

ОТЧЕТЪ
о занятіяхъ
ВЪ ЛЕЙПЦИГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
КОМАНДИРОВАННАГО ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ
лектора нѣмецкаго языка
Л. Колмачевскаго
ЗА ЛѢТНІЙ СЕМЕСТРЪ 1878 ГОДА.

Въ Лейпцигъ пріѣхалъ я къ концу зимняго семестра, когда большинство профессоровъ заканчивало чтеніе лекцій. Не желая слушать безсвязные отрывки тѣхъ предметовъ, которые меня интересовали, я сталъ заниматься исключительно дома. Чтобъ имѣть возможность лучше сосредоточить свои силы, не разрываться, такъ сказать, на части, я на первыхъ же порахъ принялся за изученіе главнымъ образомъ германскихъ нарѣчій. Вслѣдствіе этого и въ теченіе лѣтняго семестра я рѣшился посѣщать только лекціи германистовъ, преимущественно профессоровъ Zarncke, Braune и Edzardi, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать ихъ практическія занятія (семинаріи). Иначе поставить дѣло не было возможности, такъ какъ и при самомъ искреннемъ желаніи не мыслимо было слушать лекціи извѣстнаго романиста Ebert'a, потому что чтенія его (какъ можно убѣдиться изъ росписанія чтеній въ Лейпцигскомъ университетѣ за лѣтній семестръ 1878 г.) совпадали съ часами, въ которые были назначены чтенія по древне-нѣмецкой грамматикѣ.

Не желая вдаваться въ подробную и безполезную критику прослушанныхъ мною лекцій, упомяну о главныхъ изъ нихъ вкратцѣ.—Профессоръ Braune, послѣ введенія, касавшагося языковѣдѣнія вообще, читалъ грамматику готскаго языка въ связи съ верхне-нѣмецкимъ и нижне-нѣмецкимъ діалектами. На практическихъ занятіяхъ по готскому языку переводилось съ соотвѣтствующими комментаріями евангеліе отъ Матѳея. По средне-верхне-нѣмецкому языку были переведены и разобраны по сборнику: Des Minnesangs Frühling

(Leipzig 1875), изданному K. Lachmann'омъ и M. Haupt'омъ, поэтическія произведенія слѣдующихъ авторовъ: Der von Kürenberc, Her Meinloh von Sevelingen, Der Burcgrave von Regensburc, Der Burcgrave von Rietenburc, Spervogel и Her Hartman von Ouwe.—Профессоръ Zarncke предполагалъ прочесть исторію нѣмецкой литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая реформаціей, но не успѣлъ, понятно, довести свои чтенія до намѣченной имъ эпохи. На практическихъ занятіяхъ разбирались древне-верхне-нѣмецкіе памятники по христоматіи Braune (Althochdeutsches Lesebuch, Halle 1875), сначала — древнѣйшія глоссы, затѣмъ Hildebrandslied, Wessobrunner Gebet, Muspilli, Merseburger Zaubersprüche, Wiener Hundesegen, Lorscher Bienensegen, Petruslied, Christus und die Samariterin, Lied vom heiligen Georg и das Ludwigslied. — У профессора Edzardi упражненія въ древне-скандинавскомъ языкѣ состояли въ одномъ только чтеніи Gylfaginning (безъ всякихъ комментарій) по христоматіи F. Pfeiffer'a (Altnordisches Lesebuch etc. Leipzig 1860).—Вообще говоря, профессора давали полезные указанія и совѣты, главный же трудъ, какъ водится, падалъ на долю слушателя. Такимъ образомъ работы, даже въ намѣченной мною рамкѣ, оказалось болѣе чѣмъ вдоволь, а если подумать о томъ громадномъ трудѣ, который приходится одолѣть въ короткій двухгодичный срокъ, — руки опускаются.

Столь же важное значеніе, какое имѣетъ санскритъ, священный языкъ Индусовъ, при изученіи аріо-европейскихъ языковъ или, какъ любятъ выражаться Нѣмцы, хотя далеко не основательно,—индо-германскихъ языковъ, сохраняетъ готскій языкъ по отношенію къ изученію германскихъ нарѣчій. Какъ санскритъ пролилъ совершенно новый свѣтъ на сравнительно-историческое изученіе аріо-европейскихъ языковъ, такъ и готскій языкъ сталъ не только основой историческаго изученія германскихъ языковъ, но и занялъ видное мѣсто по отношенію къ изученію санскрита, греческаго и латинскаго языковъ, такъ какъ способствовалъ нерѣдко объясненію темныхъ словъ, раскрывая ихъ тѣсную связь съ родственными языками, устраняя сомнительную этимологію и т. п. Впрочемъ, важное значеніе готскаго язы-

ка зависитъ вовсе не отъ того, что онъ родоначальникъ германскихъ нарѣчій; онъ не оставилъ по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ; онъ является только старшимъ представителемъ въ семьѣ германскихъ языковъ,—„старшей сестрой", по выраженію Raumer'a (Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache, Stuttgart 1845). Географическое подраздѣленіе извѣстнаго германскаго племени на Остъ-готовъ и Вестъ-готовъ не обусловливало дробленія на нарѣчія. На первыхъ порахъ готскій языкъ былъ общимъ языкомъ Германцевъ, поселившихся на востокѣ; онъ не представлялъ, слѣдовательно, исключительной принадлежности Остъ-готовъ и Вестъ-готовъ, а составлялъ достояніе и Бастарновъ, Квадовъ, Геруловъ, Вандаловъ, Гепидовъ. Изъ разсѣявшихся германскихъ племенъ только отъ Готовъ сохранились литературные памятники, не смотря на то, что уже въ началѣ среднихъ вѣковъ готскій языкъ исчезъ, прежде чѣмъ успѣло вымереть племя Готовъ. Отодвигаемые все болѣе на крайній западъ, Готы рано подчинились вліянію романскихъ народовъ и затерялись, исчезли, какъ исчезли и ихъ поэтическіе памятники. А что послѣдніе существовали—это доказываютъ ясныя указанія, встрѣчающіяся у Jordanis'a (de Getorum s. Gothorum origine et rebus gestis, сочиненіе, написанное около 552 г.), Приска, Кассіодора и др. За то сохранились прозаическіе памятники, возникшіе въ ту эпоху, когда Готы, заселявшіе берега по нижнему теченію Дуная, были уже христіанами (аріанскаго исповѣданія), слѣдовательно, въ IV вѣкѣ. Они состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, встрѣчающихся на извѣстныхъ предметахъ, изъ нѣсколькихъ грамотъ, изъ отрывка готскаго календаря, изъ перевода Свящ. Писанія и такъ наз. Skeireins (interpretatio), оригинальнаго готскаго произведенія, представляющаго толкованіе на евангеліе отъ Іоанна. Въ запискахъ Augier Ghislen de Busbecq' (1552—92, род. изъ Comines' во Фландріи), который, познакомившись съ готскими послами въ Константинополѣ, выучился ихъ языку, сохранилось довольно много словъ такъ называемыхъ Тетракситскихъ Готовъ (Gothi Tetraxitae), обитавшихъ нѣкогда въ Крыму. Слова Тетракситскихъ Готовъ представляютъ, впрочемъ, болѣе или менѣе значительныя отступленія: напр., mine вм. обыкновеннаго mêna (луна), critan вм. grêtan (плакать), menus вм. mimz (мясо) и т. п. Главный же памятникъ Готовъ — переводъ

св. Писанія, возникшій благодаря дѣятельности извѣстнаго готскаго епископа Ульфилы (въ латинизированной формѣ — Ulfilas; чисто готская форма, какъ передаетъ Jordanis, — Vulfila [уменьшительное отъ готскаго существ. м. р. vulfs — lupus]; Кассіодоръ пишетъ это имя — Vulphilas, Изидоръ — Gulphilas, Авксентій — Ulfila, Созоменъ, Сократъ и Теодоритъ — *Οὐλφίλας*, Фотій и Филосторгъ — *Οὐρφίλας*). Долгое время о жизни Ульфилы существовали самыя скудныя и противорѣчивыя свѣдѣнія. Но въ 40-мъ году настоящаго столѣтія G. Waitz'у удалось открыть въ парижской библіотекѣ рукопись, на поляхъ которой сообщались свѣдѣнія о жизни Ульфилы. Благодаря этой находкѣ представилась возможность болѣе точно опредѣлить время жизни и дѣятельности просвѣтителя Готовъ. Рукопись относится къ IV в. и содержитъ автографъ мало извѣстнаго аріанскаго епископа Максимина. Касаясь спора, возникшаго между приверженцами Аѳанасія и Арія, Максиминъ приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ посланіе Авксентія, ученика Ульфилы, впослѣдствіи епископа Доросторскаго (Силистрія), сообщающаго любопытныя свѣдѣнія о жизни и ученій своего учителя. Максиминъ сообщаетъ кромѣ того и свои замѣтки касательно Ульфилы. Waitz издалъ эти замѣтки и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ книгѣ: Über das Leben und die Lehre des Ulfila (Hannover 1840). Не смотря на много любопытныхъ фактовъ, сообщенныхъ Waitz'омъ, его изслѣдованіе представляло тѣмъ не менѣе извѣстные промахи, которые подлежали еще критической провѣркѣ. Задачу эту весьма удачно выполнилъ W. Bessell въ своемъ изслѣдованіи: Ueber das Leben des Ulfilas und die Bekehrung der Gothen zum Christenthum (Götting. 1860). Согласно его выводамъ, можно теперь съ достовѣрностью утверждать, что Ульфила родился въ 311 г., въ 341 г. былъ посвященъ въ епископы и умеръ въ санѣ епископа въ 381 г. въ Константинополѣ, куда онъ вызванъ былъ императоромъ Ѳеодосіемъ на соборъ, съ цѣлію вступить въ диспутъ съ представителями вновь возникшихъ аріанскихъ сектъ (главнымъ образомъ съ Псаѳирополистами, получившими свое названіе, благодаря ремеслу сирійца Ѳеоктиста, торговавшаго хлѣбами, *ψαθυροπώλης*). Въ первомъ періодѣ своей сорокалѣтней епископской дѣятельности Ульфила перевелъ на готскій языкъ Св. Писаніе. Созоменъ, Филосторгъ,

Сократъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ изобрѣлъ съ этой цѣлью готскую азбуку. Но дѣло объясняется проще. Къ 16 рунамъ готскаго алфавита, прилаженнаго къ греческому, онъ присоединилъ недостающіе знаки и составилъ азбуку въ 26 буквъ (J. Zacher, Das gothische Alphabet Vulfilas und das Runenalphabet, Leipzig 1855; любопытна также рецензія M. Rieger'a, Zum Runenalphabet, на книгу Wimmer'a, въ Zeitschr. f. deut. Phil. VI. 330—341). По свидѣтельству Филосторга Ульфила перевелъ будто бы все св. Писаніе, за исключеніемъ книгъ Царствъ, но переводъ его дошелъ только въ отрывкахъ, именно сохранились въ отрывкахъ евангелія, посланія апостола Павла и два незначительные отрывка изъ Ветхаго Завѣта. Переводъ сдѣланъ съ греческаго подлинника, причемъ Bernhardt въ своемъ строго научномъ изслѣдованіи (Kritische Untersuchungen über die goth. Bibelübersetzung, Elberfeld 1868) доказываетъ, что евангелія составлены по рукописи, въ основѣ которой легъ Codex Alexandrinus. Впрочемъ Ульфила пользовался и древнѣйшимъ латинскимъ переводомъ библіи (Itala, изъ которой возникла Vulgata). Что Ульфила свободно владѣлъ классическими языками, доказываетъ весьма точный и близкій къ подлиннику переводъ его библіи, являющійся нерѣдко подстрочнымъ, хотя этимъ не нарушается нисколько правильность готской конструкціи, выраженій и т. п. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ большинствѣ случаевъ Ульфила принужденъ былъ передавать на готскій языкъ совершенно новые выраженія и обороты и отвлеченныя понятія, встрѣчавшіяся почти въ каждой строкѣ греческаго оригинала. Волей-неволей онъ принужденъ былъ создавать новыя слова и выраженія, придавать извѣстному слову тотъ или другой, не свойственный ему до тѣхъ поръ, смыслъ. K. Weinhold (Die Goth. Sprache im Dienste des Kristenthums, Halle 1870) сдѣлалъ цѣлый сводъ подобнымъ словамъ, встрѣчающимся въ переводѣ Ульфилы. Усилія послѣдняго въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ, и переводъ его является образцовымъ, что отчасти зависѣло отъ гибкости и богатства формъ готскаго языка. Въ послѣднемъ сохранилось, напр., двойственное число въ мѣстоименіяхъ и глаголахъ, сохранилось настоящее время средняго залога, употреблявшагося и вмѣсто страдательнаго, удержались ясно отличающіяся другъ отъ друга падежныя оконча-

нія (въ которыхъ не замѣтно еще стремленіе сглаживаться, какъ въ древне-верхне-нѣмецкомъ, болѣе рѣзко въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ, главнымъ же образомъ — въ англійскомъ), разнообразныя частицы, видоизмѣняющія значеніе словъ и т. п. Синтаксическія правила по большей части совпадаютъ съ греческими (Apelt: Über den acc. c. inf. im Gothischen, въ Germania XIX (N. F. VII); Lücke: Absolute Participia im Gothischen, противъ котораго направлены отчасти замѣтки Bernhardt'a: Zur goth. Syntax, въ Zeitschr. f. deut. Phil., IX (1878), p. 384 сл.; Schirmer: Syntakt. Gebrauch d. Optativ im Gothischen, Marb. 1874 и др.).

Переводъ свящ. Писанія Ульфилы дошелъ до насъ въ остъ-готскихъ рукописяхъ. Къ числу рукописей, въ которыхъ сохранились готскіе тексты, относятся слѣдующія:

Codex argenteus, относящійся къ концу V или началу VI в., написанъ на пергаментѣ серебряными (откуда и названіе рукописи) и частью золотыми буквами. Сначала кодексъ оставался въ Италіи, затѣмъ, попалъ какими-то судьбами въ монастырь Werden на р. Руръ (Ruhr), гдѣ открытъ былъ въ 1568 году Arnold'омъ Mercator'омъ, а въ концѣ XVI в. очутился въ Прагѣ. Въ 1648 г. онъ достался Шведамъ, которые захватили его съ собой въ Штокгольмъ, и, очутившись еще разъ въ Голландіи, онъ достался наконецъ канцлеру de la Gardie, который позаботился о серебряномъ переплетѣ и подарилъ его библіотекѣ Упсальскаго университета, гдѣ онъ хранится и по нынѣ. На уцѣлѣвшихъ 117 листахъ (изъ 330) дошли до насъ евангелія отъ Матѳея, Іоанна, Луки и Марка. Franciscus Junius, первый болѣе основательно изучавшій готскій языкъ, и Th. Mareschallus издали Codex argenteus въ 1665 г. (Evangeliorum versiones perantiquae Gothica et Anglosaxonica).

Codex Carolinus, тоже перенесенный изъ Италіи въ Weiszenburg'скій монастырь въ Эльзасѣ, подаренъ былъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, Антономъ Ульрихомъ, Вольфенбюттельской библіотекѣ. На 4 листахъ, найденныхъ въ 1756 г. аббатомъ Knittel'емъ въ Брауншвейгѣ и изданныхъ имъ въ 1762 г., уцѣлѣло 42 стиха изъ 11—15 гл. посланія къ Римлянамъ.

Codices Ambrosiani, пять рукописей (обозначаемыхъ первыми пятью буквами латинскаго алфавита), попавшихъ изъ монастыря Bobbio въ Италіи въ Амврозіанскую библіотеку

въ Миланѣ, содержатъ отрывки посланій Павла, евангелія отъ Матѳея, ветхаго завѣта, Skeireins и готскаго календаря. Въ 1817 г. кардиналъ Angelo Mai (†1854) открылъ эти рукописи, текстъ которыхъ изданъ былъ частью имъ самимъ, частью графомъ Castiglione. Оригинальное готское произведеніе Skeireins, сохранившееся, къ сожалѣнію, въ весьма испорченномъ текстѣ, издано Maszmann'омъ въ 1834 г.; самое образцовое изданіе Bernhardt'a.

Codices Ambrosiani состоятъ изъ слѣдующихъ кодексовъ: *Codex A*,—заключающій отрывки изъ посланій Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ (1 и 2), Ефесянамъ, Галатамъ, Филиппійцамъ, Коллоссянамъ, Ѳессалоникійцамъ (1 и 2), къ Тимоѳею (1 и 2), Титу, Филимону и отрывокъ готскаго календаря,—состоялъ изъ 203 листовъ, изъ числа которыхъ сохранилось 102 листа; изъ нихъ 6 пустыхъ и одинъ листъ написанный совершенно неразборчиво.—*Codex B*, сохранившій болѣе древнія формы, чѣмъ предъидущій, заключаетъ въ себѣ отчасти текстъ, имѣющійся уже въ кодексѣ A, именно: второе посланіе къ Коринѳянамъ и отрывки перваго, отрывки изъ посланія къ Галатамъ, Ефесянамъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, изъ 2 посланія къ Ѳессалоникійцамъ, 2 къ Тимоѳею и изъ посланія къ Титу. Изъ 168 листовъ уцѣлѣло 78; изъ нихъ одинъ листъ пустой.—*Codex C* заключаетъ на двухъ листахъ отрывки изъ евангелія отъ Матѳея, гл. 25, 38—26,3 и гл. 26, 65—27,1.—*Codex D* (извѣстный также подъ № G. 82) представляетъ на 3 листахъ отрывки изъ Ветхаго Завѣта.—*Codex E* состоитъ изъ 5 разрозненныхъ листовъ, хранящихся въ Амврозіанской библіотекѣ (помѣчены: G. 147) и трехъ въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ (подъ № 5750) и содержитъ отрывки толкованія на евангеліе отъ Іоанна, изданные въ 1834 г. Maszmann'омъ подъ заглавіемъ: Skeireins Aívaggeljons thaírh Iôhannên.

Codex Turinensis, часть кодекса A, который онъ дополняетъ, состоитъ изъ 4 листовъ, служившихъ обложкой какой-то книги. На двухъ листахъ (2 другіе пусты) сохранились отрывки посланій къ Галатамъ и Колоссянамъ. Найдены они профессоромъ Reifferscheid'омъ, а о находкѣ сообщилъ F. Pfeiffer (въ приложеніи къ № 60 Allg. [Augsburger] Zeitung за 1866 г.). Maszmann разобралъ рукопись, которую, благодаря особенно заявленію H. C. v. d. Gabelentz'a (Germania XII (1867), p. 232 seqq.), считали совер-

шенно неразборчивой, и, послѣ отпечатанія текста (Germania XIII (1868), p. 271 seqq.), оказалось, что рукопись содержить отрывки, встрѣчающіеся въ кодексѣ *B*, именно: конецъ 6 гл. посланія къ Галатамъ, начиная съ послѣднихъ словъ 14 ст. (jah ik fairhvaii—и я міру), и къ Колоссянамъ: 2, 13—20 и 4,13 до конца.

Двѣ купчія грамоты, написанныя на папирусѣ по латыни и заключающія подписи готскихъ священниковъ. Первая грамота, относящаяся къ 551 г. и хранившаяся въ архивѣ готской церкви св. Анастасіи въ Равеннѣ, нынѣ въ Неаполѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что духовенство упомянутой церкви заняло у Петра Дефензора, подъ ручательствомъ діакона Alamod'a, 120 шиллинговъ (skilliggans rk); въ уплату долга ему уступаютъ участокъ земли въ 180 шиллинговъ, а излишекъ въ 60 шиллинговъ онъ выплачиваетъ наличными. Въ грамотѣ попадаются четыре готскія подписи.—Другая грамота, хранившаяся въ соборномъ архивѣ въ Ареццо, затерялась уже въ 1731 г. Въ этой грамотѣ, какъ и въ предъидущей, встрѣчаются въ текстѣ (особенно въ началѣ) искаженія. Она свидѣтельствуетъ, что діаконъ Gudilaib продалъ діакону Alamod'y 4 унціи земли въ усадьбѣ Kaballarja (fidvor unkjanê [вм. ugkjanê] hugsis Kaballarja) за 133 шиллинга. Изъ числа четырехъ подписей одна (продавца Gudilaib'a) готская. Издана она впервые въ сборникѣ Gori: Inscriptiones antiquae (Флоренція 1731); затѣмъ, какъ Неаполитанская грамота, такъ и Аретинская, изданы Maszmann'омъ въ 1838 г. (Die goth. Urkunden von Neapel und Arezzo mit zwei Schriftabbildungen im Steindruck, Wien).

Одна Зальцбургская пергаментная рукопись IX в., хранящаяся теперь въ Вѣнѣ, заключаетъ въ себѣ руническій и нѣсколько готскихъ алфавитовъ, отдѣльныя готскія слова и числовые знаки (Maszmann, Gothica minora, въ Haupt's Zeitschr. I, 296 seqq.).

Въ codex Brixianus Италы встрѣчается пергаментный листъ, заключающій нѣчто въ родѣ предисловія, въ которомъ сообщается о переводѣ св. Писанія на готскій языкъ и упоминается одно готское слово. Издано это предисловіе M. Haupt'омъ (Berliner Lectionscatalog für d. Sommersemester 1869), а впослѣдствіи переведено съ подробными ком-

ментаріями E. Bernhardt'омъ (Zacher's Zeitschr. f. deut. Philol. II, 294 seqq.).

Полное изданіе готскихъ памятниковъ, не считая изданія Zahn'a (Weissenf. 1805), появилось въ 1843—46 гг. подъ заглавіемъ: Veteris et novi testamenti versionis gothicae fragmenta etc. edider. H. C. de Gabelentz et Dr. J. Loebe (2 т. въ 3 ч., Lipsiae). Затѣмъ, появились изданія J. Gaugengigl'a (Passau, 1848), Andreas Uppström'a (Codex argenteus, Upsala 1854; Codex Carolinus въ 1861; Codices Ambrosiani изданы, по его посмертнымъ запискамъ, его сыномъ, Вильгельмомъ, въ 1868 г.), H. F. Maszmann'a (Stuttgart, 1855—57), F. L. Stamm'a (Paderborn, 1858). Изданіе Stamm'a, болѣе приспособленное къ первому ознакомленію съ готскими памятниками, потребовало вскорѣ цѣлый рядъ новыхъ изданій, которыя, начиная съ 3-го по 6-е (Paderborn 1865, 1869, 1872, 1874), были предприняты профессоромъ M. Heyne. Шестое изданіе Heyne, въ основѣ котораго легъ текстъ A. Uppström'a, заключаетъ въ себѣ всѣ дошедшіе до насъ готскіе памятники, довольно полную грамматику и словарь.—Самый обширный словарь готскаго языка составилъ Ernst Schulze (Goth. Glossar, m. Vorrede v. J. Grimm, Madgeb. 1848), затѣмъ, съ сравнительно-исторической точки зрѣнія, L. Diefenbach (Vergleichendes Wörterbuch der goth. Sprache, Frankf. a. M. 1851).—Къ лучшимъ грамматическимъ изслѣдованіямъ относятся нѣмецкая грамматика (теперь нѣсколько устарѣлая) J. Grimm'a, основателя исторической грамматики, затѣмъ, Gabelentz'a и Loebe (въ ихъ изданіи Ульфилы) и Leo Meyer'a (Die goth. Sprache etc. Berl. 1869), изложенная сравнительно-историческимъ путемъ.

Непосредственно къ готскому языку примыкаетъ древне-скандинавское нарѣчіе. Долгое время оставался нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какое названіе болѣе соотвѣтствуетъ языку, на которомъ написаны „Старшая“ и „Младшая“ Эдда, различныя саги и т. п.? Въ старину называли этотъ языкъ датскимъ (dönsk túnga обозначало вообще скандинавское нарѣчіе) или норвежскимъ (подъ norræn túnga, norrænt mál, norræna тоже подразумѣвалось скандинавское нарѣчіе, но главнымъ образомъ языкъ Норвежцевъ и Исландцевъ); позднѣе (по примѣру R. Keyser'a и P. A. Munch'a) его стали

называть древне-датскимъ или древне-норвежскимъ (det oldnorske sprog), исландскимъ, древне-скандинавскимъ или древне-сѣвернымъ (по R. K. Rask'у, а за нимъ и J. Grimm, det oldnordiske sprog). Возникли даже, недолго впрочемъ продержавшіяся, названія въ родѣ: готскій языкъ, языкъ Азовъ, языкъ рунъ. Цѣлое изслѣдованіе K. Maurer'a (Ueber die Ausdrücke: altnordische, altnorwegische und isländische Sprache, въ Abhandl. d. Philos. philol. Cl. d. K. bayer. Ak. d. Wiss., XI т.), къ которому примыкаетъ и Th. Möbius (Über die altnord. Sprache, Halle 1872), посвящено этому вопросу, разсматриваемому съ громадной эрудиціей, до мельчайшихъ подробностей. Maurer ничего не имѣетъ противъ довольно точнаго выраженія „древне-сѣверное" или просто „сѣверное нарѣчіе", хотя болѣе склоненъ установить названіе „сѣверо-германскій языкъ". Какъ бы то ни было, подъ выраженіемъ древне-сѣверный или древне-скандинавскій языкъ подразумѣвается обыкновенно языкъ поэтической и прозаической Эдды, языкъ сагъ и т. д., языкъ, господствовавшій не на всемъ сѣверѣ, не у всѣхъ скандинавскихъ народовъ, а главнымъ образомъ въ Норвегіи, на островахъ Сѣвернаго моря, на побережьѣ Ирландіи и Шотландіи, въ Исландіи и на восточномъ берегу Гренландіи, заселенной нѣкогда Исландцами. Древне-скандинавское нарѣчіе не успѣло однако укорениться во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ. На побережьѣ Британскихъ острововъ и въ Гренландіи оно исчезло безслѣдно уже около половины XV в., если не считать сохранившихся названій нѣкоторыхъ мѣстностей, свидѣтельствующихъ о сѣверномъ ихъ происхожденіи. Сохранилось оно въ Норвегіи и на Ферерскихъ островахъ, хотя распалось на множество подрѣчій и, начиная съ XV в., замѣнялось въ письменности датскимъ, частью (именно въ Норвегіи) шведскимъ языками. Какъ значительно отступаютъ, напр., отъ исландскаго языка подрѣчія, господствующія на Ферерскихъ островахъ, доказываютъ сборники пѣсенъ и сагъ, изданныхъ H. Chr. Lyngby († 1837), J. H. Schröter'омъ, V. U. Hammershaimb'омъ или недавно появившіяся пѣсни о Сигурдѣ, вновь изданныя M. Vogler'омъ (Sjúrdhar kvædhi, Paderborn 1877 г.). Только въ Исландіи и понынѣ языкъ сохранился почти въ неприкосновенной чистотѣ, такъ какъ разница между древне-исландскимъ языкомъ и современнымъ говоромъ въ Исландіи — самая ничтожная, а если и встрѣчают-

ся новыя формы, представляющія видимыя отличія, то рядомъ съ ними господствуютъ тѣмъ не менѣе и древнія формы. Стойкость древнихъ формъ объясняется тѣмъ, что въ первой половинѣ XII в. въ Исландіи быстро стала развиваться литературная дѣятельность, не ослабѣвавшая въ продолженіе многихъ вѣковъ до послѣдняго времени и сосредоточившаяся главнымъ образомъ на древней литературѣ. Вслѣдствіе этого языкъ сохранялъ свои примитивныя особенности и не дробился на діалекты. Древніе памятники переписывались, расходились во множествѣ экземпляровъ и читались во всей странѣ. Послѣ Реформаціи исландскій языкъ сталъ отчасти подвергаться порчѣ, благодаря вліянію датскаго, но вскорѣ явились лица (какъ Jón Olafsson frá Svafnеу, ум. въ 1811), которыя старались устранить это вредное вліяніе. Особенно настойчиво преслѣдовалъ эту цѣль извѣстный R. K. Rask († 1832), основавшій въ 1816 г. такъ называемое „Исландское литературное общество" (о дѣятельности различныхъ ученыхъ обществъ Th. Möbius составилъ интересную брошюру: Über die altnordische Philologie im skandinawischen Norden, Lpz. 1864), цѣлью котораго было устраненіе стороннихъ вліяній посредствомъ тщательныхъ изданій исландскихъ памятниковъ. Той же цѣлью задалась „Арна-Магнеанская коммиссія", основанная въ 1772 г. и названная по имени исландца Arni Magnússon († 1730), завѣщавшаго обширное собраніе исландскихъ и норвежскихъ рукописей (такъ наз. codices Arna-Magnaeani) университетской библіотекѣ въ Копенгагенѣ; и въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ хранятся драгоцѣнныя исландскія рукописи (codices regii). Затѣмъ, существуютъ еще „Королевское общество древностей", основанное въ 1825 г. Cl. C. Rafn'омъ, и „Сѣверное литературное общество", возникшее въ 1848 г. Благодаря дѣятельности обществъ и извѣстныхъ ученыхъ изданы были многіе замѣчательные памятники древне-скандинавской литературы, основаны различныя періодическія изданія и появились въ свѣтъ замѣчательные ученые трактаты. Арна-Магнеанская коммиссія издала сравнительно не много памятниковъ, но самые главные, снабженные критическимъ аппаратомъ, латинскими переводами, обширными введеніями, словарями и т. п. Таковы, напр., изданія „Старшей Эдды" (Hafniae 1787—1828, въ 3 т.), „Младшей Эдды" (Hafniae 1848—52, въ 2 т., при чемъ предстоитъ

еще изданіе 3-го т.), исландскихъ лѣтописей и т. п. Исландское литературное общество, не ограничивающееся одной стариной, ея языкомъ и литературой, а имѣющее въ виду и современные духовные и матеріальные интересы Исландіи, издало труды K. Gíslason'a и H. Fridhriksson'a, различныя саги, ученыя изслѣдованія J. Ligurdhsson'a, S. Egilsson'a, G. Vigfússon'a и мн. др. Столь же плодотворной оказалась дѣятельность извѣстныхъ норвежскихъ ученыхъ Chr. Lange († 1861), P. A. Munch'a († 1863), R. Keyser'a († 1864), K. Unge'ra и S. Bugge. Издавая древне-скандинавскіе памятники, они,—если дѣло не касалось критики самаго текста,—воспроизводили рукописи или графически, или ортографически.—Въ первомъ случаѣ передача рукописи въ печати состояла въ подборѣ одинаковыхъ буквъ вмѣсто разнохарактерныхъ рукописныхъ знаковъ, въ разстановкѣ словъ, написанныхъ слитно и, на оборотъ, въ соединеніи въ одно слово тѣхъ слоговъ, которые въ рукописи встрѣчались раздѣльно, въ замѣнѣ всѣхъ сокращеній полными словами и т. п. Для большаго удобства при чтеніи предѣлы графики иногда расширялись (разставлялись знаки препинанія, примѣнялись прописныя буквы въ началѣ предложеній или въ именахъ собственныхъ) и, наоборотъ, предѣлы ея съуживались, если дѣло касалось какого либо своеобразнаго графическаго выраженія или начертанія (удерживались извѣстныя буквы, сокращенія и т. п.). Графическій способъ передачи примѣнялся преимущественно къ рѣдкимъ рукописямъ или къ болѣе замѣчательнымъ по языку. Таковы изданія R. Keyse'ra и C. R. Unger'a (Strengleikor, ludi fidicini, 1850; Olafs Saga, 1849—53), Unger'a (Flateyjarbók, 1860—68; Fríssbók, 1871), J. Thorkelsson'a (отрывки Hauksbók, 1865), Soph. Bugge (Sæmundar-Edda, 1867) и др.—Ортографическая передача опирается на графической, но воспроизводитъ не звуковую систему извѣстной рукописи, а хлопочетъ о точной, однообразной передачѣ звуковъ, господствовавшихъ въ той эпохѣ, къ которой относится данный оригиналъ или копія съ послѣдняго. Однообразной передачи звуковъ не существуетъ въ древнихъ рукописяхъ; одно и то же слово передается на разные лады, нерѣдко въ одной и той же строкѣ; ортографія же придаетъ извѣстному тексту однообразную форму, хотя первоначально несвойственную, чуждую ему. Если рукопись принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ, то звуковая

система должна быть возведена къ оригиналу, такъ какъ исландскія рукописи XIII и XIV вв. подвергались всетаки болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ, и переписчики передѣлывали оригиналъ, согласно чтенію современной имъ эпохи. Такимъ образомъ, согласно опредѣленному критеріуму, требовалось установленіе опредѣленной, удовлетворяющей извѣстнымъ правиламъ, древне-скандинавской ортографіи. Эта „нормальная ортографія" древне-скандинавскаго языка господствуетъ уже около 60 лѣтъ, при чемъ въ примѣненіи ея обнаруживаются два направленія. Одинъ способъ примѣнялся Rask'омъ и исландскими учеными, другой — J. Grimm'омъ. Критерій Rask'а и исландскихъ ученыхъ, выбиравшихъ изъ нѣсколькихъ звуковыхъ формъ одну извѣстную, оказывается фонетическимъ; они руководились произношеніемъ современныхъ Исландцевъ. Grimm, наоборотъ, основывался на сравнительно-историческомъ методѣ, стало быть, на происхожденіи и родствѣ съ другими германскими нарѣчіями. Rask принужденъ былъ слѣдить за развитіемъ современнаго исландскаго языка, идти съ нимъ рука объ руку, — Grimm, возводя все къ старинѣ, принужденъ былъ создавать примитивныя формы скандинавскаго языка, не встрѣчавшіяся даже въ самыхъ древнихъ памятникахъ и часто совершенно немыслимыя. Значительному видоизмѣненію подверглась ортографія Rask'а, благодаря Munch'у, Keyser'у и Unger'у. Послѣдніе руководились результатами, добытыми сравнительно-историческимъ методомъ, затѣмъ, тщательно изучали и сличали древнѣйшіе памятники и старались раскрыть взаимное отношеніе норвежскихъ діалектовъ. Отъ пріема Rask'а критерій Munch'а отличается тѣмъ, что прежде всего устраняются всѣ исландизмы, строго соблюдается этимологія (что напоминаетъ пріемъ Grimm'а) и сохраняется рукописная форма XIII и XIV в. въ фонетическомъ и этимологическомъ отношеніи. Таковы изданія, предпринятыя Unger'омъ (Oldnorsk Læsebog etc., 2. изд. Christ. 1863) за одно съ Munch'омъ (Fagrskinna, membrana splendida, 1847; Sæmundar-Edda, 1847 [благодаря которой появилось и весьма хорошее изданіе Эдды H. Lüning'а, Zürich 1859] и др.) и Keyser'омъ (Konungs-skuggsjá, Speculum regale, 1848, и др.).

Касательно грамматическихъ трудовъ слѣдуетъ замѣтить, что грамматическія изслѣдованія Rask'а, основателя строго научной грамматики, во всякомъ случаѣ весьма за-

мѣчательны; но въ настоящую пору они устарѣли, вопреки мнѣнію датскихъ ученыхъ, считающихъ, напр., грамматику Rask'a (Kortfattet Vejledning til det oldnordiske eller gamle islandske Sprog, Köbenh. 1832; третій оттискъ появился въ 1861 г.) вполнѣ удовлетворяющей и современнымъ научнымъ требованіямъ. Послѣднимъ удовлетворяютъ только грамматики Munch'a и Gíslason'a и ихъ послѣдователей. Грамматика Munch'a, который работалъ надъ ней вмѣстѣ съ Unger'омъ, основана на сравнительно-историческомъ изученіи языка и появилась въ 1847 г. (Det oldnorske Sprogs eller Norrönaspragets Grammatik, Christ.), вслѣдъ за ней другая въ 1849 г. (Forn-Swenskans [Svænsku ok Gözku] och Forn-Norskans [Norrœnu] Språkbyggnad etc, Stockh.); сюда же можно отнести его готскую грамматику (Det gotiske Sprogs Formlære etc. Christ., 1848) и грамматику древнѣйшихъ рунъ (Kortfattet Fremstilling af den ældste Nordiske Runeskrift etc. Christ., 1848), такъ какъ оба сочиненія часто касаются древне - скандинавскаго языка. Къ трудамъ Munch'a примыкаетъ небольшая, но раціонально составленная грамматика J. Aors'a (Oldnorsk Formlære etc., Krist. 1862), затѣмъ, M. Nygoard'a (Oldnorsk Grammatik etc. Bergen, 1871, и его же: Kortfatt. Fremstilling af den oldnorske Formlære, Bergen, 1871).—Главный трудъ Gíslason'a (Um frumparta islenzkar túngu í fornöld) появился въ 1846 г. На основаніи изученія древнѣйшихъ рукописей Gíslason старается установить фонетическіе законы, слѣдуя главнымъ образомъ индуктивнымъ путемъ, хотя онъ нерѣдко прибѣгаетъ и къ сравнительно-историческому методу, сообразуется съ современнымъ исландскимъ произношеніемъ и т. п. Изданная имъ въ 1858 г. грамматика ограничивается пока первой частью, заключающей въ себѣ почти одну только фонетику. Другія изслѣдованія Gíslason'a разбросаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Подъ вліяніемъ Gíslason'a возникли и труды Lyngby и грамматика L. F. A. Wimmer'a (Oldnordisk Formlære etc. Köbenh. 1870), отвѣчающая современнымъ научнымъ требованіямъ и появившаяся въ 1871 г. въ нѣмецкомъ переводѣ E. Sievers'a съ значительными дополненіями и исправленіями. Самый обширный и обстоятельный трудъ по синтаксису составленъ G. F. V. Lund'омъ (Oldnordisk ordföjningslære, Köbenh. 1862). Изъ числа болѣе или менѣе обстоятельныхъ грамматикъ,

составленныхъ нѣмецкими учеными, слѣдуетъ указать на грамматики, помѣщенныя въ христоматіяхъ F. Dietrich'a (2-е изд. Leipzig 1864), Fr. Pfeiffer'a (Leipzig 1860), L. Ettmüller'a (Zürich 1861) и H. Lüning'a въ упомянутомъ изданіи Edda'ы (Zürich. 1859); кромѣ того, краткая грамматика M. Heyne (Kurze Grammatik der altgerm. Sprachstämme, 2-е изд., Paderborn, 1870) и грамматика A. Holtzmann'a (Altdeutsche Grammatik, umfass. die gothische, altnordische etc. Sprache, Leipzig 1870).

Долгое время довольствовались лексикономъ Björn'a Haldorsen'a († 1794), изданнымъ въ 1814 г. Rask'омъ, прежде чѣмъ явились почтенные словари S. Egilsson'a (Lexicon poeticum etc., Hafniæ 1854—60, составленъ исключительно для поэтическихъ, какъ словарь T. Möbius'a (Leipzig 1866) для извѣстнаго числа прозаическихъ памятниковъ), E. Jonsson'a (Kjöb. 1863), J. Fritznera (Ordbog over det gamle norske Sprog, Krist. 1862—1867). Самый обширный лексиконъ изданъ R. Cleasby и G. Vigfussonn'омъ (An Icelandic-English Dictionary etc. Oxford 1869—76).

А. Колмачевскій.

Лейпцигъ, 9 сентября
(28 августа) 1878 г.

МНѢНІЯ О ДИССЕРТАЦІЯХЪ.

Отзыв орд. проф. Бодуэна-де-Куртенэ о докторской диссертаціи Д. Ѳ. Бѣляева: „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. Историко-литературные этюды. Казань. 1878“.

Разсужденіе г. Бѣляева представляет плод всесторонняго и основательнаго изученія произведеній Эврипида с их внутренней стороны, с цѣлью охарактеризовать самыя существенныя религіозныя и нравственныя воззрѣнія этого трагика. При этом г. Бѣляевъ разсматривает Эврипида не в отвлеченіи, внѣ условій мѣста и времени, но в тѣсной связи со всею умственною и политическою жизнью греческаго народа, на сколько это было необходимо для надлежащаго уразумѣнія религіозных, нравственно-общественных и политических мнѣній и идеалов, проповѣдуемых разбираемым писателем. Философскіе взгляды Эврипида сравниваются съ теоріею его учителя, Анаксагора, и опредѣляется как то, что взято Эврипидом у сего послѣдняго, так и то, что составляет плод его самостоятельнаго мышленія. Это главным образом относится к понятію божества, которое далеко не одинаково у учителя-философа и у его ученика--поэта. Для большинства частных мнѣній Эврипида в области нравственной философіи или этики мы вовсе не находим у Анаксагора не только первообраза, но даже хотя бы только чего нибудь аналогичнаго. Виновником этого является, может быть, потеря источников для опредѣленія всей философской системы Анаксагора; но вѣроятнѣе еще то, что Анаксагор, как главным образом метафизик, оставлял в сторонѣ практическую, нравственную философію. Поэтому мнѣнія Еврипида по этой части слѣдует считать результатом его самостоятельнаго мышленія. Точно так же само-

стоятельным характером отличается полемика Эврипида против ходячих представленій о народных богах Греціи, описанію которой посвящена первая глава сочиненія г. Бѣляева. Конечно, как в этом отношеніи, так и в отношеніи воззрѣній Эврипида на гражданскій долг и обязанность жертвовать собою для пользы отечества (глава III. диссертаціи Бѣляева), самостоятельность слѣдует понимать только в такой степени, в какой она вообще возможна даже в самой талантливой личности. Никто не может на столько освободиться от вліянія среды, общественных и исторических условій, чтобы быть в состояніи думать и создавать теоріи внѣ этой необходимой подкладки всякаго индивидуальнаго развитія. Тѣм болѣе относится это к таким животрепещущим сторонам человѣческой дѣятельности, какими являются, с одной стороны, полемика против господствующих в данное время и в данном обществѣ воззрѣній, с другой же стороны, высказываніе своих собственных взглядов на задачи жизни и на отношеніе гражданина к обществу. Без предшествующаго постепенно ростущаго скептицизма всѣх независимых, передовых умов Греціи в отношеніи к народной религіи и миѳологіи, и без относительной терпимости, свойственной тогдашнему аѳинскому обществу, была бы совершенно невозможна борьба Эврипида с тѣм, что составляло предмет поклоненія всѣх благочестивых и благонамѣренных сограждан поэта, борьба, хотя и осторожная, но тѣм не менѣе рѣшительная и безпощадная, доходящая до полнѣйшаго отрицанія даже существованія божеств, признаваемых древними Греками. Без предшествовавшей продолжительной работы великих мыслителей Греціи Эврипид не мог бы был дойти собственным умом до относительно столь возвышеннаго и чистаго понятія о божествѣ и началѣ всего существующаго, какое высказывается так ясно в разных его трагедіях. Наконец, без спеціальных условій исторической жизни Греков, без односторонняго развитія их мѣстнаго партикуляризма, без той исключительности, вслѣдствіе которой гражданин одного маленькаго греческаго государства был лишен всѣх прав внѣ предѣлов своей родины, без всѣх этих и этим подобных общественных и международных отношеній древне-греческих республик невозможны были бы та безграничная любовь к отечеству и самоотверженіе личности в его пользу, которыя с таким воодушевленіем про-

повѣдуюся поэтом-гражданином. Эти три стороны міровоззрѣнія Эврипида мастерски изложены в сочиненіи г. Бѣляева. В особенности интересна I. глава, посвященная описанію полемики Эврипида против общегосподствующих миѳов и вѣрованій, и нападок, которым он за это подвергался со стороны Аристофана и других греческих консерваторов. Г. Бѣляев старается указать всѣ оттѣнки и видоизмѣненія понятій, характеризующіе отдѣльныя трагедіи, и в концѣ I-ой главы доходит до того пункта в развитіи воззрѣній Эврипида, когда этот послѣдній, усумнившись в успѣхѣ полемики и причинив себѣ ею только много непріятностей и даже страданій, стал под старость высказывать мнѣнія благонамѣреннаго свойства и совѣтовал, ради личнаго спокойствія и безопасности, не трогать того, что составляет для толпы неприкосновенную святыню.

Классическая филологія принадлежит к самым разработанным наукам (науку я понимаю здѣсь не в смыслѣ естественнаго дѣленія предметов умственной дѣятельности, но в смыслѣ исторически сложившихся, нѣчто цѣльное и обособленное составляющих комплексов или собраній результатов научных занятій). Все здѣсь изслѣдовано, описано, много раз пережевано. Поэтому в области классической филологіи не может быть рѣчи об абсолютно новых открытіях, об открытіях в том смыслѣ, в каком можно об них говорить в естественных науках или же в языковѣдѣніи. Поэтому и от г. Бѣляева мы не в правѣ требовать какого-то особеннаго открытія, поражающаго своею неожиданностью. Эврипидом занимаются многіе классики всѣх европейски просвѣщенных стран; нѣкоторые знают его почти наизусть. Всѣ слова и выраженія, всѣ отдѣльныя мысли его отдѣльных трагедій, равно как и их главныя руководящія идеи были предметом тщательнаго изученія и обдумыванія. Поэтому для безусловно самостоятельной работы здѣсь оставлено не много простора. Тѣм не менѣе, даже при таком богатствѣ предшествовавших трудов, возможно еще, если не пролить совершенно новый свѣт на произведенія Эврипида и на высказанныя в них общія понятія, то по крайней мѣрѣ взглянуть на них немножко иначе и извѣстныя частности представить в другом видѣ, в другом сочетаніи. Эта-то задача и выполнена г. Бѣляевым вполнѣ удовлетворительно. Он не ограничился одним только пересаживаніем цвѣтков

с грядки на грядку, как это дѣлают многіе даже самые знаменитые знатоки так называемаго древне-классическаго міра, но старался овладѣть предметом сполна и представить читателям нѣчто не сшитое, но цѣльное, а потому в такой наукѣ, как классическая филологія, совершенно самостоятельное. Наш автор не щеголяет и не хвастает начитанностью, но его начитанность и знакомство с литературою предмета видны на каждой страницѣ его сочиненія. Цитуемыя книги он в самом дѣлѣ читал и знает их не по одним только заглавіям. Мы не найдем здѣсь вовсе лишних цитат, на которыя так падка ложная ученость, старающаяся покрыть ими свое невѣжество и отсутствіе научной основательности. — Кромѣ того, сочиненіе г. Бѣляева весьма легко читается и, по способу изложенія, доступно не одним только спеціалистам, но всѣм вообще образованным людям. В русской же ученой литературѣ, столь бѣдной хорошими монографіями по части классической филологіи, оно несомнѣнно займет почетное мѣсто и будет одним из ея украшеній.

Не будучи спеціалистом по разбираемому автором вопросу, я воздерживаюсь здѣсь от всяких возраженій. Замѣчу только, что г. Бѣляев не хотѣл или же не мог усвоить себѣ историческій взгляд на нравственность, и понимал ее как то узко, односторонне. Поэтому он, с точки зрѣнія какой то условной нравственности, называет безнравственными и осуждает такіе обычаи и учрежденія, какія для даннаго народа и в данное время считались совершенно нравственными, и безнравственным казался бы тот, кто осмѣлился бы порицать эти видимые результаты извѣстнаго историческаго развитія народа. При этом иногда трудно различить, принимает ли г. Бѣляев мѣрилом свой собственный условный взгляд на нравственность, или же взгляд Эврипида (см. стр. 2, 3, 4, 22, 30, 51, 102).

В заключеніе я позволю себѣ заявить, что признаю диссертацію г. Бѣляева вполнѣ достаточною для полученія степени доктора греческой словесности.

Казань, 2 мая
1878 г.

МНѢНІЯ О ДИССЕРТАЦІЯХЪ

ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ

На заданныя для соисканія наградъ въ прошломъ $18^{77}/_{78}$ академическомъ году темы.

Отзывъ орд. проф. Бодуэна-де-Куртенэ о сочиненіи на тему: «О языкѣ русскихъ былинъ» представленной подъ девизомъ «№ 333».

Послѣ краткаго введенія и исчисленія пособій, автор названнаго сочиненія приступает прямо к обозрѣнію фонетических, морфологических, синтаксических и лексикальных особенностей языка былин. Сочиненіе распадается на слѣдующія главныя части: 1) Фонетика, 2) Морфологія, 3) Синтаксисъ, 4) Epitheta ornantia, 5) Списокъ былинныхъ „идіомовъ" (т. е. особенных слов, как понятных, так и непонятных автору). Каждая из этих частей распадается на болѣе мелкіе отдѣлы, с размѣщеніем которых не всегда можно согласиться. Так, между прочим, непонятно, на каком основаніи главы об аналогіи и о народном словопроизводствѣ числятся в фонетикѣ.

Сочиненіе „№ 333" производит с самаго начала довольно неблагопріятное впечатлѣніе; и, еслиб все оно было составлено таким образом, как меньшая половина фонетики (до ударенія, стр. 1—15), то, конечно, нельзя было-бы присудить автору высшей награды. Но неблагопріятное впечатлѣніе исчезает при чтеніи слѣдующих глав сочиненія.

Как я только что замѣтил, самым слабым отдѣлом является начало фонетики, т. е. ученіе об измѣненіях согласных и гласных. Здѣсь нас поражает какой то хаос в способѣ изложенія фактов: все во все переходит, все вездѣ появляется, спорадическіе случаи звуковых измѣненій, обусловленные какими нибудь спеціальными причинами в родѣ народнаго словопроизводства или т. п., возводятся в общій звуковой, фонетическій закон и т. д. Как здѣсь, так и во многих других мѣстах своего сочиненія, автор не мог вполнѣ отдѣлаться от смѣшенія букв и звуков, что и помѣшало ему объяснить надлежащим образом не только фонетическія, но и морфологическія явленія. Но, в оправданіе автора,

можно замѣтить, что подобное же смѣшеніе букв и звуков, да еще в гораздо высшей степени, свойственно тоже почти всѣм общепризнанным сочиненіям и разсужденіям, посвященным русскому языку. Довольно указать на грамматику Буслаева.

При объявленіи конкурса по предмету „языка русских былин“ было сказано, что особенное вниманіе слѣдует обратить на слова и формы, обязанныя своим происхожденіем дѣйствію аналогіи и народнаго словопроизводства. Слѣдовательно, эти отдѣлы должны были быть разсмотрѣны с особенною точностью. Между тѣм автор исполнил только половину этой частной задачи, то-есть, он обратил должное вниманіе на слова, вызванныя или в своем внѣшнем видѣ, или же в своем значеніи дѣйствіем народнаго словопроизводства, от разсмотрѣнія же форм, обусловленных вліяніем силы аналогіи, отдѣлался только нѣсколькими словами. Автор не видѣл дѣйствія аналогіи там, гдѣ его непремѣнно слѣдовало замѣтить. Очевидные примѣры дѣйствія аналогіи не собраны им вмѣстѣ в одной главѣ, но разбросаны по разным отдѣлам нетолько морфологіи, но и фонетики. То же самое можно сказать о нѣкоторых очевидных примѣрах дѣйствія народнаго словопроизводства. Благодаря непониманію их, автором созданы многіе отдѣлы фонетики, совершенно к ней не подходящіе. Это был бы тоже большой недостаток, еслиб не оправдывало нашего автора соображеніе, что необходима довольно продолжительная практика для того, чтобы с точностью подмѣчать в языкѣ дѣйствіе безсознательнаго обобщенія, под категорію котораго подходят народное словопроизводство и аналогія, и что даже авторы общепризнанных грамматик и других лингвистических произведеній проявляют в этом отношеніи до сих пор замѣчательную тупость и неспособность понимать.

Такою же точно особенностью отрицательнаго свойства, общею нашему автору с значительным большинством писавших о русском языкѣ, является привычка считать язык литературный какою то нормой, какою то основною степенью развитія, в сравненіи с состояніем всѣх остальных говоров русских, слѣдствіем чего бывают постоянныя превратныя объясненія, гдѣ первое считается вторым, а второе первым.

Случаи, характеристическіе для языка былин, не всегда поставлены на первом планѣ, и представляемая автором картина этого языка во многих мѣстах является не достаточно рельефною. Обще-русскія особенности смѣшиваются иногда с былинными. А, так как не во всѣх былинах один язык, то, при болѣе тщательном изслѣдованіи языка былин, слѣдовало бы раздѣлить его особенности по діалектическим категоріям, по говорам и их видоизмѣненіям, пожалуй даже по личным, индивидуальным оттѣнкам. В особенности в „Памятниках и образцах", изданных II-м Отдѣленіем Императорской Академіи Наук, есть былины, по свойственному им языку, весьма различнаго характера.

Особенныя достоинства разбираемаго труда состоят:

1) в собраніи интересных данных из области ударенія, при чем однакож дѣленіе по категоріям произведено не всегда надлежащим образом,

2) в собраніи почти всѣх эпитетов (epithetia ornantia),

3) в собраніи почти всѣх особенных слов, встрѣчаемых в былинах („список былинных „идіомов"") и т. д.

Если же ктому сообразить,

1) что прочитать с подобною, как автор, цѣлью столько былин, — в одном собраніи Гильфердинга 318 былин на 1336 мелко печатанных столбцах, - представляет дѣло далеко не легкое,

2) что цитаты автора весьма точны, весьма тщательны и вообще почти безукоризненны,

3) что сочиненіе „№ 333" есть работа вполнѣ самостоятельная, а не болѣе или менѣе удачная компиляція,

то я полагаю, что автора этого сочиненія можно удостоить даже *золотой медали* (¹).

Казань, 21 октября
1878 г.

(¹) Совѣтъ, соглашаясь съ представленіемъ историко-филологическаго факультета, постановилъ наградить автора названнаго сочиненія *золотою* медалью. По вскрытіи пакета съ именемъ автора, оказалось, что это сочиненіе принадлежитъ студенту IV курса историко-филологическаго факультета Николаю Кукуранову.

Отзывы орд. проф. Нелидова о сочиненіяхъ, представленныхъ на предложенную юридическимъ факультетомъ тему: «Организація высшаго управленія Россіи въ царствованіе Императора Александра I».

На предложенную юридическимъ факультетомъ въ $18^{77}/_{78}$ учебномъ году для соисканія наградъ медалями тему: „Организація высшаго управленія Россіи въ царствованіе Императора Александра I" представлены и, по порученію факультета, мною разсмотрѣны два сочиненія.—Одно изъ нихъ подъ эпиграфомъ изъ „L'esprit des lois" (LXII, c. XXV, 36) Монтескье: „Le sublime de l'administration est de bien connaître, qu'elle est la partie du pouvoir, grande ou petite, que l'on doit epmloyer dans les diverses circonstances".—Предпославъ изслѣдованію главнаго предмета своего труда введеніе, обнимающее историческій очеркъ высшаго управленія Россіи до начала эпохи Императора Александра I, авторъ, затѣмъ, дѣлитъ все сочиненіе на семь главъ, за которыми слѣдуетъ заключеніе.—Это послѣднее представляетъ существенные выводы изъ всей работы автора и его взглядъ на значеніе реформаторской дѣятельности Императора Александра I относительно организаціи высшаго управленія. Система, принятая авторомъ въ его трудѣ, проста и удачна.—Посвятивъ 1-ю главу своего сочиненія указанію тѣхъ вліяній, которыми обусловливалась, до извѣстной степени, преобразовательная дѣятельность Александра I и которыя заключались въ личномъ характерѣ государя, его воспитаніи, окружавшей его средѣ и т. под., охарактеризовавъ, затѣмъ, въ общихъ чертахъ, реформы александровскаго времени, авторъ переходитъ къ подробному обозрѣнію преобразованій въ сферѣ высшаго управленія имперіи. Онъ пріурочиваетъ эти преобразованія къ тремъ главнымъ областямъ, на которыя обыкновенно дѣлятъ всѣ проявленія дѣятельности государственной власти, т. е. къ власти законодательной, исполнительной (правительственной) и судебной. Изложеніе преобразованій въ первыхъ двухъ областяхъ, согласно съ исторической дѣйствительностью, подраздѣляется на два періода, гранью между которыми является принятіе рѣшительнаго участія въ реформахъ Сперанскимъ. Во введеніи къ своему сочиненію авторъ руководствовался извѣстными литературными пособіями, каковы труды: гг. Чичерина, Дмитріева, Градовскаго и др. Что касается до главнаго предмета изслѣдованія, то въ

основу его несомнѣнно положено прилежное изученіе авторомъ первоначальныхъ источниковъ (Полн. Собр. Законовъ, проекты, записки и мемуары разныхъ лицъ, относящіеся къ изслѣдуемой эпохѣ) и тщательное ознакомленіе съ довольно значительной уже въ настоящее время литературой предмета. Какъ результатъ такого внимательнаго отношенія къ дѣлу, является подробное и вполнѣ систематическое изложеніе судьбы высшихъ установленій Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Авторъ обращаетъ, приэтомъ, свое вниманіе почти исключительно на организацію учрежденій, не задавая себѣ цѣлію слѣдить за проявленіями ихъ дѣятельности въ дѣйствительной жизни, для чего, впрочемъ, имѣется пока въ распоряженіи изслѣдователя скудный матеріалъ.—Излагая исторію высшаго управленія Россіи въ эпоху Асександра I, авторъ не ограничивается послѣдовательнымъ сообщеніемъ историческихъ фактовъ, но не пренебрегаетъ и указаніями теоріи, выводами современной науки государственнаго права, которыми пользуется при оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ разсматриваемыхъ установленій. Пріемъ сравнительнаго изученія также не оставленъ имъ безъ приложенія. При помощи именно этого пріема наприм. очень вѣрно охарактеризовано различіе между государственнымъ совѣтомъ французской имперіи и нашимъ учрежденіемъ того-же имени. Какъ на образцы вполнѣ основательнаго изученія и тщательной обработки матеріала можно указать на изложеніе: исторіи возникновенія и измѣненій въ организаціи министерствъ въ оба періода реформъ Александра I; на вопросъ объ отношеніяхъ комитета министровъ къ государственному совѣту, на исторію постепеннаго расширенія компетенціи комитета министровъ, на критическій разборъ отвѣтственности министровъ по учрежденію министровъ 1810 и 1811 г. и др. Конечно, не всегда можно согласиться съ обобщеніями и взглядами автора; въ этомъ отношеніи его можно напр. упрекнуть за слишкомъ рѣшительный приговоръ надъ системой высшаго управленія въ допетровской Россіи, который онъ высказалъ во введеніи; но помимо того, что въ русской исторической наукѣ существуютъ противоположныя воззрѣнія на этотъ предметъ, отъ автора нельзя и требовать такого-же многосторонняго и подробнаго изученія допетровскихъ учрежденій, какое онъ обнаружилъ относительно существенной своей задачи.

Другое сочиненіе на ту же тему имѣетъ эпиграфомъ слѣдующія слова изъ письма Сперанскаго къ Голицыну": „Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ". Авторъ этого труда избралъ систему изложенія, совершенно несходную съ принятою въ только-что разсмотрѣнномъ сочиненіи. Главной точкой зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на весь историческій процессъ преобразовательной дѣятельности Императора Александра I, является различіе направленій и характера этой дѣятельности. Потому реформы александровскаго царствованія излагаются прежде всего въ постепенности ихъ хронологическаго порядка. Въ этомъ смыслѣ авторъ дѣлитъ всю исторію организаціи высшаго управленія въ царствованіе Императора Александра I на два періода: отъ 1802—1815 и отъ 1815—1825 г., причемъ первый періодъ подраздѣляетъ на двѣ эпохи: одна отъ начала царствованія до 1810 г. и другая—отъ этого времени до 1815 г. Въ предѣлахъ этихъ періодовъ и эпохъ авторъ разсматриваетъ всѣ преобразованія въ сферѣ высшаго управленія, такъ-что дѣленіе реформъ по областямъ законодательной, исполнительной и судебной функцій государственной власти занимаетъ подчиненное положеніе. Такая система имѣетъ свою выгодную сторону, такъ какъ при ней рельефнѣе выступаетъ политическое значеніе реформъ и болѣе рѣзко выдаются измѣненія въ направленіяхъ внутренней политики, соотвѣтственно совершавшимся перемѣнамъ въ характерѣ и убѣжденіяхъ Императора. Но съ другой стороны, при этой системѣ труднѣе сохранить строго логическую послѣдовательность изложенія. Можно сказать, что избранная авторомъ система болѣе общеисторическая, чѣмъ историко-юридическая. Разсматриваемое изслѣдованіе начинается предисловіемъ, въ которомъ объясняется планъ сочиненія и коротко излагаются и оцѣниваются историческія теоріи, имѣвшія въ виду, съ той или другой точки зрѣнія, освѣтить прошедшую жизнь русскаго народа и государства. За тѣмъ слѣдуетъ довольно обширное введеніе, заключающее въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи высшаго управленія древней и новой Россіи до вступленія на престолъ Императора Александра I. Приступая къ сущности дѣла, т. е. къ изслѣдованію организаціи высшихъ установленій въ Александровскую эпоху, авторъ, подобно своему пред-

шественнику по моему отзыву, дѣлаетъ общія, однако довольно подробныя, замѣчанія о личности Императора Александра, его воспитаніи, характерѣ, его первыхъ сотрудникахъ и т. п. Изложеніе исторіи преобразованій въ государственномъ управленіи въ первый періодъ начинается съ реорганизаціи сената, причемъ подробно и основательно разсматриваются всѣ проекты преобразованія этого установленія. Съ такою-же тщательностію излагается исторія первоначальнаго образованія министерствъ. Изложенію реформъ высшаго управленія въ 2-ю эпоху перваго періода авторъ предпосылаетъ характеристику плана преобразованій, принадлежащаго Сперанскому. Въ этой части своего труда онъ старается прослѣдить, насколько въ работахъ Сперанскаго отразилось вліяніе организаторскихъ плановъ и идей первой французской имперіи и ученія о раздѣленіи властей. Затѣмъ съ большою подробностью представлена организація Государственнаго Совѣта и министерствъ по учрежденію 1810 г. Приэтомъ авторъ приводитъ мнѣнія извѣстныхъ публицистовъ (Блюнчли, Штейна) о значеніи Государственнаго Совѣта и министерскаго начала вообще, подвергаетъ критическому разбору мнѣнія современниковъ о реформѣ, проводитъ параллель между русскимъ Государственнымъ Совѣтомъ и учрежденіемъ того-же имени во Франціи, оцѣниваетъ установленную въ 1810 г. классификацію министерствъ, ихъ достоинства и недостатки; вообще, не довольствуясь систематическимъ изложеніемъ фактовъ, прибѣгаетъ къ пріемамъ совершенно научнымъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о той части диссертаціи, которая касается втораго періода царствованія Императора Александра I. Обиліе матеріала, извлеченнаго изъ непосредственныхъ источниковъ и литературныхъ пособій такъ значительно, что оно до нѣкоторой степени подавляетъ автора, вслѣдствіе чего терпитъ внѣшняя сторона сочиненія, именно соразмѣрность частей его. Но этотъ недостатокъ, въ тоже время, свидѣтельствуетъ о крайней добросовѣстности писавшаго, стремившагося воспользоваться для изучаемаго вопроса всѣмъ, что представлялось ему. Трудъ автора оканчивается заключеніемъ, въ которомъ предлагается оцѣнка какъ полнаго плана Сперанскаго о преобразованіи всего управленія въ Россіи, такъ и осуществившихся въ царствованіе Императора Александра I реформъ. При этомъ нельзя не обра-

тить вниманіе на ту совершенно вѣрную мысль автора, что неполный успѣхъ этихъ реформъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что реорганизація государственнаго управленія была начата съ высшихъ установленій, что ей не предшествовало преобразованіе, на началахъ самоуправленія земствъ и общинъ, установленій мѣстныхъ, непосредственно соприкасающихся съ жизнью народа; а это послѣднее было невозможно, въ свою очередь, безъ глубокаго измѣненія въ существовавшихъ тогда отношеніяхъ между общественными классами, т. е. безъ отмѣны крѣпостнаго права.

Сводя къ общему итогу все вышесказанное по поводу обоихъ разсмотрѣнныхъ мною сочиненій на предложенную юридическимъ факультетомъ тему, я прихожу къ заключенію, что и тотъ и другой авторы въ одинаковой степени добросовѣстно отнеслись къ своей задачѣ, оба доказали несомнѣнное трудолюбіе и способность къ научнымъ работамъ, обнаруживъ, въ тоже время, нѣкоторыя, отличающія ихъ другъ отъ друга, особенности въ пріемахъ изслѣдованія и въ свойствѣ ихъ дарованія. Такъ первый изъ разсмотрѣнныхъ мною трудовъ выдается систематичностью и строго - логической группировкой фактическаго матеріала, уступая второму тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обобщеніяхъ, между тѣмъ, какъ этотъ послѣдній, невсегда неуклонно слѣдуя требованіямъ строгой систематичности и соразмѣрности отдѣльныхъ частей, имѣетъ преимущество въ удачныхъ попыткахъ автора къ сопоставленію фактовъ, выводамъ и анализу.—Думаю, что при дальнѣйшихъ научныхъ занятіяхъ и въ послѣдующихъ работахъ эти особенности у того и другаго легко могутъ уравновѣситься.

На основаніи всего этого, по моему мнѣнію, тотъ и другой авторы, съ соблюденіемъ полной справедливости, могутъ быть удостоены награды *золотою медалью*(¹).

26 октября
1878 г.

(¹) Совѣтъ соглашаясь съ представленіемв юридическаго факультета наградилъ въ торжествеенномъ собраніи Университета 5 ноября истекшаго года, авторовъ обоихъ сочиненій *золотыми* медалями. По вскрытіи пакетовъ съ именами авторовъ, оказалось, что означенныя диссертаціи принадлежатъ студентамъ IV курса юридическаго факультета Виктору Ивановскому и Владиміру Щеглову.

Отзывъ орд. проф. Кремлева о сочиненіи на тему: «Переводъ и объясненіе текста Dig. de adquirendo rerum dominio lib. 41. tit 1» подъ девизомъ «Quidquid non agnoscitglossa, non agnoseit forum».

Авторъ диссертаціи съ эпиграфомъ „Quidquid non agnoscit glossa, non agnoscit forum", приступая къ изложенію своей работы, прежде всего обозначаетъ предѣлы ея и планъ ея выполненія. Цѣлію своей работы онъ ставитъ изложеніе способовъ пріобрѣтенія права собственности, о которыхъ трактуетъ комментируемый имъ tit. 1 lib. 41 Dig. de adquirendo rerum dominio, обѣщая при этомъ изложеніи отмѣчать тѣ характеристическія черты и условія каждаго способа пріобрѣтенія права собственности, которыя признаются большинствомъ изслѣдователей, а также и тѣ, относительно которыхъ существуетъ разногласіе, указывать на центръ этихъ разногласій и на мѣста источниковъ, вызвавшія ихъ къ существованію. Что касается плана изложенія, то справедливо признавая непригодною послѣдовательность фрагментовъ титула, какъ несоотвѣтствующую научному пріему, авторъ располагаетъ въ своей работѣ все содержаніе титула по отдѣльнымъ способамъ, сгруппировывая во едино всѣ мѣста титула, трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ. Относительно же систематизированія самыхъ способовъ пріобрѣтенія держится дѣленія ихъ на двѣ категоріи, предложеннаго Вангеровымъ, вслѣдствіе чего вся работа распадается на два главные отдѣла: способы пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія и способы пріобрѣтенія права собственности безъ посредства владѣнія.

Во главѣ I-го отдѣла стоитъ *occupatio*, между предметами которой различаются 3 группы: вещи, никогда еще не *бывшія* предметомъ права, вещи, переставшія быть предметомъ права, и вещи непріятельскія, причемъ большая часть изложенія приходится на первую группу, что объясняется большимъ количествомъ фрагментовъ титула, сюда относящихся, и большимъ интересомъ предмета. Въ заключеніе авторъ приводитъ оригинальный взглядъ Лейста на сущность и значеніе оккупаціи и выводы, къ которымъ приходитъ Лейстъ преимущественно по отношенію къ римскому праву, причемъ авторъ подвергаетъ этотъ взглядъ основательной критикѣ. Затѣмъ комментируются фрагменты титула, относящіеся къ *thesaurus*. Начиная съ анализа мѣста Павла въ fr. 31, авторъ приходитъ къ заключенію, что со-

гласно съ этимъ мѣстомъ слѣдуетъ признать нахожденіе клада видомъ оккупаціи. Но принимая въ соображеніе тѣ правила, которыми впослѣдствіи регулировались отношенія находчика къ самой находкѣ и къ тѣмъ физич. и юридич. лицамъ, съ которыми находчикъ приходилъ въ столкновеніе по поводу найденнаго клада (l. un C. de thesaur. 10. 15), авторъ находитъ въ нихъ достаточный мотивъ для того, чтобы нахожденію клада отвести самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ способовъ пріобрѣтенія права собственности. Обращаясь затѣмъ къ *specificatio*, авторъ по поводу fr. 7 § 7 излагаетъ извѣстный споръ Сабиніанцевъ и Прокуліянцевъ объ этомъ предметѣ и т. наз. среднее мнѣніе; установляетъ опредѣленіе понятія спецификаціи какъ способа пріобрѣтенія собственности по Юстиніановскому праву и излагаетъ условія, необходимыя для этого понятія. Обращаясь къ оцѣнкѣ внутренняго достоинства средняго мнѣнія, принятаго Юстиніаномъ, онъ примыкаетъ къ взгляду Мейера (Русск. гражд. право, изд. Вицына), не приводя, къ сожалѣнію мотивовъ, понуждающихъ его держаться этого взгляда. Оканчивается I-й отдѣлъ занимающимъ наибольшую часть его изложенія ученіемъ о передачѣ, *traditio*, какъ способѣ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія. Сопровождая переводъ относящихся сюда мѣстъ титула объясненіями ихъ, авторъ обстоятельно касается весьма интересныхъ вопросовъ, каковы: о значеніи передачи при неизвѣстности, неопредѣленности лица пріобрѣтателя, о вліяніи измѣны представителя на дѣйствительность передачи, о томъ случаѣ, когда повѣренный или опекунъ передаетъ другому свою вещь, считая ее за вещь довѣрителя или малолѣтняго, о значеніи передачи въ томъ случаѣ, когда контрагенты имѣютъ въ виду разныя сдѣлки какъ основанія передачи. Въ заключеніи этого отдѣла авторъ сгруппировалъ всѣ мѣста титула, говорящія о пріобрѣтеніяхъ чрезъ лицъ подвластныхъ и рабовъ, причемъ затронутъ интересный вопросъ о моментѣ, съ котораго адресатъ пріобрѣтаетъ право собственности на отправленное ему письмо.

Во 2-мъ отдѣлѣ большую часть занимаетъ излагаемая въ началѣ этого отдѣла *accessio*. Установивъ понятіе ея, авторъ разсматриваетъ три вида приращенія: недвижимой вещи къ недвижимой, движимой вещи къ недвижимой и движимой вещи къ движимой же. Особенное вниманіе останавливаетъ на приращеніи перваго вида по интересу вопро-

совъ, относящихся къ alluvio, avulsio, insula in flumine nata и alvei derelitio, причемъ излагаетъ и главнѣйшія системы, предложенныя для распредѣленія береговаго приращенія и островов̑ъ между сосѣдними владѣльцами.—Затѣмъ *commixtio* (и confusio) и по незначительности интереса и по незначительному количеству фрагментовъ титула, говорящихъ объ этомъ способѣ пріобрѣтенія собственности, естественно занимаетъ въ диссертаціи весьма небольшое мѣсто. Авторъ въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ о случаяхъ добровольнаго смѣшенія и слитія и недобровольнаго, по произволу одного изъ собственниковъ или случайно, и въ частности о смѣшеніи монетъ. Съ гораздо большею подробностію излагаетъ затѣмъ о *separatio* и тутъ же касается другаго способа пріобрѣтенія собственности, относящагося, также какъ и separatio, къ плодамъ—*perceptio*—но касается, къ сожалѣнію, лишь мимоходомъ, не изложивши объ этомъ способѣ и въ 1-мъ отдѣлѣ, куда собственно онъ долженъ быть отнесенъ. Авторъ оправдываетъ такой пріемъ тѣмъ, что объясняемый имъ титулъ почти не касается пріобрѣтенія плодовъ посредствомъ *perceptio*, противъ чего нельзя не замѣтить, что уже самое противуположеніе одного способа другому, встрѣчающееся въ источникахъ, между прочимъ и въ объясненмомъ титулѣ, составляетъ достаточное основаніе для того, чтобъ обратить одинаковое вниманіе на оба эти способа; притомъ авторъ въ изложеніи другихъ способовъ пріобрѣтенія, гдѣ нужно, на ряду съ фрагментами объясняемаго титула приводитъ мѣста не только изъ другихъ титуловъ дигестовъ, но и изъ другихъ источниковъ, что конечно, придаетъ высшую цѣну его изслѣдованію. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить приэтомъ съ другой стороны, что perceptio представляетъ меньшій интересъ, чѣмъ *separatio*.—Въ ученіи о сепараціи авторъ прежде всего касается понятія плода и различныхъ видовъ плодовъ (между прочимъ различія между fructus separati и percepti). Затѣмъ переходитъ къ вопросамъ о пріобрѣтеніи плодовъ собственникомъ вещи, дающей плоды, эмфитевтой и добросовѣстнымъ владѣльцемъ, останавливая свое вниманіе преимущественно, какъ и требуетъ этого самая сущность дѣла, на пріобрѣтеніи плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ.

Предположенный авторомъ весьма удачный планъ изложенія, обозначенный выше, выполненъ имъ вполнѣ удо-

влетворительно. Текстъ титула выбранъ наилучшій въ критическомъ отношеніи — именно текстъ извѣстнаго изданія Дигестовъ Моммсена. Переводъ текста сдѣланъ также удовлетворительно. А что касается объясненія титула, то такимъ объясненіемъ снабженъ каждый фрагментъ титула, содержашаго въ себѣ 66 фрагментовъ и по содержанію своему касающагося вопросовъ интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сложныхъ и трудныхъ. Приэтомъ авторъ не ограничился краткимъ поясненіемъ смысла отдѣльныхъ фрагментовъ, а на основаніи хорошо усвоенныхъ имъ капитальныхъ сочиненій такихъ авторитетовъ, какъ Вангеровъ, Пагенштехеръ, Зель, Пухта, Шейрль, Глюкъ, Лейстъ, Пелля, и др., многіе изъ этихъ вопросовъ изложили съ значительною подробностію и обстоятельностію, хотя для этого онъ долженъ былъ выйдти даже за предѣлы темы. Работа его отъ этого, разумѣется, нисколько не пострадала, а напротивъ много выиграла. Объясняя мѣста титула de adquirendo rerum dominio, авторъ при разрѣшеніи возбуждаемыхъ этимъ титуломъ спорныхъ вопросовъ, приводитъ, снабжаетъ переводомъ и объясняетъ также и другія мѣста источниковъ, представляющія важную опору на пути къ удовлетворительному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Вообще настоящая работа оставляетъ въ читателѣ вполнѣ пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя о начитанности автора, его трудолюбіи, умѣньи обращаться съ научнымъ матеріаломъ, вдумываться въ сущность возбуждаемыхъ титуломъ вопросовъ и съ логическою послѣдовательностію отыскивать разрѣшеніе ихъ.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ я признаю автора достойнымъ награды *золотою медалью*, а сочиненіе его заслуживающимъ *напечатанія* въ Ученыхъ Запискахъ Университета (по исправленіи нѣкоторыхъ недосмотровъ и описокъ). Такія работы, какъ настоящая, тѣмъ болѣе заслуживаютъ поощренія и опубликованія, что онѣ, при удовлетворительномъ ихъ выполненіи, ведутъ къ обогащенію русской юридической литературы уже однимъ переводомъ на русскій языкъ Юстиніановскихъ законныхъ книгъ, въ которомъ она такъ нуждается (1).

---

(1) Совѣтъ, соглашаясь съ представленіемъ юридическаго факультета, наградилъ въ торжественномъ собраніи Университета 5 ноября истекшаго

Отзывъ орд. проф. Арнштейна о сочиненіи на тему: «Корни лимфатической системы и отношенія ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ нервовъ» представленной подъ девизомъ «Неутомимое наблюденіе есть главное условіе всякаго желательнаго успѣха».

Работа подъ заглавіемъ „*Корни лимфатической системы и отношенія ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ нервовъ*" съ эпиграфомъ изъ Спенсера, переданная мнѣ для разбора относится главнымъ образомъ къ проницаемости сосудистыхъ стѣнокъ при воспаленіи. Авторъ тщательно провѣрялъ работу Винивартера, между тѣмъ какъ по отношенію къ работамъ Арнольда имѣющимъ первенствующее значеніе по данному вопросу имѣется только краткое заявленіе автора, что онъ пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ т. е. не могъ на основаніи инъекцій демонстрировать на отечной ткани связь кровеносныхъ сосудовъ съ лимфатическими. Что же касается влагалищъ нервовъ, то о нихъ авторъ совершенно умалчиваетъ.

Изъ этого видно, что работа не вполнѣ отвѣчаетъ заданной темѣ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что трудъ въ указанныхъ сравнительно узкихъ рамкахъ произведенъ очень тщательно, что и дало возможность автору указать на ошибки Винивартера, проистекшія изъ того обстоятельства, что послѣдній оставилъ безъ вниманія стѣнки расширенныхъ сосудовъ неокрашенныхъ надлежащимъ образомъ. Это и повело къ ошибочному предположенію Винивартера, что часть инъекціонной массы лежитъ внѣ сосудовъ и что стѣнки послѣднихъ слѣдовательно легче проходимы при воспаленіи, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Этотъ недостатокъ статьи Винивартера бросается въ глаза при сравненіи рисунковъ обоихъ авторовъ.

Къ концу своего изложенія авторъ разбираемой мною работы заявляетъ очень интересный и до сихъ поръ неподмѣченный фактъ, что лимфатическіе сосуды сплетаются густою сѣтью кровеносныхъ сосудовъ. Если это наблюденіе подтвердится и окажется что этотъ фактъ относится не

года, автора названнаго сочиненія *золотою* медалью. По вскрытіи пакета съ именемъ автора, оказалось, что это сочиненіе принадлежитъ студенту IV курса юридическаго факультета II разряда Михаилу Поляку.

исключительно къ ушной раковинѣ, то упомянутое наблюденіе получитъ не только морфологическое, но и физіологическое значеніе. Новѣйшая литература о корняхъ лимфатической системы реферирована очень тщательно, однако-же авторъ умалчиваетъ о томъ, какого мнѣнія онъ придерживается на основаніи своихъ литературныхъ и экспериментальныхъ изслѣдованій.

Въ виду того, что предлагаемый трудъ не объемлетъ всей темы заданной факультетомъ, я не рѣшаюсь присудить автору высшую награду, а полагалъ бы правильнымъ вознаградить его серебряною медалью. Считаю, впрочемъ, необходимымъ присовокупить, что заданная тема очень трудна и обширна. Въ виду этого, факультетъ можетъ быть найдетъ возможнымъ смягчить строгій приговоръ спеціалиста (1).

Казань, 24 октября
1878 г.

---

(1) Совѣтъ, соглашаясь съ представленіемъ медицинскаго факультета, наградилъ въ торжественномъ собраніи Университета 5 ноября истекшаго года, автора названнаго сочиненія *золотою* медалью. По вскрытіи пакета съ именемъ автора, оказалось, что это сочиненіе принадлежитъ студенту V курса медицинскаго факультета Александру Догелю.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1879.

ГОДЪ XLVI.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ОТДѢЛЪ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ И МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ
ПРОШЛЫХЪ ГЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭПОХЪ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5 ноября 1878 года.

Ординарнымъ профессоромъ Алекс. Штукенбергомъ.

Милостивые Государи и Милостивыя Государыни!

Сегодня, въ торжественный для Казанскаго Университета день 74-ой годовщины на мою долю выпала высокая честь познакомить Васъ съ современнымъ состояніемъ одного изъ вопросовъ геологіи.

Я выбралъ темою для бесѣды очеркъ физико-географическихъ условій, существовавшихъ въ Европейской Россіи въ прежніе *геологическіе* періоды, эпохи, предшествовавшія современной.

Не смотря на нѣкоторыя затрудненія, которыя мнѣ пришлось преодолѣть при выполненіи поставленной задачи, я остановился на геологическомъ очеркѣ прошлаго Россіи, имѣя въ виду высокій интересъ, который онъ можетъ представить не только спеціалисту, посвятившему себя изученію исторіи земнаго шара, но и большинству образованнаго общества.

Необходимость заставляетъ меня, прежде чѣмъ приступить къ изложенію геологическаго очерка Европейской Россіи, остановиться, чтобы быть понятымъ, на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ.

Поставивъ задачею изученіе исторіи земли, геологія стремится возстановить возможно полно всѣ стадіи ея раз-

витія. Не ограничиваясь изученіемъ физико-географическихъ условій, т. е. опредѣленіемъ очертаній суши и морей разныхъ періодовъ, вулканическихъ, климатическихъ и другихъ условій прошлаго, геологія стремится также возстановить картину развитія органической жизни на землѣ.

Критеріемъ для опредѣленія геологическихъ процессовъ, совершавшихся прежде на земномъ шарѣ, въ геологіи служатъ процессы, совершающіеся на нашихъ глазахъ, въ настоящее время.

Геологія считаетъ аксіомой положеніе, принимающее, что какъ прежде, такъ и теперь, всѣ измѣненія на поверхности земли обязаны проявленію однихъ и тѣхъ же геологическихъ дѣятелей—воды, вулканизма и органической жизни.

Изученіе разнообразныхъ проявленій геологическихъ дѣятелей, само по себѣ, къ какимъ бы результатамъ оно ни привело, не могло бы дать матеріала для начертанія картины послѣдовательности измѣненій, совершавшихся на земной поверхности, если бы геологи не сопоставили ихъ съ развитіемъ органической жизни на землѣ. Только такимъ путемъ удалось опредѣлить послѣдовательность этихъ измѣненій.

Многочисленныя изслѣдованія привели геологовъ къ выводу—тоже аксіомѣ, что развитіе органической жизни шло постепенно, безъ перерывовъ и повторныхъ моментовъ творенія. Не смотря однако на постепенность развитія органической жизни и на единство пути, которымъ оно слѣдовало на земномъ шарѣ, продолжительность этого процесса допускаетъ отличить въ немъ отдѣльныя фазы, отдѣльные періоды. Эти періоды будутъ характеризоваться или извѣстнымъ комплексомъ организмовъ, жившимъ совмѣстно, или исключительно имъ свойственными группами организмовъ,

или же значительнымъ развитіемъ извѣстныхъ группъ. Такимъ образомъ, каждый періодъ будетъ имѣть своеобразно развитую фауну и флору, которыя, въ силу приведенныхъ положеній, хотя и будутъ связаны съ фаунами и флорами сосѣднихъ періодовъ, всё же будутъ имѣть и своеобразный колоритъ. Сопоставляя измѣненія, совершавшіяся на земной поверхности, съ извѣстнымъ моментомъ развитія органической жизни, этимъ самымъ ихъ относятъ къ тому или другому геологическому періоду. Такимъ образомъ оказывается возможнымъ опредѣлять относительную древность всѣхъ геологическихъ образованій, содержащихъ остатки организмовъ, будутъ ли то осадки морскіе, прѣсноводные, или наземныя отложенія. Въ случаѣ же отсутствія подобныхъ остатковъ въ тѣхъ или другихъ образованіяхъ, древность ихъ опредѣляется отношеніемъ къ такимъ образованіямъ, которыя содержатъ органическіе остатки.

Въ настоящее время въ исторической геологіи принимаютъ четыре періода: азойскій, палеозойскій, мезозойскій и кайнозойскій, примыкающій къ современному. Эти періоды, продолжительность которыхъ исключаетъ возможность выразить ихъ въ принятыхъ единицахъ времени, раздѣляются въ свою очередь на менѣе продолжительныя эпохи. Обыкновенно послѣднія называютъ формаціями; эти меньшіе періоды характеризуются также своеобразными фаунами и флорами.

Къ каждому періоду, а также и къ каждой формаціи, относятъ всѣ геологическія образованія—минеральныя толщи, какого бы происхожденія и состава онѣ ни были, появившіяся во время существованія соотвѣтствующихъ фаунъ и флоръ. Этотъ принципъ оказывается впрочемъ не примѣнимымъ къ образованіямъ наиболѣе древняго, азой-

скаго періода [1], въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ органическихъ остатковъ. За то исторія этого періода и составляетъ одну изъ наиболѣе темныхъ страницъ геологіи.

Отсутствіе органическихъ остатковъ въ азойской толщѣ не можетъ однако служить доказательствомъ, что образованіе ея совершилось до появленія органической жизни на землѣ—напротивъ, мы можемъ сказать утвердительно противное, упираясь на нахожденіе уже въ древнѣйшей [2] палеозойской формаціи, именно силурійской, остатковъ весьма развитой фауны, отдѣльныя формы которой принадлежатъ ко всѣмъ установленнымъ теперь типамъ животныхъ, не исключая и позвоночныхъ.

Такимъ образомъ становится необходимымъ предположить существованіе органической жизни уже и въ азойскомъ періодѣ, принимая, что слѣды ея изгладились. Дѣйствительно, горныя породы, слагающія азойскую толщу, настолько измѣнили первоначальный свой характеръ, что трудно и ожидать встрѣтить въ нихъ какіе бы то ни было органическіе остатки.

Я не буду останавливаться на азойскомъ періодѣ и начну очеркъ физико-географическихъ условій, въ которыхъ находилась территорія Европейской Россіи въ разные геологическіе моменты, начиная съ палеозойскаго періода.

Въ началѣ этого періода не только почти вся площадь Европейской Россіи, но и всей Европы была покрыта океаномъ, воды котораго омывали только немногіе острова.

---

[1] Камбрійскіе и аналогичные имъ пласты, въ которыхъ попадаются немногочисленныя органическіе остатки, я отношу къ палеозойскому періоду.

[2] Камбрійскія образованія я не отдѣляю отъ силурійскихъ.

Между этими островами довольно видное мѣсто занималъ на сѣверо-западѣ по величинѣ своего массива островъ, въ составъ котораго входила значительная часть теперешней Скандинавіи совмѣстно съ Финляндіей и прилежащими участками Архангельской и Олонецкой губерній. Береговая линія этого острова, въ предѣлахъ Россіи, опредѣляется довольно точно теперешнею границею распространенія азойскихъ образованій, т. е. границей выходовъ ихъ на поверхность.

Въ это же время возвышались острова на востокѣ и на югѣ. На востокѣ обозначался Уралъ меридіанальной цѣпью скалистыхъ островковъ, а на югѣ возвышался довольно обширный островъ, возстановить очертаніе береговъ котораго довольно трудно, такъ какъ массивъ его выступаетъ теперь на поверхность только въ отдѣльныхъ пунктахъ губерній: Воронежской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Кіевской, Подольской и Волынской. Можно однако указать направленіе длинной оси этого острова; онъ тянулся отъ Азовскаго моря къ сѣверо-востоку и доходилъ до области Пинскихъ болотъ. Выступала ли азойская ось Кавказа надъ уровнемъ океана въ видѣ небольшаго острова и былъ ли онъ соединенъ съ предыдущимъ—остается вопросомъ.

Острова, возвышавшіеся надъ уровнемъ океана въ началѣ палеозойскаго періода, не исключая и упомянутыхъ выше, были сложены изъ азойскихъ породъ: гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ, совмѣстно съ кристаллическими известняками, доломитами, конгломератами, песчинками, кварцитами и другими породами. Гораздо меньшее

участіе въ строеніи этихъ острововъ принимали массивныя кристаллическія породы.

Дно палеозойскаго океана было вѣроятно сложено изъ тѣхъ же азойскихъ образованій. Предположеніе это нужно признать справедливымъ, не смотря на то, что подтвердить его можно только немногими фактами. Можно, напримѣръ, указать, что въ Петербургѣ буровая скважина встрѣтила азойскую толщу на глубинѣ 656′7″, пройдя силурійскими пластами. Для этой же цѣли могутъ послужить азойскіе пласты Тиманскаго камня, ограничивающаго съ запада бассейнъ р. Печоры, и полуострова Канина, приподнятые далеко позже начала палеозойскаго періода; они очевидно составляли также часть дна палеозойскаго моря.

Обращаясь къ геологическимъ явленіямъ, которыя совершились во время палеозойскаго періода на территоріи Европейской Россіи, можно, не рискуя ошибиться, сказать, что онѣ выразились преимущественно выполненіемъ осадками палеозойскаго бассейна. Дѣйствительно, между образованіями этого періода исключительная роль принадлежитъ морскимъ осадкамъ. Процессъ выполненія этого бассейна совершался подъ вліяніемъ колебаній дна, между которыми преобладало поднятіе, хотя оно и прерывалось частными опусканіями. Это обстоятельство очевидно ускорило самый процессъ выполненія, закончившійся въ концѣ палеозойскаго періода совершеннымъ осушеніемъ всей поверхности Европейской Россіи.

Поднятіе дна происходило не равномѣрно, а какъ бы порывами; море при этомъ отступало отъ прежнихъ береговъ, концентрировалось, а поверхность суши увеличивалась присоединеніемъ новыхъ береговыхъ полосъ.

Можно указать также слѣды вулканической дѣятельности этого періода — образованіе выходовъ массивныхъ кристаллическихъ породъ на поверхности тогдашней суши и образованіе пластовыхъ залежей на днѣ моря (¹).

Слѣдовъ палеозойскихъ наземныхъ образованій не сохранилось, хотя нѣтъ сомнѣнія, что поверхность суши подвергалась тогда такому же разрушенію какъ и теперь, что она была покрыта также системами рѣкъ и прѣсноводныхъ бассейновъ.

Палеозойскій періодъ былъ настолько продолжителенъ, что фауна, населявшая океанъ въ это время, успѣла пережить нѣсколько фазъ развитія. Это обстоятельство и даетъ возможность раздѣлять этотъ періодъ на четыре меньшихъ періода—формаціи: силурійскую, девонскую, каменноугольную и пермскую.

Въ палеозойскомъ бассейнѣ Россіи фауны этихъ формацій послѣдовательно смѣняли другъ друга, при чемъ переходы отъ одной къ другой совершались не рѣзко, такъ что фауна каждой формаціи связана съ сосѣдними общими формами.

Укажу теперь на характеръ фауны палеозойскаго бассейна Россіи, столь отличный отъ характера населенія современныхъ океановъ.

Представителями позвоночныхъ, населявшихъ море этого періода, были одни рыбы и то только ганоиды (панцырныя и покрытыя чешуей) и хрящеватыя (акулы), которыя появились въ концѣ силурійской формаціи. Между без-

---

(¹) Залежи долерита среди каменноугольнаго песчаника сѣвернаго Тимана; нѣкоторые порфиры Урала.

позвоночными преобладали тогда брахіоподы (все почти вымершіе роды), полипы (вымершая группа Zoantharia rugosa), гидромедузы (вымершая группа Zoantharia tabulata), губки (все почти вымершія группы), головоногія молюски (все вымершіе роды, кромѣ рода Nautilus), морскія лиліи (цистидеи въ силурійской формаціи, немногія бластоидеи въ каменноугольной формаціи и нѣсколько настоящихъ криноидъ), раки (трилобиты въ силурійской и каменноугольной формаціяхъ, лофироподы и меростоматы) и корненожки (въ каменноугольной формаціи). Гораздо меньшаго развитія достигли моллюски (пластинчатожаберныя и головастыя), морскія звѣзды (каменноугольная формація) морскіе ежи (каменноугольная формація) и мшанки.

Морская флора бассейна Россіи не отличалась разнообразіемъ водорослей.

Палеозойская суша—острова, о которыхъ я говорилъ выше, была долго лишена растительнаго покрова—покрайней мѣрѣ остатки силурійскихъ наземныхъ растеній совершенно неизвѣстны. Первые слѣды существованія наземныхъ растеній относятся только ко времени отложеніе осадковъ девонской формаціи ([1]), но не смотря на это въ каменноугольной формаціи наземная флора достигла уже значительнаго развитія. Въ это время преобладали сосудистыя тайнобрачныя: каламиты, папортники, сигилляріи, лепидодендры, кнорріи совмѣстно съ немногими саговиковыми (Noeggerathia) и хвойными. Во время отложенія осадковъ пермской формаціи послѣднія двѣ группы являются уже преобладающими,

---

([1]) Остатки наземныхъ растеній этой формаціи попадаются въ Петербургской губерніи на р. Сяси.

а изъ сосудистыхъ тайнобрачныхъ сохранились только папортники и каламиты.

Совершенное отсутствіе въ Россіи слѣдовъ прѣсноводныхъ образованій палеозойской эпохи исключаетъ возможность сохраненія обильныхъ остатковъ наземной фауны; и дѣйствительно теперь извѣстно только нѣсколько формъ пресмыкающихся, принадлежащихъ пластамъ пермской формаціи.

Остатки фауны и флоры палеозойскаго періода сохранились погребенными въ минеральныхъ толщахъ, которыя выполнили океанъ и были выдвинуты къ концу періода изъ подъ уровня воды.

Такимъ образомъ поверхность суши къ началу слѣдующаго періода—мезозойскаго была уже весьма значительна.

Европейская Россія была покрыта морскими бассейнами и во время мезозойскаго періода; но эти бассейны ни въ одну изъ мезозойскихъ формаціи (ихъ принимають три-тріасовую, юрскую и мѣловую) не покрывали ея территоріи вполнѣ.

Фауна мезозойскаго періода особенно богата моллюсками, между которыми наиболѣе характерны головоногія Изъ безпозвоночныхъ слѣдуетъ еще указать какъ на преобладающія группы на губокъ, полиповъ (Z. eporosa и Z. perforata) и морскихъ ежей. Гораздо меньшее значеніе имѣютъ брахіоподы, морскія лиліи и пр. Мезозойскій періодъ отличался еще исключительно ему свойственными пресмыкающими и первымъ появленіемъ костистыхъ рыбъ, птицъ и млекопитающихъ.

Мезозойская флора отличались богатствомъ цикадовыхъ и хвойныхъ съ которымъ одновременно существовали хво-

щи, папоротники и нѣкоторыя друг., а къ концу періода присоединились и двудольныя.

Остановлюсь теперь на морскихъ бассейнахъ, существовавшихъ въ Европейской Россіи въ мезозойскій періодъ.

Несомнѣнно тріасовые ([1]) осадки сохранились въ Россіи только въ одномъ пунктѣ Астраханской степи (гора Богдо), такъ что указать границы тріасоваго бассейна теперь болѣе чѣмъ затруднительно. Тріасовые пласты Богдо содержатъ остатки пресмыкающихъ, хрящеватыхъ рыбъ, головоногихъ (рода Ceratites) и пластинчатожаберныхъ моллюсковъ.

Юрскій бассейнъ Европейской Россіи былъ сосредоточенъ на востокѣ ея и въ центральной части; онъ простирался и за Уралъ, въ Сибирь.

Фауна русскаго юрскаго бассейна представляетъ особую фацію, развившуюся вслѣдствіе почти полнаго разобщенія его отъ юрскаго бассейна западной Европы ([2]); связь между ними дѣйствительно существовала только короткое время. Юрское море Россіи населяли массы моллюсковъ головоногихъ и пластинчатожаберныхъ (особенно характерны роды Aucella и Jnoceramus) съ немногими только брахіоподами, иглокожими, хрящеватыми рыбами и морскими ящерами.

По немногимъ остаткамъ наземныхъ растеній, преимущественно обугленнымъ стволамъ, сохранившимся въ юр-

---

([1]) Группу пестрыхъ мергелей, залегающую на пермскомъ известнякѣ и тѣсно связанную съ нимъ общими органическими остатками, я отношу къ пермской формаціи.

([2]) Я не принимаю здѣсь въ разсчетъ юрскихъ пластовъ Кавказа и Крыма, принадлежащихъ къ юрскому бассейну западной Европы.

скихъ пластахъ, трудно возстановить флору Европейской Россіи этого періода.—За то можно указать на обиліе водорослей въ нѣкоторыхъ юрскихъ образованіяхъ.

Въ началѣ отложенія мѣловыхъ осадковъ, морской бассейнъ Европейской Россіи имѣлъ почти такое же очертаніе, какъ и юрскій; онъ былъ также какъ и послѣдній разобщенъ отъ мѣловаго бассейна Западной Европы, а фауна его представляла также особую фацію (1). Въ такихъ условіяхъ находился мѣловой бассейнъ именно во время отложенія нижней толщи мѣловыхъ осадковъ, послѣ чего онъ вошелъ въ болѣе тѣсное сообщеніе съ мѣловымъ бассейномъ Западной Европы. На это обстоятельство повліяло опусканіе центра Россіи и поднятіе сѣверо-восточнаго ея угла.

Фауна русскаго мѣловаго бассейна въ древнѣйшую эпоху этой формаціи, во время отложенія нижней группы мѣловыхъ пластовъ, представляла обособленную фацію и состояла, на сколько теперь знаемъ, преимущественно изъ моллюсковъ—головоногихъ и принадлежащихъ къ другимъ группамъ. Во время отложенія верхняго мѣла органическая жизнь въ мѣловомъ морѣ Россіи была уже гораздо разнообразнѣе: мы встрѣчаемъ въ верхнемѣловыхъ пластахъ многочисленные остатки рыбъ, моллюсковъ, брахіоподъ, губокъ, мшанокъ и пр.

О флорѣ мѣловаго періода Россіи мы знаемъ болѣе, чѣмъ о юрской; мы знаемъ довольно обильные остатки хвощей, папортниковъ, цикадовыхъ и хвойныхъ, сохранившихся въ Московской губерніи, въ пластахъ песчаника.

---

(1) Всѣ мѣловые осадки Крыма и Кавказа принадлежатъ также бассейну западной Европы.

Прѣсноводныхъ осадковъ мезозойскаго періода мы не знаемъ, но за то можемъ указать на вулканическія явленія, совершившіяся въ этотъ періодъ, относящіяся именно ко времени отложенія мѣловой формаціи. Къ образованіямъ этого времени можно отнести выходы анамезита (базальта) на югѣ Россіи.

Въ концѣ очерка мезозойскаго періода будетъ кстати сказать, что къ этому же времени относится окончательное поднятіе Урала и Тимана. Я говорю окончательное, такъ какъ покрайней мѣрѣ Уралъ былъ достаточно рѣзко выраженъ и въ палеозойскомъ періодѣ, именно въ началѣ пермской формаціи; онъ уже былъ въ это время берегомъ пермскаго океана. Слѣдовательно, къ мезозойской эпохѣ слѣдуетъ отнести только послѣднее поднятіе, которое совершилось послѣ отложенія юрскихъ пластовъ. Послѣ этого Уралъ сталъ вполнѣ нераздѣльнымъ хребтомъ. Тоже относится и къ Тиману, который раздѣляетъ теперь юру Канина отъ юрскихъ пластовъ бассейна Печоры.

Отложеніемъ осадковъ мѣловаго моря закончился періодъ, называемый геологами мезозойскимъ. Съ этого момента начинается новая фаза развитія органической жизни, приведшая ее къ современному состоянію. Фауна и флора этого новаго, кайнозойскаго или третичнаго періода, непосредственно связывающая органическую жизнь настоящаго съ рядомъ своеобразныхъ мезозойскихъ формъ, не можетъ быть охарактеризована особенно рѣзко, такъ какъ новый періодъ этотъ имѣетъ очень мало исключительно ему свойственныхъ группъ организмовъ. Къ этому періоду относится совершенное вымираніе аммонитовъ, белемнитовъ,

нѣкоторыхъ пресмыкающихся (птерозавровъ, эналіозавровъ и лабиринтодонтовъ), совершившееся одновременно съ значительнымъ уменьшеніемъ криноидъ, брахіоподъ и ганоидныхъ рыбъ. Какъ бы взамѣнъ увеличилось число пластинчатожаберныхъ и головастыхъ моллюсковъ, морскихъ ежей, костистыхъ рыбъ, птицъ и особенно млекопитающихъ. Такія же измѣненія претерпѣла и флора: сосудистыя тайнобрачныя и саговиковыя, такъ характерныя для прежняго періода, отступили почти совсѣмъ на задній планъ, уступивъ мѣсто двудольнымъ, однодольнымъ, хвойнымъ, пальмамъ.

Въ продолженіи кайнозойскаго періода не только общій характеръ фауны и флоры становился ближе и ближе къ современному, но и въ частности пестепенно появлялось все большее и большее число видовъ сходныхъ и даже тождественныхъ съ современными ([1]). Постепеннымъ увеличеніемъ числа видовъ общихъ съ современными между прочимъ воспользовались для раздѣленія послѣдняго періода на отдѣльныя эпохи—формаціи, положивъ въ основу классификаціи содержаніе въ пластахъ моллюсковъ тождественныхъ съ современными. Къ эоценовой формаціи причисляютъ теперь на основаніи этого принципа такія третичныя образованія, въ которыхъ еще совершенно нѣтъ нынѣ живущихъ моллюсковъ; къ міоценовой—содержащія ихъ отъ 10 до 40%, а къ пліоценовой—содержащія ихъ отъ 50 до 90%. Въ послѣднее время кромѣ этихъ отдѣловъ былъ установленъ еще четвертый отдѣлъ—олигонецовая формація, составленная изъ верхнихъ эоценовыхъ и нижнихъ міоценовыхъ образованій. Здѣсь нужно замѣтить, что при сравне-

---

([1]) Первое появленіе весьма близкихъ, если не тождественныхъ, формъ съ живущими нынѣ видами корненожекъ относится къ мѣловой формаціи.

ніи третичныхъ моллюсковъ съ современными берутъ въ разсчетъ только ближайшій современный бассейнъ. Кромѣ постепеннаго измѣненія фауны и флоры, въ смыслѣ преобразованія ея въ современную, третичный періодъ можетъ быть также охарактеризованъ значительнымъ развитіемъ мѣстныхъ, провинціальныхъ фаунъ и флоръ—образованіемъ болѣе опредѣленныхъ зоологическихъ и ботаническихъ областей. Этимъ я не желаю сказать, что подобное обособленіе началось только въ этомъ періодѣ, напротивъ, можно привести достаточно фактовъ,—и мы ихъ знаемъ, что такого рода обособленіе существовало гораздо раньше, не только въ мезозойскій періодъ, но даже частью и въ палеозойскій. Болѣе рѣзкое разграниченіе зоологическихъ и ботаническихъ областей находилось въ тѣсной связи съ обособленіемъ климатологическихъ условій.

Сходство фауны и флоры третичныхъ формацій съ современными даетъ возможность судить довольно опредѣленно о климатическихъ условіяхъ, существовавшихъ въ той или другой области во время отложенія различныхъ третичныхъ осадковъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно положительно сказать, что климатъ центральной Европы во время отложенія эоценовыхъ и олигоценовыхъ образованій рѣзко отличался отъ современнаго—своимъ почти тропическимъ характеромъ. Въ міоценовый періодъ климатъ центральной Европы сдѣлался уже болѣе умѣреннымъ и былъ сходенъ съ теперешнимъ климатомъ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, а въ пліоценовый періодъ—съ теперешнимъ климатомъ побережья Средиземнаго моря. Я остановился на климатическихъ условіяхъ, существовавшихъ въ различныя эпохи третичнаго періода въ центральной Европѣ потому, что это даетъ возможность судить и о климатѣ Европейской Рос-

сіи того времени. Остановимся теперь на физико-географическихъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Европейская Россія въ разныя эпохи третичнаго періода.

Эоценовыя осадки, покрывающіе теперь часть средней и южной Россіи, отложились въ бассейнѣ, который былъ въ сообщеніи съ обширнымъ эоценовымъ моремъ, распространеннымъ на значительной площади южной и средней Европы, сѣверной Африки и средней Азіи. Вытянутый отъ запада къ востоку, этотъ эоценовый бассейнъ тянулся, на сколько мы знаемъ, отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Великаго океана. Въ поясѣ, занятомъ теперь Средиземнымъ и Чернымъ морями, а также въ прилежащихъ мѣстностяхъ сосредоточивалась наиболѣе глубокая часть эоценоваго бассейна. Въ этомъ глубоководномъ поясѣ отложились известковые осадки, содержащіе между-прочимъ такую массу нуммулитовъ. Къ сѣверу отъ этого пояса осадки и фауна эоценоваго моря имѣли уже другой характеръ, представляя частію береговую фацію, частію же фацію заливовъ и бухтъ. Фауна этихъ побережныхъ фацій отличалась отъ фауны глубоководнаго пояса бассейна не обыкновеннымъ разнообразіемъ моллюсковъ. Эоценовые пласты Россіи принадлежатъ, подобно западно-европейскимъ, къ этимъ же двумъ фаціямъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что осадки глубоководной фаціи развиты исключительно въ Крыму и на Кавказѣ.

Къ концу эоценовой эпохи въ рельефѣ Европы и Азіи произошли весьма важныя измѣненія, отразившіяся и на территоріи Россіи. Къ этому именно времени относится поднятіе высочайшихъ горныхъ хребтовъ Европы и Азіи: Пиринеевъ, Альпъ, Карпатовъ, Гималая, Кавказа, къ которому тогда, вѣроятно, примыкала гористая часть Крыма, а мо-

жетъ быть и Балканы. Это поднятіе отразилось не только на южной окраинѣ Россіи образованіемъ Кавказскаго хребта, но имѣло еще и другое, болѣе общее вліяніе, оно именно вызвало полное осушеніе русскаго эоценоваго бассейна.

Вслѣдствіе этого событія болѣе новыя морскія образованія Россіи совершенно лишены связи съ эоценовыми и должны быть разсматриваемы какъ осадки особыхъ, самостоятельныхъ бассейновъ, возникшихъ уже позже.

Въ слѣдующую за эоценовой—эпоху олигоценовую, Европа была покрыта уже болѣе или менѣе разобщенными бассейнами. Я упомяну здѣсь только одинъ изъ нихъ, именно бассейнъ, покрывавшій Сѣверную Германію, такъ какъ онъ заходилъ и въ предѣлы Россіи. Осадки этого олигоценоваго бассейна сохранились теперь въ губерніяхъ, примыкающихъ къ Восточной Пруссіи, откуда тянутся неширокой полосой къ юго-востоку, въ предѣлы Херсонской губерніи; они содержатъ много остатковъ растеній, указывающихъ, что и въ Россіи климатъ того времени былъ еще очень теплый. Въ этомъ не будетъ сомнѣнія, если сказать, что тогда въ Сѣверной Германіи и у насъ еще жили нѣсколько видовъ вѣерныхъ пальмъ, (наприм. Sabal) совмѣстно со многими видами родовъ: Sassafras, Magnolia, Ficus, Laurus, Sequoia, Querqus, Alnus, Acer, Betula и хвойными, относящимися къ кипарисовымъ.

Болѣе новыя третичныя образованія Россіи — частію морскія, частію осадки солоноватыхъ водъ, отложились также въ совершенно обособленномъ бассейнѣ — замкнутомъ морѣ, которое обыкновенно называютъ вѣнскимъ бассейномъ; онъ покрывалъ равнины Нижней Австріи, Моравіи, Румыніи, Галиціи, а въ нашихъ предѣлахъ былъ распростра-

ненъ довольно широкимъ поясомъ по всему югу Россіи, омывая гористую часть Крыма и Кавказъ. Бассейнъ этотъ заходилъ и въ Азію, гдѣ простирался за предѣлы Аральскаго моря. Это замкнутое море покрывало такую значительную площадь только въ міоценовый періодъ, во время отложенія въ немъ, въ предѣлахъ Россіи, морскихъ осадковъ (пластовъ нуллипоровыхъ и сарматскихъ), послѣ чего оно распалось на нѣсколько бассейновъ. Къ послѣднему моменту относится между прочимъ обособленіе Понтійскаго и Каспійскаго морей того времени. Нѣсколько измѣненныя фауны Понта и Каспія, унаслѣдованныя ими отъ общаго бассейна міоценоваго періода, принадлежатъ уже пліоцену.

Въ міоценовомъ бассейнѣ, въ предѣлахъ Россіи, жила почти исключительно фауна моллюсковъ, между которыми былъ одинъ видъ (Cardium catilus), живущій еще и нынѣ въ Каспійскомъ морѣ. Къ моллюскамъ однако мѣстами присоединялись и другія формы: мшанки (одинъ видъ мшанокъ Pleuropora lapidosa, возводившая рифы), корненожки, рыбы, преимущественно костистыя, черепахи, тюлени и китообразныя. Кромѣ морскихъ міоценовыхъ осадковъ, мы знаемъ въ Крыму (около Севастополя) и прѣсноводные, содержащіе нѣсколько прѣсноводныхъ моллюсковъ изъ родовъ Planorbis, Cyclostoma, Cyrena, Limnaeus и др.

Климатическія условія и въ этотъ болѣе новый, міоценовый періодъ были, какъ и прежде, благопріятнѣе современныхъ. Доказательствомъ этого могутъ служить остатки черепахъ изъ рода Trionix, которыя теперь водятся въ Нилѣ, Гангѣ, Ефратѣ....

Разобщенные новымъ поднятіемъ Крыма и Кавказа, пліоценовые бассейны юга Россіи—Понтъ и Каспій были на-

селены довольно бѣдной фауной, которая имѣла уже большое число видовъ (Cardium catilus, Dreyssena Brardii, D. rostriformis, Paludina achatina и нѣкот. друг.) тождественныхъ съ живущими нынѣ на югѣ и юго-востокѣ Россіи. Большинство видовъ этой фауны принадлежитъ моллюскамъ, и они то указываютъ, что Понтъ и Каспій того времени были бассейнами не чисто морскими, а солоноватыми. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ бассейнахъ жили рядомъ со многими видами рода Cardium и чисто прѣсноводныя моллюски, принадлежащія родамъ Dreyssena (Congeria), Paludina, Neritina, Limnaeus и проч.

Въ понтическихъ осадкахъ того времени вмѣстѣ съ моллюсками попадаются остатки рыбъ (Silurus, Pycnodon, Scardinius, Acipenser, Leuciscus и др.) и черепахъ.

Не смотря на то, что среди молюсковъ пліоценовыхъ бассейновъ Россіи было уже много формъ тождественныхъ съ нынѣ живущими, наземная фауна пліоцена отличалась еще очень рѣзко отъ современной. Это замѣчаніе относится собственно къ млекопитающимъ, такъ какъ о другихъ наземныхъ животныхъ этой эпохи, напр. о птицахъ мы знаемъ очень немногое. Дѣйствительно, пліоценовыя млекопитающія принадлежатъ всѣ почти къ вымершимъ родамъ (Hyppotherium, Dinotherium, Mastodon) и только немногимъ родамъ, живущимъ еще и теперь (Rhinoceros, Equus и др.).

Осадки Понта и Каспія (древній арало - каспійскій ярусъ; понтическій ярусъ; степной, одесскій или керченскій известнякъ; пласты Камышъ-Буруна, около Керчи, и Тамани) окружаютъ теперь въ видѣ не широкихъ поясовъ берега соотвѣтствующихъ современныхъ бассейновъ. Осадки эти преимущественно известковые и часто состоятъ сплошъ изъ ракуши; имъ соотвѣтствуютъ, по времени обра-

зованія, отложенія рѣкъ, впадавшихъ въ тогдашній Понтъ. Эти рѣчныя осадки состоятъ изъ глинъ и песковъ (балтскій ярусъ), содержащихъ остатки млекопитающихъ, о которыхъ было только что упомянуто.

Вулканизмъ проявлялъ свою дѣятельность въ третичный періодъ, какъ и прежде. Къ этому времени относится напр. образованіе многихъ выходовъ массивныхъ криталлическихъ породъ Крыма и Кавказа.

Говоря о третичномъ періодѣ, мнѣ пришлось исключительно останавливаться на средней и южной Россіи, такъ какъ только въ этихъ мѣстностяхъ и сохранились геологическіе памятники прошлаго, принадлежащіе тому времени. На сѣверѣ Россіи слѣды третичнаго періода совершенно сглажены послѣдующими измѣненіями.

Сравненіе фаунъ и флоръ третичныхъ формацій, последовательно смѣнившихъ другъ друга, какъ уже было сказано, свидѣтельствуютъ о постепенномъ охлажденіи, если позволено будетъ такъ выразиться, Европы во время этого періода. Охлажденіе это вызвало наконецъ, въ концѣ пліоценоваго періода, обширное развитіе ледниковъ въ центральной и сѣверной Европѣ.

Въ то время существующіе теперь ледники, напр. альпійскіе, достигали по сравненію съ настоящимъ громаднаго развитія но, независимо отъ этого, ледники покрывали и такія мѣстности, въ которыхъ ихъ теперь совсѣмъ нѣтъ. Въ подобныхъ условіяхъ находились именно Пиринеи, острова Великобританіи, Скандинавія вмѣстѣ съ Финляндіей и значительной площадью сѣверо-западной Россіи, горныя цѣпи центральной Европы, Тиманъ и сѣверный Уралъ.

Эпоху такого значительнаго развитія ледниковъ въ Европѣ очень мѣтко назвали ледниковымъ періодомъ.

Считаю необходимымъ сказать, что въ этотъ моментъ совершено подобныя же условія существовали въ сѣверной и средней Азіи и въ сѣверной Америкѣ; однимъ словомъ ледники были распространены тогда на всемъ сѣверномъ полушаріи, которое находилось въ условіяхъ, подобныхъ существующимъ теперь на южномъ полушаріи, гдѣ, напр. въ южной Америкѣ, ледники спускаются къ берегу моря въ широтѣ, соотвѣтствующей широтѣ Женевы.

Въ странахъ, гдѣ ледники покрывали поверхность земли сплошнымъ покровомъ, или далеко спускались въ долины, образованія пліоценовой эпохи должны, понятно, быть рѣзко отдѣлены отъ образованій современнаго намъ періода; но между образованіями этихъ эпохъ не должно существовать подобной рѣзкой разницы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не были окованы льдами. Въ послѣднихъ условіяхъ, находились многія мѣстности средней и южной Европы.

Остановимся теперь на постъ—пліоценовой эпохѣ (древней послѣ—третичной, дилувіальной), которая связываетъ современный періодъ съ третичнымъ. Мнѣ уже не однократно пришлось высказывать положеніе, что всякая геологическая эпоха характеризуется соотвѣтствующей фауной и флорой. Какими же, спрашивается, особенностями характеризуется постъ—пліоценовая эпоха? Мы знаемъ, что фауна пліоцена отличалась отъ современной почти только одними млекопитающими, большинство которыхъ принадлежало тогда къ вымершимъ родамъ; моллюски же и другія группы животныхъ отличались отъ современныхъ только сравнительно немногими вымершими видами. Если сравнить фауну пліоцена съ фауной слѣдующей эпохи—постъ—пліоценовой, то окажется, что она стоитъ еще ближе къ современной, отъ которой

отличается уже только самостоятельными видами млекопитающихъ и, насколько мнѣ извѣстно, только единственнымъ вымершимъ родомъ (Elasmotherium), принадлежащимъ къ этой же группѣ животныхъ. Флора постъ—пліоценовой эпохи была также весьма близка въ современной.

Наконецъ, нахожденіе несомнѣнныхъ слѣдовъ существованія человѣка въ постъ—пліоценовомъ (1) періодѣ, сближаетъ его еще болѣе съ современнымъ.

Мнѣ остается теперь возстановить возможно полную картину физико-географическихъ условій, существовавшихъ въ постъ—пліоценовую эпоху. Не скрою, что задача эта не изъ легкихъ и что затрудненія, препятствующія полному разрѣшенію ея, происходятъ отъ неполноты фактовъ, которыми владѣетъ наука.

Къ счастію вопросы, которые придется оставить открытыми, будутъ относится только къ частностямъ тѣхъ явленій, о которыхъ я буду теперь говорить.

Мнѣ уже случилось упомянуть, что въ началѣ постъ—пліоценоваго періода наступила такъ называемая ледниковая эпоха—моментъ, когда ледники имѣли обширное распространеніе во всей Европѣ. Къ такого рода выводу привело изученіе современныхъ ледниковъ и ихъ прошлаго.

Явленія, сопровождающія движеніе современныхъ ледниковъ, будутъ ли они спускаться по долинамъ или представлять сплошные покровы, на столько характерны, что по нимъ можно чрезвычайно легко и точно судить о распространеніи, направленіи движенія и прочихъ условіяхъ, въ которыхъ ледники находились прежде.

(1) Факты, добытые въ послѣднее время, указываютъ что въ Европѣ, именно во Франціи и Португаліи, уже въ міоценовую эпоху третичнаго періода жило существо—человѣкъ (?), знавшее употребленіе огня и умѣвшее обивать кремень.

Всякій ледникъ, будетъ ли онъ выполнять долину, или покрывать страну сплошнымъ покровомъ, спускаясь, шлифуетъ поверхность, по которой двигается; но, кромѣ сглаживанія и полировки ложа, онъ оставляетъ за собой на его поверхности слѣды въ видѣ цѣлой системы параллельныхъ бороздъ и шрамовъ, направленіе которыхъ будетъ совпадать съ направленіемъ движенія льда.

Полировка и борожденіе поверхности, по которой спускается ледникъ, совершаются тѣмъ обломочнымъ матеріаломъ—основной мореной, которая обрязуется между толщей льда и ложемъ ледника.

Основная морена, какъ и другія моренныя образованія—конечныя, боковыя и срединныя, образуется подъ вліяніемъ разрушающей дѣятельности двигающагося льда на ложе и бока долины. Въ силу этого всѣ моренныя образованія представляютъ скопленія обломочнаго матеріала; но характеръ основной морены имѣетъ еще и нѣкоторыя другія особенности: матеріалъ, изъ котораго она слагается, представляетъ нетолько не сортированнымъ, но и перемѣшаннымъ съ мучнистымъ ледниковымъ иломъ или пылью. Въ составъ основной морены будутъ входить различной величины валуны и гальки въ числѣ которымъ будутъ и угловатые, и закругленные, а иногда ошлифованые и покрытые шрамами.

Теперь будетъ понятно, если сказать, что по распространенію политуры и шрамовъ на поверхности коренныхъ породъ, по распространенію моренныхъ образованій и наконецъ, по направленію шрамовъ можно будетъ судить о направленіи движенія и прежнемъ распространеніи существующаго теперь ледника, или констатировать фактъ су-

ществованія ледниковъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ теперь совершенно нѣтъ.

Этими то данными и пользовались при изслѣдованіи прежняго распространенія существующихъ теперь ледниковъ, напр. альпійскихъ, которые, какъ оказалось, имѣли еще недавно гораздо большее развитіе: они выполняли долину между Альпами и Юрой довысоты 1350 метровъ, спускались въ долину По и заходили въ Баварію и Швабію. Этими же данными воспользовались для констатированія существованія ледниковъ въ такихъ странахъ, гдѣ теперь нѣтъ и слѣдовъ ихъ, напр. въ Англіи, Скандинавіи и у насъ въ Россіи.

Распространеніе въ сѣверной и средней Россіи глинъ и песковъ, содержащихъ валуны—явленіе до такой степени общее, что не могло быть незамѣченнымъ. Тѣмъ не менѣе на эрратическій наносъ, какъ обыкновенно называютъ толщу, содержащую валуны, геологи обращали до послѣдняго времени очень мало вниманія, довольствуясь въ большинствѣ случаевъ только указаніемъ на нахожденіе его въ томъ или другомъ мѣстѣ, присоединяя иногда къ этому указанію данныя, касающіяся минеральнаго характера валуновъ. Собранные въ этомъ направленіи факты свидѣтельствовали, что большинство валуновъ, разбросанныхъ по поверхности Россіи, занесено издалека—съ сѣвера и сѣверо-запада—изъ Финляндіи и Олонецкой губерніи.

Происхожденіе этого эрратическаго наноса приписывали обыкновенно вліянію потоковъ и плавающихъ льдинъ—нужно же было придумать движущую силу и условія удобныя для переноса камней. Устанавливая эту гипотезу, мало заботились о доказательствахъ достовѣрности ея. Не обращали, напр. вниманіе на отсутствіе какихъ бы то ни было доказательствъ

покрытія сѣверной и средней Россіи въ постъ—пліоценовой эпохи водою. Безъ вниманія была оставлена также необходимость доказать возможность перенесенія такой массы обломочнаго матеріала, какую дѣйствительно нужно для покрытія мощной толщей наноса половину поверхности Россіи.

Въ послѣднее время неудовлетворительность этой гипотезы стали сознавать всё болѣе и болѣе, благодаря болѣе обстоятельному изученію образованій, содержащихъ валуны. Послѣднія изслѣдованія показали именно, что на толщу эрратическаго наноса слѣдуетъ смотрѣть какъ на основную морену сплошнаго ледниковаго покрова. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ эрратическая толща сохранила свой первоначальный характеръ, гдѣ она не подверглась позднѣйшему размыванію и сортировкѣ, сложеніе ея нисколько не отличается отъ сложенія любой современной основной морены; она дѣйствительно не слоиста, отличается отсутствіемъ сортировки матеріала и, наконецъ, не рѣдко содержитъ валуны, покрытые шрамами и политурой.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ, который также рѣзко указываетъ на моренное происхожденіе эрратической толщи, нужно считать совмѣстное нахожденіе въ этой толщѣ валуновъ мѣстныхъ съ принесенными издалека.

Эти характерные признаки моренннаго происхожденія эрратической толщи констатированы вездѣ, гдѣ изслѣдованіе ея было произведено хоть сколько нибудь подробно, напр. въ Финляндіи, Олонецкой и Петербургской губерніяхъ, въ Эстляндіи и другихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, въ тѣхъ же мѣстностяхъ сохранились многочисленные слѣды ледниковой политуры и шрамовъ на поверхности коренныхъ породъ азойскихъ и палеозойскихъ. Направленіе этихъ

шрамовъ указываетъ, что центромъ распространенія валуновъ на сѣверо-западѣ Россіи были Скандинавія съ Финляндіей и прилегащая окраина.

Въ послѣднее время, изслѣдованія эрратической толщи, покрывающей бассейнъ р. Печоры, заставили принять, кромѣ этого центра разнесенія валуновъ, еще два другихъ: Тиманъ—кряжъ, составляющій западный водораздѣлъ этаго бассейна, и Сѣверный Уралъ, ограничивающій его съ востока. Послѣдніе два центра распространенія валуновъ имѣли вліяніе на сравнительно только небольшую область, вліяніе это ограничивалось печорскимъ бассейномъ и сѣверовосточною окраиной Россіи.

Закованная ледянымъ покровомъ, Россія была въ началѣ постъ-пліоценовой эпохи въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находится теперь Гренландія, ледниковый покровъ которой простирается въ длину на 2000 верстъ при средней ширинѣ въ 1200 верстъ. Сплошной ледяной покровъ, сковавшій тогда Европейскую Россію, даже не достигалъ, такого развитія какое онъ имѣетъ теперь въ Гренландіи.

Распространеніе ледниковаго покрова въ Россіи можетъ быть опредѣлено теперешнимъ распространіемъ эрратической толщи. Граница послѣдней тянется съ востока, отъ водораздѣла басейновъ рр. Печоры и Камы, по губерніямъ Вятской и Нижегороеской къ г. Балахнѣ; изъ этого пункта она круто поворачиваетъ къ югу до предѣловъ Саратовской губерніи, а затѣмъ поднимается опять къ сѣверу, къ Воронежу, Тулѣ и Калугѣ, откуда направляется вновь на югъ къ Путивлю. Далѣе, граница распространенія валуновъ идетъ ломаною линіей, направляясь къ западу по губерніямъ Черниговской, Кіевской и уходитъ за предѣлы Россіи, захватывая часть Польши и Пруссіи.

Въ періодъ наибольшаго развитія ледниковаго покрова большая часть средней и южной Россіи была сушею, покрытой цѣлой системой прѣсноводныхъ басейновъ и проточныхъ водъ, стекавшихъ въ южные морскіе басейны: Понтъ и Каспій. Проточныя воды далеко разносили ледниковый илъ, осаждая его въ видѣ толщи глины, называемой лёсомъ.

Прѣсноводные осадки этой эпохи — лёсъ, содержатъ остатки моллюсковъ, вмѣстѣ съ костями постъ-пліоценовыхъ млекопитающихъ: мамонта, носорога, быка, оленей и др.

Въ это время на югѣ Россіи, по берегамъ Понта жила довольно богатая фауна [1] млекопитающихъ, представителями которой, кромѣ мамонта (Elephas primigenius), носорога (Rhinoceros tichorhinus) и быка (Bos primigenius), можно признать оленя (Cervus elaphus), антилопу (Antilope saige), верблюда (Camelus sivalenzis), осла (Equus asinusfossilis), лошадь (Equus fossilis), свинью (Sus scrofa fossilis), пещернаго льва (Felis spelaea), гіену (Hyaena spelaea), медвѣдя (Ursus spelaeus), собаку (Canis fossilis meridionalis), волка (Canis lupus spelaeus), лисицу (Canis vulpes fossilis), слѣпыша (Spalax diluvii), бобра (Castor spelaeus), зайца (Lepus diluvianus) суслика (Spermophilus fossilis ponticus) и др.

Въ тоже время на востокѣ Россіи (Вятская, Самарская, Казанская, Пермская и смѣжныя губ.) жила фауна, нѣсколько отличащаяся отъ южной; представителями ея были: мамонтъ (Elephas primigenius), носорогъ, покрытый шерстью (Rhinoceros tichorhinus), лось (Cervus alces), торфяниковый олень (Cervus megaceros), сѣверный олень (Cervus tarandus), быкъ (Bos priscus), Elasmotherium sp. и др.

---

[1] Остатки этой фауны сохранились около Одессы.

Фауна эта жила и въ центральной части Россіи, до покрытія ея ледниковымъ покровомъ, такъ какъ, напримѣръ подъ Москвой, извѣстны прѣсноводныя отложенія, залегающія подъ эрратической толщей и содержащія остатки мамонта. Эта же фауна, переживъ моментъ наибольшаго развитія ледниковаго покрова, передвинулась къ сѣверу, когда онъ сталъ отступать.

Во время наибольшаго развитія ледника на югѣ Россіи произошло весьма важное измѣненіе существовавшихъ тогда физико-географическихъ условій. Измѣненіе это состояло въ уничтоженіи перешейка, раздѣлявшаго постъ-пліоценовый Понтъ отъ Средиземнаго моря. Кромѣ болѣе общаго вліянія, это событіе повело за собой вымираніе понтической фауны постъ-пліоценовой эпохи и вызвало заселеніе этого бассейна животными моря Средиземнаго. При этомъ сохранились только не многія старыя понтическія формы, жившія въ лиманахъ сѣвернаго побережья Понта, тогдашняго Чернаго моря.

Время развитія общаго ледника смѣнилось, говоря вообще, періодомъ опусканія всей территоріи Европейской Россіи. Результатомъ такого рода явленія было, во первыхъ, таяніе ледниковаго покрова и образованіе на площади, которую онъ покрывалъ, множества озеръ, и вторыхъ, образованіе обширнаго виднаго бассейна наюго-востокѣ Россіи, называемаго Арало-Каспійскимъ бассейномъ.

Общее опусканіе территоріи Россіи обнаружилось частью уже и во время развитія ледниковаго покрова, вторженіемъ [1] Ледовитаго океана въ сѣверное побережье

---

[1] Отсутствіе слѣдовъ третичныхъ образованій по берегамъ Ледовитаго океана, а также и Балтійскаго моря, затрудняетъ рѣшить вопросъ

Россіи (Печорскій бассейнъ и берега Архангельской губ.)

Оба момента постъ-пліоценоваго періода—моментъ наибольшаго развитія ледника и момента опусканія не могутъ быть рѣзко отдѣлены другъ отъ друга еще и потому, что въ характерѣ флоры и фауны за это время не произошло никакокой перемѣны.

Наиболѣе рѣзко выразилось опусканіе въ юго-восточномъ углу Россіи образованіемъ обширнаго Арало-Каспійскаго бассейна, который занялъ не только юго-восточную ровнину Россіи, но заходилъ также далеко въ степи Азіи. Не смотря на то, что въ общихъ чертахъ распространеніе этаго бассейна извѣстно уже давно, мы еще и теперь не знаемъ точную его береговою линію. Можно однако сказать, что въ Европейской Россіи онъ распространялся между (1) Каспійскимъ и Азовскимъ морями, омывалъ предгорія Кавказа, Общій Сыртъ и заходилъ далеко къ сѣверу, даже въ предѣлы (2) Казанской губерніи. Въ Азіи море это омывало Усть-Уртъ и Уралъ, простираясь почти до границы сѣверной тундры. Есть основанія предпологать, что Арало-Каспійскій бассейнъ соединялся даже съ Ледовитымъ океаномъ (3).

когда именно эти байссены стали омывать территорію Россіи. Нужно однако думать, что это случалось не ранѣе пліоценовой эпохи. Мы не можемъ теперь также по недостатку данныхъ указать на сколько именно вдавался Ледовитый океанъ въ сѣверное побережье Россіи

(1) Иначе нельзя объяснить нахожденія теперь въ Каспійскомъ морѣ нѣсколькихъ формъ (напр. Cardium edule), которыя перешли въ Черное уже послѣ соединенія его съ Средиземнымъ моремъ.

(2) Каспійскія раковины найдены недавно на границѣ Казанской губерніи

(3) Въ Каспійскомъ морѣ живетъ и теперь полярная форма Idothea entomon. Соединенія Каспія съ Ледовитымъ океаномъ къ западу отъ Урала не было; остается, слѣдовательно, предположить существованіе его къ востоку отъ этого хребта.

Береговая линія Арало-Каспійскаго бассейна можетъ быть теперь указана далеко не вся. Часть этой линіи составлялъ теперешній берегъ Волги, отъ Сарепты до Казани, если не далѣе, ограничивая бассейнъ съ запада, а Общій Сыртъ ограничивалъ его съ востока совмѣстно съ болѣе возвышенными площадями Оренбургской, Самарской и Казанской губерній. Теперь нельзя сказать положительно, гдѣ именно сходились эти двѣ границы Арало-Каспійскаго бассейна, восточная и западная, и гдѣ былъ предѣлъ его распространенія къ сѣверу; однако уже и теперь ясно, что онъ не соединялся въ Европѣ съ Ледовитымъ океаномъ. Многочисленныя острова этого бассейна сосредоточивались преимущественно около восточнаго, приуральскаго берега.

Постъ-пліоценовый Арало-Каспійскій бассейнъ былъ населенъ фауной, жившей и раньше въ Каспіѣ, къ которой присоединились еще новыя прѣсноводныя формы, такъ что можно положительно сказать что бассейнъ этотъ былъ полупрѣсноводнымъ—солоноватымъ. Фауна Арало-Каспійскаго бассейна весьма сходна съ фауною, живущей еще и нынѣ въ лиманахъ Чернаго моря и въ Каспійскомъ морѣ.

Одновременно съ образованіемъ Арало-Каспійскаго бассейна площадь, покрытая въ первый моментъ постъ-пліоценовой эпохи сплошнымъ ледникомъ, покрылась массою озеръ, которыя питали многочисленныя системы рѣкъ, изливавшихъ воду частью въ Ледовитый океанъ, частью въ южныя бассейны. Рѣки эти однако не имѣютъ ни чего общаго съ настоящими рѣчными системами; онѣ оставили слѣды своего существованія преимущественно на востокѣ Россіи: въ Вятской, Уфимской и Нижегородской губерніяхъ.

Третій моментъ постъ-пліоценовой эпохи выразился общимъ поднятіемъ, вполнѣ раздѣлившимъ на юго-востокѣ Россіи Черное море отъ Каспія и Аральскаго моря. Послѣдніе два бассейна унаслѣдовали фауну постъ-пліоценоваго Арало-Каспійскаго моря. Поднятіе, опредѣлившее третій моментъ постъ-пліоценовой эпохи, продолжается вѣроятно и теперь; по крайней мѣрѣ мы знаемъ слѣды его—приподнятые пласты, содержащіе нынѣ живущія раковины, по берегамъ всѣхъ морскихъ бассейновъ, омывающихъ теперь Россію.

Къ этому же моменту постъ-пліоценовой эпохи, сливающейся съ современной, относится образованіе современнаго рельефа страны, возникновеніе теперешнихъ прѣсноводныхъ бассейновъ и рѣчныхъ системъ.

Современное состояніе нашихъ знаній о древности человѣка позволяетъ положительно утверждать, что человѣкъ жилъ въ Европѣ одновременно съ вымершей фауной млекопитающихъ постъ-пліоценоваго періода. Фактъ этотъ, давно прочно установленный на западѣ, подтвердился послѣдними изслѣдованіями условій нахожденія орудій человѣка того времени, конечно каменныхъ, и въ Россіи. Каменныя орудія оказались залегающими и у насъ иногда совмѣстно съ костями мамонта, но при такихъ обстоятельствахъ, которыя позволяютъ заключить что въ Россіи человѣкъ былъ свидѣтелемъ только третьяго момента постъ-пліоценовой эпохи.

ОТДѢЛЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

АНГЛІЙСКІЕ МОРАЛИСТЫ.

I.

Этика у схоластиковъ и въ эпоху возрожденія.

Нравственная философія какъ теоретическое изслѣдованіе человѣческой нравственности, ея сущности, ея основаній и т. п. предполагаетъ уже довольно значительную степень развитія нравственнаго сознанія и моральной жизни у того или другаго историческаго—культурнаго народа. Этика предполагаетъ нравы (ἦθος), какъ грамматика предполагаетъ языкъ, или какъ логика—мышленіе. Нравственность, моральные навыки и воззрѣнія суть результатъ безсознательнаго развитія человѣчества; процессъ образованія моральныхъ понятій совершался въ теченіе длиннаго ряда поколѣній. Какъ мы не можемъ сказать, кто и когда изобрѣлъ языкъ, совершенно также мы не можемъ сказать, кто первый придумалъ нехитрыя правила житейской мудрости, кто первый учредилъ тѣ или другія моральные обычаи у извѣстнаго народа. Философскія теоріи нравственной жизни составляютъ продуктъ уже рефлективной работы человѣческаго ума, когда начинается процессъ вникапія, критики, преднамѣреннаго наблюденія и анализа. Наступаетъ эпоха въ жизни народа, когда обычныя правила поведенія, заключающіяся въ миѳахъ, легендахъ, въ эпическихъ сказаніяхъ и народной лирикѣ, въ пословицахъ и другихъ формахъ преданія, перестаютъ удовлетворять болѣе сложнымъ и развитымъ условіямъ жизни. Тогда авторитеты, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ и безконтрольнымъ господствомъ, отвергаются, и традиціи, на которыхъ опирался весь строй

частной, семейной, общественной и политической жизни признаются неудовлетворительными. Общество представляетъ двойной процессъ:—разложенія отжившихъ воззрѣній и порядковъ и реорганизаціи, т. е. возникновенія новыхъ идеаловъ и постепеннаго преобразованія жизни сообразно съ новыми условіями и потребностями. Философія, въ лицѣ передовыхъ умовъ, въ эти по преимуществу переходные моменты въ исторіи народа служитъ отчасти выраженіемъ указаннаго процесса, отчасти представляетъ сама значительную силу, ускоряющую переворотъ въ исторической судьбѣ націи и, въ извѣстной мѣрѣ, опредѣляющую его направленіе. Одни изъ мыслителей исключительно, или по преимуществу являются отрицателями утратившихъ жизненное значеніе воззрѣній, обличителями человѣческихъ заблужденій и неправды. Иногда непосредственно за этимъ періодомъ отрицанія и скептицизма, а иногда и одновременно начинается сознательная умственная работа, имѣющая уже положительныя цѣли,—теоретическое изслѣдованіе вопросовъ относительно важнѣйшихъ сторонъ частной и общественной жизни и установленіе разумныхъ основаній для человѣческаго поведенія.

Указанные три момента въ развитіи воззрѣній, имѣющихъ предметомъ практическія задачи и цѣли, съ достаточной ясностью въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ можно прослѣдить только въ древней Греціи. За продолжительнымъ періодомъ безсознательнаго творчества въ разныхъ сферахъ народной жизни тамъ слѣдовалъ періодъ разложенія традицій, традиціональныхъ понятій и бытовыхъ формъ, представителями чего въ философіи были сначала софисты, а потомъ разныя школы съ скептическимъ направленіемъ. Вслѣдъ за софистикой и подъ непосредственнымъ возбужденіемъ съ ея стороны обнаружилось стремленіе къ теоретическому изслѣдованію нравственности въ частной и общественной сферѣ,—стремленіе, выразившееся философскими теоріями моральной и политической жизни. Эту послѣдовательность развитія, это преемство самобытнаго и рефлективнаго моментовъ въ умственной исторіи христіанскихъ народовъ Европы прослѣдить уже гораздо труднѣе. Европейскіе народы имѣли позади себя богатую культуру древняго міра и развивались подъ вліяніемъ идей и учрежденій классической эпохи. Но важнѣйшимъ факторомъ, измѣнившимъ нравственные идеалы и возродившимъ нравственную жизнь человѣчества было христіанство.

Христіанство выдвинуло высокій идеалъ нравственной чистоты и совершенства, и дало особое значеніе и освященіе идеѣ долга. Оно внесло въ міръ идею равенства всѣхъ людей передъ Богомъ и возвысило значеніе личности; оно способствовало смягченію нравовъ, уничтоженію рабства, облагороженію семейныхъ отношеній. Подъ вліяніемъ христіанской идеи любви къ человѣчеству, любви ко всѣмъ несчастнымъ, слабымъ и угнетеннымъ возникли разныя общественныя учрежденія, которыхъ не существовало въ древности [1]. Конечно, кромѣ религіозныхъ вліяній, опредѣлившихъ нравственныя воззрѣнія Европейскихъ народовъ, были и другія—совершенно свѣтскаго характера, заключавшіяся въ особенностяхъ расы, въ историческихъ судьбахъ того или другаго народа и въ преданіяхъ греко-римской образованности. Мы не считаемъ своей задачей прослѣдить дѣйствіе каждой изъ этихъ причинъ, что составляетъ собственно предметъ исторіи культуры, а не исторіи философскихъ теорій нравственной жизни. Въ болѣе близкомъ отношеніи къ спеціальному предмету нашего изслѣдованія находится вліяніе идей римскаго права на морально-юридическія теоріи новаго времени. Въ своемъ мѣстѣ будетъ указано, въ чемъ именно выразилось это вліяніе римскихъ юридическихъ воззрѣній въ нравственномъ ученіи первыхъ основателей новой этики. Теперь мы замѣтимъ, что оно видно даже въ богословіи западной Церкви, которое отличалось практическимъ направленіемъ и развивало догматы, имѣвшіе отношеніе къ нравственной жизни, какъ напр. о первородномъ грѣхѣ, о свободѣ воли и о благодати, о предопредѣленіи и искупленіи. Отцы западной Церкви, воспитанные въ понятіяхъ римскаго права, выбирали для своихъ богословскихъ разсужденій и споровъ предметы родственные юридическимъ навыкамъ мысли. Они разсматривали богословскія проблемы сквозь призму легальныхъ понятій, облекали ихъ въ терминологію римскаго права и рѣшали тѣмъ же методомъ, которымъ пользовались римскіе юристы [2].

---

(1) Безпристрастную оцѣнку вліянія христіанства на моральный прогрессъ новыхъ народовъ можно найти въ сочиненіи *E. H. Lecky*: History of European Morals. 2 ed. 1869. Ср. *A. Comte*: Phil. posit. vol. V Lect. LIV.

(2) *H. Maine*: Ancient Law. 5 ed. 1875. ch. IX. p. 357—359.

Допуская высокій характеръ евангельскаго ученія о нравственности и великое значеніе христіанства въ нравственномъ прогрессѣ, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что христіанское ученіе о нравственности и научное ея изслѣдованіе—не одно и тоже. Нравственные идеалы христіанства понимались различнымъ образомъ, сообразно съ условіями мѣста и времени, съ общимъ состояніемъ умственнаго просвѣщенія и нравственнаго развитія въ то или другое время, у того или другаго народа. Едва ли нужно напоминать, что во имя религіи любви, снисхожденія, прощенія обидъ совершались самыя ужасныя жестокости и дѣла самой вопіющей несправедливости. Но независимо отъ этихъ злоупотребленій, возвышенность христіанской морали не исключаетъ необходимости научной, въ смыслѣ полной свободы отъ всякихъ богословскихъ предположеній, теоріи нравственности. Такъ называемое нравственное богословіе не есть свободное изслѣдованіе законовъ нравственной жизни. Оно, по необходимости, опирается на авторитетъ Слова Божія и догматическое ученіе Церкви. Оно не можетъ не разсматривать задачи и цѣли моральной жизни человѣка въ связи съ тѣми догматами, которые составляютъ самое основаніе христіанской нравственности. Отсюда самый существенный элементъ всякаго научнаго изслѣдованія, элементъ критики оказывается отсутствующимъ въ богословскихъ системахъ нравственности. Посылки для заключеній ими принимаются на вѣру, и всякіе научные выводы допускаются лишь подъ условіемъ ихъ согласія съ извѣстными предположеніями, опирающимися на авторитетъ. Умственная роль моралиста, при такомъ условіи, по необходимости ограничивается формальной обработкой извѣстныхъ понятій: приведеніемъ ихъ въ стройную систему, выводами изъ приня-

---

«Кто достаточно знакомъ съ римскимъ правомъ», говоритъ Мэнъ, «кто можетъ оцѣнить римскую уголовную систему и теорію обязательства, возникающую въ силу контракта или проступка (delictum), кто знаетъ римскій взглядъ на долги, способы ихъ повлеченія, погашенія и передачи, а также рѣшенія понятія о наслѣдственной продолжаемости личнаго существованія, тотъ пойметъ, откуда вышло то умственное настроеніе, для которой проблемы западной теологіи оказались сродными, какъ возникла физіологія, въ которую облекались эти проблемы и манера разсужденія (of reasoning), прилагавшаяся къ ихъ рѣшенію». p. 358.

тыхъ на вѣру положеній и приложеніемъ ихъ къ частнымъ случаямъ моральной жизни. Успѣхи богословскаго ученія о нравственности могутъ состоять, съ одной стороны, въ улучшеніи этой формальной стороны дѣла, а съ другой—въ усвоеніи результатовъ научныхъ изслѣдованій и въ приспособленіи къ успѣхамъ человѣческой культуры.

Прогрессъ этики, какъ и другихъ наукъ о человѣкѣ, какъ и всѣхъ вообще наукъ, состоялъ въ постепенномъ освобожденіи отъ господства теологіи и ложныхъ пріемовъ метафизики. Законъ о трехъ состояніяхъ, которыя послѣдовательно должна проходить каждая наука, открытый Контомъ, приложимъ не только къ теоретическимъ наукамъ о природѣ и человѣкѣ, но также и къ практическимъ дисциплинамъ, или наукамъ о нормативныхъ законахъ человѣческой дѣятельности. Этика, проходившая первые два фазиса, богословскій и метафизическій, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ стремленіе къ полной независимости отъ теологіи и метафизики, и борьбой съ этими направленіями пріобрѣтаетъ характеръ положительный или строго-научный. Насколько удалось это наукѣ о нравственности на самомъ дѣлѣ, выяснится въ концѣ нашего изслѣдованія. Но во всякомъ случаѣ стремленіе къ самостоятельности представляетъ наиболѣе выдающуюся черту развитія моральныхъ ученій новаго времени.

Въ теченіе всего длиннаго періода, начиная съ упадка греческой философіи и до возрожденія ея въ XVII вѣкѣ, въ ученіи о нравственности была господствующей богословская точка зрѣнія. Развитіе христіанской этики не входитъ въ планъ нашего труда. Но вслѣдствіе ближайшаго отношенія новой философіи къ схоластикѣ, мы считаемъ не лишнимъ охарактеризовать моральныя умозрѣнія схоластиковъ.

Безплодіе схоластической философіи, неудовлетворительность ея метода и ничтожество достигнутыхъ ею результатовъ сдѣлались уже общимъ мѣстомъ въ исторической наукѣ. Схоластика была метафизика наихудшаго качества. Отличительная черта метафизическаго пріема объясненія природы, метафизическая манера смотрѣть на вещи состоитъ въ томъ, что причинами явленій признаются абстрактныя понятія, которыя какъ бы олицетворяются, разсматриваются

какъ нѣкоторыя реальныя существа, сокрытыя за явленіями и имѣющія способность производить ихъ. Таковы, наприм. субстанціи, сущности, сокровенныя качества въ тѣлахъ, жизненная сила и т. п. Понятія о психическихъ способностяхъ, о силахъ, обнаруживающихся въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ природы, становятся метафизическими принципами, какъ скоро признаются реальными агентами существующими въ предметахъ, причинами тѣхъ или другихъ ихъ свойствъ и совершающихся въ нихъ измѣненій. Каждая изъ метафизическихъ системъ имѣетъ иногда одинъ, иногда нѣсколько такихъ принциповъ, посредствомъ которыхъ она думала дать болѣе глубокое объясненіе дѣйствительности, чѣмъ то, которое могло бы быть получено посредствомъ индуктивнаго изслѣдованія предметовъ, какъ они даны намъ въ опытѣ. Вмѣсто того чтобы изучать природу изъ нея самой, открывать однообразія или законы, по которымъ происходятъ ея явленія, подмѣчать и сводить къ общимъ выраженіямъ отношенія между ними, метафизика всегда находила нужнымъ принимать сверхъ-опытныя причины феноменовъ, и отношенія между ними, открываемыя будто бы особымъ методомъ недоступнымъ для опытныхъ наукъ, выдавать какъ основаніе, причину и философское объясненіе отношеній наблюдаемыхъ въ опытѣ, или открываемыхъ индуктивнымъ методомъ (¹).

При внимательномъ разсмотрѣніи подобныхъ метафизическихъ принциповъ оказывается, что всѣ они взяты изъ того же опыта, составляютъ или извѣстныя стороны того же міра феноменовъ, для объясненія котораго они возводятся въ достоинство сверхъопытныхъ началъ, или въ существѣ дѣла — суть отвлеченія наиболѣе общихъ признаковъ и свойствъ предметовъ и явленій природы, или наконецъ—выражаютъ тѣ общія формы, коренящіяся въ законахъ нашей природы, въ которыхъ мы воспринимаемъ предметы опыта и мыслимъ о нихъ. Напримѣръ, понятіе субстанціи есть понятіе о чемъ-то имѣющемъ болѣе прочное, болѣе устойчивое существова-

---

(¹) Этотъ обычный пріемъ всѣхъ метафизическихъ системъ хорошо объясненъ *Siebeck*'омъ въ статьѣ: «Die metaphysischen Systheme in ihrem gemeinsamen Verhältnisse zur Erfahrnug», помѣщ. въ Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1878 въ 1-й и 2-й книжкахъ.

ніе, чѣмъ признаки и свойства,—нѣчто, въ чемъ эти аттрибуты содержатся, однимъ словомъ—понятіе „вещи" въ отличіе отъ ея „признаковъ". Нѣкоторыя метафизическія теоріи возвели это понятіе въ достоинство особаго принципа тѣхъ или другихъ группъ явленій,—ихъ реальнаго производителя, даже придали этому понятію значеніе абсолютной причины міра и перваго начала философіи. Въ кругу нашихъ психическихъ явленій существуютъ такія, которыя происходятъ такъ, что мы ихъ не замѣчаемъ,—явленія безсознательныя. Гартманъ сдѣлалъ „безсознательное" метафизическимъ принципомъ своей философіи, которымъ будто бы объясняются всѣ міровые процессы, который вноситъ будто бы свѣтъ во всѣ „эмпирическія" обобщенія естествознанія, устанавливаетъ между ними болѣе глубокую связь, чѣмъ та, которую въ состояніи уловить спеціальныя науки о природѣ,—раскрываетъ и объясняетъ даже такія вещи, которыя вѣчно остались бы внѣ компетентности обычныхъ научныхъ методовъ. Спрашивается, какимъ образомъ мы можемъ знать эти всеобщія начала бытія и знанія? какимъ образомъ нашъ умъ открываетъ отношенія въ этомъ сверхъопытномъ мірѣ реальныхъ причинъ явленій, наблюдаемыхъ въ опытѣ, а также и отношенія между этими метафизическими принципами и предметами, которые представляются чувствамъ? Въ разныхъ метафизическихъ системахъ философіи на эти вопросы давались отвѣты различные. Способъ происхожденія высшаго метафизическаго знанія и методъ его приложенія къ объясненію предметовъ и явленій этого міра понимался неодинаково. Большею частью предполагалось существованіе въ человѣкѣ особой способности знанія сверхъопытной реальности подъ разными наименованіями: способности созерцанія или непосредственнаго усмотрѣнія, интуитивнаго разума, интеллектуальнаго инстинкта и т. п. Эта способность различалась отъ способности логическихъ операцій, т. е.—образованія общихъ понятій, общихъ истинъ путемъ сравненія предметовъ и отвлеченія того что одинаково принадлежитъ многимъ изъ нихъ. По преимуществу логическая способность, называвшаяся часто разсудкомъ или дискурсивнымъ разумомъ, понималась какъ способность силлогизаціи, т. е.—вывода частныхъ истинъ изъ общихъ. Высшей умственной способности присвоялось непосредственное, т. е. не выводное, не силлогистическое, а прямое ус-

мотрѣніе истинъ всеобщихъ и необходимыхъ, которыя составляютъ первыя начала нашего знанія и, какъ утверждали многіе метафизики, внушаютъ знаніе о предметахъ сверхъопытныхъ. Какъ было уже объяснено въ вступленіи (¹), въ числѣ такихъ истинъ, которыя по своей всеобщности и необходимости не могутъ будто бы имѣть опытнаго происхожденія, принимались и первыя начала нравственной жизни, аксіоматическія правила поведенія, отличающіяся тѣмъ же характеромъ самоочевидности и независимости отъ опыта и опирающихся на немъ индукцій. Аксіомы практическаго разума выражаютъ, что человѣкъ, или даже всякое разумное существо обязаны дѣлать, или какъ регулировать свое поведеніе, вездѣ и всегда, безъ всякаго отношенія къ особымъ условіямъ, въ которыя бываетъ поставленъ всякій нравственный дѣятель. Но наша нравственная жизнь можетъ быть разсматриваема и съ другой точки зрѣнія. Она есть фактъ, своего рода феноменъ въ ряду другихъ феноменовъ, и требуетъ подобно всѣмъ явленіямъ научнаго изслѣдованія, т. е. объясненія своего происхожденія, открытія законовъ (въ теоретическомъ смыслѣ) какъ тѣхъ, которымъ слѣдуютъ отдѣльныя ея проявленія, такъ и тѣхъ, которыми опредѣляется ихъ зависимость отъ другихъ явленій внѣшняго міра и нашей собственной природы. Тѣ метафизическія системы, которыя стремились къ полному и всестороннему міровоззрѣнію, смотрѣли и на человѣческую нравственность съ общей метафизической точки зрѣнія, объясняли фактъ человѣческой нравственности тѣми же сверхъ-опытными принципами, какъ и остальныя явленія и тѣмъ же методомъ, которымъ они надѣялись построить и всю систему человѣческаго знанія. Такъ теистическія философскія системы разсматриваютъ нравственную жизнь человѣка какъ послѣдствіе нравственной природы первой причины міра, или какъ обнаруженіе сверхъ-опытной природы духовной субстанціи; въ пантеистическихъ системахъ телеологическаго направленія нравственная жизнь представляется какъ жизнь сообразная съ божественными законами и цѣлями проявляющимися въ природѣ; у Гегеля—какъ одинъ изъ моментовъ діалектическаго развитія идеи и т. п.

(¹) Стр. 27.

Схоластика была метафизика худшаго качества, потому что въ схоластической философіи принималось столько же метафизическихъ принциповъ, сколько существуетъ въ языкѣ терминовъ, означающихъ общія и отвлеченныя понятія. По крайней мѣрѣ такова была тенденція средневѣковаго реализма, коренившаяся въ ложной теоріи универсаловъ, т. е. общихъ понятій, которымъ приписывалось не только реальное существованіе въ предметахъ, но которыя разсматривались какъ причины предметовъ и производители явленій. Это значило заставлять природу слѣдовать нашимъ понятіямъ, а не понятія составлять согласно съ природой. Общія сущности схоластиковъ на самомъ дѣлѣ были понятія, плохо составленныя, плохо отвлеченныя отъ предметовъ,—безъ надлежащей критики, безъ точнаго изслѣдованія дѣйствительныхъ вещей,—результатъ неметодическаго, популярнаго мышленія, а иногда—слова не имѣющія никакого сколько нибудь понятнаго значенія. Отсюда вмѣсто изслѣдованія природы—словесныя упражненія, формальная игра словами, діалектическія тонкости и безплодныя силлогизаціи. Отсюда—постоянное стремленіе принимать слова за вещи и словесныя различія за различія въ самыхъ вещахъ. Схоластики преувеличили, довели до абсурда нѣкоторыя изъ капитальныхъ ошибокъ Аристотеля, ихъ авторитета въ философіи. Справедливо признавая предметомъ науки то, что есть въ вещахъ общаго и неизмѣннаго, совершенно вѣрно различая признаки предметовъ существенные отъ случайныхъ, Аристотель провелъ это различіе слишкомъ рѣзко, понялъ его въ смыслѣ абсолютномъ, а не относительномъ. Относительное постоянство родовыхъ и видовыхъ признаковъ предмета онъ принялъ за постоянство вѣчное и неизмѣнное, а частныя различія между вещами, которыя вытекаютъ изъ ихъ существенныхъ признаковъ, онъ совсѣмъ исключилъ изъ науки. Отсюда—преувеличенное пониманіе значенія силлогизма какъ органа науки и научныхъ открытій, отсюда—пренебреженіе индукціей, которая имѣетъ точкой отправленія единичныя вещи со всѣми ихъ общими и случайными признаками, и заключенія которой обыкновенно не имѣютъ характера той необходимости, которой отличается силлогизація. Но во всякомъ случаѣ Аристотель не отвергалъ значенія индукціи, и самъ въ своихъ естественно научныхъ изслѣдованіяхъ не могъ обойтись безъ индуктивнаго метода. Аристотель допус-

калъ, что верхнія посылки силлогизмовъ обыкновенно составляютъ индуктивное обобщеніе, что они составляются посредствомъ сравненія единичныхъ предметовъ или фактовъ,—исключенія того, въ чемъ эти факты различаются между собой, и удержанія и отвлеченія того, въ чемъ они сходятся. Казалось бы, что при такомъ пониманіи значенія индукціи, Аристотелю легко было установить настоящее отношеніе между индуктивнымъ и дедуктивнымъ методами, признать одинаковую ихъ важность и опредѣлить относительную ихъ роль съ общей задачѣ научнаго изслѣдованія. Но Аристотель отличительнымъ признакомъ всякаго научнаго вывода и главнымъ критеріемъ научности считалъ логическую необходимость, ту принудительность для нашего мышленія, которой отличается силлогизмъ, и въ силу которой, разъ согласившись съ истиной посылокъ, мы не можемъ не согласиться съ истиной и заключенія. Индуктивныя заключенія составляются, обыкновенно, на основаніи только незначительнаго числа фактовъ извѣстнаго рода, доступныхъ наблюденію, и не имѣютъ того характера несомнѣнности, которымъ отличается силлогизмъ. Поэтому Аристотель приписалъ научное значеніе и удѣлилъ мѣсто въ своей логикѣ только тому виду индукціи, который называется inductio per enumerationem simplicem, который, правда, по строгости заключенія есть типъ всякой индукціи, но практически весьма рѣдко приложимъ въ наукѣ. Съ другой стороны этотъ односторонній взглядъ Аристотеля на науку лишь со стороны логической связи научныхъ истинъ, или его исключительное вниманіе къ логическому подчиненію понятій и выводу частнаго изъ общаго служило причиной отсутствія въ логикѣ Аристотеля требованія повѣрки дедуктивныхъ заключеній или посредствомъ новыхъ наблюденій и опытовъ, или посредствомъ научныхъ истинъ, уже прочно установленныхъ въ наукѣ. Но полагаясь на достовѣрность силлогизаціи въ отношеніи къ заключеніямъ, Аристотель заботился лишь о томъ, чтобы и посылки силлогизма, преимущественно, большая посылка по первой фигурѣ, имѣли такой же характеръ необходимости. Для этого онѣ должны быть сами заключеніемъ новаго силлогизма, должны быть выведены изъ другой еще болѣе общей истины. Говоря другими словами, отношеніе, выражаемое какимъ - нибудь общимъ

предложеніемъ должно быть представлено частнымъ случаемъ другаго еще болѣе общаго отношенія. Доказательство этой высшей истины, этой major доказывающаго силлогизма, производится такимъ же способомъ, то есть,—посредствомъ новаго силлогизма, или посредствомъ вывода изъ истины еще болѣе общей и т. д. Такимъ образомъ получается цѣлый рядъ доказательствъ, цѣпь силлогизмовъ, изъ которыхъ достовѣрность одного держится на достовѣрности другаго. Но Аристотель понималъ, что эта цѣпь не можетъ быть безконечной, что доказывая одну истину другой, болѣе общей, мы придемъ наконецъ къ такой истинѣ, которой нельзя уже доказывать; потому что за неимѣніемъ средняго термина для новаго силлогизма невозможно уже построить такого силлогизма, заключеніемъ котораго служила бы эта истина. Такія истины, думалъ Аристотель, дѣйствительно существуютъ, и служатъ началомъ или основаніемъ всѣхъ научныхъ дедукцій. Онѣ не могутъ быть доказываемы и нетребуютъ доказательства; потому что отношеніе между ихъ терминами, т. е. субъектомъ и предикатомъ усматривается непосредственно, или безъ помощи средняго термина и силлогизаціи (1).

Таковы въ общихъ чертахъ были понятія о наукѣ и научномъ методѣ Аристотеля. Ясно, что методъ Аристотеля весьма близко подходитъ къ тому способу умозаключенія и доказательства, которымъ пользуется геометрія. Геометрія была единственная наука достигшая уже значительнаго развитія и точности въ вѣкъ Аристотеля, и многія особенности Аристотелевой логики, ея достоинства и недостатки

---

(1) Какимъ образомъ Аристотель понималъ происхожденіе такихъ не доказываемыхъ истинъ и аксіомъ? Гротъ, а вслѣдъ за нимъ Бэнъ думаютъ, что Аристотель считалъ ихъ индуктивными обобщеніями нѣкоторыхъ постоянныхъ отношеній между предметами опыта, т. е. приписываютъ отцу логики мнѣніе Д. С. Милля объ опытномъ происхожденіи аксіомъ. См. *Grote*: Aristotle v. II. *A. Bain*: Mental and moral science. Appendix B.

Но это мнѣніе невѣрно: оно не принимаетъ въ расчетъ метафизическаго ученія Аристотеля о дѣятельномъ умѣ, *νοῦς ποιητικὸς*, которому онъ усвоялъ именно знаніе истинъ всеобщихъ и необходимыхъ. Если принять во вниманіе, что этому уму Аристотель приписывалъ особое происхожденіе, что онъ считалъ его отдѣлимымъ отъ прочихъ психическихъ способностей, то мнѣніе объ эмпиризмѣ Аристотеля становится по крайней мѣрѣ весьма сомнительнымъ.

получаютъ для себя объясненіе при предположеніи, что Аристотель въ своихъ логическихъ изслѣдованіяхъ имѣлъ въ виду методъ геометрической дедукціи, которую онъ считалъ типомъ всякаго научнаго метода. Схоластики преувеличили еще больше, чѣмъ самъ Аристотель важность силлогизма, они признали его не только способомъ доказательства, но единственнымъ орудіемъ открытія новыхъ истинъ. Они разработали до мелочей формальную логику, но оставили безъ вниманія даже тѣ начатки логической теоріи индуктивнаго заключенія, которые были сдѣланы Аристотелемъ, и не обратили вниманія на индуктивный характеръ собственныхъ изслѣдованій этого мыслителя.

Ложныя воззрѣнія схоластиковъ на универсалы и методъ научнаго изслѣдованія не могли не сказаться вреднымъ образомъ и на нравственно-философскихъ ихъ умозрѣніяхъ. Ученіе схоластиковъ о нравственности обыкновенно входило въ составъ ихъ богословскихъ трактатовъ. Господствующая точка зрѣнія на этотъ отдѣлъ душевной жизни человѣка была теологическая, а та доля научныхъ объясненій, безъ которой не возможно было трактовать о морали, большею частью, заимствовалась у Аристотеля. Это слѣдуетъ сказать особенно о психологической сторонѣ этики Аристотеля, напримѣръ,—о его ученіи о произвольныхъ и непроизвольныхъ дѣйствіяхъ, о значеніи навыка въ дѣлѣ моральнаго воспитанія и т. д. Собственно моральное ученіе и нравственные идеалы стагирита, основанные на свѣтломъ воззрѣніи на человѣческую природу, полагавшіе добродѣтель въ гармоніи душевныхъ силъ, считавшіе моральное совершенство доступнымъ для самаго человѣка, слишкомъ широко расходились съ средневѣковыми понятіями о человѣческой испорченности и не могли нравиться схоластикамъ. Отсюда моральное ученіе Аристотеля передѣлывалось и приспособлялось къ духу религіозныхъ воззрѣній того времени. Критеріемъ добра и зла схоластическіе богословы обыкновенно принимали волю Божію, выраженную естественнымъ образомъ и открываемую самимъ человѣческимъ разумомъ, но гораздо яснѣе и опредѣленнѣе открытую въ Св. Писаніи и истолковываемую Церковью. При религіозномъ характерѣ жизни и воззрѣній средневѣковаго общества, этотъ критерій казался вполнѣ удовлетворительнымъ. Именемъ Божества предпи-

сывались правила хорошей жизни, а нерѣдко и обязанности исключительно въ интересахъ духовенства или привиллегированныхъ сословій. Опираясь на волю Божію и во исполненіе ея, совершались высокіе подвиги любви и дѣла величайшей несправедливости и жестокости. Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ считать дѣйствительно угоднымъ Богу и согласнымъ съ Его волей, какой признакъ, какой критерій долженъ служить для различія воли Божіей въ смыслѣ нравственнаго добра отъ того, что ошибочно считается такимъ, или что намѣренно прикрывается этимъ именемъ?—этотъ вопросъ не представлялся средневѣковымъ мыслителямъ, а если представлялся, то былъ рѣшаемъ тавтологически, именно ссылкой на божественный же авторитетъ Слова Божія и Церкви, или на внутреннее убѣжденіе и голосъ совѣсти моральнаго агента. Абелярдъ училъ, что хотя не всякое дѣйствіе хорошо, которое совершается по внушенію совѣсти, но всякое дѣйствіе, совершаемое противъ совѣсти, дурно. Гораздо лучше сдѣлать дурное дѣло, которое одобряетъ голосъ совѣсти, чѣмъ хорошее дѣло, которое она запрещаетъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ лишь заблуждается, въ послѣднемъ грѣшитъ (1).

Казалось бы, что всего естественнѣе было ожидать отъ схоластическихъ моралистовъ психологическаго ученія о совѣсти. Значеніе совѣсти какъ моральнаго критерія было выдвинуто по преимуществу христіанствомъ и составляетъ одно изъ отличій христіанскихъ воззрѣній на нравственную жизнь человѣка. Уясненіе психологическихъ фактовъ, обнимаемыхъ этимъ терминомъ, а также точное опредѣленіе правоспособности этого внутренняго критерія и границъ его приложенія составляло ближайшую задачу моральной науки, и мы увидимъ, что труды новыхъ изслѣдователей нравственной жизни обратились именно въ эту сторону. Схоластическія умствованія о совѣсти отличались теологическимъ ха-

---

(1) Non est peccatum nisi contra conscientiam. Ethica. c. XII. Sic et illos qui persequantur Christum vel suos, quos persequendos credebant, per operationem peccasse dicimus, qui tamen gravius culpam peccassent, si contra conscientiam eis parcerent. *Ibidem*: c. XIV. *Ueberweg*: Grundriss der Geschichte der Philosophie der scholast. Zeit. 1868 p. 142. *C. F. Stäudlin*: Geschichte der Moralphilosophie. 1822. p. 480.

рактеромъ и для науки были также безплодны, какъ и всѣ ихъ умозрѣнія. Совѣсть разсматривалась скорѣе съ аллегорической, чѣмъ съ научной точки зрѣнія. Она есть свидѣтель, уличающій въ проступкахъ и преступленіяхъ, и судья, изрѣкающій приговоры на основаніи нравственнаго кодекса присущаго душѣ, или открытаго Богомъ въ Св. Писаніи. Этой способности приписывалось особое сверхъестественное происхожденіе иное, чѣмъ другимъ душевнымъ способностямъ, и ея голосъ считался голосомъ самаго Божества, немолчно раздающимся въ душѣ человѣка. Не отрицая весьма тѣсной связи нравственныхъ чувствъ съ религіозными, во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что задача науки состоитъ въ томъ, чтобы аллегорическія представленія переводить на точный языкъ фактовъ, и точнымъ образомъ изслѣдовать процессъ моральнаго одобренія и порицанія, образно и смутно обозначаемый подъ именемъ суда совѣсти. Схоластическая психологія, какъ было уже замѣчено, вообще не шла дальше Аристотеля, а въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ представляла даже ретроградное движеніе. Если психологія моральныхъ чувствъ осталась почти незатронутой у этого философа, то неудивительно, что схоластики ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи. Вообще, какъ въ древней философіи, такъ и въ схоластикѣ психологія чувствованій или духовныхъ волненій оставалась почти незатронутой. Отсюда нравственность разсматривалась исключительно съ интеллектуальной ея стороны, а глубокое значеніе волненій, по отношенію не только къ произвольнымъ дѣйствіямъ, но и къ моральной ихъ оцѣнкѣ, было не понято. Послѣдствіемъ былъ раціоналистическій взглядъ въ этикѣ, стремленіе объяснять всѣ факты нравственнаго сознанія операціями интеллектуальныхъ способностей, причемъ весьма мало удѣлялось вниманія иногда болѣе глубокимъ вліяніямъ сердечной жизни. Этотъ раціонализмъ, господствовавшій долгое время въ новой философіи, замѣтенъ и у схоластиковъ. Тѣ схоластическіе богословы, которые не довольствовались аллегорическими представленіями о совѣсти, большею частью смотрѣли на нее какъ на особую функцію разума, причемъ аффективная ея сторона совсѣмъ опускалась изъ виду [1].

---

[1] Ѳ. Аквинатъ опредѣлялъ совѣсть какъ знаніе о нашихъ поступкахъ,—предшествующее, или сопровождающее. Summa Theol. I. qu. 79, art. 12, 13. *Stäudlin*: Geschichte der Moralphilosophie. p. 549.

Теологическая точка зрѣнія была преобладающей у всѣхъ схоластиковъ всѣхъ партій, на которыя они раздѣлялись въ частныхъ пунктахъ, преимущественно—въ вопросѣ объ общихъ понятіяхъ. Критерій воли Божіей, Св. Писанія и Церкви одинаково признавался высшимъ критеріемъ нравственности какъ реалистами разныхъ оттѣнковъ, такъ и номиналистами. Но во всякомъ случаѣ существовало важное различіе въ воззрѣніи на нравственность у крайнихъ представителей этихъ направленій, которое близко подходило къ капитальному разногласію моралистовъ древняго и новаго времени и представляло теологическую его форму. Это разнорѣчіе въ древности и въ новой философіи состояло въ томъ, слѣдуетъ ли считать нравственность, разумѣя подъ ней какъ понятія о добрѣ и злѣ, такъ и расположеніе къ нравственно добрымъ поступкамъ, прирожденной человѣку, составляющей существенную принадлежность человѣческой природы? или моральныя понятія и навыки составляютъ позднѣйшій, такъ сказать, искуственный продуктъ человѣческаго развитія, возникающій въ силу общественнаго и государственнаго порядка,—вслѣдствіе того, что одни дѣйствія, какъ согласныя съ цѣлями общежитія, одобряются или даже предписываются, а другія, отличающіяся противоположнымъ направленіемъ, осуждаются и запрещаются? Мы дали наиболѣе широкое выраженіе этимъ двумъ воззрѣніямъ, борьба между которыми наполняетъ собой исторію древней и новой этики. Это — споръ о нравственной природѣ человѣка, и интересъ къ нему поддерживался преимущественно теологическимъ и метафизическимъ его значеніемъ. Въ греческой философіи этотъ споръ, который можно прослѣдить съ софистовъ (¹), получилъ классическую форму выраженія. Именно вопросъ ставился такимъ образомъ: существуетъ ли справедливость по природѣ (φύσει), или въ силу установленія (θέσει) и закона (νόμῳ)? Одни изъ греческихъ мыслителей утверждали, что нѣтъ ничего справедливаго по природѣ, но все почитаемое справедливымъ зависитъ отъ человѣческихъ учрежденій, отъ узаконеній правителей государства. Другіе философы считали такое мнѣніе отрицаніемъ всякаго различія между

(¹) *G. C. Lewis*: A Treatise on the Methods of observat. and reasoning in Politics. 1852. v. II. ch. XVIII. § 6. Not. 19. p. 133—134.

добромъ и зломъ, и старались указать основаніе нравственныхъ понятій въ природѣ самаго человѣка, или въ природѣ вещей, т. е. въ общемъ міровомъ порядкѣ. Въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ, особенно—какъ оно развивалось въ стоической философіи, находится понятіе о *естественномъ правѣ* (lex naturalis, jus naturale) римскихъ юристовъ. Нравственно-добрую жизнь стоики опредѣляли какъ жизнь согласную съ природой (¹), отчасти въ смыслѣ міроваго порядка, отчасти въ значеніи разумной природы самого человѣка. Отсюда нравственный законъ назывался закономъ природы. Въ этомъ сбивчивомъ значеніи слова „природа" и неменѣе сбивчивомъ и другого термина „законъ" (²) идея естественнаго закона была усвоена римскими юристами, принадлежавшими большею частью къ стоической школѣ, которые приложили эту идею къ римскому закону всѣхъ народовъ (jus omnium gentium). Обычное право всѣхъ народовъ Италіи, кромѣ самихъ римлянъ, разсматривалось, при свѣтѣ стоическихъ понятій, какъ кодексъ естественнаго права, когда-то дѣйствительно существовавшаго въ естественномъ состояніи человѣчества (³). Такимъ образомъ смутное философское понятіе у римскихъ юристовъ превратилось въ историческую фикцію, которой, можетъ быть, первоначально и не придавалось много вѣры классическими писателями о правѣ, но которая считалась полезной, такъ какъ давала основаніе для дѣйствительно важнаго различія между законами. Римскіе писатели о правѣ обратили вниманіе, что нѣкоторые законы писаннаго и обычнаго права составляютъ общую принадлежность всѣхъ человѣческихъ племенъ. Таковы простѣйшія моральныя тре-

---

(¹) *E. Zeller*. Philosoph. der Griechen. 2 Aufl. III. 1. p. 204—205.

(²) Этотъ терминъ «законъ природы» въ этическомъ его употребленіи есть смѣшеніе двухъ понятій слова «законъ», изъ которыхъ одно выражаетъ извѣстный порядокъ природы, однообразіе дѣйствительныхъ событій, а другое—означаетъ нѣкоторое правило, нѣкоторое требованіе, которое должно быть исполнено, но часто не исполняется и можетъ совсѣмъ не исполняться. Это смѣшеніе реальной и идеальной точки зрѣнія, въ связи съ неопредѣленностью другаго термина «природа», служило источникомъ большой путаницы въ моральныхъ и юридическихъ теоріяхъ, какъ въ древности, такъ и у новыхъ философовъ.

(³) *H. Maine*: Anc. Law, ch. III. p. 57—61.

бованія, запрещающія, напримѣръ, воровство, или убійство. Эти правила освящаютъ нѣкоторыя права, коренящіяся въ самой природѣ человѣка, наприм. право на жизнь, на собственность, право имѣть жену, производить дѣтей, и налагаютъ соотвѣтствующія обязанности. Такія моральныя и юридическія правила, общія всѣмъ законодательствамъ, признавались правилами естественнаго закона, которымъ управлялись люди, когда не было еще государственной организаціи и положительнаго законодательства. Положительный законъ даетъ только добавочную санкцію всеобщимъ требованіямъ естественнаго закона или права, которыя имѣютъ обязательную силу и помимо его санкцій. Законъ государства издаетъ только тѣ правила, въ которыхъ разные народы расходятся между собой, которыя разнообразятся по обстоятельствамъ мѣста и времени и измѣняются вмѣстѣ съ ними (1).

Теорія естественнаго права у стоиковъ и римскихъ послѣдователей ихъ философіи соединялась съ особой теоріей происхожденія нашего знанія тѣхъ правилъ, которыя въ своей совокупности составляютъ кодексъ естественнаго права, или законъ естественной справедливости. Подъ вліяніемъ стоическаго ученія о κοιναὶ ἔννοιαι, т. е. о понятіяхъ принадлежащихъ всѣмъ людямъ и, вѣроятно, не безъ вліянія ученія Платона о знаніи какъ о воспоминаніи душей видѣннаго ей въ прежнемъ существованіи, у римскихъ писателей возникло ученіе о врожденныхъ идеяхъ, въ числѣ которыхъ фигурировали и моральныя понятія, считавшіяся общей принадлежностью всѣхъ людей и обнимаемыя генерическимъ понятіемъ естественнаго права. Предполагалось, что всякій человѣкъ, на какой бы низкой ступени ни стоялъ, обладаетъ непогрѣшимой способностью знать то, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ дѣлать въ несложныхъ обстоятельствахъ своей жизни,—нѣкотораго рода инстинктомъ добра и зла, который дала ему природа для руководства въ поведеніи. Эта теорія представляетъ популярную форму интуитивизма, которую было бы большой ошибкой смѣшивать съ другими формами философскаго интуитивизма, напримѣръ—съ ученіемъ Аристотеля о самоочевидныхъ истинахъ. Краснорѣчи-

(1) *J. Austin:* Lect. on Jurisprud. 1869. v. I. p. 214.

вымъ пропагандистомъ ученія о врожденныхъ идеяхъ былъ Цицеронъ ([1]).

Представителями ученія о нравственности, какъ о существенной принадлежности самой природы нравственныхъ существъ, на средневѣковой почвѣ были реалисты; защитниками противоположнаго воззрѣнія на нравственность, какъ существующую по волѣ законодателя въ силу установленія, —νόμω καὶ θέσει, были позднѣйшіе номиналисты. Какъ и всѣ философскія проблемы, и этотъ вопросъ объ отношеніи нравственности къ человѣческой природѣ у схоластиковъ имѣлъ богословскій характеръ. Они спрашивали объ отношеніи моральнаго закона не къ человѣческой волѣ, а къ волѣ самаго Божества. Признавая Бога верховнымъ законодателемъ, а моральный законъ выраженіемъ Его воли, съ которой мы должны сообразоваться въ своихъ поступкахъ, схоластики расходились въ вопросѣ о томъ, на какомъ основаніи Богъ предписываетъ дѣйствія извѣстнаго рода и воспрещаетъ дѣйствія противоположныя? Почему, напримѣръ, Богъ воспрещаетъ обманъ, клятвопреступленіе, присвоеніе чужой собственности? потому ли, что такіе поступки безнравственны по самой природѣ своей, или—только потому что такова воля Божества? Говоря другими словами: подчиняется ли сама божественная воля нравственному закону, какъ вѣчному, неизмѣнному закону божественнаго разума?

([1]) Ни Платонъ ни Аристотель не утверждали, что человѣкъ обладаетъ какимъ-бы то ни было знаніемъ съ самой минуты рожденія, независимо отъ опыта и обученія. Мнѣніе, что человѣкъ является на свѣтъ съ готовымъ знаніемъ, первый высказалъ Цицеронъ. Способность, внушающую намъ важнѣйшія истины, напрым. бытія Божія, безсмертія души, а также правила естественной справедливости Цицеронъ называлъ «recta ratio». Онъ приписывалъ божественное происхожденіе этой способности непогрѣшимаго знанія, и прославлялъ неизмѣняемость и всеобщность открываемыхъ ею истинъ. Est quidem vera lex recta ratio, naturae congruens, diffusa in omnes, constans, sempiterna.... Huic legi nec abrogari fas est neque derogari ex hac aliquid licet neque tota abrogari potest. Nec vero aut per senatum aut per populum solvi hac lege possumus, neque est quaerendus explanator aut interpres ejus alius, nec erit alia lex Romae, alia Athenis, alia nunc, alia posthac; sed et omnes gentes et omni tempore una lex, et sempiterna et immutabilis continebit, unusque erit communis quasi magister et interpretator omnium Deus. De republ. III. 22. *Ср.* De leg. II, 4.

или воля Божества не знаетъ никакихъ ограниченій, такъ что самъ моральный законъ зависитъ отъ этой воли и помимо ея не имѣетъ никакого внутренняго значенія, никакой обязательной силы? Одни изъ схоластиковъ склонялись въ пользу перваго предположенія, другіе, преимущественно, номиналисты,—въ пользу послѣдняго.

Ученіе о существенномъ характерѣ нравственныхъ понятій совпадало съ реалистической теоріей общихъ понятій, которымъ приписывалась реальность, реальное существованіе in re, или ante rem. Съ этой точки зрѣнія моральныя понятія разсматривались какъ сущности, реально содержащіяся въ поступкахъ и существующія даже независимо отъ моральныхъ дѣйствій и прежде ихъ, какъ идеи божественнаго разума, какъ вѣчный и неизмѣняемый законъ самой Божественной природы, которому подчиняется, правда, не въ смыслѣ принужденія, а свободно, и сама божественная воля. Богъ предписываетъ нравственное добро по причинѣ внутренняго его превосходства, а не на оборотъ, какъ думалъ Д. Скотъ и номиналисты, именно—что добрыя дѣйствія хороши лишь по тому, что они предписываются Богомъ (1).

Средневѣковый номинализмъ есть, собственно, отрицаніе реальности общихъ понятій, или отрицаніе сущностей въ вещахъ, соотвѣтствующихъ общимъ понятіямъ. Общія понятія для номиналиста суть лишь общія названія,—термины, означающіе предметы со стороны ихъ сходства. Реально существуютъ только индивидуумы, индивидуальныя вещи, а не общія понятія, которыя суть лишь продукты отвлеченія и обобщенія. Эта логическая теорія универсаловъ соединялась съ эмпирической теоріей происхожденія нашего знанія. Многія изъ положеній Вильгельма Оккама напоминаютъ теоріи позднѣйшихъ эмпириковъ, соотечественниковъ Оккама, для которыхъ средневѣковый номинализмъ прокладывалъ дорогу и былъ не безъ вліянія на ихъ номиналистическія же воззрѣнія (2). Но во всякомъ случаѣ роль средневѣковаго номинализма была скорѣе отрицательная: его значеніе опредѣляется не столько положительными заслугами, сколько

---

(1) *Ueberweg*: Geschichte der Phil. der scholast. Zeit. p. 206.

(2) *F. A. Lange*: Geschichte des Materialismus. 2 ed. 1872. v. I. p. 175.

отрицаніемъ самой коренной ошибки средневѣковаго реализма. Номинализмъ былъ первымъ проблескомъ скептицизма, первымъ протестомъ противъ средневѣковой метафизики, съ ея олицетвореніями абстрактныхъ терминовъ и ея ложнымъ методомъ, который препятствовалъ всякимъ успѣхамъ человѣческаго знанія. Отрицаніе реальности понятій должно было привести къ сознанію необходимости прослѣдить образованіе понятій изъ опыта, что въ свою очередь должно было вести къ критикѣ общепринятыхъ понятій въ наукѣ и жизни. Въ отношеніи собственно къ нравственнымъ понятіямъ, отрицаніе этихъ понятій какъ реальныхъ сущностей, присущихъ поступкамъ извѣстнаго рода, вызывало потребность обратиться къ изслѣдованію самихъ фактовъ нравственной жизни, чтобы въ нихъ самихъ найти основаніе, почему одни изъ нихъ означаются терминами выражающими одобреніе, а другія—терминами внушающими порицаніе. Но это, такъ сказать, возбуждающее вліяніе номиналистической теоріи общихъ понятій могло обнаружиться лишь въ новой философіи, при измѣнившихся къ лучшему историческихъ обстоятельствахъ. Сила номинализма заключается единственно въ его отрицаніи метафизическаго употребленія понятій, притомъ—такого употребленія, какое дѣлала изъ нихъ средневѣковая философія, т. е. какъ реальныхъ причинъ наблюдаемыхъ нами явленій. Крайній номинализмъ, смѣшивающій понятія съ общими названіями, не можетъ быть названъ правильной психологической теоріей; не говоря уже о томъ, что онъ оставляетъ не рѣшеннымъ и открытымъ для науки вопросъ объ онтологическомъ значеніи общихъ понятій, о существованіи, или не существованіи въ природѣ общихъ типовъ, по которымъ образуются единичныя вещи того или другаго рода или вида. Этотъ вопросъ, составляющій предметъ споровъ даже и въ настоящее время, и не только въ философіи, но и въ естествознаніи, не рѣшается простымъ заявленіямъ, что въ природѣ нѣтъ ничего общаго, что общее есть лишь наша умственная манера обнимать однимъ терминомъ множество единичныхъ предметовъ. Это положеніе, составлявшее всегда сущность номинализма, остается до сихъ поръ недоказаннымъ. Номинализмъ имѣлъ значеніе, лишь насколько онъ прокладывалъ путь для научныхъ изслѣдованій. Но тотъ же номинализмъ, не опираясь на изученіи фактовъ, обозначаемыхъ общими названіями, легко

приводитъ къ отрицанію всякаго объективнаго содержанія, смутно или ясно означаемаго этими терминами,—можетъ отворять двери субъективизму, безсодержательности и произвольнымъ теоріямъ, относительно соотвѣтствующихъ феноменовъ. Исторія нравственной философіи содержитъ въ себѣ достаточно примѣровъ вреднаго вліянія крайняго номинализма въ отношеніи къ моральнымъ понятіямъ. То ученіе древнихъ и новыхъ скептиковъ въ этикѣ, что моральныя понятія не означаютъ ничего реальнаго, что они все свое значеніе и обязательную силу получаютъ лишь въ силу установленія человѣческаго, или Божественнаго, есть образчикъ поверхностнаго взгляда, къ которому можетъ вести номинализмъ, какъ отрицаніе объективнаго значенія моральныхъ понятій. Если основаніемъ, почему одни дѣйствія хороши, а другія не хороши въ моральномъ смыслѣ, служитъ единственно произволъ законодателя; то хорошее дѣйствіе этотъ произволъ можетъ сдѣлать дурнымъ, и самый дурной поступокъ можетъ сдѣлать хорошимъ. Слѣдовательно всѣ моральныя различія условны и, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ ничего ни нравственно хорошаго ни злаго. Эта доктрина есть, собственно, отрицаніе нравственности: въ ея богословской формѣ она есть отрицаніе нравственныхъ атрибутовъ Божества и моральнаго характера религіи, вслѣдствіе чего она отнимаетъ основаніе и у человѣческой нравственности.

Во всякомъ случаѣ наиболѣе распространеннымъ и ортодоксальнымъ ученіемъ средневѣковой философіи было существованіе нравственности *φύσει*. Схоластики принимали прирожденную способность знать различіе между добромъ и зломъ и естественное предрасположеніе къ нравственно-доброй жизни. Нравственная природа человѣка дарована ему въ самомъ актѣ творенія и есть подобіе нравственныхъ совершенствъ Творца. Естественный бытъ человѣчества, о которомъ учили древніе мыслители и мечтали древніе поэты, въ христіанскомъ міросозерцаніи, былъ замѣненъ райскимъ состояніемъ первыхъ людей, когда они руководствовались естественнымъ свѣтомъ разума и по самой природѣ своей были расположены къ добру. Но этотъ свѣтъ померкъ вслѣдствіе грѣхопаденія, и добрыя наклонности уступили мѣсто грѣховнымъ, которыя сдѣлались наслѣдственными въ человѣческомъ родѣ; отсюда необходимость для спасенія человѣчества въ сверхъестественномъ открове-

ніи и искупленіи. Христіанское ученіе о первородномъ грѣхѣ,—особенно въ духѣ бл. Августина, авторитетъ котораго былъ высоко уважаемъ схоластиками, противодѣйствовало раціоналистическимъ воззрѣніямъ, все-таки замѣтнымъ и у схоластиковъ.

Съ XIII вѣка въ схоластической литературѣ встрѣчается понятіе естественнаго права, съ которымъ схоластики могли непосредственно познакомиться изъ римскихъ источниковъ. Довольно распространеннымъ было дѣленіе законовъ на естественные, человѣческіе и божественные, или откровенные. Первые два класса соотвѣтствуютъ классическому дѣленію законовъ на естественные и положительные. Для насъ имѣетъ особый интересъ, какъ понимали схоластики отношеніе между этими двумя классами законовъ. Естественный законъ есть сумма нравственныхъ предписаній, которыя имѣютъ для себя основаніе въ самой природѣ человѣка, и которыя признаются разумомъ и составляютъ нормы разумнаго поведенія ([1]). Всѣ человѣческіе законы только тогда могутъ быть оправданы въ глазахъ разума, когда они могутъ быть выведены изъ предписаній закона естественнаго. Такимъ образомъ органомъ практическихъ наукъ морали и права, сообразно съ общими понятіями о научномъ методѣ, признавался силлогизмъ. Посредствомъ силлогизма выводятся всѣ особыя предписанія морали и права изъ всеобщихъ и необходимыхъ принциповъ естественнаго права, также какъ, по мнѣнію схоластиковъ, всѣ частныя теоретическія истины наука дедуцируетъ изъ немногихъ принциповъ, истина которыхъ самоочевидна. Впрочемъ въ отношеніи достовѣрности заключеній теоретическихъ и практическихъ принималось одно важное различіе. Теоретическій разумъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что существуетъ необходимо, что не можетъ существовать иначе. Отсюда, теоретическіе выводы о существующемъ также достовѣрны какъ и тѣ всеобщіе принципы, которые составляютъ исходный пунктъ силлогизаціи. Но разумъ практическій имѣетъ дѣло съ человѣческими дѣйствіями, которыя происходятъ случайно, которыя могутъ происходить и иначе, чѣмъ они произошли на самомъ дѣлѣ, такъ какъ они зависятъ отъ воли человѣка. Поэтому, необходимостью отличаются лишь всеобщія

([1]) *Stäudlin:* Gesch. der Moralphilosophie. p. 527—530.

практическія истины, но не выводы, дѣлаемые изъ нихъ. И чѣмъ дальше мы будемъ вести свои дедукціи, чѣмъ дальше будемъ уходить отъ всеобщихъ предписаній естественнаго закона и спускаться къ конкретнымъ фактамъ дѣйствительной жизни, тѣмъ меньше необходимости будетъ въ нашихъ заключеніяхъ. Говоря другими словами, естественный законъ, оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ абстрактныхъ предписаніяхъ, въ частныхъ своихъ приложеніяхъ измѣняется сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени. Принципомъ этихъ измѣненій служатъ соображенія пользы или вреда, требующія разныхъ ограниченій общихъ моральныхъ истинъ (¹). Эти положенія Ѳомы Аквината напоминаютъ позднѣйшую теорію, господствовавшую преимущественно въ школѣ Рида,—о двоякомъ способѣ происхожденія этическихъ понятій: интуитивномъ—для тѣхъ, которыя общи всѣмъ людямъ, и опытномъ — для отличающихся измѣнчивостью сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени. Двоякое происхожденіе предполагаетъ и двоякій критерій: достовѣрность всеобщихъ моральныхъ истинъ не нуждается въ повѣркѣ, такъ какъ она усматривается непосредственно, но тѣ видоизмѣненія и ограниченія, которымъ подлежатъ эти истины въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ, испытываются критеріемъ полезности, т. е. ихъ вліяніемъ на счастье людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ. Какъ первое приближеніе къ болѣе точной теоріи нравственности, эта смѣшанная интуитивно-утилитарная теорія не лишена значенія и могла служить руководствомъ при изслѣдованіи феноменовъ моральной жизни. Различіе между постояннымъ и измѣнчивымъ элементами въ нравственныхъ воззрѣніяхъ человѣчества имѣетъ за себя основаніе, и приложеніе критерія пользы къ объясненію различныхъ видоизмѣненій, которымъ подлежатъ моральныя идеи у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи, было совершенно правильнымъ въ методическомъ отношеніи и могло вести къ важнымъ открытіямъ. Но для исполненія этой научной задачи требовалось гораздо больше, чѣмъ въ состояніи была сдѣлать схолатическая наука. Требовались наблюденія тѣхъ разнообразій, которыя дѣйствительно представляютъ моральныя понятія и обычаи у разныхъ народовъ и у одного и того-же народа, въ разные періо-

(¹) Ibidem. p. 532—533.

ды его историческаго существованія. Такимъ образомъ нуженъ былъ широкій этнологическій и историческій опытъ, котораго не доставало схоластикамъ, и къ которому они не чувствовали ни малѣйшаго интереса. Но одного опыта, если бы даже онъ и возможенъ былъ для схоластиковъ, было мало: одно наблюденіе моральныхъ понятій и обычаевъ не повело бы дальше, такъ называемыхъ, эмпирическихъ обобщеній, которыя были бы пригодны лишь для незначительной группы феноменовъ этого рода; тогда какъ всякое распространеніе ихъ на другія, повидимому, сходныя явленія было бы весьма рискованнымъ. Законы нравственной жизни могутъ быть получены лишь посредствомъ дедукціи ихъ изъ болѣе общихъ законовъ человѣческой природы; тогда какъ эмпирическія обобщенія, какъ и отдѣльные факты, сами нуждаются въ объясненіи, которое они и находятъ для себя въ общихъ законахъ, сами составляя въ тоже время индуктивную ихъ повѣрку (1). Эти пріемы изслѣдованія могли привести къ тому важному заключенію, что всеобщія моральныя правила, признаваемыя всѣми людьми, составляютъ послѣдствіе и практическую сторону общихъ законовъ природы человѣка, тогда какъ ихъ варіаціи объясняются осложненіями этихъ законовъ, вслѣдствіе измѣнчивыхъ условій мѣста и времени. Такой взглядъ на задачи и пріемы какъ этики, такъ и другихъ моральныхъ наукъ составляетъ лишь позднѣйшее пріобрѣтеніе науки, и мы въ общихъ чертахъ привели его для того, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣляющее болѣе зрѣлыя понятія новаго времени отъ господствовавшихъ въ средніе вѣка, а отчасти—и въ новой философіи. Схоластическая наука, въ силу преданій Аристотелевой логики, считала достойнымъ для себя предметомъ только истины всеобщія и необходимыя, которыя она думала получить сразу, не обращаясь къ изслѣдованію частностей,—истины, которыя она считала неотъемлемой принадлежностью человѣческаго разума, даровымъ подаркомъ природы, или божественнаго ея виновника. Всѣ частныя различія между вещами или явленіями она исключала изъ науки, какъ случайности, которыя будто-бы не могутъ быть подведены подъ общіе законы

(1) *J. S. Mill:* System of Logic. 7 ed. 1868. v. II. B. VI Ch. X. On the inverse deductive or historical Method.

и правила. Это осужденіе опиралось лишь на томъ основаніи, что частные факты не поддаются силлогизаціи, не могутъ быть выведены изъ немногихъ самоочевидныхъ истинъ, которыя, въ существѣ дѣла, обыкновенно отличаются чисто-формальнымъ характеромъ, а не рѣдко представляютъ пустыя тавтологіи. Всеобщія моральныя истины, постуляты такъ называемаго естественнаго закона, о которыхъ толковали схоластики—именно такого рода. Ѳ. Аквинатъ главное мѣсто между ними отводилъ той неприложной истинѣ, что мы должны поступать согласно съ разумомъ, и приписывалъ этому неопредѣленному принципу такую же достовѣрность, какъ теоремѣ о равенствѣ угловъ треугольника. Мы должны поступать разумно: это—правда; но что значитъ поступать разумно, или какіе поступки разумны? Вотъ этой главной проблемы моральной науки схоластики не въ силахъ были рѣшить. Въ ближайшемъ опредѣленіи требованій естественнаго закона, когда приходилось рѣшать относительно опредѣленныхъ моральныхъ истинъ: слѣдуетъ ли ихъ считать обязательными для человѣка по самому ихъ существу, или только въ силу установленія божескаго или человѣческаго? между схоластическими докторами, также какъ и между интуитивистами новаго времени, обнаруживалось разногласіе. Между томистами и скотистами были споры о томъ, которыя изъ десяти заповѣдей считать предписаніями естественнаго разума и которыя—нѣтъ? Находились схоластики, которые празднованіе субботы признавали всеобщимъ правиломъ естественнаго закона, а обязанности въ отношеніи къ ближнимъ считали обязательными лишь только потому, что онѣ предписаны Богомъ (1).

Строго-научныя изслѣдованія явленій нравственной жизни опираются на томъ предположеніи, что эти дѣйствія опредѣляются извѣстными причинами, которыя могутъ быть констатированы, что опредѣленныя причины, дѣйствующія на волю какъ ея мотивы, сопровождаются всегда опредѣленными дѣйствіями, и что поэтому возможно открывать общіе законы, которымъ подчиняются дѣйствія разумныхъ агентовъ. Но всеобщность закона причинности, или идея однообразія

(1) *Stäudlin*: Gesch. d. Moralphilos. p. 553—558.

природы, не исключающая и произвольныхъ дѣйствій человѣка, получила право гражданства въ наукѣ лишь въ сравнительно недавнее время. Въ древности ближе другихъ подходили къ этому воззрѣнію атомисты и стоики; но у первыхъ оно соединялось съ матеріализмомъ, а у послѣднихъ съ пантеизмомъ, и вообще у тѣхъ и у другихъ слабо отличалось отъ фатализма. Аристотель, величайшій авторитетъ схоластиковъ, училъ о существованіи въ природѣ явленій случайныхъ, которыя не опредѣляются причинами, и относительно которыхъ нельзя сказать впередъ, произойдутъ они или нѣтъ. Законъ исключеннаго третьяго не приложимъ къ этимъ явленіямъ: пока они не наступили въ дѣйствительности, можно и сообразно съ самой дѣйствительностью говорить о нихъ, что они могутъ быть и не быть, наприм. завтра можетъ идти и нейти дождь, какъ случится. Относительно этого явленія сегодня существуетъ моментъ безразличія,—возможность поворота и въ ту и другую сторону. Къ числу явленій, не вполнѣ опредѣляемыхъ предшествующими фактами или причинами, Аристотель причислялъ и произвольныя дѣйствія человѣка. Въ человѣкѣ существуетъ способность производить извѣстныя дѣйствія и не производить ихъ, способность къ противоположнымъ рѣшеніямъ, *δύναμις ἐναντίων* (1). Въ этомъ ученіи Аристотеля слѣдуетъ видѣть зародышъ схоластической теоріи свободы воли, въ смыслѣ индифферентизма, или безразличія воли къ мотивамъ. Нѣкоторые изъ схоластическихъ писателей учили, что существуютъ причины необходимыя и свободныя. Причины явленій внѣшней природы суть причины необходимыя: онѣ необходимо производятъ извѣстныя дѣйствія, если не встрѣчаютъ для себя препятствій. Но воля человѣческая и божественная есть агентъ свободный, не зависящій отъ постороннихъ причинъ. Воля опредѣляетъ саму себя, есть единственная причина своихъ обнаруженій. Отсюда произвольныя дѣйствія случайны и не могутъ быть предсказываемы. Правда, разумъ имѣетъ вліяніе на рѣшенія воли; но воля не связывается, не принуждается необходимо къ дѣйствіямъ соображеніями и внушеніями разума: она можетъ слѣдовать имъ и не слѣдовать, можетъ хотѣть чего-нибудь

(1) *G. Grote,* Aristotle. 1872. v. I. ch. IV. p. 165—167.

и дѣйствовать наперекоръ разуму (1). Читая эти положенія схоластиковъ второй половины XIII вѣка, мы какъ будто читаемъ новыхъ защитниковъ свободы воли,—противниковъ Гобза, Коллинза, Спиноза и Лейбница и другихъ детерминистовъ. Тенденціи схоластики, схоластическія манеры мыслить продолжались и въ новой философіи въ нѣкоторыхъ философскихъ школахъ. Иногда онѣ выступали ясно, иногда—прикрыто, съ большими претензіями на глубину и научность и облеченные въ болѣе туманную терминологію. При изложеніи подобныхъ теорій воли на англійской почвѣ мы увидимъ такое же стремленіе къ олицетворенію воли въ видѣ особаго существа, одареннаго той же способностью выбора, той же произвольностью, которая отличаетъ и наши дѣйствія и которая остается также мало уясненной, если приписывается не намъ самимъ, а нѣкоторому агенту находящемуся въ насъ. Тоже стремленіе смѣшивать произвольныя дѣйствія съ дѣйствіями свободными въ смыслѣ независимости отъ причинъ, и дѣйствія зависящія отъ причинъ—съ дѣйствіями необходимыми, въ смыслѣ принужденія, отличаетъ и новыя теоріи индифферентизма воли, какъ и простодушныя умозрѣнія по этому предмету схоластиковъ. Таже боязнь послѣдствій для религіи и нравственности, которая всегда служила и сейчасъ служитъ главнымъ препятствіемъ къ принятію новыхъ научныхъ открытій, сказывается какъ у новыхъ защитниковъ безразличія воли къ мотивамъ, такъ и у схоластическихъ ихъ предшественниковъ.

Ученіе о необходимости человѣческихъ дѣйствій, съ нѣкоторыми ограниченіями, принималось тѣми изъ схоластиковъ, которые въ этомъ вопросѣ находились подъ вліяніемъ богословскихъ воззрѣній бл. Августина. Августинъ училъ о предопредѣленіи и необходимомъ дѣйствіи благодати, спасающей человѣка безъ всякихъ заслугъ съ его стороны. Онъ допускалъ свободу воли въ первомъ человѣкѣ до его грѣхопаденія, — училъ, что отъ самаго человѣка зависѣло исполнить или не исполнить заповѣдь Божію. Послѣ грѣхопаденія человѣкъ утратилъ свою свободу, сдѣлался рабомъ грѣха; поэтому онъ не можетъ дѣлать добрыхъ дѣлъ своими собственными усиліями. Но Богъ, избравшій

---

(1) *Stäudlin*: Gesch. der Moralphilos. p. 550—551.

отъ вѣчности однихъ людей къ спасенію, а другихъ къ погибели, чудомъ своей благодати склоняетъ волю избранниковъ къ добру и принуждаетъ ее къ добрымъ дѣйствіямъ, предоставляя другихъ влеченіямъ ихъ собственной порочной воли. По смыслу этого ученія, причиной добрыхъ дѣлъ оказывается не самъ дѣятель, а Божество, и вмѣненіе ихъ въ заслугу обусловливается единственно волей Божества. Не касаясь богословской стороны этого ученія, замѣтимъ лишь, что бл. Августинъ смѣшивалъ два различныхъ понятія о свободѣ воли. Говоря о свободѣ перваго человѣка грѣшить или не грѣшить, онъ разумѣетъ свободу въ метафизическомъ смыслѣ,— свободу воли отъ мотивовъ. Но говоря о порабощеніи воли грѣху и освобожденіи ея отъ этого рабства, онъ разумѣетъ свободу въ моральномъ смыслѣ, — независимость воли отъ грѣховныхъ мотивовъ, которая не исключаетъ ея зависимости отъ побужденій нравственно-добрыхъ ([1]). Многіе изъ замѣчательнѣйшихъ схоластиковъ держались Августинова ученія о предопредѣленіи и о дѣйствіи благодати на человѣческую волю; они старались лишь смягчить слишкомъ рѣзкій характеръ этого ученія и согласить теорію Августина съ нравственными совершенствами Божества. Но схоластики, занятые богословской стороной этой проблемы, ничего не сдѣлали для ея научной постановки и рѣшенія. Они смѣшивали метафизическую свободу съ моральной, и усложняли и безъ того сложный вопросъ объ отношеніи воли къ мотивамъ богословской проблемой объ отношеніи ея къ божественному предвѣдѣнію и предопредѣленію, т. е. къ уму и волѣ Божества. Метафизическія и теологическія затрудненія, къ которымъ приводилъ тотъ или другой взглядъ на значеніе воли человѣка, давали обильную пищу формальному остроумію схоластиковъ, которые своими тонкими различеніями (distinctiones) умѣли обходить извѣстную проблему, облекая ея въ туманъ безсодержательныхъ фразъ и давая ей лишь кажущееся объясненіе ([2]). Вопросъ о волѣ прежде

([1]) Свобода Адама была posse non peccare, свобода святыхъ — non posse peccare. *Aug.* De corrupt. et gratia. 33. *Ueberweg:* Die Patrist. Philos. Grundriss. v. II. p. 90. *Cp. A. Bain:* Moral and Mental Science. 1868. p. 408—410. *E. Zeller:* Theolog. Jahrbüch. Tüb. 1854. p. 295. ff.

([2]) Нѣкоторыя изъ этихъ тонкостей осмѣивалъ Гоббзъ. *См.* On Liberty and Necessity. Works. 1750. p. 474.

всего, есть вопросъ психологіи, которая дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій произвольныя дѣйствія, независимо отъ всякихъ метафизическихъ или богословскихъ предположеній. Но мы видѣли уже, въ какомъ состояніи была схоластическая психологія: дальше Аристотеля она не шла, и если этотъ философъ недостаточно обратилъ вниманія на зависимость воли отъ мотивовъ и оставилъ вопросъ о произвольныхъ дѣйствіяхъ не выясненнымъ, то и подавно схоластики были не въ состояніи восполнить этотъ существенный недостатокъ своего авторитета въ философіи.

Чтобы дополнить общій очеркъ состоянія этики въ средніе вѣка, остается сказать нѣсколько словъ о *казуистикѣ*. Казуистика возникла изъ практическихъ потребностей римско-католической церкви: она первоначально служила руководствомъ для исповѣди, на которой могутъ представляться затруднительные для совѣсти кающагося случаи,—такъ называемые, casus conscientiae. Постепенно выработалась особая дисциплина, какъ слѣдуетъ относиться духовнику къ подобнымъ случаямъ, какія наставленія онъ можетъ предложить для такихъ фактовъ, относительно которыхъ общія правила оказывались недостаточными, или — когда представлялась коллизія нѣсколькихъ правилъ (1). Лежавшая въ основѣ казуистики общая идея можетъ быть названа вѣрной. Въ жизни всегда могутъ представиться случаи, въ которыхъ весьма трудно найтись для человѣка даже съ высоко развитымъ нравственнымъ смысломъ. Наука, конечно, не можетъ указать правила на каждый подобный случай; это противорѣчило бы самому понятію правила, которое отличается всегда болѣе или менѣе общимъ характеромъ, т. е. имѣетъ приложеніе не къ одному, а къ цѣлой группѣ сходныхъ фактовъ. Но наука не ограничивается одними наиболѣе широкими правилами, которыя въ своемъ примѣненіи весьма часто допускаютъ и требуютъ исключеній и особыхъ видоизмѣненій. Научная теорія нравственности должна сводить эти особые случаи къ общимъ группамъ и для нихъ устанавливать особыя правила, отличающіяся лишь болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ и имѣющія болѣе тѣсный кругъ приложенія, сравнительно съ болѣе широкими мораль-

(1) *Hallam:* Introd. to the Liter. of Europe. V. III. P. III. ch. IV. § 1. Cp. *Stäudlin*: Gesch. der christlichen Moral. 1808. p. 73—74.

ными истинами. Такія спеціальныя изслѣдованія моральной стороны нѣкоторыхъ явленій общественной или частной жизни, относительно которыхъ существуютъ разнообразные взгляды, выступающіе, по видимому, съ одинаковыми правами на разумность и на соотвѣтствіе съ требованіями нравственности или права, необходимо принимаютъ казуистическій характеръ. При изслѣдованіяхъ этого рода особенно и обнаруживается потребность въ одномъ общемъ критеріи, которымъ можно было бы испытывать сталкивающіяся воззрѣнія и опредѣлять съ возможной научной точностью тѣ ограниченія и исключенія, которымъ должны подлежать общія правила въ ихъ приложеніи къ сложнымъ фактамъ дѣйствительности. Такія изслѣдованія имѣютъ большую практическую важность, если только они дѣлаются въ истинно научномъ духѣ, имѣютъ предметомъ дѣйствительно-серьезные вопросы и производятся согласно съ условіями строгаго метода. Отсутствіе этихъ условій ведетъ къ произволу, къ мелочности и даже къ извращенію моральныхъ понятій. Богословская казуистика постепенно утратила жизненный интересъ и практическое значеніе, которыя она имѣла прежде. Казуисты устанавливали исключенія изъ моральныхъ правилъ часто совершенно произвольно: то въ духѣ неумѣреннаго ригоризма, то уже слишкомъ снисходительно. Образовалась особая теорія вѣроятностей для рѣшенія вопросовъ о нравственномъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, не имѣющая ничего общаго съ научной теоріей вѣроятностей. Чтобы рѣшить какой-нибудь затруднительный вопросъ, требовалась вѣротная оцѣнка разныхъ авторитетовъ по этому премету. Такъ какъ всякій считалъ себя въ правѣ судить о достоинствѣ авторитета того или другаго изъ прежнихъ казуистовъ, то понятно, что *пробабилизмъ* давалъ полный просторъ для произвольныхъ толкованій. Нѣкоторыя ученія схоластическихъ казуистовъ отличались даже опаснымъ характеромъ и были осуждаемы на Соборахъ ([1]). Но казуистика оказалась особенно опаснымъ орудіемъ послѣ, въ рукахъ іезуитовъ, которымъ они пользовались для достиженія своихъ безнравственныхъ цѣлей. Казуистическія сочиненія, если не всѣхъ, то большинства учени-

([1]). Таково было, напримѣръ, ученіе францисканцт *Petit* о правѣ каждаго лица убить тирана,—ученіе, осужденное на Констанскомъ Соборѣ. *Stäudlin*: Gesch. d. christl. Moral. p. 61. ff.

ковъ Лойолы, имѣли цѣлью дать наставленія, какъ обходить правила строгой нравственности, если они оказывались неудобными. Ихъ тенденціи шли въ разрѣзъ съ истиннымъ духомъ христіанства и подрывали самыя основанія нравственности. Строгое нравственное чувство Паскаля было возмущено моралью іезуитовъ, и его сочиненіе Lettres provinciales было безпощаднымъ обличеніемъ ихъ безнравственнаго искусства. Оно положило конецъ, по крайней мѣрѣ, печатной, открытой пропагандѣ принциповъ іезутской нравственности.

Этотъ краткій обзоръ моральнаго ученія схоластиковъ приводитъ къ тому заключенію, что во весь длинный періодъ времени среднихъ вѣковъ этика, какъ наука, не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Схоластическій методъ оказался совершенно безсильнымъ въ приложеніи къ сложнымъ вопросамъ нравственной жизни. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что богословскій характеръ схоластической этики соотвѣтствовалъ преобладающему интересу той эпохи,—былъ послѣдствіемъ общаго теологическаго міровоззрѣнія, господствовавшаго въ средніе вѣка. Философія схоластиковъ была продуктомъ самой жизни: и пока въ средневѣковомъ обществѣ оставались господствующими религіозно-церковные интересы, не было никакихъ побужденій къ самостоятельному изслѣдованію вопросовъ, касающихся нравственной жизни. Нравственное ученіе христіанской религіи, по своему высокому внутреннему превосходству, казалось, не требовало научной обработки и не допускало научной критики. Моральная жизнь средневѣковаго человѣка была такъ тѣсно связана съ религіозными представленіями, такъ полно была насыщена религіознымъ духомъ, что всякая мысль искать научныхъ основаній для нравственности должна была казаться богохульствомъ и посягательствомъ на неприкосновенность божественнаго авторитета. Кромѣ этого чисто религіознаго интереса, общаго всѣмъ религіознымъ системамъ, были и другіе мотивы не такого священнаго характера, которые служили препятствіемъ научной этикѣ. Вопросы, о которыхъ трактуетъ эта наука, суть вопросы самой жизни, и то или другое рѣшеніе ихъ не можетъ не затрогивать человѣческихъ интересовъ, особенно интересовъ господствующихъ классовъ въ обществѣ, какими были въ средніе вѣка духовенство и феодальное дворянство. И въ средніе вѣка можно было безопасно разсуждать о пробле-

махъ математики, потому что математика имѣетъ слишкомъ далекое отношеніе къ порядкамъ господствующимъ въ обществѣ. Но если бы, по замѣчанію одного изъ мыслителей новаго времени, геометрическія теоремы также затрогивали человѣческіе интересы, какъ—положенія наукъ о нравственности или о правѣ; то и свободное занятіе геометріей встрѣтило бы такое же противодѣйствіе, какъ и свобода мысли въ вопросахъ этики, политики и другихъ практическихъ наукъ (¹). Съ другой стороны, если бы даже и не существовало этихъ препятствій въ самомъ строѣ средневѣковой жизни; то въ силу самаго характера предмета, съ которымъ имѣетъ дѣло этика, научное рѣшеніе моральныхъ проблемъ, при общемъ состояніи средневѣковой науки, представлялось не возможнымъ. Достаточно обратить вниманіе на зависимость этики отъ теоретическаго изслѣдованія человѣческой природы: достаточно вспомнить о тѣсной связи научной антропологіи съ науками о природѣ для того, чтобы понять, что научное изслѣдованіе нравственной жизни было преждевременно въ періодъ господства схоластики, т. е. если бы даже не существовало внѣшнихъ для него препятствій, то оно было не мыслимо, вслѣдствіе органической связи моральныхъ наукъ со всѣми другими науками. Научный прогрессъ совершался въ порядкѣ, опредѣляемомъ большей или меньшей сложностью отношеній, составляющихъ предметъ отдѣльныхъ наукъ. Явленія человѣческой жизни, частной и особенно общественной, отличаются наибольшей сложностью сравнительно со всѣми другими феноменами; поэтому научное ихъ объясненіе не можетъ обойтись безъ помощи другихъ наукъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ тому же самому предмету, изслѣдующихъ тотъ же предметъ лишь съ другихъ точекъ зрѣнія. Этой двоякой зависимостью нравственной философіи: съ одной стороны—отъ характера воззрѣній господствующихъ въ обществѣ, а съ другой — отъ успѣховъ другихъ отраслей человѣческаго знанія объясняется, сравнительно, позднее появленіе самостоятельныхъ изслѣдованій въ этомъ отдѣлѣ философіи.

(¹) *Th. Hobbes*: Leviath. c. XI. p. 140. Ed. 1750.

Въ эпоху возрожденія, обнимающую собой цѣлыхъ два столѣтія, этика, какъ наука, тоже не сдѣлала существенныхъ успѣховъ. Это было переходное время, когда старыя воззрѣнія болѣе и болѣе утрачивали значеніе, а новыя идеи не вполнѣ еще выяснились, чтобы найти для себя выраженіе въ философіи. Для того чтобы философская мысль новаго времени могла обратиться къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ естественныхъ основъ нравственности, нуженъ былъ процессъ эманципаціи человѣческаго разума и нравственной жизни отъ тѣхъ оковъ, которыя налагала на всю духовную жизнь человѣка средневѣковая Церковь. Указать причины упадка средневѣковой жизни, прослѣдить всѣ фазисы великой революціи, совершившейся въ эпоху возрожденія и создавшей новый порядокъ во всѣхъ сферахъ: духовной, общественно-политической и церковной,—есть дѣло исторіи культуры. Направленія, собственно, въ области философіи этой многознаменательной эпохи представляютъ слишкомъ много разнообразія для того, чтобы можно было охарактеризовать каждое изъ нихъ, хотя бы даже въ общихъ чертахъ ([1]). Для нашей цѣли достаточно указать на перемѣну въ нравственныхъ воззрѣніяхъ, которая болѣе или менѣе обнаружилась въ это время, какъ въ самой жизни, такъ и въ философскихъ направленіяхъ, выступившихъ намѣсто схоластики.

Средневѣковый идеалъ моральной жизни былъ проникнутъ духомъ аскетизма. Въ глазахъ средневѣковаго аскета вся матеріальная природа представлялась, какъ нѣчто чуждое и враждебное нашей нравственной жизни, цѣль которой полагалась въ загробной жизни. Красота природы, красота человѣческихъ формъ, прекрасный міръ искуства, создаваемый самимъ человѣкомъ, съ точки зрѣнія средневѣковой морали,

---

([1]) Философія эпохи возрожденія не нашла еще для себя спеціальнаго историка. Въ общихъ курсахъ болѣе другихъ удѣляется ей вниманіе у *Ritter*'а въ его: Die christliche Philosophie. 1859. v. II. ch. I—III. Весьма важнымъ пособіемъ служитъ *Hallam*'a Introduction to the Literature of Europe v. I и II. Моральное ученіе гуманистовъ и натуръ-философовъ обстоятельно изложено у *Stäudlin*'а въ его: Geschichte der christlichen Moral.

имѣли совершенно противоположное значеніе, чѣмъ они имѣютъ теперь и имѣли въ древней Греціи. Для средневѣковаго аскета, для Бернара, или Св. Франциска, прекрасное въ природѣ и искуствѣ было діавольскимъ наважденіемъ,—однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ средствъ къ человѣческой погибели, которымъ располагаетъ врагъ человѣческаго рода. Міръ сотворенъ Богомъ, по вслѣдствіе грѣха онъ подпалъ власти діавола: онъ лежитъ во злѣ и представляетъ человѣку тысячи искушеній на пути къ его небесной родинѣ. Всякое наслажденіе чувствъ, всякая забота о тѣлѣ, преступающая предѣлы крайней необходимости, съ этой точки зрѣнія, признавались грѣховными. Нашъ тѣлесный организмъ разсматривался не какъ орудіе для нашей духовной жизни и необходимое средство для осуществленія высшихъ цѣлей нашего существованія, а какъ нѣчто враждебное духу, какъ источникъ грѣховныхъ побужденій и склонностей,—препятствіе къ моральному преуспѣянію, котораго мы должны постоянно остерегаться и съ которымъ должны вести безпрерывную борьбу. Отсюда въ ряду нравственно-религіозныхъ требованій: отказъ отъ чувственныхъ удовольствій, даже самоумерщвленіе плоти, въ средніе вѣка, занимали первое мѣсто и считались средствомъ къ достиженію высшаго совершенства. Впрочемъ, говоря объ аскетизмѣ средневѣковой морали, мы не должны забывать, что вмѣстѣ съ этими требованіями: самоотреченія, умерщвленія плоти, презрѣнія внѣшней красоты и всѣхъ мірскихъ радостей предписывались также и дѣла высокой христіанской любви:—самопожертвованіе ради ближнихъ, состраданіе и дѣятельная помощь бѣднымъ и несчастнымъ и т. п. Поэтому, было бы несправедливо и односторонне имѣть въ виду одинъ лишь аскетизмъ средневѣковаго христіанства, забывая другія его стороны, которыми объясняется его высокое культурное значеніе въ исторіи человѣчества, и которыхъ оно не утратило и въ темный періодъ среднихъ вѣковъ. Это замѣчаніе мы считали не лишнимъ; потому что нѣкоторые изъ мыслителей новаго времени, относившіеся отрицательно къ христіанству, понимали его нравственный идеалъ исключительно въ смыслѣ средневѣковаго аскетизма, забывая при этомъ христіанскій характеръ собственно моральныхъ принциповъ, какъ наприм. принципа всеобщей любви къ человѣчеству, нечуждаго и средневѣковому христіанству.

Нравственное міровоззрѣніе эпохи возрожденія, находившее для себя выраженіе и въ философскихъ и литературныхъ произведеніяхъ гуманизма, и въ созданіяхъ искусства, и въ самихъ нравахъ и жизни образованныхъ классовъ общества, представляетъ отрицаніе аскетизма и возвращеніе къ свѣтлому, радостному міровоззрѣнію классической эпохи. Монашескія воззрѣнія среднихъ вѣковъ уступаютъ мѣсто нравственно-эстетическимъ идеаламъ великихъ мыслителей Греціи. Прекрасное уже не разсматривается какъ нѣчто противоположное нравственно-доброму; напротивъ оно снова вступаетъ съ нимъ въ тѣснѣйшую связь, и идеаломъ совершенства, какъ въ древности, признается *καλὸν κἀγαθόν*, прекрасное и доброе вмѣстѣ. Любовь къ прекрасному не считается уже богопротивной; напротивъ, она признается средствомъ возвышенія къ божественному. Природа и Богъ не разсматриваются какъ нѣчто чуждое одно другому, какъ члены моральнаго контраста; напротивъ, подъ вліяніемъ платоновой философіи и неоплатонизма, природа признается внѣшнимъ выраженіемъ Божества, воплощеніемъ божественныхъ идей или силъ. Греческая философія, особенно въ періодъ ея борьбы съ христіанствомъ, была обоготвореніемъ природы, которая признавалась истеченіемъ божества и воплощеніемъ въ матеріи божественныхъ силъ. Это представленіе, въ неоплатонической школѣ, соединялось съ требованіемъ своего рода аскетизма, какъ средства къ освобожденію отъ чувственности и возвращенію души къ ея божественному первоисточнику. Представленія болѣе или менѣе пантеистическаго характера снова появляются въ эпоху возрожденія: они выступаютъ на смѣну слишкомъ рѣзкаго дуализма средневѣковой эпохи, но безъ того морально-аскетическаго оттѣнка, который они имѣли въ періодъ упадка греческой философіи и культуры. Неоплатоническія воззрѣнія соединяются съ классическимъ обожаніемъ красоты въ природѣ и искуствѣ. „Красота“, говоритъ одинъ поэтъ эпохи возрожденія, „раждается отъ Бога, а центръ ея есть нравственное добро“ (¹). Понятно, что вмѣстѣ съ общимъ міровоззрѣніемъ измѣнился взглядъ и на человѣческое тѣло. Оно сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе любимыхъ предметовъ иску-

---

(¹) См. *M. Carriere:* Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung. 1871. v. IV. p. 11.

ства,—живости и пластики. Но въ произведеніяхъ искуства красота и благородство формы служили лишь внѣшнимъ воплощеніемъ высоко-нравственныхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ. На тѣло перестали смотрѣть какъ на орудіе и источникъ грѣха, но какъ на высокохудожественное произведеніе природы, красотой своей выражающее красоту души. Удовлетвореніе его потребностей не только не считалось грѣховнымъ, но даже чувственныя наслажденія признавались вполнѣ согласными съ требованіями нравственности. Въ богатыхъ общинахъ Италіи чувственныя удовольствія переходили нерѣдко даже въ грубый матеріализмъ, напоминавшій худшія времена классическаго міра.

Измѣнившіяся понятія о нравственности находили для себя выраженіе въ изящной литературѣ, въ произведеніяхъ искуства, въ нравахъ и обычаяхъ образованныхъ классовъ общества. Многіе гуманисты, относясь враждебно къ схоластикѣ, не разрывали своей связи съ христіанствомъ, идеи котораго они старались согласить съ тѣми или другими философскими системами древняго міра. Они высоко уважали нравственное ученіе христіанской религіи, но понимали его въ общечеловѣческомъ гуманномъ духѣ. Но уже въ XVI вѣкѣ появляются идеи о независимости морали отъ религіи. Помпонацій, замѣчательнѣйшій изъ мыслителей ново-падуанской школы, опровергалъ всѣ аргументы, которыя могутъ быть представлены въ пользу безсмертія души, и высказывалъ убѣжденіе, что вѣра въ безсмертіе совсѣмъ не нужна для нравственности. Безсмертіе души придумано для тѣхъ, кто не можетъ управлять собой: для нихъ нужны будущія награды и наказанія, какъ мотивы хорошей жизни. Истинно добродѣтельный человѣкъ любитъ добродѣтель ради ея самой, и она служитъ для него единственной наградой ([1]). Въ концѣ XVI-го вѣка идея о независимости нравственности отъ религіи находитъ для себя болѣе и болѣе защитниковъ, особенно во Франціи, гдѣ подъ вліяніемъ идей возрожденія, еще въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, готова была наступить просвѣтительная эпоха, отодвинутая въ силу историческихъ причинъ

([1]) *F. A. Lange*: Geschichte des Materialismus. 2 ed. v. I. p. 185. Впрочемъ, Помпонацій отрицалъ безсмертіе души какъ истину философскую, но принималъ ее какъ истину религіозную, которой мы должны вѣрить во имя божественнаго авторитета.

на цѣлое столѣтіе позже. Но даже и для позднѣйшихъ раціоналистовъ и деистовъ идеи Помпонація должны были представляться крайними. Какъ увидимъ послѣ, французскіе и англійскіе деисты, думая замѣнить христіанство религіей разума, въ числѣ догматовъ этой религіи принимали и безсмертіе души, какъ—истину, вмѣстѣ съ идеей Бога, составляющую теоретическую основу нравственности. Во второй половинѣ XVI-го вѣка у гуманистовъ Италіи появляется другое понятіе объ отношеніи нравственности къ религіи,—понятіе, представляющее компромиссъ между религіозной и чисто свѣтской моралью. Въ основаніи этого ученія, котораго держались Кампанелла, Телезій, Кремонини и нѣкоторые другіе натуръ-философы эпохи возрожденія, лежало слѣдующее разграниченіе между философіей и теологіей. Предметъ философіи, которая въ это время не отличалась вообще отъ науки, составляютъ предметы природы,—естественный порядокъ вещей, подлежащихъ чувственному наблюденію. Предметомъ теологіи служатъ предметы сверхчувственные, недоступные обыкновеннымъ способамъ познаванія. Человѣкъ, какъ существо двойственное, состоящее изъ души и тѣла, имѣетъ и двоякія потребности и цѣли: духовныя и тѣлесныя или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, мірскія. Какъ существо духовное, человѣкъ долженъ руководствоваться религіозными принципами нравственности. Какъ существо поставленное въ тѣ или другія отношенія къ предметамъ чувственнаго міра, человѣкъ регулируетъ свое поведеніе разумомъ, или обычными правилами благоразумія, основанными на знаніи предметовъ природы и отношеній между ними [1]. Это—собственно, схоластическое раздѣленіе между двумя областями духовныхъ и мірскихъ интересовъ,—съ тѣмъ только различіемъ, что схоластики стремились подчинить всю человѣческую жизнь теологіи и Церкви, тогда какъ мыслители эпохи возрожденія принимали равноправность той и другой области, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одна ставилась въ зависимость отъ человѣческаго разума и, такимъ образомъ, освобождалась отъ господства теологіи и Церкви. Это различіе между дуа-

---

(1) *H. Ritter:* Die christl. Philos. v. II. B. IV. Cap. I. II. § 8. 9. 11. 12.

лизмомъ схоластиковъ и гуманистовъ дѣлалось еще болѣе рѣзкимъ вслѣдствіе того обстоятельства, что весьма многіе мыслители эпохи возрожденія подъ теологіей разумѣли совсѣмъ не то, что схоластики, именно — знаніе Бога философское, метафизическое, или даже непосредственное созерцаніе Божества въ неоплатоническомъ и мистическомъ смыслѣ.

Моральное ученіе философовъ эпохи возрожденія представляетъ мало оригинальнаго. Первоначально, взамѣнъ теологіи и схоластики, выдвигались тѣ или другія греческія философскія системы; при этомъ христіанское моральное ученіе, понимавшееся въ болѣе человѣческомъ и гуманномъ духѣ, чѣмъ въ средніе вѣка, вступало въ союзъ то съ догматами платонизма и неоплатонизма, то съ болѣе сухими формулами перипатетической школы. Мѣсто догматовъ христіанства заступаютъ идеи Платона, или формы Аристотеля; взамѣнъ сверхестественнаго откровенія средствомъ знанія высшихъ истинъ и сверхъопытныхъ объектовъ признается діалектика, или мистическое созерцаніе. Нравственныя понятія разсматриваются, какъ послѣдствіе теоретическаго міросозерцанія въ духѣ той или другой философской системы древняго міра. Расходясь болѣе или менѣе съ спеціальными догматами откровенной религіи, скорѣе игнорируя ихъ, чѣмъ вступая съ ними въ открытую полемику, новые послѣдователи Платона, Плотина, Пиѳагора, Аристотеля и другихъ мыслителей древности всё-таки удерживали основныя положенія теистической вѣры: идею Бога, вѣру въ Его міроуправленіе и будущее мздовоздаяніе, дуализмъ нашей духовной и тѣлесной природы и дуализмъ двухъ міровъ, естественнаго и сверхъестественнаго. Подвергать сомнѣнію эти воззрѣнія рѣшались немногіе, такъ какъ они считались опорой нравственнаго поведенія. Изъ философскихъ ученій древняго міра особымъ сочувствіемъ пользовался идеализмъ Платона, вслѣдствіе его религіозно-мистическаго направленія и идеальнаго воззрѣнія на задачи и цѣли человѣческой жизни. Аристотель, философія котораго отличается бо́льшимъ реализмомъ и даже нѣкоторымъ сродствомъ съ матеріализмомъ, имѣла болѣе ограниченный кругъ почитателей. Смѣлыя идеи Помпонація, его философское отрицаніе безсмер-

(¹) **Ibidem. § 13, 14.**

тія души и его ученіе о независимой нравственности, заключались уже въ философіи Аристотеля,—представляли лишь особую варіацію толкованія дѣйствительныхъ воззрѣній этого философа. Но вслѣдствіе того значенія, которое имѣлъ Аристотель для схоластиковъ, его ученіе не пользовалось особымъ кредитомъ у гуманистовъ, которые не умѣли еще отличить подлиннаго Аристотеля отъ его схоластическихъ искаженій. Пантеистическая система стоиковъ, вслѣдствіе близости къ матеріализму, имѣла еще меньше поклонниковъ. Вліяніе стоической морали на моральныя теоріи новыхъ философовъ относится уже къ болѣе позднему періоду. Но изъ всѣхъ философскихъ ученій древности наибольшей свободой отъ религіозныхъ воззрѣній отличалось ученіе Епикура. Его моральная теорія, признававшая высшимъ благомъ, т. е. послѣдней цѣлью человѣческой жизни удовольствіе, представляетъ антитезъ аскетическому христіанству и, по видимому, больше чѣмъ другія моральныя теоріи древности соотвѣтствовала измѣнившимся воззрѣніямъ эпохи возрожденія. Но атомистическая философія Эпикура, не удовлетворявшая религіозно-мистическимъ тенденціямъ эпохи, нашла для себя послѣдователей позднѣе, именно въ XVII в., благодаря успѣхамъ естествознанія. Мораль эпикурейской школы, вслѣдствіе ея чисто классическаго характера и ея уже слишкомъ большой противоположности съ идеалистическими стремленіями христіанства, тоже не пользовалась особымъ кредитомъ въ эпоху гуманизма. Добродѣтель, какъ нравственная красота, признавалась достойной любви и предпочтенія сама по себѣ, а не какъ средство къ удовольствію, какъ училъ Епикуръ и его школа. Но, во всякомъ случаѣ, въ философской литературѣ эпохи возрожденія замѣтно нѣкоторое вліяніе епикурейскихъ воззрѣній [1] и имя Епикура перестало возбуждать суевѣрный ужасъ и отвращеніе, какъ

---

[1] *Карданъ* въ сочиненіи De Subtilitate, 1552, развилъ епикурейскій взглядъ на удовольствіе, какъ на отрицаніе или удаленіе страданія. Замѣчательно, что на основаніи этого отрицательнаго понятія объ удовольствіи Карданъ пришелъ совсѣмъ къ другой теоріи жизни, чѣмъ Епикуръ: онъ утверждалъ, что нужно какъ можно больше искать причинъ для страданія, чтобы съ прекращеніемъ ихъ получить наибольшую сумму удовольствій. *Leon Dumont*: Theorie Scientifique de la Sensibilité. 1875. P. I. ch. II, p. 27—28.

это было въ средніе вѣка ([1]). Строго говоря, ни одна изъ философскихъ системъ древности, какъ въ спекулятивномъ, такъ и морально-практическомъ ученіи, не была удовлетворительна, и не могла имѣть иначе какъ временное значеніе въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи. Классическія воззрѣнія и идеалы дѣйствовали оживляющимъ образомъ; но, выросшія совсѣмъ на другой почвѣ, они не удовлетворяли новымъ потребностямъ христіанскихъ народовъ Европы. Возродившійся классицизмъ служилъ лишь временной замѣной средневѣковой теологіи и философіи, и прокладывалъ дорогу для дальнѣйшаго самостоятельнаго духовнаго творчества въ разныхъ направленіяхъ.

То понятіе о мірѣ, которое въ состояніи были сообщить величайшіе изъ греческихъ философовъ, не было результатомъ терпѣливаго и методическаго изслѣдованія дѣйствительнаго міра, дѣйствительныхъ законовъ природы и человѣческой жизни. Нравственно-философскія ученія древнихъ находились въ зависимости отъ ихъ метафизическихъ теорій, въ основаніе которыхъ положена была весьма недостаточная доля наблюденій, строгихъ анализовъ и безупречныхъ обобщеній. Главная проблема этики, какъ она была поставлена въ греческихъ школахъ, именно—о высшемъ благѣ или о послѣдней цѣли человѣческихъ стремленій, получила нѣсколько противорѣчащихъ одно другому рѣшеній; но ни одно изъ нихъ не отличалось хотя бы нѣкоторой приблизительной степенью научной точности. Каждая изъ соперничествующихъ теорій могла выставить за себя нѣсколько основаній, но каждая была безсильна отвѣчать на выраженія противоположныхъ доктринъ и, такимъ образомъ, одержать побѣду надъ всѣми ими. Каждая выдвигала одну какую нибудь сторону сложныхъ отношеній нравственной жизни, преувеличивая ее и оставляя въ тѣни другія. Всѣ моралисты древности были согласны въ томъ, что хорошая и счастливая жизнь есть

([1]) *Лаврентій Валла* (XV в.) въ «Діалогахъ объ удовольствіи и истинномъ благѣ» заставляетъ спорить стоика, епикурейца и христіанина о высшемъ благѣ. Епикурейское ученіе объ удовольствіи представлено болѣе согласнымъ съ христіанскимъ ученіемъ, чѣмъ стоическое презрѣніе всякихъ удовольствій. *H. Ritter*: Christ. Philos. v. II. B, IV. c. I. p. 44. *Fr. A. Lange*: Gesch. d. Mater. v. I. p. 188.

жизнь согласная съ разумомъ; но въ ближайшемъ опредѣленіи требованій разума они руководствовались скорѣе субъективными воззрѣніями, личными вкусами, чѣмъ научными изслѣдованіями человѣческой природы въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Не говоря уже объ отсутствіи научной строгости принциповъ и методическаго ихъ приложенія, моральныя теоріи греческихъ мыслителей, по самому существу, не соотвѣтствовали болѣе развитому моральному сознанію и болѣе сложнымъ условіямъ новой жизни, развившейся подъ вліяніемъ христіанскихъ идей. Было бы слишкомъ долго разбирать всѣ недостатки греческихъ моральныхъ ученій, отражавшіе на себѣ неудовлетворительность самой древней культуры. Достаточно указать одну или двѣ черты, наиболѣе характеристичныя, которыя кладутъ печать глубокаго различія между древними и новыми воззрѣніями на нравственность, которыя нашли себѣ выраженіе и въ моральныхъ теоріяхъ древнихъ и новыхъ мыслителей. Въ Греціи политическая жизнь имѣла всеобъемлющее значеніе. Высшая нравственная цѣль всякаго гражданина полагалась въ служеніи отечеству, согласно обычаю предковъ и закону. Быть нравственно-доблестнымъ человѣкомъ значило быть хорошимъ гражданиномъ. Развитіе индивидуальности и свободы личности служило уже признакомъ политическаго упадка. Человѣкъ опредѣлялся какъ ζῶον πολιτικόν,—животное, предназначенное для жизни въ государствѣ и дѣятельности въ государственныхъ цѣляхъ. Платонъ объяснялъ индивидуума по аналогіи съ государствомъ, а не наоборотъ, какъ это дѣлается иногда теперь. Въ своемъ идеальномъ государствѣ онъ стремился исключить всякую индивидуальность, всякую личную иниціативу, не опредѣляемую цѣлями государственнаго организма. Права личности, правда, были признаваемы въ позднѣйшихъ моральныхъ теоріяхъ, но все-таки—въ извѣстныхъ предѣлахъ. „Греческая этика", по замѣчанію одного современнаго писателя, „никогда не эманципировалась отъ политики, индивидуализмъ не шелъ дальше предѣловъ государства, но никогда не могъ достичь предѣловъ всего человѣчества" (¹). Другая

(¹) *A. Barrat*: Ethics and Politics. *Mind*. Quart. Review. 1877. № VIII. p. 455—456. Ср. *Vorländer*: Gesch. d. philos. Moral. 1855. p. 6—7.

отличительная черта греческой этики, находящаяся въ связи съ предыдущей, заключается въ слишкомъ ограниченной сферѣ, на которую распространялись ея нравственныя требованія. Нравственныя, также какъ и юридическія права и обязанности основывались, исключительно, на фактѣ сопринадлежности къ одному политическому союзу и ограничивались гражданами одного города, или одной республики. Не только рабы и варвары, но и чужестранцы, граждане другихъ греческихъ же городовъ, внѣ предѣловъ своей родины, оказывались безправными, — не могли разсчитывать на уваженіе своей личности и собственности, на любовь и участіе, которымы они пользовались дома. Въ позднѣйшихъ моральныхъ теоріяхъ эта исключительность, правда, значительно смягчается, особенно — у римскихъ стоиковъ и юристовъ, что объясняется громаднымъ расширеніемъ предѣловъ римскаго государства. Но, вообще, идея личности и соотносительная съ ней идея общечеловѣческаго права, или универсальности моральнаго закона, въ древности, не имѣли того полнаго и всеобъемлющаго значенія, какое они получили благодаря преимущественно христіанству. Евангельское ученіе возвысило значеніе человѣческой личности, независимое отъ извѣстной расы или національности, и распространило требованія любви и справедливости на все человѣчество. Христіанская религія окончательно освободила этику отъ политики, и вмѣсто государственной морали внесло въ міръ мораль чисто человѣческую, которая опредѣляется не частными различіями между людьми, а условіями общими всему человѣчеству. При политическомъ воззрѣніи на нравственность критеріемъ нравственности служитъ согласіе, или не согласіе человѣческихъ дѣйствій съ законами государства. Но для самаго индивидуума средствомъ оцѣнки своихъ собственныхъ поступковъ остается единственно лишь ихъ значеніе для его собственнаго счастья. Заботиться о благѣ другихъ онъ обязанъ лишь, насколько требуетъ того законъ страны, большею частью ограничивающійся отрицательными предписаніями, которыя суммируются въ общей формулѣ: *neminem laede. Omnes juva* есть уже выраженіе христіанской заповѣди всеобщей любви къ человѣчеству, до которой не возвысилось еще моральное сознаніе древнихъ. Христіанство, возвысивши значеніе личности, въ то же время выдвинуло внутрен-

ній и личный критерій нравственности. Христіанская добродѣтель есть нѣчто больше, чѣмъ простое исполненіе закона: она заключается въ внутреннихъ побужденіяхъ, въ чистотѣ стремленій и намѣреній, однимъ словомъ — въ сердцѣ человѣка, а не во внѣшнемъ его дѣяніи. Самыя характеристическія добродѣтели христіанства: вѣра, надежда, любовь, смиреніе, прощеніе обидъ, суть добродѣтели чувства, а не дѣйствія. Такимъ образомъ христіанскій критерій нравственности есть не внѣшнее соотвѣтствіе дѣйствій съ закономъ, а внутреннее сознаніе, или голосъ совѣсти самаго индивидуума[1]. Вслѣдствіе этого глубокаго различія между классическими и христіанскими воззрѣніями на нравственность, становится яснымъ, что моральныя теоріи древнихъ мыслителей были уже анахронизмомъ въ эпоху возрожденія. Европейская мысль, освободившаяся отъ господства средневѣковой теологіи, не могла отказаться отъ культурныхъ идей христіанства, которыя не только не утратили своего значенія, но должны были служить внутренней движущей силой всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ европейской цивилизаціи, въ истинномъ значеніи этого слова. Во всякомъ случаѣ, болѣе близкое знакомство съ моральными воззрѣніями древнихъ мыслителей осталось не безъ вліянія на развитіе нравственной философіи въ новое время. Новыя научныя изслѣдованія въ этой области большею частью примыкали не къ схоластической морали, съ которой они имѣли мало общаго, но къ классическимъ мыслителямъ, отчасти относясь къ нимъ полемически, а отчасти подчиняясь ихъ вліянію. Нѣкоторыя особенности моральныхъ ученій ранняго періода новой философіи находятъ для себя объясненіе въ этомъ сознательномъ, или безсознательномъ усвоеніи классическихъ воззрѣній, съ которыми новые писатели знакомились и прямо изъ греческой философской литературы, и изъ римскихъ писателей о правѣ.

Если гуманизмъ стремился обновить духовную жизнь новыхъ народовъ Европы посредствомъ возрожденія идеаловъ классическаго міра, то реформація является обновленіемъ религіозной жизни, возрожденіемъ истиннаго христіанства,

---

(1) *См.* Вступл. стр. 75. Ср. *A. Barrat*: Ethics and Politics. p. 457—458.

освобожденіемъ его отъ разныхъ историческихъ наростовъ, искажавшихъ истинный смыслъ и духъ евангельскаго ученія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько удалось реформаціи достичь именно той цѣли, которую имѣли въ виду первые двигатели этого переворота, а также—всякую ея оцѣнку съ догматической точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ нельзя не признать громаднаго историческаго значенія реформаціи, какъ для европейской культуры вообще, такъ и для нравственнаго прогресса въ особенности. Идеи гуманизма, сами по себѣ, въ ихъ свѣтскомъ, даже отчасти языческомъ характерѣ, едва ли могли одержать полную побѣду надъ средневѣковыми воззрѣніями и всѣмъ строемъ средневѣковой жизни, безъ помощи болѣе глубокаго переворота въ религіозно-церковной области. По обстоятельствамъ времени лишь религіозная реформа могла проложить путь для другихъ преобразованій, и духъ новаго времени могъ найти для себя охрану лишь подъ священнымъ знаменемъ религіи. Принципъ свободнаго изслѣдованія, одушевлявшій гуманистовъ и вообще передовыхъ мыслителей вѣка, могъ вырости, окрѣпнуть и проникнуть въ самую жизнь лишь подъ покровительствомъ религіозной реформы. Въ союзѣ съ болѣе свободными идеями гуманизма реформація постепенно привела къ освобожденію человѣческаго разума ([1]). Моральное значеніе реформаціи было не менѣе важно. Реформація, какъ протестъ противъ внѣшняго пониманія нравственности, въ смыслѣ сообразности дѣйствій съ церковными законами и уставами, нерѣдко имѣвшими мелочный обрядовый характеръ, служила дѣлу освобожденія человѣческой совѣсти даже больше, чѣмъ—освобожденія разума. Сообразно истинному духу христіанской религіи и христіанскихъ воззрѣній на нравственность, реформація стремилась возвратить центръ нравственной жизни на его настоящее мѣсто,—въ сердце, внутреннія его расположенія и побужденія. Такой смыслъ имѣло протестантское ученіе объ оправданіи вѣрой, а не дѣлами. Отрицая католическое ученіе объ оправданіи посредствомъ разныхъ внѣшнихъ и постороннихъ для самаго нравственнаго агента средствъ, реформація ставила человѣка въ

([1]) *M. Carriere:* Die Kunst im Zusammenh. d. Culturentwick. v. IV. p. 278 ff.

непосредственную отвѣтственность предъ Богомъ, и такимъ образомъ способствовала усиленію чувства долга и отвѣтственности и поднятію нравственнаго уровня въ членахъ реформированныхъ церквей. Относясь совершенно безпристрастно къ религіозной реформѣ XVI вѣка, мы должны признать, что она оказала болѣе глубокое вліяніе на моральную сторону человѣческаго прогресса, чѣмъ возрожденіе классической образованности, вліяніе котораго было гораздо сильнѣе собственно въ умственной сферѣ (1).

Но, во всякомъ случаѣ, богословское ученіе о нравственности первыхъ реформаторовъ не только не разрѣшило тѣхъ проблемъ, которыя были выдвинуты въ спорахъ Августина съ Пелагіемъ; но, вслѣдствіе преувеличенія идей Августина о предопредѣленіи и благодати, теологія Кальвина вела къ отрицанію нравственной природы Божества и нравственнаго характера религіи. Первые реформаторы, а особенно Кальвинъ, стремились усилить естественную и моральную зависимость человѣка отъ Божества, но приходили къ отрицанію всякаго значенія собственной дѣятельности человѣка въ цѣляхъ нравственнаго преуспѣянія, или—всякаго участія индивидуума въ дѣлѣ своего спасенія. То недовѣріе къ человѣческой природѣ, къ способности человѣческаго разума знать истину и человѣческой воли творить добро, которое составляетъ прямое послѣдствіе христіанскаго догмата о первородномъ грѣхѣ, кальвинизмъ довелъ до крайности. По ученію Кальвина, человѣческая природа въ ея настоящемъ состояніи не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей искры добра. Отсюда, все доброе, совершаемое христіаниномъ, совершается не имъ самимъ, а самимъ Богомъ, дѣйствіемъ Его благодати; тогда какъ всѣ дѣйствія, обусловливаемыя естественными побужденіями и влеченіями человѣческой природы,—необходи-

---

(1) При оцѣнкѣ историческаго значенія реформаціи слѣдуетъ всегда имѣть въ виду ея нравственный характеръ. Мыслители, не достаточно обращавшіе вниманіе на моральный характеръ религіознаго протеста XVI вѣка, большею частью несправедливы въ своихъ сужденіяхъ о реформаціи. Такъ *A. Comte* съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о католичествѣ, чѣмъ о протестанствѣ. Несправедливость Контовыхъ сужденій о реформаціи замѣчена *J. S. Mill*'емъ: A. Comte and positivisme. 2 ed. 1866. p. 111—113.

мо грѣховны. Съ этой точки зрѣнія добродѣтель естественнаго человѣка, напримѣръ Сократа, или Марка Аврелія, есть пустой призракъ ([1]). Такимъ образомъ, отрицая всякую заслугу со стороны человѣка, Кальвинъ и его послѣдователи учили, что Богъ отъ вѣчности однихъ предопредѣлилъ и избралъ ко спасенію, а другихъ къ погибели, не потому чтобы Онъ предвидѣлъ добрую жизнь однихъ и порочную другихъ, а просто—потому что такова была Его воля ([2]). Это ученіе представляетъ особую форму отрицанія нравственности—*φύσει* и особую форму морали—*νόμῳ καὶ θέσει*. Оно противорѣчитъ разуму, противорѣчитъ нравственнымъ понятіямъ человѣчества и христіанской идеѣ моральной отвѣтственности всякаго человѣка, какъ виновника своихъ дѣйствій. Ученіе о предопредѣленіи находилось въ внутреннемъ разладѣ съ духомъ самаго протестанства, провозгласившаго принципъ индивидуальной свободы и отвѣтственности человѣка предъ Богомъ; и если религіозная реформа оказала благодѣтельное нравственное вліяніе, то не въ силу, а скорѣе наперекоръ протестантскаго ученія о предопредѣленіи, въ духѣ чистаго Кальвинизма. Заслуга Арминія, выступившаго противъ крайностей кальвиновой теологіи и допускавшаго свободную дѣятельность самаго человѣка, какъ содѣйствующій факторъ оправданія, состояла въ томъ, что онъ и его послѣдователи отстояли независимость моральныхъ понятій отъ произвола, которому кальвинисты давали громкій титулъ воли Божества, но который, въ существѣ дѣла, былъ не что иное, какъ произволъ ихъ собственныхъ догматическихъ толкованій ([3]). Споры кальвинистовъ съ

([1]) *Stäudlin*: Gesch. d. christl. Moral. c. VI. p. 374—375.

([2]) *Ibidem*. p. 376—383.

([3]) Протестъ Арминія противъ Кальвинизма и борьба этихъ двухъ направленій протестантской теологіи имѣли важное значеніе въ исторіи европейской мысли. Во второй періодъ реформаціи принципъ авторитета почти совсѣмъ вытѣснилъ свободу мысли и изслѣдованія изъ протестанской теологіи. Протестанство начинало принимать характеръ замкнутаго, неподвижнаго догматизма; по видимому, готова была наступить эпоха новой, лютеранской схоластики. Протестъ Арминія противъ кальвинова догматизма способствовалъ развитію раціонализма въ нѣдрахъ протестанской

арминіанами снова выдвинули вѣковый вопросъ о свободѣ, или необходимости человѣческой воли: онъ снова, какъ въ V вѣкѣ нашей эры и въ той же почти богословской формѣ, сталъ волновать умы, сдѣлался предметомъ богословской литературы и богословскихъ споровъ. Отчасти, сохраняя еще свою теологическую форму, онъ перешелъ въ XVII вѣкѣ и въ философскую литературу и, какъ увидимъ, имѣлъ весьма важное значеніе въ развитіи философской этики, какъ на континентѣ, такъ и у англійскихъ мыслителей.

Право индивидуальнаго сужденія въ дѣлахъ вѣры и моральной жизни, выдвинутое реформаціей, повело къ распаденію протестанской Церкви на множество сектъ. Каждая изъ нихъ враждовала съ прочими, считая себя одну хранительницей истиннаго христіанства. Религіозныя споры и распри, взаимныя опроверженія, обвиненія и даже гоненія служили причиной усиленія религіознаго скептицизма. Въ концѣ XVI вѣка смѣлѣе начинается пробиваться идея о независимости морали отъ религіозныхъ ученій положительнаго христіанства. Въ это время обнаруживается стремленіе замѣнить откровенную религію естественной, которая ограничивается вѣрой въ Бога, въ безсмертіе души, и исполненіемъ простѣйшихъ правилъ нравственности, неразлучныхъ съ самой природой человѣка и открываемыхъ человѣческимъ разумомъ. Идея естественной религіи или религіи разума

церкви и протестанской теологіи. Теологическій раціонализмъ XVII вѣка, проявившійся въ Голландіи, а потомъ и въ Англіи, выразился въ слѣдующихъ 3 пунктахъ: 1) Авторитетъ библіи признанъ былъ лишь въ значеніи руководительнаго начала для разума и совѣсти. 2) Символы, Исповѣданія вѣры, постановленія лютеранскихъ Соборовъ, признаны подлежащими критикѣ. Отсюда—отрицаніе за духовенствомъ права преслѣдованія лицъ, несогласныхъ съ положеніями лютеранской ортодоксіи. 3) Допущено различіе между основными и неосновными догматами: — весьма важная идея, что не всѣ догматы необходимы для спасенія, которая вела къ смягченію религіозной исключительности и вражды, подрывая всякій догматизмъ, и способствовала свободѣ философскаго мышленія. Собственно, въ моральной области, послѣдствіемъ распространенія раціонализма было признаніе нравственнаго значенія добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ лицами разныхъ христіанскихъ сектъ и даже не христіанами. *Tulloch*: Rational Theology and christian Philos. in England in XVII Cent. 1874, v. 1. p. 18—35.

составляетъ сущность деизма, и съ этимъ ученіемъ въ его отношеніи къ нравственной философіи мы познакомимся послѣ. Теперь мы отмѣтимъ пока тотъ фактъ, что основныя положенія деизма, правда, не совсѣмъ еще ясно формулированныя, встрѣчаются уже у нѣкоторыхъ французскихъ писателей 2-й половины XVI вѣка. Въ это время, вмѣстѣ съ религіознымъ скептицизмомъ, появляются первые проблески и философскаго скептицизма, въ которыхъ нетрудно усмотрѣть вліяніе скептиковъ средней академіи. Представителемъ этого скептическаго направленія, въ популярной формѣ, во 2-й половинѣ XVI вѣка былъ Монтэнь. Его „Опыты" имѣли вліяніе не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, не исключая и Англіи. Бэконъ былъ знакомъ съ идеями Монтэня, и въ философіи Гоббза, въ ея скептическомъ отношеніи къ разуму какъ источнику непогрѣшимаго знанія, замѣтны слѣды вліянія французскаго скептика.

Съ упадкомъ средневѣковой теологіи, снова пріобрѣтаетъ значеніе римская идея естественнаго права, вмѣстѣ съ интуитивной теоріей знанія основныхъ практическихъ истинъ. Господствующее значеніе въ морально-юридическихъ трактатахъ эта теорія, подъ вліяніемъ изученія источниковъ римскаго права и сочиненій римскихъ юристовъ, получила въ XVII вѣкѣ. Въ XVI в. въ католическо-богословской литературѣ теорія естественнаго права имѣла еще богословскій характеръ [1]; тогда какъ у протестанскихъ писателей, болѣе или менѣе проникнутыхъ духомъ Кальвинизма, она не пользовалась сочувствіемъ. Эта теорія, какъ мы видѣли, выходила изъ предположенія всеобщности нравственнаго закона, который, имѣя основаніе въ самой природѣ человѣка, составляетъ принадлежность всего человѣчества. Монтэнь скептически отнесся къ этому ученію. Подобно Локку, онъ указывалъ на разнообразіе, даже противорѣчіе въ понятіяхъ людей о добрѣ

---

[1] Теорія естественнаго закона, съ богословско-католической точки зрѣнія, всего обстоятельнѣе была изложена іезуитомъ Суарецомъ въ сочиненіи: De legibus ac Deo Legislatore etc. начала XVII вѣка. Суарецъ слѣдовалъ, главнымъ образомъ, Аквинату и Дунсъ-Скоту, но его попытка сочетать различныя схоластическія теоріи привела къ эклектической системѣ, лишенной внутренней связи. *Чичеринъ*: Исторія политическихъ ученій. 1869, ч. I. стр. 389. *Hallam*. Liter. of Europe. v. III. ch. IV. §§ 33, 15—23.

и злѣ. „Неужели можно считать истиной", спрашивалъ онъ, „что сегодня признается, а завтра отвергается? передъ чѣмъ преклоняются по одну сторону горы, или рѣки, и что по другую сторону считается обманомъ?" (¹) Отвергая, такимъ образомъ, естественное основаніе для различія между добромъ и зломъ, самъ Монтэнь производилъ нравственныя понятія изъ законовъ, обычаевъ, вообще,—мнѣній, господствующихъ въ обществѣ. „Все, пользующееся въ обществѣ уваженіемъ, намъ кажется естественнымъ и разумнымъ; напротивъ все, что идетъ наперекоръ установившемуся обычаю, намъ кажется несогласнымъ съ разумомъ, хотя часто случается, что эта вѣра бываетъ весьма неразумна" (²). Непослѣдовательность Монтэня сказывается въ этой оговоркѣ: признавая единственнымъ источникомъ нравственныхъ понятій мнѣнія, господствующія въ обществѣ, онъ допускаетъ неразумность нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній; слѣдовательно самъ признаетъ необходимость ихъ критики и, такимъ образомъ, признаетъ права разума, авторитетъ котораго онъ отрицаетъ. Скептицизмъ Монтэня имѣетъ такой же популярный характеръ, какъ и та теорія интуитивнаго знанія, на которую онъ нападалъ. Отвергая значеніе естественнаго разума, въ качествѣ непогрѣшимаго источника истины и руководителя въ жизни, указывая на самый слабый пунктъ этой теоріи, именно—на невозможность объяснить различіе въ моральныхъ воззрѣніяхъ человѣчества, самъ онъ былъ не въ состояніи замѣнить ее какой нибудь лучшей теоріей. Скептицизмъ Монтэня былъ направленъ противъ теологическаго догматизма, пользовавшагося въ своихъ цѣляхъ теоріей естественнаго права, которая включала понятіе о независимости нравственныхъ убѣжденій отъ государства и его законовъ. Намѣстникомъ правъ Церкви и значенія духовенства, съ упадкомъ средневѣковой жизни, сдѣлалось государство. Законы и учрежденія, какъ нормативное начало человѣческаго поведенія, получили теперь болѣе полное и нераздѣльное господство, чѣмъ они могли имѣть въ средніе вѣка. Вслѣдствіе этого перемѣщенія социальной силы отъ Церкви къ государ-

---

(¹) *Montaigne*: Essays. L. II. ch. XII.

(²) *Ibidem*; L. II. ch. XXII. *Vorländer*: Geschichte der philos. Moral. p. 192—193.

ству, защитники прерогативъ Церкви, особенно, іезуиты, въ своихъ нравственныхъ и политическихъ трактатахъ, выдвигали идею естественнаго, т. е. не зависящаго отъ свѣтской власти, нравственнаго и юридическаго закона, разумѣя подъ нимъ вѣчный божественный законъ, начертанный въ душѣ всякаго человѣка. Въ силу той же причины, писатели свѣтскаго, антитеологическаго направленія, отстаивая исключительныя права государства, относились скептически къ теоріи естественнаго закона. Они становились на сторону ученія о нравственности: *νόμῳ καὶ θέσει*, и выводили моральныя понятія изъ законовъ государства, или обычаевъ страны, и признавали ихъ единственнымъ критеріемъ справедливости. Одни преувеличивали необходимость и всеобщность естественныхъ понятій о нравственности и правѣ, другіе преувеличивали значеніе и обязательную силу законовъ, санкціонированныхъ властію, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и разногласіе людей въ ихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Монтэнь, принадлежавшій къ антитеологической партіи, считалъ высшей обязанностію человѣка послушаніе, пассивное повиновеніе законамъ отечества, и отрицалъ право свободной ихъ критики. Этой чертой онъ сближается, изъ мыслителей слѣдующаго столѣтія, отчасти съ Декартомъ, а всего болѣе съ Гоббзомъ.

Такимъ образомъ, въ обстоятельствахъ времени и въ особыхъ условіяхъ европейскихъ государствъ, заключалась причина, почему первыя попытки въ области наукъ о человѣкѣ, о задачахъ и цѣляхъ его практической жизни, сначала обратились къ политикѣ и юриспруденціи, а не къ этикѣ, какъ наукѣ о нравственности, въ болѣе опредѣленномъ значеніи этаго слова. Въ политическихъ трактатахъ эпохи возрожденія, напримѣръ, у Маккіавелли, нравственная точка зрѣнія подчинялась государственнымъ соображеніямъ [1]. Нравственность раздѣляла судьбу съ религіей, съ которой она была связана тѣснымъ образомъ, и подчиненіе религіи свѣтскимъ соображеніямъ, и Церкви государству влекло за собой такое же подчиненіе и нравственности чисто утилитарной точкѣ зрѣнія и, притомъ, въ узкомъ національномъ смыслѣ. Религія и нравственность приносились

---

[1] «Государь», писалъ Маккіавелли, «долженъ пріобрѣтать себѣ репутацію добродѣтеля,—благочестія, милосердія, вѣрности разъ принятымъ обязательствамъ и т. п. Онъ можетъ даже имѣть эти качества, но все-

въ жертву интересамъ одного государства, или даже одного только главы государства.

Какъ возрожденіе европейской мысли, вообще, совершилось подъ вліяніемъ культурныхъ идей классической эпохи, такъ и возрожденіе практическихъ наукъ о человѣкѣ произошло, отчасти, благодаря распространенію и усвоенію идей римскаго права. Вслѣдствіе вліянія греческой философіи, преимущественно, стоической, въ римскомъ законодательствѣ и въ сочиненіяхъ римскихъ юристовъ идея права, въ ея этическомъ значеніи справедливости (aequitas), не только освободилась отъ подчиненія узкимъ политическимъ цѣлямъ, какъ это было еще въ Греціи, но получила значеніе верховнаго принципа юриспруденціи и законодательства (1). Философское выраженіе эта идея справедливости получила для себя въ теоріи естественнаго закона, (lex naturalis), или естественнаго права (jus naturale), слѣды которой, какъ мы видѣли, замѣтны и въ схоластической литературѣ, но которая получила особое значеніе уже у новыхъ писателей о морали и правѣ. Въ эпоху пробужденія раціонализма, ученіе о естественномъ разумѣ, какъ прирожденной всѣмъ людямъ способности знанія важнѣйшихъ истинъ и правилъ поведенія, нашло для себя вполнѣ благопріятную почву; такъ какъ въ это время человѣческая природа перестала уже разсматриваться испорченной, какъ это было въ средніе вѣка. Напротивъ, возникаетъ снова тотъ свѣтлый оптимистическій взглядъ на человѣка, на его естественную способность къ добру, который былъ господствующимъ у греческихъ мыслителей. Теорія естественнаго права въ томъ видѣ, въ какомъ она возникла у римскихъ правовѣдовъ и какъ она воспроизводилась въ XVI и XVII столѣтіяхъ, не имѣетъ научной цѣны. Какъ было уже замѣчено, она произошла вслѣдствіе смѣшенія и неясности понятій, при отсутствіи сколько нибудь сносной теоріи познанія и правильной исторической точки зрѣ-

---

таки долженъ быть господиномъ надъ самимъ собой, и быть готовымъ поступать вопреки всѣмъ нравственнымъ правиламъ, когда это оказывается выгоднымъ. Operare contro alla humanita, contro alla charita, contro alla religione. Princ. c. XVIII. *P. Janet*: Hist. de la sc. polit. 2 ed. 1872. p. 24.

(1) *H. Maine*: Ancient Law. ch. III. Law of Nature and Equity.

нія на моральный прогрессъ человѣчества. Теорія естественнаго права, предполагавшая однообразіе моральныхъ понятій въ человѣчествѣ во всѣ времена, основывавшая это представленіе на фиктивномъ предположеніи непогрѣшимой способности знанія, нѣкотораго инстинкта истины, будто бы, составляющаго готовый подарокъ природы, была не что иное, какъ фикція, полезная въ ея практическихъ приложеніяхъ, но лишенная всякой научной основы. Ея значеніе заключалось, собственно, въ томъ, что она выдвигала моральную идею справедливости, которая, подъ именемъ закона самой природы человѣка, какъ внушеніе разума, стоящее выше всѣхъ случайныхъ различій между людьми, признавалась въ качествѣ критерія всякаго положительнаго законодательства и всѣхъ правовыхъ отношеній между людьми. Такое значеніе идея естественнаго права имѣла въ древности; такое же значеніе пришлось ей имѣть и въ новой исторіи, пока не былъ открытъ ея фиктивный характеръ и слабая научная основа. Какія бы уклоненія ни представляла эта теорія, у тѣхъ или другихъ писателей, отъ ея первоначальнаго смысла, и какія бы приложенія изъ нея ни дѣлались къ освященію существующихъ несправедливостей и злоупотребленій, или къ слишкомъ поспѣшному опроверженію установившагося уже порядка; во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что теорія естественнаго права вводила идеальную точку зрѣнія на человѣческія отношенія, заявляла требованіе, чтобы всѣ эти отношенія были устроены разумно, сообразно съ идеями разума, которыя, по предположенію, и составляютъ кодексъ естественнаго закона, или естественнаго права. Это требованіе разумнаго порядка въ жизни, съ одной стороны, вело къ критикѣ существующихъ порядковъ, а съ другой—приводило къ ближайшему уясненію, въ чемъ, собственно, долженъ состоять этотъ разумный порядокъ жизни, частной и общественной и, такимъ образомъ, служило импульсомъ къ научнымъ изслѣдованіямъ въ области практическихъ вопросовъ о человѣкѣ.

Теорія естественнаго права получила наиболѣе серьезное научное употребленіе въ той же странѣ, которая первая вступила въ борьбу за свободу религіозную и политическую, гдѣ, въ слѣдующемъ столѣтіи, возникъ религіозный раціонализмъ и свобода мысли, гдѣ находили для себя убѣжище мыслители и другихъ странъ Европы. То обстоятельство, что

та же Голландія, которая произвела Арминія, произвела и Гуго Гроція, основателя новой юридической науки, не было случайнымъ. Твореніе Гроція: De jure belli et pacis, 1625. составляетъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій того раціоналистическаго духа, который одушевлялъ Арминія и его послѣдователей въ ихъ борьбѣ съ кальвинизмомъ, который обнаружился и въ другихъ европейскихъ націяхъ весьма важными фактами ихъ умственной исторіи. Гроцій, первый, сдѣлалъ серьезную попытку научнаго рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ политики и юриспруденціи. Его задача была, собственно, опредѣлить законы международныхъ отношеній между государствами во время войны и мира, но эта цѣль требовала уясненія основныхъ понятій морали и права. Заслуга этого мыслителя состояла въ томъ, что онъ освободилъ юридическія и политическія науки отъ господства теологіи и указалъ имъ независимый принципъ въ идеѣ естественнаго права (¹). Подъ естественнымъ правомъ Гроцій разумѣлъ нѣкоторое правило разума, которымъ опредѣляется характеръ тѣхъ или другихъ дѣйствій,—ихъ согласіе или несогласіе съ разумной природой человѣка и волей Божества. Но въ чемъ, именно, состоитъ этотъ критерій, или это правило разума, точнаго и опредѣленнаго отвѣта Гроцій не представилъ. Въ сочиненіи Гроція, по замѣчанію одного историка философіи права (²), нѣтъ единства принципа, и въ его разсужденіяхъ о предметахъ морали и права не видно строгости метода. Частныя нравственно-юридическія правила онъ выводилъ: то изъ соціальнаго инстинкта, или прирожденнаго чувства благожелательности, то изъ договора между государемъ и подданными, или между частными лицами, то изъ воли правителя государства, или изъ соображеній полезности. Самый предметъ изслѣдованій не былъ точно разграниченъ отъ другихъ родственныхъ сюжетовъ, и точка зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросы политики, права и морали отличается сбивчивостью. Тоже замѣто и у другихъ мыслителей XVII вѣка, писавшихъ

(¹) *Vorländer*: Gesch. d. philos. Moral, Rechts und Staatslehre. p. 29—30.

(²) *Ibidem*. p. 30—31.

подъ вліяніемъ Гроція [1]. Главный недостатокъ этихъ раннихъ теорій морали и права заключается въ отсутствіи правильныхъ понятій о происхожденіи нашего знанія, вообще, и основныхъ этическихъ понятій и правилъ, въ частности,—въ отсутствіи сколько нибудь сносной психологіи нравственныхъ чувствъ и произвольной дѣятельности, а также—въ недостаткѣ историческихъ знаній и пріемовъ изслѣдованія. Этотъ послѣдній недостатокъ былъ причиной разныхъ произвольныхъ гипотезъ, въ родѣ, первоначальнаго контракта, или естественнаго быта человѣчества. Онъ обнаруживался отсутствіемъ всякаго понятія о историческомъ прогрессѣ и развитіи моральныхъ и юридическихъ воззрѣній, а также — оптимистическими воззрѣніями на человѣческую природу, преувеличенными понятіями о ея естественной склонности къ добродѣтели и т. п. Вся широкая сфера соціальныхъ вліяній на человѣка, вся громадная сложность разнообразныхъ отношеній, въ которыхъ находятся нравственныя и правовыя понятія людей съ другими явленіями общественно-государственной жизни, оставалась невыясненной; вслѣдствіе чего, въ старинной моральной юридической литературѣ, мы видимъ постоянные qui pro quo,—постоянную путаницу въ опредѣленіи отношеній между фактами политическаго рода и между моральными и юридическими принципами. Съ нѣкоторыми изъ указанныхъ недостатковъ мы встрѣтимся и въ англійской литературѣ XVII в., посвященной такого же рода изслѣдованіямъ, и тогда мы остановимся на нихъ подробнѣе. Но, во всякомъ случаѣ, эти недостатки, неизбѣжные по тогдашнему состоянію наукъ о человѣкѣ, нисколько не умаляютъ историческаго значенія первоначальныхъ попытокъ великихъ писателей XVII вѣка внести свѣтъ въ запутанную область нравственно-юридическихъ отноше-

---

(1) «Какой характеръ», спрашивалъ Бентамъ, «имѣютъ сочиненія Гроція, Пуффендорфа, Бурламаки? Слѣдуетъ ли ихъ считать политическими, или моральными,—историческими, или юридическими? Написаны ли онѣ съ цѣлью простаго изложенія (expository), или также и критики (censorial)? Эти писатели, кажется, сами точно не опредѣлили предмета своихъ разсужденій». *Bentham*: Introd. to the Princ. of Morals and Legisl. p. 327. *D. Stewart*: Dissertation on the progress etc. P. I. ch. II. § 3. *Mackintosh*: On the progress of Ethics. ed. 1872. p. 54.

ній. Правильныхъ логическихъ и психологическихъ теорій нравственности мы еще долгое время не встрѣтимъ въ философской литературѣ и позднѣйшей эпохи. Социальная точка зрѣнія и историческій методъ начинаютъ заявлять себя только со 2-й половины прошлаго вѣка, а съ достаточной научной строгостью выработаны лишь въ настоящемъ вѣкѣ. Вообще, великихъ писателей о правѣ, въ ихъ собственно юридическихъ изслѣдованіяхъ, нельзя судить съ той же точки зрѣнія, которая приложима къ оцѣнкѣ философскихъ, логическихъ и психологическихъ теорій. Послѣднія у нихъ могутъ быть неудовлетворительны, а первыя—въ высшей степени важны и плодотворны, не смотря даже на тѣ или другія ошибки, возникавшія вслѣдствіе неясности или сбивчивости ихъ философскихъ теорій. Отвергать важное значеніе такихъ мыслителей, какъ Гроцій, или Бентамъ, на томъ лишь основаніи, что они не были психологами, или что они не рѣшили основныхъ вопросовъ морали или права, было бы исторической несправедливостью (1). Первые принципы всякой науки, въ порядкѣ ея развитія, суть послѣдніе ея вопросы. Правда, они представляются иногда научной рефлексіи раньше многихъ частныхъ научныхъ проблемъ, но должны ждать точнаго рѣшенія до тѣхъ поръ, пока множество частныхъ фак-

---

(1) Доказательствомъ того, что психологъ весьма легко можетъ не оцѣнить великихъ заслугъ изслѣдователей въ области юридической, служитъ D. Stewart своимъ несправедливымъ отзывомъ о Гроціи. Dissert. P. I. ch. II. § 3. p. 170—187. Галламъ доказалъ невѣрность критическихъ замѣчаній Стюарта и блистательно защитилъ великое значеніе Гроція въ исторіи юридическихъ наукъ. Liter. of Europe. v. III. ch. IV. §§ 150—225. «Вся этическая философія (Ethical Philosophy)» говоритъ этотъ историкъ, «въ вѣкъ Гроція была хаосомъ безсвязныхъ и произвольныхъ понятій, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ: изъ древнихъ философскихъ школъ, Св. Писанія, у Отцевъ Церкви, изъ каноническаго права, у богослововъ-казуистовъ, раввиновъ, легистовъ,—а также изъ практики и мнѣній всѣхъ цивилизованныхъ народовъ прошлыхъ вѣковъ и тогдашняго времени: Іудеевъ, Грековъ, Римлянъ, торговыхъ республикъ и феодальныхъ государствъ новой Европы. Если Гроцій не совсѣмъ еще выпутался изъ этого, въ высшей степени, запутаннаго лабиринта, то во всякомъ случаѣ онъ выяснилъ многое, и чаще онъ указывалъ другимъ настоящую дорогу даже тамъ, гдѣ самъ еще былъ не въ состояніи идти по ней». *Ibidem*. § 151.

товъ не получатъ для себя надлежащаго освѣщенія, и пока наука не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточный запасъ доказанныхъ и, отчасти, уже систематизированныхъ истинъ. Науки юридическія и моральныя, въ настоящее время, несравненно богаче научными объясненіями и строгими методами изслѣдованія, чѣмъ въ предшествовавшія столѣтія; но коренные вопросы этихъ наукъ объ основаніяхъ нравственности и права до сихъ поръ остаются предметомъ споровъ. Поэтому, требовать рѣшенія, вполнѣ точнаго и строго-научнаго, этихъ проблемъ отъ первыхъ изслѣдователей въ области моральныхъ и юридическихъ наукъ, и судить о значеніи ихъ работъ лишь съ этой точки зрѣнія, было бы на столько же несправедливо, какъ судить о Ньютонѣ на основаніи его метафизическихъ понятій о первой причинѣ движенія. Вообще, правило исторической критики должно быть таково, чтобы каждое научное произведеніе разсматривалось въ связи съ предшествовавшимъ состояніемъ той отрасли наукъ, къ которой оно относится, и оцѣнивалось скорѣе на основаніи того, что внесено имъ новаго въ эту науку, а не того, что оставлено имъ неконченнымъ, или даже незатронутымъ. Насколько тотъ или другой мыслитель исполнилъ ближайшія задачи, поставленныя ему предшествовавшимъ развитіемъ его науки, это должно служить мѣрою его достоинства и историческаго значенія.

Общій выводъ, къ которому приводитъ насъ разсмотрѣніе состоянія этики до начала XVII вѣка, есть неудовлетворительность, недостатокъ научности и несоотвѣтствіе умственнымъ, нравственнымъ и соціально-политическимъ потребностямъ новаго времени. Недовольство схоластической этикой, въ эпоху возрожденія, выразилось, съ одной стороны, въ возрожденіи классическихъ теорій, а съ другой,— религіознымъ протестомъ или реформаціей. Значеніе этихъ двухъ феноменовъ въ исторіи европейской культуры было громадно. Оно опредѣляется, съ наиболѣе общей точки зрѣнія, такимъ образомъ, что дѣйствіе возродившагося классицизма, преимущественно, проявилось въ умственной сферѣ, раціоналистическими тенденціями; тогда какъ дѣйствіе религіозной реформы было гораздо сильнѣе въ сферѣ нравственной, гдѣ оно выразилось свободой совѣсти, правомъ индивидуальнаго сужденія о дѣлахъ вѣры и усиленіемъ личной отвѣтственности человѣка передъ Богомъ. Весьма естественно, что эта

великая перемѣна въ духовной жизни передовыхъ народовъ Европы должна была создать новую науку и философію,— самостоятельныя попытки изслѣдованія дѣйствительности, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и такія же самобытныя стремленія къ рѣшенію философскихъ проблемъ о мірѣ, о человѣкѣ и т. п. Первые успѣхи, въ этомъ стремленіи къ раціональному воззрѣнію на міръ, были сдѣланы въ области естествознанія. Когда науки о человѣкѣ, какъ съ физической, такъ и психической стороны, находились въ младенческомъ состояніи, естествознаніе вступило уже на путь великихъ и поразительныхъ открытій, по которому оно не переставало съ тѣхъ поръ идти съ возрастающимъ успѣхомъ. Нѣтъ нужды перечислять всѣ научныя открытія XVI и начала XVII столѣтій. Достаточно обратить вниманіе на ихъ отношеніе къ философіи вообще (1) и моральной философіи въ частности. Значеніе великихъ открытій въ естествознаніи, съ одной стороны, состояло въ ниспроверженіи схоластической науки и всего аристотелевско-средневѣковаго міровоззрѣнія. Простая, теперь, истина, что природу нужно изучать изъ нея самой, не судить о ней на основаніи предзанятыхъ и плохо составленыхъ понятій, а, на оборотъ, понятія составлять на основаніи изученія природы,—эта истина, составляющая главную мысль Новаго Органа Бэкона, была ясно сознана, лишь благодаря великимъ открытіямъ Коперника, Галилея, Кеплера, Гарвея и другихъ испытателей природы. Но, съ другой стороны, эти открытія имѣли въ выс-

---

(1) Въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи философіи, обыкновенно, мало обращается вниманія на связь новой философіи съ естествознаніемъ. Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec le developpement des sciences de la nature, 1876 г., посмертное сочиненіе *Papillon*'а, далеко не можетъ быть названо удовлетворительнымъ, вслѣдствіе неяснаго пониманія со стороны самого автора отношенія философіи къ естественнымъ наукамъ, что мѣшало ему оцѣнить и историческую зависимость между ними. Нѣкоторыя указанія по этому вопросу можно найти въ сочиненіяхъ: *Duhring*'а: Kritische Geschichte der Philosophie. 3 ed. 1873. Его-же: Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik. *Fr. A. Lange*: Geschichte des Materialismus. 2 ed. 1873. *A. Comte*. Philos. positive. 1830—1842 г., и въ нѣкоторыхъ историческихъ монографіяхъ объ отдѣльныхъ философахъ.

шей степени плодотворное значеніе для новой философіи и въ положительномъ смыслѣ. Новая философія, постепенно освобождаясь отъ рабскаго положенія въ отношеніи къ теологіи, постепенно вступала въ тѣсную и живую связь съ опытными науками о природѣ. Можно сказать, что самымъ своимъ существованіемъ, кромѣ общихъ историческихъ культурныхъ условій, она всего больше обязана новымъ открытіямъ въ астрономіи и физикѣ, небесной и земной механикѣ, а также болѣе точнымъ воззрѣніямъ въ области этнографіи и исторіи. Оцѣнить значеніе каждаго изъ этихъ открытій въ отношеніи къ философіи потребовало бы слишкомъ много времени. Достаточно напомнить, что система Коперника радикально измѣнила старинное телеологическое представленіе о человѣкѣ, какъ цѣли всѣхъ явленій, совершающихся въ мірѣ. Законы движенія, открытые Галилеемъ, вполнѣ измѣнили популярныя понятія Аристотеля о движеніи, и послужили основаніемъ для механическаго міровоззрѣнія, которое подводитъ подъ одну общую научную точку зрѣнія множество явленій, считавшихся прежде совершенно изолированными, въ томъ числѣ, явленія біологическія и психическія, насколько они зависятъ отъ физіологическихъ условій. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что связь философіи съ естествознаніемъ установилась не вдругъ, а по мѣрѣ развитія, съ одной стороны, естественныхъ наукъ, особенно—естественно-научныхъ изслѣдованій человѣческой природы, а съ другой стороны, благодаря успѣхамъ самой философіи,—болѣе строгому приложенію философской критики и философскаго анализа. Допуская важное значеніе для философіи естественно-научныхъ открытій, мы не должны забывать, что философія имѣетъ свой особый кругъ изслѣдованій, въ которомъ она работаетъ самостоятельно, пользуясь данными естественныхъ наукъ, отчасти, какъ исходной точкой отправленія въ своихъ собственныхъ изысканіяхъ, а отчасти—какъ средствомъ повѣрки своихъ обобщеній и заключеній. Отсюда, отношеніе существовавшее между философіей и спеціальными науками, обоюдное: подчиняясь вліянію научныхъ открытій, философія и сама вліяла на спеціальныя науки, давая имъ общія точки зрѣнія, выясняя методы научныхъ открытій, или устраняя ложныя метафизическія теоріи и методы, которые служили однимъ изъ главныхъ препят-

ствій научному росту человѣческаго знанія ([1]). Всѣ возгласы о вредѣ философіи, или о ея полномъ подчиненіи естественнымъ наукамъ, раздающіеся особенно громко въ настоящее время, опираются на слишкомъ узкомъ взглядѣ на задачи и цѣли человѣческаго знанія, а иногда составляютъ результатъ, просто, незнакомства съ философіей и ея исторіей.

Зависимость этики отъ естественныхъ наукъ вообще и отъ естественно-научнаго изслѣдованія человѣческой природы, въ общихъ чертахъ, была указана въ вступленіи къ этому труду ([2]). Это вліяніе сначала не было такъ прямымъ и очевиднымъ, какъ въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ оно существовало, и обнаружилось важными результатами, какъ въ отношеніи принциповъ, такъ и самыхъ методовъ изслѣдованія фактовъ нравственной жизни. Какъ мы видѣли, главный недостатокъ греческой и средневѣковой этики состоялъ въ отсутствіи опредѣленныхъ и точныхъ пріемовъ рѣшенія тѣхъ или другихъ проблемъ, относящихся къ моральной жизни. Въ этомъ отношеніи, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній Аристотеля о практическомъ силлогизмѣ, ничего не было сдѣлано. Блестящіе успѣхи естествознанія, обратили вниманіе на тѣ пріемы изслѣдованія, благодаря которымъ были сдѣланы эти научныя завоеванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникло и постепенно усилилось убѣжденіе, что естественно-научный методъ можетъ и долженъ быть приложенъ также и къ объясненію явленій человѣческой жизни, долженъ сдѣлаться методомъ всѣхъ наукъ, не исключая и тѣхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ факты и продукты психической жизни человѣка. Такъ какъ этика находится въ ближайшемъ непосредственномъ отношеніи къ психологіи, то распространеніе естественно-научныхъ пріемовъ объясне-

---

([1]) Слѣдуетъ допустить, что вліяніе философіи на спеціальныя науки нерѣдко сказывалось и вреднымъ образомъ. Но это зависѣло отъ ретрограднаго характера лишь нѣкоторыхъ періодовъ въ новой философіи, и нѣкоторыхъ системъ, пріобрѣтавшихъ временное господство и имѣвшихъ переходное значеніе. Связь между другими философскими направленіями и естествознаніемъ существовала и прежде, существуетъ и теперь еще тѣснѣе, и должна сказаться выгодно, какъ для самой философіи, такъ и для естественныхъ наукъ.

([2]) Стр. 10—11.

нія на психическія явленія должно было имѣть громадное вліяніе на развитіе моральныхъ наукъ новаго времени; такъ что всѣ успѣхи, такъ называемой, индуктивной психологіи, представляющей, именно, приложеніе естественно-научныхъ пріемовъ объясненія къ психической жизни, были въ тоже время успѣхами этики въ ея теоретическомъ отдѣлѣ. Такимъ образомъ, вліяніе естествознанія на новую этику обнаружилось, прежде всего, болѣе тѣсной связью съ психологіей, чѣмъ это было въ средніе вѣка и даже въ древности, гдѣ психологическія объясненія весьма часто находились въ зависимости отъ метафизическихъ предположеній. Это подчиненіе науки о нравственности психологіи, психологическимъ пріемамъ и теоріямъ, составляетъ особенно выдающуюся черту англійской философіи. Какія послѣдствія имѣло это подчиненіе этики психологической точкѣ зрѣнія, мы увидимъ послѣ. Впрочемъ нужно помнить, что этика, не смотря на свою дѣйствительную зависимость отъ психологіи, все-таки есть особая наука, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ психологіей, или какимъ нибудь отдѣломъ этой науки, напримѣръ, съ психологическимъ ученіемъ о волѣ и ея мотивахъ, или съ анализомъ нравственныхъ чувствъ, или совѣсти. Этика зависитъ не отъ одной только психологіи, но также и отъ другихъ наукъ о человѣкѣ, особенно отъ соціологіи, или науки о законахъ общежитія. Отсюда, исключительное подчиненіе этики психологіи, въ смыслѣ науки объ общихъ законахъ психической жизни, можетъ быть причиной односторонности и даже ложнаго направленія моральныхъ теорій. Исторія англійской этики, какъ увидимъ, представляетъ достаточно примѣровъ этой узкости, исключительно, психологической точки зрѣнія при объясненіи моральныхъ явленій, и одинъ изъ самыхъ существенныхъ ея успѣховъ состоялъ, именно, въ расширеніи научнаго кругозора, благодаря большему вниманію къ соціальнымъ условіямъ нравственной жизни.

Но, во всякомъ случаѣ, правильная теорія психическихъ явленій существенно необходима для науки о нравственности: законы психической жизни должны составлять теоретическую основу практическихъ предписаній нравственной философіи. Даже строго-научное объясненіе фактовъ соціальной и исторической жизни не можетъ обойтись безъ помощи психологіи, которая, вмѣстѣ съ другими основными нау-

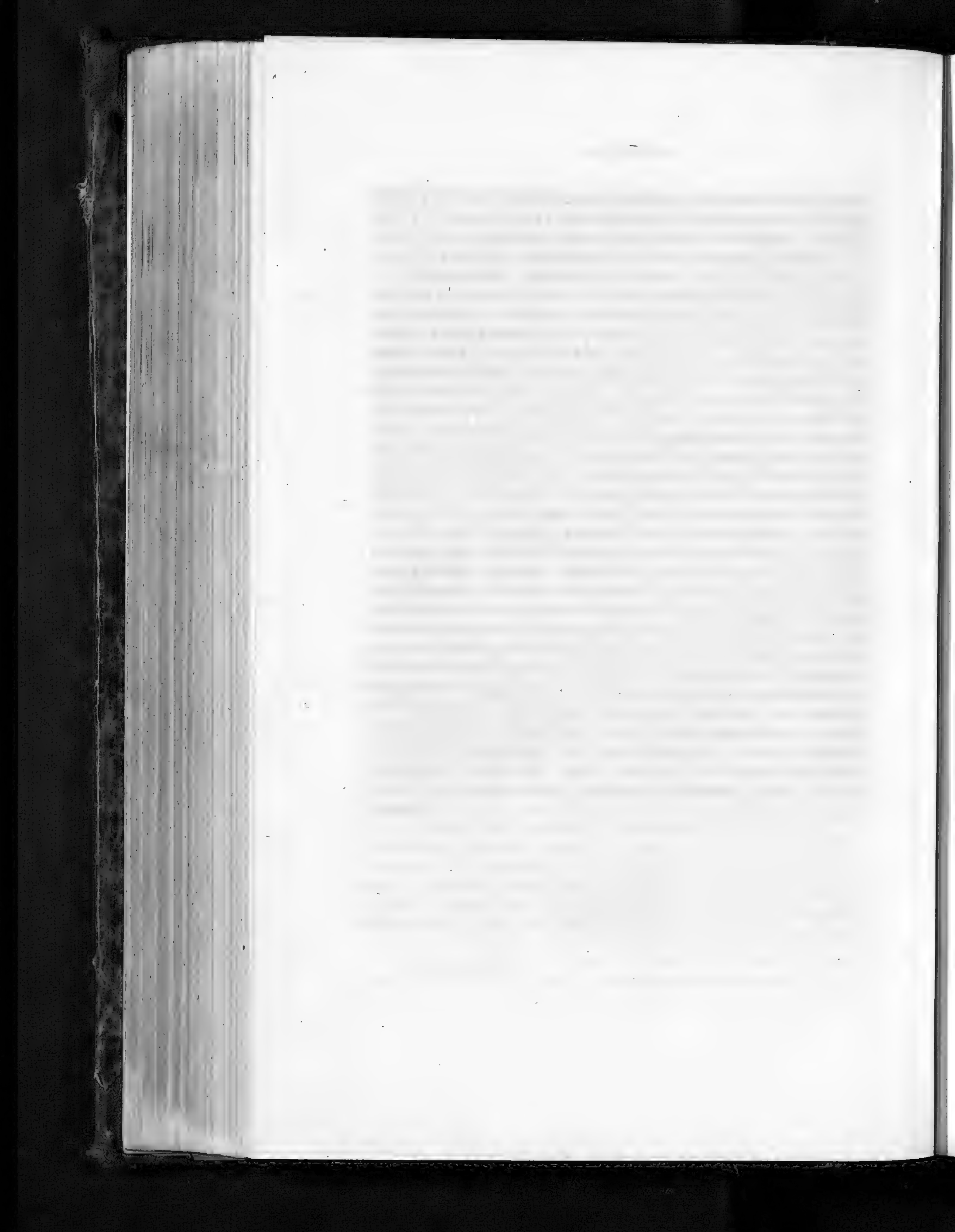
ками о человѣческой природѣ вообще, даетъ, покрайней мѣрѣ, часть тѣхъ общихъ принциповъ, изъ которыхъ выводятся однообразія явленій человѣческой жизни, представляемыхъ человѣческими обществами и государствами ([1]). Вслѣдствіе особыхъ причинъ, напримѣръ, трудности психологическихъ изслѣдованій въ нравственной области и большей доступности для наблюденія явленій, представляемыхъ цѣлыми обществами людей, весьма возможно пренебреженіе психологіей моральной жизни и исключительное или, по крайней мѣрѣ, преобладающее вниманіе къ социальной и политической точкѣ зрѣнія на нравственность. Мы будемъ имѣть случай прослѣдить и это направленіе въ англійской этикѣ, служившее причиной нѣкоторыхъ серьезныхъ ошибокъ англійскихъ моралистовъ утилитарной школы. Дѣлая эти замѣчанія, мы, отчасти, устанавливаемъ ту критическую точку зрѣнія, съ которой, впослѣдствіи, будемъ обсуждать научное значеніе важнѣйшихъ моральныхъ теорій въ англійской философіи. Успѣхи психологіи, болѣе точные пріемы изслѣдованія психологической стороны моральной жизни мы будемъ признавать успѣхами этики, и въ тоже время считать недостаткомъ смѣшеніе специальныхъ задачъ этики съ психологическимъ ученіемъ о нравственности. Съ другой стороны, не менѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ моральной науки служили лучшіе пріемы изслѣдованія историческихъ и соціальныхъ законовъ и условій, видоизмѣняющихъ, тѣмъ или инымъ образомъ, общіе психическіе законы нравственной жизни. Но какъ скоро эта точка зрѣнія, вслѣдствіе еще слабаго состоянія соціальныхъ и историческихъ наукъ, приводила или къ полному отрицанію нравственной жизни въ ея самостоятельномъ значеніи, или къ извращенію ея существеннаго характера; то обязанность исторической критики, отмѣтить эти вредныя послѣдствія, проистекающія отъ односторонняго употребленія, вообще, правильнаго и въ высшей степени плодотворнаго метода. Задача всякой практической науки о человѣкѣ, со стороны его нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы не приносить въ жертву ни индивидуума въ его значеніи, до извѣстной степени, самостоятель-

---

([1]) *J. S. Mill*: System of Logic. v. II. B. VI. ch. IX. X.

наго и лично отвѣтственнаго агента, имѣющаго свои потребности и задачи, ради исключительно общественныхъ соображеній, и не опускать изъ виду этихъ послѣднихъ требованій, во имя личной свободы и правъ индивидуальности.

Правильная комбинація этихъ двухъ точекъ зрѣнія должна отличать, также, и строго-научную теорію нравственной жизни. На сколько новѣйшія изслѣдованія, по крайней мѣрѣ, приблизились къ рѣшенію этой проблемы, мы увидимъ послѣ, при обозрѣніи нѣкоторыхъ современныхъ моральныхъ теорій. Теперь замѣтимъ, что вліяніе естественно-научнаго метода и великихъ открытій въ этой области 2-й половины XVI и начала XVII вѣка на научную обработку этики состояло въ распространеніи идей однообразія природы на произвольныя человѣческія дѣйствія, какъ и на всѣ феномены и обнаруженія психической жизни. Теперь только сдѣлалась возможной научная точка зрѣнія на нравственную жизнь; такъ какъ оказалось, что нравственныя дѣйствія суть явленія, правда, особаго рода, но во всякомъ случаѣ явленія, допускающія такое же объясненіе, какъ и феномены внѣшней природы. Задача науки въ отношеніи къ нимъ опредѣляется общими научными пріемами, которые оказались уже плодотворными въ приложеніи къ природѣ. Научная этика опирается на наблюденіи явленій моральной жизни; она должна, такъ или иначе, классифицировать ихъ, а главное отыскивать ихъ причины, какъ въ внутреннихъ состояніяхъ моральнаго лица, такъ и въ разнообразныхъ внѣшнихъ на него вліяніяхъ. Въ первый разъ это воззрѣніе на человѣческую нравственность было вполнѣ ясно высказано и послѣдовательно проведено въ изслѣдованіяхъ чисто научнаго характера въ Англіи, гдѣ къ началу XVII вѣка сгруппировались всѣ изложенныя условія зарожденія новой научной этики.

ОТДѢЛЪ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПРОМЫСЛОВЫЙ НАЛОГЪ

И

МЕТОДЫ ЕГО УСТАНОВЛЕНІЯ

ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ И РОССІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Дмитрія Львова.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1878.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 20 марта 1878 года.

Деканъ *Н. Кремлевъ.*

La théorie des impots est la véritable legislation du peuple.

Mirabeau.

Глава I.

Общеисторическое развитіе промысловаго налога и его научная догма.

Каждый изъ насъ, обладая извѣстною долею матеріальныхъ средствъ, обязанъ нести вещественныя повинности въ пользу государства. Чтобъ эта обязанность была для всѣхъ равная, чтобъ облагаемость лица была дѣйствительнымъ результатомъ вещественныхъ богатствъ, необходимо, чтобъ величина долей, взимаемыхъ государствомъ изъ имущества плательщика, соразмѣрялась съ объемомъ всего наличнаго состоянія. Равенство обязанности нести повинность выражается въ равенствѣ матеріальной тягости этой повинности, а равенство податной тягости заключается въ соразмѣрности повинности со средствами плательщика.

Матеріальныя средства, которыми лицо можетъ свободно располагать въ пользу государства, состоятъ въ строго-экономическомъ смыслѣ лишь изъ его чистыхъ доходовъ; поэтому финансовая наука признаетъ единственно вѣрнымъ и надежнымъ податнымъ источникомъ чистый доходъ, и теоретически—совершеннымъ видомъ налоговъ—налогъ подоходный. Считается финансовой аксіомой, что налогъ не долженъ касаться капиталовъ, что, затрогивая послѣдніе, налогъ уничтожаетъ самъ себя: couper l'arbre au pied pour en cueillir les fruits, какъ говоритъ *Сэй*. Будучи взи-

маемъ съ чистаго дохода плательщика, не касаясь слѣдовательно капиталовъ и коренныхъ имуществъ, подоходный налогъ не противорѣчитъ интересамъ частныхъ хозяйствъ и въ законѣ своего движенія идетъ параллельно съ хозяйственнымъ ходомъ частныхъ имуществъ. По выраженію *Умпфембаха*, подоходный налогъ въ его податномъ дѣйствіи захватываетъ наравнѣ съ объективнымъ и субъективный доходъ лица, т. е. принимаетъ во вниманіе наравнѣ съ вещественными признаками и личныя пріобрѣтательныя способности плательщиковъ. Тѣмъ не менѣе начала этого налога не легко примѣняются на практикѣ, особенно въ отношеніи источниковъ дохода, состоящихъ въ движимыхъ имуществахъ и въ производствѣ разныхъ отраслей промышленности и торговли. Въ самомъ дѣлѣ возможно-ли въ точности въ каждый данный моментъ опредѣлить податную величину получаемыхъ промышленниками доходовъ?

Дѣйствительное существованіе и мѣра промысловыхъ прибылей не могутъ быть осязаемы; они опредѣляются во всей своей полнотѣ лишь по истеченіи нѣкотораго времени, по совершеніи нѣкоторыхъ экономическихъ событій, послѣ того накопецъ, какъ будетъ вполнѣ завершенъ экономическій процессъ производства. Для вывода-же чистаго дохода промышленниковъ помощью особыхъ финансовыхъ учрежденій, или при посредствѣ членовъ общины и чиновниковъ фиска потребуется принятіе мѣръ розысканія стѣснительныхъ для плательщика [1]. Владѣлецъ капитала, какъ говоритъ *Адамъ Смитъ*, есть гражданинъ всего міра, и онъ не замедлитъ оставить государство, въ которомъ его подвергаютъ стѣснительнымъ обыскамъ для обложенія налогомъ, и переведетъ свой капиталъ въ страну, въ которой онъ можетъ свободно вести свой промыселъ и пользоваться имуществомъ безъ притѣсненій.—Даже и тотъ опытъ подоходнаго обложенія промысловъ, какой мы видимъ въ англійскомъ incomme-tax, представляетъ много несовершенствъ и трудно примѣнимъ на практикѣ, потому что промышленники, болѣе чѣмъ остальные плательщики, имѣютъ возможность скрывать свои доходы, или низводить ихъ до миниму-

---

[1] *Краниxфельдъ*: «О налогахъ взимаемыхъ по доходу». Спб. 1857, стр. 110.

ма, который по закону не подлежитъ обложенію. По отзывамъ податныхъ коммиссаровъ, англійскій подоходный налогъ, представляя собою совершенную форму обложенія податныхъ объектовъ вообще, въ отношеніи торговыхъ и промышленныхъ доходовъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія, и здѣсь скорѣе носитъ характеръ добровольной складчины, чѣмъ государственнаго налога, исключительно основываясь на добросовѣстности показаній плательщика ([1]). Но горе въ томъ, что наряду съ добросовѣстностью, весьма не рѣдко, особенно въ средѣ лицъ промышленнаго класса, встрѣчаются положительные обманы и наглая ложь: разъ, по распоряженію парламента, были обнародованы оффиціальныя данныя, въ которыхъ значилось, что число плательщиковъ, подлежавшихъ incomme-tax по разряду D, т. е. промышленниковъ, не болѣе 150 тысячъ; что, конечно, вполнѣ невѣроятно въ странѣ, гдѣ большая часть народонаселенія занята торговлею и разными промыслами; *Times* немедленно заявилъ, что такія свѣдѣнія совершенно неправдоподобны, и что оцѣнка промысловыхъ доходовъ есть ничто иное, какъ сплетеніе лжи и обмана ([2]).

Существуютъ и общія неудобства установленія подоходнаго налога.—Всѣ согласны, что единицей здѣсь служитъ чистый доходъ, но что такое *чистый доходъ?* Одни называютъ такъ ту часть валоваго дохода, которая остается за вычетомъ издержекъ производства (объективно-чистый доходъ); другіе требуютъ, чтобъ изъ общаго прихода были вычтены не только издержки производства, но и расходы на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей субъекта (субъективно-чистый доходъ). Напротивъ Германъ и его школа ([3]) совершенно отвергаютъ понятіе чистаго дохода, замѣняя его терминомъ *roh—ertrag*, валовой приходъ, т. е. та сумма средствъ, которую человѣкъ безъ ущерба

([1]) *Князь Васильчиковъ*: «О самоуправленіи». Т. III. Спб. 1871 г. стр. 53.

([2]) *Мильгаузенъ*: «Подоходная подать въ Англіи». Моск. Унив. Изв. 1872 № 1 стр. 55. Тоже *Карлъ Марксъ*: «Капиталъ». стр. 559.

([3]) «Staatswirtschaftliche Untersuchungen». 1832 г. Гл. IX, также *Шмоллеръ* и *Шефле* Ср. *Лебедевъ*: «О поземельномъ налогѣ». Спб. 1868, стр. 11.

своему имуществу можетъ израсходовать на удовлетворенiе потребностей своихъ и своего семейства.—Вообще въ практическомъ примѣненiи подоходнаго налога встрѣчается масса трудно преоборимыхъ препятствiй, и онъ, по выраженiю *Герстнера*, всегда былъ квадратурою круга въ податной политикѣ; признавая напр. что податная обязанность исчезаетъ въ моментъ, когда дохода неоказывается, хотя-бы было имущество и большей цѣнности, неизбѣжно придемъ па практикѣ къ неразрѣшимымъ противорѣчiямъ; лордъ Веллингтонъ приказалъ вложить въ рамку и повѣсить на стѣну билетъ Англiйскаго банка въ 100,000 ф. стер.; пришлось-бы эту часть его имущества освободить отъ дѣйствiя подоходнаго налога, потому что Англiйскiй банкъ не платитъ процентовъ на свои билеты (¹). Становится понятнымъ, почему ученые финансисты и государственные люди не одинаково смотрятъ на значенiе этого налога; въ то время, какъ одни (Парьё) привѣтствуютъ его если не какъ свѣтлый день, то по крайней мѣрѣ какъ зарю новой жизни,—другiе (Водрильяръ) иронически замѣчаютъ: зачѣмъ подниматься зарѣ, издающей мало свѣта, если небо страшно заволочено тучами?! (²).

При трудности непосредственнаго обложенiя чистыхъ доходовъ и прибылей, финансовая теорiя и законодательная практика должны пока руководствоваться извѣстными внѣшними признаками (indications), указывающими на сравнительную доходность занятiй и по этимъ признакамъ опредѣлять податную долю—въ томъ предположенiи, что они находятся въ извѣстномъ соотношенiи съ величиною проистекающихъ изъ занятiй доходовъ;—и такъ какъ такое предположенiе оправдывается наукой, такъ какъ на практикѣ вещественные признаки состоятъ въ тѣсной связи съ одной стороны съ имуществами, съ другой—съ проистекающими изъ нихъ доходами, то эти признаки, разные облагаемые налогомъ объекты (steuerobjecte) способны указывать болѣе или менѣе вѣрно на дѣйствительную цифру чи-

---

(¹) *Патлаевскiй*: «О подоходныхъ налогахъ». Сборн. госуд. знанiй т. 4 стр. 109.

(²) Мнѣнiя pro и contra собраны въ статьѣ *Черняева*: «О подоходномъ налогѣ», В. Е. 1878, № 8, стр. 612—634.

стаго дохода; нѣкоторые, какъ *Штейнъ*, выражаютъ надежду, что экономическая наука, имѣющая предметомъ изученіе естественныхъ отношеній производства, современемъ откроетъ естественные внѣшніе масштабы, которыми легко будетъ измѣрять, не прибѣгая къ розысканіямъ имуществъ, величины получаемыхъ плательщиками доходовъ; но и теперь напр. въ основаніе податнаго обложенія недвижимости, законодатель полагаетъ,—какъ признакъ, нормальный доходъ, полученіе коего представляется вѣроятнымъ въ извѣстный моментъ времени и въ извѣстной мѣстности, или напр. въ косвенныхъ налогахъ издержки потребленія указываютъ законодателю вѣроятный объемъ матеріальныхъ средствъ, коими располагаетъ потребитель.—Къ разряду налоговъ, распредѣляемыхъ по извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ, какъ податнымъ объектамъ, слѣдуетъ отнести и промысловый налогъ.

Промысловый налогъ есть налогъ имущественный. Занимая самостоятельное мѣсто въ финансовой системѣ, онъ имѣетъ своимъ объектомъ промыслы, а источникомъ промысловый доходъ предпринимателей. Здѣсь податной капиталъ берется не какъ самостоятельный факторъ производства, а какъ примѣняемый къ промыслу личною дѣятельностью плательщика; здѣсь нѣтъ розысканій субъективныхъ доходовъ, окладъ заранѣе вычисляется по средней вѣроятной выручкѣ, по извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ; затѣмъ, получается-ли на самомъ дѣлѣ съ промысла доходъ или нѣтъ,—вопросъ второстепенной важности; въ томъ и другомъ случаѣ налогъ долженъ быть уплаченъ, потому что окладъ вычисленъ заранѣе. Государство и финансовая практика въ принципѣ имѣютъ лишь дѣло съ существующими въ странѣ имуществами, какъ внѣшними податными величинами, не вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь послѣднихъ; полицейско-административная дѣятельность не входитъ въ область финансовъ, „гдѣ частныя имущественныя права остаются не нарушимыми, нормальными и правильными, гдѣ именно признаніе этихъ правъ даетъ справедливое основаніе и мѣру податной обязанности“ (¹). Не вторгаясь въ интимную жизнь промышленника, строго соблюдая неприкосно-

(¹) *Патлаевскій*: l. c. стр. 114.

венность свободы промышленной дѣятельности, финансовая податная администрація въ окладѣ налога соображается лишь съ размѣрами промысла.—Но всего лучше теоретическое понятіе выясняется путемъ разсмотрѣнія прошлыхъ судебъ промысловаго налога въ историческомъ его развитіи.

Современная строго-классифицированная система разсматриваемаго налога, обнимающая собою всю совокупность существующихъ въ странѣ промысловъ, есть продуктъ девятнадцатаго столѣтія. Довольно сложный механизмъ оцѣночныхъ пріемовъ, необъятное разнообразіе промысловъ, классификація и кадастръ ихъ—все это представляетъ большія трудности, для преодолѣнія которыхъ потребно отчетливое и ясное пониманіе хозяйственной жизни и ея началъ; съ другой стороны, самый промысловый налогъ измѣнчивъ до безконечности и не имѣетъ того постоянства, какимъ отличается напр. налогъ поземельный. Отсюда понятно, что идея его была чужда древнимъ. Прослѣживая въ настоящемъ краткомъ историч. очеркѣ постепенное развитіе этого налога, начиная съ классическихъ народовъ—грековъ и римлянъ, мы видимъ здѣсь едва замѣтные зачатки податнаго обложенія промысловъ. Въ то время промышленная жизнь была настолько подавлена, что въ собственномъ смыслѣ не существовало и объекта для дѣйствія промысловаго налога; какъ говоритъ *Адамъ Смитъ*, во многихъ греческихъ государствахъ торговля была предметомъ запрещеннымъ, занятіе промыслами считалось приличнымъ лишь для рабовъ; презрѣніе къ труду, рабство и невольничество препятствовали развитію и правильному пониманію классическими народами экономическихъ идей (¹).

Приведемъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя не безъинтересныя подробности. У Афинянъ было въ обычаѣ при ссорѣ укорять противника въ мелочномъ торгѣ на рынкѣ, и Солонъ долженъ былъ издать особый законъ, запрещающій позорить другаго ради промысла (²). *Платонъ* учитъ, что

(¹) *Осокинъ*: «О постепенномъ развитіи экономическихъ идей». Ж. М. Н. П. Ч. 46—отд. 2. стр. 51. Тоже *Штиглицъ*: «Обзоръ исторіи политич. экономіи». Ж. М. Н. П. ч. 15. стр. 287.

(²) *Адольфъ Бэръ*: «Ист. всемір. торговли» перев *Циммермана* М. 1876 г. т. I. стр. 61.

купцы, привыкшіе лгать и обманывать, могутъ быть терпимы въ государствѣ, какъ неизбѣжное зло, и что гражданинъ, который унизится до торговли въ лавкѣ, достоинъ наказанія за такое преступленіе ([1]); въ религіозномъ представленіи классическаго народа богъ Меркурій считался покровителемъ за одно купцовъ . . . и воровъ; при отсутствіи частной иниціативы въ дѣлѣ промышленности и торговли, *Ксенофонтъ*, писавшій о доходахъ Аттики, совѣтывалъ самому государству вмѣшаться въ промышленную дѣятельность народа и захватить въ свои руки, если не всю, то большую ея часть ([2]). По закону *Залевка* въ спартанскомъ городѣ Локрахъ допускался лишь простой торгъ земледѣльца собственными земными плодами, и никакъ не перепродажа изъ вторыхъ рукъ ([3]). *Ликургъ* для поддержанія равенства гражданъ совсѣмъ запретилъ въ Спартѣ торговлю, промышленность и всякія сношенія съ иностранными народами ([4]). Дѣло доходило до того, что разъ существовало предположеніе обратить въ рабовъ всѣхъ свободныхъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе ремеслами ([5]).

Тоже—и въ воинственномъ Римѣ. Этотъ городъ уважалъ лишь заслуги и добродѣтели воина; римлянинъ громко проповѣдывалъ презрѣніе ко всѣмъ ручнымъ работамъ и мирнымъ занятіямъ мастерской, и тотъ, говоритъ *Левассёръ*, кто гордился тѣмъ, что самъ правитъ возомъ, стыдился-бы обогатиться торговлею ([6]). *Цицеронъ* пишетъ своему сыну, что всѣ пріобрѣтающіе средства къ жизни промышленнымъ трудомъ, торговлею, лишь унижаютъ себя, такъ какъ чувство благородства не можетъ родиться въ лавкѣ ([7]). *Се-*

([1]) *Ад. Бланки*: «Истор. Пол. Экон.». Спб. 1869 г. т. I. стр. 56.

([2]) *Осокинъ*: «Объ организаціи финансоваго управленія въ Афинахъ» Уч. Зап. Каз. Ун. 1853 г. кн. 4. стр. 140.

([3]) *Адольфъ Бэръ*: l. c. стр. 57.

([4]) *Циммерманнъ*: «О таможняхъ и промышленности древнихъ народовъ». Спб. 1859 г. стр. 21.

([5]) *Рычковъ*: «О цехахъ». Русск. Вѣст. 1863 г. № 10. стр. 792.

([6]) «Histoire des classes ouvrieres en France». I. p. 6.

([7]) *Ne quidquam ingenuum potest habere officina* ... и далѣе: Mercatura si tenuis est, sordida putanda est; siu autem magna et copiosa multa undique apportans, non est admodum vituperanda... Nihil enim proficiunt

нека пришолъ въ негодованіе отъ того, что одинъ изъ современныхъ ему писателей приписывалъ философамъ изобрѣтеніе ремесла, а Императоръ *Августъ* утвердилъ смертный приговоръ противъ сенатора Овинія за то, что онъ унизился до заведенія фабрики (¹). Впрочемъ то, что у римлянъ называлось фабриками, въ сущности были мастерскими заведеніями, на которыхъ работали рабы (²). Изъ класса римскихъ ремесленниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые составляли отдѣльные цехи, извѣстны: булочники, повара, сапожники, цирульники; были улицы хлѣбныхъ торговцевъ, шорниковъ, стекольщиковъ, дровяниковъ, торговцевъ серпами (³); въ Греціи были: плотники, формовщики, мѣдники, кузнецы, каменщики, красильщики, золотоплющильщики, костяники, токари, живописцы, рѣзчики, канатчики, ткачи (⁴). Но и та промышленность, которая существовала, была опутана сѣтью таможенныхъ пошлинъ, подъ разными именованіями сбиравшихся съ продаваемыхъ товаровъ; пошлинами были обложены какъ естественныя произведенія страны, такъ и прекрасныя ткани востока, духи, золотая и серебряная посуда; какъ въ Греціи такъ и въ Римѣ платили десятую, двадцатую и сотую часть съ цѣны продаваемаго товара; отъ платежа пошлинъ не освобождалась даже и покупка рабовъ, и философъ Ксантій, купившій Езопа въ Самосѣ, съ трудомъ выхлопоталъ право вывести его безпошлинно (⁵). Тоже подтверждаетъ *Плутархъ*, который въ разсужденіи „о любопытствѣ" жалуется, что таможенные агенты не только во всей

---

mercatores, nisi admodum mentiantur, т. е. мелочная торговля есть дѣло постыдное; если же производится въ обширныхъ размѣрахъ ради снабженія страны, то тогда представляется по меньшей мѣрѣ лишь терпимымъ занятіемъ, потому что торговцы не пріобрѣтаютъ барыша, не употребляя обмана. De officiis. кн. I, 42.

(¹) *Ад. Бланки* l. c. I. стр. 89.

(²) Ibid. стр. 79.

(³) *Комаровскій*, «Очерки Рима въ финан. и экономич. отношеніяхъ», въ прилож. къ Моск. Унив. извѣстіямъ за 1869 г. стр. 109—113 О римскихъ цехахъ *Бэръ* l. c. стр. 93.

(⁴) *К. Страшкевичъ*: «Краткій очеркъ Греч. древн.», Приб. къ Кіев. Унив. Изв. за 1864 г. стр. 442.

(⁵) *Циммерманнъ*: «О таможняхъ», стр. 20. 22, 40.

строгости осматриваютъ товары представляющіеся ихъ взорамъ, но безпощадно роятся въ чемоданахъ и ящикахъ, не заботясь о цѣлости вещей ([1]); одни изъ этихъ пошлинъ взимались въ гаваняхъ (portoria), другія по большимъ дорогамъ, мостамъ, перевозамъ (vectigalia) ([2]).

Если такимъ образомъ промыслы, какъ податной объектъ, находились у классическихъ народовъ въ зачаточномъ состояніи, то само собою разумѣется, не могла быть совершенно развитою и соотвѣтствующая имъ система промысловаго обложенія. Какъ въ Греціи такъ и въ Римѣ капиталистъ—купецъ и фабриканты наравнѣ съ другими гражданами подлежали, за отсутствіемъ спеціальнаго налога, платежу съ своихъ капиталовъ общей имущественной подати (tributum ex censu). Первый разъ такой налогъ былъ собранъ во время Пелопонезской войны въ размѣрѣ 200 талантовъ. При архонтѣ Навсиникѣ причисленные къ высшему классу платили пятую часть своего имущества; норма налога была 20%, но бѣдные платили меньше ([3]). Отсюда видно, что налогъ этотъ былъ прогрессивный. Въ составъ объектовъ входили и рабы, владѣльцы коихъ платили за нихъ поземельный или промысловый налогъ соотвѣтственно тому, употреблялись-ли рабы при земледѣльческихъ работахъ, или работали на мастерскихъ и фабрикахъ. Впослѣдствіи была установлена спеціальная промысловая подать (lustralis collatio), которою были обложены дома терпимости; равнымъ образомъ и въ Римѣ въ царствованіе Каллигулы даже проститутки—одиночки платили налогъ. Такимъ образомъ промысловый налогъ произошелъ на свѣтъ при обстановкѣ, которую нельзя назвать благовидною, и которая, по выраженію *Пфейфера*, по видимому не предвѣщала новорожденному дѣтищу блестящей будущности ([4]).—Lustralis collatio называлась такъ потому, что граждане несли податную тягость безъ измѣненія *пять* лѣтъ. Это — всеобщая по-

---

([1]) Ibid. стр. 41.

([2]) *Комаровскій*: l. c. стр. 51.

([3]) *Страшкевичъ*: l. c. стр. 340.

([4]) «Die staatseinnahmen». 1866 г. S. 190.

дать, которую кромѣ проститутокъ съ теченіемъ времени стали платить всѣ занимающіеся промыслами. Какъ говоритъ *Гиббонъ* ([1]), почтенный коммерсантъ Александріи,— привозившій драгоцѣнные каменья и пряности Индіи, ростовщикъ, тайно извлекающій постыдный доходъ изъ своего промысла, смѣтливый фабрикантъ, прилежный ремесленникъ и даже мелочной лавочникъ отдаленной деревни, обязаны были дѣлиться своими барышами съ чиновниками фиска и римскими императорами, изъ-за фискальныхъ цѣлей допускавшими публичный развратъ, и негнушавшимися принять долю въ постыдномъ заработкѣ проститутокъ. Даже бѣдный башмачникъ не могъ уклониться отъ платежа налога, и я видѣлъ, говоритъ *Либаній*, какъ нѣкоторые изъ нихъ поднимали свой ножъ къ небу, произнося клятву, что въ этомъ заключается все ихъ достояніе, но и эта клятва не смягчала сборщиковъ подати ([2]). Платежу lustralis collatio ([3]) по закону подлежали всѣ такъ называемые mercatores или negotiatores, и такъ какъ этимъ терминамъ придавали обширное значеніе, то на практикѣ этотъ налогъ платили всѣ, занимающіеся какимъ либо промысломъ; сюда причислялись чиновники, придворные, декуріоны, лица служащія при храмахъ, т. е. какъ люди высшихъ профессій, такъ и всѣ занимающіеся самыми незначительными и низкими промыслами: разнощики, чеботари, проститутки и самые содержатели публичныхъ домовъ, а равно и тѣ, которые часто посѣщали мѣста разврата (scortatores). Сборъ съ послѣднихъ промысловъ, какъ оскорбляющихъ нравственное чувство, запрещалось вносить къ государственную казну и онъ шелъ на постройку и ремонтировку общественныхъ театровъ, цирковъ, и вообще мѣстъ предназначенныхъ для публичныхъ зрѣлищъ. Впрочемъ были промыслы, которые законъ освобождалъ отъ налога, каковы земледѣльцы и колонисты, если ихъ торговля ограничивалась продажей продуктовъ жатвы, живописцы, если продавали свои соб-

---

([1]) «Histoire de la chuse de l'impire romaine». chap. XVII.

([2]) *Parieu:* «Traite des impots». I p. 281.

([3]) Иначе называлась *chrysargire*, потому что выплачивалась золотомъ и серебромъ.

ственныя произведенія, промышленники съ трудомъ добывающіе себѣ средства пропитанія какъ: горшечники, работники, тѣ которые убирали и хоронили мертвыхъ, писцы, ветераны если ихъ торгъ не превышалъ извѣстный максимумъ; доставляющіе Риму съѣстные припасы судовщики, наконецъ тѣ изъ городовъ, которые разсматривались ut universitates. При сборѣ налога не позволялось дѣлать какихъ либо снисхожденій, такъ какъ, по убѣжденію римлянъ, снисхожденіе оказанное нѣкоторымъ, могло бы здѣсь служить ущербомъ для цѣлаго народа. Что касается распредѣленія этого налога, то съ этою цѣлью были заведены особыя книги—матрикулы, куда записывались всѣ подлежавшіе платежу; распредѣленіе совершалось не декуріономъ, но самими плательщиками, или ихъ уполномоченными; изъ чего слѣдуетъ, что налогъ былъ распредѣлительный, но не долевой; величина подати составляла 50-ю долю или 2%; изъ источниковъ не видно, была-ли эта податная доля съ капиталовъ, затраченныхъ въ промыселъ, или вообще—съ доходовъ, изъ какихъ бы источниковъ послѣдніе ни проистекали. *Серриньи* (1) податной единицей считаетъ здѣсь промысловые доходы, исчисленные приблизительно, но не самые капиталы, такъ какъ изъ числа промысловъ, подверженныхъ этому налогу, многіе производились безъ капиталовъ.—Описанный налогъ не пользовался популярностью въ Римѣ, и императоръ Анастасій въ 501 году рѣшилъ отмѣнить его, какъ налогъ презрѣнный, противный божеству и недостойный самихъ варваровъ (vectigal miserabile prorsus, Deoque invisum et barbaris ipsis indignum) (2).

Переходя къ среднимъ вѣкамъ, мы видимъ, что здѣсь форма промысловаго обложенія въ своемъ происхожденіи и развитіи зависила отъ существовавшихъ тогда государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Въ податномъ отношеніи Штейнъ отдѣляетъ промыслы городскіе отъ сельскихъ, говоря, что тѣ и другіе въ отношеніи промысловаго обложенія развивались въ средніе вѣка самобытно, независимо

(1) «Extrait de la Revue critique de legislation et de jurisprudence» Decembre 1861, p. 513.

(2) Cod. just. I, L. XII. Cp. *Parieu*: «Traite des impots». I, p. 283.

другъ отъ друга, что тѣмъ и другимъ соотвѣтствовала особая система промысловаго обложенія (¹).

а) Городскіе промыслы, какъ извѣстно, были сосредоточены въ купеческихъ гильдіяхъ (gilde) и ремесленныхъ цехахъ (zeche, zunft). Гильдія—gilde, gillena, gilda— слово родственное geld, и означаетъ по *Пиреру*: 1) общество для увеселенія 2) общество, братство 3) цехъ 4) добровольный почетный подарокъ 5) налогъ, подать (²). Въ послѣднемъ значеніи это слово принимается напр. въ Россіи, гдѣ „заплатить гильдію" значитъ внести гильдейскую подать. Ученые несогласны относительно мѣста происхожденія гильдій. Одни (³) доказываютъ происхожденіе гильдій изъ Скандинавіи, другіе (⁴) видятъ въ нихъ остатокъ римскихъ цеховыхъ учрежденій, наконецъ нѣкоторые (⁵) предполагаютъ одновременное ихъ происхожденіе у скандинавовъ и германцевъ. По своему первоначальному происхожденію гильдіи были общества, собиравшіяся для общественныхъ увеселеній; во времена язычества этимъ увеселеніямъ придавалось религіозное значеніе; на нихъ отправлялось богослуженіе языческимъ божествамъ, почему христіане назвали ихъ *діавольскими гильдіями*—diavole gilde. Въ эпоху христіанства образовались духовныя и свѣтскія гильдіи; первыя имѣли главною цѣлью молитву и назиданіе (гильдіи святаго Канута, святаго Эриха, гильдіи Святой Троицы); вторыя при учрежденіи имѣли разнообразныя цѣли—благотворенія, защиты и взаимной помощи; иногда просто цѣли сельско-хозяйственныя (⁶). Но по большей части они учреждались для охраненія торговыхъ и промышленныхъ интересовъ;—отсюда *купеческія* гильдіи и *ремесленные* цехи. Такъ уже въ

(¹) «Lehrbuch FW.» s. 273.

(²) «Universal Lexicon» 1842 г. art: *gilde*.

(³) *Grimm*: «Deutche Rechtsalterthumer» 1845 г. p. 481.

(⁴) *Rotteck und Welcker*: «Das staatslexicon» т. 6. art: Gewerbe. p. 456.

(⁵) *Wilda*: «Das gildenwesen im mittelalter». 1831 г. s. 330. Ему слѣдуетъ *Дитятинъ*: «Устройство и Управленіе городовъ Россіи». Спб. 1875. стр. 258.

(⁶) Такъ были напр. *коровьи* гильдіи, имѣвшія цѣлью попеченіе о скотѣ.

943 году въ Равеннѣ существовала гильдія рыбаковъ, въ началѣ 1106 года такая-же гильдія появилась въ Вормсѣ, въ 1282 году въ Парижѣ учреждена гильдія мясниковъ; въ Страсбургѣ въ концѣ X вѣка всѣ промышленники раздѣлялись на тринадцать гильдій, изъ которыхъ одна была купеческая и двѣнадцать ремесленныхъ; во Флоренціи и Бергамо въ XII вѣкѣ юристы, нотаріусы и врачи образовали особыя гильдіи; въ 1340 году возникло первое цеховое общество въ Вѣнѣ, въ 1368 году—въ Аугсбургѣ (¹); около того-же времени образовались цехи и гильдіи и въ Россіи, преимущественно въ нынѣшнихъ Остзейскихъ губерніяхъ (²). Всѣ означенныя гильдіи и цехи представляли собою не только извѣстные разряды промысловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служили внѣшними финансовыми единицами, на которыя упадали разные повинности и налоги. Они были обложены налогомъ на основаніи того, что согласно средневѣковымъ порядкамъ право на производительную дѣятельность принадлежало къ числу регальныхъ правъ короля; средневѣковый король считался—dominus, cujus est terra et plenitudo ejus; всякая собственность исходила отъ него и особенно собственность поземельная. Такъ какъ власть его, какъ верховнаго сюзерена страны, распространялась на всю землю, которую занимали граждане, то величина королевскихъ налоговъ, строго говоря, опредѣлялась первоначально пространствомъ заселяемой городами земли; въ окончательномъ видѣ податной окладъ, падавшій на каждаго плательщика порознь, установлялся самими-же плательщиками, принимавшими въ соображеніе размѣръ получаемаго каждымъ промысловаго барыша, сообразно величинѣ участка земли, занимаемаго усадьбой плательщика и т. п., только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ платимый горожанами на-

---

(¹) *Бэръ*: l. c. т. I. стр. 112.

(²) Здѣсь существовали гильдіи святаго Іоанна, св. Маріи, св. Антонія, Маріи-Магдалины.—*Bunge*: «Das Liv-und Esthlandische privatrecht». ч. 1. § 50. О цехахъ въ Литвѣ см. Собраніе древн. грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковно, Трокъ 1843 г. № 87—97. Такъ-же: «Историческо-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ». в. VIII. Витебскъ 1877. стр. 105 и слѣд.

логъ могъ называться налогомъ промысловымъ, и, очевидно, не имѣя характера государственнаго налога, былъ въ сущности налогомъ *общиннымъ* (gemendesteuer).—Впослѣдствіи, когда многіе промыслы сдѣлались регаліями королевской власти, общественные промысловые налоги получили значеніе государственныхъ, будучи взимаемы за отдѣльныя привиллегіи, за королевскія пожалованія, которыя давали извѣстнымъ лицамъ право заниматься регальнымъ промысломъ; такія привиллегіи давались и цѣлымъ городамъ: Лондонъ за привиллегію заплатилъ королю Генриху I-му 100 фунтовъ; городъ Амьенъ исхлопоталъ привиллегію за наличныя деньги у Людовика VI и Филлипа II. Равнымъ образомъ ленные владѣльцы не рѣдко продавали городамъ права за извѣстныя суммы: графъ Поатье продалъ Аббевилю и Дурлежу въ 1100 году право на учрежденіе общины; графъ Вермандуа въ 1111 году продалъ тоже право Сен-Кентену,—епископъ Нойонскій—Нойону (¹). Въ удостовѣреніе означеннаго права брали патентъ за извѣстную денежную сумму по установленной таксѣ. Отсюда начало *долевыхъ* патентныхъ налоговъ за право торговли и промысловъ, которые, какъ не соразмѣряемые съ дѣйствительными средствами плательщика, упадали собственно на личныя его дѣйствія. Если судить по извѣстному средневѣковому законодательному памятнику „Etablissements des metiers de Paris", гдѣ изчислено свыше полутораста разныхъ ремеслъ (²), то слѣдуетъ полагать, что королевскіе доходы съ этой статьи были довольно значительны. Вообще средневѣковый промышленникъ подвергался разнообразнымъ сборамъ, которые взимались при внесеніи въ книгу мастеровъ; здѣсь онъ платилъ королевкія пошлины пріемныя, полицейскія, на открытіе лавки, давалъ взятку старшинѣ и присяжнымъ, дѣлалъ подарки экзекутору и писарю, вознаграждалъ мастеровъ, принимавшихъ участіе въ церемоніи, которой сопровождалось принятіе въ цехъ каждаго мастера. Въ цехи принимались и посторонніе лица, которыя при этомъ вносили опредѣ-

(¹) *Нордстремъ*: «Очеркъ развитія городскихъ учрежденій», Ж. М. В. Д. 1859, № 3, стр. 23.

(²) Полное перечисленіе ихъ у *Бланки*: «Ист. Пол. Экон.». т. I. стр. 215.

ленную сумму—einkauf in die zunft; эти цеховые взносы и подати опредѣлялись въ zunftordnungen, zunftrollen, zunftweisthümer ([1]).

b) На особомъ положеніи въ средніе вѣка состояли сельскіе промыслы и ремесла. Въ то время въ имѣньи каждаго феодала поселялось не малое количество ремесленниковъ, служившихъ хозяйственнымъ потребностямъ владѣльца; были каретники, кузнецы, содержатели питейныхъ домовъ, т. е. всѣ тѣ, присутствіе которыхъ составляло необходимость для хозяйства; въ частности извѣстно, что на хуторахъ Карла Великаго были сапожники, портные, золотыхъ дѣлъ мастера, каретники ([2]). Уплачиваемая означенными промышленниками подать не имѣла ни государственнаго ни общественнаго характера, а была частно-владѣльческою данью, которая вносилась владѣльцу и входила въ составъ сельско-хозяйственной ренты. Такъ въ средневѣковой Польшѣ и Литвѣ *чиншъ* имѣлъ значеніе частно-владѣльческой ренты, которая являлась въ двоякой формѣ: общая—съ дворовъ (*area*) и поземельная рента съ участковъ земли, находящихся во владѣніи ([3]).

Кромѣ податей и сборовъ, взимавшихся при записяхъ въ ремесленную книгу и при производствѣ извѣстныхъ промысловъ, подлежавшихъ многочисленнымъ цеховымъ и гильдейскимъ ограниченіямъ, промышленники какъ городскіе, такъ и сельскіе, до конца XVIII столѣтія платили въ пользу государства налоги, *общеобязательные* для всей страны. Въ Англо-Саксонскій періодъ горожане вносили оброкъ за

([1]) *Бланки*: l. c, т. I. стр. 221.

([2]) *Рычковъ*: «О цехахъ», стр. 792.

([3]) *Владимірскій-Будановъ*: «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ». Ж. М. Н. П. 1868 г. стр. 484. Частно-владѣльческія воззрѣнія сохранились до послѣдняго времени въ нашемъ отечествѣ: когда нашей податной коммиссіей въ 1860 году былъ составленъ проэктъ о патентныхъ пошлинахъ,—и препровожденъ на разсмотрѣніе статсъ-секретаря барона Корфа,—то послѣдній сдѣлалъ возраженіе, что владѣльческіе города, какъ находящіеся во владѣніи частныхъ собственниковъ, не должны подлежать государственному патентному налогу, что право обложенія здѣсь принадлежитъ не правительству, а частному владѣльцу. Возраженіе, какъ и слѣдовало ожидать, было оставлено безъ послѣдствій. «*Труды* Ком. о податяхъ», т. V, стр. 53—55.

землю, предоставленную имъ въ непрерывное арендное пользованіе; въ Германіи въ городахъ платились поземельные налоги подъ названіемъ *jahrrente*, *urbede* или *Geschoss*, которые составляли часть общей поземельной подати—*Bede*; при раскладкѣ этихъ налоговъ, земли и дома оцѣнивались по ихъ стоимости и доходу членами городскихъ магистратовъ. Подать *Geschoss* дѣлилась на гражданскую и обыкновенную; первая шла въ королевскую казну, послѣдняя въ городскую (1); въ Пруссіи существовалъ налогъ *Schossabgabe*, $^2/_8$ котораго падали на иммедіатизированные города (2).

Въ большинствѣ случаевъ, за неимѣніемъ спеціальной промысловой подати, промышленники подлежали общему подоходному налогу, который, какъ извѣстно, въ средніе вѣка существовалъ во многихъ государствахъ; существованіе подоходныхъ налоговъ здѣсь объясняется простотою и не многосложностію прежнихъ экономическихъ отношеній, отсутствіемъ рѣзкихъ неравенствъ въ частномъ богатствѣ и не умѣньемъ анализировать отдѣльные виды доходовъ, чтобъ обложить каждый изъ нихъ налогомъ. Во Флоренціи въ XIV вѣкѣ платился подоходный налогъ, извѣстный подъ именемъ *estimo*, который взимался въ размѣрѣ 5%; въ той-же Флоренціи въ 1427 году Іоанномъ Медичи установленъ былъ новый подоходный налогъ—*catasto*, который падалъ также и на промышленниковъ; оригинальную черту этого налога составляло то, что при установленіи его на каждаго члена семьи дѣлали вычетъ въ 200 фіориnъ; имѣя прогрессивный характеръ, и падая преимущественно на богатыхъ, этотъ налогъ породилъ разные безпорядки и недовольство среди гражданъ и вмѣстѣ обманы богачей, которые употребляли всѣ мѣры къ сокрытію своего имущества; по закону 1471 года catasto былъ отчасти измѣненъ и потомъ едва не уничтоженъ, но по случаю войны съ Пизою былъ удержанъ до самаго паденія республики (3). Въ Генуѣ существовалъ на-

---

(1) *Лебедевъ*: «Поземельный налогъ въ Пруссіи», Сбор. свѣд. и мат. по вѣд. мин. фин. 1866 г. книга V, стр. 33. Также *Веселовскій*: «Обозрѣніе кадастра Пруссіи», Ж. М. Г. И. ч. III, стр. 163.

(2) *Лебедевъ*: Ibid. стр. 40.

(3) ***Parieu***: «Histoire der impots generaux sur la propriete et le revenu». Paris. 1856, p. 30—41.

логъ—*collecta*, который составлялъ 4—8 динарія съ лиры, слѣд. $^1/_{60}$—$^1/_{30}$ [1]. Въ Португаліи промышленники съ 1645 г. подлежали наравнѣ съ остальными жителями подати *dizima*, составлявшей 10% со всѣхъ доходовъ, и взимавшейся не ежегодно [2]. Во Франціи съ 1710 года всѣ доходы жителей, въ томъ числѣ и промысловые, подлежали общему подоходному налогу—*dixieme*, съ 1725 платили *50-ю*, а затѣмъ съ 1733 по 1748 г. снова—dixieme; послѣ того съ 1749 года платилась *vingtieme*; нерѣдко собиралась *18-я*. Но еще до введенія этихъ чисто подоходныхъ налоговъ во Франціи практиковалась общая подать *Taille*, которой подлежали и промышленники и величина которой соразмѣрялась съ наличіемъ всего платежнаго имущества и его доходностью. Съ этою цѣлью старались оцѣнить всю движимость владѣльца и объемъ практикуемыхъ имъ промысловъ посредствомъ экспертовъ, избираемыхъ самими плательщиками изъ своей-же среды; эксперты а равно и плательщики при сборѣ налога принимали присягу—первые въ добросовѣстномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, вторые въ томъ, что не утаятъ своихъ доходовъ, получаемыхъ съ торговли и промысловъ. Въ случаѣ возникшаго подозрѣнія, показанія плательщиковъ повѣрялись на мѣстѣ производства промысла. Результаты оцѣнки вносились въ особыя книги, причемъ обозначалось имя владѣльца, податной объектъ и стоимость его, выражаемая aux sols la livre; соразмѣрно стоимости опредѣлялась податная доля, которая въ своей величинѣ зависѣла отъ размѣра предназначенной къ сбору общественной или государственной суммы. Кромѣ записи въ означенныхъ книгахъ, эксперты составляли протоколъ всѣмъ предпринятымъ ими дѣйствіямъ и показаніямъ плательщиковъ. Податныя книги вмѣстѣ съ протоколами препровождались въ *Cour des Aides* на утвержденіе. Налогу Taille не подлежали: лица съ трудомъ добывающія себѣ пропитаніе, какъ-то носильщики, слуги, землекопы, садовники, охотники, женщины, занимающіяся женскимъ рукодѣліемъ, всѣ свободныя искуства—artes liberales, именно медики, адвокаты, типо-

---

(1) Ibid. p. 51.

(2) *Parieu*: «Traite» I, p. 50.

графщики, книгопродавцы, писатели и государственные чиновники ([1]).

Наряду съ подоходными налогами существовали въ средніе вѣка и налоги имущественные, въ кругъ дѣйствія которыхъ входили также промысловые капиталы. Въ Нюренбергѣ граждане платили налогъ, называвшійся *Lozung*, со всего движимаго имущества и запасовъ въ размѣрѣ 1%, при чемъ изъ податной массы исключалось 100 мѣръ хлѣба и 3 бочки вина и съ остальныхъ доходовъ отъ $^1/_{12}$—$^1/_6$. Въ Нидерландахъ промышленники подвергались общей имущественной подати—*Schot*, получившей начало съ XIV столѣтія и составлявшей $^2/_{100}$ динарія со всѣхъ имуществъ; свыше 3000 флориновъ податная доля становилась крупнѣе, потому и этотъ налогъ, подобно флорентійскому *catasto*, имѣлъ прогрессивный характеръ; подвергаясь многочисленнымъ перемѣнамъ, онъ не разъ былъ вовсе отмѣняемъ, продержавшись впрочемъ до 1790 года; въ тѣхъ-же Нидерландахъ и въ Голландіи взималась общая *классная подать*, соразмѣряемая съ вѣроятной величиной получаемаго плательщикомъ дохода, при чемъ признакомъ доходности принималась явная зажиточность и внѣшняя домашняя обстановка лица.

Въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ появляются спеціальные промысловые сборы, падавшіе исключительно на промышленниковъ. Въ Венеціи искусства и ремесла были обложены двоякимъ видомъ сборовъ: собственно *податью* (taxe) и *денежнымъ сборомъ* (taillon).—Taxe замѣняла собою личную службу въ морской милиціи, а taillon назначался на военныя издержки. Какъ taxe, такъ и taillon, будучи назначаемы правительствомъ страны, въ своемъ окладѣ окончательно опредѣлялись плательщиками въ лицѣ выбранныхъ изъ ихъ-же среды уполномоченныхъ.— Въ Пруссіи города платили *сервизъ*, который первоначально былъ натуральною повинностью, состоявшею въ снабженіи солдатъ квартирами, солью, освѣщеніемъ, топливомъ. Окладъ сервиза, носившаго въ городахъ спеціальное названіе *nahrungsservis*, *gehaltsservis*, соразмѣрялся у ремесленниковъ съ числомъ рабочихъ въ мастерской и съ размѣромъ про-

---

([1]) *М. Ковалевскій*: «Опытъ исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи». М. 1876 г. стр. 77 и слѣд.

мысла, у купцовъ съ обширностью ихъ торговыхъ оборотовъ (¹). Въ Гамбургѣ и Фрейбургѣ промысловая подать установлялась въ видѣ пошлинъ взимаемыхъ при открытіи промысла. Наконецъ въ Бамбергѣ въ 1653 году существовала спеціальная промысловая подать, носившая названіе, которое обыкновенно присвоивается нынѣ промысловому налогу—*gewerbsteuer*; при распредѣленіи ея старались изыскать *чистые* доходы, получаемые промышленниками (²).

Съ измѣненіемъ строя общественной жизни явилась потребность въ новой формѣ промысловаго обложенія; съ XVIII столѣтія въ государствахъ проявляется мысль о томъ, что падающіе на промышленность налоги должны быть по возможности равномѣрны и потомъ всеобщи.—Послѣдній принципъ былъ въ особенномъ пренебреженіи: налоги, которыми облагалась существовавшая промышленность, не были всеобщи уже потому, что занятіе промыслами было доступно далеко не всѣмъ лицамъ; этому препятствовали самыя условія общественной и государственной жизни среднихъ вѣковъ; повсемѣстно распространившіеся цехи и гильдіи захватили въ свои руки всѣ вѣтви промышленности; тѣ-же промыслы, которые нѣкоторое время оставались свободными, государство поспѣшило объявить регаліей короны, уступая ихъ частнымъ лицамъ не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго взноса извѣстной денежной суммы, или-же отдавая эксплуатацію ихъ на концессіонныхъ началахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ равно подавлялась частная промысловая дѣятельность, которой не оставалось болѣе того, на что соизволяла верховная власть. Просвѣщенная запретительная система прошлаго столѣтія полагала, что она знаетъ и можетъ сдѣлать все лучше, чѣмъ самъ народъ; не было ремесла, ни одного товара, которые бы не сдѣлались предметами монополіи; пивоваренное дѣло, мѣднокотельное ремесло, торговля шерстью, кофе, амброю, мѣхами, икрою, изданіе альманаховъ, фабрикація стекла, тканей, игорныхъ картъ, мельничныхъ жерновов, скрипичныхъ струнъ, собираніе снѣга,—все сдѣлалось предметомъ

(¹) *Лебедевъ*: l. c. стр. 43, *Parieu* т. I. стр. 285.

(²) *Parieu*: I, p. 384.

монополіи; не оставалось ни одной общественной и частной отрасли труда, которая бы не подлежала податному сбору. Чтобъ открыть маленькую лавочку, торгующую на пятьдесятъ сантимовъ въ день, надо было заплатить за право открытія ея почти тоже, что платилъ богатый фабрикантъ, пускавшій въ спекуляцію полмилліонное состояніе. На этомъ идея средневѣковой монополіи не остановилась: впослѣдствіи она породила многочисленныя вѣтви разныхъ косвенныхъ налоговъ и акциза—этого *голладскаго чорта*, какъ называлъ его народъ въ средніе вѣка ([1])—и приняла такіе колоссальные размѣры, что, по выраженію *Фокса*, не давали народу ни встать, ни лечь, ни пообѣдать, ни отдохнуть, ни родиться, ни умереть безъ того, чтобъ не заплатить за самое естественное отправленіе своей жизни. Афоризмъ, сказанный въ новое время Франклиномъ, имѣетъ здѣсь буквальный смыслъ: у человѣка оставалось двѣ существенныя принадлежности—умирать и платить налоги. Какъ скоро государство присвоиваетъ себѣ монополь, оно переходитъ правовыя границы своей власти; оно кладетъ произвольное ограниченіе на свободную индивидуальную дѣятельность, нарушая общепринятый принципъ государственнаго права, принципъ, по которому ни одинъ изъ подданныхъ не долженъ быть стѣсняемъ, пока его дѣятельность безвредна для общества ([2]). Независимо отъ указанныхъ выше податей промышленная и торговая дѣятельность, какъ и у древнихъ народовъ, была опутана разными таможенными и ярморочными сборами. Случалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ярмарочные сборы отмѣнялись сепаратными постановленіями,—тогда промышленники и торговцы въ ознаменованіе такого событія устраивали особыя празднества; такъ на Франкфуртской ярмаркѣ не рѣдко исполнялся обрядъ, носившій оригинальное назва-

---

([1]) *И. Янжулъ*: Акцизъ». М. 1874 г. стр. 26.

([2]) *Робертъ фонъ-Моль*: «Энциклопедія государ. наукъ». Спб. 1867. стр. 469. *Маклеодъ*: «Основанія Полит. Экономіи». Спб. 1865. стр. 187. *Молинари*: «О свободѣ труда». Р. В. 1860, кн. VIII. *Victor Bomert*: «Freiheit der arbeit». Подробнѣе у *Лабулэ*: «Государство и его предѣлы». Спб. 1868 года, гдѣ по вопросу объ отношеніи между индивидуумомъ и государствомъ разобраны мнѣнія Вильгельма Гумбольдта, Милля, Этвеша и др.

ніе „суда дудокъ" (pfeifergericht): въ назначенный день въ благодарность за отмѣну ярмарочныхъ пошлинъ процессія торговцевъ, предшествуемая свирѣльщиками съ разными эмблематическими знаками, проходила чрезъ городъ, и подносила городскому старшинѣ подарки, причемъ одинъ изъ депутатовъ выступалъ впередъ и произносилъ рѣчь (1).

Такой ненормальный порядокъ очевидно не могъ продолжаться далѣе; промышленная дѣятельность составляетъ священную собственность человѣка, дарованную ему Творцомъ. Несправедливъ всякій законъ, нарушающій ходъ свободнаго обмѣна, и хотя позволительно взимать съ подданаго сборы на государственныя потребности, но законъ, имѣющій въ виду лишить одно сословіе плодовъ его дѣятельности съ тѣмъ, чтобъ предоставить ихъ въ пользу другого сословія, нарушаетъ коренныя требованія естественной справедливости. Притомъ это есть ограниченіе свободы не одного лишь промышленника, но и свободы выбора потребителей, желающихъ воспользоваться предложеніемъ товара. Какъ одному мѣшаютъ производить то, къ чему онъ чувствуетъ склонность и болѣе подготовленъ, такъ другому препятствуютъ избрать услуги того, кого они хотятъ; способенъ ли промышленникъ удовлетворить спросу потребителей, объ этомъ лучше судить тѣмъ, которые пользуются его услугами, такъ какъ это слишкомъ близко связано съ ихъ интересами; „забота законодательства о томъ, чтобъ они не сдѣлали дурного выбора, столь-же безполезна, сколько отяготительны установленія, имѣющія цѣлью предохранить отъ этого ошибочнаго выбора" (2). Здѣсь страдали не только интересы частныхъ лицъ, эта система была убыточна и для королевской казны, которая не собирала съ промышленности надлежащаго количества суммъ; послѣдняя легко могла-бы удѣлить въ пользу короля гораздо болѣе, при условіи свободнаго развитія, при доступности промысловъ всей массѣ гражданъ. Это весьма отчетливо сознавалъ русскій государственный человѣкъ начала текущаго столѣтія адмиралъ *Мор-*

---

(1) «*Очерки* торговой жизни въ средніе вѣка». Журн. Мануф. Торг. 1862 г. кн. 17—24. стр. 254.

(2) *Татариновъ*; «О свободѣ промышленности и цеховомъ устройствѣ». Ж. М. и Т. 1860 № 9 стр. 86—7.

двиновъ, который въ докладной запискѣ Государю писалъ, что раздѣленіе торгующихъ на гильдіи, съ намѣреніемъ извлечь отъ того казенный доходъ, останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, и что „доколѣ торговля и внутренняя промышленность не получатъ совершенной свободы, съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ народа безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства притязанія, до тѣхъ поръ нѣсколько-милліонный доходъ, казною отъ гильдіи получаемый, *лишать будетъ ее многихъ десятковъ милліоновъ*, государственному казначейству предстоящихъ“ (¹). Принципъ государственной регальности, гильдейскихъ и цеховыхъ ограниченій до такой степени утомилъ міръ, что всѣ сходились въ желаніи побѣды противоположному принципу съ представленіемъ личности прирожденныхъ ей правъ на свободное, безпрепятственное производство торговли и промышленности; каждый предоставлялся теперь самому себѣ; „каждый считался знающимъ свой интересъ лучше, чѣмъ кто нибудь другой и этой-то гордости, этой страсти личнаго интереса открывали теперь дорогу“ (²). Дѣло началось съ Франціи, гдѣ еще въ 1614 году въ etats generaux было внесено предложеніе объ уничтоженіи цеховъ, которое однакожъ не имѣло успѣха; образовавшаяся вскорѣ школа физіократовъ, громко проповѣдуя свободу торговли и промысловъ, провозгласила свой основный прицципъ laiser fair, laiser passer. Основатель школы *Кенэ* въ своихъ „Maximes generales du gouvernement economique“ писалъ: Qu' on maintienne l' entiere liberte de commerce; car la police du commerce interieur et exterieur la plus sure, la plus exacte, la plus profitable a la nation et a l' etat consiste dans la pleine liberte de la concurrence(³). Амьенская академія наукъ увѣнчала въ 1757 году полной преміей сочиненіе, авторъ котораго доказывалъ, что глав-

(¹) «Мнѣніе адмирала *Мордвинова* о причинахъ разстройства финансовъ». Чт. въ общ. истор. и древ. 1860, кн I, стр. 18,

(²) *Луи-Бланъ*: «Исторія революціи». Спб. 1871. I, стр. 425.

(³) *Гейсманнъ*: «О сущности физіократ. ученія». Тоже *Лабулэ*: «Франц. админ. и законод.». Спб. 1870. стр. 157. *Вольскій*: «Задача Политич. Экономіи». Одесса. 1873. стр. 40—1.

ная причина повсемѣстной нищеты заключается въ существованіи ремесленныхъ цеховъ и корпорацій (¹). Наконецъ въ 1774 году французскимъ министромъ былъ назначенъ Тюрго, который, намѣреваясь окончательно искоренить монополію ремеслъ, предложилъ отмѣнить цехи въ законодательномъ порядкѣ: „Богъ, даруя человѣку потребности, говорилъ парламенту Тюрго, поставляя его въ необходимость прибѣгать къ труду для удовлетворенія этихъ потребностей, создалъ изъ труда собственность каждаго, и эта собственность есть самая дорогая и неотъемлемая" (²). Отмѣненные по настоянію Тюрго, цехи впослѣдствіи снова были возстановлены по безхарактерности Людовика XVI, опасавшагося радикальной реформой существовавшаго и вѣками укоренившагося промышленнаго строя произвести замѣшательство въ государственной жизни; но французская революція покончила съ этими средневѣковыми порядками, провозгласивъ свободу промышленности и отмѣнивъ навсегда цеховую регламентацію (³). Примѣру Франціи послѣдовали и прочія европейскія государства: Саксонія произвела реформу цеховъ еще въ 1780 году, Пруссія въ 1810 году, въ Баваріи по закону 11 сентября 1825 года, въ Ганноверѣ въ 1807 году, Нассау въ 1819 (⁴).

Съ отмѣною цеховъ промысловая подать получила новыя начала, основываясь въ большей или меньшей степени на

(¹) *Дитятинъ*: I. стр. 252.

(²) «Dieu, en donnant a l' homme des besoins, en lui rendant ne cessarie la resource du traval, a faits du droit de travailler la propriete de tout homme et cette propriete est la premiere l' aplus sacree et la plus imprescriptible de toutes»

(³) Разсказываютъ, что въ день, когда были отмѣнены гильдіи и цехи, въ Парижѣ среди промысловаго населенія обнаружилось оживленное движеніе; ремесленники толпами покидали своихъ хозяевъ; нѣкоторые тріумфально разъѣзжали въ колясках. тогда какъ большая часть, собравшись на сходку, праздновали пиршествомъ дарованную свободу. *Луи-Бланъ*: «Ист. революціи». стр. 461.

(⁴) *Штейнъ*: «Ученіе объ управленіи». Спб, 1874 г. стр. 416. Также *Корсакъ*- «Истор. очеркъ цеховаго устройства на западѣ». Русская Рѣчь». 1861 №№ 26, 28 и 31.

кадастраціи промысловъ, на исчисленіяхъ вѣроятныхъ промысловыхъ доходовъ. Законодательныя реформы въ этомъ отношеніи шли паралельно съ реформою и отмѣною цеховъ; съ началомъ текущаго столѣтія, начиная съ французскаго, европейскія законодательства старались выработать систему промысловаго обложенія, которая-бы обнимала въ себѣ всѣ промыслы соразмѣрно ихъ доходамъ. Въ частностяхъ законодательныя работы по данному вопросу конечно шли особыми путями, но общая идея была у всѣхъ одна—возможно-совершенный податной строй безъ отягощенія промышленности. На первыхъ порахъ представлялись безчисленныя затрудненія: не существовало ни удовлетворительной статистики промысловъ, ни матеріаловъ для сравнительной оцѣнки доходности каждаго изъ нихъ. Хотя во Франціи еще съ 1669 года произведенъ былъ первый опытъ промышленной статистики, когда Кольберу вздумалось узнать состояніе фабрикъ королевства, чтобъ судить о дѣйствіи своихъ поощреній,—но эта попытка кончилась ничѣмъ (1). Лишь въ 1788 году главнымъ интендантомъ торговли де-Толозаномъ была составлена таблица главныхъ родовъ промышленности Франціи—и то далеко не въ удовлетворительномъ видѣ (2). Болѣе удачнымъ можно назвать опытъ министра Шапталя, издавшаго въ 1801 году для префектовъ планъ редакціи статистики департаментовъ; здѣсь внесены были и вопросы касательно промышленности, а именно: о суровьи и шерстяныхъ фабрикахъ, положеніи ихъ и матеріалахъ съ оцѣнкою издержекъ и дохода; о кузняхъ и горнахъ, съ показаніемъ числа рабочихъ, о фабрикахъ съ показаніемъ числа рабочихъ съ оцѣнкою доходности и издержекъ (3). Въ Пруссіи лишь въ 1805 году по инціативѣ Штейна и Гарденберга основано статистическое отдѣленіе при департаментѣ акциза, торговли и фабрикъ (4); въ Вестфаліи статистическое бюро основано въ 1809 году; въ Австріи въ 1819 году учреждена дирекція административной статистики (5). Трудность

(1) *Вернадскій*: «Ист. очеркъ практ. статистики» стр. 47.

(2) Ib. стр. 49.

(3) Ib. стр. 52.

(4) ibid. стр. 61.

(5) Ib. стр. 62.

увеличивалась еще и отъ того, что сами составители плановъ промышленной статистики не имѣли опредѣленныхъ началъ, а лица, которымъ поручалось собраніе данныхъ, были до того не опытны, что часто не могли отвѣчать на предложенные вопросы, или-же отдѣлывались общими мѣстами.

Не смотря на встрѣтившіяся препятствія, законодатели не переставали разработывать промысловый налогъ на новыхъ началахъ. Можно сказать, что, при всѣхъ уклоненіяхъ въ подробностяхъ, достигались въ сравнительно короткое время замѣчательные результаты, создавалась система налога, которая своей стройностью невольно поражаетъ изслѣдователя. Первый опытъ промысловаго налога въ научномъ значеніи слова составляетъ *французскій* патентный налогъ, введенный въ 1791 году. Здѣсь еще много средневѣковыхъ остатковъ, что между прочимъ видно изъ того, что подать взимается за *право* торговли и промысловъ; такъ было въ средніе вѣка, когда дѣйствительно частныя лица были лишены этихъ правъ, принадлежащихъ исключительно отдѣльнымъ цехамъ, когда подъ вліяніемъ идей римскаго права, получившаго значеніе въ правовой жизни общества и унаслѣдованнаго вмѣстѣ съ императорской короной, промыслы, ремесла и простыя работы разсматривались какъ государственныя регаліи, или какъ домены, жалуемыя волею государей, ихъ чиновниковъ и феодаловъ, отъ произвола которыхъ зависѣло также назадъ взять свои пожалованія [1]; не такъ должно быть въ новое время, которое признаетъ ихъ правами личными, прирожденными, и въ своемъ происхожденіи нимало не зависящими отъ воли государства; теперь, при свободѣ промышленности, налогъ за *право* труда есть контрибуція аномальная, антіэкономическая, поражающая ремесло, противная природѣ налога и неспособная подчиниться закону пропорціональности [2]. Въ *Англіи* промысловый налогъ, составляющій часть

(¹) *Рау*: «Основ. нач. фин. науки», т. I § 166.

(²) Тоже и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ промысловый налогъ нашелъ себѣ выраженіе въ «положеніи о пошлинахъ за *право* торговли и промысловъ».

общаго подоходнаго налога (лит. Д), введенъ въ 1798 году.— Изъ европейскихъ государствъ *Австрія* первая стала подражать французской патентной системѣ, вводя у себя въ 1813 году промысловый налогъ. Съ окончаніемъ компаній Наполеона I, континентальныя государства въ непродолжительномъ времени одно за другимъ поспѣшили ввести реформы въ податномъ обложеніи промысловъ; въ 1815 году промысловый налогъ введенъ въ *Баваріи* и *Баденѣ;* за ними послѣдовали *Нидерланды* (1819 г.) *Пруссія* (1820 г.) *Вюртенбергъ* (1821) *Гессенъ-Дармштадтъ* (1827) *Ганноверъ* (1834) (¹).

Изъ представленнаго историческаго очерка видно, что промысловый налогъ въ собственномъ смыслѣ есть продуктъ цивилизаціи XIX столѣтія; не удивительно, что вслѣдствіе его недавняго происхожденія, въ финансовой наукѣ не установилось согласія во взглядахъ ученыхъ на сущность, свойства и экономическое его значеніе. Можетъ быть не одинъ налогъ не подвергался столь противорѣчивымъ сужденіямъ, ни одинъ не вызывалъ столь ожесточенныхъ споровъ, какъ налогъ промысловый. „Гораздо легче понять сущность этого налога, чѣмъ безконечное разнообразіе существующихъ относительно него мнѣній, нерѣдко высказывающихся безъ малѣйшаго основанія" (²). Если не могли доказать неосновательность его съ экономической точки зрѣнія, тогда думали опровергнуть на основаніи соображеній государственной политики; потому не смотря на недавнее происхожденіе онъ имѣетъ за собою

(¹) Изъ Азіатскихъ государствъ въ Китаѣ существовала подать, которую нѣкоторые приравниваютъ къ французскому патентному налогу; она взималась съ магазиновъ, рынковъ и промышленныхъ корпорацій; мелочная торговля и свободныя занятія были изъяты изъ круга ея дѣйствія. Вотъ цифра этого налога по каждой провинціи, выражаемая въ ліангахъ (ліангъ=8 франковъ): Pei-tehi-li=42093, Kan-Sou=60780, Sse-tchuen=11242, Kney-tcheou=13742, Khou-pei=22554, Khon-nan 14815, Khwang=26780, Kwang-Toung=59530 Tchen-kyang=38437, Fo-kyen=27880, Chan-si=31844 Kho-nan=32300, Chan-toung=21711, Kyang-si=34123, Kyang-sou=46711, Naau-kwey=25492.—Въ Индіи существовала подать *Moturpha*, которая взималась съ купцовъ, фабрикантовъ, содержателей лавокъ. См. статью *Lauture* въ «Moniteur» отъ 26 августа 1860 г.

(²) Stein FW. стр. 270.

уже сравнительно-обширную литературу. Пальма первенства въ научной разработкѣ теоріи этого налога безспорно принадлежатъ германскимъ финансистамъ. Если Франція и Англія создали въ настоящемъ столѣтіи науку политической экономіи, то за то-же время одна лишь Германія можетъ требовать первенствующей роли въ области финансовой науки; успѣшной разработкѣ послѣдней способствовали и предшествующіе нѣмецкіе труды по публичному праву, и образъ правленія такихъ государей, какъ Фридрихъ Великій и его преемникъ, которые положили много усилій къ изысканію новыхъ источниковъ для государственнаго казначейства. Впервые понятіе о промысловомъ налогѣ было высказано и довольно твердо установлено извѣстнымъ германскимъ экономистомъ *фонъ-Юсти* (¹). Приступая къ разсмотрѣнію налоговъ на промыслы, авторъ заявляетъ, что онъ намѣренъ предложить правительствамъ налогъ, который пока не былъ извѣстенъ никому, потому что по его выраженію и „самаго налога еще въ свѣтѣ (in der welt) не было". Налоги на промыслы могутъ быть установлены или въ видѣ акциза, или какъ прямыя подати, соразмѣрныя съ доходностію и обширностію промысла; послѣднія онъ называетъ gewerbsteuer—названіе освященное германскимъ законодательствомъ; рекомендуемый налогъ, по мнѣнію автора, гораздо справедливѣе акцизной системы, и въ финансовомъ отношеніи выгоднѣе послѣдней. Развивая правила установленія налога, Юсти за податную единицу въ торговой промышленности принимаетъ торговую прибыль, которая, по его мнѣнію, не пе превышаетъ 10—13%; въ остальныхъ же промыслахъ совѣтуетъ опредѣлять избытокъ выручки надъ издержками, иначе чистый заработокъ, вычитая изъ всего дохода получаемаго промышленникомъ, двѣ трети на его содержаніе (²).

Вскорѣ послѣ Юсти *Зонненфельсъ* высказался противъ промысловаго налога, и сомнѣваясь въ его состоятельности, утверждалъ, что въ государствѣ можно обойтись и безъ него (³). Съ нимъ былъ согласенъ и *Сарторіусъ* (1815). *Якобъ* первый произвелъ путаницу въ ученіи о промысловомъ на-

---

(¹) «Staatswirtschaft» II § 278.

(²) *Bergius*: Magaz. IV, 127.

(³) «Finanzwissenschaft» t. III. § 156.

логъ, считая объектомъ не gewerbe, но всякую индустріальную ренту (industrierente) и подраздѣляя послѣднюю на лично—индустріальную ренту (personliche industrierente) и капитальную индустріальную ренту (capital—industrierente) (¹); то, что Якобъ называлъ индустріальной личной рентою, есть, конечно, не болѣе, какъ заработная прибыль, которая лежитъ въ основаніи заработной платы, и ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ дѣйствію промысловаго налога, предполагающаго въ промыслѣ присутствіе капитала.—Полнаго разграниченія этого налога отъ налоговъ на заработную плату мы не находимъ ни у *Лотца* (²) ни у *Мальхуса* (³); *Шпетъ* считаетъ необходимымъ распространить дѣйствіе налога на высшія профессіональныя занятія, приносящія значительный доходъ—наравнѣ съ промысловыми въ тѣсномъ смыслѣ, а въ основаніе раскладки брать количество издержекъ предпринимателя вмѣстѣ съ покупною цѣною патента (⁴). Полное смѣшеніе понятій видимъ у *Вирта*, который прямо промысловый налогъ причисляетъ къ налогу на заработную плату (⁵). Изъ англійскихъ экономистовъ *Адамъ Смитъ* не выдѣляетъ промысловый налогъ изъ ряда другихъ налоговъ, трактуя о налогѣ на промыслы въ отдѣлѣ налоговъ на заработную плату и сельское хозяйство (⁶). Ошибка Смита повторяется и у *Рикардо* и у *Милля* (⁷). Во Франціи на разсматриваемый налогъ едвали не первый изъ ученыхъ обратилъ вниманіе *Сисмонди*, который отнесся къ нему несочувственно; по его мнѣнію, налогъ этотъ *обращаетъ въ бѣгство* капиталы, на которые падаетъ, поэтому долженъ быть тѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ болѣе способенъ къ ускользанію (fugitif) облагаемый имъ капитальный доходъ; въ частности въ патентномъ налогѣ

(¹) «Staatsfinanzwissenschaft» I. § 676.

(²) «Handbuch der staatswirthschaftslehre», III, p. 137.

(³) «Handbuch der Finanzwissenschaft» I § 54.

(⁴) «Uber die Aufnahme der gewerbsteuer» 1822.

(⁵) «Grundzuge der nation. oekonom» II, 443.

(⁶) «Изслѣд. о прир. и прич. богатства народовъ». Спб. 1866 Ш стр. 257.

(⁷) См. *Stein* FW s. 271.

существующемъ во Франціи, Сисмонди замѣчаетъ отсутствіе равенства въ окладахъ, что происходитъ отъ того, что налогъ берется, за одну возможность получить доходъ безъ изысканія дѣйствительной величины послѣдняго (¹). Другой французскій экономистъ *Сэй* требовалъ для налога возрастающей прогрессіи, которая, не поражая богатства, есть лишь справедливое, хотя и не совсѣмъ совершенное уравненіе (compensation) (²)

До времени Рау въ теоріи налога было господствующимъ ученіе *Приттвица*, полагавшаго, что этотъ налогъ, избѣгая непосредственныхъ плательщиковъ, окончательно падаетъ на потребителей посредствомъ процесса переложенія—ученіе, которое, какъ послѣ увидимъ, нынѣ оставлено въ наукѣ. Современная теорія промысловаго налога разработана у *Рау*, *Бергіуса*, *Гофмана*, *Штейна*, *Хлуппа*, *Фокке*, *Билинскаго*, *Гока*, *Умпфенбаха*, *Пфейфера* и *Парье*, труды которыхъ будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Глава II.

Теорія промысловаго налога.

Податной объектъ промысловаго налога —*промыселъ*. Необходимо точнымъ образомъ установить это понятіе, на которомъ зиждется самостоятельное значеніе и сущность налога, показать отличительныя свойства, составъ и образующіе его элементы. *Промыселъ* (gewerb) есть понятіе относительное, которое можетъ быть принимаемо въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ,—смотря по цѣли, для которой оно берется; такъ подъ промысломъ можно понимать всякое хозяйственное занятіе, систематически—направленное на пріобрѣтеніе экономическихъ благъ; въ этомъ отношеніи торговля, ремесло, личная услуга, простой заработокъ (въ русскомъ народѣ „отхожіе промыслы“), ком-

---

(¹) «Nouveaux principes d'economie politique» 1826 ср. *Алексѣенко:* «Взглядъ на развитіе ученія о налогѣ у экономистовъ». Хар. 1870 стр. 104 и 109.

(²) *Алексѣенко:* ibid. стр. 50.

мисіонерство и т. п. будутъ промыслы. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ и принимается это понятіе въ теоріи, подъ нимъ разумѣется такое хозяйственное предпріятіе, въ которомъ въ качествѣ производительныхъ элементовъ участвуетъ капиталъ наравнѣ съ личною пріобрѣтательною способностью промышленника. Эта связь между капиталомъ и трудомъ предпринимателя, представляющими собою вещественный и личный элементъ въ производствѣ промысла, является необходимою принадлежностью предпріятія.—Въ самомъ дѣлѣ, анализируя процессъ производства, мы видимъ, что промыселъ обусловливается во 1-хъ, наличностью имущественныхъ средствъ, во 2, наличностью хозяина предпріятія, способнаго дать то или другое направленіе имѣющимся въ его распоряженіи хозяйственнымъ силамъ. Оба эти элемента—вещественный и личный въ различныхъ промыслахъ проявляются въ неодинаково-равныхъ отношеніяхъ; такъ въ единоличномъ хозяйствѣ замѣчается полное сліяніе между вещественнымъ и личнымъ элементомъ; напротивъ въ акціонерныхъ компаніяхъ мы видимъ въ большей или меньшей степени раздѣльность означенныхъ элементовъ; здѣсь масса акціонеровъ, какъ представителей капитала, стоитъ на одной сторонѣ, а директора, члены правленій, совѣтовъ и т. д.—на другой. Среднюю ступень въ этомъ отношеніи составляютъ полныя и коммандитныя товарищества; во всѣхъ однакожъ случаяхъ, для того чтобы родилось понятіе промысла, необходимо присутствіе указанныхъ факторовъ—вещественнаго и личнаго ([1]).

Результатомъ промысла понимаемаго въ тѣсномъ смыслѣ является специфическій видъ дохода, отличающійся по своей природѣ какъ отъ капитальной ренты, такъ и отъ заработной платы—*доходъ промысловый*. Трудъ и капиталъ въ ихъ взаимномъ соотношеніи и совмѣстной дѣятельности,—а такое соединеніе этихъ производственныхъ факторовъ, какъ мы сказали, является въ промыслѣ, какъ податномъ объектѣ—производятъ нѣсколько своеобразные, хозяй-

---

([1]) Юристы видятъ промыселъ, предпріятіе тамъ, гдѣ совершается цѣлый рядъ торговыхъ дѣйствій, вытекающихъ одно изъ другаго, построенныхъ на одной концепціи и направленныхъ къ полученію одного результата—барыша. «Лекціи по торг. праву» *Цитовича* в. I, стр. 33.

О ПРОТЕСТѢ ВЕКСЕЛЕЙ.

Глава I.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ.

1. Опредѣленіе протеста.

Вексельное право состоитъ изъ множества отдѣльныхъ вексельно-правовыхъ институтовъ, удовлетворяющихъ различнымъ потребностямъ экономическаго быта, имѣющихъ то или другое значеніе, вызывающихъ тѣ или другія юридическія послѣдствія. Въ богатой литературѣ вексельнаго права въ отношеніи каждаго института существуетъ значительное количество разнообразныхъ теорій, каждому институту придаются различныя опредѣленія, при чемъ, конечно, въ наукѣ и литературѣ одни институты являются болѣе спорными, — другіе — менѣе спорными, допускающими болѣе скорое соглашеніе относительно какъ природы ихъ, такъ и значенія и вызываемыхъ ими послѣдствій.

Протестъ, какъ и всякій другой вексельно-правовый институтъ, служилъ предметомъ опредѣленій множества писателей, разработывавшихъ вексельное право; въ отношеніи его возбуждалось и возбуждается множество спорныхъ вопросовъ, изъ которыхъ одни зависятъ въ своемъ разрѣшеніи отъ разрѣшенія вопросовъ по другимъ вексельно-правовымъ институтамъ, другіе отъ основныхъ принциповъ, которые будутъ приняты въ отношеніи протеста.

Опредѣленіе протеста пытаются дать не только писатели по вексельному праву въ теоретическихъ сочиненіяхъ, но даже и нѣкоторыя законодательства, хотя въ этомъ они и выходятъ за предѣлы своей задачи, входя въ область теоріи, которой исключительно принадлежитъ право дѣлать обобщенія, подводить итоги, и давать опредѣленія какъ раз-

личныхъ правовыхъ явленій, нормируемыхъ законодательствомъ, такъ и вводимыхъ законодательствомъ формъ, обрядностей и производствъ

Прежде чѣмъ дать свое опредѣленіе протеста, я считаю необходимымъ указать извѣстныя мнѣ опредѣленія различныхъ писателей и законодательствъ, указать достоинства и недостатки того или другаго опредѣленія, указать въ общихъ чертахъ сущность, цѣль и значеніе протеста, чтобы на основаніи всего этого можно было составить опредѣленіе вполнѣ правильное, не расширяя и не съуживая значенія этого института, что составляетъ общій недостатокъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ опредѣленій протеста, изъ которыхъ одни слишкомъ узки, такъ что несовмѣщаютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ протеста, другіе же впадаютъ въ противоположную крайность.

Всѣ опредѣленія протеста можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ одной изъ нихъ принадлежатъ опредѣленія, говорящія, что протестъ свидѣтельствуетъ о заботливости векселедержателя въ требованіи выполненія извѣстныхъ дѣйствій, къ другой — опредѣленія, о заботливости не говорящія.

„Протестъ, говоритъ Riccius (¹), есть публичное заявленіе, которое совершаетъ презентантъ о своей заботливости въ предъявленіи и требованіяхъ (обращенныхъ къ надлежащимъ лицамъ) для сохраненія права регресса и отвращенія преюдицированія". Въ этомъ опредѣленіи есть и указаніе способа совершенія протеста—онъ оффиціальное заявленіе—, и указаніе цѣли — сохраненіе права регресса и устраненіе потери векселемъ силы вексельнаго права,—и при этомъ указывается еще: кто можетъ дѣлать это заявленіе—презентантъ,—и о чемъ оно свидѣтельствуетъ—о заботливости презентанта.

Мнѣніе, что протестъ свидѣтельствуетъ о заботливости векселедержателя, не было единичнымъ, оно раздѣлялось и другими писателями, кромѣ указаннаго.

„Вексельный протестъ, говоритъ Pöhls, есть ничто иное, какъ свидѣтельство, посредствомъ котораго держатель век-

(¹) Protestatio est contestatio publica. quam praesentans cambii de diligentia de praesentando et exigendo adhibita . . . . imponi curat ut jus ipsi maneat illibatum et omne praejudicium avertatur (Riccius 1. c. exerc. X Sect. 5 § 1.—см. у Гартмана—Das deutsche Wechelrecht. S. 386. примѣч.).

селя пріобрѣтаетъ возможность доказать приложеніе надлежащей заботливости" ([1]).

Къ этому опредѣленію, какъ увидимъ ниже, примѣнимы тѣ же возраженія, которыя примѣнимы и къ первому, только что въ отношеніи его должно еще замѣтить, что оно, не указывая ни цѣли, ни способа совершенія протеста, еще болѣе перваго недостаточно.

Тоже мнѣніе поддерживается и другими писателями, какъ то: Pardessus ([2]), Bender'омъ и Миттермайеромъ. Bender ([3]), говоря, что протестъ въ непринятіи и неплатежѣ имѣетъ мѣсто тогда, когда принятіе или платежъ непослѣдовали, или когда трассатъ не найденъ, высказываетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ векселедержатель протестомъ удостовѣряетъ, что онъ выполнилъ свои обязанности относительно презентаціи, но что послѣдствій никакихъ не получилось; онъ однако указываетъ,—впрочемъ не въ опредѣленіи,—и цѣль протеста — сохраненіе права на регрессъ ([4]).

По опредѣленію Миттермайера „протестъ есть оффиціальное свидѣтельство, которое служитъ для доказательства, что обязанный по векселю, не смотря на надлежащее выполненіе вексельныхъ обязанностей со стороны презентанта, вексельно-правовыя обязательства не принялъ на себя или принялъ не надлежащимъ образомъ, или, принявъ, не выполнилъ, или выполнилъ ненадлежаще ([5]).

На туже заботливость указываетъ и Гартманъ въ своемъ опредѣленіи протеста, говоря, что протестъ есть исклю-

---

([1]) Der Wechselprotest ist nichts weiter als eine Urkunde, durch welche der Inhaber eines Wechsels den Beweis der Aufwendung der gehörigen Diligenz liefert. — Darstellung des gemeinen deutschen und des hamburgischen Handelsrechts für Juristen und Kaufleute. т. 2. Hamburg. 1829 г. стр. 483.

([2]) Gours de droit commercial S. 517, § 420 т. 1 изд. 56 г.

([3]) Grundsätze des deutschen Wechselrechts, отд. 2. ч. 2. стр. 97 и 98 п. *a* и *b* Darmstadt. 1828 г.

([4]) Grundsätze отд. 2. ч. 2. S. 96.

([5]) Protest ist eine öffentliche Urkunde, die zum Beweise errichtet wird, dass der Wechselverbundene ungeachtet der gehörigen Erfüllung der Wechselverpflichtungen von Seite des Praesentanten wechselrechtliche Verpflichtungen gar nicht oder nicht gehörig übernahm, oder die übernommenen gar nicht oder nicht gehörig erfüllte. — Grundsätze des deutschen Privatrechts S. 197. § 344 т. II Regensburg 1843 г.

чительная форма, т. е. единственно допускаемое средство доказательства, чрезъ которое констатируется заботливость держателя въ отношеніи векселя, своевременная презентація и не выполненіе вексельнаго обязательства, а также обосновывается право регресса (¹).

Тотъ же элементъ вводитъ въ опредѣленіе протеста и Kletke. „Протестъ, говоритъ онъ, есть оффиціальное на письмѣ изложенное свидѣтельство, посредствомъ котораго удостовѣряется съ одной стороны, что векселедержатель вытекающія для него изъ векселя и установленныя закономъ обрядности, къ выполненію которыхъ онъ вслѣдствіе принятія векселя обязанъ, дѣйствительно выполнилъ, а съ другой стороны, что обязанный по векселю или указанный къ принятію вексельныхъ обязанностей отказался выполнить свои обязанности или принять ихъ на себя" (²).

У другихъ писателей мы указаній на заботливость не находимъ, хотя и они говорятъ, что протестъ свидѣтельствуетъ о надлежаще совершившейся презентаціи; такъ по опредѣленію Кунце—протестъ есть формальное—нотаріусомъ или исполняющимъ его обязанности совершенное—свидѣтельство, чрезъ которое удостовѣряется надлежаще совершенная презентація, такъ же какъ безпослѣдственность ея или оказавшаяся несостоятельность (Unsicherheit) акцептанта или векселедателя при переходившемъ по индоссаменту простомъ векселѣ (³).

(¹) Der Protest ist die ausschlissliche Form, d. i das allein statthafte Beweismittel, durch welches die wechselmässige Diligenz des Inhabers, die rechtzeitige Praesentation und die Nichterfüllung des Wechselversprechens dargethan und das Regressrecht begründet werden kann. — Deutsche Wechselrecht S. 386. § 128.

(²) Protest ist das öffentliche, schriftliche, urkundliche Zeugniss, durch welches liquid gestellt wird, einerseits, dass der Wechselinhaber die ihm aus dem Wechsel zugewiesenen und durch das Gesetz normirten Solennitäten, zu deren Erfüllung er sich durch und bei der Uebernahme des Wechsels implicite mit verpflichet, wirklich erfüllt habe, andererseits aber, dass der Wechselverpflichtete oder resp. der sur Uebernahme von Wechselverpflichtungen Angewiesene diese Verpflichtungen zu erfüllen oder zu übernehmen sich weigere. — Encyclopädie des Wechselrechts т. II S. 198 изд. 62 г.

(³) Protest ist eine solenne von Notar oder Beamten zu vollziehenden Urkunde, durch welche sowohl die gehörig bewirkte Praesentation des Wech-

По опредѣленію же Гербера протестъ есть свидѣтельство о надлежащей презентаціи и отсутствіи платежа, которое въ формѣ оффиціальнаго свидѣтельства совершается судебнымъ чиновникомъ или нотаріусомъ ([1]). И наконецъ нѣкоторые говорятъ исключительно о томъ, что протестъ удостовѣряетъ лишь неудовлетвореніе по векселю, при чемъ одни говорятъ вообще о неудовлетвореніи—какъ Thöl ([2]), не указывая ни на какія цѣли протеста и способы его совершенія, другіе—какъ Braun ([3])—признаютъ протестъ за „въ точно опредѣленной формѣ совершенное свидѣтельство о невыполненіи по векселю"; третьи, наконецъ, какъ Pothier, относятъ къ цѣли протеста констатированіе отказа со стороны трассата отъ принятія и платежа по векселю, при чемъ Pothier называетъ протестъ торжественнымъ актомъ, совершеннымъ по просьбѣ собственника векселя или держателя отъ имени и въ качествѣ уполномоченнаго собственникомъ ([4]).

Нѣкоторые опредѣляютъ протестъ какъ заявленіе въ огражденіе себя отъ потерь; такъ по Story протестъ есть торжественное заявленіе отъ имени держателя противъ всякой потери, могущей произойти по различнымъ случаямъ изъ непринятія или неплатежа ([5]).

---

sels, als auch die Erfolglosigkeit derselben, bezieh. die eingetretene Unsicherheit des Acceptanten oder Ausstellers eines girirten Eigenwechsels bewiesen wird. — Kuntze — Deutsches Wechselrecht auf Grundlage der A. D. W. O. und der Nürnberger Novellen. S. 66. — изд. 62 г. Leipzig.

([1]) Der Protest ist ein Zeugniss über die gehörige Praesentation und den Mangel der Zahlung, welches in der Form einer offentlichen Urkunde von einer Gerichts—person oder einem Notar aufgenommen ist—Gerber—System des deutschen Privatrechts. S. 523 § 213.

([2]) Wechselrecht изд. 47 г. S. 195 § 210—Protest ist der Beweis, dass die Tratte nicht honorirt worden ist.

([3]) Die Lehre vom Wechsel изд. 68 г. S. 145 § 29 — Protest ist eine in ganz bestimmter Form aufgenommene Urkunde, durch welche der Beweis erbracht wird, dass eine Honorirung der Tratte nicht Statt gefunden hat.

([4]) Oevres complets S. 902. — Le protêt est un acte solennel fait à la requête du propriétaire de la lettre de change, ou du porteur de la lettre, au nom et comme procureur du propriétaire pour constater le refus que fait celui, sur qui elle est tirée de l'accepter ou de payer.

([5]) Story's — Englisches und Nordamericanisches Wechselrecht изд. Treitschke. Leipzig 1845 г. S. 153.— Protest ist eine feierliche Erklärung

По опредѣленію Kheil'я протестъ есть оффиціальное на письмѣ изложенное свидѣтельство, которымъ доказывается, a) что держатель выполнилъ вытекающія изъ векселя обрядности, къ которымъ онъ обязался принявъ вексель и b) что по векселю отъ обязанныхъ лицъ или назначенныхъ къ принятію на себя обязанности выполненія непослѣдовало ([1]); и далѣе ([2]) же онъ указываетъ, что на протестѣ единственно основывается право регресса.

„Протестъ есть форма, говоритъ Bierer, т. е. единственно допускаемое средство доказательства. Онъ есть документъ, свидѣтельство—но не предохраненіе, не удержаніе правъ" ([3]).

По Рено „протестъ есть оффиціальное свидѣтельство, посредствомъ котораго констатируется совершеніе дѣйствія, требуемаго по вексельному праву" ([4]). И, наконецъ по Blaschke протестъ есть—также оффиціальное свидѣтельство, удостовѣряющее о послѣдствіяхъ, предпринятаго въ вексельномъ оборотѣ дѣйствія" ([5]).

---

im Namen des Inhabers gegen jeden Verlust, der, nach Verschidenheit der Fälle, aus der Nichtacceptation oder Nichtzahlung des Wechsels ihn treffen möchte.

([1]) Der Protest ist das öffentliche, schriftliche Zeugniss, wodurch bezeugt wird, dass:

a) der Wechselinhaber die ihm aus dem Wechsel zugewiesene Solennität erfüllt, welche er mit Uebernahme des Wechsels übernommen hat, und dass:

b) der Wechsel vom Wechselverpflichteten oder zur Verpflichtung Angewiesenen nicht honorirt wurde.—Kheil. Wechselrecht des oesterreichischen Kaiserstaates. 1867 г. S. 352. § 454.

([2]) Ibid. S. 353.

([3]) Proteste sind Form d. h. das allein statthafte Beweismittel. Der Protest ist eine Beweisurkunde, ein Zeugniss, nicht eine Verwahrung oder Vorbehalt (Protestation oder Reservation).—Deutsche Wechsellehre. S. 162. § 87 изд. 70 г.

([4]) Der Protest ist eine öffentliche Urkunde, durch welche die Vornahme einer wechselrechtlich relevanten Handlung hergestellt werden soll.—Lehrbuch des allg. deutsch. Wechselrechts. 3. Aufl. Giessen 1868 г. S. 101 § 27.

([5]) Der Protest ist eine öffentliche Urkunde, die über den Erfolg einer im Wechselgeschäfte vorgenommenen Handlung errichtet wird.—Das Oesterreichische Wechselrecht. Wien. 1872 г. S. 235 § 114.

Вотъ всѣ извѣстныя мнѣ опредѣленія протеста, принадлежащія различнымъ писателямъ по вексельному праву. Но, какъ я выше сказалъ, опредѣленія протеста даютъ и нѣкоторыя изъ законодательствъ: сюда принадлежатъ законодательства: Боливіи (art. 413), Венгріи (§ 126), Швейцарскаго кантона Сентъ-Галлена (art. I tit. V) и кантона Ааргау (§ 26). По первому „протестъ есть требованіе, обращенное держателемъ векселя къ тому, кто отказываетъ принять или платить, съ угрозою взысканія суммы съ издержками и могущими отъ отказа возникнуть убытками" (¹). По законодательству Ааргау (§ 26) „протестомъ удостовѣряется полное или частное непринятіе или неплатежъ" (²). Законодательство Венгріи (§ 126) считаетъ „протестъ за доказательство обстоятельствъ, лежащихъ въ основѣ регресса, долженствующее имѣть мѣсто въ отношеніи всѣхъ обстоятельствъ, отъ доказательства которыхъ зависитъ регрессъ (³). Наконецъ, законодательство Швейцарскаго кантона Сентъ-Галлена (art. I tit V) (⁴) держится того устарѣлаго и давно уже оставленнаго наукою (⁵) воззрѣнія, что протестъ есть орудіе или средство, которымъ предохраняются и удерживаются права".

(¹) Protest ist die, vom Inhaber eines Wechsels an Denjenigen, welcher ihn anzunehmen oder zu bezahlen verweigert, gerichtete Aufforderung, unter der Androhung den Betrag mit den Kosten und den, aus der Zögerung erwachsenden Schäden einzutreiben.

(²) Der Protest ist die von einem öffentlichen Notar, einem Anwalte, einem Gerichtsschreiber oder Gerichtssubstituten zu errichtende Urkunde, welche die ganze oder theilweise Nichtannahme, oder die ganze oder theilweise Nichtbezahlung des Wechsels beweist.

(³) Der Protest ist eine öffentliche Urkunde, durch welche die Umstände, die dem Regresse als Grundlage dienen, bezeugt werden, eben deshalb findet hinsichtlich aller Umstände, von deren Beweise der Regress abhängt, die Protesterhebung statt.

(⁴) Protest ist ein durch einen ordentlichen Notarius rechtsförmig verfertigtes Instrument, wodurch derjenige, dem die Acceptation oder Zahlung verweigert wird, sich einstweilen protestando verwahrt, und sich selbst oder denen, so es angeht alle Rechtsbefugsame vorbehält, mithin gegen einen Jeden sich legitimirt, seines Orts nichts versäumt zu haben.

(⁵) Pöhls. выше указ. соч. S. 483 конецъ § 309 и прим. 4 и 5; Bierer. указ. выше соч. стр. 162 § 87.

Изъ приведенныхъ опредѣленій мы можемъ видѣть, что въ нихъ указывается сущность протеста, способъ совершенія и цѣль его, указывается также то, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ, упоминаются и лица, могущія предъявить и совершить протестъ. Впрочемъ въ каждомъ изъ указанныхъ опредѣленій говорится не о всемъ этомъ; напротивъ въ каждомъ говорится о которомъ либо одномъ, или о двухъ предметахъ, но нѣтъ ни одного на столько полнаго опредѣленія, чтобы оно содержало въ себѣ указаніе на все вышеупомянутое.

Способъ совершенія протеста, указываемый опредѣленіями, есть тотъ, что протестъ есть свидѣтельство оффиціальное, что онъ совершается государственными учрежденіями—мѣстами и лицами (1). Такое положеніе будучи вѣрнымъ въ отношеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законодательствъ, не можетъ быть признано вѣрнымъ вообще — съ обще теоретической точки зрѣнія; въ виду даже теперь существующаго оно не вѣрно или точнѣе сказать слишкомъ узко — именно въ отношеніи законодательствъ, допускающихъ, какъ увидимъ ниже, совершеніе протеста посредствомъ частныхъ лицъ. Итакъ констатируется тотъ фактъ, что протестъ можетъ быть свидѣтельство оффиціальное и неоффиціальное, что, очевидно, обобщить нельзя; но нельзя также помѣстить въ опредѣленіи и оба эти эпитета, потому что опредѣленіе въ этомъ видѣ будетъ примѣнимо только къ тѣмъ законодательствамъ, которыя допускаютъ оба способа совершенія протеста, но не будетъ примѣнимо къ остальнымъ законодательствамъ; остается, потому, указать лишь въ опредѣленіи, что протестъ есть свидѣтельство, но способъ совершенія неуказывать, причемъ будетъ, конечно, подразумѣваться, что протестъ относительно способа совершенія подлежитъ законодательнымъ опредѣленіямъ той мѣстности, гдѣ онъ предъявляется.

---

(1) Публичное заявленіе — contestatio publica — Riccius (см. выше); оффиціальное свидѣтельство — öffentliche Urkunde — Миттермайеръ; idem Kletke — онъ прибавляетъ еще, что протестъ есть свидѣтельство на письмѣ изложенное; idem Герберъ; формальное свидѣтельство — Кунце; торжественное заявленіе — Story; оффиціальное свидѣтельство — Рено; idem Blaschke и венгерск. законодательство § 126

О сущности протеста говорятъ, что онъ есть заявленіе ([1]), средство доказательства ([2]), свидѣтельство ([3]), орудіе ([4]), удостовѣреніе ([5]), документъ ([6]), актъ ([7]). Съ тѣмъ, что протестъ есть заявленіе — согласиться нельзя, потому что при протестѣ дѣло не ограничивается констатированіемъ этого заявленія, напротивъ лица, совершающія протестъ, должны удостовѣриться въ правильности заявленій предъявляющаго, — слѣдовательно протестъ не есть заявленіе, но онъ есть нѣчто такое, при чемъ совершается и повѣрка заявленій. Протестъ точно также не есть и требованіе, обращенное къ извѣстному лицу, потому что не тѣмъ самымъ уже совершается протестъ, что требуется выполненіе чего либо, но требованіе есть дѣйствіе, необходимое, и то не во всѣхъ случаяхъ,—въ процедурѣ протеста, при чемъ только при невыполненіи требованій протестъ можетъ имѣть мѣсто. Протестъ не есть также и формальный актъ, потому что, какъ говоритъ Рено ([8]), возможно устраненіе его ([9]).

Затѣмъ всѣ прочія названія употребляются въ опредѣленіяхъ въ смыслѣ процессуальнаго средства доказать что либо, и могутъ быть одинаково употребляемы въ опредѣленіяхъ протеста, такъ что можно сказать, что протестъ есть

([1]) Riccius, Story; ([2]) Гартманъ — Beweismittel; ([3]) Kletke — Zeugniss, idem Герберъ и Kheil; ([4]) С. Галленъ art I. tit V Instrument; ([5]) См. опредѣленія — Urkunde; ([6]) Bierer — Beweisurkunde; ([7]) Pothier — acte solennel.

([8]) Lehrbuch стр. 103 § 27.

([9]) Въ русской литературѣ мы находимъ одно лишь опредѣленіе протеста, принадлежащее г. Гурлянду (С. В. 69 г. № 204), по мнѣнію котораго, протестъ есть напоминаніе должнику чрезъ нотаріуса, что наступилъ срокъ платежа и не имѣетъ ли онъ возможности разсчитаться съ кредиторомъ теперь же, избавляя его отъ представленія векселя ко взысканію.—Это опредѣленіе не только нельзя признать правильнымъ съ обще-теоретической точки зрѣнія, но нельзя даже допустить и съ точки зрѣнія нашего права. Для чего нужно напоминаніе должнику; развѣ онъ не знаетъ самъ, что онъ не произвелъ платежа по векселю?—Но это напоминаніе, являясь совершенно излишнимъ въ отношеніи трассата и векселедателя въ простомъ и трассированномъ на себя векселѣ, уже совершенно непримѣнимо къ индоссантамъ, которымъ должно не напоминать о долгѣ, но лишь сообщить о томъ или другомъ уклоненіи въ естественномъ ходѣ вексельнаго оборота.

доказательство чего либо, или письменный актъ, удостовѣряющій что либо, и средство доказать что либо и удостовѣреніе.

Протестъ свидѣтельствуетъ по мнѣнію однихъ о заботливости векселедержателя ([1]); при чемъ по мнѣнію Бендера кромѣ того протестъ свидѣтельствуетъ о тщетности трудовъ векселедержателя при требованіи выполненія извѣстнаго дѣйствія; по мнѣнію Миттермайера и Kletke протестъ, кромѣ заботливости векселедержателя свидѣтельствуетъ еще и о томъ, что извѣстное лицо или не приняло на себя тѣ или другія обязанности по векселю или приняло ненадлежаще, или что, принявъ ихъ на себя, оно не выполнило ихъ или выполнило не надлежащимъ образомъ; по Гартману, наконецъ, протестъ свидѣтельствуетъ—о не выполненіи вексельнаго обязательства.

У нѣкоторыхъ писателей, не говорящихъ о томъ, что протестъ свидѣтельствуетъ о заботливотливости векселедержателя, мы также находимъ указанія на то, что удостовѣряется протестомъ; имъ удостовѣряется надлежаще совершившаяся презентація и безпослѣдственность (Erfolglosigkeit) ея ([2]), надлежащая презентація и отсутствіе платежа (вѣроятно въ смыслѣ удовлетворенія) ([3]), неудовлетвореніе по векселю ([4]), отказъ трассата принять или уплатить ([5]). Рено говоритъ вообще, что протестомъ констатируется *совершеніе* извѣстнаго дѣйствія, *требуемаго* по вексельному праву; по Blaschke — протестъ свидѣтельствуетъ *о послѣдствіяхъ* совершенія предпринятаго въ вексельномъ оборотѣ дѣйствія. По законодательству Ааргау ([6]) протестомъ удостовѣряется полное или частное непринятіе или неплатежъ, а по законодательству Венгріи ([7]) доказываются обстоятельства, лежащія въ основѣ регресса.

Посмотримъ теперь какое изъ только что приведенныхъ указаній на то, о чемъ можетъ свидѣтельствовать протестъ, должно быть признано наиболѣе правильнымъ. Можетъ ли преж-

---

([1]) Riccius, Bender, Миттермайеръ, Гартманъ и Kletke.

([2]) Кунце. ([3]) Герберъ.

([4]) Thöl, Braun, Kheil—при чемъ послѣдній указываетъ еще на выполненіе векселедержателемъ вытекающей для него изъ принятія векселя обязанности выполнить извѣстныя формальности.

([5]) Pothier. ([6]) § 26; ([7]) § 126.

де всего протестъ свидѣтельствовать о чьей либо заботливости. Очевидно, нѣтъ. Онъ не можетъ свидѣтельствовать о ней потому, что она негласна, что она совершенно неизвѣстна до предъявленія протеста или даже до самаго совершенія его. Протестъ можетъ лишь свидѣтельствовать о томъ, что были выполнены извѣстныя предписанія закона о протестахъ, и что при этомъ дѣйствительно не послѣдовало выполненіе тѣхъ требованій, по невыполненію которыхъ и предъявляется протестъ. Представимъ себѣ такой случай. А., получивъ вексель отъ В. съ рядомъ индоссаментовъ, передаетъ его тотчасъ лицу, уполномоченному на совершеніе протестовъ — нотаріусу или какому нибудь другому должностному лицу, поручая ему въ надлежащее время вексель протестовать. Гдѣ здѣсь заботливость со стороны А. о достиженіи выполненія отъ того лица, которымъ должно было быть что либо выполнено? Очевидно въ подобныхъ случаяхъ протестъ ни о какой заботливости не свидѣтельствуетъ; — здѣсь нотаріусъ отправляется къ надлежащимъ лицамъ, предъявляетъ извѣстныя требованія и, будутъ они выполнены, принимаетъ выполненіе и въ однихъ случаяхъ выдаетъ выполнившему вексель, въ другихъ — допускаетъ лишь то или другое означеніе на немъ, не будутъ выполнены, — онъ совершаетъ протестъ, — и только; во всемъ этомъ процессѣ нѣтъ и тѣни заботливости со стороны А. о полученіи удовлетворенія. — И такъ мы не можемъ принять того мнѣнія, что протестъ свидѣтельствуетъ о заботливости векселедержателя, но не могутъ быть приняты и всѣ прочія указанія: они всѣ слишкомъ неполны и необъемлютъ всѣхъ видовъ и случаевъ протеста: такъ подъ указаніе, что протестомъ удостовѣряется непринятіе на себя или невыполненіе извѣстнымъ лицомъ вексельныхъ обязанностей или вообще невыполненіе вексельнаго обязательства, не подойдетъ тотъ случай, когда лицо не отыскано въ извѣстномъ мѣстѣ, или — тотъ случай, когда посредникъ удостовѣряетъ протестомъ отказъ трассата отъ принятія и учиненное имъ самимъ принятіе векселя (¹). Послѣдній изъ указанныхъ случаевъ не подойдетъ точно также и подъ указаніе, что протестомъ удостовѣряется безпослѣдственность презентаціи, потому что въ этомъ случаѣ и никакая презентація не нуж-

(¹) Русск. векс. уст. ст. 594.

на. Неудовлетворенiе по векселю (вообще) или непринятiе или неплатежъ, отказъ принять или уплатить, полное или частное непринятiе и неплатежъ, — конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ удостовѣряются протестомъ, но это не единственные случаи, когда протестъ необходимъ, и ни подъ одно изъ этихъ положенiй не подойдетъ, напримѣръ, случай протеста при невыдачѣ предъявителю копiи векселя оригинала, посланнаго для предъявленiя къ принятiю.

Что протестомъ удостовѣряются не одни только обстоятельства, лежащiя въ основѣ регресса — за это говоритъ допускаемая нѣкоторыми законодательствами возможность протеста въ случаѣ неуказанiя въ акцептѣ по векселямъ срокомъ на извѣстное время по предъявленiи (auf bestimmte Zeit nach Sicht) числа принятiя, при чемъ посредствомъ протеста констатируется исключительно число, но не обобновывается никакого регресса.

Наконецъ не могутъ быть приняты и общiя положенiя Рено и Blaschke. Протестъ удостовѣряетъ не *совершенiе* извѣстныхъ дѣйствiй, *требуемыхъ* по вексельному праву (о чемъ говоритъ Рено), но свидѣтельствуетъ исключительно только о несовершенiи того или другаго дѣйствiя, такъ что если бы требуемое по вексельному праву дѣйствiе было совершено, то протестъ и не могъ бы послѣдовать, хотя съ другой стороны онъ и можетъ косвенно свидѣтельствовать о совершенiи извѣстнаго дѣйствiя. Такъ въ отношенiи индоссантовъ протестъ противъ трассата или векселедателя (въ векселяхъ простыхъ и трассированныхъ на себя) свидѣтельствуетъ, что требованiе удовлетворенiя было обращено къ этимъ лицамъ; точно также протестъ со стороны посредника свидѣтельствуетъ о принятiи этимъ лицомъ, также какъ и означенiе въ протестѣ о посредничествѣ — свидѣтельствуетъ о совершенiи извѣстныхъ дѣйствiй, но онъ свидѣтельствуетъ о дѣйствiяхъ, хотя и совершающихся, но не *требуемыхъ* по вексельному праву.

Но протестъ точно также можетъ свидѣтельствовать и не о всякихъ послѣдствiяхъ совершенiя извѣстныхъ дѣйствiй, требуемаго по вексельному праву (на что указываетъ Blaschke), потому что, если на требованiе принятiя, платежа или выдачи оригинала-векселя послѣдуетъ исполненiе со стороны лица, къ которому требованiя обращены, то эти послѣдствiя совершенiя дѣйствiя не могутъ быть удостовѣрены протестомъ. Слѣдова-

тельно какъ указаніе Рено, что протестомъ свидѣтельствуется о дѣйствіяхъ, *требуемыхъ* по вексельному праву, такъ и указаніе Blaschke, что имъ свидѣтельствуется о *послѣдствіяхъ* совершенія дѣйствій — въ одно и тоже время являются и слишкомъ узкими и слишкомъ обширными, потому что съ одной стороны протестомъ могутъ быть, какъ уже указано выше, удостовѣрены и дѣйствія лишь *выполняемыя* по вексельному праву, но не *требуемыя*, съ другой же стороны протестомъ удостовѣряются не всѣ *послѣдствія* того или другаго дѣйствія, совершающагося въ вексельномъ оборотѣ, по большею частью послѣдствія *отрицательнаго* свойства.

Разсматривая вышеуказанныя положенія о томъ, о чемъ свидѣтельствуетъ протестъ, мы можемъ при всемъ ихъ разнообразіи уловить то общее начало, что протестъ имѣетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нормальность вексельнаго оборота нарушается, когда является уклоненіе отъ того, что при правильномъ, естественномъ теченіи дѣлъ должно бы быть выполнено или выполняться не должно. При обыкновенномъ порядкѣ доказательствомъ, удостовѣреніемъ о всѣхъ дѣйствіяхъ, относящихся къ векселю, служитъ самъ вексель или представители его (копіи и неакцептованные образцы). На немъ означается акцептъ, число акцепта, когда это нужно, индоссаменты, послѣдовательный непрерывный рядъ которыхъ легитимируетъ векселедержателя; на векселѣ означается, наконецъ, платежъ, какъ крайнее дѣйствіе въ вексельномъ оборотѣ, въ виду и съ цѣлью полученія котораго создается и самый вексель.

Но коль скоро что либо изъ нормально необходимаго не совершается, то это несовершеніе должно быть констатировано, и если при этомъ несовершеніи—происходитъ что либо экстраординарное, допускаемое по вексельному праву въ видахъ гарантіи кредита, то и объ этомъ вспомогательномъ средствѣ, возстановляющемъ правильность вексельнаго оборота, должно послѣдовать извѣстное удостовѣреніе. Для констатированія, для удостовѣренія о такихъ событіяхъ въ вексельномъ правѣ только и допускается одинъ актъ—это протестъ.

Факты, подлежащіе констатированію посредствомъ протеста, многочисленны и разнообразны. Они не могутъ быть, вслѣдствіе этого, указаны въ опредѣленіи, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше писателей, но за то есть

полная возможность обобщить всѣ ихъ въ томъ общемъ положеніи, что протестомъ удостовѣряется объ уклоненіи отъ нормальнаго порядка въ вексельномъ оборотѣ.

Въ отношеніи лицъ, предъявляющихъ протестъ, и лицъ, отъ имени которыхъ онъ предъявляется, въ опредѣленіяхъ большею частью говорится о держателѣ—о векселедержателѣ [1], иногда о презентантѣ [2], о собственникѣ или его представителѣ [3].

Но протестъ можетъ быть предъявленъ, какъ увидимъ ниже, и не однимъ изъ этихъ лицъ, но лицомъ совершенно постороннимъ—я укажу только на приведенный уже примѣръ протеста со стороны посредника при принятіи имъ векселя.

Вообще по обилію лицъ, которыми и отъ имени которыхъ можетъ быть предъявленъ протестъ, по различію опредѣленій законодательствъ въ отношеніи этого предмета, а также потому, что уже само собою подразумѣвается, что протестъ можетъ быть предъявленъ лицомъ, для котораго есть въ томъ интересъ—въ опредѣленіе лучше не вводить указаній на лица, потому что, кромѣ излишности такихъ указаній, при неполнотѣ—указаніе недостигаетъ цѣли, при полнотѣ же безъ существенной пользы увеличится слишкомъ объемъ опредѣленія, такъ что за повтореніемъ подразумѣваемаго можетъ прерваться нить въ изложеніи сущности.

Опредѣленія, выше приведенныя, говорятъ и о лицахъ, совершающихъ протестъ,—то оффиціальныя лица и мѣста; лицъ же частныхъ опредѣленія не указываютъ, а потому они являются неполными въ этомъ отношеніи. Однако помѣстить въ опредѣленіе указаніе на то и другое нельзя по тѣмъ же соображеніемъ, по которымъ нельзя помѣстить въ опредѣленіе указаніе совмѣстно на совершеніе протеста оффиціальнымъ и частнымъ порядкамъ, а потому лучше вовсе не указывать въ опредѣленіи протеста на лицъ совершающихъ протестъ.

Наконецъ опредѣленіе указываютъ и цѣль совершенія протеста: это—сохраненіе права на регрессъ и устраненіе

---

(1) Pöhls, Bender.

(2) Riccius, Миттермайеръ.

(3) Pothier. Pardessus стр. 514 § 418.

потери вексельнаго права (1), предохраненіе и удержаніе права на регрессъ (2), обоснованіе регресса (3), огражденіе себя отъ потерь, могущихъ произойти по различнымъ случаямъ отъ непринятія или неплатежа (4).

Какъ мы сказали уже, взглядъ, что сохраненіе права на регрессъ есть цѣль протеста давно уже оставленъ наукою, протестъ же есть и то лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ условіе регресса, т. е. право регресса лишь съ протеста возникаетъ (5), но не во всѣхъ случаяхъ послѣдствіе протеста—регрессъ. Не обща и цѣль—устраненіе потери вексельнаго права, потому что, во-первыхъ, по нѣкоторымъ законодательствамъ вексельныя права не теряются и безъ протеста (Riccius говоритъ, конечно, о вексельныхъ правахъ противъ векселедателя или трассата—акцептанта), во вторыхъ есть случаи протеста, въ которыхъ на вексельныя права не оказывается протестомъ никакого вліянія и не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, совершенъ протестъ или нѣтъ. Кромѣ того и самое выраженіе—устраненіе потери вексельныхъ правъ—нельзя считать примѣнимымъ къ протесту, такъ какъ до истеченія срока векселедержатель имѣетъ право на одно—на требованіе принятія или платежа или выполненія какого либо другаго дѣйствія, а по истеченіи срока или по совершеніи какого бы то ни было досрочнаго протеста прежнія права въ однихъ случаяхъ безвозвратно теряются, замѣняясь правомъ на взысканіе вексельнымъ порядкомъ, въ другихъ случаяхъ пріобрѣтаются нѣкоторыя новыя права безъ потери правъ прежнихъ, но протестъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сохранить векселедержателю первое его право—онъ есть лишь условіе для возникновенія новыхъ правъ.

Въ наукѣ считается не всеобщей и не всеобъемлющей и цѣль протеста, указываемая Гартманомъ — обоснованіе регресса, — и—Wagner'омъ и Haimerl'емъ — доказательство

---

(1) Riccius. (2) С. Галленъ art. I. tit V.

(3) Hartmann. Венгерск. законодательство § 126.

(4) Story. (5) Protest не есть Verwahrung oder Vorbehalt — не есть предохраненіе, удержаніе правъ — говоритъ Bierer. Deutsche Wechsellehre. S. 162 § 87.

условій регресса;—такая цѣль, по мнѣнію Blaschke, слишкомъ узка—такъ какъ есть и другія цѣли протеста [1].

Точно также узко и указаніе, что цѣль протеста—огражденіе себя отъ потерь, могущихъ произойти отъ непринятія или неплатежа, такъ какъ указаніемъ на *эту* цѣль не исчерпываются цѣли прочихъ видовъ протеста за исключеніемъ протестовъ въ непринятіи и неплатежѣ, да и этого вида протесты не всегда совершаются исключительно съ только что указанною цѣлью; напротивъ протестъ можетъ послѣдовать даже и тогда, когда отъ непринятія или неплатежа никакихъ потерь не предвидится. Съ другой стороны отъ непринятія или неплатежа можетъ предвидѣться полная потеря, а между тѣмъ протестъ ненуженъ и не можетъ оградить отъ потери, если бы даже и былъ совершенъ, какъ напримѣръ по простымъ векселямъ, не переходившимъ изъ рукъ въ руки, согласно законодательствамъ, признающимъ протестъ ненужнымъ для того, чтобы имѣть вексельное право противъ векселедателя.

Но указаніе на эту цѣль также и слишкомъ обширно, такъ какъ почти о всякомъ дѣйствіи въ вексельномъ оборотѣ можно сказать, что цѣль его есть огражденіе себя отъ потерь; своевременная пересылка векселя для предъявленія къ принятію—цѣль—огражденіе себя отъ потерь; нотификація—цѣль—огражденіе себя отъ потерь, нечего и говорить уже о поручительствѣ, о назначеніи нотадрессатовъ (т. е. посредниковъ на случай нужды, какъ говоритъ наше законодательство. 587 и сл. ст. Векс. Уст.), допущеніи Ehrenacceptant'овъ (посредниковъ въ принятіи)—цѣль всего этого еще болѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ вышеуказанныхъ дѣйствій,—есть огражденіе себя тѣмъ или другимъ лицомъ отъ потерь, такъ что указаніе на эту цѣль и въ примѣненіи къ протесту, можно сказать, ничего не выясняетъ, ни о чемъ не даетъ понятія, такъ какъ не указываетъ ничего характеристическаго.

И такъ мы видимъ, что цѣли, указываемыя въ опредѣленіяхъ или слишкомъ узки или слишкомъ общи, но почти во всѣхъ нихъ кроется мысль о правѣ, причемъ въ однихъ

---

(1) Blaschke. Das österreichische Wechselrecht. изд. 72 г. стр. 235. § 114 примѣч. 3.

опредѣленіяхъ указывается, что право сохраняется, удерживается, въ другихъ—что оно обосновывается, но во всѣхъ нихъ говорится не о правѣ вообще какое бы оно ни было, а объ отдѣльныхъ правахъ, между тѣмъ какъ положеніе, что „протестъ совершается для того, что бы возникло какое нибудь право для предъявляющаго протестъ" выразило бы вполнѣ всѣ цѣли протестовъ, могло бы вполнѣ вмѣстить всѣ ихъ, такъ какъ нѣтъ ни одного протеста, который не послужилъ бы основаніемъ для какого нибудь права, и такъ какъ при уклоненіи отъ нормальнаго порядка въ вексельномъ оборотѣ не возникаетъ никакого права безъ протеста.

Разсматривая извѣстныя мнѣ опредѣленія различныхъ писателей и законодательствъ, опредѣляя возможность или невозможность внести въ опредѣленіе протеста то или другое указаніе, я упомянулъ уже о всѣхъ элементахъ, долженствующихъ найти мѣсто въ опредѣленіи протеста, я по частямъ привелъ уже почти все опредѣленіе, по которому „протестъ есть удостовѣреніе объ уклоненіи отъ нормальнаго порядка въ вексельномъ оборотѣ, обосновывающее извѣстныя права для того лица, отъ имени котораго протестъ предъявляется".

Я кончилъ, такимъ образомъ, опредѣленіе протеста а вмѣстѣ съ тѣмъ и первый § первой главы; въ заключеніе я долженъ только сказать нѣсколько словъ вообще о случаяхъ, когда протестъ необходимъ и когда такой необходимости въ немъ нѣтъ.

Уже изъ самаго опредѣленія протеста выясняются, какъ мнѣ кажется, случаи какъ необходимости, такъ и излишности протеста. Протестъ вообще необходимъ тогда, когда онъ можетъ обосновать тѣ или другія права, такъ что коль скоро не имѣется въ виду обоснованіе правъ, то и протестъ не нуженъ. Съ этой точки зрѣнія многія изъ новѣйшихъ законодательствъ (¹) по вексельному праву вполнѣ правильно признаютъ протестъ не необходимымъ въ отношеніи акцептанта и въ отношеніи векселедателя въ простомъ и трассированномъ на себя векселяхъ, съ одной стороны потому, что обязательство, возникшее для акцептанта изъ акцепта, безусловно, т. е. не зависитъ отъ выполненія какихъ

(¹) Законодательство Бразиліи art. 426; Чили art. 777; A. D. W. O. art. 44. и др.

либо формальностей со стороны векселедержателя, ограничиваясь лишь срокомъ давности ([1]), съ другой стороны потому, что хотя бы и былъ совершенъ протестъ, то онъ не породилъ бы для векселедержателя новаго права противъ означенныхъ лицъ, самое большое онъ могъ бы усилить лишь его право, что и признается другими законодательствами ([2]), говорящими, что, хотя упущеніемъ протеста векселедержатель и не теряетъ права на полученіе вексельной суммы, но онъ не можетъ воспользоваться при требованіи ея строгостью вексельнаго взысканія. Но для этой только цѣли [т. е. для пріобрѣтенія только права на вексельное взысканіе противъ акцептанта и векселедателя (въ простомъ и трассированномъ на себя векселѣ) т. е. противъ лицъ прямо обязанныхъ по векселю] протестъ совершенно не нуженъ, напротивъ протестъ обратился бы лишь въ пустую формальность, такъ какъ тому лицу, противъ котораго протестъ совершается, и безъ удостовѣренія объ уклоненіи отъ нормальнаго порядка въ вексельномъ оборотѣ во всякомъ случаѣ извѣстно выполнило ли оно то, что должно было выполнить, или допустило ту или другую неисправность.

Въ англійскомъ ([3]) и американскомъ ([4]) правѣ мы находимъ положеніе, что протестъ не необходимъ по векселямъ переводнымъ-внутреннимъ и простымъ по всѣмъ вообще, не смотря на то находятся на нихъ индоссаменты и имѣется въ виду или нѣтъ обоснованіе права на регрессъ. Но въ этомъ можно видѣть лишь непослѣдовательность англійскаго права: признавая ненужность протеста въ указанныхъ случаяхъ, оно въ то же время считаетъ его необходимымъ въ отношеніи векселей переводныхъ заграничныхъ, между тѣмъ какъ природа векселей одинакова обращались ли эти векселя и были ли назначены для обращенія только въ извѣстной странѣ или они изъ одной страны перешли въ другую. Кромѣ того положенія англійскаго права, признающія протестъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишнимъ, невѣрны въ ихъ общности

([1]) Brauer. A. D. W. O. изд. 1851 г. S. 94.

([2]) 615 и 636 ст. Русскаго векс. Устава.

([3]) Borchardt. стр. 193; Colfavru, стр. 249 и 252.

([4]) Borchardt. стр. 193.

и потому, что для возникновенія правъ протестъ необходимъ, такъ какъ для этого возникновенія нужны твердыя основанія, а такихъ основаній безъ протеста быть не можетъ, развѣ что протестъ будетъ устраненъ особымъ соглашеніемъ контрагентовъ; въ такихъ случаяхъ соглашеніе объ устраненіи протеста замѣняетъ протестъ, какъ говорятъ законодательства, допускающія устраненіе протеста.

2. Необходимость и незамѣнимость протеста.

Протестъ есть институтъ чуждый общегражданскому праву, онъ принадлежитъ исключительно вексельному праву, составляя въ вексельномъ правѣ единственно допускаемый способъ удостовѣренія всѣхъ возможныхъ уклоненій отъ нормальнаго порядка. Какъ вообще весь вексельный институтъ не подходитъ ни подъ одну сдѣлку общегражданскаго права вслѣдствіе своихъ особенностей, то онъ нуждается и въ особыхъ средствахъ какъ своего проявленія, такъ и констатированія ненормальностей въ этомъ проявленіи. Средствомъ нормальнаго проявленія—является вексель какъ актъ письменный; средствомъ констатированія ненормальностей—протестъ. Какъ вексель есть наименѣе стѣсненное въ обращеніи орудіе кредита, такъ и протестъ является самымъ простымъ, самымъ легкимъ средствомъ удостовѣрить препятствія обращенію орудія кредита — векселя.

Хотя и существуетъ взглядъ, что протестъ не необходимъ, что онъ можетъ быть замѣненъ и другими доказательствами, но этотъ взглядъ основанъ на томъ ложномъ представленіи, что протестъ служитъ доказательствомъ заботливости векселедержателя ([1]), въ большинствѣ же случаевъ высказывается мнѣніе о незамѣнимости протеста никакимъ другимъ актомъ и, конечно, это мнѣніе основывается на сознаніи, что никакой другой актъ, никакое другое средство не могутъ быть на столько цѣлесообразны, не могутъ быть

([1]) Pöhls. стр. 483 § 310 —Hält man diess Prinzip gehörig fest, so folgt, dass im Grunde der Protest an sich in keinem Wechselverhältnisse absolut nothwendig ist; sondern dass man, um consequent zu sein, behaupten müsse, dass der durch einen Protest zu liefernde Beweis auch auf andere Art müsse hergestellt werden können.

на столько удовлетворительны какъ протестъ. Положеніе о незамѣнимости находится въ весьма многихъ законодательствахъ ([1]), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ возможности замѣны абсолютно не допускаютъ, другія же допускаютъ замѣну на случай потери векселя ([2]). Такъ по французскому праву и законодательствамъ, слѣдующимъ въ этомъ отношеніи за французскимъ, платежъ можетъ быть требуемъ отъ акцептанта по неакцептованному образцу, лишь по опредѣленію судьи и подъ поручительство. Если же вексель потерянъ и никакого образца нѣтъ, то платежъ можетъ быть требуемъ также на основаніи приказа судьи, при томъ по доказательствѣ заявляющимъ требованія права собственности на потерянный вексель. Если платежъ не будетъ полученъ и по приказу судьи, то можетъ послѣдовать acte de protestation, послѣдствія котораго такія же какъ и—протеста въ неплатежѣ, но который различается отъ послѣдняго главнымъ образомъ тѣмъ, что въ протестѣ долженъ быть дословный списокъ векселя, въ acte же de protestation это невозможно, такъ какъ онъ и совершается въ случаяхъ, когда не предъявляется ни акцентованный и никакой либо другой образецъ ([3]).

И такъ мы видимъ, что, хотя французское право какъ бы и допускаетъ замѣну протеста другимъ актомъ, но это

([1]) Арг. Респ. art. 899; Bolivia art. 417; Чили art. 735; Франція art. 175; Мальта art. 234; Италія art. 261; Ваадтъ § 73; Wallis § 64; Сербія § 151; Испанія art. 522; Турція § 87; Уругвай § 916; Венецуела § 80. Въ отношеніи англійскаго права Story говоритъ: So wesentlich ist die Vorzeigung eines Protests in Mangel Accept, dass er nicht ersetzt werden kann durch Notirung des Wechsels wegen Nichtacceptation und nachfolgendem Protest in Mangel Zahlung (стр. 153—4 § 276). Точно также и Wächter (Wechsellehre изд. 1860 г. стр. 332 § 112) говоритъ, что Notiz не можетъ замѣнить протестъ, гдѣ послѣдній необходимъ.

([2]) Италія art. 261 — см. art. 255 и слѣд.; Франція art. 175.—см. art. 150. и слѣд.; Ваадтъ § 73; Валлисъ § 64; Испанія art. 522; Турція § 87.

([3]) Persil стр. 256 п. 2 — Acte de protestation имѣетъ мѣсто по мнѣнію Persil'я (стр. 255 п. 1) какъ въ томъ случаѣ, когда приказъ судьи еще не полученъ, такъ и въ томъ, когда при наличности такого приказа послѣдовалъ со стороны трассата отказъ въ уплатѣ. Ясный смыслъ art. 151 и 152 Cod. de Comm. допускаетъ, кажется мнѣ, одно только толкованіе — это приведенное въ текстѣ. Demangeat стр. 385—Cet acte ne diffère du protêt qu'en ce qu'il ne contient pas la transcription du titre, transcription que n'est pas possible quand le titre est perdu.

не есть дѣйствительная замѣна, а лишь только видимость ея — замѣна не въ сущности, но лишь по названію, такъ какъ способъ совершенія, срокъ предъявленія этого акта лицамъ, обязаннымъ по векселю, и значеніе этого акта, совершенно таковы же, какъ и самаго протеста, такъ что acte de protestation можно считать тѣмъ же самымъ протестомъ, при чемъ отличительнаго въ немъ только названіе. Это отличіе, конечно, несущественно, какъ несущественно и то, что въ протестѣ — списокъ — векселя, а въ acte de protestation — нѣтъ, потому что тѣмъ не менѣе въ acte de protestation должно быть точное указаніе, по какому именно векселю выполненіе требуется, при чемъ должно быть, конечно, въ точности указано какъ все содержаніе векселя, такъ и все то, что содержится на векселѣ.

Вслѣдствіе всего этого все отличіе протеста отъ acte de protestation сведется лишь къ тому, что въ одномъ случаѣ содержаніе векселя списывается съ самаго векселя, въ другомъ — содержаніе его излагается или со словъ потерявшаго вексель или съ составленной имъ о векселѣ записки, при чемъ упоминается однако и о потерѣ векселя и приказѣ судьи относительно выполненія вексельнаго обязательства [1].

О необходимости и незамѣнимости протеста говорятъ иногда или съ точки зрѣнія законодательныхъ положеній [2] или въ соображеніи того, что онъ необходимъ для удостовѣренія того или другаго дѣйствія. Но протестъ необходимъ и незамѣнимъ и съ обще теоретической точки зрѣнія, и притомъ онъ незамѣнимъ не только въ виду общихъ соображеній, представляющихся въ *то время*, когда протестъ *долженъ быть* совершенъ, но нельзя допустить замѣну его, хо-

---

[1] По законодательству Фрейбургскаго кантона (§ 151) во всѣхъ случаяхъ, когда держатель не можетъ предъявить протеста, потому что не имѣетъ въ рукахъ векселя, должно, послѣ того какъ въ платежѣ будетъ отказано, для удержанія своего права удостовѣрить отказъ посредствомъ обезпечивающаго (или сохраняющаго) права акта (Rechtsverwahrungsact), который долженъ совершиться въ день по срокѣ. Этотъ актъ почти тоже, что и acte de protestation французскаго права, такъ что сказанное относительно послѣдняго можетъ быть примѣнено и къ акту, о которомъ говоритъ законодательство Фрейбурга.

[2] Demangeat. Traité de la lettre de change. стр. 421.

тя бы въ *данномъ случаѣ* и представлялась полная *возможность* удостовѣрить другими способами то, что обыкновенно удостовѣряется посредствомъ протеста.

При уклоненіи отъ нормальнаго порядка въ вексельномъ оборотѣ долженъ быть удостовѣренъ цѣлый рядъ дѣйствій, цѣлый рядъ обстоятельствъ, при которыхъ уклоненіе совершилось. Все это должно быть констатировано точно и непоколебимо, слѣдовательно (для достиженія этой цѣли) оно должно влиться въ одну, точно опредѣленную, неизмѣняемую форму; отсюда само собою уже вытекаетъ, что въ удостовѣреніе всего этого не могутъ быть приняты или допущены свидѣтельскія показанія, такъ какъ съ одной стороны трудно запомнить все необходимое къ удостовѣренію уклоненія, или можно забыть то или другое обстоятельство, съ другой же стороны свидѣтели могутъ или умереть, или быть поставлены въ невозможность свидѣтельствовать ([1]), или могутъ сдѣлаться недостовѣрными. Кромѣ того свидѣтели не могутъ быть допущены и потому, что можетъ встрѣтиться въ вексельныхъ дѣлахъ необходимость доказать извѣстное уклоненіе въ весьма большомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ удостовѣреніе послѣдовало. Какъ, напримѣръ, можно доказать индоссанту, что вексель трассатомъ не принятъ или не оплаченъ, или, какъ можно доказать домиціліату, при неозначеніи трассатомъ въ акцептѣ числа, что презентація дѣйствительно послѣдовала тогда то, — если индоссантъ или домиціліатъ находятся отъ трассата въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ? А между тѣмъ случаи необходимости такихъ доказательствъ представляются сплошь и рядомъ. Слѣдовательно свидѣтели доказательствомъ уклоненій быть не могутъ, а за исключеніемъ ихъ остается одинъ только родъ доказательствъ—это доказательства письменныя, при чемъ этого рода доказательства удовлетворяютъ вполнѣ требованію непоколебимости, твердости, неизмѣняемости: разъ письменно изложенное говоритъ постоянно одно и тоже. Но письменныя удостовѣренія могутъ быть тѣ же свидѣтельскія показанія только на письмѣ изложенныя, — они могутъ быть, далѣе, лишь простымъ заявленіемъ предъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ о невыполненіи чего либо (какъ наша

([1]) Wächter-Wechsellehre стр. 304 § 106.

явка по срокѣ заемныхъ писемъ); могутъ быть письменныя удостовѣренія самого лица, къ которому требованіе было обращено, напримѣръ въ срокъ векселя трассатъ пишетъ векселедержателю на требованіе послѣднимъ платежа, что онъ платить не можетъ и что проситъ объ отсрочкѣ.

Но какъ письменныя свидѣтельства, такъ и письменный актъ отъ того лица, отъ котораго требуется исполненіе чего либо, должны содержать въ себѣ все то, что существенно для протеста, и не содержа чего либо, будучи въ отношеніи чего либо недостаточны, они не могутъ имѣть никакого значенія. Заявленіе предъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ, хотя оно и предлагается въ литературѣ, впрочемъ въ русской, взамѣнъ протеста, также не можетъ быть признано достаточнымъ какъ не могущее служить въ вексельномъ правѣ даже доказательствомъ несовершенія извѣстнаго дѣйствія, такъ какъ послѣднее и не должно быть совершено прежде чѣмъ оно будетъ потребовано,—требованіе же заявленіемъ не констатируется,—слѣдовательно въ вексельномъ правѣ простое заявленіе было-бы совершенно безцѣльно.

Хотя, какъ говорятъ ([1]), и теперь протесты совершаются безъ презентаціи, при чемъ нотаріусы, не ходя къ protestat'у, пишутъ прямо въ протестѣ „ходилъ и не засталъ дома", но такая практика есть ничто иное какъ злоупотребленіе и совершенные съ такимъ злоупотребленіемъ протесты должны считаться ничтожными какъ такіе, при выполненіи которыхъ не соблюдена существенно необходимая формальность: вексель не былъ предъявленъ чрезъ нотаріуса protestat'у, вслѣдствіе чего послѣдній былъ лишенъ возможности своевременнымъ удовлетвореніемъ требованій устранить протестъ.

Какъ я сказалъ уже выше, нельзя допустить замѣнимость протеста, хотя бы въ данномъ случаѣ для замѣны представлялась полная возможность.

Если мы допустимъ въ замѣну протеста свидѣтельскія показанія или указанные выше письменные акты, то результатомъ этого будетъ почти въ каждомъ случаѣ возбужденіе споровъ и сомнѣній о значеніи и смыслѣ тѣхъ или другихъ

([1]) Гурландъ Суд. Вѣстн. 69 г. № 204.

доказательствъ, что, конечно, должно вызвать судебное разбирательство, послѣ котораго только и будетъ впервые констатированъ фактъ: доказано уклоненіе или нѣтъ; въ такихъ случаяхъ вексель вступалъ бы въ силу вексельнаго права, какъ говоритъ нашъ законъ, только послѣ судебнаго рѣшенія. Вслѣдствіе этого могла бы устраниться быстрота вексельныхъ взысканій. И все это было бы лишь послѣдствіемъ того, что доказательства того или другаго событія не вылились въ точно опредѣленную, неизмѣнную форму. Въ отношеніи же протеста, который именно представляется такою формою, нѣкоторыя законодательства считаютъ возможнымъ даже прямо постановить, что протестъ представляется доказательствомъ тѣхъ событій, о которыхъ онъ свидѣтельствуетъ, prima facie [1]—т. е. съ перваго взгляда или, иначе говоря, въ силу своей лишь внѣшней формы.

Итакъ въ виду выше изложеннаго, мнѣ кажется, можетъ быть признано вполнѣ вѣрнымъ то положеніе, что нельзя допустить замѣну какими либо другими доказательствами протеста, какъ такого акта, который ради цѣлесообразности долженъ быть совершенъ по точной, строго опредѣленной формѣ.

3. Объ устраненіи протеста.

Протестъ доказываетъ невоспослѣдованіе извѣстнаго событія, которое въ данный моментъ должно бы совершиться или воспослѣдованіе такого, которое при нормальномъ ходѣ вексельнаго оборота совершаться не должно бы. Протестъ совершается исключительно въ интересѣ векселедержателя, такъ какъ имъ обосновывается вексельное право и регрессъ, и положительно къ невыгодѣ векселедателя и индоссантовъ, къ невыгодѣ не въ томъ только отношеніи, что имъ приходится при непринятіи или неплатежѣ или вообще при невыполненіи тѣхъ или другихъ дѣйствій лицами, для того назначенными, обращать свои капиталы, на удовлетвореніе по векселю, но главнымъ образомъ потому, что вообще протестъ вредно вліяетъ на кредитъ лицъ, участвующихъ въ векселѣ, который допущенъ до протеста. Съ другой стороны предъявленіе протеста мо-

---

[1] Верхн. Канада art. 6. Нижн. Канада art. 2305.

жетъ иной разъ затруднить и векселедержателя, или оно можетъ сдѣлаться и вовсе для него невозможнымъ вслѣдствіе какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Такъ вотъ для облегченія взаимныхъ неудобствъ, къ обоюдной выгодѣ, пріобрѣтающій право и обязывающійся по векселю могутъ найти возможнымъ устранить протестъ и такимъ образомъ уничтожить гласность неисполненія того или другаго дѣйствія или наступленія того или другаго обстоятельства, съ условіемъ однако, чтобы для держателя и при условіи объ устраненіи протеста въ результатѣ оказались тѣ же права, какія принадлежали бы ему по учиненіи надлежащаго протеста. Подмѣтивъ такое желаніе, стремленіе лицъ, оперирующихъ векселями, нѣкоторыя законодательства, впрочемъ весьма немногія, сочли возможнымъ удовлетворить этой потребности и допустить возможность устраненія протеста, сохраняя однако за соглашеніемъ пріобрѣтающаго вексель и обязывающагося по нему, за соглашеніемъ, выразившимся въ извѣстныхъ словахъ, силу и дѣйствіе надлежащимъ образомъ совершеннаго протеста. Къ законодательствамъ этого рода принадлежитъ A. D. W. O., согласно постановленію котораго: „въ векселѣ можетъ быть условіе не учинять протеста, что впрочемъ не освобождаетъ, отъ своевременнаго предъявленія, доказать отсутствіе котораго долженъ однако уже отрицающій его, и обязанности возмѣстить издержки протеста“ (¹). Такія же постановленія даютъ: законодательство Мальты (²), законодательство Франціи (³) и, наконецъ, болѣе ясныя и подробныя правила въ отношеніи подлежащаго нашему разсмотрѣнію предмета мы находимъ въ конкордатномъ проэктѣ, принятомъ нѣкоторыми швейцарскими кантонами. (Бернъ, Базель, Люцернъ, Шафгаузенъ и Золотурнъ). „Установленное, говорится въ § 48 уставовъ только что указанныхъ кантоновъ, векселедателемъ и повторенное всѣми индоссантами условіе не учинять протеста (ohne Protest, retour sans frais) имѣетъ силу освобожденія отъ обязанности учинить протестъ, но не—освобожденія отъ обязанности къ своевременному предъявленію. Обязанный, присо-

(¹) A. D. W. O. art 42; (²) art 215.

(³) По закону 5 іюня 1850 г. «sur le timbre»—art 8—условіе «retour sans frais» допускается и по французскому праву.

единившій къ своей подписи подобное условіе, долженъ доставить доказательства, если онъ отрицаетъ своевременно учиненную презентацію. Обязанные по векселю, не присоединившіе къ своей подписи подобныхъ условій, только тогда отвѣтственны по регрессу, когда своевременно учиненъ протестъ. Но даже и присоединившіе такое условіе не освобождаются отъ обязанности уплатить издержки протеста".

Вотъ и всѣ законодательныя постановленія, допускающія возможность устраненія протеста. Теперь должно бы перейдти къ объясненію только что приведенныхъ законодательныхъ правилъ, но прежде замѣчу, что есть и такія законодательства, которыя не только не допускаютъ возможности устраненія протеста, но даже прямо запрещаютъ устраненіе его, или несоединяя съ внесеніемъ въ вексель подобнаго условія никакихъ невыгодныхъ послѣдствій, а признавая лишь, что помѣщенное въ векселѣ или индоссаментѣ условіе не учинять протеста не имѣетъ для векселедержателя связующей силы и не освобождаетъ помѣстившаго его отъ обязанности возмѣщенія издержекъ протеста, какъ законодательство Ааргау—§ 30—, или же опредѣляя за помѣщеніе въ вексель векселедателемъ условій, устраняющихъ протестъ, извѣстныя невыгодныя послѣдствія, какъ законодательство итальянское (art. 261), признающее, что подобныя условія, установленныя векселедателемъ уничтожаютъ свойство векселя и перемѣщаютъ послѣдній въ разрядъ простыхъ долговыхъ обязательствъ, помѣщенныя же индоссантомъ въ индоссаментѣ ничтожны и считаются за ненаписанныя.

Этимъ заключается кругъ законодательствъ, упоминающихъ объ устраненіи протеста. Прочія же законодательства о возможности или невозможности такого устраненія совершенно не говорятъ. Но по нимъ не смотря на существованіе тѣхъ правилъ, что регрессъ обусловливается протестомъ, право же на вексельное взысканіе противъ прямо обязанныхъ по векселю лицъ пріобрѣтается по однимъ—такимъ же протестомъ, а по другимъ и безъ протеста, не смотря на такія правила, должно признать вполнѣ возможнымъ устраненіе протеста, по согласію сторонъ, участвующихъ въ обязательствѣ. Къ допущенію такой возможности приводитъ то соображеніе, что опредѣленіе правъ и обязанностей лицъ между собою, установленіе порядка выполненія

обязательствъ должно вполнѣ зависѣть отъ усмотрѣнія контрагентовъ, что въ примѣненіи къ разсматриваемому нами случаю выразится такимъ образомъ, что, если извѣстное лицо принимаетъ на себя какую либо отвѣтственность, устраняя при томъ тѣ или другія условія, ненаступленіе которыхъ иначе могло бы освободить то лицо отъ отвѣтственности, то законодательство не имѣетъ причинъ препятствовать добровольному принятію на себя лицомъ отвѣтственности болѣе или менѣе безусловной.

Послѣ этого маленькаго замѣчанія обратимся теперь къ разъясненію правилъ указанныхъ выше законодательствъ, дозволяющихъ устраненіе протеста, и къ объясненію значенія ихъ. Условіе объ устраненіи протеста можетъ исходить отъ того лица, которое безъ этого условія было бы отвѣтственно лишь въ томъ случаѣ, когда бы былъ своевременно учиненъ протестъ. Оно можетъ исходить отъ векселедателя, индоссантовъ (1), трассата въ домицилированномъ векселѣ (2) и акцентанта вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ признаютъ нѣкоторыя законодательства, протестомъ пріобрѣтаются нѣкоторыя права и противъ главныхъ обязанныхъ по векселю лицъ (3).

Соглашеніе объ условіи, устраняющемъ протестъ, можетъ послѣдовать не въ одно только время: векселедатель не только при самой выдачѣ векселя можетъ освободить векселедержателя отъ необходимости учинить протестъ, но и во всякое время послѣ того, и не только до истеченія срока но и по истеченіи его, только не прошло бы еще время, назначенное на совершеніе протеста, потому что, если оно пройдетъ, а протестъ не будетъ совершенъ, то въ этомъ

---

(1) Кунце стр. 101 § 40.

(2) Wächter стр. 309 § 107.

(3) По мнѣнію Braun'а акцептантъ не можетъ помѣстить въ акцептѣ такое условіе.—Da der Protest den Beweis erbringen soll, говоритъ онъ—стр. 370,—dass die rechtzeitige Zahlung des Wechsels nicht erfolgt sei, so kann eine Entbindung von der Aufnahme eines solchen nicht von demjenigen ausgehen, gegen den protestirt wird, also nicht vom Acceptanten;—По мнѣнію Гартмана—стр. 385.—условіе о устраненіи протеста не можетъ исходить отъ трассата и акцентанта; по мнѣнію же Wächter'а стр. 310. § 107.—оно не можетъ исходить отъ акцептанта за исключеніемъ случая, указаннаго на наст. стр. въ примѣчаніи 2-мъ.

случаѣ будетъ уже упущеніе протеста. Точно также и индоссанты и трассатъ могутъ установить условіе объ устраненіи протеста не только въ тотъ моментъ, когда они индоссируютъ или означаютъ свой акцептъ, но и во время позднѣйшее (¹).

Устраненіе протеста можетъ быть выражено на письмѣ или устно, при томъ на письмѣ оно можетъ быть выражено или на самомъ векселѣ или въ другомъ какомъ либо актѣ (²). Для того, чтобы имѣть значеніе въ вексельномъ правѣ, это устраненіе должно быть означено на самомъ векселѣ (³). Устно же выраженное или изложенное въ отдѣльномъ отъ векселя актѣ, хотя и можетъ имѣть значеніе какъ вообще всякій договоръ, всякое обязательство, принятое на себя извѣстнымъ лицомъ, но оно не можетъ имѣть значенія, въ вексельномъ правѣ, будучи достаточно лишь для обоснованія обыкновеннаго гражданскаго требованія (⁴).

Мѣсто, гдѣ должно стоять это условіе на векселѣ, не имѣетъ значенія — все равно, гдѣ бы оно ни стояло (⁵): вверху ли векселя, внизу ли, до подписи или послѣ нея (⁶).

Дѣлать отмѣтку объ устраненіи протеста должно то лицо, въ отношеніи котораго онъ устраняется, такъ что долженъ дѣлать ее или векселедатель, или индоссантъ, или трассатъ или наконецъ она должна быть сдѣлана съ ихъ ясно выраженнаго согласія, но не можетъ самъ держатель по полученіи уже векселя вписать въ него такое условіе, онъ не можетъ вписать такое условіе даже въ бланкоиндоссаментъ. Хотя держатель векселя, получившій его по блан-

---

(¹) Wächter Wechsellehre стр. 310 § 107.

(²) Рено-Lehrbuch стр. 292. — Напротивъ въ германской вексельной практикѣ встрѣчаются и рѣшенія, признающія недѣйствительнымъ устраненіе протеста, если оно выражено въ отдѣльномъ отъ векселя актѣ. — См. у Braun'а стр. 369. примѣч. 3.

(³) Bierer стр. 95—1 п. Die Aufforderung keinen Protest erheben zulassen, muss dem Wechsel selbst beigeschrieben werden, wenn sie wirksam sein soll.

(⁴) Bierer стр. 96; Hartmann стр. 386 § 126.

(⁵) Braun стр. 369.

(⁶) Blaschke стр. 191 прим. 2. — Но какъ увидимъ далѣе дѣйствіе условія въ этихъ случаяхъ нѣсколько различно.

ковой надписи, и имѣетъ право вписывать въ послѣднюю нѣкоторыя указанія, но онъ можетъ вписывать только то, что непосредственно и по закону необходимо для образованія полнаго индоссамента ([1]), такъ что, если бы держатель въ какой либо бланко-индоссаментъ вписалъ условіе—„ohne Protest", то это условіе должно считаться недѣйствительнымъ ([2]). Но съ согласія индоссанта, если это согласіе дано до истеченія срока на протестъ (Protestfrist), условіе —ohne Protest—можетъ быть внесено въ индоссаментъ держателемъ даже по истеченіи срока на протестъ ([3]).

Между условіями объ устраненіи протеста находятъ различіе, основанное на томъ, помѣщено ли условіе въ самомъ векселѣ или въ индоссаментѣ. И въ самомъ дѣлѣ такое условіе, будучи помѣщено въ самомъ векселѣ является одною изъ составныхъ частей его. Сколько бы рукъ ни перешелъ вексель по индоссаментамъ—въ каждомъ индоссаментѣ повторяется все содержаніе векселя, если какая нибудь часть этого содержанія не устранена спеціально индоссаментомъ по установленному для того правилу. Совсѣмъ другое дѣло, если условіе объ устраненіи протеста помѣщено въ индоссаментѣ. Каждый послѣдующій индоссаментъ повторяетъ лишь содержаніе *векселя* ([4]), но не содержаніе предъидущихъ индоссаментовъ, потому помѣщенное въ самомъ векселѣ условіе повторяется въ каждомъ индоссаментѣ, такъ что все равно,

---

([1]) Braun. стр. 290—1.

([2]) Wächter стр. 311. § 107.

([3]) Braun. стр. 371 и примѣч. 13.

([4]) Thöl стр. 287 § 232 — Das Indossament ist eine neue Tratte, welche an die alte Tratte sich anschliesst.—Gerber—System des deutschen Privatrechts стр. 515 § 210: Das Indossament ist eine neue Tratte, d. h. ein neues Wechselversprechen, mit einem neuen Zahlungsauftrag, aber mit Wiederholung des Inhalts der alten Tratte.—Braun стр. 256 Seiner rechtlichen Natur nach erscheint das Indossament als ein neuer Zahlungsauftrag, als eine neue Tratte mit dem Inhalte der alten Tratte an welche sie sich anschliesst und eine Rechtsübertragung enthält — idem Braun стр. 261.—Renaud стр. 173 Vielmehr ist es (Indossament) eine Uebertragung der Wechselforderung unter Ausstellung eines trassirten Wechselversprechens.—Hartmann стр. 253 § 93.—Wächter. стр. 236 § 85.—Мейеръ стр. 708. Р. Гр. Право изд. 73 г.— Миловидовъ, Вексельное право—Сравнительно критическій очеркъ стр. 124 и 5. изд. 76 г.

какъ бы каждый индоссантъ помѣстилъ въ своемъ собственномъ индоссаментѣ условіе—„Ohne Protest", „Ohne Kosten"; но помѣщенное въ одномъ только индоссаментѣ это условіе не передается далѣе: оно имѣетъ значеніе въ отношеніи лишь установившаго его. Поэтому формула „ohne Protest", помѣщенная въ самомъ векселѣ, дѣлаетъ не нужнымъ протестъ противъ всѣхъ обязанныхъ по векселю лицъ, помѣщенная же въ индоссаментѣ дѣлаетъ не нужнымъ протестъ лишь въ отношеніи помѣстившаго, который не можетъ уже ссылаться на допущенное имъ самимъ упущеніе формальности, но это условіе не можетъ оказать дѣйствія въ отношеніи индоссантовъ позднѣйшихъ ([1]).

Относительно значенія условія объ устраненіи протеста, когда это условіе помѣщено въ самомъ векселѣ, векселедателемъ, относительно распространенія дѣйствія его на тѣхъ или другихъ лицъ въ литературѣ существуетъ разногласіе. По мнѣнію французскихъ писателей помѣщенное въ самомъ векселѣ условіе имѣетъ значеніе какъ въ отношеніи векселедателя такъ и въ отношеніи всѣхъ послѣдующихъ надписателей ([2]). По мнѣнію же большинства писателей германскихъ такое условіе имѣетъ значеніе въ отношеніи одного лишь векселедателя ([3]). Но мнѣніе нѣмецкихъ писателей не только не можетъ быть принято съ теоретической точки зрѣнія, о чемъ мы говорили уже выше, но оно не имѣетъ даже основанія и въ законѣ. Хотя держащіеся послѣдняго мнѣнія и указываютъ какъ на основаніе своего вывода на слова art. 42 A. D. W. O. „von welchem jene

---

([1]) Pardessus. Cours de droit commercial т. I. стр. 522. § 425.

([2]) Demangeat стр. 422 примѣч.— Pardessus т. I. стр. 522 § 425. —Persil — De la lettre de change стр. 288. Hoechster et Sacré — Manuel de droit commercial français et etranger изд. 74 г. стр. 498.

([3]) Hartmann стр. 173 § 66: Durch die Clausel «ohne Protest» «ohne Kosten» oder durch einen gleichbedeutenden Ausdruck kann der Aussteller auf den Protest mit der Wirkung verzichten, dass es ihm gegenüber, zur Regressnahme eines Protestes nicht bedarf. — Kletke стр. 167 т. II: Der Aussteller wie der Indossant kann diese Clausel beifügen, verzichtet durch dieselbe aber nur für seine Person auf die Solennität des Protestes;— idem Brauer стр. 92 п 3. — Blaschke стр. 191 п 2. — (Liebe) A. D. W. O. Leipzig 48 г. стр. 143. — Миттермайеръ стр. 202 § 344. — Рено стр. 103.—Braun стр. 369.

Aufforderung ausgeht“ (1), но это выраженіе придаваемаго ему смысла не имѣетъ. Въ art. 42. говорится только, что обязанный по векселю, отъ котораго устраненіе протеста *исходитъ*, возражая противъ своевременной презентаціи, долженъ доказать свое возраженіе; въ этомъ art. не сказано даже о лицѣ, присоединившемъ на векселѣ къ своей надписи выраженіе „ohne Protest“—„welcher beigefügt“,—сказано просто о лицѣ, отъ котораго требованіе исходитъ,—а между тѣмъ германскіе писатели говорятъ о лицѣ, „welche die Clausel am Wechsel beigefügt“ (2).

Какъ мы видѣли уже выше, взгляды французскихъ писателей должно признать болѣе правильными и болѣе согласными съ существомъ индоссамента.

И такъ, по нашему мнѣнію, германское законодательство не даетъ возможности примѣнять условіе, помѣщенное въ векселѣ векселедателемъ, только къ одному ему не распространяя на индоссантовъ. Противоположное рѣшеніе нашего вопроса, рѣшеніе въ смыслѣ мнѣнія нѣмецкихъ писателей возможно на основаніи Швейцарскаго конкордатнаго проэкта § 48, который требуетъ, и при нахожденіи условія объ устраненіи протеста въ векселѣ, повторенія его еще и въ индоссаментахъ, признавая на случай неповторенія этого условія необходимымъ въ отношеніи индоссантовъ надлежащимъ образомъ учиненный протестъ. Такое требованіе законодательства, конечно, не можетъ быть признано соотвѣтствующимъ требованіямъ теоріи, по указаннымъ уже выше соображеніямъ.

Наконецъ мы должны сказать нѣсколько словъ и о томъ, что не во всѣхъ случаяхъ установленное векселедателемъ условіе объ устраненіи протеста должно быть обсуживаемо одинаково. Какъ мы замѣтили уже выше, для дѣйствительности условія все равно, гдѣ бы оно ни было помѣщено

---

(1) Braun стр. 369 примѣч. 4.

(2) Kheil стр. 230.—Blaschke стр. 192. Присоединенія условія «ohne Protest» каждымъ лицомъ, въ отношеніи котораго желаютъ устранить необходимость протеста, требуютъ Braun стр. 369 § 73. примѣч. и Рено стр. 291 примѣч. 19. Но и изъ нѣмецкихъ писателей Wächter—стр. 310 держится французскаго взгляда, что условіе объ устраненіи протеста, помѣщенное въ векселѣ, распространяется и на всѣхъ индоссантовъ.

т. е. вверху векселя или внизу, до подписи векселедателя или послѣ подписи; но дѣйствіе условія должно быть различно, смотря потому помѣщено ли оно до подписи или послѣ подписи.

Подпись есть крайній моментъ совершенія векселя какъ письменнаго акта, подписью заключается все содержаніе его; о находящемся до подписи только можемъ мы съ положительностью сказать, что оно было помѣщено въ вексель уже и въ моментъ возникновенія векселя. О всемъ находящемся послѣ подписи такой увѣренности быть не можетъ, напротивъ всегда можетъ быть сомнѣніе о времени появленія на векселѣ написаннаго ниже подписи векселедателя, причемъ гораздо вѣроятнѣе предположеніе о появленіи изложеннаго ниже подписи послѣ выдачи векселя, быть можетъ даже послѣ появленія уже на векселѣ нѣсколькихъ индоссаментовъ, передавшіе по которымъ, быть можетъ, даже и не подозрѣваютъ о припискѣ къ векселю условія объ устраненіи протеста.

Но и во всякомъ случаѣ содержаніемъ векселя можетъ быть признаваемо лишь изложенное до подписи, изложенное же ниже подписи, хотя и можетъ имѣть то или другое значеніе, но не можетъ считаться входящимъ въ *содержаніе* векселя въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ силу выше изложеннаго а также на основаніи того, что въ индоссаментахъ повторяется, какъ извѣстно, содержаніе векселя, должно признать, что дѣйствіе только того условія объ устраненіи протеста распространяется и на всѣхъ индоссантовъ, которое помѣщено векселедателемъ до подписи имъ векселя, помѣщенное же послѣ подписи можетъ быть признано имѣющимъ дѣйствіе и устраняющимъ протестъ въ отношеніи одного лишь векселедателя.

Нѣкоторые изъ принимающихъ мнѣніе, признанное нами за правильное, допускаютъ для каждаго изъ индоссантовъ возможность устранить въ отношеніи себя помѣщенное въ векселѣ условіе о неучиненіи протеста присоединеніемъ къ индоссаменту указанія на необходимость протеста, употребивъ напримѣръ въ индоссаментѣ выраженіе „Protest“ (¹).

(¹) Wächter стр. 310.—Рѣшеніе парижскаго кассаціоннаго суда 8 апр. 34 г.:—Desgleichen in Bezug auf die Indossanten, falls dieselben

ОТДѢЛЪ

МЕДИЦИНСКИХЪ НАУКЪ.

СООБЩЕНІЕ ИЗЪ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ФАКУЛЬТЕТСКОЙ КЛИНИКИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Имѣвъ возможность, въ теченіи 3-хъ лѣтъ сряду, наблюдать одинъ случай застарѣлаго, по всему вѣроятію врожденнаго, сифилиса, я встрѣтился при этомъ наблюденіи съ нѣкоторыми фактами, не лишенными, какъ мнѣ кажется, извѣстной доли интереса. Эти факты послужили для меня поводомъ къ тому, что я рѣшился сдѣлать ихъ предметомъ нижеслѣдующаго краткаго сообщенія.

Больная, Елизавета Нейбюргеръ, 19 лѣтъ, поступила въ терапевтическое отдѣленіе клиники 18 сентября, 1873 года съ признаками застарѣлаго сифилиса. Изъ анамнеза больной трудно было вывести заключеніе, былъ ли то врожденный сифилисъ, и именно syphilis hereditaria tarda, такъ какъ явленія болѣзни развились не ранѣе девятилѣтняго возраста больной, — или же это былъ пріобрѣтенный сифилисъ. За первое предположеніе говорили два обстоятельства, а именно: во первыхъ то, что одинъ изъ братьевъ больной (старшій) — рожденъ мертвымъ; слѣдующій за нимъ братъ умеръ вскорѣ по рожденіи; затѣмъ родившаяся сестра жила также очень не долго и наконецъ, за тѣмъ появившаяся на свѣтъ, наша больная родилась весьма слабою и болѣзненною, страдала оторреею. Второе обстоятельство, говорящее за врожденный сифилисъ, заключалось въ особенностяхъ развитія больной вообще и преимущественно половой сферы, о чѣмъ сказано будетъ далѣе. Но во всемъ остальномъ анамнезъ не даетъ ничего, что бы подтверждало предположеніе о врожденномъ сифилисѣ. Объ отцѣ больной извѣстно только то, что онъ умеръ 36 лѣтъ, при явленіяхъ страданія головнаго мозга; мать больной жива до сихъ поръ и повидимому здорова. Больной было около девяти лѣтъ, когда у ней начали появляться ломящія боли въ конечностяхъ, усили-

вавшіяся особенно ночью и вслѣдъ за тѣмъ образовались глубокія язвы на нижнихъ и верхнихъ конечностяхъ, давшія поводъ къ обильному отдѣленію гноя. Въ то же время больная начала страдать упорнымъ насморкомъ и головною болью. Года четыре назадъ, предъ поступленіемъ въ клинику, больная стала замѣчать, у себя по временамъ появляющіеся, отёки въ лицѣ и нижнихъ конечностяхъ. Въ то же время больная замѣтила у себя измѣненіе въ формѣ носа, которое постепенно усиливалось и, по словамъ больной, впослѣдствіи сдѣлало ее совершенно неузнаваемою.

Не смотря на то, что больной 19 лѣтъ отъ роду, она по росту и вообще наружному виду похожа на ребенка лѣтъ десяти. Выраженіе лица совершенно дѣтское, грудныя желѣзы не развиты, на mons veneris волосы отсутствуютъ, тазъ плохо развитъ, молочные коренные зубы еще не выпали, верхніе рѣзцы представляли характеристическую форму, описанную Hutchison'омъ. Больная представляетъ значительную степень исхуданія; покровы и видимыя слизистыя оболочки блѣдны, мышцы вялы и слабо развиты; въ нижнихъ конечностяхъ довольно ясно выраженный отёкъ. Носъ больной представляетъ характеристическій видъ, свойственный сифилитическому пораженію носовыхъ костей и его послѣдствіямъ. Около угла нижней челюсти съ лѣвой стороны — довольно объёмистый рубецъ и слѣды бывшаго періостита. Надъ manubrium sterni замѣчается также рубецъ; — болѣе обширный на лѣвомъ верхнемъ плечѣ. Мышцы лѣвой верхней конечности атрофированы. Въ лѣвомъ локтевомъ составѣ — полный анкилозъ; форма сочлененія измѣнена, оно обезображено. На нижней части лѣваго предплечія — нѣсколько кровоточащихъ язвъ, на лучевой кости замѣчаются неровности, на локтевой — флюктуирующая опухоль, величиною съ голубиное яйцо; четвертый палецъ лѣвой руки представляетъ явленія dactylitidis syphiliticae. Атрофія мышцъ правой верхней конечности менѣе значительна; въ правомъ локтевомъ составѣ — неполный анкилозъ; на нижнемъ концѣ правой лучевой кости находится плотноватая, эластическая, болящая опухоль; покровы надъ нею покраснѣли. Правая нижняя конечность представляетъ явленія, сходныя съ тѣми, которыя наблюдаются на верхнихъ; надъ tibia замѣчаются неровности; припуханіе periostii, язвы.

Шейныя лимфатическія желѣзы увеличены въ объемѣ и тверды; паховыя въ томъ же состояніи; миндалевидныя желѣзы припухли; на небныхъ дужкахъ—ограниченная краснота. Изслѣдованіе органовъ дыханія не дало ничего ненормальнаго. Толчекъ сердца слабъ, ощущается въ 4-мъ межреберномъ промежуткѣ съ лѣвой стороны, кнутри отъ мамиллярной линіи. Сердце въ объёмѣ не увеличено; при первомъ тонѣ, въ верхушкѣ сердца, слышенъ шумъ дуновенія,—такой же—надъ art. pulmonalis. Притупленіе звука печени, по правой мамиллярной линіи, начинается въ 4-мъ межреберномъ промежуткѣ и продолжается къ низу въ этомъ направленіи на два сантиметра ниже линіи, проведенной горизонтально черезъ пупокъ. По правой аксиллярной линіи притупленіе печени начинается съ 6-го межребернаго промежутка и простирается книзу до crista ilei anteroir superoir; подъ processus xyphoideus, тупой звукъ продолжается по срединной линіи почти до пупка. Полость живота увеличена въ объёмѣ; флюктуаціи нѣтъ; незначительный метеоризмъ. Стѣнки живота податливѣе съ лѣвой стороны, чѣмъ съ правой. При ощупываніи, въ правой половинѣ живота, замѣчается громадное твёрдое тѣло, по положенію и формѣ соотвѣтствующее печени, что вполнѣ согласуется съ данными перкуссіи. Печень на ощупь очень плотна, поверхность ея гладка, края тупы; при давленіи на печень больная чувствуетъ боль, хотя и не сильную. Селезенка не прощупывается. Количество мочи увеличено; среднее суточное количество (изъ нѣсколькихъ измѣреній) равняется 1566 cc.; средній удѣльный вѣсъ ея = 1007. Моча блѣдна, мутновата; при стояніи даетъ необильный осадокъ бѣлаго цвѣта. Въ осадкѣ находятся, въ небольшемъ количествѣ, гіалинные цилиндры и измѣненный эпителій почечныхъ канальцевъ. Моча содержитъ значительное количество бѣлка; суточное количество его колеблется между 13 и 18 граммами.

Діагностицировано было: амилоидное перерожденіе почекъ и печени, развившееся подъ вліяніемъ застарѣлаго сифилиса. Пораженіе костей и продолжительное нагноеніе говорили въ пользу этой діагностики. Что касается до почекъ, то за амилоидъ ихъ говорили: свойства и количество мочи, а равно и качество мочеваго осадка. За амилоидъ печени говорили: громадное увеличеніе органа въ объёмѣ, замѣчательная плотность его и гладкость поверхности.

Изъ страданій печени, развивающихся подъ вліяніемъ сифилиса, можно было смѣшать, въ нашемъ случаѣ, съ амилоидомъ лишь одну диффузную инфильтрацію (diffuses Syphilom), — но эта форма, сколько извѣстно, до сихъ поръ была наблюдаема почти только у новорожденныхъ дѣтей. Нельзя было конечно совершенно исключать въ данномъ случаѣ пораженія соединительной ткани печени, которое, до извѣстной степени, можетъ быть тоже способствовало къ увеличенію органа въ объёмѣ, но допустить его можно было лишь только въ качествѣ осложненія; совмѣстное амилоидное перерожденіе почекъ, а равно и свойства печени убѣдительно говорили въ пользу амилоида этого органа.

Леченіе состояло въ употребленіи тёплыхъ ваннъ, меркуріальныхъ средствъ и впослѣдствіи — іодистаго желѣза.

Подъ вліяніемъ этого леченія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, язвы начали заживать, общее состояніе больной значительно поправилось, отекъ въ нижнихъ конечностяхъ исчезъ, хотя свойства мочи оставались прежними, печень нѣсколько уменьшилась въ объемѣ.

Въ октябрѣ 1874 года больная снова поступила въ клинику. При изслѣдованіи оказалось, что въ состояніи больной произошли значительныя перемѣны къ лучшему: печень значительно уменьшилась въ объёмѣ, а именно: она выдавалась (по правой мамилярной линіи) изъ подъ края реберъ едва на три сантиметра. Общее состояніе больной лучше, нежели въ прошедшемъ году; язвы на конечностяхъ совершенно зажили. Отёкъ нижнихъ конечностей отсутствуетъ; моча представляетъ прежнія свойства. Снова назначено употребленіе меркуріальныхъ средствъ, затѣмъ іодистаго калія и ваннъ, при питательной пищѣ.

Въ 1875 г. 21 сентября больная была въ третій разъ принята въ клинику. Въ этотъ разъ печень представляла уже нормальный объёмъ; припуханіе шейныхъ лимфатическихъ железъ исчезло; паховыя остались въ прежнемъ положеніи. Отёковъ нѣтъ; моча по прежнему содержитъ бѣлокъ; въ осадкѣ незначительное количество гіалинныхъ цилиндровъ.

Значительная перемѣна произошла съ больною со стороны половой сферы, а именно: грудныя железы представлялись въ состояніи, соотвѣтствующемъ возрасту больной, на mons veneris замѣчено присутствіе волосъ. Общее состо-

яніе больной довольно удовлетворительно; больная пополнѣла, анемія менѣе выражена. На всѣхъ этихъ основаніяхъ больной снова назначено меркуріальное леченіе, во время котораго у больной, въ первый разъ, показались регулы, которые за тѣмъ повторялись довольно правильно, каждый мѣсяцъ.

Въ 1876 году больная оставила клинику и была потеряна изъ вида. Разъ впрочемъ, зимою 1877 г., она появилась въ числѣ приходящихъ больныхъ, по причинѣ груднаго страданія, развившагося, какъ говорила больная, подъ вліяніемъ простуды, — съ просьбою о принятіи въ клинику, въ чѣмъ было отказано больной, за неимѣніемъ мѣста. Въ послѣдствіи я узналъ, что больная умерла 1878 г. 3 февраля, въ земской городской больницѣ.

Вотъ нѣкоторыя данныя, полученныя мною изъ протокола анатомопатологическаго изслѣдованія (№ 28. 1878 г.).

Вѣсъ трупа 34500 грм., ростъ 139 сантимовъ. Питаніе удовлетворительное.

Otitis interna, suppurativa. Pericarditis fibrinosa; загрубѣніе v.v. semilunarium aortae и v. mitralis; амилоидная инфильтрація сосудовъ селезенки. Laryngitis chronica; ограниченная пневматическая инфильтрація обоихъ лёгкихъ; pleuritis seroso-fibrinosa duplex.

Печень мала; увеличеніе соединительной ткани печени и амилоидная инфильтрація сосудовъ и части периферій долекъ. Хроническій катарръ желудка и кишекъ.

Паренхиматозное воспаленіе почекъ во второмъ періодѣ и амилоидная инфильтрація ихъ.

Матка мала, яичники тоже. Пароваріальная серозная киста правой стороны.

Старые рубцы въ области обоихъ локтей и правой голени; анкилозъ лѣваго локтеваго сочлененія съ смѣщеніемъ костей.

На основаніи данныхъ анамнеза, изслѣдованія и наблюденія больной и наконецъ—результатовъ вскрытія нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ была, между прочимъ, амилоидная инфильтрація печени; эта инфильтрація и была главною причиною громаднаго увеличенія печени въ объемѣ. Нисколько не отрицая того, что въ этомъ увеличеніи органа до извѣстной степени участвовало также и раз-

ростаніе соединительной ткани печени, найденное и при вскрытіи. Нельзя однакоже думать, что громадная печень, которую наблюдали у больной, была лишь слѣдствіемъ этого разростанія. Если бы это было такъ, то, при послѣдовавшемъ за тѣмъ уменьшеніи органа въ объёмѣ, необходимо должны бы были развиться всѣ тѣ послѣдствія, которыя вызываются затрудненнымъ кровообращеніемъ въ системѣ воротной вены, а между тѣмъ ничего подобнаго не наблюдалось при жизни больной и не найдено при вскрытіи.

На основаніи всего предъидущаго я позволяю себѣ вывести слѣдующія заключенія:

1) Амилоидная инфильтрація внутреннихъ органовъ допускаетъ возможность инволюціи, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основаніи страданія лежитъ сифилисъ.

2) Поэтому амилоидъ, развившійся у сифилитиковъ, допускаетъ относительно лучшую прогностику, нежели въ другихъ случаяхъ.

3) Не смотря на то, что специфическое леченіе сифилиса состоитъ въ употребленіи средствъ, неблагопріятно вліяющихъ на питаніе организма, это леченіе, употребленное даже въ застарѣлыхъ формахъ, на сифилитиковъ дѣйствуетъ напротивъ весьма благопріятно въ смыслѣ улучшенія состоянія питанія и кроветворенія.

4) Замедленное и иногда воспрепятствованное половое развитіе у страдающихъ врожденнымъ сифилисомъ или пріобрѣтеннымъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ есть фактъ, повторяющійся весьма часто. Есть основаніе думать, что при улучшеніи общаго состоянія такого рода больныхъ подъ вліяніемъ специфическаго леченія и половое развитіе можетъ итти впередъ и при томъ довольно быстро

Проф. **Виноградовъ**.

БОЛѢЗНЕННОСТЬ
ВЪ ДУНАЙСКОЙ АРМІИ
по свѣдѣніямъ
СОРТИРОВОЧНОЙ КОММИССІИ ВО ФРАТЕШТИ.

(Предварительное сообщеніе).

Находясь въ теченіи 8 мѣсяцевъ въ пунктѣ, чрезъ который проходили въ Румынію и Россію всѣ больные и раненые изъ дѣйствующей Дунайской Арміи (за исключеніемъ отряда Циммермана) я имѣлъ возможность получить краткія свѣдѣнія о каждомъ изъ больныхъ; сводъ этихъ разбросанныхъ свѣдѣній и имѣю честь представить теперь вниманію читающей публики.

Свѣдѣнія эти доставлены Сортировочною Коммиссіею во Фратешти. Фратешти есть желѣзно-дорожная станція въ 7 верстахъ отъ Журжево — первый пунктъ, находившійся внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ изъ Рущука. Это былъ конечный пунктъ желѣзно-дорожнаго движенія въ Армію и слѣдовательно начальный пунктъ обратнаго движенія. Ни одинъ больной и раненый, направленный въ тылъ Арміи не могъ миновать Фратешти. Такое положеніе станціи съ перваго же взгляда заставляло предполагать, что около нея съ самаго начала войны будетъ расположено нѣсколько госпитальныхъ учрежденій, все равно, будутъ ли военныя дѣйствія около Рущука, или выше его. Однакоже полная увѣренность съ нашей стороны, что наши войска быстро оставятъ далеко за собою Дунай, было причиною того, что во Фратешти только къ августу мѣсяцу былъ открытъ, и то всего только одинъ военный госпиталь. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, когда отправлялись въ Румынію и Россію раненые при переходѣ чрезъ Дунай, при взятіи Никополя, при первой и второй атакѣ Плевны, во Фратешти кромѣ маленькой желѣзно-дорожной

станціи ничего не было; для помѣщенія больныхъ отданъ былъ небольшой, человѣкъ на 70, пакхаузъ и только къ концу іюля появилось нѣсколько лазаретныхъ палатокъ; масса больныхъ располагалась обыкновенно около пакхауза на открытомъ воздухѣ. Для пріема больныхъ и отправки ихъ дальше, въ санитарныхъ и воинскихъ поѣздахъ назначено было 3 врача, которые естественно не были въ состояніи справиться съ громаднымъ количествомъ больныхъ, да къ тому же не было рѣшительно никакихъ врачебныхъ приспособленій; въ лекарствахъ и перевязочныхъ средствахъ былъ большой недостатокъ. Вскорѣ выяснились вопіющіе факты отъ недостатка врачебной помощи и со стороны Главноуполномоченнаго „Краснаго Креста" въ Румыніи г. Рихтеръ, послѣдовало въ Главную Квартиру ходатайство объ учрежденіи во Фратешти Сортировочной Коммиссіи; ходатайство на этотъ разъ не было уважено, а послѣдовало распоряженіе немедленно открыть свою дѣятельность во Фратешти военновременному № 46 госпиталю. Врачамъ этого госпиталя тотчасъ же пришлось работать въ двухъ направленіяхъ: лечить больныхъ въ своемъ госпиталѣ и принимать одинъ за другимъ обширные транспорты изъ Зимницы. Такая двойственная дѣятельность была рѣшительно не подъ силу госпитальному персоналу, и потому „Красный Крестъ" частнымъ образомъ направилъ во Фратешти нѣсколькихъ врачей со спеціальнымъ порученіемъ принимать транспорты и назначать больныхъ къ отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ. Въ половинѣ августа однакоже назначена была оффиціальная Сортировочная Коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Старшаго Врача № 46 госпиталя, изъ членовъ: по терапевтическому отдѣленію доктора Чудновскаго, по хирургическому доктора Коломнина и меня. Для сношеній съ административными учрежденіями назначенъ докторъ Жданко, завѣдывавшій медицинскою частью эвакуаціи въ Румыніи. Предварительныя работы, состоявшія въ организаціи дѣла сортировки, Коммиссія начала 19 августа 1877 г., а правильная сортировка началась 23 августа. При учрежденіи Коммиссіи ей не было дано никакихъ инструкцій. Съ одной стороны, это было не хорошо потому, что почти никто изъ членовъ Коммиссіи не былъ знакомъ съ практическою стороною дѣла и потому поспѣшно выработанные ею правила на первыхъ же порахъ оказались неудобопримѣнимыми на

дѣлѣ. Съ другой же стороны хорошо было то, что Коммиссія, не связанная инструкціею, по своему усмотрѣнію, быстро, не ожидая разрѣшенія надлежащей власти, могла измѣнять свою программу по мѣрѣ того, какъ отдѣльные ея пункты оказывались практически не примѣнимыми. Въ своей окончательной формѣ дѣятельность Коммиссіи выразилась слѣдующимъ образомъ: въ число членовъ Коммиссіи вошли, кромѣ упомянутыхъ лицъ, 6 врачей „Краснаго Креста". При участіи студентовъ и сестеръ милосердія, они должны были немедленно осматривать всѣхъ больныхъ и раненыхъ, прибывшихъ во Фратешти, по грунтовой дорогѣ и, смотря по роду болѣзни, однихъ направлять въ госпиталь, а другихъ въ транспортъ по желѣзной дорогѣ. На случай, еслибы эти врачи не успѣли быстро осмотрѣть всѣхъ больныхъ, рѣшено было приглашать для сортировки и врачей № 46 госпиталя. Разумѣется, такой случай не замедлилъ представиться. Въ концѣ августа и въ сентябрѣ, во Фратешти направлено было такое количество раненыхъ послѣ Шипкинскихъ аттакъ (въ августѣ) взятія Ловчи, 3-го Плевенскаго дѣла, битвы 5 сентября на Шибкѣ, что оказалось далеко недостаточнымъ все наличное количество врачей военныхъ и „Краснаго Креста" (16 человѣкъ). Перевязка раненыхъ производилась съ ранняго утра и до 2—3 часовъ ночи, и всетаки не рѣдко тысячи больныхъ оставались безъ перевязки. Персоналъ рѣшительно выбивался изъ силъ и только тогда уже направлены были во Фратешти врачи различныхъ госпиталей, медленно двигавшихся въ Армію, а также прикомандированы были и врачи различныхъ частей гвардіи, направлявшейся тогда къ Плевнѣ. „Красный Крестъ" съ своей стороны тоже командировалъ, на время, нѣсколькихъ врачей изъ своихъ ближайшихъ пунктовъ. Къ 10-му сентября, такимъ образомъ, число врачей доходило до 35; но и суточное количество больныхъ и раненыхъ простиралось до 5—7000; такъ что и такого количества врачей оказывалось недостаточнымъ: всетаки не всегда успѣвали дѣлать и одной перевязки раны въ день; впрочемъ, такъ было дня 2—3, и то по причинѣ дождя и холода, замедлявшихъ работу. Болѣе правильная работа, равномѣрная, началась только уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда открылъ свою дѣятельность другой госпиталь, № 75, и, вѣроятно, такъ было бы до конца кампаніи, еслибы около новаго года почти всѣ врачи не заболѣли тифомъ, а съ другой стороны, не было

громаднаго наплыва плѣнныхъ турокъ, изъ числа которыхъ 9 изъ 10 были больные.

Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ для пріема больныхъ было выстроено на средства „Краснаго Креста“ 6 рогожныхъ, впослѣдствіи обитыхъ тесомъ бараковъ, каждый на 200 человѣкъ (помѣщалось иногда и 300). Такъ какъ Сортировочные бараки не всегда могли помѣстить всѣхъ больныхъ и раненыхъ, то въ госпиталяхъ (сначала въ № 46, а затѣмъ и въ № 75), было отведено до 300 мѣстъ въ каждомъ для больныхъ, имѣющихъ быть эвакуированными. Это отдѣленіе госпиталя называлось этапнымъ; такъ какъ больные въ немъ оставались 2—3 дня, смотря по быстротѣ эвакуаціи. Въ баракахъ больные располагались по ту и другую сторону на нарахъ, между которыми оставался узкій проходъ. Въ срединѣ барака во всю его ширину было оставлено мѣсто для перевязки больныхъ, могущихъ ходить. Въ концѣ февраля мѣсяца Сортировочная Коммиссія была переведена въ Журжево, гдѣ она продолжала дѣйствовать на тѣхъ же основаніяхъ. Тотчасъ послѣ размѣщенія прибывшихъ больныхъ въ баракахъ, каждый изъ врачей осматривалъ больныхъ при участіи 2 или 3 сестеръ милосердія, которыя снимали перевязки, обмывали раны и снова накладывали повязки. Врачъ, переходя отъ одного больнаго къ другому, осматривалъ каждаго безъ исключенія и, если нужно было, тотчасъ же давалъ хирургическое пособіе, какъ напримѣръ: вскрывалъ нарывы, проводилъ дренажи, извлекалъ свободные осколки, вынималъ пули и т. п. Діагнозъ свой вписывалъ въ отдѣльную для каждаго больнаго бланку. Въ терапевтическомъ отдѣленіи врачъ тотчасъ же назначалъ лекарство, которое и раздавалось больнымъ сестрами милосердія. Лекарства были приготовлены по простѣйшей и однообразной формѣ заранѣе.

Что касается бланокъ, то число рубрикъ было самое ограниченное, свѣдѣнія вносились врачемъ самыя краткія, именно: обозначалось время пріема, имя, фамилія, полкъ больнаго, когда раненъ или заболѣлъ, можетъ больной во время транспорта сидѣть или нѣтъ, діагнозъ и подпись врача. Бланки были 5 цвѣтовъ: красныя, зеленыя, желтыя, синія и бѣлыя. На красныя записывались тѣ больные, которые должны были оставаться въ госпиталяхъ Фратештскихъ и почти исключительно больные тяжелые, зеленыя давались больнымъ тяжелымъ, но могущимъ ѣхать въ ближайшіе гос-

питали; желтыя, больнымъ среднимъ, синія—легкимъ и бѣлыя—выздоравливающимъ и сифилитикамъ.

По окончаніи сортировки всѣхъ больныхъ съ красными билетами отправляли въ госпитали; туда же направлялись и выздоравливающіе больные, откуда они препровождались уже къ своимъ частямъ. Что касается остальныхъ группъ, то каждый разъ за нѣсколько часовъ до отправки санитарнаго или воинскаго поѣздовъ, Эвакуаціонная Коммиссія, бывшая тоже во Фратешти, передавала врачамъ Сортировочной Коммиссіи соотвѣтствующее наличному числу мѣстъ въ поѣздѣ количество картонныхъ марокъ: для лежачихъ больныхъ круглой формы, для сидячихъ—четырехъугольной. Каждый врачъ въ своемъ отдѣленіи пересматривалъ бланки, находившіяся на рукахъ у больныхъ и имѣющимъ отправиться въ путь, давалъ картонныя марки. Всѣ больные, получившіе зеленые билеты, и слѣдовательно принадлежащіе къ категоріи трудныхъ, отправлялись на санитарныхъ поѣздахъ, которые обставлены были весьма хорошо, какъ со стороны содержанія, такъ и леченія больныхъ. Само собою разумѣется, что если оставались свободныя мѣста, то марки на санитарный поѣздъ выдавались и имѣющимъ желтые и даже синіе билеты. При наполненіи воинскихъ поѣздовъ, наоборотъ, марки первѣе всего выдавались имѣющимъ синіе билеты и только при большомъ скопленіи больныхъ—имѣющимъ и желтые билеты. Больные же съ зелеными билетами никогда не отправлялись на воинскихъ поѣздахъ, на которыхъ далеко не было тѣхъ удобствъ, какъ на поѣздахъ санитарныхъ. За часъ или за два до отхода поѣзда больные направлялись изъ бараковъ на платформу уже по распоряженію смотрителя барака. Благодаря этой системѣ, нагрузка поѣзда въ 200—300 и даже въ 500 человѣкъ происходила весьма быстро, въ продолженіи 1—2 часовъ; между тѣмъ, какъ прежде требовалось для этого 5—6 часовъ. Билеты отбирались поѣзднымъ врачемъ, при поступленіи больнаго въ вагонъ, и съ обратнымъ поѣздомъ изъ Яссъ возвращались во Фратешти. Вотъ по этимъ-то билетамъ и составлены мною нижеслѣдующія таблицы. Эвакуаціонною Коммиссіею во Фратешти мнѣ передано 64,662 бланокъ. Весь отчетный періодъ обнимаетъ время съ 23 августа 1877 г. по 1 апрѣля 1878. Число больныхъ за это время 64,662; число же болѣзней 75,426; такъ какъ очень часто одинъ больной имѣлъ 2—3 болѣзни. Общее число

больныхъ съ іюня мѣсяца 1877 г. по апрѣль 1878, по счету Эвакуаціонной Коммиссіи во Фратешти=82,709. Общее число раненыхъ: 26,252. Къ этому числу нужно прибавить 8,243 эвакуированныхъ турокъ, которые почти не записывались въ бланки за невозможностью, по причинѣ незнанія языка, отобрать отъ нихъ свѣдѣнія. Хотя я и имѣю у себя свѣдѣнія о больныхъ за іюнь, іюль мѣсяцы, и августъ по 23 число, но я выставляю ихъ въ валовой цифрѣ, не подвергая подробной регистровкѣ, какъ потому, что онѣ собирались по другой программѣ, такъ и потому, главнымъ образомъ, что я не увѣренъ въ правильности діагноза, который тогда, за рѣшительнымъ недостаткомъ врачей, не всегда ставился съ достаточною точностію и не всегда дѣлался на основаніи осмотра больныхъ.

Другое дѣло когда учреждена была Сортировочная Коммиссія. Между ея членами было принято за правило: осматривать всѣхъ безъ исключенія больныхъ и, если нельзя поставить діагноза, то ставить знакъ вопроса, а не вписывать въ бланку названіе такой болѣзни, которой не существуетъ у больнаго, такъ какъ непремѣнное соблюденіе формы никѣмъ не требовалось. При такомъ веденіи дѣла діагнозъ раненій, обмороженій и другихъ наружныхъ болѣзней, для огромнаго большинства случаевъ, я считаю вѣрнымъ. Ошибка можетъ быть относительно тонкостей діагноза ранъ; напр. могла быть признана проникающая рана въ суставъ, когда ея нѣтъ и наоборотъ; могло остаться не рѣшеннымъ, повреждена ли кость или нѣтъ, сдѣлано ли только извлеченіе осколковъ или частичная резекція, произошелъ ли рубецъ отъ разрѣза нарыва, или въ этомъ мѣстѣ была сдѣлана перевязка артеріи и т. п. Не говоря уже о томъ, что эти случаи все-таки единичные, подобная ошибка не можетъ, конечно, имѣть вліянія на общій выводъ. Что касается діагноза внутреннихъ болѣзней и, въ особенности сопровождающихся лихорадочнымъ состояніемъ, то ошибка въ ихъ распознаваніи легко возможна и, конечно, въ собранныхъ мною цифрахъ она существуетъ; однакоже я имѣю основаніе думать, что діагностическія ошибки не настолько велики, чтобы имѣющіяся цифры можно было считать далеко несоотвѣтствующими дѣйствительности. Лично для меня имѣетъ большое значеніе то обстоятельство, что всѣ врачи Сортировочной Коммиссіи съ любовію занимались сортировкою боль-

ныхъ; въ ихъ занятіяхъ не было и тѣни казеннаго отношенія къ дѣлу. Тоже самое я могу сказать и о большинствѣ госпитальныхъ врачей, принимавшихъ участіе въ сортировкѣ въ дни огромнаго наплыва больныхъ. Насколько внимательны были врачи къ своимъ больнымъ, настолько же въ моихъ глазахъ достовѣрны и ихъ записи въ бланкахъ.

Что же касается невольныхъ ошибокъ въ діагнозахъ, то въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду, что острыя болѣзни, наиболѣе насъ интересующія, были слишкомъ однообразны. У каждаго врача, изслѣдовавшаго ежедневно не только десятки, но и сотни больныхъ съ одною и тою же болѣзнью, быстро, разумѣется, развивался навыкъ въ опредѣленіи болѣзни; между тѣмъ наибольшее количество больныхъ, прошедшихъ чрезъ Фратешти были осмотрены врачами, принимавшими участіе въ сортировкѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на долю врачей временно прикомандированныхъ къ Сортировочной Коммиссіи приходится сравнительно небольшое количество больныхъ; слѣдовательно, если допустить (для чего я не имѣю никакихъ основаній) въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ прикомандированными врачами, уже гораздо большую ошибку, по причинѣ ихъ недостаточнаго навыка, то и при этомъ количество діагностическихъ ошибокъ всетаки не можетъ имѣть существеннаго вліянія на общіе выводы. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Сортировочная Коммиссія рѣшила довольствоваться при постановкѣ діагноза выдающимися признаками, принимая въ соображеніе, что при массѣ больныхъ нѣтъ возможности вдаваться въ діагностическія тонкости. Само собою разумѣется, что госпитальныя свѣдѣнія могли бы дать наиболѣе цѣнный и достовѣрный матеріалъ для сужденія о болѣзненности арміи; но при существующемъ порядкѣ отчетности, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой возможности получить свѣдѣнія изъ госпиталей и потому, по необходимости, приходится довольствоваться хотя и летучими свѣдѣніями сортировочныхъ коммиссій, но за то эти свѣдѣнія даютъ нѣкоторое понятіе о болѣзненности во всей массѣ эвакуируемыхъ больныхъ. Ясно и несомнѣнно одно, что настоящая система собиранія медико-статистическихъ свѣдѣній въ госпиталяхъ должна быть совершенно отброшена и замѣнена болѣе раціональною; но объ этомъ я выскажу свои соображенія въ другое время.

Такимъ образомъ, представляемыя здѣсь цифры, по моему мнѣнію, могутъ служить выразителями болѣзненности извѣстной части нашей арміи болѣе, чѣмъ за 7 мѣсяцевъ постольку, поскольку было въ ней способныхъ къ эвакуаціи больныхъ. Само собою разумѣется, что для полной характеристики за означенный періодъ болѣзненности, не достаетъ очень важной цифры, именно: смертности въ нашей арміи. Я не имѣлъ возможности получить свѣдѣній этого рода, но знаю, что достовѣрныя въ этомъ отношеніи цифры могутъ быть добыты изъ военно-временныхъ госпиталей; такъ какъ имѣются именные списки всѣхъ умершихъ. На опубликованіе этихъ цифръ, по моему мнѣнію, и должно быть первѣе всего обращено вниманіе тѣхъ лицъ, которые въ состояніи произвести эту работу. Тогда только и можно будетъ уже составить себѣ приблизительно цѣльное представленіе о характерѣ болѣзненности арміи за означенный періодъ. Останется еще число выздоровѣвшихъ и возвратившихся къ своимъ частямъ, но я сомнѣваюсь, чтобы при существующей формѣ госпитальной отчетности, возможно было когда нибудь собрать достовѣрныя свѣдѣнія о выздоровѣвшихъ.

РАНЫ.

Раненыхъ и ушибленныхъ . . . . . **20,076**.	Раненій и ушибовъ. . . . . . . **20,737**.

По 2 раны у 617 чел.	5 ранъ у 1.
„ 3 „ „ 13 „	7 „ у 1.
„ 4 „ „ 6 „	11 (штык.) у 1.

Ранъ гранатныхъ 149; рѣзаныхъ 26; колотыхъ 40.

Ранъ головы . . . 1664	Ранъ верхнихъ конечн. 7508
„ шеи 305	„ нижнихъ „ 7566
„ туловища . . . 3427	ранъ и ушибовъ (безъ обозначенія точн. діагн.) 267.

Въ числѣ раненыхъ:

обмороженныхъ	30	съ бронхитомъ	15
тифозныхъ	174	» плевритомъ	17
лихорадочныхъ	140	чахоточныхъ	9
діарроиковъ	103	съ плевро-пневмоніею	6
дизентериковъ	26	» круп. пневмоніею	1
		рожистыхъ	6.

А. Ранъ мягкихъ частей:		Въ томъ числѣ ушибовъ.
головы	712	77
лица	628	12
глазъ	92	12
бараб. перепонки	1	
языка	5	
шеи	300	2
гортани	3	
гортани и пищепріемника	1	
туловища	2961	269
половыхъ органовъ	95	1
пальцевъ руки	1590	10
кисти	1143	11
на обоихъ кистяхъ	7	
предплечія	1015	16
на обоихъ предплечіяхъ	1	
области локтя	247	7
плеча	1782	
на обѣихъ плечахъ	4	
стопы	1058	65
обѣихъ стопъ	6	
области голенностопнаго сустава	16	
голени	1918	
обоихъ голеней	30	
области колѣннаго сустава	476	40
обоихъ колѣнъ	3	
бедра	2904	50
обѣихъ бедеръ	113	
Итого	17,111	572

B. Проникающихъ ранъ:	
груди	140
живота (peritonitis 1)	26
печени	1
таза	21
прямой кишки	3
мочеваго пузыря	2
ключично-грудиннаго сочл.	2
кистеваго сустава	45
локтеваго	103
плечеваго	55
голенностопнаго	62
колѣннаго	61
бедреннаго	1
Итого	522

C. Переломовъ:		Въ томъ числѣ подкожныхъ.
костей черепа	38	
носа	2	
скуловой кости	13	
верхней челюсти	62	
нижней	110	
позвонковъ	4	
ключицы	71	3
перел. ключ. и вывихъ грудин. конца	1	
лопатки	33	
реберъ	43	
грудной кости	1	
лопатки и ключицы	2	
лопатки и реберъ	1	
безъимянной кости	17	
крестца	1	
пальцевъ руки	117	
костей кисти	174	
луча	113	

локтевой к.	108	
предплечія	224	3
плеча	393	1
костей стопы	80	
большеберцовой к.	158	3
малоберцовой	53	1
голени	209	11
обѣихъ голеней	1	
колѣнной кости	5	
бедра	184	1
оторвана кисть	1	
Итого	2,219	23

D. Ампутацій:

пальцевъ рукъ	233
предплечія	13
плеча	47
вылущеній плеча	9
вылущеній пальцевъ стопы (отдѣльно)	7
по сп. Гаранжо	27
Лисфранка	24
ампут. плюсн. костей	3
выл. по сп. Шопара	4
ампут. стопы безъ обозначен. способа	11
остеопласт. ампутацій по сп. Пирогова	12
ампутацій голени	61
вылущеніе (?) въ колѣнномъ суставѣ	1
ампутацій бедра	32
Итого	484

Двойныхъ ампутацій:

въ суст. Лисфранка	7
плюсневыхъ костей	2
по сп. Пирогова	1
голени	3

амп. голени и вылущеніе въ суст. Шопара .	1
амп. голени и вылущ. въ суст Лисфранка .	1
амп. голени и предплечія	1
амп. голени и бедра	1
вылущ. по сп. Шопара и Малгеня .	1
амп. по сп. Пирогова и вылущ. по Малгеню.	1
Итого . .	19

E. Резекцій:

кистеваго сустава	8
локтеваго	38
плечеваго	35
голеностопнаго	14
Резекцій на протяженіи (*)	10
Итого . .	105

F. Перевязка на протяженіи:

art. brachialis	3
tibialis postic	1
femoralis.	2
iliacae	2
subclaviae	1
Итого . .	9

Трахеотомія	1
Пластическая опер. носа	1

ОБМОРОЖЕННЫХЪ 4,925.

Въ томъ числѣ:

лихорадочныхъ . . .	283	дизентериковъ . . .	210
діарроиковъ. . . .	335	тифозныхъ	250

(*) Резекціи на протяженіи невсегда было возможно узнать по одному рубцу.

БОЛѢЗНИ.

Болѣзней **49,764.** Больныхъ **39,661.** — По 2 болѣзни у 9118;— по 3 у 455;—по 4 у 25 человѣкъ.		Въ томъ числѣ.						
		Діарранковъ.	Дизентериковъ.	Тифозныхъ.	Съ катарромъ желудка.	Съ бронхитомъ.	Съ плевритомъ.	Съ гидреміею.
Лихорадка	14,922	1640	318	136	29	642	37	608
Діаррея	8,989	—	—	230	—	362	20	305
Дизентерія	3,113	—	—	65	—	120	—	125
Тифъ	5,898	230	65	—	—	160	—	27
Бронхитъ	4,211	362	120	160	3[illegible]	—	41	43
Ревматизмъ	2,460	375	55	109	—	109	—	—
Гидремія (?)	1,630	305	125	27	—	43	—	—

Цинга	166	Грыжи	246
Катарръ желудка	490	Prolapsus ani	160
Желудочно-кишечный катарръ	130	Геморроидал. шишки	7
Плевритъ	392	Экзема	105
Катаррал. пневмонія	579	Чесотка	125
Крупозная пневмонія	32	Psoriasis	10
Плевро-пневмонія	19	Рожа	20
Эмфизема	293	Panaritium	27
Haemoptoë (?)	36	Phlegmone	71
Asthma (?)	25	Нарывы	143
Туберкулезъ	8	Furunculus	40
Laringitis	105	Ambustura	35
Angina	85	Язвы	214
Meningitis	8	Adenitis	40
Эпилепсія	41	Parotitis	45
Ischias	52	Periostitis	71
Параличи	35	Distorsio	47
Nephritis	15	Luxatio	23
Vitium organ. cordis	42	Воспаленіе сочлененій	48
Анемія (?)	137	Contractura	15
Marasmus	10	Гангрена (?)	25

—

Сифилисъ и венерическія болѣзни	2625	Различныя внутреннія и наружн. болѣзни	385
Глазныя болѣзни	816	Сомнительныя болѣзни	300
(Въ томъ числѣ conjunctivitis)	500	Безъ діагноза и съ знакомъ ?	35
Keratitis	190	Здоровыхъ	75
Conjunct. et keratitis	34)	Итого	49.764
Ушныя болѣзни	88		

При разсматриваніи бланокъ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться въ недостаточности детальныхъ свѣдѣній. Такъ напр., въ графѣ раненій далеко не вездѣ обозначено, правая или лѣвая половина тѣла ранена, въ какомъ сраженіи получена рана; въ графѣ обмороженія, не вездѣ обозначено: обморожена ли одна нога или обѣ, а относительно степени обмороженія свѣдѣній имѣется совсѣмъ мало. Эти недостатки въ записи зависятъ частью отъ неизбѣжной торопливости при скопленіи большаго количества больныхъ, когда обращается вниманіе, конечно, на самое существенное, на подачу помощи больнымъ, а не на записи; главнымъ же образомъ эти недостатки зависятъ отъ того, что при записываніи свѣдѣній о больныхъ въ отдѣльномъ случаѣ не придается достаточнаго значенія различнымъ подробностямъ, отсутствіе которыхъ рельефно обнаруживается только уже при собраніи вмѣстѣ и регистрировкѣ отдѣльныхъ свѣдѣній. Подобные факты встрѣчаются даже и въ отчетахъ клиническихъ, при сравнительно очень небольшомъ количествѣ больныхъ: пробѣлы по разнымъ рубрикамъ и въ нихъ нерѣдки, даже если статистическія свѣдѣнія собираются уже по строго выработанной программѣ, и притомъ однимъ или двумя лицами: и для того необходимъ навыкъ, чтобы записывать кратко, но по всѣмъ рубрикамъ. Въ Сортировочной же Коммиссіи записи производились врачами разныхъ взглядовъ и направленій; нельзя пока и требовать, чтобы всѣ врачи придавали одинаково важное значеніе детальнымъ записямъ; статистическія свѣдѣнія въ медицинѣ далеко еще не пріобрѣли право гражданства.

Что касается общаго характера болѣзненности, то, судя по имѣющимся цифрамъ, и нынѣшняя война дала результатъ, согласный съ данными прежнихъ войнъ, именно: количество раненыхъ несравненно меньше числа больныхъ.

Какъ на характеристическую особенность этой кампаніи слѣдуетъ указать на огромное количество обмороженныхъ, число которыхъ 4925 равняется почти ¼ раненыхъ, эвакуированныхъ въ означенный періодъ. За то количество цынги — обыкновенный спутникъ большихъ армій — было замѣчательно мало, всего только 166 случаевъ.

Укажу теперь на нѣкоторыя подробности. Число ранъ мягкихъ тканей, именно наружныхъ покрововъ и мышцъ 17,111; переломовъ костей 2219; проникающихъ ранъ суставовъ 124; проникающихъ ранъ полостей: грудной, брюшной и тазовой 193. Ранъ верхней конечности 7508; — нижней 7566; — туловища 3427; — шеи 305; — головы 1664. Колотыхъ, рѣзаныхъ и гранатныхъ ранъ поразительно мало съ количествомъ пулевыхъ ранъ. Число оперированныхъ раненыхъ, прошедшихъ чрезъ нашъ пунктъ, также очень мало, именно: 638 у 619 больныхъ. Изъ этого числа нужно исключить 233 ампутаціи пальцевъ руки и 34 ампутаціи пальцевъ стопы, какъ операціи вообще не опасныя и потому не причисляемыя нами къ разряду большихъ операцій. Этихъ послѣднихъ, такимъ образомъ остается 371, именно: ампутацій 255; резекцій 105; перевязки артерій на протяженіи 9. Что означаетъ такое малое количество операцій? Есть ли это выраженіе огромной смертности послѣ операцій, или строго консервативнаго направленія нашихъ хирурговъ — рѣшатъ частные отчеты врачей, уже начинающіе появляться въ печати. Я склоненъ думать, однакоже, что въ нынѣшнюю кампанію число произведенныхъ операцій, по причинѣ консервативнаго направленія современной хирургіи, вообще очень мало; вѣдь если принять для оперированныхъ общій процентъ смертности даже 75%, то и при такомъ расчетѣ число операцій будетъ 1484, слѣд. при 20,000 приходится 74 оперированныхъ на каждую 1,000 раненыхъ.

Изъ числа внутреннихъ болѣзней особенное вниманіе останавливаю на лихорадкѣ, діарреѣ, дизентеріи и тифѣ. Наибольшее распространеніе первыхъ трехъ болѣзней идетъ какъ бы рука объ руку и падаетъ на сентябрь, октябрь и частію на ноябрь мѣсяцы, а затѣмъ съ декабря по мартъ замѣтно постепенное паденіе.

Что же касается тифа (подъ этимъ общимъ названіемъ сгруппированы: сыпной, брюшной и возвратный тифы; кромѣ того въ эту же рубрику отнесены всѣ выздоравливающіе отъ тифа и отправляемые въ Россію по причинѣ слабости) то степень его напряженности въ дѣйствительности была обратная, чѣмъ для трехъ указанныхъ болѣзней. Хотя онъ существовалъ во все время кампаніи, тѣмъ неменѣе съ наибольшею силою онъ распространился въ декабрѣ мѣсяцѣ и затѣмъ, постепенно увеличиваясь, достигъ своего maximum въ февралѣ и мартѣ. Однакоже собранныя мною цифры не соотвѣтствуютъ этому плану распространенія тифозной эпидеміи. По нашимъ свѣдѣніямъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ число тифозныхъ почти такое же, какъ и въ февралѣ и мартѣ. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего аномальнаго. Дѣло въ томъ, что въ сентябрѣ и октябрѣ число госпиталей въ Болгаріи было очень недостаточно сравнительно съ количествомъ больныхъ, а между тѣмъ были и ожидались большія сраженія. Понятно, что администрація госпиталей заботилась какъ можно больше очистить свои госпитали и потому въ числѣ другихъ болѣе легкихъ, отправляла дальше и тифозныхъ больныхъ, а особенно только что перенесшихъ тифъ. Въ ноябрѣ, по причинѣ распутицы, а въ декабрѣ по причинѣ мятелей и недостатка саней, эвакуація вообще уменьшилась; отправлялись больные съ болѣе легкими болѣзнями. Въ январѣ вовсе было запрещено эвакуировать тифозныхъ, а въ февралѣ послѣдовало распоряженіе выдерживать ихъ въ госпиталѣ неменѣе 3 недѣль послѣ кризиса. При такихъ условіяхъ въ нашемъ эвакуаціонномъ пунктѣ никоимъ образомъ нельзя было получить свѣдѣній, достаточныхъ для сужденія о степени распространенности тифозной эпидеміи и о фазахъ ея развитія. Слѣдовательно относительно тифа необходимо собрать свѣдѣнія инымъ путемъ.

Многіе больные обозначены имѣющими 2 болѣзни; очень можетъ быть, что нерѣдко, какъ бы двѣ болѣзненныя формы есть только симптомы собственно одной болѣзни. Для примѣра укажу на бронхитъ, такъ часто наблюдаемый во время лихорадки и зависящій отъ нея; точно также діаррея часто бываетъ спутникомъ маляріи. Вотъ почему я и привелъ въ особой таблицѣ свѣдѣнія о числѣ двойныхъ болѣзней. Опредѣлить съ точностію, у кого было двѣ самостоятельныхъ болѣзни, у кого одна болѣзнь лишь осложняла

другую — во время сортировки такого огромнаго количества больныхъ — дѣло невозможное.

Кромѣ выставленныхъ двойныхъ болѣзней было немало и такихъ бланокъ, гдѣ обозначено двѣ болѣзни, неимѣющія между собою ничего общаго, напримѣръ грыжа и лихорадка, какая нибудь сыпь и дизентерія, сифилисъ и тифъ. Но я не счелъ нужнымъ ставить ихъ въ таблицу двойныхъ болѣзней, хотя они и вошли въ счетъ по обѣимъ болѣзнямъ.

Настоящее мое сообщеніе есть не болѣе, какъ *предварительное*; подробная разработка этихъ обширныхъ свѣдѣній будетъ произведена впослѣдствіи; такъ какъ теперь я не имѣю для того достаточно времени. Регистрировка, сосчитываніе бланокъ и подведеніе итоговъ сдѣлано съ участіемъ 12 студентовъ высшихъ курсовъ Медицинскаго Факультета Казанскаго Университета.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что совершенно примыкаю къ заявленному уже въ печати предложенію объ образованіи особой коммиссіи, которая бы занялась собраніемъ и обработкою имѣющихся медико-статистическихъ свѣдѣній за минувшую войну. Хотя военно-временные госпитали и были обязаны представлять подробныя свѣдѣнія о болѣзняхъ, но именно потому, что требовались свѣдѣнія очень подробныя, многіе госпитали не имѣли возможности ихъ доставлять. Къ тому же всѣ военно-временные госпитали были нечто иное, какъ этапные пункты, чрезъ которые больные пересылались въ Россію. Одинъ и тотъ же больной записывался во всѣхъ госпиталяхъ и слѣдовательно нѣсколько разъ попадалъ въ отчетныя вѣдомости. При регистрировкѣ, нѣтъ возможности узнать, одинъ ли разъ больной попалъ въ списки, или нѣсколько. Во всякомъ случаѣ трудно ожидать, на основаніи госпитальныхъ отчетовъ, медико-статистическихъ свѣдѣній, приближающихся къ дѣйствительности. Весьма важная и конечно очень трудная задача: отдѣлить въ этихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ дѣйствительно цѣнное отъ того, что составляетъ лишь канцелярскій балластъ. Съ другой стороны теперь на свѣжую, такъ сказать, память есть еще возможность собрать отры-

вочныя свѣдѣнія изъ дневниковъ и воспоминаній врачей въ районѣ ихъ дѣятельности. Подобная группировка имѣющихся и могущихъ быть добытыми свѣдѣній можетъ быть произведена особымъ учрежденіемъ, назовемъ его Коммиссіею.

Кромѣ лицъ, стоявшихъ близко къ Полевому Медицинскому Управленію, въ число членовъ этой Коммиссіи должны быть включены врачи, заявившіе себя со стороны собиранія медикостатистическихъ свѣдѣній въ минувшую войну, а также и тѣ врачи, которые, по своему положенію, могли быть непосредственными наблюдателями санитарнаго состоянія нашей арміи въ разныхъ пунктахъ, или, покрайней мѣрѣ, въ пунктахъ, наиболѣе бойкихъ. Само собою разумѣется, должны быть привлечены къ участію и наиболѣе дѣятельные, изъ врачей, представители „Краснаго Креста". Мѣстомъ собранія Коммиссіи удобнѣе всего избрать Москву или Петербургъ. Комиссія должна собраться, по крайнѣй мѣрѣ, 2 раза: въ первый разъ для того, чтобы выяснить, какой имѣется въ наличности матеріалъ для исторіи санитарнаго дѣла за минувшую войну, оцѣнить, по возможности, степень достовѣрности матеріала, распредѣлить занятія между членами. Во второй разъ Коммиссія должна собраться чрезъ годъ, чрезъ два, для представленія окончательныхъ выводовъ.

Н. Студенскій.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ЧУМЫ.

I.

Историческій обзоръ чумныхъ эпидемій въ Россіи.

Тревожные слухи о появленіи чумы въ Астраханской губерніи послужили поводомъ для настоящаго нашего собранія. Такъ какъ эта болѣзнь въ теченіи послѣдняго столѣтія встрѣчалась въ Европѣ и въ Россіи весьма рѣдко, слѣдовательно большая часть врачей относительно ея не имѣетъ личной опытности, то, мнѣ кажется, прежде всего намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній объ этой болѣзни, который остался намъ отъ прежнихъ наблюдателей. Изъ данныхъ подобнаго рода я считалъ бы наиболѣе цѣнными и пригодными для настоящаго случая тѣ, которыя относятся къ описанію чумныхъ эпидемій въ нашемъ Отечествѣ. Исключительно взятая во вниманіе иностранная литтература о чумѣ, выясняя свойства этой болѣзни, не даетъ намъ тѣхъ практическихъ указаній, по отношенію къ особенностямъ русскихъ эпидемій, которыя имѣютъ связь съ складомъ русской жизни, съ нашимъ климатомъ и съ тѣми мѣропріятіями, которыя были испытаны у насъ. Независимо отъ того, русская литература о чумѣ сама по себѣ уже богата и поучительна, такъ какъ наше отечество имѣло несчастіе слишкомъ часто наблюдать эту болѣзнь. Правда, прежнія наблюденія, занесенныя въ русскія лѣтописи не спеціалистами, не отличаются подробностями, но и они могутъ имѣть для насъ большую цѣну по своей многочисленности и по наглядному опыту почти пяти столѣтій. Русскія сочиненія по послѣднимъ эпидеміямъ, особенно московской 1771 года, принадлежащія перу образованныхъ врачей того

времени, можно считать классическими по чумной литературѣ, такъ какъ въ нихъ весьма обстоятельно описаны и свойства этой губительной болѣзни, и разнообразныя формы ея проявленія, и результаты испытанныхъ противъ нея у насъ въ Россіи мѣропріятій. Эти сочиненія имѣютъ большую цѣну именно по тому, что они написаны такъ сказать съ натуры, лицами, наблюдавшими десятки тысячь чумныхъ больныхъ. Къ числу ихъ принадлежатъ доктора *Мартенсъ* (1), *Сосновскій* (2), *Самойловичъ* (3), *Ореусъ*, *Шафонскій* (4), оставившіе намъ пространныя сочиненія о послѣдней Московской чумѣ. Я не говорю о другихъ лицахъ, писавшихъ болѣе короткія замѣтки.

На основаніи этихъ данныхъ я буду имѣть честь представить почтенному Обществу: 1) краткій историческій очеркъ чумныхъ эпидемій въ Россіи, съ указаніемъ, гдѣ возможно, времени ихъ существованія по мѣсяцамъ, въ видахъ разъясненія вопроса о вліяніи на развитіе чумнаго яда временъ года. 2) Описаніе разныхъ формъ проявленія этой болѣзни, согласно указаніямъ наблюдавшихъ ее русскихъ врачей. Этому вопросу при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя не придавать большаго значенія, такъ какъ, повидимому, чума принадлежитъ къ разряду полиморфныхъ болѣзней, слѣдовательно для возможности отличать первые случаи заболѣванія ею, что особенно важно въ видахъ ограниченія эпидемій, необходимо познакомиться со всѣми формами чумы, какія

(1) Observationes med. de febribus putridis, de peste, non nullisque aliis morbis. Vindobonnoe 1778.

(2) Beschreibung der vom Jahre 1770 bis 1772 in Moskau herrschenden Seuche, nebst Anzeige aller zur Anvendung derselben genommenen Maasregeln. Moskau 1776.

(3) Abhandlung über die Pest, welche 1771 dass Russische Reich besonders aber Moskau, die Hauptstadt verheerte. Aus dem Französischen. Leipzig 1785. Оригиналъ этого сочиненія былъ напечатанъ Самойловичемъ въ Парижѣ въ 1784 году подъ заглавіемъ: Memoire sur la Peste, qui en 1771 ravage l' Empire de Russie, surtout Moskou la capitale et ou sont indique les remedes pour la guerir, et les moyens de s' en preserver.

(4) Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ въ 1770 по 1772 годъ съ приложеніемъ всѣхъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учрежденій. По Высочайшему изволенію напечатано 1775 г. въ Москвѣ, въ Императорскомъ Университетѣ.

когда либо наблюдались. 3) На основанiи тѣхъ же источниковъ я считаю не лишнимъ сдѣлать рефератъ мнѣнiй прежнихъ авторовъ о свойствахъ чумной заразы, о способахъ ея распространенiя и средствахъ ограниченiя эпидемiи.

Для историческаго обзора чумныхъ эпидемiй прошлыхъ столѣтiй я пользовался русскими лѣтописями, преимущественно Псковскою и Новгородскою, первою по изданiю Археографической Коммиссiи 1848 года, а второю (древнiй лѣтописецъ) по изд. 1774 г. При извлеченiи данныхъ я обращалъ особенное вниманiе на сроки эпидемiй. При этомъ, какъ увидимъ ниже, оказывается замѣчательный фактъ, что наибольшая часть эпидемiй, гдѣ указаны эти сроки, падаютъ на вторую половину лѣта и на осень. Съ морозами чума обыкновенно прекращалась сама собой. Нерѣдко эпидемiя, перезимовавъ, повторялась на другой годъ и достигала наибольшаго развитiя опять съ приближенiемъ осени. Повторялись эпидемiи различно: нерѣдко черезъ 8—10 лѣтъ, но иногда чаще и рѣже этого срока, при чемъ, по всей вѣроятности зараза заносилась вновь, чаще всего изъ Европы черезъ югозападную границу. Вслѣдствiе этого Псковъ чаще всего былъ мѣстомъ для чумнаго мора и разсадникомъ чумы для другихъ русскихъ городовъ. Второй фактъ, съ первой же эпидемiей бросившейся въ глаза наблюдателямъ,— это свойство чумы заражать черезъ прикосновенiе къ больнымъ и зачумленнымъ вещамъ. На это настойчиво указывается во всѣхъ лѣтописяхъ и это подтверждается многочисленными наблюденiями—переходомъ заразы изъ дома въ домъ, изъ одной улицы въ другую. Относительно признаковъ болѣзни лѣтописцы указываютъ исключительно на двѣ формы, бубонную, которую они называютъ *желѣзой* (мряху желѣзою) и такъ называемую черную смерть, характеризующуюся кровохарканiемъ. Та и другая форма часто существовали совмѣстно, или смѣнялись одна другою во время одной и той же эпидемiи. При описанiи каждаго мора всегда указываются эти признаки чумы, въ отличiе ея отъ другихъ моровыхъ повѣтрiй. Въ числѣ признаковъ болѣзни большею частiю упоминается о быстро наступающей смерти, именно черезъ сутки или двои, рѣже черезъ трое сутокъ. О другихъ проявленiяхъ чумы въ лѣтописяхъ не говорится, такъ какъ здѣсь обращается вниманiе лишь на выдающiеся, преобла-

дающіе признаки, а не на частности. Леченія чумы до 17 столѣтія не было почти никакого. Всю надежду полагали на Бога, служили молебны, кропили домà святой водой, строили по обѣту церкви въ одинъ день (обыденныя церкви), а кто могъ старались уходить изъ зачумленныхъ мѣстъ. Не смотря на отсутствіе какихъ бы то ни было санитарныхъ и медицинскихъ мѣръ, чумныя эпидеміи къ извѣстному сроку прекращались сами собой, иногда на продолжительное время, что доказываетъ полную зависимость существованія чумнаго яда отъ климатическихъ условій. Очевидно подъ вліяніемъ этихъ условій зараза уничтожалась сама собою, такъ какъ нельзя предположить, чтобы прочумленные и полу-вымершіе города надлежащимъ образомъ очищались отъ заключавшагося въ нихъ яда. Ни въ лѣтописяхъ, ни даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о чумѣ на это нѣтъ указаній. Куреніе въ домахъ можжевельникомъ, съ примѣсью селитры и сѣры, поручавшееся людямъ не свѣдущимъ, не можетъ быть признано настоящею дезинфекціей. А между тѣмъ, по окончаніи эпидеміи, тѣ же самые дома дѣлались жилищами возвратившихся или оставшихся въ живыхъ жителей и, не смотря на отсутствіе мѣръ осторожности, никто изъ нихъ не заболѣвалъ. Не рѣдко только по прекращеніи эпидеміи начинали убирать изъ домовъ и съ улицъ остававшіеся не погребенными трупы; и это дѣлалось уже безъ страха и дѣйствительно не сопровождалось зараженіемъ, тогда какъ мѣсяцемъ раньше всякое прикосновеніе къ тѣмъ же трупамъ и къ вещамъ умершихъ угрожало неминуемой смертію. Подобные факты, такъ сказать, самоуничтоженія чумнаго яда заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я перейду къ частному перечисленію историческихъ данныхъ.

О первой чумной эпидеміи въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается подъ *1352* годомъ. Въ это время обошедшая Европу страшная черная смерть проникла въ Псковъ, какъ болѣзнь прежде не виданная. Объ ней лѣтописецъ сообщаетъ такъ: „Бысть моръ золъ во градѣ Псковѣ, начался изъ *весны*, на цвѣтной недѣли, то же и до самыя осени, уже передъ зимою преста́. Сице же смерть бысть ско́ра: хракнетъ человѣкъ кровію и въ третій день умираше“. Съ перваго появленія этого мора замѣчено было, что болѣзнь передается черезъ прикосновеніе. „Аще кто что у кого воз-

меть, въ той часъ неисцѣльно умираетъ. Мнози же послужити хотяще умирающимъ и тіи скоро неисцѣльно умираху, и того ради мнози отбѣгающе послужити умирающимъ". Псковитяне, устрашенные болѣзнію, просили новгородскаго архіепископа Василія посѣтить и благословить ихъ городъ. Владыко послушалъ ихъ мольбы, пріѣхалъ въ Псковъ въ концѣ мая мѣсяца, обошелъ городъ съ крестнымъ ходомъ и, побывъ немного дней, отправился обратно въ Новгородъ по видимому здоровымъ; но „на пути разболѣлся и поболѣвъ мало, умеръ, 3 іюня, не доѣхавъ до Новгорода". Очевидно, онъ заразился въ Псковѣ, но зараза обнаружилась черезъ нѣсколько дней. (Первое указаніе на инкубаціонный періодъ). Тѣло архіепископа Василія было привезено въ Новгородъ и погребено въ церкви св. Софіи. Можетъ быть вслѣдствіе этой неосторожности, или вообще черезъ людей сопутствовавшихъ архіепископу, чума была завезена въ Новгородъ, гдѣ она обнаружилась съ *Успеньева дня* (Оспожинъ день, 15 авг.) и продолжалась до Пасхи (до Велика дня) этотъ моръ въ 1352 и 1353 году обошелъ почти всю русскую землю, истребивъ безчисленное множество людей. Въ Глуховѣ и Бѣлоозерѣ вымерли всѣ жители до одного человѣка.

Черезъ восемь лѣтъ, въ *1360* году, чума снова повторилась въ Псковѣ, но на этотъ разъ въ другой формѣ. „Бяше тогда се знаменіе: егда кому гдѣ выложится желѣза, то вскорѣ умираше". Въ какіе мѣсяцы свирѣпствовала въ Псковѣ эта моровая язва въ лѣтописи не упомянуто.

Въ *1363* году она снова появилась въ Новгородѣ, Переяславлѣ, Коломнѣ, Твери, Владимірѣ, Суздалѣ, въ Можайскѣ, Вологдѣ и въ другихъ городахъ и областяхъ. Въ *1364* году въ Нижнемъ-Новгородѣ и его окрестностяхъ моровая язва появилась въ смѣшанной формѣ. „Хракаху людіе кровію, а иніи желѣзою болѣзноваху единъ день, или два, или три, и мало нѣціи пребывше, и тако умираху". Въ Переяславлѣ болѣзнь обнаружилась такъ: „преже яко рогатиною ударитъ за лопатку, или подъ груди противъ сердца, или межъ крылъ, и тако разболѣвся человѣкъ начнетъ кровію хракати, и огнь зажжетъ, и разваритъ, и потомъ потъ велій пойдетъ, тоже потомъ дрожъ иметъ, и полежавъ день единъ или два, и рѣдко то, кто бы полежалъ три дни и тако умираху. А еже желѣзою боляху, не единако: иному убо на

шеѣ, иному же на стегнѣ, иному же подъ пазухою, иному же подъ скулою, иному же на лопаткою, и умираху на день человѣкъ иногда по семидесяти, а иногда по сту, а иногда по полутораста". Переяславскій моръ по свидѣтельству лѣтописца былъ занесенъ изъ Нижняго, а въ Нижній онъ былъ завезенъ съ Низовьевъ Волги и потомъ распространился въ Рязань, въ Коломну, Переяславль и Москву „и во всѣ грады розыдеся моръ силенъ и страшенъ". Въ Псковѣ и Торжкѣ этотъ моръ былъ въ *1365* году въ Москвѣ въ *1366*.

Въ *1404* году чума снова появилась въ Псковѣ *со Спасова дня* съ опухолями желѣзъ. На этотъ разъ она была занесена отъ нѣмцевъ изъ Юрьева (Дерпта). Черезъ два года, именно въ *1406* она повторилась *осенью* „Тоя же осени бысть моръ во Псковѣ, и по пригородамъ и по волостямъ мроша мужи и жены и малыя дѣти желѣзою. (Псков. Лѣт. стр. 197).

Въ *1409* г. чума опустошила окрестности Ржева, Дмитрова, Можайска, Звенигорода, Юрьева, Рязани.

Въ *1417* г. чумная эпидемія достигла ужасныхъ размѣровъ, преимуществено во Псковѣ, Новгородѣ, Ладогѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Твери, Дмитровѣ и въ ихъ окрестностяхъ. Въ это время, по описанію лѣтописцевъ, чума тоже проявлялась въ двухъ видахъ, — въ формѣ черной смерти, съ кровохарканіемъ, колотьемъ подъ лопаткою и въ груди, съ ознобомъ и жаромъ, — и въ формѣ опуханія желѣзъ. Переходя изъ города въ городъ, изъ области въ область, эта эпидемія существовала до *1430* года. Во многихъ городахъ она повторялась изъ года въ годъ по нѣскольку разъ, преимущественно лѣтомъ и осенью. Такъ напр. въ 1425 году въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Дмитровѣ и въ Московскихъ окрестностяхъ она начинала свирѣпствовать *въ сентябрѣ*.

Прошелъ небольшой промежутокъ времени, какъ чумная эпидемія снова ожесточилась. Черезъ 12 лѣтъ, именно въ *1442* году сильный моръ появился въ Псковѣ *наканунѣ Николина дня зимняго*. Зимою, вѣроятно, случаи заболѣванія были не такъ часты, но лѣтомъ болѣзнь усилилась („и мряху все лѣто"). Моръ на этотъ разъ прекратился только осенью слѣдующаго 1443 года „на Дмитріевъ день (26 окт. или 15 нояб.), а по пригородамъ и по волостямъ еще мерли и до Крещенья" (Псков. Лѣт. стр. 212). Въ это время чума проявлялась пораженіемъ желѣзъ.

Подъ годомъ *1465* въ Псковскомъ лѣтописцѣ упоминается, при описаніи чумы, что моръ начался въ Псковѣ отъ того, что нѣкто Ѳедорко, пріѣхавшій изъ Юрьева (Дерпта) умеръ отъ этой болѣзни 23 іюля. Эпидемія началась съ его дома и продолжалась два года. Сильнѣе всего болѣзнь проявлялась осенью. Такъ подъ 1466 годомъ сказано: „Той же *осени* посла Богъ казнь на градъ и на люди, бысть моръ великъ въ Псковѣ и по пригородамъ и по всей волости псковской: начатъ мерети *по Семенѣ дни* Лѣтопроводца (1 сент.), и бысть самъ напоръ и много падоша христіанъ въ Рожественное говѣнье“. Не имѣя другаго средства защитить себя отъ страшной эпидеміи, Псковитяне построили въ одинъ день новую церковь и освятили ее 8 декабря. Послѣ того смертность уменьшилась (и оттолѣ начаша по меньше мерети), но все таки болѣзнь продолжала проявляться „до Великаго Заговѣнья“. Въ слѣдующемъ 1467 году однакоже эпидемія снова повторилась, *опять съ сентября* и продолжалась до Рождества. „А знаменіе ея было тоже желѣзою“ (Пск. Лѣтоп. стр. 231).

Въ 1487 году чума въ Псковѣ началась *лѣтомъ*. Это видно изъ того, что построенная въ одинъ день, для избавленія отъ нея, церковь была освящена 26 августа; но болѣзнь послѣ этого не прекратилась. Она продолжалась еще и въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, 4 октября умерли отъ чумы, „во время мора князь Ярославъ и сынъ его, да и княгиня его“ (l. c. стр. 267).

Въ 1521 г. моръ въ Псковѣ начался съ *Ильина дня* (20 іюля) и продолжался, по видимому, до января мѣсяца. На этотъ разъ былъ сдѣланъ опытъ изолированія больныхъ отъ здоровыхъ, но по не совершенству своему онъ не увѣнчался успѣхомъ. У лѣтописца по этому поводу сказано: „А начали мерети отъ Ильина дня первое на Петровской улицѣ у Юрья, у Табулова у сведенаго, и князь Михайло Кислица велѣлъ улицу Петровскую заперети съ обѣю концовъ“. Въ августѣ 15 числа выстроили и освятили церковь, въ надеждѣ, что послѣ того Богъ избавитъ отъ повѣтрія, но надежды эти не сбылись („ничто же успѣ, но болѣ бысть мряху“). Въ октябрѣ или ноябрѣ начали строить новую церковь Покрова Пресвятой Богородицы, окропили всѣ дома святой водой, привезенной изъ Москвы, съ мощей св. чудотворцевъ Петра и Алексія. Въ это время повѣтріе уже начало пре-

кращаться. Покровская церковь была освящена 2 февраля, въ то время, когда по свидѣтельству лѣтописца „моръ уже преста“ (l. c. стр. 295). Такимъ образомъ и въ эту эпидемію самый сильный разгаръ ея былъ въ концѣ лѣта и осенью, и съ наступленіемъ зимы смертность стала уменьшаться.

Въ 1532 и 1533 годахъ снова былъ моръ въ Псковѣ. Въ 32 году срокъ его продолженія не обозначенъ, а въ 33 году онъ продолжался всю осень. Церковь выстроили въ декабрѣ мѣсяцѣ 14 числа, когда повѣтріе уже переставало (l. c. стр. 298).

Въ *1553* году чумная эпидемія началась въ Псковѣ *осенью*. „Съ седмаго четверга октября до 7 числа, говоритъ лѣтописецъ, положиша въ скудельницу 4800 и покопаша, и послѣ того въ мѣсяцъ и въ 3 дня, ноября до 9 числа, положиша въ новую скудельницу 2200 и покопаша,... и въ годъ положили въ скудельницахъ 25,000 (полтретьядцать тысячь), а по буямъ не вѣмъ колко числомъ“ (стр. 308). Здѣсь въ первый разъ указывается на болѣе точное исчисленіе смертности; но приведенныя цифры относятся только до числа погребенныхъ въ общихъ могилахъ (скудельницахъ), не считая погребенныхъ въ разницу и безвѣдомо („а по буямъ не вѣмъ колко числомъ“). А мерли старые и малые, мужчины и женщины, все „желѣзою“ (бубонной чумой).

Въ *1556* г. *осенью* былъ моръ въ Полоцкѣ, продолжавшійся до Николина дня до осенняго (окт. 14); послѣ чего пересталъ, а съ весной снова „пріиде моръ въ Озерища городокъ, и вымерло много, мало осталося; потомъ пріиде моръ изъ Луки, и въ Торопецъ, и въ Смоленскъ и по многимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій былъ великъ“ (стр. 317).

Въ слѣдующемъ 1567 году чума явилась въ Новгородѣ отъ начала Успенскаго поста (отъ Госпожина заговѣнья, съ 1 авг.) до Николина дня до осенняго (14 окт.) и далѣе. Мерло многое множество людей какъ въ Новгородѣ, такъ и по селамъ, и въ старой Русѣ. Той-же *осени* повторился моръ и въ Псковѣ.

Изъ чумныхъ эпидемій XVII столѣтія была особенно опустошительна эпидемія 1654 г. Въ Москвѣ она началась въ іюлѣ и августѣ между жителями города и въ его окрестностяхъ. Съ осени (съ Семенова дня, 1 сент.) эпидемія начала быстро возрастать, такъ что въ скоромъ времени въ столицѣ и въ пригородахъ осталось въ живыхъ только не-

большая часть людей. Изъ находившихся въ Москвѣ шести стрѣлецкихъ полковъ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Перемерли также почти всѣ священники городскихъ церквей, такъ что некому было отпѣвать умершихъ. По улицамъ города валялось множество труповъ, пожираемыхъ собаками, такъ какъ некому было погребать ихъ. Люди, которымъ это было поручено, всѣ перемерли, а небольшое число обывателей города, оставшихся въ живыхъ, не смѣли прикасаться къ умершимъ. Эпидемія начала прекращаться ко дню св. Спиридонія (31 окт.). Изъ Москвы этотъ страшный моръ распространился преимущественно на югъ Россіи, до Астрахани и Кіева. Въ этихъ двухъ городахъ эпидемія свирѣпствовала преимущественно въ слѣдующемъ 1655 году.

Въ прошломъ столѣтіи чума посѣтила Россію три раза: въ началѣ столѣтія она была въ Москвѣ и многихъ другихъ городахъ, какъ продолженіе европейскихъ эпидемій предъидущаго вѣка; затѣмъ въ 1738 и 1739 году она была занесена изъ Турціи и опустошила преимущественно Малороссію, а въ 1771 году она разразилась въ Москвѣ.

Въ XVIII вѣкѣ стали обращать гораздо больше вниманія на занесеніе чумной заразы. Очагомъ ея въ это время по преимуществу служила Турція. Отсюда въ 1707—12 году ее занесли въ Польшу, Данцигъ, на берега Балтійскаго моря, въ Шлезвигъ и Голштинію, въ Копенгагенъ и пр. Въ 1720 г. чума была завезена на кораблѣ изъ Леванта въ Марсель, гдѣ она похитила болѣе 60 т. жителей. Въ 1738 и 1839 г. она проникла изъ Турціи въ Украйну. Съ октября 1755 до января 1757 г. значительная чумная эпидемія существовала въ Валахіи, особенно въ Кронштадтѣ. Отсюда она была завезена однимъ армянскимъ купцомъ въ Вѣну. Послѣдняя русская чума прошлаго столѣтія тоже явилась изъ Турціи во время Турецкой войны 1769 года, именно въ нашихъ войскахъ она въ первый разъ появилась въ отрядѣ генер. Штоффеля послѣ взятія Журжи. Для предупрежденія распространенія эпидеміи главнокомандующій графъ Румянцевъ-Задунайскій приказалъ Штоффелю немедленно отступить въ Яссы, учредить тамъ особый чумный лазаретъ и строгій карантинъ. Для наблюденія за этими мѣрами и руководства присланъ былъ въ Яссы докторъ Ореусъ; но не смотря на всѣ старанія болѣзнь не удалось прекратить. Въ

томъ же 1770 году она показалась въ Хотинѣ, отсюда въ августѣ мѣсяцѣ распространилась въ Польшу, въ Кіевъ и Малороссію [1], въ сентябрѣ появилась въ Сѣвскѣ, а въ ноябрѣ въ Москвѣ. За исключеніемъ послѣдняго города, во всѣхъ остальныхъ эпидемія проявилась въ незначительныхъ, сравнительно, размѣрахъ; въ Москвѣ же она развилась очень сильно, уничтоживъ въ теченіи года 57,900 человѣкъ, а вмѣстѣ съ прочими русскими городами 133,293 человѣка.

Первые случаи заболѣванія чумою обнаружились въ Москвѣ съ ноября 1770 года, но въ теченіи первыхъ пяти мѣсяцевъ они были сравнительно рѣдки и не такъ злокачественны, потому не обратили на себя должного вниманія. Кромѣ разсѣянныхъ случаевъ въ частныхъ домахъ, въ ноябрѣ и декабрѣ оказались два болѣе замѣтныхъ чумныхъ гнѣзда, одно въ жилыхъ казармахъ служителей сухопутнаго госпиталя, что на Введенскихъ горахъ,—другое между фабричными на суконномъ дворѣ, за Москвой рѣкой. Хотя эти мѣстныя эпидеміи и не признаны были за настоящую чуму, но все таки на нихъ было обращено нѣкоторое вниманіе. Больныхъ сухопутнаго госпиталя удалось во́ время изолировать и эпидемія здѣсь прекратилась, съ потерей 22 человѣкъ изъ 27 заболѣвшихъ; но на суконной фабрикѣ нельзя было достигнуть тѣхъ же результатовъ. Изъ числа рабочихъ (болѣе 2000 человѣкъ) многіе жили по частнымъ квартирамъ, вслѣдствіе чего не удалось не только изолировать всѣхъ заболѣвшихъ и сомнительныхъ, но даже получить объ нихъ точныя свѣдѣнія. Чума на фабрикѣ появилась съ 1 января и по 9 марта число умершихъ здѣсь было уже 130 человѣкъ не считая тѣхъ, которые разошлись по городу. Эпидемію эту врачи принимали за сыпной тифъ, не смотря на то, что у нѣкоторыхъ больныхъ при тифозныхъ явленіяхъ существовали бубоны, большія темныя пятна по тѣлу и карбункулы. Появленіе болѣзни на фабрикѣ приписывали женщинѣ, родственницѣ одного фабричнаго, которая больною привезена была въ квартиру этого послѣд-

---

[1] Въ Кіевѣ и Васильковѣ чума, появившись въ августѣ, сильнѣе всего развилась въ сентябрѣ и октябрѣ, кончилась въ февралѣ 1771 г. Лѣтомъ того же года она открылась вновь, но была вскорѣ пресѣчена. Въ Нѣжинѣ чума тоже явилась вторично съ іюля по ноябрь 1771 года.

няго, съ опухолями железъ за ушами, и вскорѣ умерла. Это было на Рождествѣ. Прежде эта женщина жила у церковнаго сторожа, церкви Николы Кобыльскаго, здѣсь заболѣла и послѣ ея отъѣзда вся семья сторожа тоже умерла; стали умирать и другіе лица, имѣвшіе съ этою семьею соприкосновеніе.

Не смотря на такіе ясные признаки чумной эпидеміи, врачи все еще колебались назвать ее настоящимъ именемъ. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія не было принято надлежащихъ мѣръ и зараза продолжала распространяться не только по городу но и по его окрестностямъ. Правда было сдѣлано распоряженіе, чтобы о скоропостижно умершихъ (до истеченія четырехъ дней, отъ заболѣванія) давали знать полиціи, но это не исполнялось. Умершихъ показывали заболѣвшими ранѣе четырехъ дней и этого было достаточно, чтобы такіе смертные случаи не считать чумой. Очевидно такая мѣра не могла быть достаточной уже потому самому, что случаи заболѣванія чумою въ первомъ періодѣ эпидеміи не рѣдко на самомъ дѣлѣ продолжались болѣе четырехъ дней, не говоря уже о неправильныхъ показаніяхъ настоящей продолжительности болѣзни. Такимъ образомъ чума продолжала размножаться, не доходя до свѣдѣнія врачей и полиціи и не встрѣчая никакихъ предохранительныхъ мѣръ. Въ мартѣ число заболѣвающихъ стало значительно прибывать, въ апрѣлѣ оно увеличилось еще больше. Видя это, московскіе жители стали покидать Москву. Множество рабочихъ разошлось по деревнямъ, иные изъ нихъ умирали на дорогѣ, другіе заносили заразу въ свои деревенскія семьи. Такимъ образомъ къ лѣту чума оказалась не только въ Москвѣ и по ея пригородамъ (слободамъ), но и по всей Московской губерніи. Въ село Пушкино чума была занесена изъ Рогожской ямской слободы крестьяниномъ, который принесъ въ подарокъ своей женѣ кокошникъ отъ умершей чумной женщины. Впослѣдствіи Пушкино очень дорого заплатило за этотъ кокошникъ: оно вымерло почти все.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ была организована въ Москвѣ особая чумная коммиссія, заведены особые чумные лазареты и приняты болѣе энергическія мѣры противъ распространенія эпидеміи, но уже поздно. Оцѣпить зараженныя пункты было уже невозможно, такъ какъ ихъ было слишкомъ много. Въ такое время прекращать чуму значило тоже самое, что ту-

шить разгорѣвшійся деревянный домъ. Самыя энергическія мѣры здѣсь уже имѣли мало значенія. Оставалось возложить надежду на естественное прекращеніе эпидеміи, ограничиваясь сравнительно ничтожною палліативною помощію. На сколько общественныя мѣры при такихъ условіяхъ оказываются недостаточными даже для призрѣнія больныхъ, видно изъ того, что въ продолженіи девяти мѣсяцевъ эпидеміи всѣ московскіе лазареты могли вмѣстить только 8139 больныхъ, а въ частныхъ домахъ ихъ оставалось около 50,000.

Для нагляднаго ознакомленія съ ходомъ эпидеміи и съ возрастаніемъ числа больныхъ по мѣсяцамъ я привожу здѣсь слѣдующую таблицу, составленную по оффиціальнымъ даннымъ докторомъ Самойловичемъ, членомъ московской чумной коммиссіи 1771 года. Въ этой таблицѣ показано только число умершихъ въ Москвѣ, по похороннымъ спискамъ, не считая слѣдовательно ни числа заболѣвшихъ и выздоровѣвшихъ, ни погребенныхъ безъ вѣдома коммиссіи, ни больныхъ удалившихся изъ Москвы и умиравшихъ по деревнямъ. Общее число жителей Москвы считалось тогда около 500,000; но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что во время эпидеміи по крайней мѣрѣ ⅖, если не болѣе, жителей удалилась изъ этой столицы, слѣдовательно процентъ умершихъ къ общему населенію можно считать приблизительно: 60,000 : 300,000.

		Въ частныхъ домахъ.	Въ госпиталяхъ.	Общая сумма.
1771 г.	Апрѣль . .	665.	79	744
	Май . . .	795.	56	851
	Іюнь . . .	994.	105	1099
	Іюль . . .	1410.	298	1708
	Августъ. .	6423.	845	7268
	Сентябрь .	19,761.	1643	21,404
	Октябрь. .	14,935.	2626	17,561
	Ноябрь . .	3466.	1769	5235
	Декабрь. .	319.	489	808
1772 г.	Январь . .	—	121	121
	Февраль. .	—	78	78
	Мартъ . .	—	30	30
		48,768.	8139.	56,907.

Въ это число вошли не всѣ умершіе. Многіе изъ нихъ были тайно похоронены въ огородахъ, на дворахъ, въ подвалахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, съ цѣлію скрыть отъ коммиссіи зачумленные дома. По окончаніи эпидеміи такимъ образомъ похороненныхъ труповъ было отыскано и вырыто 1000. Въ приведенной таблицѣ рѣзко бросается въ глаза громадное увеличеніе смертности въ сентябрѣ (21,404) и октябрѣ (17,561), что повидимому подтверждаетъ предположеніе о вліяніи температуры и влажности воздуха на размноженіе чумной заразы. Въ смежныхъ мѣсяцахъ, августѣ и ноябрѣ, смертность была вдвое или втрое меньше, именно въ августѣ 7268, въ ноябрѣ 5235. Жаль, что я не имѣлъ подъ руками таблицъ смертности по днямъ въ теченіи этихъ мѣсяцевъ. Изъ нихъ можно бы было видѣть, что приведенныя цифры по всей вѣроятности по преимуществу падаютъ на вторую половину августа и на первую половину ноября, слѣдовательно на время, по предположенію, болѣе сырое. Наступающіе зимніе холода, равно и знойные мѣсяцы лѣта, судя по послѣдней Московской эпидеміи, не были благопріятны для размноженія чумнаго яда, хотя и не истребляли его вполнѣ. Подобные факты совпаденія разгара чумныхъ эпидемій съ концомъ лѣта, осенью и съ началомъ весны, т. е. съ сырымъ и умѣренно холоднымъ временемъ, мы видѣли выше и во многихъ другихъ эпидеміяхъ этой болѣзни.

Появленіе чумныхъ эпидемій преимущественно осенью, подъ вліяніемъ сырого и туманнаго времени, было замѣчено нашими предками очень давно, какъ фактъ болѣе или менѣе постоянный. Въ рукописи лѣчебника, подъ заглавіемъ „Прохладный вертоградъ", относящейся къ XVII вѣку, въ главѣ 335 о моровомъ повѣтріи сказано: „какъ лѣто кончается и осень приближается, тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А лѣтомъ мора не бываетъ потому, что воздухъ нездоровый горячестію солнечною очищается, а зимою вмѣсто солнечныя жаркости (очищаетъ воздухъ) морозная стужа. А когда въ осень бываютъ хмурые туманы и вѣтръ полуденный, а восточной или полунощный или сѣверный вѣтръ, ни теплота солнечная воздухъ не очищаютъ, тогда бываетъ моровое повѣтріе". Это практическое замѣчаніе, основанное на наблюденіяхъ многихъ, посѣщавшихъ нашу страну, эпидемій, повидимому подтверждается и всѣми историческими фактами. Для большой наглядности я повторю

здѣсь перечень чумныхъ эпидемій, о времени существованія которыхъ имѣются болѣе или менѣе опредѣленныя данныя.

1352 эпидемія существовала въ Псковѣ весною, лѣтомъ и осенью
— въ Новгородѣ съ 15 августа до Пасхи.
1404 въ Псковѣ со Спасова дня.
1406 въ Псковѣ осенью.
1430 во многихъ городахъ лѣтомъ и осенью.
1425 въ Новгородѣ, Псковѣ и друг. городахъ въ сентябрѣ.
1442 въ Псковѣ нояб. и дек. лѣтомъ, а осенью усилилась, оконч. въ ноябрѣ.
1465 въ Псковѣ съ 23 іюля, но преимущественно осенью.
1466 въ Псковѣ съ сентября до декабря.
1467 въ Псковѣ съ сентября до Рождества.
1487 въ Псковѣ лѣтомъ до ноября.
1521 въ Псковѣ съ 20 іюля до января.
1533 въ Псковѣ осенью до декабря.
1553 въ Псковѣ осенью.
1556 въ Полоцкѣ осенью до 14 окт. весной повторилась.
1567 въ Новгородѣ съ 1 авг. до 14 октября.
1567 въ Псковѣ осенью.
1654 въ Москвѣ въ іюлѣ, но преимущественно осенью до 31 октября.
1770 въ Москвѣ съ ноября и зимой, незначительно.
1771 г. въ Москвѣ преимущественно лѣтомъ и осенью.

Изъ приведенныхъ здѣсь 20 эпидемій, относительно которыхъ извѣстны болѣе или менѣе точныя сроки ихъ существованія, осенью начались 8 эпидемій, во 2-й половинѣ лѣта 9, начались съ весны 3. Въ этомъ числѣ два раза эпидеміи начинались зимой, но достигали наибольшаго развитія все таки весной лѣтомъ или осенью. Прекращеніе эпидемій большею частію совпадало съ ноябремъ, рѣже съ декабремъ и только въ одномъ случаѣ указано, что эпидемія продолжалась до Пасхи. Самыми благопріятными мѣсяцами для чумы въ Россіи оказываются сентябрь и октябрь, послѣ нихъ августъ и іюль. Весна повидимому менѣе способствуетъ размноженію чумнаго яда, чѣмъ лѣто и осень. Ни въ одномъ случаѣ не указано, чтобы чумный моръ въ сильной степени существовалъ зимой; большею частію въ сре-

динѣ зимы онъ совершенно прекращался, рѣже поддерживался всю зиму въ незначительной степени, чтобы снова усилиться весною, или въ концѣ лѣта. Эпидеміи, начинавшіяся зимой или передъ наступленіемъ зимы обыкновенно достигали своего полнаго развитія только съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, а иногда лишь въ концѣ лѣта, или даже слѣдующей осенью. На основаніи этихъ данныхъ можно опасаться, что и настоящая Ветлянская эпидемія, если распространеніе ея не будетъ прервано искуственными мѣрами, съ большою вѣроятностію можетъ ожесточиться или воскреснуть вновь будущей весной или лѣтомъ, даже осенью. Поэтому, руководясь примѣромъ прошлыхъ эпидемій, нельзя ослаблять санитарной бдительности по меньшей мѣрѣ до зимы будущаго года.

Ветлянская эпидемія началась въ началѣ ноября и только въ декабрѣ обозначилась въ настоящей злокачественной формѣ. Слѣдовательно срокъ ея появленія совпадалъ съ неблагопріятнымъ временемъ для размноженія чумнаго яда. Въ этомъ можно усматривать и хорошую сторону, въ смыслѣ болѣе легкой возможности ограниченія или прекращенія эпидеміи, при содѣйствіи неблагопріятствующихъ ей климатическихъ условій;—и дурную сторону въ томъ отношеніи, что чумная зараза, противустоящая 15 градуснымъ морозамъ и дающая, хотя бы и при не большомъ распространеніи, слишкомъ высокій процентъ смертности,—должна обладать очень большою злокачественностью и живучестью. Судя по симптомамъ нынѣшней чумы, о которыхъ я подробнѣе скажу въ слѣдующемъ отдѣлѣ этого сообщенія, она дѣйствительно напоминаетъ собою забытые уже теперь эпидеміи XIV, XV и XVI вѣка, при которыхъ чума выражалась преимущественно кровохарканіемъ, сильною лихорадкою и быстрой смертію. Болѣе легкая бубонная форма нынѣ только открыла эпидемію, вскорѣ уступивъ мѣсто болѣе злокачественной, сопровождающейся кровохарканіемъ и кровавою рвотою.

II.

Проявленіе чумы на живомъ человѣкѣ.

(симптоматологія).

По порядку принятаго мною изложенія историческихъ данныхъ о чумѣ, я долженъ говорить теперь о проявленіяхъ этой болѣзни на живомъ человѣкѣ. Едва-ли есть другая болѣзнь, опредѣленіе которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣло бы такое важное значеніе, какъ это представляется при чумныхъ заболѣваніяхъ. Во всякомъ другомъ случаѣ діагностическая неувѣренность или ошибка могутъ вредно повліять на заболѣвшаго субъекта или на немногихъ изъ его окружающихъ, тогда какъ подобная ошибка при чумѣ можетъ грозить опасностью цѣлому городу, цѣлой губерніи, даже цѣлому государству. Изучая исторію прошлыхъ эпидемій, мы видимъ, что неумѣлое распознаваніе первыхъ заболѣваній чумою служило едва-ли не главнымъ условіемъ для повсемѣстнаго и губительнаго распространенія этой страшной болѣзни. Обыкновенно случалось такъ, что чуму узнавали только въ то время, когда она достигала уже значительнаго развитія, образовала нѣсколько зачумленныхъ гнѣздъ, давала большую смертность,—слѣдовательно когда остановить ея дальнѣйшее теченіе было весьма трудно. Ошибки въ распознаваніи первыхъ случаевъ чумы встрѣчались не только въ прошлыхъ столѣтіяхъ, при отсутствіи спеціальнаго медицинскаго наблюденія, но и въ сравнительно недавнее время, когда медицинская часть была организована болѣе или менѣе правильно. Такъ напр. въ послѣднюю чумную эпидемію въ Москвѣ, 1770—1771 г., прошло по меньшей мѣрѣ четыре мѣсяца (съ ноября по мартъ) пока московскіе врачи убѣдились, что это дѣйствительно чума, а не гнилая горячка, какъ ее обыкновенно называли. Чуму начинали считать чумой лишь послѣ того, когда она захватывала сотни жертвъ и поражала быстротою смерти, т. е. когда эпидемія разливалась уже по всему городу. Эта одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ благодаря которой можетъ быть прежнія эпидеміи и были такъ страшно опустошительны. Въ текущемъ столѣтіи подобныя ошибки могутъ повторяться рѣже, но все-таки онѣ повторяются. Послѣднюю эпи-

демію въ Рештѣ долго считали злокачественнымъ пятнистымъ тифомъ и долго колебались въ признаніи необходимости карантинныхъ мѣръ. Тоже самое мы видимъ и по отношенію къ Ветлянской эпидеміи. Не только въ ноябрѣ, даже въ декабрѣ прошлаго года, когда смертные случаи стали поражать своимъ числомъ и быстротой, оффиціальныя увѣдомленія говорили, что это тифъ, осложненный воспаленіемъ легкихъ. Къ счастію нашему эпидемія имѣла дѣло не съ большимъ городомъ, а съ станицей въ 1700 жителей; въ противномъ случаѣ результатомъ подобной неувѣренности и шаткости въ опредѣленіи болѣзни была бы потеря не 500—600 жертвъ, а можетъ быть многихъ тысячь.

Причины ошибочнаго распознаванія первыхъ случаевъ чумы въ данной мѣстности кроются частію въ самомъ свойствѣ этой болѣзни, въ разнообразіи ея припадковъ и проявленій, частію въ ложномъ страхѣ объявить мѣстность зачумленною, такъ какъ съ этимъ связано много невыгодныхъ послѣдствій для жителей. Относительно первой причины слѣдуетъ замѣтить, что чума дѣйствительно отличается отъ многихъ обыденныхъ болѣзней тѣмъ, что она проявляется не всегда въ одной и той-же формѣ и случаи ея въ началѣ эпидеміи не представляютъ совокупности тѣхъ свойствъ и признаковъ, какими она выражается при разгарѣ эпидеміи. Это обыкновенно и заставляетъ врачей колебаться въ діагностикѣ и смѣшивать чуму съ другими лихорадочными болѣзнями. Примѣры подобнаго смѣшенія встрѣчаются постоянно, при началѣ почти каждой чумной эпидеміи, что и заставляетъ насъ обратить на этотъ вопросъ наибольшее вниманіе.

Первые случаи заболѣванія чумой не всегда представляютъ отличительный характеръ этой болѣзни. Часто они не отличаются отъ тяжелаго сыпнаго тифа, не бываютъ слишкомъ скоротечны и не представляютъ сильной степени заразительности. Впослѣдствіи между ними могутъ попадаться и случаи съ опухолями железъ или карбункулами; но это не есть необходимый критерій чумной заразы. Въ первомъ періодѣ эпидеміи болѣзнь обыкновенно продолжается 5—7 дней, иногда и долѣе, и случаи выздоровленія бываютъ нерѣдки. Примѣръ этому мы видимъ въ Московской эпидеміи 1770 года. Первые случаи заболѣванія въ Москвѣ были замѣчены между служителями сухопутнаго госпиталя,

что на Введенскихъ горахъ. Изъ 27 человѣкъ этихъ служителей, жившихъ въ двухъ грязныхъ и тѣсныхъ покояхъ, съ 18 ноября по 27 января заболѣло 25 человѣкъ, изъ нихъ 20 умерло и 5 выздоровѣли. Общій характеръ ихъ болѣзни былъ сходенъ съ пятнистымъ тифомъ, но нѣкоторые больные имѣли бубоны и темныя пятна по тѣлу, (въ рублевикъ величиной и болѣе, на бедрахъ и на другихъ частяхъ тѣла). Изъ числа этихъ 27 больныхъ у Аѳанасѣя Стригина на четвертый день болѣзни оказались карбункулы на правой рукѣ, близь локтя и на затылкѣ. На 6-й день болѣзни онъ умеръ. Одновременно съ нимъ заразившаяся жена его имѣла признаки, по видимому, простой горячки, безъ бубоновъ и карбункуловъ; она тоже умерла. Эти, равно и остальные заболѣвшіе, были помѣщены въ общихъ госпитальныхъ палатахъ и никого не заразили. Врачи и прислуга прикасались къ нимъ безъ всякой осторожносcти, какъ къ больнымъ горячечнымъ, а не чумнымъ, и не смотря на то никто изъ нихъ не заболѣлъ. Эта маленькая эпидемія ограничилась только двумя жилыми служительскими комнатами, въ которыхъ переболѣли почти всѣ живущіе, но на остальные помѣщенія госпиталя она не распространилась. Это обстоятельство и дало поводъ нѣкоторымъ врачамъ (Д-ръ Риндеръ) не признать бывшую въ госпиталѣ болѣзнь за чуму. Тотъ же докторъ Риндеръ ссылается на одинъ случай изъ своей практики, гдѣ женщина, умершая отъ гнилой горячки съ карбункулами на рукѣ и ногѣ, не заразила никого изъ окружающихъ, и это по его мнѣнію служитъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ чумы не было. Послѣдствія показали, что такіе предположенія были не основательны.

Вторымъ чумнымъ гнѣздомъ въ Москвѣ въ 1771 году была суконная фабрика (суконный дворъ за Москвою рѣкою). Здѣсь съ 1 января 1771 г. по 9 марта умерло 57 человѣкъ, да изъ фабричныхъ живущихъ внѣ суконнаго двора 43, да малолѣтнихъ 13, всего 113 человѣкъ. Смертность началась прежде всего въ одномъ покоѣ. Болѣзнь считали гнилою горячкою съ пятнами, иногда съ карбункулами. Изъ 16 больныхъ, находившихся въ суконной фабрикѣ на лицо 9 марта и внимательно осмотрѣнныхъ докторомъ Ягельскимъ, у нихъ оказалась, по его словамъ, гнилая горячка съ пятнами. Большая часть пятенъ были похожи на простыя петехіи, но нѣкоторые были до рублевика

величиной. У одной женщины оказались бубоны и опухоль железъ подъ мышками. За чуму, эту болѣзнь Ягельскій признать не могъ.

11 марта таже фабрика была освидѣтельствована цѣлою коммиссіею врачей. При этомъ оказалось: изъ восьми свѣжихъ труповъ на одномъ, кромѣ малыхъ черныхъ пятенъ, было пятно на рукѣ, величиною въ денежку; на другомъ, кромѣ малыхъ пятенъ, одно пятно на ногѣ, величиною въ полтинникъ; на третьемъ трупѣ оказались обыкновенные горячечные пятна, но только въ очень значительномъ количествѣ; на четвертомъ и пятомъ опухшія железы за ушами, въ пахахъ и подъ мышками; на прочихъ тѣлахъ обыкновенные мелкіе, черные пятна или по всему тѣлу, или на нѣкоторыхъ только его частяхъ. Больныхъ при этомъ освидѣтельствованіи найдено 21; изъ нихъ 1 имѣлъ на спинѣ два черныхъ пятна, гораздо больше рублевиковъ. Другой больной имѣлъ на сгибѣ подъ колѣномъ волдырь, величиною въ денежку, третій имѣлъ пониже паха опухшую железу. У одной женщины оказалось черное пятно ниже лопатки, величиной въ полушку, у другой опухшая подъ мышкою железа. „На прочихъ больныхъ, говоритъ донесеніе, имѣются по тѣлу обыкновенные черныя малыя горячечныя пятна, а на тѣхъ, которые не давно захворали, никакихъ пятенъ не видно, а лежатъ въ жару и бреду и въ скоропостижномъ разслабленіи“; нѣкоторые изъ больныхъ жалуются на головную боль, тоску, рвоту и поносъ. Умирали больные въ теченіе первыхъ 7-ми дней отъ заболѣванія. На основаніи этого освидѣтельствованія, болѣзнь на суконной фабрикѣ была признана „очень близко подходящею къ моровой язвѣ“, но врачи все еще не рѣшались сказать, что это настоящая чума. Настоящимъ имянемъ ее рѣшились назвать только 26 марта 1771 года, и то не всѣ врачи, а лишь большинство коммиссіи. Докторъ Кульманъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ старался доказать, что эпидемическая болѣзнь, явившаяся въ Москвѣ не болѣе какъ простая гнилая горячка „я по сіе время себя увѣрить не могу, пишетъ онъ, ея за истинную моровую язву признать. Въ практикѣ моей я видѣлъ гнилыя прилипчивыя горячки, которыя всѣ тѣ имѣли припадки, какіе сей болѣзни приписаны. Изъ моихъ собственныхъ опытовъ я подлинно могу сказать, что такихъ болѣзней въ моей 23-лѣтней

армейской службѣ не одинъ разъ видѣлъ, особливо при полкахъ, гдѣ солдаты очень тѣсно на зимнихъ квартирахъ расположены были и въ хорошей пищѣ недостатокъ имѣли. И такъ понеже мы, во время открытія на суконной фабрикѣ болѣзни примѣтили, что ни изъ тѣхъ медиковъ, которые къ больнымъ въ нечистыя ихъ жилища ходили, ниже изъ другихъ людей, кои съ больными еще ближайшее имѣли обращеніе отъ того еще не заболѣли, то я нахожу причину сію болѣзнь за истинную моровую язву не признавать". Такое же мнѣніе высказалъ 31 марта докторъ Скіаданъ.

Я позволилъ себѣ войти въ нѣкоторыя историческія подробности по опредѣленію чумы 1771 года потому, что изъ нихъ выясняются трудности распознаванія этой болѣзни въ первомъ періодѣ эпидеміи и припадки ея въ это время. Изъ вышеприведеннаго видно, что несомнѣнная чума, существовавшая въ Москвѣ съ ноября по апрѣль, не имѣла еще тѣхъ признаковъ, какими она обнаруживалась въ послѣдующее время.

1) Въ началѣ эпидеміи она представляла собою весьма большое сходство съ сыпнымъ тифомъ. Болѣзнь обнаруживалась сильнымъ жаромъ и быстрымъ упадкомъ силъ, иногда головною болью и рвотой. На второй, третій или четвертый день появлялись по тѣлу мелкія темныя пятна, (петехіи); иногда, кромѣ ихъ, оказывались болѣе крупныя пятна съ полтинникъ и рублевикъ величиной, которыхъ на тѣлѣ было 2 или 3. Изъ нихъ иногда образовались пузыри и карбункулы. Опуханіе железъ, а тѣмъ болѣе нагноеніе ихъ встрѣчалось далеко не часто. Были больные, очевидно зараженные тою же самою болѣзнію, но безъ всякихъ наружныхъ знаковъ, т. е. безъ пятенъ, карбункуловъ и опухолей железъ. По симптомамъ болѣзнь ихъ совершенно не возможно было отличить отъ горячечныхъ.

2) Продолжительность болѣзни простиралась отъ одного до семи дней и болѣе; скоротечные случаи смерти въ два, три дня встрѣчались рѣдко; случаи выздоровленія бывали гораздо чаще, чѣмъ при разгарѣ эпидеміи. Выздоравливающихъ оказывалось иногда процентовъ 25 и болѣе.

3) Заразительныя свойства чумы въ первомъ періодѣ не такъ велики, какъ при полномъ развитіи эпидеміи. Зараза преимущественно держалась одного гнѣзда и, по видимому, была связана только съ очень дурными гигіенически-

ми условіями. Такіе зараженные центры какъ суконная фабрика, или квартиры служителей сухопутнаго госпиталя, гдѣ по выраженію доктора Кульмана „вонь ихъ жилищъ почти несмысленнымъ скотамъ несносна была“—давали громадное заболѣваніе, въ 90—95% и большую смертность, но зараза, по видимому не такъ легко переносилась въ другіе жилища, стоящіе въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Если чума въ первыхъ стадіяхъ своего развитія имѣетъ такъ много сходнаго съ сыпнымъ тифомъ, то естественно является вопросъ какъ же отличить первые чумные случаи отъ тифозныхъ? А это отличіе безусловно необходимо, ибо на немъ основаны всѣ мѣры къ преграждению распространенія чумной эпидеміи. По моему мнѣнію въ этомъ отношеніи можно держаться слѣдующихъ правилъ:

1) При существованіи чумной эпидеміи въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, или, вообще при существованіи условій занесенія заразы необходимо обращать особенное вниманіе на всѣ случаи заболѣванія тифозными и другими горячечными формами, Если бы при этомъ оказалось, что число подобныхъ болѣзней возрастаетъ, особенно петехіальныхъ формъ, то въ этомъ слѣдуетъ усматривать опасные признаки возможности появленія и чумной эпидеміи.

2) Въ случаѣ появленія рѣзко выраженныхъ гнѣздъ заболѣванія сыпнымъ тифомъ, когда число заболѣвающихъ, въ данномъ ограниченномъ мѣстѣ и въ короткое время, достигаетъ очень большаго процента, такіе гнѣзда необходимо подвергать самому тщательному медицинскому надзору. При этомъ

3) Опасенія чумы должны возрастать, если между заболѣвшими окажется значительное число съ рѣзко выраженными петехіальными формами и если количество сыпи на больныхъ будетъ не обычно велико.

4) Если, кромѣ разсѣянныхъ по тѣлу больныхъ обыкновенныхъ петехій, окажутся хотя бы на одномъ изъ нихъ, болѣе опредѣленные признаки чумы, въ видѣ бубоновъ и карбункуловъ, то подобную эпидемію слѣдуетъ признать за чумную, Опуханіе железъ, карбункулы и большіе темные пятна могутъ являться въ началѣ чумной эпидеміи не у всѣхъ больныхъ. Поэтому достаточно одного или нѣсколькихъ случаевъ съ подобными явленіями, чтобы по нимъ

опредѣлить характеръ эпидеміи коль скоро будетъ доказано, что эти случаи произошли изъ одного зараженнаго очага, хотя бы прочіе больные, здѣсь же заразившіеся, и не имѣли этихъ признаковъ.

5) Опухоли железъ, преимущественно въ пахахъ и подъ мышками, во многихъ случаяхъ могутъ оставаться не замѣченными при общемъ тифозномъ характерѣ болѣзни. Поэтому при эпидеміяхъ чумы у всякаго больнаго злокачественнымъ сыпнымъ тифомъ необходимо внимательно слѣдить за железами.

6) Быстро наступающая слабость (на 2-й или 3-й день), головная боль и рвота, при существованіи другихъ проявленій чумной лихорадки, о которыхъ будетъ сказано ниже, должны внушать большое подозрѣніе чумнаго случая.

7) Скоротечность болѣзни, съ наступающей смертію черезъ 2—3 дня, при явленіяхъ злокачественнаго сыпнаго тифа, можетъ указывать на сомнительность подобнаго случая и требуетъ тщательнаго его изслѣдованія послѣ смерти. Съ другой стороны болѣзнь, продолжающаяся болѣе, 5—7 сутокъ не исключаетъ еще возможности чумы, если другіе обстоятельства и явленія на это указываютъ.

8) Кажущееся отсутствіе контагіозности нельзя считать отрицательнымъ признакомъ чумы, какъ это дѣлали московскіе врачи въ эпидемію 1771 года. Вопросъ о передачѣ чумной заразы вообще разработанъ недостаточно, но по отношенію къ началу эпидеміи можно считать доказаннымъ, что прикосновеніе къ больному и его вещамъ далеко не всегда сопровождается зараженіемъ. По этому для опредѣленія чумы нѣтъ никакого основанія ждать того періода эпидеміи, когда заразительные свойства ея достигнутъ высшей степени.

9) Принимая во вниманіе, что чума проявляется въ разнообразныхъ формахъ и что симптоматологія ея не вполнѣ еще изучена, необходимо въ сомнительное время обращать вниманіе на всѣ выходящіе изъ обыкновеннаго ряда случаи лихорадочныхъ и особенно сыпныхъ болѣзней. Рѣзкіе и совершенно необычные отступленія ихъ отъ обыкновенныхъ формъ, при быстромъ смертельномъ, исходѣ, могутъ считаться весьма подозрительными.

Теперь я перейду къ описанію тѣхъ проявленій чумной болѣзни, которые точнѣе изслѣдованы. Они обыкновенно

выражаются во время полнаго разгара эпидеміи и имѣютъ столько выдающихся признаковъ, что по нимъ опредѣленіе болѣзни не представляетъ ни какого затрудненія. Эти признаки раздѣляютъ на общіе и мѣстные. Къ общимъ прежде всего принадлежитъ лихорадка. Всякая чума есть острая лихорадочная болѣзнь, происходящая отъ поступленія въ организмъ специфическаго чумнаго яда. Поэтому, по примѣру другихъ заразныхъ болѣзней, она имѣетъ свои періоды, иногда протекающіе очень быстро. Тѣмъ не менѣе во могихъ случаяхъ ихъ удавалось прослѣдить довольно точно.

1) Инкубаціонный періодъ—отъ времени поступленія чумнаго яда до его обнаруженія тѣми или другими припадками, иногда занимаетъ нѣсколько дней. Въ этомъ убѣждаютъ многочисленные случаи заболѣванія спустя одну, даже двѣ недѣли послѣ соприкосновенія съ чумными больными или ихъ вещами, что особенно часто наблюдалось въ карантинахъ, или у лицъ выѣхавшихъ изъ зачумленной мѣстности и заболѣвшихъ на мѣстѣ новаго своего пребыванія. При разгарѣ эпидеміи этотъ періодъ иногда, по видимому, бываетъ очень коротокъ,—припадки болѣзни иногда появлялись черезъ сутки и даже менѣе послѣ зараженія.

2) Второй періодъ—развитія болѣзни, обнаруживается лихорадочнымъ ознобомъ или легкой дрожью, болью и тяжестью головы, какъ во время угара. По описанію московскихъ врачей 1771 года, глаза больныхъ дѣлаются мутными, у иныхъ красными и выпученными, а у нѣкоторыхъ взглядъ какъ у пьяныхъ. Головная боль во время московской эпидеміи являлась такимъ постояннымъ припадкомъ, что народъ называлъ чуму головною болѣзнію; тоже самое мы видимъ и въ описаніяхъ другихъ эпидемій. Боль обыкновенно сильнѣе всего выражается въ лбу и вискахъ.

Часто въ началѣ болѣзни являлись тошнота и рвота, рѣже поносъ. Послѣ озноба быстро развивался жаръ, какъ въ сильной горячкѣ; языкъ дѣлался сухимъ и желтымъ, какъ бы обложеннымъ клеемъ, но иногда онъ оставался влажнымъ и краснымъ. Являлись тоска, безпокойство духа, страхъ и очаяніе. Главнѣйшимъ общимъ признакомъ считалась сильная и быстро наступающая слабость всего тѣла. Она является такъ скоропостижно, что черезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія головной боли, жара и тошноты больной не можетъ держаться на ногахъ, шатается какъ

пьяный или угорѣвшій, руки и ноги дрожатъ, являются обмороки и больной впадаетъ въ полное безсиліе. Этотъ припадокъ слабости, постоянно сопутствующій чумѣ, можетъ явиться сразу и раньше головной боли и тошноты. Какъ дальнѣйшее выраженіе слабости является затрудненная рѣчь. По выраженію авторовъ „выговоръ больныхъ не вразумителенъ и замѣшателенъ, языкъ точно приморожнъ или прикушенъ, или какъ у пьянаго". Голосъ дѣлается сиплымъ, низкимъ, глухимъ. Большая часть больныхъ лежитъ въ жару безъ всякаго движенія, „имѣя видъ печальный и отчаянный", другіе впадаютъ въ спячку, очень рѣдкіе обнаруживаютъ буйный бредъ. Большая часть больныхъ выражаютъ сильную жажду, у нѣкоторыхъ сохраняется аппетитъ, но это не считается хорошимъ признакомъ. При такомъ состояніи смерть обыкновенно наступаетъ очень быстро, спустя одинъ два, много три дня, безъ агоніи и безъ видимаго страданія, большею частію неожиданно, когда ни одинъ по видимому, припадокъ не указываетъ еще на скорое ея приближеніе. Многіе передъ самою смертію еще говорятъ и остаются въ полномъ сознаніи. Беременныя женщины во время болѣзни обыкновенно выкидываютъ.

Такъ протекаетъ скоротечная чума, при которой мѣстныя явленія, за исключеніемъ петехій и темныхъ пятенъ, могутъ быть выражены очень слабо или даже совершенно отсутствовать. Въ случаяхъ, продолжающихся болѣе трехъ дней появляются опухоли железъ и карбункулы при общихъ явленіяхъ продолжающагося тифознаго состоянія.

При описаніи мѣстныхъ явленій чумы я начну съ *пятенъ*. Черные или чаще темнобагровые пятна (марушки) обыкновенно являются вскорѣ послѣ начала болѣзни. Они показываются на всемъ тѣлѣ, но особенно бываютъ выражены на груди, животѣ, на шеѣ, на рукахъ и на бедрахъ, величиною въ маковое зерно, горошину и больше. У многихъ больныхъ, по выраженію московскихъ врачей, все тѣло какъ блохами искусано. Часъ отъ часу пятна увеличиваются, изъ темнопурпуровыхъ превращаются въ совершенно черные, не возвышаются надъ поверхностію кожи, и не пропадаютъ на трупахъ. По внѣшнему виду чумные пятна похожи на тифозные, только въ болѣе сильной степени, потому чуму часто смѣшивали съ пятнистымъ тифамъ. Кромѣ этихъ мелкихъ пятенъ часто замѣчаются болѣе круп-

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + л,р + ъ—ь + конс. I. Изслѣдованіе **А. Кочубинскаго,** доцента императорскаго новорос. университета, непремѣннаго члена императ. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ. Изъ XXIII т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета. Одесса, печатано въ тип. Ульриха и Шульце, въ Красномъ переулкѣ, домъ Шварца, № 3. 1877. — 8°, IV + 222.

Г. Кочубинскій задался мыслью сказать нѣчто новое по вопросу классификаціи словянских нарѣчій. Для этой цѣли, как видно уже из заглавія, им избраны пока только „сочетанія: конс. + л, р + ъ — ь + конс.", т. е. такіе случаи сочетаній гласных и плавных согласных (л, р) или же эквивалентов этих сочетаній, которые, имѣя в русском языкѣ только одно *о* или *е*, разнообразятся в отдѣльных нарѣчіях словянских, не только относительно качества своих составных элементов (гласнаго и плавнаго согласнаго), но тоже и относительно взаимнаго порядка этих элементов.

Подробному разбору таких сочетаній автор предпослал введеніе, в котором, во первых, устанавливает общій взгляд на вопрос классификаціи аріоевропейских языков вообще („Глава I. Размѣщеніе членовъ арійской семьи", 1—13), а словянских в особенности („Глава II. Размѣщеніе членовъ славянской семьи", 14—27), и затѣм изслѣдует, на сколько нѣкоторые из приводимых обыкновенно признаков отличія словянских языков годятся для этой цѣли („Глава III. Судьбы ъ и сочетаній *t*, *d* + *j*, какъ основа классификаціи", 28—67).

Остальная часть книги (69—223) посвящена разбору главнаго предмета изслѣдованія нашего автора. Впрочем в этом первом выпускѣ автор ограничился только сочетаніями в стсл. согласнаго л с гласными ъ и ь, в остальных же нарѣчіях их законными замѣнителями. Стало быть, оставлены пока без вниманія сочетанія ъ и ь с согласным р. Сочетанія же других гласных (а, ѣ и т. п.) с плавными согласными не входят, кажется, в план полнаго сочиненія, задуманнаго нашим автором. Порядок глав этой главной части есть слѣдующій:

„Вступительное слово" (69—74).

„Плавныя сочетанія: конс.+л+ъ— ь+конс." (75—222).

„Глава I. Послѣдовательность ол—лъ" (75 — 162).

„ „ II. „ ло—лъ" (163—185).

„ „ III. „ ел—лъ" (186—198).

„ „ IV. „ ле—лъ" (199—218).

„ „ V. Заключеніе перваго отдѣла" (219—222).

Дополненіе (223).

Въ I—IV главах (стр. 75—218) автор придерживается слѣдующаго порядка изложенія: Сначала разсматриваются данныя сочетанія в русском языкѣ (75—88, 163—165, 186—188, 199—200), затѣм, в языках польском (88—95, 165—167, 188—189, 201—203), полабском (95—100, 167—168, 189, 203—204), в обоих лужицких, нижнем (100—103, 168—169, 189, 204—205) и верхнем (103—106, 169—170, 190, 205—206), в чешском и словацком (106—130, 170—174, 190—192, 206—207), в словенском и „кайкавском" (130—134, 174—177, 192—193, 207—208), в сербо-хорватском (134—140, 177—179, 193, 208—209), в дако-славянском (140—144, 179—180, 194, 209—210), болгарском (144—151, 180—182, 194—195, 210—213) и старословянском (151—157, 182—183, 196—197, 213—217). В концѣ же каждой главы словянскія слова, подходящія под разбираемую категорію „плавнаго сочетанія", сравниваются со словами других (аріоевропейских) языков (157—162, 184—185, 197—198, 217—218).

Изложив вкратцѣ содержаніе книги г. Кочубинскаго, перехожу теперь к разсмотрѣнію ея достоинств и недостатков. Это разсмотрѣніе ознакомит нас тоже подробнѣе и с самим содержаніем диссертаціи, и покажет, что суть всего составляет здѣсь одна предвзятая и ничѣм не доказанная мысль

о безусловном старшинствѣ и древности „русскаго языка", в сравненіи с другими „славянскими нарѣчіями".

Так как недостатков в книгѣ г. К-го, — как по количеству, так и по вѣскости каждаго из них, — несравненно больше, нежели достоинств, то и начнем с разсмотрѣнія недостатков. При этом мы поставим вопрос слѣдующим образомъ: Насколько г. К. исполнил необходимыя условія произведеній научно-индуктивнаго характера?

I.

Одним из таких необходимых условій успѣха индуктивнаго изслѣдованія является критическое отношеніе к источникам, которыми пользовался автор, и к фактам, легшим в основаніе его выводов.

Отношенія г. К-го к источникам и фактам нельзя вовсе назвать критическим.

Так напр., он считает *Mater Verborum* памятником безусловно подлинным (стр. 80 и др.), не смотря на прежнія сомнѣнія и на послѣднія довольно вѣскія и убѣдительныя возраженія против подлинности большинства чешских глосс этого памятника (¹). Об этих сомнѣніях и возраженіях г. К. должен был знать и, не признавая их, опровергнуть их хоть в нѣскольких словах.

Ссылаться на изданія В. А. Мацѣевскаго (W. A. Maciejowski) (стр. 94 и др.) может только человѣк, или не ознакомленный с незавидными свойствами этих изданій, или же не считающій подобных свойств с научной точки зрѣнія ничѣм предосудительным. Извѣстно, что г. Мацѣевскій вовсе не дорожит при изданіях памятников точностью и добросовѣстностью, так что всѣ его изданія носят на себѣ отпечаток крайней недобросовѣстности, торопливости и ненаучнаго дилетантизма. А между тѣм выловленная в одном из изданій г. Мацѣевскаго форма napalnona (!!) (94) принимается г. Кочубинским как нѣчто несомнѣнное, и на ней строится один из его крайне неудачных частных выводов.

(¹) См., между прочим, V. *Jagić* «Die Fälschungen in der Mater Verborum des Prager Codex». (Archiv f. slavische Philologie. III. Berlin. 1878, 112—123).

Примѣры формъ болгарскаго языка берутся г. К-м не только из подлинных и добросовѣстных изданій, но тоже из таких изданій, как сборники г. Верковича, неподложность которых мы имѣем полное право сильно заподазривать. Кто, как г. Веркович, мог с меркантильною цѣлью сочинить эпическія словянскія пѣсни о Вишну, об Орфеѣ, об Александрѣ Македонском и т. д., тому, я думаю, ничего не стóило сочинять тоже пѣсни с другим содержаніем.

Изслѣдователь, берущій примѣры из каких бы то ни было письменных памятников, должен справляться с элементарными требованіями палеографіи. Элементарныя же требованія палеографіи весьма просты и незамысловаты.

Прежде всего слѣдует допускать возможность простых описок, и, выдумывая разныя гипотезы и глубокомысленные выводы, не пользоваться очевидными или же хотя бы только возможными описками. Между тѣм г. К. является в этом отношеніи далеко не разборчивым, считая описки явленіями равноправными с написаніями, в самом дѣлѣ характеризующими памятники извѣстной категоріи. Он ловит эти разныя описки и на них строит выводы и теоріи. Ср., например, допускаемыя г. К.-м серб. *чолвпк* (86), *valastelin* (142), *Волькась* (140), польск. *mlowenye*, *mlowicz* (?) (94, 92), чешск. *Jawr*, *Jaurnik*, *Jaurow* (129), стсл. *скрьпинкъ* (155) и т. п. Точно так же, допуская ђ вм. *жд* в языкѣ стсл.-ом, *ж* вм. *жд* в болг., серб. и стсл., *дз* (дз) в болг., *з* вм. *жд* в стсл.-ом и малорусском (36), г. К. или смѣшивает возможныя описки рукописей с особенностями языка, или же не принимает в соображеніе спеціальных условій, которыми можно объяснять в данном нарѣчіи подобную замѣну стсл.-го *жд*.

При этом для г. К-го совершенно безразлично, встрѣчается ли извѣстное написаніе только один раз, или же оно постоянно повторяется. Так, между прочим, сам г. К. заявляет, что в Остромировом Евангеліи „основа эта“ (т. е. *плоть*) „пятнадцать разъ — въ неизмѣнной формѣ плꙑт, въ шестнадцатый съ небольшимъ измѣненіемъ — плът“ (164), а между тѣм оба эти написанія, один раз попадающееся плът и 15 раз встрѣчающееся плꙑт, для него совершенно равноправны. Развѣ это не значит ставить описки на одну доску с настоя-

щими написаніями рукописей, и как по тѣм, так и по другим дѣлать равносильныя заключенія? То же самое относится к Зографскому Евангелію, в котором тоже постоянно имѣется плѫть, и только раз (Матѳ. XVI. 17. 40b) попадается плъть (Jagić, Archiv für slavische Philologie II. 211), выдаваемое г. К-м за нѣчто особенное (164[1]) и т. д.

Не удивительно, что при таком безцеремонном обращеніи с элементарными требованіями палеографической техники г. К. взводит ложныя показанія на памятники. Он совершенно произвольно, по примѣру Миклошича, допускает стсл. *слъза*, употреблявшееся де безразлично рядом с *слъза* (199), между тѣм как в Lexicon'ѣ Миклошича стоит, правда, во главѣ статьи *слъза*, но в приводимых им примѣрах только или *слъза*, или же *слеза*. Допускаемыя же г. К-м слова *блъвати*, *блъскъ*, *клъпѫ*, *клъвѫ*, *плъвати* (199) даже Miklosich приводит в видѣ *блъвати*, *блъскъ*, *клънѫ*, *клъвѫ*, *плъвати*. Между прочим, под словом *блъскъ* мы находим у Mikl.-a:

„блъскъ, блѫскъ Manassis chronica saec. XIV bulg. = блѣскъ".

Стало-быть, *блъскъ*, правда, встрѣчается, но только в памятникѣ болгарской рецензіи XIV ст. Только незнаніем строя стсл.-го языка можно объяснить себѣ предположеніе г. К-го, что *блъскъ* или хотя бы даже *блъскъ* возможны, как старословянскіе рефлексы этого слова, тогда как в стсл. возможна единственно форма блѣскъ (ср. свѣтъ, цвѣтъ и т. п.) (см. ниже). См. тоже стр. 213—214.

То же самое можно сказать о формѣ плъза (вм. *польза*), вѣроятной опискѣ, встрѣчающейся в памятникѣ только XVI ст. (у Mikl.: men.-leop.), и выдаваемой г. К-м (155) за настоящую стсл.-ую форму.

Нельзя не замѣтить, что г. К. упускает из виду столь обычное в рукописях смѣшеніе начертаній и их комплексов, вслѣдствіе смѣшенія в языкѣ соотвѣтствующих им звуков и сочетаній звуков. Так, между прочим, извѣстно, что для писца Остромирова Евангелія оу и ѫ обозначали безразлично *у* (напр. дрѫгоуіѫ вм. дроугыѭ и т. п.). Нѣчто подобное относится, по всей вѣроятности, и ко встрѣчаемому в памятниках русской рецензіи (Свят.) написанію *скрънинъ* от „инославянской" (?) „основы *скорп*" (155). Для русскаго писца ръ или рь старословянских памятников могло казаться тожественным *ор* или же *оръ* (*орь*); ср. стсл. тръгъ = рус.

торг и т. п. А еще вѣроятнѣе, что пропуск *о* в *скръпиинъ* (вм. *скорьпиинъ*) есть простая описка.

Г. К. проявляет азбучный субъективизм или произвол, утверждая, вопреки палеографическим данным, что буква щ произошла из слитія в одно цѣлое букв ш и ч (!!) (40, 49, 49—50 и др.), доказательства чему приводятся, между прочим, из „пражских глаголических отрывков“ (40, 50), представляющих несомнѣнные слѣды чешскаго вліянія, и поэтому несправедливо считаемых г. К-м памятниками чисто старословянскими. Еслиб в русской азбукѣ *щ* не значило *шч*, г. К-му даже в голову не пришло бы утверждать, что стсл. щ есть сократительный знак вм. *ш* и *ч*. — Ставя же „пражскіе глаголическіе отрывки“, равно как и памятники болгарской, русской и сербской рецензій поздняго времени (XIV и даже XVI ст.) на одну доску с древнѣйшими памятниками стсл.-ой письменности, наш автор выказывает грубое незнаніе относительнаго достоинства памятников стсл.-их.

Г. К. высказывает очевидную палеографическую неправду, противорѣчащую всѣм палеографическим данным, утверждая, что „чѣмъ старѣе рукопись, тѣмъ чаще взаимная мѣна о и ѫ“ (149), что „уже въ старословенскихъ памятникахъ смѣшиваются ꙑ — и, ѫ — ѧ“ (184), что в Зогр. Ев. имѣется ѧ вм. ѫ (151 — слѣдствіе непониманія фонетики стсл.-ой!), и т. д. Всѣ эти утвержденія можно объяснить себѣ или тенденціозностью, или же наивностью почтеннаго автора.

Кромѣ этих и им подобных случаев, г. К. выказал непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка, непониманіе отношенія древняго стсл.-го языка к его позднѣйшим видоизмѣненіям и, наконец, незнаніе объясненій, данных другими учеными, — заявляя, что *е* и *о* в словах *прокленьше*, *четвртокъ*, *прибъитокъ*, *начѧтокъ* и т. д. „клоцієвой глаголиты“ древнѣе ь и ъ в стсл.-ой формѣ *проклньше*, *четврътъкъ*, *прибъитъкъ*, *начѧтъкъ* и т. д. (215, 156), между тѣм как совершенно наоборот *е* развилось из ь, а *о* из ъ при исчезновеніи ъ или ь слѣдующаго слога.

Разсматривая полабскія слова, сохраненныя в рукописях, г. К. безусловно вѣрит буквам, записанным Нѣмцами (99), и таким образом смѣшивает буквы и звуки. Точно так же г. К. вѣрит буквам западно-словянских (полабских, лужицких и т. п.) слов, попадающихся в латинских грамотах (98), и не смущается вовсе соображеніем, что вѣдь эти сло-

ва записывали Нѣмцы, только с трудом отличавшіе особенности словянских звуков. Само собою разумѣется, что правописанію памятников чешских или же чешско-латинских г. К. вѣрит безусловно (115), забывая при этом, что, если ему, г. К-му, разныя предвзятыя теоріи и заднія мысли не позволяют прійти к какому бы то ни было результату, то тѣм болѣе ложная латинско-византійская теорія о необходимости особаго гласнаго (vocalis) в каждом слогѣ должна была мѣшать средневѣковым писцам изображать с надлежащею точностью звуки и слоги чешскаго языка и других языков с подобным же строеніем „плавныхъ“ слогов.

Г. К-му „правописаніе итальянское Далмаціи — *ch*, гдѣ теперь *ć*, говоритъ о“ „звуковой близости ѣ и *ч*“ (39), между тѣм как это правописаніе рѣшительно ничего не говорит в пользу теорій г. К-го.

В виду всего этого, в виду рабских, неумѣлых заключеній г. К-го по буквам о звуках, нельзя не удивляться его развязности и смѣлости, с которыми он позволяет себѣ упрекать „школу болгаристовъ“ за то, что она „держится буквы“ (153).

Ниже увидим, что для г. К-го логика вовсе не существует, и что ему не достает чутья для самых элементарных требованій строгаго мышленія. Утверждать на одной страницѣ, что *A* черно, а на другой, что оно бѣло, г. К. никогда не затрудняется. Поэтому не удивительно, что, придерживаясь в иных случаях, как мы видѣли, букв памятников и при своих выводах ни на волос от них не отступая, он в других случаях позволяет себѣ в этом отношеніи безпримѣрныя вольности. Так напримѣр, записыватели полабских слов по поводу слов *chale* (!), *gale* (!) (желтъ?!) оказываются „неумѣлыми“ (189), между тѣм как прежде мы слѣпо им вѣрили.

Точно так же раз г. К. вѣрит безусловно правописанію старых памятников чешских, другой раз сам указывает на их неточности в обозначеніи звуков. — Затѣм, с одной стороны г. К. вѣрит безусловно правописанію старых чешских памятников (напр. 115 и др.), с другой же отрицает значеніе и фонетическую точность теперешняго правописанія Чехов, Хорватов и Сербов, как и вообще отрицает значеніе всѣх памятников, тѣм или другим образом противорѣчащих его выдумкам (напр. 117 и др.). При этом

совершенно игнорируется образцовая точность правописанія В. С. Караджича, с таким неподражаемым искуством умѣвшаго опредѣлить малѣйшіе тонкости сербскаго ударенія и других фонетических особенностей сербскаго языка.

Отношеніе г. К-го к стсл.-им памятникам характеризуют, между прочим, слѣдующія выраженія и утвержденія:

С одной стороны,

в „*пърьди, пъриети, върьме, пъриетьно, сълоузы, сълава* и т. д.“ (!!) в „глагол. апостолѣ Михановича (XII в.)“ (он же „серб. еванг. до 1200 г.“, ср. 87) *ь* выражает отдѣльный „вокал“ (81), и, например, „вокализація *върьме*“ является „мостомъ между врѣмѧ и *verme*“ (87);

с другой же,

„Слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія“. (!!) „и въ старословенскомъ языкѣ оно звучало крестъ, хотя писалось кръстъ“ (!) (88) (сколько слов, чуть ли не столько же ложных показаній и извращеній истины),

кръвь обозначает *кровь*, кръстъ—*крестъ* (183),

„извѣстное равенство: ̓ = ъ (ь), а ъ (ь) въ свою очередь = о“ (148), стало-быть: ̓ = о (ср. тоже стр. 149, 148 строка 20—22, 152 строка 4—5, 156 строка 7—9, 196 строка 11—12 и т. д.),

ль и лъ обозначают де *ле* (212), но точно так же они обозначают *ъл* (!!), и, наоборот, *ле* выражается тоже через *ле* (сколько тут ни чѣм не стѣсняющихся противорѣчій!).

См. тоже стр. 215 строка 3—1 сн.—стр. 216 строка 1.

„*блъскъ* есть **условное**“ (!!) „выраженіе формы *блескь*, как *клън* — *клен*“ (216).

Затѣм см. стр. 155 строка 12—22,

„ 153 „ 4—1 сн.—стр. 154 строка 1

[„Пропускъ ъ былъ бы невозможенъ“, (?) „если бы звукъ, изображаемый имъ, произносился послѣ л: отъ л нельзя догадаться къ лъ“, (?) „съ удареніемъ на ъ; напротивъ, пропускъ ъ весьма простъ, если ъ въ живой рѣчи стоялъ впереди л и писался только послѣ л“ (!?)],

стр. 182 строка 1 сн. — стр. 183 строка 1—4,

„языкъ зналъ вокалъ предъ л — рукописи ставили его послѣ л, — и рѣдкая описка — впереди“ (196—197).

А развѣ это не вопіющее противорѣчіе раз утверждать, что лъ читали как *ло* (164 и др.), другой раз, что его читали как *ол* или *ъл*, или „различать двѣ формы старослов.

сочетанія лъ“ (167 и др.)? Значит, все можно читать, какъ угодно.

И так мы видим, что при палеографико-лингвистических изслѣдованіях для г. К-го не существует другаго критеріума кромѣ чистѣйшаго произвола. Если он в хорошем, игривом расположеніи духа, то безусловно вѣрит буквам, и даже опискам; находясь в мрачном настроеніи, он позволяет себѣ отступать от них до непозволительности, забывая, конечно, что таким путем вносится хаос в какую бы то ни было науку.

Впрочем, слѣдует замѣтить, что хаотическое правописаніе памятников, писанных латинскими буквами, равно как и отдѣльных словянских слов, попадающихся в латинских грамотах, удостоивается относительной милости со стороны г. К-го, и он ему почти всегда безусловно вѣрит (см., м. пр., 96—99). Досталось же за то правописанію кирилловских памятников, с которым г. К. обращается вполнѣ безцеремонно, считая его почему то „неясным“ (195) и обвиняя писцов стсл.-их чуть ли не в идіотизмѣ. Ибо, кто, имѣя полную возможность различать, нарочно смѣшивает столь различныя сочетанія звуков, как *ол* (ъл) и *лъ* (ло) (клъха . . . . . , 183), — а в таком именно смѣшеніи обвиняются г. К-м стсл.-іе писцы, — тот дает себѣ testimonium крайней умственной paupertatis. К сожалѣнью, г. К. взвел напраслину на стсл.-их писцов, которые гораздо выше его стояли в пониманіи строя стсл.-го языка, и своими разглагольствованіями доказал, что он сам совершенно не понимает правописанія старословянских памятников (ср., между прочим, стр. 153—156).

Желая оправдать свои частныя произвольныя выдумки об отношеніи букв стсл.-ой письменности к звукам стсл.-го языка, г. К. изволил выдумать даже какую-то „школу“ древних „славистов“, рѣшивших почему то не называть вещей собственным именем и изображать звуки в извращенном порядкѣ. Это был бы в самом дѣлѣ пріем достойный многих византійцев и схоластиков, у которых помраченіе ума доходило до крайних предѣлов. Но было бы весьма несправедливо заподазривать изобрѣтателей стсл.-их азбук и вообще писцов стсл.-их в подобных хитросплетнях, когда вся система стсл.-ой

азбуки в примѣненіи к звукам стсл.-го языка свидѣтельствует об их здравом разсудкѣ, о тонкой наблюдательности и мѣтком понимании как природы звуков, так и задачи их письменнаго изображенія. Но спрашивается, откуда г. К. почерпнул свои свѣдѣнія о выдуманной им школѣ? Послушаем-те всѣх его соображеній по этому поводу:

„Это употребленіе формулы лъ, ръ для изображенія несомнѣнныхъ слоговъ: *voc.* + л, р *я могу понимать*, какъ пріемъ школы, результатъ преемственнаго пониманія школьной формулы лъ, ръ.

„Въ виду указанныхъ отступленій рукописей, въ виду указанныхъ соображеній о преемственной передачѣ пониманія „словѣньскаго“ письма, *я смѣю полагать*, что загадочная формула лъ есть школьный, условный графическій пріемъ для изображенія слога *voc.* + л или ъл, подобный пріему старочешскихъ рукописей *ly*, *ry* вм. *ѕl*, *ѕr*“ (156).

„Если одна и та же основа могла изображаться то съ сочетаніемъ лъ, то съ соч. ел, ьл, при чемъ правописаніе ел, ьл лишь какъ изъятіе изъ правила, „описка“, то, принявъ во вниманіе, что „описка“ обусловливается живою рѣчью забывшаго на минуту школьную традицію писца — болгарина или серба, *необходимо полагать*, что правописаніе лъ было лишь условнымъ пріемомъ школы, прикрывавшимъ собою не соотвѣтствующій ему фактъ языка — сочетаніе ел, ьл (ъл)“ (196).

„Въ памятникахъ этихъ“ (стсл.-их) „необходимо различать фактъ правописанія — *обычай школы* — отъ факта языка“ (197).

„Естественно, переносъ ъ на-лѣво отъ л, р былъ бы невозможенъ если бы не было къ тому повода въ языкѣ, въ живой рѣчи писца, — языкъ вынуждалъ послѣдняго tacite отступать отъ *традиціоннаго пріема*“ (?) (155). И т. п.

Слѣдовательно, никаких положительных доказательств существованія подобной школы, занимавшейся де орѳографическими хитросплетиями, не имѣется, и эта „школа“ является чистою досужною выдумкой г. К-го.

Не понимая письменности памятников, которыми пользуется, автор не исполняет элементарных условій критики с точки зрѣнія палеографіи. Безкритичность же общелингви-

стическая явствует из смѣшенія г. К-м букв и звуков вообще. Доказательствами смѣшенія букв и звуков служат, во первых, выше приведенныя рабскія заключенія по написанію слов в памятниках о звуковом составѣ слов в языкѣ (ср. в особенности стр. 81, 87, и др.) и затѣм слѣдующія мѣста в книгѣ г. К-го:

кь-(т. е. *kj*, *k'*) считается чѣм-то совершенно отличным от ћ (tj) (35, 42—43 и 43), а *гь* — отличным от ђ (dj) (36, 45) (ср. тоже стр. 42).

„мы и въ настоящую минуту видимъ свободное употребленіе въ устахъ одного и того человѣка — то *dj*, то *ij*, даже ђ“ (45).

ol в *szolcz* (*żółc'*) Флоріанской Псалтыри обозначает де непремѣнно *oł*, а не *ół* (*uł*) (188).

Если рядом с *pyln* встрѣчается в чешских памятниках *plyn*, то наш автор видит в этом только „свободную перестановку глухаго вокала“ (118), а дальше нейдет, ничего не понимая и ничего не соображая, между прочим не принимая во вниманіе им же самим приводимой формы *pln* (119).

„самый *звукъ е* есть ничто иное, какъ приблизительный *выразитель* многихъ соприкасающихся *звуковъ*“ (9[1]).

„обычно при *l* развивается призвукъ *е*“ (18), тогда как на самом дѣлѣ в словенском и *е* и *l* существуют только в написаніи, в языкѣ же нѣт здѣсь ни *е*, ни *l*.

„Въ кайкавскомъ нарѣчіи, что между Дравой и Савой, обычнѣе, чѣмъ въ болгарскомъ, является *е* гдѣ мы бы ожидали“, (почему?) „*о* . . . .“ (30—31).

„*рождьство* почти постоянно является съ формой *ж* и его“ (кого?) „видоизмѣненіями: *ш*, *щ* вм. ђ“ (55). Здѣсь *ж* выражает собственно звук *ź* (или ś), развившійся из ђ при исключительных условіях, наш автор же не в состояніи подозрѣвать нѣчто подобное. Для г. К-го достаточно написать *ж*, чтобы звуки, им обозначенные, сдѣлались идентичными. Для него (г. К-го) звуки, обозначаемые латинскими буквами *j*, *ch*, *h*, *g* в польском, чешском, нѣмецком, итальянском, французском, англійском и т. д. должны быть тоже, при одной и той же буквѣ, вполнѣ тожественны.

Подобнаго рода наивность заставляет автора считать *z* в полабских словах, записанных Нѣмцами, обозначающим звук *з* (*z* польскаго, чешскаго и вообще латино-словянскаго алфавита) (63). Г. К. даже не подозрѣвает, что *z* здѣсь

имѣет назначеніе нѣмецкаго *z*, т. е. должно обозначать *ц* (*c*) или же, за неимѣніем особой буквы, *дз* (*dz*), и что для обозначенія звука *з* (*ž*) Нѣмец употребил бы скорѣе всего букву *s*.

В русских *желтъ*, *желкнуть*, *желчь* и т. п. г. К. не слышит вовсе гласнаго *о*, а видит гласный *е* (70, 103, 186 и т. д.).

Польскія *połk* (собственно *półk*) и *pułk* отличаются только написаніем, а вовсе не произношеніем, как утверждает г. К. (71).

Написаніе „словенскаго *vołk*" (70) есть результат произвола и смѣшенія букв и звуков.

В написаніи полабскаго слова *billjawe* г. К. считает *i* „вокальнымъ наростомъ" (204), звук же „*a* на почвѣ полабскаго языка отвѣчаетъ, или замѣняетъ, рус. *a*" (204) (что совершенно невѣрно и не критично), с другой же стороны, „*a* можетъ выражать и вообще неопредѣленный звукъ, между прочимъ, *e* — ь" (204).

„Переходъ или усиленіе *e* въ *o*, какъ только на немъ *стоитъ*" (!) „*удареніе*" (186).

Само собою разумѣется, что для столь критическаго изслѣдователя, как г. К., сомнительные факты имѣют такую же цѣну, как и несомнѣнные. Так, между прочим, весьма сомнительно

считать слово *небораkъ* словом русским (59),

звук же *č* в кайкав. „*ječ*, *ječte*; *poveč*, *povečte*" „равносильнымъ смягченію *dj*" (58—59),

жд в стсл.-ом („словѣньскомъ") считать тожественным *ж*, *з* (59),

навязывать стсл.-у языку слово *слъза* (с *ъ*) (70), и затѣм *връба*, *кръстъ* (!) (70),

принимать для русской „живой рѣчи" слово *яболко* (164), для старосербскаго яз. *волк*, *воук* (71), для словацкаго *ml'ko* или *ml'ko* (172, 207), для старопольскаго *volodarius* (80[1]),

считать усвоенныя из русскаго болг. слова *гражани*, *рожаше*, *чужи*, *клажать* (?) чисто болгарскими (61),

утверждать, что „*Болгаринъ* говоритъ безразлично" (!) „*груди*, *греди*, *гръди*, *гърди*" (85), *сълнце* или *слънце* (110—111) и т. п. (144) и т. д. и т. д.

Вообще можно сказать, что г. К. ловит сомнительные случаи спорадических псевдопереходов звуков, и на них строит свои выводы.

Г. К. допускает невозможныя, никогда несуществовавшія, выдуманныя формы в разных словянских и других языках. Например:

серб. *наполни* в „да имь юсть наполни“ (136), *свјеħа* (39),

стсл. *цвѣтлъ* (18), *падлъ* (18), род. ед. ж. „црқве панонькѫѫ“ (131); *іоудейстѣмь*, — *тіи* (43), *жлътъ* (73),

словенс. 1 ед. *kolnu* (176, вм. kolnem),

чешск. *kluzati* (106, вм. klouzati),

польс. *brwa* (166, вм. brew).

Стсл. слово *слъза* (187 и др.) есть не собственное изобрѣтеніе автора, но он повторяет его без разбора, *jurans in verba magistri*, i. e. Miklosichii, хотя впрочем в одном мѣстѣ (214) он спорит с Миклошичем по поводу этого слова.

Весьма похвальна скромность, с которою г. К. не считает себя „спеціалистомъ въ области инославянскихъ языковъ“ (158). Я думаю, что тою же скромностью слѣдовало руководствоваться и относительно языков словянских, потому что и в области этих языков г. К. является далеко не спеціалистом (доказательства почти на каждой стр. сочиненія г. К-го).

Не смотря однакож на всю свою скромность, г. К. тѣм не менѣе не отказывает себѣ в удовольствіи приводить разныя „инославянскія“ слова в выдуманной, исковерканной формѣ.

Таковы, между прочим,

литов. *navas* (29, вм. nau̇jas), *žalas* (198, вм. žãlias) и т. п.,

латин. *billis* (198, вм. bilis), *pēnna* (26),

готское *vargs* (homicida) (159. В готск. словарях приводится „*-*vargs* st. m. geächteter Missethäter“, но только как вторая часть сложнаго слова „launa-vargs, st. m., der Undankbare, 2. Tim. 3, 2: launavargos = ἀχάριστοι“),

санскр. *dama* (29) и т. д.

Затѣм, г. К. выдумал какой то новый закон сербскаго ударенія (88), прибѣгая при этом к совершенно не подходящему сравненію (88[2]).

Г. К. выдает за исключительную особенность одного діалекта, в противоположность другому, то, чтó составляет в том другом діалектѣ самое обыкновенное явленіе.

Так напримѣр, вслѣдствіе смѣшенія букв и звуков, *u* в *cгиłna* считается исключительною особенностью нарѣчія Кабатков, чуждою языку польскому (188), тогда как *ó* в польском *cгółno* выражает именно *u* (у).

Наконец, г. К. не довольствуется выдумываніем слов и звуковых законов, но выдумывает тоже „русскихъ славистовъ XI ст.“ (!) (77).

Очевидную неправду гласит автор, утверждая,

что польское *oł* „сохранилось лишь въ немногихъ словахъ, какъ память о формаціи, болѣе ранней“ (90),

что „Живая рѣчь извѣстной части русскаго народа давно уже не знаетъ *ол*, а одно *ал*“ (98) (при чем автор забывает о случаях, когда *ол* произносится с удареніем),

что „паразитные вокалы“ появляются „при стеченіи двухъ вообще консонантовъ“ (83),

что „ѫ проявляется“ у Словенцев „въ видѣ o“ (174) (развѣ только при спеціальных условіях, о которых, как кажется, г. К. не имѣет ни малѣйшаго понятія; см. ниже),

что „русск. *ол* на почвѣ литовскихъ нарѣчій обычно въ формѣ *il*“ (158), или что, „по общему закону рус. *ол*—лѫ= лит. *il*“ (158—159),

что „форма“ *oł* (*ou*) „искони *бытовала*“ „въ словенскомъ языкѣ“ (152),

что въ Дебри „*сохранилось* и *ъ*=*o*, *ь*=*e*, часто *ж* вм. *жд*“ (51),

что „санскритскій вокалъ *l*“ „возводится“ „къ сочетанію“ *ol*, *ul* (126) (при чем г. К. забывает о санскр. *r*),

что Курціус (Curtius) „предложилъ отъ имени Общества князя Яблоновскаго въ Лейпцигѣ тему на соисканіе обычной награды: „Объ отношеніи языковъ литовско-славянской групы къ германскимъ““ в 1875 году (11), между тѣм как эта тема была предложена Курціусом еще в 1871. Г. Кочубинскій же, измѣнив на обум год 1871 на 1875, распускает цѣлую вереницу выдумок, подпуская громогласныя фразы о „шатающемся положеніи“ того, чего до 1871 г. никто еще не расшатывал.

Каждому лингвисту, а тѣм болѣе лингвисту, избравшему себѣ предметом изслѣдованія какой нибудь спеціальный фонетическій вопрос, слѣдовало бы ознакомиться хоть сколько нибудь с физіологіею звуков. Между тѣмъ для г. К-го физіологія звуков является совершенною *terra incognita*.

Отсюда разныя наивныя объясненія отношеній и измѣненій звуков (30[2]), 35, 44, 64, 81, 82, 83, 98, 99, 111, 112, 132, 132[2]), 56, 171, 156, 173, 125, 180, 173—174, 49, 56, 182, 140, 77),

отсюда темныя и непонятныя выраженія, отдающія жреческою таинственностью (162[1])),

отсюда смутныя, темныя понятія о „глухомъ звукѣ“ (110, 119 . . . .);

отсюда добродушные разсказы о „поразительныхъ (!) звукахъ“, о „глухихъ (паузахъ)“ (177), об „окрашиваніи“ паразита въ *о* (177), о „*l* т. е. *уł*“ (128, 170, 171), о „*l*, т. е. *ъл*“ (152, 171, 178—180, 180, 181, 205—206, 206, 207, 191),

о словах в родѣ *syłz* (syylz) (!!) (207), *vyyłn*, *vyylk*, „гдѣ ясно слышится *у* въ два такта“ (110),

о том, что „Присутствіе глухаго особенно ясно, когда темпъ требуетъ протяженія — *vyyy . . . łk*: тянется осязательно вокалъ, а ł безъ движенія“ (110),

о том, что „*д* мягкое въ *гь*, *кь*, а предъ гортаннымъ *ж* перешло въ *ш*“ (63),

об измѣненіи *j*, входящаго в состав *ŕ* (rj), в ż и затѣм в *z* (!!) в польском, чешском, верхне-лужицком (!!) (64, 57—58, 58) (при чем о наивном смѣшеніи букв и звуков нечего и говорить),

о переходѣ *j* в *ж* (53, 54, и др.) (при чем автор то сомнѣвается, то отдѣлывается пустыми фразами);

отсюда непониманіе „вокализаціи вокала“ (135),

отсюда непониманіе взаимнаго уподобленія гласнаго и согласнаго (81, 82, 181, 85, 183),

отсюда выдумываніе разных законов, и исторически невозможных, и логически немыслимых (182, 172, 173, 173—174 и т. д., ср. 175, 176 и т. д.), равно как и разных процессов в родѣ „простаго метатезиса, не безъ вліянія асимилирующаго дѣйствія формы *ол*“ (165 и т. д.),

отсюда разныя объясненія чисто внѣшнія, „механическія“ (сам их так характеризует на стр. 202), произвольныя (202, 203, и т. д.),

отсюда, согласно с общим характеромъ хозяйственной, допотопной фонетики г. К-го, объясненіе явленій языка „евфоническими условіями языка", „элементомъ эстетическаго вкуса" (84), „подъемомъ евфоническимъ" (149),

отсюда „іотованные вокалы" (отчего нѣт тоже „вокаловъ" и „консонантовъ" бетованных, гамованных, дельтованных и т. д.?), отсюда „јотація", как *deus ex machina* объясняющая всевозможныя смягченія согласных (40, 43, 114, 186 и т. д.),

отсюда топорное объясненіе чередованія *k* и *t* (43 и т. д.),

отсюда фонетическій мистицизм, выражающійся в курьезных вопросах в родѣ: „не скрывается ли и за чакавско-кайкавско-словенскимъ *j*=русск. *ж*=первичн. *dj* въ словахъ, какъ *teja*, *tej*, *rojen*, свистящій или шипящій звукъ — *z* или *ž*, подобно чеш. *prodej*, — ја" (!) „изъ" (!) „*prodeža?*" (58),

отсюда разныя другія т. п. выдумки и физіологическія безсмыслицы.

Интересно было бы узнать,

какими физіологически-акустическими свойствами отличается, по мнѣнію г. К-го, „глухой звукъ" (ср. 119 и т. д.)?

и затѣм, что такое, по мнѣнію г. К-го, гласный („вокалъ"), и что такое согласный („консонантъ") (ср. 153)?

Почему „понятіе долготы и „вставочности" несовмѣстимо" (126)?

Что значит: „„вокальную" службу служить можетъ и каждый консонантъ при неясномъ произношеніи"? Почему, „когда русскій говоритъ „сонце", *н* имѣетъ тоже значеніе, что чешское *l* въ *vlk*" (123)?

Что значит „удареніе" (153 и др.) по мнѣнію г. К-го?

Что значит „стремленіе *о* окраситься въ *а*" (98), или же „окрашиваніе глухаго звука въ *у*" (151)?

Что значит „спаситель въ видѣ шипящаго звука" (129)?

Что значит „свойство плавныхъ *мутить* своихъ сосѣдей" (130)?

Что значит: „*dj* легко можетъ смѣшиваться съ *tj*" (45)

Что значит „огрубѣніе *шч* въ *шт* (изъ *штт*)" (51—52)?

Что значит „*грубоватая* форма *дж*" (54)?

Что значит „чахлая варіація сочетанія" (191—192)?

На основаніи каких законов *b* перешло в *p* в нижнелужицком **błocha=płocha* (169, ср. 167)?

Почему „*u* есть извѣстное усиленіе“ (?) „*o*“ (191)?

Почему „сложный звукъ *ждж*“ есть „тяжелый“ (62)?

Каким это образом „основное соч. *dj*, мѣняя свое *j* на шипящій звукъ (какъ изъ *rj*—*rž*), превратилось въ *dž* (*дж*) изъ *dš*“ (62, dj=dš !!=dž)? и т. д. и т. д.

Я полагаю, что г. К. не мало затруднился бы, еслиб потребовать от него серьезнаго отвѣта на эти вопросы.

За то он охотно злоупотребляет терминами естественных наук. Такъ, между прочим, ему понравилось иностранное слово „паразит“, и он на всевозможные лады оперируетъ паразитами, видя их на каждом шагу. Фонетическія теоріи г. К-го так и кишат „паразитами“ (21[1], 79, 80, 79—88, 85, 208, 210, 211—211, 211), „вокалами-паразитами“ (6 и др.), „паразитными звуками“ (173—174), спасительными „элементами паразитными“ (50, 62), „паразитною вокализаціею“ (82—83, 83, 85, 86), „словами вокализаціи основной и паразитной“ (85 и др.) и т. п., хотя всѣ эти слова ничего рѣшительно не объясняют.

Не удивительно, что такой знаменитый фонетик, как г. К., понимает произношеніе звуков разбираемых им языков далеко не точно.

Так напримѣр, литовскія č и *dž* тожественны для него с русскими *ч* и *дж* (*dž*) (52, 53, 59), так что он считает эти звуки, č и *dž*, даже общими литовско-словянскими, между тѣм как они гораздо ближе к сербским ћ и ђ, польским ć и *dź*, итальянским *ci* и *gi*, нежели к русским *ч* и *дж*.

А откуда взято г. К-м свѣдѣніе, что в южно-литовском вм. č и *dž* имѣются *ts* (=*c*) и *dz* (52)?

То, что говорится о литов. *karasztas*, *garěkas* (82), тоже доказывает, что г. К. не понял вовсе литовскаго произношенія.

„Стеченіе консонантовъ *б*, *л*“ считается „непріятнымъ“ (165), и поэтому мол оно „устраняется“ (165), хотя это совершенно противорѣчит физіологіи звуков и исторіи языков.

Невѣжеством г. К-го в области словянских языков обусловлены заявленія, что основному *dj* соотвѣтствует „въ верхне- и нижне-лужицкомъ“ „*dz* (почти *джъ*)“ (!!, 63, — когда до-

статочно было справиться хотябы у Mikl. Vergl. Gramm. I. 495, 509, чтобы убѣдиться, что в лужицких нарѣчіях в подобных случаях встрѣчается только *z*), в польском *dź* (!!, 65, 63) и т. п.

Непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка и вообще языков словянских доказывается тѣм,

что г. К. допускает в стсл.-ом возможность существованія слова *блъскъ* (215, 216),

что, вопреки звуковым законам и логикѣ, видит в ъ отраженіе звуков *a*, *u*, *o* других языков аріоевропейских (29),

что допускает в слов. яз. возможность слова ***кърест** (!!) (87), —

затѣм оно доказывается утвержденіем г. К-го, что „восточно-сербскому *кърст*, *кърв* отвѣчаетъ“ без всяких дальнѣйших околичностей „далмат. *karst*, *karv*“ (142) и т. п.,

что в русском возможна форма *болоскъ* (216),

что „*блистати* сводится“ непосредственно „къ формѣ *блес***к**“ (216),

что отношеніе „между общерус. *полнъ* и нарѣчнымъ *полонъ*“ такое же, какъ между санскр. „pûrva (изъ *parva*)“ и староперсидским *paruva* (8; см. тоже 76) и т. д.

Затѣм, доказательства незнанія фонетическаго строя словянских языков, и малорусскаго в особенности, можно найти на стр. 200 и др.

Незнаніе фонетическаго строя польскаго языка видно из утвержденія, что польск. *pełen* есть слѣдствіе „удвоенія вокала послѣ l“ (92), что *er* слова *pierwszy* измѣнилось в *ir* в „разговорномъ“ *pirwszy* (91; ср. Бодуэн-де-Куртенэ „О древне-польскомъ языкѣ до XIV стол.“ § 77, гдѣ положительно доказано, что *ir* подобных слов древнѣе, и *i* измѣнилось в *e* под вліяніем слѣдующаго *r*), что *słońce* (с *ło*) есть польская форма с древнѣйших времен (71; ср. Бод.-де-Курт. „О др.-поль. яз. до XIV ст.“ § 78, гдѣ показана древнѣйшая форма *słuńce*, в которой затѣм, под вліяніем ń, *u* перешло в *o*) и т. д.

Незнаніе кашубской фонетики заставило автора видѣть измѣненіе в гласный *e* другаго гласнаго только в „этимологическомъ“ (?) „*ol*“, переходящем де в *el* (91), тогда как в кашубском *e* является гласным господствующим и замѣнителем разных других гласных. См. тоже стр. 188, гдѣ тоже, вслѣдствіе незнанія этого свойства кашубскаго языка, г. К. дѣлает наивные выводы.

Доказательства непониманія фонетики нижне-лужицкой: „ъ обоими лужицкими нарѣчіями понимается какъ эквивалентъ *o*, а не *e*" (169); „*płocha*, т. е. *błocha*" (?) (169) и т. п.

Доказательства непониманія фонетики чешской: 106 и др.

Доказательства непониманія фонетики словенской (с кайкавскою): 176—177, 177 (в „*genulsze*" *e* признается „поразительнымъ звукомъ"), 30—31 (ср. 32) и т. п.

Доказательства непониманія фонетическаго строя болгарскаго языка: 30, 150, 146, 146[1]), 195, 142 и т. д.

Не дав себѣ яснаго отчета в том, что такое, с физіологической точки зрѣнія, с точки зрѣнія произношенія, принимаемые им звуки, напримѣр ъ и ь (220, 107—108 и т. д.) и т. п., г. К. оперирует неизвѣстными величинами или просто пустыми фразами и ими объясняет явленія языка (90 и др.).

Если г. К. не согласен, напримѣр, с общепринятым теперь ученіем, что ъ и ь отражали этимологически ŭ и ĭ, и фонетически были первоначально ничто иное, как ŭ (краткое u) и ĭ (краткое i), то он должен был так или иначе опровергнуть это ученіе. Но наше требованіе, кажется, напрасно, потому что г. К-му совершенно чуждо названное ученіе. Он, при всей своей эрудиціи и начитанности, не успѣл с ним встрѣтиться, как нигдѣ тоже не успѣл встрѣтиться с ученіем о соотвѣтствіях звуков в отдѣльных языках аріоевропейских, и поэтому представляет наивные выводы и сравненія сочетаній звуков, в родѣ отожествленія *il* с *al* (*il* — *al*), или в родѣ того, что „литовское, какъ и аріоевроп. *a* на почвѣ славянской = *o*, слѣдов. вокализація русскаго языка въ *болтать* сравнительно съ лит. *bildeht* еще на ступени доисторическаго литовско-славянскаго единства" (158) и т. п.

Только отсутствіем достаточной подготовки и вообще незнаніем современнаго положенія сравнительной грамматики аріоевропейских языков можно объяснить себѣ то, что г. К. видит в языках словянских „потерю аблатива" (3), а

2*

с другой стороны чешск. *ſlyzzamy* называет „abl.“ (172), высказывая таким образом незнаніе функцій падежей.

Г. К. не понимает генезиса форм склоненія, предполагая для окончанія дат. пад. ед. ч. м. и ср. р. мѣстоим. и прилагат. *-ему* основную форму **-ъму* (-ѫмоу) (31).

Наивное понятіе о склоненіи вообще высказывается на стр. 166.

Для г. К-го н.-лужиц. форма aor. 2. s. *poklnu* в выраженіи „rabby, hley, ta figa, kotoru ty poklnu, ie sezchnula“ есть 1 s. praes. (169), хотя в другом мѣстѣ (204) она считается аористом.

Незнаніе исторіи языка и діалектологіи проявляется на стр. 81 и др., наивное понятіе об исторіи языка — на стр. 166 и др.

Г. К. невѣрно объясняет происхожденіе и этимологическій состав разных слов:

русск. *сѣдло* (18; Mikl. Lexic.: „сєдло; сєдьла“),

словен. *terdni* (24: tv˘ird˘in),

затѣм предполагаемаго стсл.-го клѫ-ж (179),

в.-луж. „*pleć*“ при *pluwać*, очевидно, простое сокращеніе изъ *plewać*“ (205),

болг. *нораᴃ* (84),

малорус. *загарбити* (84) и т. д.

Метод сравненій г. К-го довольно курьезный. Книга его полна невѣрных, безкритичных и никуда негодных сопоставленій. Так напримѣр,

нѣм. *Wolf* сопоставляется непосредственно с рус. *волкъ* (79),

лат. *mulgere* с *молозиво* (79) и т. д.,

„карп. рус. *што* изъ *чо*“ (!!) с польск. чешск. *co* (51), „словацк. *čo* = чеш. *co*“ (53), „чеш. *čest* при gen. *cti*“ (53),

рус. *блоха* с в.-луж. *tka* (169, 184) и т. д.

Иногда приводятся примѣры совершенно не подходящіе, ни к селу, ни к городу. Так напр. чеш. *pokvete*, не извѣстно зачѣм обрѣтающееся на стр. 24.

Вслѣдствіе незнанія звуковых законов и соотвѣтствій звуков в отдѣльных языках аріоевропейских, г. К. допуска-

етъ невозможныя этимологіи, находя этимологическую связь тамъ, гдѣ ея вовсе не имѣется. Такимъ хозяйственнымъ способомъ (методомъ) объясняются слова:

рус. *болтать* (158), *холмъ* (159), *волкъ* (159), *дождь* и т. ц. будтобы отъ основы *дод* (61), *блевать = плевать = speizen* (217), *блескъ* (218), *слеза* (218), *колпакъ* изъ *клобукъ* (165), *полсть* (185) и т. д.,

малор. „*ковт* вм. *глот*“ (165),

стсл. *оржжие* (61, ср. поль. oręż),

старочешск. *ješče* (53), чеш. *Vltava* изъ *Moldava* (!!) (124),

поль. „*słonoscz* изъ *soljonosć, sołonosć*“ (93),

серб. *грк* (86), *дрновит* (86), *црикав* (86),

литов. *balsas* (158), <u>*palti* (161</u>, in verba magistri, i. e. Fickii), *kálnas* (161),

старопрус. *klunker* (?, 185),

„гот. *vargs*“ = *волкъ* (159, в готском нѣт такого слова; ср. выше),

нѣм. *holm* (161), *schluk* (184),

греч. *δέ* = стсл. *жде* и *же* (59),

лат. „*coelum* (= *caedlum*)“ (21), *billis* (! вм. bīlis) (198, cf. fēl, fellis), *lupus* (158), *longus* (160), *vulgus* (160, 79,— полк), *blatta* (184), *pullex* (184), *deglûtire* (184—185),

санскр. √*kûl* (198), *gâurâ* (198), √sûr (161) и т. д. и т. д.

Почти всѣ эти этимологіи — чужіе грѣхи, принятые на себя г. К-м, безсмысленно повторяющим неудачные и ложные выводы. Так напр. Miklosich (Vergl. Gram. I. 303—304), много не думая, высказал слѣдующую догадку: „hängt nicht auch *prisoje* (locus apricus) mit сльньце zusammen?“ Г. К. ухватился за эту вопросительнаго свойства Миклошичеву догадку и считает ее непреложною истиной. Для него серб. *присоје* и *осоје* (ср. стсл. осоıа, Mikl. Lex. s. v.) происходят от основы *солн* (138, 139, 179, 193), между тѣм как на самом дѣлѣ подобное сопоставленіе совершенно невозможно, названныя же слова, *при-соj-е, о-соj-е*, того же корня, что *сѣ-н-ь* (тѣнь) (*под сѣ-нь-ю* и т. п.). В силу своего „убѣжденія“ (?) о связи *присоје* с *солнцем*, г. К. счел умѣстным сдѣлать Даничичу выговор и дать ему ироническое наставленіе: „Основа *жод* въ *жодилі*, по Даничичу, описка вм. *жоуд* („Рјечник“ I. 343); но она такая же описка, какъ основа *сон* вм. *солн* въ *присоје*“ (193).

Не удивительно, что при такой научной неиспорченности и дѣвственности г. К. не в состояніи формулировать

звуковыя соотвѣтствія и, напримѣр, русское *имя* (с его рефлексами в других нарѣчіях словянских) сопоставляет непосредственно с предполагаемым *naman*, а *иго* с *jugum*, и на основаніи этих сопоставленій выводит общій закон о замѣнѣ „латин., греч., арійских" гласных *a*, *u*, *o* словянским *i* (29).

Об отличии при этом слов природных от заимствованных г. К. не имѣет, конечно, ни малѣйшаго понятія, и без всяких дальнѣйших околичностей литовское *blake* (собственно *blākė*) считает не словом, усвоенным из русскаго, но только видоизмѣненіем литовскаго же *blusà*, являющагося исконным чисто литовским отраженіем русскаго *блоха* (184).

Само собою разумѣется, что такой ученый, как г. К., беззаботно смѣшивающій буквы и звуки, смѣшивает тоже другія различныя вещи, между прочим различные звуки, вопреки всѣм требованіям самой невзыскательной критики. Сюда принадлежит:

Смѣшеніе (неразличеніе) рус. *o*=стсл. о (*о* неподвижнаго) с рус. *o*=стсл. ъ (т. е. с *o* подвижным, бѣглым) (187: близокоу, 165: „не дѣйствует на *o*", 76, 75—76 и т. д.). Такое же смѣшеніе имѣет мѣсто с польскими *e*=1) стсл. є, 2) стсл. ъ или ь.

Затѣм, сюда принадлежит утвержденіе, что западная вѣтвь словянских нарѣчій „отожествила ъ ь-рю, т. е. перевела *o* въ *e*" (!, 29), что в польском „звуковая семья *o*—ъ смѣшалась съ семьей *e*—ь" (166) и т. д., одним словом совершенное непониманіе того, что

основно-словянское ŭ (ъ) = рус. *o* = поль. *e*,
„ ĭ (ь) = „ *é* или *ó* = поль. *é* (*ie*)
и т. д. и т. д.

Крайнею поверхностностью страдают сужденія г. К-го о нѣкоторых особенностях разсматриваемых им языков. Говоря о них, он вовсе не старается опредѣлить условій их появленія, оставляя в сторонѣ вопросы: „гдѣ?" „когда?" и т. п.

Так напримѣр, он заявляет, что „форма *o*ł" „дала *u* въ резьянскомъ говорѣ" (138), но не изволил справиться в

моем сочиненіи („Опыт фонетики резьянских говоров"), когда именно, т. е. в каких словах это *и* появляется.

Утверждать, что „въ резьянской долинѣ, говорятъ безразлично: *pъršal.*" (?) „*piršil. perchaja.*" (?) „*paršal*" (87), „*bolcha.*" (?) „*bûcha.*" (?) „*hult*" и т. п. (175), что „въ резьянскомъ говорѣ" „*одинаково правильны* формы: *solza, souza, sûza....*" (208) — значит или недобросовѣстно пользоваться трудами других, или же не быть в состояніи понимать данныя, сообщенныя в этих трудах.

Полная безкритичность г. К-го доказывается смѣшеніем поль. *dz* и *dź* и серб. ђ (36),

смѣшеніем черногорскаго *дж* с *дж* карпаторусским и т. д. (36),

смѣшеніем русскаго *ол* и кайк.-словен. *ol* (131—134, 148),

смѣшеніем *tn* = *n* с поль. *stn, zdn* = *sn, zn* (25),

смѣшеніем *dn, tn* = *n* с *dm* = *m* (24),

отожествленіем отношенія рус. *ночь* к поль. *noc* с отношеніем *čas* к *cas, žona* к *zona* (47—48),

смѣшеніем болгарскаго *шт* (= tj) с *шч* в *шчо* (50),

смѣшеніем *жд* с *ж* (из g) (59),

смѣшеніем и непониманіем фонетики сербской: „*л* (ł), какъ звукъ трудно произносимый, славянскій по преимуществу, легко переходитъ въ *у* или *в*, даже *о*" (139),

смѣшеніем в латинском *u* из *o* с исконным *u* (184—185),

и т. д. и т. д.

Безобразныя смѣшенія, вопреки исторіи языка, видны в названіи „кашубско-полабско-албанскоболгарское *gard* — *gord*" (8).

Примѣры из отдѣльных словянских языков (полаб., чешск., словен., серб., дакослав., болг., стсл.) и из литовскаго приводятся без критики (80, 80—81, 81, 81—82, 82).

Нѣкоторыя слова г. К. переносит в несвойственную им среду, навязывая им чужую національность. Например,

литовское *blusà* названо ст.-прусским (184),

" *obůlýs* " латышским (185)

и т. д.

Другія опять слова из инородцев переименованы в автохтоны, и обратно:

серб. усвоенное *рожанство* и т. д. признается чисто сербским (55),

поль. (отчасти бѣлорус.) *небораκъ* признается велико-русским (59)...

и т. д.

Латинскія или латинизованныя и германизованныя формы считаются словянскими (86 и др.), и на них строятся выводы об особенностях нарѣчій словянских. Напр.,

чешск. *Zuontibold* (116, 127), *Zuentibaldus* (116) и т. п., откуда вывод о „формахъ *ul, lo, lu,* al“ (!) (117) и т. д.

Г. К. только что забраковал в обозрѣніи полабских слов слово *blowotino*, как Гнѣзненское, но вдруг ему стало жалко, и он нѣсколькими строками ниже приводит то же самое слово в числѣ полабских (203).

Затѣм, г. К. смѣшивает слова и корни, не имѣющіе собственно ничего общаго между собою:

каш. *połc* (*полтъ*) с поль. *pilść* (89,—ср. поль. połeć),

словацк. *pltv* с корнем *plet, plot* (127, 128, 130, 162, 172, 173, 205—206), между тѣм как они, с этимологической точки зрѣнія, не имѣют ничего общаго между собою, и словацк. *pltv* находится в связи с тѣм же корнем, который свойствен словам рус. *плы-ть*, *пло-т* и т. п., поль. *pły-nie*, *płe-tw-a* и т. п., нѣм. *floß* и т. д.,

поль. *kłoć* (=клѫть!!) — рус. *клок* (!=клѫк) (165, 169),

рус. *клокъ* — полаб. *Klockow* и т. п. (167—168),

„ *клокъ* — нижнелуж. *klokaś* или *kłokaś* (168, 169),

„ *клокъ* — чешск. *kloček, klok* (170, 172, 173, 174),

и т. д. и т. д.

Г. К. без разбору смѣшивает слова, в состав которых входят сочетанія, отражающія рус. *ол*=стсл. лъ, с такими словами, состав которых совершенно другой. Сюда принадлежит, между прочим,

слово *желвь*, стсл. желъвь, желъва, с его видоизмѣненіями в отдѣльных нарѣчіях словянских (186, 190, 191, 193, 194, 196, 198). Это слово находит себѣ отраженіе в греч. χέλυς (ἡ, fem.), и его славянская основная форма имѣет в темѣ (основѣ) **želŭv-*, в nominativ'ѣ же **želȳ*, ср. krŭv-: krȳ- (кръвь), l'ūbŭv-: l'ūbȳ и т. п. А между тѣм, приведши названное слово там, гдѣ не слѣдует, г. К. на основаніи этого сказал длинную тираду с притязаніем на новыя открытія в наукѣ.

Затѣм, под ту же категорію подходят слова:

поль. *scorupa* (!), *scorupina* (79), *potlocz* (а не *potloc*, как у г. К-го, 94) (=*potłocz*, inf. *potłoczyć*; в теперешнем

польском переводѣ священнаго писанія это слово в данном мѣстѣ замѣняется словом *podeptać*: poderpce na ziemi), и т. д.

Точно так же ни к селу, ни к городу приводится „мазурское“ *siad* (19), которое, говоря мимоходом, есть форма не исключительно мазурская, но общепольская, так как, вслѣдствіе исчезовенія *глухаго* ł, из *siadł*, *spadł* (фонетически: *siatł*, *spatł* . . .) развились именно *siat*, *spat* . . . . (писанныя: *siad*, *spad* . . . .) и т. д.

Кромѣ того, так же неумѣстно приводятся слова

серб. *нарав*, *корак*, *агенат*, *пекао* . . . ., *нъравь* . . ., *малин* . . . ., (81),

стсл. *бальвань* . . . . (148, — ср. поль. *bałwan*), *бльвань* и *бальвань* (155—156),

кашуб. *gałdzic* (97),

серб. *кобасица* (138),

в.-луж. *Wolin* (!) (104) и т. д.

Крайнее невѣжество или, по крайней мѣрѣ, невниманіе выказывает г. К., утверждая, что *ж* в серб. *гложје*, *гложјак*, *гложити* имѣется вм. ђ (45).

Г. К. смѣшивает формы положительныя, исторически данныя с предполагаемыми (26 и т. д.).

Г. К. смѣшивает племена, а именно: Резьян и Словенцев (80—81, 131[2], 208), Кайкавцев и паннонских Словян (131), Румын и Словян (179—180), Мадьяр и Арійцев (159: „Древнѣйшая арійская форма сохранилась въ мадьярскомъ: fárkas“ [собств. *farkas*, произнос. *farkaš*] „=волкъ“), Мадьяр и Словян (87, 157[1], 175, 192, 82), мадьярскій язык с словянским (124).

Г. К. без всяких основаній ставит à priori отмѣтки говорам и нарѣчіям, и, забрав себѣ в голову, что „консерватизм“ есть свойство похвальное, а новизна — свойство неодобрительное, вопреки очевидным фактам, кашубскій „говоръ“ называет „консервативнымъ“ (93[1], 94, 188), нарѣчіе словинцев и кабатков „архаическимъ“, „болѣе старымъ“, кашебское „менѣе консервативнымъ“ (89), „нарѣчіе словенско-кашубское“ „наиболѣе консервативнымъ говоромъ польскимъ“ (89), нѣкоторыя из чешских нарѣчій, смотря по вкусу, „консервативными“ (125), другія не консервативными, дудлѣбское подрѣчіе „однимъ изъ консервативнѣйшихъ“ (206), словенское нарѣчіе в долинѣ зильской „самымъ убогимъ“ (208).

Русскій языкъ „старѣе, консервативнѣе" остальныхъ нарѣчій словянскихъ, хотя онъ въ то же время „свѣжѣе" ихъ (66) и т. д.

При этомъ г. К. поступаетъ себѣ, какъ шулеръ. Для него произвольной подтасовки предполагаемыхъ свойствъ консерватизма и новизны достаточно для того, чтобы опредѣлять связь явленій и дѣлать всевозможные выводы. Къ сожалѣнію, онъ плохой, неискусный шулеръ, и даже человѣкъ, маломальски понимающій дѣло, въ состояніи уличить его въ произвольной подтасовкѣ.

Кстати можно замѣтить, что все сочиненіе г. К-го построено на такой произвольной подтасовкѣ отчасти совершенно перековерканныхъ фактовъ, вопреки здравому смыслу, логикѣ и исторіи языка.

Г. К. оцѣниваетъ другихъ явно несправедливо и приписываетъ имъ мнѣнія, которыхъ они никогда не высказывали.

Такъ напримѣръ, онъ повторяетъ за Bréal'емъ небылицу о знакомствѣ Bopp'а „съ славяно-литовскими языками" (13), отказывая за то въ подобномъ знакомствѣ всѣмъ новѣйшимъ, настоящимъ или же предполагаемымъ, приверженцамъ и защитникамъ теоріи родословнаго древа, Bezzenberger'у, Hugo Weber'у, Jagić'у, Leskien'у и т. д.

Затѣмъ, вслѣдствіе ли торопливости или же неспособности понимать читаемое, г. К. навязываетъ Jagić'у (215, 214), Schleicher'у (121, 121[2]), Kurschat'у (52[1]), Schmidt'у (10—11, 10, 6, 92, 11), Böhtlingk'у (Бетлингу) (122—123), Miklosich'у (88: „слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія", 135—136, 200) и другимъ (111, 112[1]), 2 слѣд., 15) разныя чуждыя имъ мнѣнія и способы объяснять явленія.

Между прочимъ, и пишущій эти строки удостоился слѣдующей замѣтки со стороны г. К-го: „въ глосаріѣ у Бодуэна („О древне-польскомъ языкѣ") выраженіе грамоты *Belchowe* отнесено къ $\sqrt{}$*блъх*; но или въ грамотѣ описка (если не въ изданіи), или слово должно быть объяснено иначе" (167). Я, правда, отнесъ *Belchowe* къ корню *блъх*; но откуда г. К. знаетъ, что это тотъ же корень, который имѣется въ словѣ *блоха?* На такую догадку мое простое сопоставленіе не даетъ ему права. Что же касается „описки" или же необходимости „объяснять иначе", я позволю себѣ сопоставить съ названнымъ словомъ русское *болховни*, мѣстное названіе *Болховъ*, фамилію *Болховитиновъ* и т. п., затѣмъ польск. *bełchliwy*

=*bełkotliwy* и т. п., и, что самое важное, названіе теперь существующей мѣстности *Bełchów* (Варшавской губерніи, Ловичскаго уѣзда). Если это названіе „лично непріятно“ г. К-му (ср. стр. 121), то пусть он войдет с прошеніем, куда слѣдует, о том, чтобы, по примѣру мѣстностей *Radzymin*, *Radzyń*, *Mińsk*, *Bendzin*, *Częstochowa*, *Jędrzejów*, *Piotrków* и т. п., передѣланных в *Radimin*, *Radin*, *Minsk*, *Bendin*, *Częstochow*, *Andrejew*, *Petrokow* и т. д., и *Bełchów* получил названіе, менѣе препятствующее его (г. К-го) нраву.

Г. К. смѣшивает Bopp'а со Schmidt'ом (10, 92, 13). Травестируя же Schmidt'а, он все таки там, гдѣ пристрастіе и одностороннія, предвзятыя мысли заставляют его отступать от сего послѣдняго, докторальным тоном удивляется Schmidt'у и дѣлает ему маленькій выговор (162, 162[1]).

Несправедливо обвиняются Schleicher (6), „приверженцы школы Шлейхера“ (6), при чем г. К. негодует негодованіем своего барина по наукѣ, Schmidt'а, Kurschat (52[1]) и другіе.

Нужно обладать извѣстною долею самоувѣренности, если не дерзости, чтобы, путая, как мы уже видѣли, *полсть* и *полоть*, *plt*^v^ и $\sqrt{}$*plet*, *колпакъ* и *клобукъ* и т. п., и вообще столь блистательно доказывая свое „примитивное знаніе славянскихъ нарѣчій“, обвинять в таком знаніи других (185: „Фикъ II³ 604, при своемъ примитивномъ знаніи славянскихъ нарѣчій, путаетъ слова *полсть* и *плоть*“).

Г. К. позволяет себѣ, не зная вовсе санскритских грамматиков, обвинять их в „*мистицизмъ*“ (120—121). А между тѣм на сколько выше стоял бы г. К., еслиб хоть в сотой части усвоил себѣ ясность, сжатость изложенія и точность санскритских грамматиков!

Самым курьезным является навязываніе другим потаенных мыслей, обвиненіе их в научном лицемѣріи и предумышленной лжи. Так напримѣр, сказано о Миклошичѣ: „Любопытно, что въ словарѣ Миклошича подъ *брѣзгъ* помѣчено: „cf. *блеснѫти*“; но напрасно послѣднее слово — *блеснѫти* — мы бы искали въ его словарѣ. Дѣлая эту ссылку, автор сдѣлал lapsus mentis и выдалъ себя — *онъ въ душѣ не могъ не признать*, что въ русской формѣ *блескъ* хранится первичная вокализація корня *bhrâgh* блестѣть, разсвѣтать — на почвѣ славянской“ (218). Прежде всего г. К. дѣлает много шуму из за пустяков (viel lärm um nichts). Попавшееся ему

в словарѣ Миклошича *блеснѫти* есть простая опечатка вм. *бльснѫти*. Ибо в противном случаѣ, считая *блеснѫти* словом старословянским, Миклошич выказал бы такое незнаніе стсл.-ой фонетики, какое может быть свойственно г. К-му, но никогда Миклошичу. Затѣм, не есть ли это крайняя степень дерзости, без всяких положительных доказательств заподазривать других в умышленной лжи, в іезуитской restrictio mentalis и др. т. п. безнравственных поступках. По всей вѣроятности, г. К. заключает о других по себѣ, и во всяком случаѣ послѣ этого мы имѣем право предполагать в его сочиненіи на каждом шагу умышленное извращеніе истины.

Своими цитатами г. К. хочет пускать пыль в глаза, и цитует даже такія сочиненія, которых или вовсе не видѣл, или, если и видѣл, не читал, если же читал, не понимал.

Цитует же г. К. крайне небрежно. Заглавія приводит иногда совершенно не точно, так что книги узнать нельзя. Так напримѣр, говорится о „Jenaer *Literaturanzeiger*" (11), тогда как такого вовсе не полагается, но за то есть „Jenaer *Literaturzeitung*".

Из одной книги г. К. дѣлает нѣсколько. Так случилось, между прочим, с Венелиным (76, 85, 148, 182, 195), с Kopitar'ом (18, 132, 193, 207), с Jagić'ем (43, 45, 81, 135, 151), с Потебнею (65, 77, 78, 79, 91, 162). *Zeyss* переименован в *Zeussa* (159[2])), и т. п.

Затѣм, г. К. цитует не совсѣм вѣрно, переводит не точно, без вниманія (4—5[3]), 6, 82, 94 и т. п.), помѣщает цитаты вовсе не подходящія (7, 39), или ничего не говорящія, лишнія (9, 23, 166).

Неточныя цитаты: 18, 266, 19, 15, 95[2]), 108[1]), 113[1]), 131[2]), 132[1]), 152[3]), 187, 211 и т. д.

Вм. *венеціянск.* стоит *миланск.*, вм. *провенсальск.*—*франц.* (57).

Невѣрныя и неточныя цитаты слов: 139 (cf. 137), 158, 160 и т. д.

На стр. 122 г. К. открыл даже *„второе изданіе* II тома т. наз. „Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій" ак. Миклошича"; а между тѣм позволяет себѣ въ том же мѣстѣ говорить о Миклошичѣ с пренебреженіем, подтруни-

вать над ним: „гдѣ вѣнскій славистъ широковѣщательно излагаетъ свой взглядъ“ (122).

Безсовѣстная *цитата* находится на стр. 91[2]), гдѣ г. К. упрекает Потебню его же собственными словами. Потебня говорит: „Ошибочно непосредственное сближеніе *і* въ этой формѣ съ *і* въ литовскомъ *wilks*“ (Къ исторіи звуковъ, стр. 65). Г. К. же заявляет: „Ошибочно непосредственное сближеніе *і* въ этой формѣ съ *і* въ литовскомъ *wilkas, какъ это дѣлаетъ авторъ*“ (т. е. именно Потебня) (91[2])).

II.

Итак, мы познакомились с внутреннею и внѣшнею стороною критики г. К-го, т. е. мы узнали, как безкритично и недобросовѣстно относится он к фактам, на которых основывает свои выводы. Теперь слѣдует разсмотрѣть его метод, т. е. его способ комбинировать эти факты и строить на них свои выводы. Эта часть ученой работы, так сказать, стратегія научно-литературной техники (тогда как критическое отношеніе к отдѣльным фактам можно сравнить с тактикою), в сущности гораздо важнѣе, ибо только от надлежащей комбинаціи фактов зависит точность и вѣрность общих выводов. Поэтому нам бы слѣдовало еще с большею подробностью заняться разсмотрѣніем метода г. К-го. Но, утомившись непроизводительным странствованіем по дебрям ошибок и „недосмотров“, наполняющих книгу г. К-го, я болѣе не в состояніи углубляться с тою же тщательностью и акуратностью в ея прелести, и принужден сократить свой разбор по возможности. Я полагаю, что и без того достаточно согрѣшил противу своих обязанностей относительно самого себя и других, посвятив столько времени на вполнѣ непроизводительный труд, состоящій в разборѣ такого научнаго ничтожества и в повѣркѣ всего, что в нем высказывается.

Сократив разбор, я этим нисколько не измѣняю его сущности. А что окончательные результаты „ученыхъ изслѣдованій“ г. К-го не могут никуда годиться, видно уже из того, что они основаны на столь безкритично и недобросовѣстно подобранных фактах, какъ мы только что видѣли.

Качества метода г. К-го сводятся к слѣдующим пунктам:

1) Полное отсутствіе какого бы то ни было *научнаго* метода.

2) „Метод" г. К-го,—если можно так назвать его безцеремонное отношеніе к научному матеріалу,—есть метод допотопный, метод тѣх времен, когда для „сравненій" вырывали из грамматик и словарей письменныя изображенія отдѣльных слов и форм, не заботясь вовсе об общем характерѣ языка, которому принадлежат эти слова и формы.

3) Г. К. à priori разсѣкает Гордіев узел труднаго вопроса, не соображаясь ни с какими данными.

Правда, многіе „ученые" придерживаются того же способа. Так, между прочим, знаменитый Духинскій (Duchiński) основывает все свое ученіе на безконечном повтороніи одних и тѣх же положеній с цѣлью через частое повтореніе вговорить и втолковать их в читающаго. Но Духинскій несравненно выше г. К-го. Он, по крайней мѣрѣ, знает матеріал, которым распоряжается, и затѣм он в извѣстной степени послѣдователен. У него есть только кое-какіе логическіе крючки и закавыки, в остальном же ход его мышленія правилен. У г. же К-го ничего этого не обрѣтается. Все его искуство состоит в том, чтобы как нибудь вывернуться и обмануть людей, не вникающих в суть дѣла. Результат „изслѣдованія" сложился раньше в головѣ „изслѣдователя", вопреки очевидным фактам и здравому смыслу.

Г. К-му свойствен полнѣйшій догматизм. Характеристично в этом отношеніи слѣдующее мѣсто его книги: „Отвѣтъ такъ не труденъ, что напередъ просится: всѣ славянскія нарѣчія раздѣляютъ вокализацію русскаго языка, его сочетаніе *ел*, отличное отъ другихъ сочетаній лъ съ весьма слабыми варіаціями" (188). Затѣм см. стр. 207—208, 208 и др.

Из приведеннаго мѣста видна главная мысль г. К-го, состоящая в слѣдующем: Русскій язык есть язык праслованскій, основно-словянскій, первоначальный словянскій, древнѣйшій представитель словянской семьи, язык всесловянскій, общесловянскій; всѣ же остальныя *словянскія нарѣчія* — только различныя видоизмѣненія *русскаго языка*. Другими словами, всѣ Словяне — только переодѣтые Русскіе. Это главная и *единственная*, хотя вмѣстѣ с тѣм ложная, да к тому же вовсе не оригинальная, мысль г. К-го. Эту мысль он

высказывает на разные лады почти на каждой страницѣ своей неумѣлой компиляціи, подражая блаженной памяти сорокѣ, твердившей „Якова“ про всякаго встрѣчнаго и поперечнаго (108, 161, 163—164, 181, 183, 192, 197, 171, 201, 211—212, 212, 130, 66, 170, 194, 51, 161, 51, 105, 161, 174, 188, 202—203, 204, 216, 95, 45[3]), 65, 157, 174, 72, 73—74, 221, 216 и т. д.).

Здѣсь имѣется даже что то в родѣ русско-грамматической церкви с единоспасающими русскими формами, которыя или „исповѣдуются“, или же не „исповѣдуются“ другими словянскими нарѣчіями (129, 33, 94, 158, 221, 157 и т. д.). „Русскій языкъ сохранилъ въ рѣдкой чистотѣ наслѣдіе старины; другіе языки — одинъ болѣе русскій — менѣе индивидуализовался, другой менѣе — болѣе индивидуализовался“ (158).

Все, что ни есть сходнаго в других словянских нарѣчіях с явленіями русскаго языка, все это считается русским (213, 59, 102, 56, 48, 49, 217, 219, 220—221, 221, 221—222), точно Русскіе взяли извѣстные звуки и формы языка в исключительную аренду.

Одним словом, г. К. предпринял руссификацію всѣх словянских нарѣчій, не щадя ни возраста, ни чужой собственности, и не стѣсняясь никакими требованіями логики, здраваго смысла, географіи, хронологіи и т. д. К сожалѣнію, эта научная руссификація всѣх словянских нарѣчій основана только на личных вкусах г. К-го, а факты рѣшительно говорят против нея.

При этом г. К. является племенным аристократом. Он допускает правильность строя только в русском языкѣ, в польском же и в других языках словянских господствуют де хаос форм, смѣшеніе, неправильности (165, 54 и т. д.). Затѣм, русское разнообразіе, в сравненіи с стсл.-им однообразіем, первично, разнообразіе же польское и других нарѣчій, в сравненіи с однообразіем русским, вторично.

В связи с руссификаціею всѣх словянских нарѣчій находится „крайнее убѣжденіе“ г. К-го, что „прародиною Славянъ“ были Карпаты (55—56[1]) и др.), и что поэтому Русскіе и Поляки ближе „прародины Славянъ“, нежели Чехо-Словаки и южные Словяне, и что во всяком случаѣ одни только Русскіе остались на этой предполагаемой „прародинѣ Славянъ“.— Оставляя в сторонѣ первую часть этого положенія, — а

именно тожество Карпат с „прародиною Славянъ“, — как вопрос темный и на вряд ли разъяснимый, относительно второй части (разстоянія от „прародины“) я позволю себѣ усумниться. Вѣдь от Карпат ближе до Адріатическаго или же Балтійскаго моря, нежели до Казани или хотябы даже до Москвы.

На стр. 221 читаем слѣдующую тираду, представляющую окончательный результат „изслѣдованія“ г. К-го:

„Славянскія нарѣчія представляли нѣкогда одну массу, характеръ которой сохраннѣе всего донесся въ языкѣ того народа, который **остался сиднемъ сидѣть** на „черной“ прародинѣ славянства, который на разстояніи многихъ вѣковъ блюлъ свято дѣдину и отчину славянъ, „искони обитателей страны, доселѣ ихъ носящей и питающей“—народа русскаго“ (221).

По поводу этого я позволю себѣ замѣтить слѣдующее: „Сиднем сидѣть“ тридцать лѣт и три года прилично и возможно Ильѣ Муромцу, крестьянскому сыну, но не цѣлому народу, да еще с таким устройством, как не прикованный к почвѣ народ русскій в прежнія времена. Как г. К. клевещет на русскій язык, утверждая, что он вовсе не подвинулся в историческом развитіи от основно-словянскаго состоянія, точно так же он клевещет и оскорбляет русскій народ, приписывая ему неподвижность и „сиднем сидѣніе“ в теченіе болѣе, чѣм тысячи лѣт. Кто же *„колонизовал“* (заселил, передвигаясь с мѣста на мѣсто) восточную Европу, Сибирь, да и в наши дни продолжает это постоянное, безпрерывное движеніе с запада на восток, колонизируя Ташкент и другія вновь пріобрѣтенныя страны? Слѣдовало только справиться с русскою исторіей; в ней г. К. нашел бы опредѣленный отвѣт на этот вопрос, и не возводил бы напраслины на русскій народ.

И так, мы видим, что г. К. для краснаго словца не пожалѣл правды. Но, впрочем, это было бы слишком лестное мнѣніе о г. К-ом. Он сдѣлал это не нарочно, с точки зрѣнія науки является невмѣняемым и, в виду этих смягчающих обстоятельств, заслуживает полнаго снисхожденія.

4) Методу г. К-го, как видно из предшедствующаго, свойственна т. наз. *petitio principii*, свойственны „выводы“, навязанные фактам, а не добытые путем сравненія и индукціи (166, 138, 23, 6—7, 91, 57, 26, 152 и т. д.).

5) В связи с этим г. К-му свойственна крайняя самоувѣренность (32, 33, 51, 48—49, 55—56[1]), 75, 75—76, 77, 115, 140—141, 155 и т. д.).

6) Затѣм, г. К-му свойствен полнѣйшій произвол и „субъективизм". Он сортирует явленія по вкусу, и по вкусу же ставит их во взаимную генетическую связь, попадая при этом в разительныя противорѣчія (29, 57, 125, 140, 149, 152, 178, 198, 210, 93, 94, 107—108, 110, 140, 111, 216 и др.).

Так, между прочим, стсл.-ое однообразіе (влѫкъ, жлѫтъ, блъха, слъза (?) и т. п.) позже русскаго разнообразія (*волк, желт (?), блоха, слеза* и т. п.), но русское однообразіе (*волк, полный, полк, желтый, долгий* и т. п.) старше польскаго разнообразія (*wilk, pełny, półk, żółty, długi* и т. п.).

7) Г. К. прибѣгает весьма охотно к так называемому „*argumentum ad hominem*" (112, 121, 152, 161 и т. д.).

Логика г. К-го, проходящая через всѣ его выводы и соображенія, отличается слѣдующими свойствами, изобличающими собственно полное отсутствіе логики:

1) Г. К. не соблюдает перваго условія логическаго мышленія, а именно правила *тожества* (*identitas*) и *разности* (*differentia*), состоящаго в том, 1) что *A* остается *A* во всевозможных сочетаніях, не нарушающих его природы, 2) что, если из *A*, вслѣдствіе каких нибудь причин, развивается *B*, то оно, при тѣх же условіях, развивается из *A* всегда, без исключенія. У г. же К-го, смотря по вкусу, 1) *A* может остаться *A* или же, без всяких причин, измѣняться в разныя другія величины, 2) *A* может, при точно тѣх же видоизмѣняющих условіях, переходить то в *B*, то в *C*, то в *D* и т. д. (53, 32, 62, 140, 174, 29, 186, 198, 90, 7—8, 35, 37, 39, 40, 41, 41, 43, 44, 44—45 и т. д. и т. д.).

2) Объясняя извѣстныя явленія с помощью форм гипотетических, необходимо соблюдать условіе, чтобы эти гипотетическія формы не скрещивались и не смѣшивались с формами явленій разнородных. Послѣ полнаго смѣшенія не возможно допускать простое воскресеніе прежних различій. — Это условіе не соблюдается г. К-м.

3) Если имѣются (существуют) рядом два сходныя, родственныя явленія, x и y, заставляющія предполагать между ними генетическую связь, основанную на их общем происхожденіи, то естественнѣе всего заключать, что оба эти явленія представляют разнообразныя видоизмѣненія чего то третьяго, как их общаго источника, впослѣдствіи исчезнувшаго, или скорѣе продолжающаго существовать в своих разнообразных потомках. Таким только образом можно объяснять себѣ родство форм органических, родство языков, родство слов и т. д. У г. же К-го совсѣм иначе. Имѣя два родственныя явленія, x и y, он произвольно, смотря по вкусу, выводит или x из y, или же y из x, и совершенно обходится без гипотетическаго третьяго, z (48 и др., 52—53, 65 и т. д.). На этом основаны всѣ умозаключенія г. К-го. Между прочим, подтрунивая над тѣми, по мнѣнію кого „Авраамъ роди Исаака — серб роди руса“ (52), именно г. К. постоянно твердит, что Рус „роди“ всѣх Словян.

4) Г. К. не имѣет вовсе чутья для логических противорѣчій. Ему ничего не стоит сказать об извѣстном предметѣ раз, что он черный, другой раз, что он бѣлый.

5) Довольно часто можно встрѣтить у г. К-го так называемое *hysteron proteron*, или русским термином, *шиворот на выворот* (40 и др., 93 и др., 101 и др., 138 и др.).

6) Конечно, не в меньшей мѣрѣ отличается г. К. и по части силлогизмов. Умозаключенія его образцовы в ироническом смыслѣ этого слова (149—150, 150, 39 и т. д., 49, 54, 60, 78, 78[4]), 86, 90, 92—93, 112, 118—119, 121—122, 125, 128, 135, 143[1]), 152—153, 156, 156—157, 159, 160, 164[1]), 171, 21 и т. д.). Читая книгу г. К-го, почти на каждой страницѣ можно наслаждаться подобными логическими прелестями. — Как главный отдѣл сочиненія, о „плавныхъ сочетаніяхъ: конс + л, р + ъ — к + конс“, так и предшествующіе ему экскурсы (введеніе, о ъ, о t, $d + j$ и т. д.) построены на курьезных силлогизмах и умозаключеніях, напоминающих знаменитое: „baculus stat in angulo, ergo pluit“.

Курьезные выводы о *tj* и *dj* находятся на стр. 39, 35, 37, 40, 41, 43, 44, 44—45, 45, 45[3]), 46, 47—48[4]), 51, 56, 57, 58, 59, 60, 55, 63, 64.

Больше всего же можно наслаждаться силлогизмами и вообще умозаключеніями г. К-го при разборѣ „плавныхъ со-

четаній“, изслѣдованію которыхъ посвящено главнымъ образомъ его сочиненіе. Здѣсь почти сколько строкъ, столько безсмыслиц и вообще логическихъ неожиданностей (71, 72, 76, 76—77, 88, 89, 90, 91, 93, 101, 104, 124, 125, 128, 131, 132, 138, 145, 192, 195, 197, 198, 154, 79—80, 146, 126, 109, 125, 58, 123[1]) и т. д. и т. д.). На различіе, напримѣръ, польскихъ *wilk*, — *pełna*, — *tłusty*, — *czółno*, — *czarny*, — *wirzch*, *wirzba*, — *ciarki*, *ciernie* и т. п., на поразительное совпаденіе поль. *milczéć*, *wilk* с резьянскими *mŭčat*, *ûk*, в противоположность поль. *długi*, *pełny* и т. п. — рез. *dolgi*, *polni* и т. п. (Бод.-де-Курт. „Опыт фонетики резьян. гов.“ §§ 147—149), на постоянное, выдержанное написаніе стсл.-их памятников „паннонской“ рецензіи (вльк-, млъчж, плън...), на совпаденіе с этими словами литовских vilkas, pilnas и т. п., и т. д. и т. д. г. К. не обращает ни малѣйшаго вниманія. Все рѣшают какіе-то ни с того, ни с сего появляющіеся *dei ex machina*, сообразно со вкусом и ежеминутным расположеніем духа почтеннаго автора, не останавливающагося ни перед какою натяжкой, ни перед какой подтасовкою фактов. Нечего и говорить при этом о поверхности взгляда, о незнаніи фактов, о попраніи правил простѣйшей логики и здраваго смысла.

— Силлогизм „baculus stat in angulo, *ergo* pluit“ напоминают, между прочим, тѣ мѣста книги г. К-го, гдѣ он рѣшает извѣстные вопросы простым *большинством голосов*, „давленіемъ всей массы славянскихъ языковъ“ и т. п. Если извѣстное явленіе языка встрѣчается в такой то формѣ у большинства Словян, то оно, по мнѣнію г. К-го, *eo ipso* в этой формѣ древнѣе, нежели соотвѣтствующее ему явленіе в нарѣчіях меньшинства (48, 53, 66, 72, 72—73, 97, 103, 90, 140, 149, 161, 176 и т. д.).

С помощью отчасти наивных и неумѣлых, отчасти же недобросовѣстных сопоставленій, с помощью смѣшенія (неразличенія) вещей различных и различенія (раздѣленія) тожественных г. К., точно фокусник, выводит все из всего, и таким образом вводит ужаснѣйшій хаос в свое изложеніе (82, 79—80, 79, 80, 138, 139, 155—156 и т. д.). Для г.

К-го нѣтъ ничего невозможнаго (139, 100, 143, 176, 177, 178, 188—189, 209, 199—200, 130, 220 и т. д.).

Г. К. не понимаетъ вовсе спеціальныхъ условій, при которыхъ извѣстное явленіе измѣняется иначе, нежели обыкновенно.

Такъ напримѣръ, онъ не понимаетъ различія измѣненій звуковъ въ независимомъ положеніи отъ измѣненій подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ (57, 44, 45, 36, 47, 53, 55, 57, 61, 40, 41, 46, 87, 102, 103, 103[3]), 133, 139 и т. д.).

Затѣмъ, онъ, вслѣдствіе незнанія, не принимаетъ вовсе во вниманіе дѣйствія народнаго словопроизводства и аналогіи (85, 79, 84, 86, 18, 18[1]), 18—19, 21—22[1]), 22, 24, 24—25, 25—26, 43, 76, 84, 126, 142, 149, 200, 204, 205, 207, 208—209, 211, 213—214, 215 и т. д.).

Затѣмъ, см. стр. 157, 110 и т. д.

Для г. К-го не существуютъ вовсе требованія географіи и хронологіи. Онъ никогда не задается вопросомъ: гдѣ? когда? Какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ сочиненіе г. К-го носитъ на себѣ печать полнаго произвола и представляетъ хаосъ безъ всякаго порядка (29, 18, 18—19, 24, 24—25, 25, 29, 40, 45 (44—45), 70, 92, 98, 110—111, 136, 19, 204—205, 189, 135[1]), 41—42, 121, 196 и т. д.).

Русскіе звуковые законы переносятся безцеремонно въ другія словянскія нарѣчія (145, 186, 188, 189, 190, 195 и т. д.).

Новыя, вторичныя явленія ставятся на одну доску съ древними (37 и др.).

Для подтвержденія своихъ положеній, г. К. приводитъ явленія, вырванныя изъ общей связи со строеніемъ языка, которому они свойственны, лишая ихъ такимъ образомъ почвы, разсматриваетъ отдѣльныя явленія въ отвлеченіи отъ всего строя и состава даннаго языка, нарѣчія и говора, даже, по видимому, вовсе этого строя и состава не понимая (35, 67, 216, 213 и т. д.).

При заимствованныхъ словахъ не принимаются совершенно во вниманіе особенности языка заимствующаго (62 и др.).

III.

И с внѣшней стороны книга г. К-го представляет труд неряшливый, нестарательный.

О цитатах г. К-го было сказано выше.

Язык и слог г. К-го далеко не привлекательны, и отличаются многословіем, фразерством, высокопарностью, набором ничего не значащих слов (I, II, III, III, 1—2, 16, 17, 21, 26, 49—50, 53, 120, 216, 140, 222, 221, 104, 159, 135[1]), 37, 39, 65, 75, 84, 107, 192, 11, 66, 66, 85, 85, 124, 124, 4, 43, 184 и т. д.).

Живописныя выраженія не у мѣста и отчасти неприличныя: 9, 9, 10[1]), 10, 11 и т. д. и т. д. Неумѣстныя похвалы и epitheta ornantia: 4, 10, 12, 5 и т. д.

Примѣры иногда даже просто неправильнаго языка: 27, 27, 28, 29, 72—73, 73, 78, 88, 88[2]), 111, 111, 115, 190, 42[2]), 69, 69—70, 72, 77[1]), 76, 89[2]), 107, 108[2]), 135, 149, 154, 169, 171, 183, 210, 32, 87, 90, 91, 105, 105, 125, 138, 140, 152, 156, 157, 160[1]), 180, 160[1]), 53, 92, 195, 134 и т. д.

Своеобразныя выраженія: 30, 67, 69, 85, 95, 130, 141, 169, 170, 90, 83, 153 и т. д.

Как будто-бы полонизмы: 164 (ср. 170), 181, 221 и т. д.

Германизмы и галлицизмы: 5, 41, 83 и т. д.

Г. К. ругает факты (25, 106[1]) и др.).

Наивности: III, 138, 138, 21 и т. д.

Мѣста непонятныя: III, 1, 16, 27, 27, 29, 39, 39, 53 сн., 73 св., 78[4]), 84, 84, 161, 202, 213, 217, 121[1]), 121, 123, 126, 126, 20, 127, 129, 160[1]) и т. д.—Особенно наивно и непонятно **160**[1]): „Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываю на тотъ печальный фактъ въ нашей наукѣ, то“ (!) „такіе серьезные труды, какъ труды скромнаго чешскаго гимназическаго учителя, Маценауера, прошли незамѣченными: о немъ ни у Гейтлера, ни у Шмидта, ни у Ягича, и авторъ остался незамѣченнымъ, въ тѣни, **не смотря на то, что были въ жизни славянъ моменты, когда на него должно было обратить вниманіе**“ (?!).

Знаки непонятные: + =(105): „поморцевъ, полабцевъ и верхнихъ лужичанъ (+ славяне Саксоніи вообще = мильчане)“.

Неточности выраженія: 15, 165, 178, 64, 119, 151 сн. и т. д.; 120, 139, 169, 184, 105 и т. д.

Выраженіе на стр. 176 (строка 11—10 сн.) может наводить на мысль, что у каждой группы нарѣчій есть свой русскій язык.

Терминологія, принятая г. К-им, имѣет тоже свои странности. Отчасти г. К. выдумывает своеобразныя названія, — в чем еще не особенная бѣда, — отчасти же,— что гораздо важнѣе, — совершенно превратно понимает ходячіе обыкновенные термины и выраженія (32, 34, 34, 54, 37, 25, 52, 75, 51, 67, 127, 144, 150, 150, 40, 189, 8, 10 123, 177 и т. д.).

Почему г. К. называет *Зографское* Евангеліе „Зоографскимъ"? (151, 214, 215 и др.). Неуж то для уподобленія к *зоологіи, зоотоміи* и т. п.?

Что это за народ „слабо-сербы"? (51).

Невѣрный перевод с нѣмецкаго: 9—10[1], 12[2] и т. д.

Знаки препинанія поставлены небрежно. Вообще же интерпункція своеобразная, не особенно лестно свидѣтельствующая о логикѣ автора и во всяком случаѣ не удовлетворяющая требованіям § 67 „Правил об испытаніях зрѣлости" (12, 134—135, 143, 204 и т. д. и т. д.).

Нестарательность г. К-го выражается еще тѣм, что опечаток в его книгѣ пропасть, а между тѣм вовсе не приложен их список.

Хотя сочиненія прежних русских филологов и лингвистов со стороны содержанія очень часто не соотвѣтствовали современному положенію науки, все же таки они старались выражаться ясно и вообще были грамотны. В послѣднее же время появились в Россіи „филологи" и „лингвисты", удостоиваемые даже высших ученых степеней, но при всем этом не обращающіе вниманія на подобныя мелочи и не считающіе своей безграмотности существенным недостатком. В этой дружинѣ удалых молодцов науки г. К. занимает весьма почетное мѣсто.

IV.

Разсмотрѣв недостатки книги г. К-го, остановимся теперь на ея достоинствах. Достоинства эти сводятся к слѣдующим пунктам:

1) Г. К. довольно много, если не читал, то по крайней мѣрѣ просматривал, но, к сожалѣнію, просматривал поверхностно, безтолково и безкритично. Поэтому он весьма неосновательно знаком с работами других. Свои свѣдѣнія о нѣкоторых ученых он почерпал не из сочиненій этих ученых, но из третьих рук. Вся эрудиція г. К-го только на показ.

2) Есть в книгѣ г. К-го нѣсколько болѣе или менѣе мѣтких замѣчаній и предположеній, например, о вліяніи польскаго языка на малорусскій (76[2]), сообщаются довольно интересныя данныя о правописаніи чешских рукописей (113—114) и т. п.

Затѣм, заслугу г. К-го составляет собраніе нижнелужицких примѣров (напр. 101—103), хотя тоже не совсѣм критическое.

V.

Резюмируя все сказанное о недостатках и достоинствах книги г. К-го, мы должны констатировать *громадный перевѣс на сторонѣ недостатков.*

К этому можно прибавить еще слѣдующее:

1) Г. К. взялся за работу без достаточной подготовки и слишком торопился.

2) Подобнаго рода специяльныя изслѣдованія, основанныя на обособленных, отдѣльных фактах, могут только тогда принести какую нибудь пользу, когда они совершены всесторонне, по всѣм правилам научнаго метода, в связи с цѣлым строем языков, в которых эти факты замѣчены. Но какое может имѣть значеніе пересаживаніе с грядки на грядку на обум, на скоро подмѣченных явленій и усердное повтореніе одних и тѣх же, ничѣм не доказанных, общих положеній?

3) Точно к такому же „результату“ можно было прійти без всяких изслѣдованій, обладая только храбростью из категоріи „audaces fortuna juvat“ и своеобразною благонамѣренностью.

4) Бойкость и самоувѣренность не могут замѣнить строго научной сообразительности.

5) Такой метод, как г. К-го, возвращает языковѣдѣніе к тѣм блаженным временам, когда можно было, „mutata li-

tera *x* in *y*", выводить все из всего, смотря по вкусу и по обстоятельствам. А такой метод дѣлает невозможною какую бы то ни было науку.

6) Можно бы подумать, что г. К. хотѣл подшутить над здравым смыслом, еслиб в его сочиненiи не было громадной доли ученой наивности.

Теперь спрашивается: „въ какой мѣрѣ сочиненiе" г. К-го „способствуетъ къ *полному познанiю* избраннаго авторомъ *предмета?*". В отвѣт на это можно замѣтить:

Г. К. надѣл русскiя очки, окрашивающiя под русскiй цвѣт явленiя всѣх остальных словянских нарѣчiй. Специальныя отношенiя в отдѣльных нарѣчiях вовсе не разсмотрѣны и не опредѣлены. Слѣдовательно, сочиненiе г. К-го вовсе не способствует к полному познанiю избраннаго им предмета.

„*Соотвѣтствуетъ-ли*" сочиненiе г. К-го „*современнымъ требованiямъ науки и критики?*".

Отвѣт: Из предшествующаго видно, что сочиненiе г. К-го не только современным, но каким бы то ни было серьезным требованiям науки и критики не соотвѣтствует.

В связи с этим находится вопрос: на сколько ново содержанiе книги г. К-го, и на сколько автор самостоятелен?

Г. К. взял главное из Schmidt'a (Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus. II. Weimar 1875), обыкновенно не понимая, в чем дѣло, и по большей части испортив его (Schmidt'a) изложенiе. Самостоятельно же г. К. разукрасил свое сочиненiе цитатами, большею частью совершенно лишними и не нужными, а довольно часто вовсе не подходящими. Другими словами: Сочиненiе г. К-го есть, по существу дѣла, по идеѣ, ничто иное, как травестацiя частички названнаго труда Johannes'a Schmidta, есть неумѣлая компиляцiя, распространенная самостоятельно некритически подобранными примѣрами.

Было бы несравненно больше пользы, еслиб г. К. добросовѣстно сопоставил слова, подходящiя под избранную им фонетическую категорiю, и опредѣлил эмпирически случаи появленiя разных форм. А так вышел просто хаос и безполезная путаница.

Г. К. наивно замѣчает в предисловіи (стр. II): „Вопросъ о родствѣ членовъ славянской семьи, точнѣе, вопросъ о пониманіи этого родства, безспорно, кардинальный въ наукѣ славяновѣдѣнія, въ одно и тоже время и весьма старый, и весьма новый. Позади его уже цѣлое столѣтіе, а *подвинулся онъ на шагъ. Если, послѣ моего изслѣдованія, можно будетъ сказать* — **онъ подвинулся на два** — я достигъ своей цѣли“ (II).

Говорят, что хорошее мнѣніе о самом себѣ составляет половину счастья, и это несомнѣнно. К сожалѣнію, мы не станем раздѣлять только что приведеннаго лестнаго мнѣнія г. К-го о достоинствах и заслугах его труда. Я, правда, не много смыслю в шагистикѣ науки; но все таки позволю себѣ замѣтить, что книги в родѣ сочиненія г. К-го нетолько не подвигают научных вопросов ни на один волосок, но всегда являются тормазом для науки и, как научный тормаз, онѣ положительно вредны.

Наконец, поставим вопрос: „*дѣйствительно ли русской ученой литературѣ не доставало подобнаго творенія?*“

Отвѣт: Мы уже видѣли, что, в отношеніи к общей научно-лингвистической литературѣ, сочиненіе г. К-го является неумѣлою компиляцією. На спеціальной же почвѣ русской ученой литературы уже 30 лѣт тому назад Максимович в „Начатках русской филологіи“ писал о том же предметѣ гораздо лучше, ибо короче, яснѣе и толковѣе, — не говоря о болѣе поздних трудах П. А. Лавровскаго, А. А. Потебни и др.

Заключеніе.

С какой стороны ни подходи к сочиненію г. Кочубинскаго, получается всегда один и тот же отвѣт:

Сочиненіе г. Кочубинскаго для спеціалистов не представляет ничего новаго, для начинающих же оно положительно вредно и могло бы служить для них развѣ только образцом в отрицательном смыслѣ. Вслѣдствіе сего оно является научным тормазом, который лучше всего считать совершенно несуществующим, не теряя времени на углубленіе в украшающія его частныя прелести. При изслѣдованіи вопросов, которых книга г. Кочубинскаго будто бы

касается, можно с чистою совьстью оставлять ее совершенно без вниманія.

И. Бодуэн-де-Куртенэ.
(J. Baudouin de Courtenay).

Казань, Вишнев, Варшава и Радом,
іюнь, іюль и август.
1878 г.

Уже написав разбор I-го тома сочиненія г. Кочубинскаго, я ознакомился с 1-м выпуском его II-го тома п. з.

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій.

Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + ʌ, ρ + ꙁ — ь + *конс.* Изслѣдованіе А. *Кочубинскаго*, экстра-ординарнаго профессора императорскаго новороссійскаго университета. Томъ II. Выпускъ 1. Одесса. etc. 1878.

Здѣсь автор „привлекаетъ каждое нарѣчіе къ допросу" (стр. 14), чтобы, подтасовывая явленія „послѣдовательности ор — рꙁ" в области „плавныхъ сочетаній: конс. + р + ꙁ — ь + конс." (стр. 1), произвести точно так же, как и в I-м томѣ, безпардонную руссификацію всѣх нерусских нарѣчій словянских.

Этот выпуск ни в чем не уступает I-му тому, отличаясь тѣми же недостатками и, если угодно, даже тѣми же достоинствами.

Из предисловія узнаем, между прочим, что разобранное мною сочиненіе г. К-го есть его **докторская диссертація**, и затѣм, что „положеніе захолустнаго слависта имѣет свои условія". Оканчивается же предисловіе слѣдующим словоизверженіем:

„Да простятъ мнѣ шероховатость, жесткость мѣстами моего слова: тамъ" (гдѣ?) „говорило невольное чувство".

В самом сочиненіи в числѣ других курьезов читаем:

1) что Миклошич принадлежит к числу „ученыхъ фельетонистовъ" и что „изреченія мудрецовъ" (т. е. именно Миклошича) „будутъ занесены въ патологическій лексиконъ науки" (45);

2) что „земляки“ г. К-го „не видятъ умаленія „государевой чести“ въ сохраненіи *иностраннаго термина*: Ignatius напр. для нихъ Игнатій, а не Ватрославъ . . .“ (77[1]).

Не подлежит сомнѣнію, что мой разбор книги г. Кочубинскаго многим покажется слишком рѣзким, пожалуй, даже „неприличным“. И в самом дѣлѣ, хотя я сдерживался в выраженіях и избѣгал пустой брани, все же таки старался высказывать свои мнѣнія о недостатках разбираемаго сочиненія без всяких обиняков. Относясь так к одному произведенію, я имѣл в виду общій недуг, которым страдает ученый отдѣл русской литературы.

В русской научной литературѣ, и прежде всего в области наук исторических, филологических и лингвистических, завелась особая порода бравых молодцов, обладающих только храбростью и готовностью говорить и писать о том, чего не понимаеш и не знаеш. Шарлатанство и недобросовѣстность, при полном незнаніи элементов науки, — вот качества, характеризующія эту породу. Многіе из этих господ, рѣшающих в послѣдней инстанціи важнѣйшіе научные вопросы и для интелигентной толпы олицетворяющих собою „послѣднее слово науки“, походят на математиков, которые, не зная первых четырех дѣйствій, принялись бы за самостоятельную обработку и передѣлку высшей математики.

Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносят положительный вред тому, что называется наукою, а между тѣм они получают ученыя степени магистров и докторов и, затѣм, преподавательскія мѣста в русских университетах. Самым печальным является при этом факт, что многіе из них поддерживаются не только себѣ подобными, но даже людьми знающими и научно-честными.

В виду этого я считаю долгом всякаго человѣка, дорожащаго успѣхами науки в какой бы то ни было странѣ и в каком бы то ни было государствѣ, и имѣющаго случай высказаться, относиться безпощадно к подобным проявленіям научнаго „ташкентства“. Конечно, в данную минуту это не может имѣть практическаго значенія и зла не устранит. Но, по крайней мѣрѣ, не скажут, что тот или другой, имѣя возможность протестовать, не протестовал и не отличил клеймом шарлатанства того, что подобнаго клейма вполнѣ заслуживает.

Впрочем, справедливость требует замѣтить, что авторы, выпускающіе в свѣт жалкіе плоды своего невѣжества и шарлатанства, находят себѣ поддержку с той стороны, с которой меньше всего слѣдовало бы ожидать этого.

В историко-филологических факультетах нѣкоторых русских университетов завелся и продолжает господствовать пагубный обычай, при оцѣнкѣ магистерских и докторских диссертацій обращать вниманіе главным образом на количество, а не на качество. Достаточно, чтобы ищущій ученой степени представил толстую и „жирную" книгу. Не спрашивают же вовсе, обработал ли он хоть один вопрос в самом дѣлѣ *самостоятельно*. А знаніе элементов науки — это уж такая пустячная мелочь, что об ней даже и упоминать не стоит. Мало того, нѣкоторые из офиціальных ученых высказывают явное презрѣніе к положительным познаніям и в требованіи их от студента или от магистранта видят униженіе университетскаго образованія и низведеніе его на уровень гимназіи.

Необходимым слѣдствіем того, что все вниманіе оцѣнивающих научныя диссертаціи сосредоточивается не на качествѣ, а на объемѣ этих послѣдних, является разжиженіе мыслей и многословіе.

У оцѣнивающих толстыя диссертаціи нѣт ни времени, ни охоты читать их со вниманіем. Они обыкновенно слегка их просматривают, но за то любуются их импонирующим объемом и вѣсом иногда в нѣсколько фунтов.

При таких требованіях магистранты и докторанты добросовѣстные хотят удивить свѣт чѣм то небывалым, колоссальным, чѣм то, долженствующим произвести переворот в наукѣ, и, конечно, не смотря на всѣ усилія, не успѣвают в этом. Для недобросовѣстных же дѣло полученія ученой степени значительно облегчается. Написать много гораздо легче, нежели мало, но толково и самостоятельно. Один из профессоров, кажется, Петербургскаго университета весьма мѣтко спросил кого то, желавшаго удивить его объемистою диссертаціей: „развѣ у вас не было времени написать поменьше?"

Но, как добросовѣстные, так и недобросовѣстные, состряпав книгу, именуемую докторскою диссертаціей, слишком часто считают священным долгом своим почить на лаврах и работать по возможности меньше. У добросовѣстных,

кромѣ громаднаго утомленія и потребности отдохнуть, отбиваетъ охоту к дальнѣйшим занятіям то обстоятельство, что, пиша столько, они, при самом искреннем желаніи, не были в состояніи обдумывать все, как слѣдует, не были в состояніи работать строго методически, и терялись в хаосѣ фактических мелочей и эрудиціи.

С другой стороны, кто сочиняя на скорую руку толстыя книги, слегка проскользнул по дорогѣ, ведущей к ученым степеням и почестям, а, сдѣлавшись доктором и профессором, вздумал дальше заниматься, тот, конечно, может заниматься только так, как при составленіи диссертацій, т. е. поверхностно и недобросовѣстно. Подобнаго рода раз заведенная привычка относиться к своим трудам остается почти на всегда, и почти невозможно от нея отдѣлаться.

Почтенные библіофилы, глядя на толстые компиляціонные плоды шарлатанства, радуются увеличенію отечественной литературы. Правда, она увеличивается, но как? Увеличивается научный сор, увеличивается тормаз для будущих изслѣдователей, а за то затрудняется доступ новым открытіям, новым идеям.

Поэтому прежде всего слѣдует вывести обычай приносить в жертву Молоху эрудиціи и компиляціи настоящую науку, которую в подобнаго рода сочиненіях подавляют или шарлатанство, или же „ученость“.

J. B. de C.

Казань, декабрь 1878 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

существованіи которыхъ уголовный законъ опредѣляетъ наказаніе болѣе высокое, чѣмъ при неосложненномъ, слѣдовательно, обыкновенномъ „тяжеломъ разстройствѣ здоровья“ (schweren körperlichen Beschädigung).

Эти обстоятельства для краткости мы обозначаемъ какъ отягчающія.

Тяжелое разстройство здоровья (die schwere körperliche Beschädigung).

По § 152, *тяжелое разстройство здоровья* (schweren körperlichen Beschädigung) осуществится, если изъ поступка, предпринятаго противъ человѣка съ враждебной цѣлію, произойдетъ: a) разстройство здоровья или неспособность къ исполненію своихъ обязанностей въ теченіи, покрайней мѣрѣ, двадцати дней; b) разстройство мозговаго отправленія (Geisteszerrüttung) и c) тяжелое повреждение.

A. d. a) *Разстройство здоровья или неспособность отправленія своихъ обязанностей въ теченіи, покрайней мѣрѣ, двадцати дней.* Уголовное понятіе о разстройствѣ здоровья ничуть не идентично съ продолжительностію леченія. Такъ какъ по законодательству разстройство здоровья отдѣляется отъ неспособности къ исполненію обязанностей, а послѣднее безъ существованія органическаго измѣненія не допускается, поэтому, если законодатель подъ разстройствомъ здоровья понималъ бы продолжительность леченія, то специальное введеніе названія „неспособность къ исполненію обязанностей“ рядомъ съ разстройствомъ здоровья было бы совершенно излишне (*). Изъ этого слѣдуетъ, что разстройство здоровья должно принимать идентичнымъ съ болѣзнію, съ разстройствомъ общаго состоянія организма, какъ это бываетъ при лихорадкѣ, недомоганіи, боли и проч., тогда какъ въ противномъ случаѣ, незначительное повреждение, какъ напр. простой кровоподтекъ, исчезающій часто болѣе чѣмъ въ 20 дней, долженъ бы считаться разстройствомъ здоровья, что, конечно, противорѣчило бы, какъ цѣлямъ закона, такъ и обыкновенному понятію „разстройство здоровья“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ часто встрѣчается, что повидимому незначительное поврежденіе, протекающее безъ болѣзни, въ продолженіи своего существованія связано съ неспособностью къ исполненію обязанностей, какъ напр. извѣстныя поврежденія пальцевъ у лицъ, занимающихся тонкой ручной работой (портные, писцы, скрипачи и проч.)

(*) *Herbst*, Commentar, p. 317.

Подъ „*неспособностію къ занятіямъ*" слѣдуетъ понимать неспособность къ тому роду работы, которому данный субъектъ обучался и которымъ до сего времени исключительно занимался для заработковъ.—Поэтому неспособность къ занятіямъ не есть неспособность къ работѣ вообще, но только къ спеціальной работѣ, которая будетъ различна, смотря по должности и прежнимъ занятіямъ индивидуума „(Travail personnel" du Code Napoléon).

Изъ этого слѣдуетъ, что, если является вопросъ о неспособности субъекта къ занятіямъ, то въ данномъ случаѣ необходимо принимать во вниманіе: съ одной стороны родъ его занятія, и необходимые для этого органы или члены, съ другой-взвѣшивать, дѣйствительно ли данное поврежденіе таково, что оно вполнѣ препятствуетъ къ употребленію того или другаго органа или члена, или же затрудняетъ такимъ образомъ, что данная работа не можетъ исполняться съ необходимою силою и продолжительностію. Вслѣдствіе сего получается абсолютная или только относительная неспособность къ занятіямъ; но изъ смысла закона нельзя заключить, имѣетъ ли онъ въ виду только первую, или также и вторую; обстоятельство уже a priori затрудняющее обсужденіе такого рода случаевъ. Но несмотря на это, судебный врачъ не долженъ объяснять всякое существенное затрудненіе въ исполненіи данной работы абсолютною неспособностію къ занятіямъ, потому что развѣ не можетъ случиться, что индивидуумъ еще въ состояніи какъ нибудь, съ напряженіемъ и съ большимъ трудомъ, исполнять свои обязанности, а потому абсолютная неспособность къ занятіямъ относительно рѣдко должна быть допускаема. Въ менѣе трудныхъ случаяхъ не остается ничего другаго, какъ только выяснить судьѣ, въ какой степени нанесенъ вредъ неспособностію къ занятіямъ, предоставивъ ему такимъ образомъ указанную неспособность къ занятіямъ принимать въ смыслѣ уголовныхъ законовъ, или же нѣтъ. Такое объясненіе показуется также и при опредѣленіи въ гражданскомъ порядкѣ, по требованію потерпѣвшимъ, значительнаго вознагражденія за время, упущенное для заработковъ (§ 1325 bürg. G. B.).

При опредѣленіи, что разстройство здоровья или неспособность къ занятіямъ должны продлиться, покрайней мѣрѣ, 20 дней, принимаются во вниманіе съ одной стороны чисто юридическія основанія, требующія опредѣленія границы между тяжелымъ и легкимъ разстройствомъ здоровья, (подобно тому какъ разсматривается сначала воровство, а уже потомъ преступленіе, если украденная вещь соотвѣтствуетъ суммѣ, опредѣленной закономъ), съ другой стороны требуется хирургическая опытность въ томъ, что поврежденіе, которому дается въ данномъ случаѣ опредѣленное значеніе, требуетъ именно около 3-хъ недѣль для своего излеченія

или прекращенія неспособности къ занятіямъ, происшедшихъ вслѣдствіе этого поврежденія.

Разстройство мозговаго отправленія (Geisteszerrüttung).

Ad. b) Въ § 152 законъ имѣетъ въ виду только преходящую душевную болѣзнь (Geisteskrankheit) а въ § 156 исключительно упоминается о разстройствѣ мозговаго отправленія (Geisteszerrüttung) безъ вѣроятности излеченія, какъ особенно тяжеломъ послѣдствіи поврежденія. Но не смотря на это, оба рода мозговыхъ разстройствъ (Geisteszerrüttung) мы будемъ разсматривать вмѣстѣ.

Ясно, что юридическое выраженіе „разстройство мозговаго отправленія" (Geisteszerrüttung) не иначе можетъ быть принято, какъ только въ смыслѣ душевной болѣзни, (Geisteskrankheit), поэтому подъ этимъ нельзя понимать только преходящее разстройство сознанія, безпамятство и т. под., встрѣчающіяся послѣ многихъ поврежденій, а главное отнюдь не всегда послѣ поврежденій мозга, но душевная болѣзнь (Geisteskrankheit) въ тѣсномъ смыслѣ, которая остается по истеченіи острыхъ симптомовъ поврежденія или какъ непосредственное послѣдствіе его, или же какъ послѣдствіе, развившееся потомъ.

Умопомѣшательство можетъ встрѣчаться не только послѣ поврежденій головы, но и послѣ поврежденій отдаленныхъ органовъ и даже вслѣдствіе психическаго оскорбленія, связаннаго съ дурнымъ обращеніемъ.

Что поврежденія головы (мозга) нерѣдко даютъ поводъ къ происхожденію умопомѣшательства — фактъ общепризнанный. *Schlager* (*) нашелъ между 500 помѣшанными 49, у которыхъ развитіе психоза безъ сомнѣнія, находилось въ тѣсной связи съ бывшимъ поврежденіемъ головы. Умопомѣшательство также можетъ развиться непосредственно послѣ поврежденія и въ такомъ случаѣ по *Krafft-Ebing*'у (**) безъ исключенія происходитъ первичное слабоуміе. Такіе случаи почти всѣ безъ исключенія очень трудны, обыкновенно неизлечимы и не представляютъ никакого затрудненія къ обсужденію, потому что причинная связь между поврежденіемъ и психозомъ представляется ясною и не можетъ приводить въ сомнѣніе.

Большую трудность для обсужденія представляетъ умопомѣшательство, развившееся въ послѣдствіи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что между поврежденіемъ головы и, какъ пе-

(*) Zeitschrift der k. k. Gesellsch. d. Aerzte in Wien, 1857, p. 454.

(**) Vierteljahrsschrift f. ger. Med. 1874. XXI. 56.

посредственнымъ его слѣдствіемъ, началомъ душевной болѣзни наблюдается промежутокъ времени рѣдко совершенно свободный отъ симптомовъ, въ продолженіи котораго начальныя разстройства въ отправленіяхъ мозга уже дѣлаются замѣтными и могутъ имѣть значеніе предвѣстниковъ. Какъ предвѣстники *Schlager*'омъ и *Krafft-Ebing*'омъ принимаются: разстройство чувствительности, (гиперестизія глазъ, звонъ въ ушахъ, глухота), головокруженіе, головныя боли, наклонность къ мозговымъ приливамъ, неперено-симость алкоголя, существованіе параличей и анестезій или даже распространеніе ихъ, какъ признаковъ травмою обусловленнаго заболѣванія мозга, продолженіе или временное наступленіе апоплектическихъ приступовъ, а въ психическомъ отношеніи слабость памяти, быстрое душевное утомленіе, измѣнчивость расположенія духа и характера поврежденнаго.

Послѣдніе симптомы, именно прогрессивное ихъ наступленіе, слѣдуетъ особенно замѣчать и существованіе ихъ выступитъ еще яснѣе, если сравнить состояніе духа и характера индивидуума до и послѣ поврежденія головы.

Продолжительность этого періода предвѣстниковъ можетъ простираться недѣли и мѣсяцы. По наблюденіямъ *Schlager*'а въ 19 случаяхъ психическое заболѣваніе развилось въ продолженіе года, а въ 4-хъ по прошествіи болѣе 10 лѣтъ. Не всегда тяжелыя поврежденія головы могутъ повлечь за собою умопомѣшательство, однако поврежденіе костей черепа дѣлаетъ вѣроятность послѣдующаго психическаго разстройства гораздо большею, чѣмъ одно только поврежденіе мягкихъ частей. (*Griesinger*: Psychische Krankheiten 3. Aufl. 1871 page 182).

Большую важность представляетъ въ судебномъ отношеніи тотъ фактъ, что психозы могутъ развиваться также и послѣ периферическихъ поврежденій. Они являются иногда послѣ относительно незначительныхъ поврежденій, а именно вслѣдствіе того, что образовавшійся послѣ нихъ рубецъ раздражаетъ периферическія нервныя окончанія. Такіе психозы принадлежатъ къ категоріи рефлекторныхъ разстройствъ, подобно много разъ наблюдавшейся „периферической эпилепсіи". Рядъ этого рода случаевъ былъ собранъ уже *Griesinger*'омъ (Z. c. 183), и имъ же высказано мнѣніе, что многія наружныя раны головы ведутъ только подобнымъ образомъ къ появленію психозовъ. Новыя такого рода наблюденія описаны *Köppe*'мъ и *Wendt*'омъ (Virchow's Jahrb. 1874. II. 104). Наблюдались меланхолическія и восторженныя состоянія; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно въ случаѣ описанномъ *Wendt*'омъ (огнестрѣльное поврежденіе мягкихъ частей черепа) психическое разстройство наступало періодически, на подобіе припадковъ, и имѣло черезъ это ясный эпи-

лептическій характеръ, наблюденіе, имѣющее весьма важное значеніе для распознаванія и обсужденія такого рода случаевъ.

Во многихъ другихъ случаяхъ, не столько самое повреждепіе даетъ поводъ къ образованію психоза, сколько связанное съ его нанесеніемъ психическое оскорбленіе. Что страхъ и испугъ могутъ производить психозы—фактъ общепризнанный, тѣмъ болѣе, если къ такого рода душевнымъ волненіямъ присоединяется еще и тѣлесное повреждепіе. Такимъ образомъ происшедшія психическія разстройства менѣе касаются мыслительной способности, чѣмъ расположенія духа и часто комбинируются съ истерическими и эпилептическими припадками. Замѣчательно, что разстройства въ такихъ случаяхъ наступаютъ непосредственно за причиною; между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ поводомъ къ душевной болѣзни были значительныя поврежденія мозга, рѣдко выраженныя разстройства появляются обыкновенно только въ послѣдствіи. (*Krafft-Ebing* l. c. 57).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ умопомѣшательство наступаетъ послѣ поврежденія или дурнаго обращенія, необходимо точнѣе разсматривать, нѣтъ ли какихъ нибудь другихъ причинъ къ появленію психоза, т. е. не одно только повреждепіе или дурное обращепіе подало поводъ къ появленію умопомѣшательства, но уже раньше было предрасположеніе къ такимъ заболѣваніямъ. Для этой цѣли необходимо точнѣе собирать анамнезъ и обращать вниманіе на всѣ тѣ моменты, которые или могли подать поводъ къ появленію душевной болѣзни, или обусловливать предрасположеніе къ нимъ.

Такъ какъ законъ, какъ выше упомянуто, различаетъ преходящее душевное разстройство (Geisteszerrüttung) и таковое же безъ вѣроятности излеченія, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо сдѣлать предсказаніе психической болѣзни.

Первичное слабоуміе послѣ тяжелыхъ поврежденій головы, какъ уже упомянуто, почти всегда неизлечимо. Но также и психозы, послѣдовательно наступающіе послѣ поврежденія головы, даютъ очень неблагопріятный прогнозъ.

Почти всѣ случаи, наблюдавшіеся *Schlager*'омъ, оказались неизлечимыми и 7 разъ наблюдался исходъ въ слабоуміе съ параличемъ. Болѣе благопріятный прогнозъ даютъ психозы, происходящіе рефлекторнымъ путемъ послѣ периферическихъ поврежденій; въ особенности слѣдуетъ принимать въ соображеніе констатированный *Köppe* (l. c.) опытъ, что вырѣзываніемъ рубцевъ, которые причиняли раздраженіе на периферическія нервныя окончанія, достигается существенное улучшеніе или даже полное устраненіе психопатическихъ состояній.

Затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нравственное оскорбленіе играло главную роль при происхожденіи психоза, прогнозъ во-

обще неблагопріятенъ, потому что такими психозами поражаются преимущественно лица, у которыхъ съ самаго начала существовало предрасположеніе къ душевнымъ заболѣваніямъ, и кромѣ того такого рода психозы, если однажды былъ данъ поводъ къ ихъ образованію, обыкновенно принимаютъ прогрессивное или даже бурное теченіе. Подобный случай констатируется *Krafft-Ebing*'омъ.

Ad. c) *Тяжелое повреждение.*

Это выраженіе ставитъ судебнаго врача въ затруднительное положеніе и подавало поводъ къ цѣлому ряду различныхъ толкованій. Трудность съ одной стороны истекаетъ изъ обстоятельства, что выраженія „тяжелое разстройство здоровья“ (Schwere Körperliche Beschädigung) и „тяжелое повреждение“ (Schwere Verletzung) въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ имѣютъ одинаковое значеніе, съ другой стороны изъ того, что законъ нигдѣ не опредѣляетъ, что должно понимать подъ выраженіемъ „тяжелое повреждение„ (Schwere Verletzung).

По нашему мнѣнію, это опредѣленіе закона можетъ быть формулировано только такимъ образомъ, что выраженіе „тяжелое разстройство здоровья“ (Schwere Körperliche Beschädigung) обозначаетъ общее понятіе преступленія, предъусмотрѣннаго въ § 152; между тѣмъ, подъ выраженіемъ „тяжелое повреждение“ (Schwere Verletzung) слѣдуетъ понимать повреждение съ чисто врачебной точки зрѣнія, не обращая вниманія на продолжительность произведеннаго имъ разстройства здоровья или неспособности къ занятіямъ.

Хотя врачъ не въ состояніи опредѣлить границу, когда повреждение перестаетъ быть „легкимъ“ и дѣлается „тяжелымъ“ и хотя такое различіе собственно чуждо медицинскаго знанія, но тѣмъ не менѣе различіе это истекаетъ, съ одной стороны, изъ обыкновеннаго понятія, по которому выраженіе „тяжелый“ идентично съ выраженіемъ „важный“, съ другой—изъ смысла § 152 и сравненія понятія „тяжелое повреждение“ съ 20-ти дневнымъ разстройствомъ здоровья и неспособностію къ занятіямъ, а также съ разстройствомъ мозговаго отправленія (Geisteszerrüttung), потому что тяжелыми повреждениями могутъ быть признаны только такія, которыя или оставляютъ послѣ себя важныя послѣдствія, или же производятъ важное, хотя и недолго—продолжающееся разстройство здоровья.

Такъ какъ выраженіе „важный“ равнымъ образомъ не представляетъ точнаго опредѣленія, то, понятно, что индивидуальному представленію каждаго судебнаго врача представляется въ этомъ отношеніи широкое поле, что на практикѣ весьма часто и встрѣчается: повреждения, признанныя однимъ врачемъ за тяжелыя,

другимъ признаются за легкія. Такого рода разногласія, при неопредѣленности закона, неизбѣжны, почему и желательно, чтобы новый проэктъ уголовнаго закона возможно точно опредѣлилъ, что должно понимать подъ выраженіемъ „тяжелое поврежденіе“ (Schwere Verletzung).

Превосходный комментаторъ нашихъ нынѣшнихъ уголовныхъ законовъ, *Herbst* (l. c. 318) думаетъ, что „подъ тяжелымъ поврежденіемъ“ слѣдовало бы понимать такое, которое, касаясь важнаго для жизни органа или цѣлой системы органовъ, производитъ нарушеніе въ ихъ отправленіяхъ, или же влечетъ за собою потерю и негодность къ ихъ употребленію, нарушеніемъ цѣлости необходимой части человѣческаго тѣла. Это опредѣленіе согласуется во второй своей части съ нашимъ, съ первой же частью мы не можемъ быть совершенно согласны, такъ какъ, по нашему мнѣнію, не столько важность пострадавшаго органа обусловливаетъ поврежденія, сколько степень его поврежденія въ отношеніи функціональнаго разстройства. Именно, здѣсь дѣло идетъ прежде всего о рѣшеніи вопроса: какое поврежденіе въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто: легкое или тяжелое—и вопросъ этотъ рѣшается не тѣмъ, какія послѣдствія могло имѣть данное поврежденіе, но какія оно дѣйствительно имѣло; напротивъ того, если въ данномъ случаѣ является вопросъ объ обстоятельствѣ, на которое преимущественно обращается вниманіе въ § 155 лит. а, то и первая возможность должна быть принята въ соображеніе.

Также ясно, что не каждому функціональному разстройству, даже очень важнаго органа, можно приписывать тяжелый характеръ. Такъ напр. при попаданіи песчинки въ глазъ происходитъ непремѣнно функціональное разстройство важнаго органа чувствъ, однако никому не прійдетъ на мысль это принять за тяжелое поврежденіе. Также мы не будемъ принимать каждый обморокъ, каковые часто встрѣчаются, тотчасъ же за тяжелое поврежденіе и также будемъ дѣлать различія между такъ называемыми сотрясеніями мозга, потому что такого рода моментально проходящія функціональныя разстройства конечно только въ низшихъ степеняхъ, могутъ наступать при самыхъ незначительныхъ инсультахъ, какъ, напр., послѣ пощечины.

Въ заключеніе мы можемъ еще замѣтить, что для характеристики тяжелаго поврежденія необходимо принимать во вниманіе не только непосредственно черезъ него происшедшія явленія, къ числу которыхъ принадлежитъ боль во время и послѣ поврежденія, но также и вторичные припадки и даже вызванное необходимостью хирургическое вмѣшательство.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ тяжелый характеръ поврежденія является перѣзко выраженнымъ, совѣтуютъ взвѣшивать: дѣйствительно ли первичныя и вторичныя явленія, вызванныя поврежденіемъ таковы, что ихъ значеніе тотчасъ же можетъ быть оцѣнено, равно какъ и остальныя послѣдствія поврежденія, приведенныя въ § 152, какъ критеріи „тяжелаго разстройства здоровья“ (Schweren Körperlichen Beschädigung), а именно, покрайней мѣрѣ, 20-ти дневная неспособность къ занятіямъ, или мозговое разстройство (Geisteszerrüttung). Сравненіе это способно иногда прежде всего вывести врача изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть поставленъ, благодаря неясности закона.

Отягчающія обстоятельства § 155.

Какъ таковыя обозначаются.

Лит. а.: „Если поврежденіе, хотя само по себѣ и легкое, наносится такимъ орудіемъ или такимъ образомъ, что съ этимъ связывается обыкновенно опасность для жизни, или же доказывается намѣреніе какимъ либо другимъ образомъ произвести одно изъ тяжелыхъ послѣдствій, упоминаемыхъ въ § 152.“

Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что законъ усматриваетъ отягчающее обстоятельство въ томъ, что поврежденіе наносится не только вообще во „враждебномъ“ намѣреніи, но и съ намѣреніемъ произвести одно изъ послѣдствій, упоминаемыхъ въ § 152, считая доказательствомъ этого, между прочимъ, и то обстоятельство, что данное поврежденіе „было нанесено такимъ орудіемъ и такимъ образомъ, что съ этимъ обыкновенно связывается опасность для жизни“.

Въ такого рода случаяхъ дѣло идетъ о рѣшеніи двухъ вопросовъ: во первыхъ, было-ли данное орудіе таково, что съ нимъ связана обыкновенно опасность для жизни, и во вторыхъ, такимъ ли образомъ оно употреблялось, что съ этимъ связывается обыкновенно опасность для жизни.

Что касается перваго вопроса, то здѣсь дѣло идетъ не о томъ—возможно-ли вообще нанести даннымъ орудіемъ опасное для жизни поврежденіе, но о томъ, было-ли орудіе таково, что съ нимъ, *обыкновенно* связывается опасность для жизни; выраженіе это какъ вытекающее изъ смысла вышеупомянутаго опредѣленія, только такимъ образомъ можетъ быть истолковано: обладало ли орудіе такимъ свойствомъ, уже вслѣдствіе котораго можно и должно знать, что употребленіе его противъ человѣка связано съ опасностью для жизни; итакъ, сюда принадлежатъ всѣ ору-

дія, которыя приготовлены собственно для цѣли убійства, слѣдовательно оружіе въ тѣсномъ смыслѣ, къ которому, кромѣ различнаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, относятся такъ наз. "Todtschläger" а также инструменты, которыя хотя и не приготовлены для цѣли убійства, однако такого рода, что могутъ быть употребляемы, какъ опасное орудіе и фактически часто употребляются, какъ напр. складные ножи, топоры и пр.

Но безъ сомнѣнія, сюда должно отнести также орудія всякаго другаго рода, которыя обладаютъ такими свойствами, что каждому благоразумному человѣку должно быть ясно, что съ извѣстнымъ ихъ употребленіемъ связана опасность для жизни.

Такъ мы нисколько не сомнѣвались признать оружіе за такое, съ которымъ обыкновенно связана опасность для жизни, въ одномъ случаѣ, въ которомъ было нанесено тяжелое поврежденіе головы четырехъ гранною желѣзною палкою, длиною 1, 5 м, и толщиною въ 3 ct. Напротивъ того въ другомъ случаѣ, въ которомъ духовное лицо было легко ранено брошеннымъ въ него булыжникомъ вѣсомъ около 2-хъ килом, мы высказали мнѣніе, что этотъ камень не можетъ быть признанъ, обыкновенно опаснымъ для жизни орудіемъ.

Кромѣ того, ножъ и другія остроконечныя орудія не при всѣхъ обстоятельствахъ могутъ быть признаны за орудія «обыкновенно опасныя для жизни». Такъ напр. въ одномъ случаѣ пьяница, приведенный въ рабочій домъ, нанесъ сестрѣ милосердія складнымъ ножомъ уколъ въ лобъ въ видѣ царапины. Этотъ складной ножъ былъ очень старъ и поломанъ. Какъ клинокъ, такъ и рукоятка достигали едва 5 сент. первый въ послѣдней въ высшей степени качался, и кромѣ того былъ совершенно тупъ, и вслѣдствіе долгаго употребленія даже закругленъ на концѣ. Принимая во вниманіе эти свойства, мы высказали что ножъ *этотъ* не такое орудіе, съ употребленіемъ котораго «обыкновенно» связана опасность для жизни. Такое же мнѣніе мы высказали и относительно стараго сапожнаго шила, которымъ была нанесена легкая рана въ кожу живота.

Что касается втораго вопроса, насколько опасно для жизни данное орудіе при такомъ способѣ его употребленія, съ которымъ обыкновенно связана опасность для жизни, то отвѣтъ на этотъ вопросъ истекаетъ изъ соображенія, съ одной стороны направленія, въ которомъ дѣйствовало орудіе, съ другой-силы, съ которою оно употреблялось. Мы рѣшили этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ именно тогда, когда ударъ, уколъ или ушибъ и т. п. наносится перпендикулярно къ органу, важность котораго для жизни каждому извѣстна, такъ напр. въ голову, шею, грудь, брюхо, и мы будемъ обращать вниманіе для констатированія такого направленія не только вообще на мѣсто поврежденія, но также и на ходъ канала раны и на такіе признаки раны, изъ

которыхъ можно вывести заключеніе о направленіи, въ которомъ былъ нанесенъ ударъ, уколъ и т. п., причемъ мы будемъ имѣть въ виду возможность, что орудіе изъ первоначальнаго направленія можетъ быть отклонено такимъ образомъ, что черезъ это отклоненіе устранится опасное для жизни поврежденіе или же наоборотъ—поврежденіе „направленное первоначально не противъ важнаго для жизни органа, дѣлается таковымъ вслѣдствіе отклоненія. Первый случай встрѣчается гораздо чаще, поэтому и предпочтительно наблюдается; отклоненіе это можетъ произойти частію, вслѣдствіе парированія увертки, но также вслѣдствіе соскальзыванія инструмента по твердымъ предметамъ, или относящимся къ одеждѣ, или случайнымъ образомъ помѣщающимся передъ поражаемымъ мѣстомъ (пуговицы, застежки, вещи положенныя въ карманъ и т. п.), но также вслѣдствіе соскальзыванія инструмента по костямъ. (ребра, кости черепа).

Что орудіе было направлено противъ данной части тѣла съ извѣстною силою, можно вывести изъ свойства самаго поврежденія, такъ напр. если инструментъ пробилъ кости; также это слѣдуетъ изъ разсматриванія вещей, которыя инструментъ долженъ былъ проникнуть, прежде чѣмъ достичь поверхности тѣла, или которыя препятствовали глубокому проникапію инструмента; изъ случайнаго поврежденія этихъ вещей иногда можно вывести весьма точное заключеніе, что ударъ, толчокъ и пр. былъ нанесенъ съ большою силою и только вслѣдствіе того, что сила толчка или удара такимъ образомъ уменьшилась, глубокое поврежденіе было устранено.

Въ одномъ извѣстномъ намъ случаѣ ножъ, направленный въ сердце, прошелъ черезъ свертокъ бумагъ, который потерпѣвшій случайно несъ въ лѣвомъ боковомъ карманѣ своего сюртука; несмотря на его толщину, прокололъ подъ нимъ лежащія части одежды и еще проникъ въ грудь на 1 сент. Понятно, что при такого рода обстоятельствахъ не могло быть никакого сомнѣнія, что какъ инструментъ, такъ и родъ его употребленія были опасны для жизни. Въ другомъ, подобномъ же случаѣ стальная часовая цѣпочка, въ третьемъ кожаный ремень у ружья уменьшили силу удара. Случаевъ, въ которыхъ головной уборъ предотвращалъ тяжелый исходъ ударовъ или уколовъ, направленныхъ въ голову, множество.

Нужно упомянуть еще, какъ то слѣдуетъ изъ смысла § 155 лит. a, что вышеразобранные вопросы могутъ быть предложены судебному врачу какъ при тяжелыхъ, такъ и при легкихъ поврежденіяхъ и даже тогда, когда не произошло никакого поврежденія.

Лит. b.): „Когда изъ поврежденія происходитъ разстройство здоровья или неспособность къ занятіямъ покрайней мѣрѣ

30-ти дневной продолжительности". При обсужденіи этого обстоятельства должны быть приняты въ соображеніе тѣ-же основанія, которыя мы приводили при разсматриваніи § 152 о двадцати-дневномъ разстройствѣ здоровья и неспособности къ занятіямъ.

Лит. с.): „Когда дѣйствіе было связано съ особеннымъ мученіемъ для поврежденнаго". Законъ здѣсь имѣетъ въ виду вовсе не тѣ мученія, которыя каждый претерпѣваетъ послѣдовательно въ теченіи поврежденія, напр., воспаленіе или необходимая болѣзненная операція, но только тѣ, которыя связаны съ *поступкомъ*, слѣдовательно съ нанесеніемъ поврежденія. Такъ какъ законъ говоритъ далѣе объ *особенномъ* мученіи, то подъ нимъ не слѣдуетъ понимать боль связанную съ каждымъ отдѣльнымъ поврежденіемъ, но умышленное увеличеніе боли, вслѣдствіе повторныхъ и продолжительныхъ истязаній, ровно также преднамѣренное продленіе боли, связанной съ поврежденіемъ.

Именно первое происходитъ при так. наз. Lynchen, также и при истязаніяхъ дѣтей.— Случай мы наблюдали. Онъ касается булочника, который во время драки съ своимъ товарищемъ, очень сильнымъ индивидуумомъ, былъ схваченъ послѣднимъ зубами за больной палецъ руки; несмотря на его крики, мольбу и старанія нѣсколькихъ лицъ освободить его отъ мучителя, послѣдній крѣпко держалъ палецъ нѣсколько минутъ, причемъ такъ его раздробилъ, что позднѣе онъ былъ потерянъ вслѣдствіе гангрены. Такъ какъ здѣсь имѣло мѣсто преднамѣренное продленіе боли, связанной съ поврежденіемъ, то мы не замедлили объявить, что нанесеніе послѣдняго было связано съ особеннымъ мученіемъ.

Лит. е.): „Когда тяжелое поврежденіе дѣлается опаснымъ для жизни". Это опредѣленіе готовитъ судебному врачу не мало трудностей. Herbst (l. c. 322) коментируетъ это послѣднее слѣдующимъ образомъ: „поврежденіе дѣлается тогда опаснымъ для жизни, когда поврежденный и разстроенный въ своей функціи органъ или система органовъ по своимъ функціямъ не только важны для жизни, но и безусловно необходимы". Это опредѣленіе неспособно, однако, вывести изъ затрудненія; ибо съ одной стороны поврежденія неважнаго для жизни органа могутъ дѣлаться опасными для жизни и даже оканчиваться летально, и извѣстно, что даже весьма незначительныя поврежденія иногда могутъ принимать такое теченіе (напр. раздавленныя раны пальца, вслѣдствіе наступленія tetanus'а), съ другой стороны не всякое поврежденіе безусловно необходимаго для жизни органа можетъ быть опаснымъ для жизни и не всякій разъ оно вызываетъ тяжелыя явленія.

По нашему мнѣнію здѣсь слѣдуетъ обращать вниманіе на букву закона и только такое поврежденіе объявлять за опасное для жизни, которое по своимъ послѣдствіямъ *дѣлается* опаснымъ для жизни, т. е. вслѣдствіе котораго являются такіе симптомы, которые заставляютъ бояться за жизнь потерпѣвшаго. Если же такіе симптомы не наступаютъ, то нѣтъ никакого основанія поврежденіе объявлять за опасное для жизни, даже если это касается органа безусловно необходимаго для жизни, потому что опасное для жизни поврежденіе безъ опасныхъ для жизни симптомовъ было бы внутреннимъ противорѣчіемъ.

Но также и при такомъ пониманіи опредѣленіе закона представляетъ судебному врачу много затрудненій, такъ какъ понятіе „опасный для жизни" не позволяетъ точно разграничить и опредѣлить, какіе симптомы должно понимать подъ опасными для жизни. Слѣдовательно здѣсь индивидуальному пониманію изслѣдователя представляется обширное поле и на практикѣ дается поводъ къ разнообразнымъ и непріятнымъ спорамъ, какъ и вообще вездѣ, гдѣ врачъ по необходимости долженъ вступать въ невѣрную область прогноза.

Вообще судебнаго врача должна руководить клиническая опытность, и поврежденіе онъ долженъ объявить за опасное для жизни только тогда, когда наступили симптомы, которые, согласно опыту, заставляютъ опасаться за летальный исходъ. Говорить о всѣхъ такого рода возможностяхъ намъ кажется не пригоднымъ, а также и излишнимъ, такъ какъ у судебнаго врача предполагается спеціальное клиническое знаніе.

Отягчающія обстоятельства § 156-го.

§ 156. Выставляетъ такія остающіяся послѣдствія поврежденій, присутствіе которыхъ обусловливаетъ самую высшую мѣру наказанія—строгое тюремное заключеніе отъ 5 до 10 лѣтъ.

Какъ таковыя обозначаются:

Лит. а.): „Потеря или остающаяся слабость рѣчи, зрѣнія или слуха, потеря способности къ дѣторожденію, потеря глаза, руки или ручной кисти или другое значительное увѣчье или безобразіе".

Потеря или остающаяся слабость рѣчи. Что понимать подъ потерею рѣчи—не нужно никакого ближайшаго объясненія и не должно сомнѣваться въ существованіи послѣдней даже тогда, когда индивидуумъ еще въ состояніи съ трудомъ произносить нѣкоторые болѣе или менѣе понятные звуки. Напротивъ,

понятіе „слабость рѣчи“ очень растяжимо, потому что, если послѣднее мы примемъ однозначущимъ съ затрудненіемъ ясной рѣчи, то сюда можетъ быть причислено также и то затрудненіе рѣчи, которое обусловливается потерею переднихъ зубовъ. Ясно, однако, законъ не такое незначительное и сверхъ того устранимое разстройство рѣчи имѣетъ въ виду, но, какъ это слѣдуетъ изъ сопоставленія потери рѣчи съ другими упоминаемыми въ § 156 тяжелыми послѣдствіями, только важныя затрудненія рѣчи.

Послѣднія могутъ происходить ближе всего вслѣдствіе непосредственнаго поврежденія образующихъ рѣчь органовъ, такъ вслѣдствіе обширнаго разрушенія языка, нёба, вообще полости рта, но въ особенности гортани (*); далѣе, вслѣдствіе поврежденія нервовъ, участвующихъ въ образованіи рѣчи, въ особенности n. Hypoglossi (N. loquens!) и n. recurrentis (**).

Случай подобнаго рода мы сами наблюдали. Молодой крестьянинъ, имѣвшій раньше сильный басъ, получилъ ударъ ножомъ въ шею съ внутренней стороны правой грудинно-сосковой мышцы, который вскрылъ трахею почти на 3 сент. подъ правой половиною кольцеобразнаго хряща. Поврежденный въ первые дни не въ состояніи былъ говорить, что находилось въ связи съ вскрытіемъ trache'и. Но и по заживленіи раны trache'и рѣчь была затруднительна и охрипла и хотя это состояніе нѣсколько улучшилось, но, однако, по прошествіи $^3/_4$ года, во время судебнаго разбирательства, мы нашли еще рѣзко выраженную осиплость и, при ларингоскопическомъ изслѣдованіи, параличъ правой голосовой связки. Мы заключили о поврежденіи n. recurrentis, хотя и прибавили, что состояніе это можетъ улучшиться, однако объявили полное возстановленіе голоса за невѣроятное и приняли что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто «остающееся затрудненіе рѣчи».

Далѣе, достойна замѣчанія афазія послѣ поврежденій головнаго мозга, въ особенности лѣвой лобной доли его. Рядъ такихъ случаевъ собралъ Bonafont (Schmidt's Jahrb. 1847, 56. Band, 10). Новый случай описываетъ Wernheer (Virchow's Archiv. 1872 p. 289). Также Clarus („Ueber Aphasie bei Kindern“, Jahrb.

(*) Какъ вслѣдствіе проникающихъ ранъ, такъ и отъ другихъ поврежденій. Такъ Schnitzler (Wr. med. Presse 1874. N 42 и 44) описываетъ переломъ черпаловиднаго хряща и продолговатую трещину правой голосовой связки мужчины, который подвергался задушенію и съ того времени потерялъ голосъ.

(**) Уже Galen считалъ его за важный нервъ, образующій голосъ, такъ какъ онъ нашелъ, что, если у свиней онъ перерѣзывалъ его съ обѣихъ сторонъ, то послѣднія не могли болѣе кричать. (Brücke's Vorlesungen II. 93).

für Kinderheilk. 1874. VII. 369) приводитъ пять случаевъ афазіи у дѣтей послѣ поврежденій головы, между которыми два полныхъ и одно неполное излеченіе.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что потеря и слабость рѣчи можетъ происходить вслѣдствіе мгновеннаго испуга и т. п.

Во всѣхъ такого рода случаяхъ, кромѣ степени разстройства рѣчи, необходимо принимать во вниманіе—можно ли потерю или затрудненіе рѣчи считать остающимися, такъ какъ только въ томъ случаѣ они могутъ быть подведены подъ § 156-ой.— Послѣднія упомянутыя разстройства рѣчи, встрѣчающіяся обыкновенно у нервныхъ индивидуумовъ, въ особенности у истерическихъ женщинъ и которыя также симмулируются (*) рѣдко бываютъ „остающіяся"; но также и относительно разстройствъ рѣчи, происходящихъ отъ другихъ причинъ, не слѣдуетъ слишкомъ скоро приходить къ рѣшенію, что данное разстройство рѣчи можно считать остающимся, потому что паталогическій процессъ, лежащій въ основаніи большей части разстройствъ рѣчи, по своей природѣ требуетъ продолжительнаго времени для restitutio ad integrum.

Потеря или остающаяся слабость зрѣнія. Пониманіе этого опредѣленія подало поводъ къ разнообразію мнѣній, такъ одни это опредѣленіе относятъ къ потерѣ или остающейся слабости способности зрѣнія *на обоихъ* глазахъ, между тѣмъ какъ другіе желаютъ подвести подъ это опредѣленіе разстройство или поврежденіе способности зрѣнія и на одномъ глазѣ. Мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію, потому что мы понимаемъ потерю или тяжелое поврежденіе способности зрѣнія также и на одномъ только глазѣ, какъ „слабость зрѣнія"; кромѣ того, съ чисто врачебной точки зрѣнія должно быть также допущено, что зрѣніе вообще дѣлается менѣе хорошимъ и слѣдовательно „слабымъ", если способность видѣнія на одномъ глазѣ потеряна или существенно разстроена; такъ какъ далѣе, выраженіе, „потеря глаза", употребляемое въ этихъ случаяхъ относится къ потерѣ всего глазнаго яблока, черезъ что является дѣйствительное безобразіе, то поэтому, какъ то слѣдуетъ изъ второй посылки „или другое увѣчье или безобразіе", и со стороны юридической произносится съ особеннымъ удареніеемъ, что потеря или разстройство способности зрѣнія уже только на одномъ глазѣ по

(*) Ueber transitorische Aphasie nach Gemüths bevegungen. Schlangenhausen: Psych. Centralblatt 1876. p. 36.

смыслу закона должно быть понимаемо (*), какъ „слабость зрѣнія" такое понятіе, подтвердилось какъ германскимъ Угол. Зак. и Авст. Уг. Зак.,—18 гдѣ выраженіе „тяжелое поврежденіе" принимается въ новомъ смыслѣ, будетъ ли черезъ нихъ потеря зрѣнія произведена на обоихъ или на одномъ глазѣ.

Такъ какъ понятіе „слабость" очень растяжимо, то должно быть твердо установлено какъ это уже слѣдуетъ изъ сопоставленія слабости зрѣнія съ полною потерею его и съ друг. упоминаемыми въ § 156 тяжелыми послѣдствіями, что сюда могутъ быть причисляемы только высокія степени поврежденія способности зрѣнія.

Потеря или остающаяся слабость слуха. Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что потеря или въ высокой степени поврежденіе слуха на одной сторонѣ также уже составляетъ слабость слуха вообще, однако такой потерѣ нельзя приписывать того же значенія, какъ потерѣ способности зрѣнія на одинъ глазъ.

Ясно, что законодатель имѣлъ въ виду вообще чувство слуха, потому что въ новомъ проэктѣ, равно какъ и въ нѣмецкомъ уголовномъ законѣ говорится только о слухѣ вообще, но не дѣлается различія между слухомъ на одно или оба уха, какъ это имѣетъ мѣсто относительно способности зрѣнія.

Здѣсь также мы будемъ держаться твердо того положенія, что только значительное поврежденіе слуха можетъ быть объявлено, какъ слабость слуха въ смыслѣ даннаго закона и также, какъ это показуется и относительно слабости зрѣнія, въ сомнительныхъ случаяхъ будемъ ограничиваться разъясненіемъ природы и степени разстройства функціи даннаго органа чувствъ, предоставляя судьѣ и присяжнымъ—на основаніи этого объясненія настоящій случай подвести подъ рубрику § 156 или же нѣтъ.

Потеря способности къ дѣторожденію. Законъ говоритъ только о потерѣ способности къ дѣторожденію, но не остающейся слабости этой способности, какъ это онъ дѣлаетъ относительно рѣчи, зрѣнія и слуха. Онъ не дѣлаетъ далѣе никакого различія между потерею способности къ соитію и потерею способности къ оплодотворенію въ отношеніи зачатія, однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что потеря каждой отдѣльной изъ этихъ способностей должна быть принимаема какъ потеря способности къ дѣторожденію. Согласно съ опытомъ такое послѣдствіе поврежденій встрѣчается рѣдко и преимущественно у мущинъ, по-

---

(*) Смотри статью Blumenstock'а въ «Gerichtshalle 1873» Nr 35 и 39, въ которой онъ старается, впрочемъ, опровернуть мнѣніе, выставляемое съ юридической стороны.

ловые органы которыхъ во время дракъ, а также при грубыхъ шуткахъ довольно часто дѣлаются областью нападенія; причемъ однако только исключительнымъ образомъ происходятъ такія поврежденія, которыя. какъ напр. потеря penis'а, двухсторонняя кастрація или раздавливаніе обоихъ яичекъ, ведутъ или могутъ вести къ потерѣ способности дѣторожденія. Случай, въ которомъ у молодаго человѣка его прежней любовницей, которую онъ бросилъ, былъ отрѣзанъ penis у корня, произошелъ недавно въ Вѣнѣ и само собою понятно, поврежденіе это было объявлено за такое, которое повело за собою потерю способности къ дѣторожденію.

Еще рѣже является вопросъ о потерѣ способности къ дѣторожденію у женщинъ вслѣдствіе поврежденія. Высокой степени и неизлечимыя заращенія влагалища послѣ разрывовъ или другихъ обширныхъ поврежденій послѣдняго могутъ обусловливать неспособность къ дѣторожденію.

Въ единично стоящемъ случаѣ, сообщенномъ Casper—Liman'омъ (l c. I. 362) молодая дѣвушка была захвачена тремя *кучерами* и вслѣдствіе введенія пальцевъ послѣдними и побиванія влагалища пескомъ и каменьями, промежность ея была такъ разорвана, что послѣ продолжительной болѣзни и пластической операціи произошло заживленіе съ образованіемъ большаго рубца на perineum, однако безъ ущерба доступности входа влагалища и даже всего влагалища.—Casper объявилъ на судѣ присяжныхъ, что потерпѣвшая, хотя и способна къ соитію и зачатію, но не смотря на это она лишена способности къ дѣторожденію въ обширномъ смыслѣ, вслѣдствіе этого поврежденія, потому что способность къ родамъ, представляющая существенный факторъ способности женщины къ размноженію, въ данномъ случаѣ находится въ такомъ состояніи, что можно опасаться при послѣдующихъ родахъ вторичнаго разрыва зажившей промежности и особа на всю свою жизнь можетъ быть изуродована.

Прокуроръ и присяжные съ этимъ объясненіемъ понятія способности къ дѣторожденію согласились и преступники были приговорены на 12-ть лѣтъ въ рабочій домъ.

Потеря глаза, руки или ручной кости или значительное увѣчье или безобразіе. Подъ увѣчьемъ въ обширномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать потерю членовъ или частей членовъ. Безъ сомнѣнія однако это понятіе слѣдуетъ принимать буквально въ смыслѣ лит. а § 156; потому что, какъ это слѣдуетъ изъ приведеннаго примѣра — потеря руки или кисти—сюда можно отнести только потерю: важныхъ частей тѣла, въ особенности потерю цѣлыхъ членовъ или большихъ частей ихъ, но уже никакъ не потерю, напр., пальца или отдѣльнаго его сустава,

Понимаетъ ли законъ подъ потерею только полное отдѣленіе отъ тѣла даннаго члена или же также негодность къ употребленію послѣдняго—это вопросъ; такъ какъ, однако, очевидно, что негодность руки, ручной кисти и т. д. для поврежденнаго фактически имѣетъ то же значеніе, какъ и полная ихъ потеря, то и является съ врачебной точки зрѣнія цѣлесообразнымъ оба рода послѣдствій поврежденія отождествлять и уяснять судьѣ и присяжнымъ ихъ аналогію.

Herbst (l. c.) *безобразіе* опредѣляетъ, какъ отвратительное измѣненіе человѣческаго образа; Geyer (*)—какъ значительное измѣненіе вида одной болѣе или менѣе бросающейся въ глаза части тѣла. Liman (l. c. I. 311)—какъ неизлечимое измѣненіе формы какой нибудь части тѣла, производящее отвратительное и непріятное впечатлѣніе.

Такимъ образомъ здѣсь дѣло идетъ о понятіи—безобразіе или уродство, какъ о порокѣ красоты, слѣдовательно, о чисто „эстетическомъ моментѣ", обсужденіе котораго вовсе не исключительно медицинской натуры, но можетъ быть предоставлено частнымъ лицамъ, въ особенности присяжнымъ, что весьма цѣлесообразно, потому что все зависитъ отъ общаго впечатлѣнія, которое производитъ индивидуумъ вслѣдствіе полученнаго измѣненія своего наружнаго тѣлеснаго свойства.

Какъ безобразіе, такъ и увѣчье должны быть значительны, чтобы ихъ можно было отнести къ лит. a § 156. Конечно, невозможно рѣшить, когда такое безобразіе перестаетъ или начинаетъ быть разительнымъ, однако показуется, по объясненіямъ камментаторовъ (*Herbst* l. c. 322), изслѣдовать даннаго индивидуума одѣтаго и раздѣтаго и опредѣлить,—дѣлается ли тотчасъ замѣтнымъ измѣненіе формы тѣла, происшедшее вслѣдствіе поврежденія, также и у одѣтаго субъекта.—Во всякомъ случаѣ дефекты, которые могутъ быть легко закрыты, не должны быть сюда относимы.

Какъ примѣръ разительнаго безобразія, со стороны закона приводится потеря глаза; въ такомъ же смыслѣ мы объявляли разительнымъ безобразіемъ потерю носа, обширные рубцы на лицѣ, именно какіе встрѣчаются послѣ ожоговъ и вытравливаній, также высокой степени искривленія туловища, какъ это мы наблюдали послѣ обширной ожоги, остающуюся рѣзко замѣтную хромоту, вслѣдствіе поврежденія нижнихъ конечностей и т. п.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при обсужденіи послѣдствія поврежденія—какъ безобразія вообще и разительнаго

(*) «Zur Revision der Bestimmungen des Reichs—Strafgezetzbuches über Körperverletzungen. Gerichtssaal 1874, Heft. 4.

въ особенности, необходимо принимать во вниманіе самаго индивидуума. Такъ напр. рубцы на лицѣ, которые у мущины мы затруднились бы признать разительнымъ безобразіемъ, у молодой дѣвушки могутъ образовать таковое, потому что безобразіе лица вслѣдствіе рубцовъ у женщины не только болѣе бросается въ глаза, но имѣетъ также и большее значеніе, чѣмъ у мущины, вслѣдствіе чего и гражданскій законъ обращаетъ вниманіе на это обстоятельство; такъ напр. въ § 1326 онъ опредѣляетъ, что, если потерпѣвшее лице при поврежденіи обезображено, то на это обстоятельство слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, особенно если это лице женскаго пола, потому-что это безобразіе можетъ препятствовать ея успѣху въ обществѣ.

Равнымъ образомъ у дѣвицъ и молодыхъ женщинъ уродства руки или груди образуютъ разительныя безобразія въ смыслѣ лит. a § 156, между тѣмъ какъ подобныя же измѣненія у мущинъ могутъ имѣть только второстепенное значеніе.

Сверхъ того, что преимущественно относится къ безобразію лица, необходимо принимать во вниманіе и прежнее состояніе его; такъ мы будемъ иначе судить о рубцахъ на лицѣ молодой дѣвушки, чѣмъ на лицѣ старухи или особы, лице которой уже и прежде было обезображено разительнымъ образомъ.

Лит. b. *Постоянная болѣзненность или неизлечимая болѣзнь или умопомѣшательство безъ вѣроятности излеченія.* Это рѣшалось бы весьма просто, если-бы законъ, вмѣсто того, что-бы дѣлать послѣдующія различія, выставлялъ бы только неизлечимыя душевныя и тѣлесныя болѣзни, какъ особенно тяжелыя послѣдствія поврежденій. Намъ кажется, что это не сдѣлано на томъ основаніи, что законъ желалъ этимъ особеннымъ взвѣшиваніемъ постоянной болѣзненности и неизлечимаго душевнаго разстройства выразить, что подъ эту рубрику должно подводить вообще только неизлечимыя болѣзни болѣе высокаго значенія, но не всѣ неизлечимыя болѣзни безъ исключенія.

Съ понятіемъ „болѣзненность“ связываютъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, не только понятіе хронической болѣзни, но также слабость и хилость и происходящую черезъ это неспособность къ исполненію работы для пропитанія и къ наслажденію жизнью. Такъ какъ законъ говоритъ только о постоянной болѣзненности, то здѣсь только неизлечимыя состоянія такого рода должны приниматься во вниманіе. Къ такимъ болѣзненнымъ состояніямъ въ особенности слѣдуетъ отнести параличи половины или цѣлаго тѣла, остающіеся послѣ поврежденій головнаго и спиннаго мозга, а также послѣ интоксикацій; затѣмъ эпилептическія состоянія, стриктуры дыхательнаго горла и пищевода, являющіяся частію послѣ поврежденій, частію послѣ отравленія, каловыя и мочевыя фистулы и т. п.

Что понятія „болѣзненность“ и неизлечимая болѣзнь не рѣзко отдѣляются другъ отъ друга и что точное опредѣленіе послѣдняго понятія невозможно—не требуетъ никакого подробнаго объясненія; однако, слѣдуетъ замѣтить, что относительно выраженія „неизлѣчимая болѣзнь“ высшая судебная палата, приказомъ отъ 18-го января 1854 года (*) высказала, что подъ выраженіемъ „болѣзнь“ слѣдуетъ понимать не какъ обыкновенно только внутреннія, но также и наружныя (так наз. хирургическія) болѣзни.

Объ умопомѣшательствѣ безъ вѣроятности излѣченія мы уже говорили выше.

Лит. с. Также *постоянная неспособность къ занятіямъ* не требуетъ никакого особеннаго объясненія, потому что это понятіе мы уже объясняли при обсужденіи §§ 152 и 155, а опредѣленіе постоянной, такъ сказать, неизлѣчимой неспособности къ занятіямъ не требуетъ особеннаго объясненія.

Въ заключеніе судебно-медицинскаго сужденія о поврежденіяхъ на живыхъ въ смыслѣ нынѣ дѣйствующаго австрійскаго уголовнаго зак. нужно еще упомянуть *объ опредѣленіи § 132 австрійск. Р. О.*, который требуетъ, что-бы соотвѣтственные эксперты высказывали свое мнѣніе, „какія тѣлесныя поврежденія или разстройство здоровья сами по себѣ или безусловно по ихъ общему дѣйствію, или при особенныхъ обстоятельствахъ даннаго случая являются легкими, тяжелыми или опасными для жизни“.

Понятно, что поврежденія, изъ которыхъ каждое отдѣльно можно разсматривать только какъ легкое, при своемъ общемъ дѣйствіи могутъ являться тяжелыми или даже опасными для жизни, что на практикѣ и встрѣчается нерѣдко. Сюда принадлежатъ въ особенности удары палкою, плетью, розгами и т. п., изъ которыхъ каждому отдѣльному удару обыкновенно не приписывается значенія, между тѣмъ какъ вмѣстѣ взятые они иногда въ состояніи производить тяжелыя и даже опасныя для жизни явленія. Равнымъ образомъ кровотеченіе, происходящее одновременно изъ нѣсколькихъ ранъ, можетъ получить тяжелый характеръ; между тѣмъ какъ потери крови только изъ одной раны для этого недостаточно. Также не требуется никакого объясненія, что продолжительность теченія поврежденія будетъ зависѣть отъ одного или многихъ поврежденій одновременно нанесенныхъ.

Такое комбинированное дѣйствіе нѣсколькихъ поврежденій можетъ случаться какъ при дѣйствіи со стороны одного лица, такъ, что бываетъ относительно чаще, во время дракъ и суда

(*) *Herbst* (l. c.) p. 322.

Линча, гдѣ истязаніе совершается нѣсколькими лицами. Къ этому также относится § 157 Уг. Зак., который опредѣляетъ, что, если у одного съ нѣсколькими людьми происходила драка или тяжелое тѣлесное поврежденіе произошло только вслѣдствіе общаго дѣйствія поврежденій и истязанія отъ многихъ лицъ, то всѣ тѣ, которые принимали участіе въ истязаніяхъ должны быть признаны виновными въ нанесеніи тяжелаго тѣлеснаго поврежденія.

Большую трудность представляетъ объясненіе *безусловно или только при особенныхъ обстоятельствахъ* легкаго, тяжелаго или опаснаго для жизни поврежденія.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ томъ же параграфѣ законодатель желаетъ знать: „какія вообще послѣдствія ведутъ за собою поврежденія этого рода и какія произошли въ данномъ отдѣльномъ случаѣ", и вмѣстѣ съ тѣмъ согласимся, что и въ § 129, который относится къ смертельнымъ поврежденіямъ, ясно въ томъ же направленіи требуется, чтобы врачъ объявилъ: „дѣйствіе, лежащее въ основаніи смертельнаго поврежденія произвело ли смерть а) только по природѣ своей, или b) въ силу особеннаго личнаго свойства или особеннаго состоянія поврежденнаго или с) по причинѣ случайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было совершено или d) вслѣдствіе побочной причины, хотя случайной, однако явившейся или происшедшей изъ этого дѣйствія и наконецъ е) смерть могла ли быть предотвращена своевременною и цѣлесообразною помощью", то намъ кажется ясно, что подъ безусловно тяжелыми или опасными для жизни поврежденіями слѣдуетъ понимать только такія, которыя вообще по природѣ своей „являются таковыми", между тѣмъ какъ условно или только при особенныхъ обстоятельствахъ тяжелыми или опасными для жизни поврежденіями слѣдуетъ отмѣчать такія, которыя получили это свойство только по причинѣ обстоятельствъ, приведенныхъ въ § 129 подъ лит. а—е.

Соображеніе этихъ обстоятельствъ многократно откидывалось, потому что оно напоминаетъ старый, къ счастію, отвергнутый «Lethalitätsgrade» и кромѣ того въ особенности однимъ англійскимъ судьею относительно «особеннаго жизненнаго свойства» по справедливости замѣчено: что никто не можетъ поручиться держать свое здоровье въ такомъ состояніи, чтобы онъ былъ застрахованъ отъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій нанесеннаго ему тѣлеснаго поврежденія (Taylor Med. Jurispr. 1865 p. 485). Но тѣмъ не менѣе на практикѣ эти обстоятельства не могутъ быть обойдены и если, напр. нѣмецкій проэктъ St. p. o. не содержитъ аналогичныхъ опредѣленій, то опытъ, однако, учитъ, что судебные врачи въ своихъ мнѣніяхъ принимаютъ во вниманіе такого рода обстоятельства, чего держится также и судья въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему Угол. Закон.

Мы хотимъ эти обстоятельства разсмотрѣть за одинъ разъ, какъ въ отношенiи тѣхъ поврежденiй на живыхъ, которыя заслуживаютъ обсужденiя, такъ и въ отношенiи смертельныхъ поврежденiй.

Какъ изъ смысла упомянутыхъ постановленiй закона, такъ и изъ опыта вообще, выходитъ, что въ данномъ случаѣ принимаются въ соображенiе два обстоятельства: 1) было-ли *дѣйствiе*, произведшее поврежденiе, таково, что оно вообще по природѣ своей должно было произвести (безусловно) это послѣднее; 2) *теченiе*, именно въ отношенiи *исхода* поврежденiя, было ли основано единственно только на природѣ поврежденiя, или же на другихъ обстоятельствахъ. Ad 1). Если поврежденiе было нанесено съ большою силою и такимъ орудiемъ, по общему свойству котораго преступнику могло и должно было быть извѣстно, что при употребленiи его могутъ происходить тяжелыя и опасныя для жизни поврежденiя, въ особенности при употребленiи оружiя или очень тяжелаго орудiя, тогда самъ собою является утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Напротивъ вопросъ этотъ рѣшается отрицательно, если сила относительно незначительная и вообще извѣстная какъ безвредная, напр. пощечина, ударъ кулакомъ и т. п., производитъ тяжелыя, опасныя для жизни или даже смертельныя поврежденiя или окажется, что совершенно особенныя, преступнику неизвѣстныя условiя организма послужили основанiемъ столь необыкновеннаго и неожиданнаго исхода дѣйствiя. Такого рода условiя какъ „особенное личное свойство" или, какъ обыкновенно выражаются, „*особенное жизненное свойство*" слѣдуетъ понимать и въ особенности объяснять въ смыслѣ St. p. o.

Такого рода особенное жизненное свойство является причиною, почему, напр., иногда незначительныя сотрясенiя головы, послѣ ударовъ ладонью или кулакомъ, а также черезъ contrecoup могутъ принимать несчастный исходъ. Werner (Vierteljahrsschr. f. ger. Med. 1863 XXIV, 117) сообщаетъ объ одномъ случаѣ, въ которомъ мущина во время драки получилъ ударъ кулакомъ по затылку и тотчасъ-же умеръ.—При вскрытiи на dura mater оказалась sarcoma, которая на мѣстѣ удара узурировала кости черепа. За особенное жизненное свойство слѣдовало бы принимать столь частое у пьяницъ Pacchymeningitis haemorrhagica, при которой уже по свойству самой болѣзни достаточно незначительнаго сотрясенiя, чтобы разорвать тонкiе сосуды, изъ которыхъ состоятъ новообразованныя перепонки. Такой случай нами опубликованъ in der Wr. med. Presse 1876 Nr. 45. Также въ этомъ отношенiи слѣдуетъ принимать во вниманiе гидроцефалическiя состоянiя, потому что они часто у дѣтей ведутъ къ тяжелымъ послѣдствiямъ во время игръ, а также, что нерѣдко случается, послѣ извѣстныхъ истязанiй со стороны учителей (удары по головѣ, дранье за волосы и за уши). Мы имѣли случай вскры-

вать одного 14-ти лѣтняго мальчика въ высшей степени гидроцефалическаго, съ врожденнымъ амаврозомъ, который сидѣлъ на ступенькѣ отдаленной отъ пола на одинъ метръ. Его толкнулъ другой мальчикъ и, хотя онъ упалъ на задницу, нигдѣ не ударившись головой, но тотчасъ-же лишился чувствъ, наступили конвульсіи и онъ черезъ часъ умеръ; при вскрытіи не оказалось ничего, кромѣ высокой степени водянки головы.

Равнымъ образомъ мы признали бы особеннымъ жизненнымъ свойствомъ разрывъ существующей аневризмы отъ незначительнаго толчка или какъ упоминаетъ Hyrtl разрывъ изъязвленной кишки, ненормальную хрупкость костей, гемофилію, также острыя и хроническія заболѣванія другаго рода, напр. туберкулезъ, алкоголизмъ и т. п.

Понятіе «*особенное свойство*» поврежденнаго, упоминаемое подъ 26 относится очевидно къ преходящему состоянію потерпѣвшаго, въ противоположность обыкновенному, и въ которомъ находился индивидуумъ во время дѣйствія. Сюда можетъ быть отнесена беременность, въ особенности, напр. внѣматочная—трубная беременность, при которой данная труба можетъ разорваться уже отъ незначительнаго толчка въ животъ или какого нибудь другаго подобнаго инсульта, равнымъ образомъ и состояніе опьянѣнія.

Ad. 2. Не такъ рѣдки случаи, въ которыхъ основаніемъ неблагопріятнаго теченія поврежденія, въ особенности продолжительности розстройства здоровья и неспособности къ исполненію своихъ обязанностей являются индивидуальныя и прибавочныя моменты.

Индивидуальные моменты—суть тѣ общія и мѣстныя патологическія состоянія, которыя мы обозначили особеннымъ жизненнымъ свойствомъ.

Къ прибавочнымъ принадлежитъ: небрежность поврежденнаго, обстоятельство, о которомъ часто говорятъ и относительно котораго необходимо имѣть въ виду, что, какъ это въ особенности наблюдается при поврежденіяхъ головы, поврежденныя, вовсе не имѣя понятія о значеніи такой раны, потому что послѣднія сначала не вызываютъ никакихъ или только незначительные симптомы, вовсе не догадываются и оттого безпечно исполняютъ свои обыкновенныя обязанности, тѣмъ болѣе, что нерѣдко даже и врачи важность поврежденія головы не тотчасъ признаютъ, а уже тогда, когда это сдѣлается очевиднымъ.

Далѣе сюда принадлежитъ гангрена, если она не лежитъ въ природѣ даннаго поврежденія, но происходитъ вслѣдствіе наружныхъ вредныхъ вліяній, напр. вслѣдствіе худо наложенной повязки или инфекціи (госпитальная гангрена). Безъ сомнѣнія, многіе другіе патологическіе процессы, каковы: рожа, септицемія, столбнякъ, присоединяющіеся къ поврежденіямъ, являются только случайными осложненіями, однако должно опредѣлить

хотя трудно и большею частію невозможно, произошли-ли эти осложненія вслѣдствіе общеизвѣстныхъ наружныхъ вредныхъ вліяній, или же они есть результатъ неизбѣжнаго вліянія, намъ неизвѣстнаго по своей природѣ и ходу; однако, по нашему мнѣнію, только въ первомъ случаѣ названные процессы слѣдовало объявлять побочными причинами въ смыслѣ § 129, 2 d., случайно присоединившимися къ поврежденію и происшедшими изъ него.

Если на основаніи § 129, 2 е предлагается вопросъ—могла ли быть предотвращена смерть своевременною и цѣлесообразною помощію—то понять этотъ вопросъ можно только такъ: если возможна была врачебная помощь, то не была ли она неисполнена и вслѣдствіе ли этого неисполненія или же вслѣдствіе не цѣлесообразной подачи помощи произошелъ неблагопріятный исходъ поврежденія, потому что не было бы понятно—какое вліяніе могло бы оказать на уголовное качество преступленія такое заявленіе напр., что нѣкто, раненый въ art carotis или cruralis, могъ бы быть спасенъ, еслибы находящійся подъ руками врачъ тотчасъ произвелъ прижатіе или перевязку артеріи, потому что само собою понятно, что при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ обыкновенно являются такого рода поврежденія, о немедленной врачебной помощи и рѣчи быть не можетъ.

Чаще случается, что за помощію обращаются не къ врачу, но знахарямъ, которые, какъ извѣстно, съ особенною любовью занимаются леченіемъ поврежденій. Само собою понятно, что въ такихъ случаяхъ необходимо при судебно-медицинскомъ обсужденіи поврежденія обращать особенное вниманіе на нецѣлесообразное леченіе, назначаемое такимъ знахаремъ и на искусственную продолжительность его или на то вліяніе, которое оно оказываетъ на тяжелыя послѣдствія поврежденія.

Судебно-медицинское обсужденіе несмертельныхъ поврежденій въ смыслѣ проэкта австрійскаго и нѣмецкаго уголовныхъ законовъ.

Относящіяся сюда постановленія обоихъ законовъ въ главныхъ чертахъ согласны, почему и возможно совокупное ихъ описаніе. Конечно въ отдѣльныхъ пунктахъ различіе существуетъ; ближе всего въ *общемъ* опредѣленіи преступленія. Такъ проэктъ австрійскаго уголовнаго закона употребляетъ для этого выраженіе „вредное дѣйствіе“ (Misshandlung) нѣмецкій же уголовный законъ—„тѣлесное поврежденіе“. Это различіе не можетъ поставить въ затрудненіе врача, если онъ твердо будетъ держаться того положенія, что оба эти выраженія обозначаютъ только общее уголовное опредѣленіе для такого преступленія, при кото-

ромъ происходитъ насильственное разстройство нормальныхъ отношеній тѣла и что подъ эти понятія должны подходить: какъ поврежденія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и другаго рода разстройства здоровья, а также и вредныя дѣйствія въ тѣсномъ смыслѣ, но подъ послѣдними слѣдуетъ понимать такое насиліе, которое хотя бы не причинило ни поврежденія, ни разстройства здоровья, но только одну боль, и которое было бы нанесено съ этою цѣлью.

Въ проэктѣ австрійскаго Уголовнаго Зак. подъ вредными дѣйствіями (Misshandlung), въ нѣмецкомъ Угол. Зак. подъ „тѣлеснымъ поврежденіемъ" понимаются такія насильственныя разстройства прежде существовавшихъ отношеній организма, которыя повели за собою опредѣленныя тяжелыя послѣдствія, и оба эти закона такое насильственное разстройство въ отношеніяхъ организма обозначаютъ выраженіемъ „тяжелое тѣлесное поврежденіе" и потому опредѣляютъ за нихъ высшее наказаніе; въ противоположность этимъ разстройствамъ, всѣ остальныя по терминологіи нѣмецкаго Уг. Зак. обозначаются выраженіемъ „легкія тѣлесныя поврежденія", по терминологіи же проэкта австрійскаго Угол. Зак. вреднымъ дѣйствіемъ (Misshandlung) въ тѣсномъ (уголовномъ) смыслѣ.

А. *„Тяжелое тѣлесное поврежденіе"*.

Взглядъ на § 236 проэкта австрійск. и § 224 нѣмецкаго Угол. Законовъ тотчасъ же намъ показываетъ, что понятіе „тяжелое тѣлесное поврежденіе" этими законами принимается въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и гораздо точнѣе опредѣляется, чѣмъ понятіе „тяжелое поврежденіе" въ смыслѣ § 152 нынѣ дѣйствующаго австр. Угол. Закона. Въ послѣднемъ, какъ мы выше видѣли, понятію „тяжелое поврежденіе" не дается точнаго опредѣленія и предоставляется судебному врачу его коментировать; въ проэктѣ же австрійск. и нѣмецкаго Угол. Зак. тѣлесное поврежденіе только тогда принимается какъ „тяжелое" въ уголовномъ смыслѣ, когда оно повлекло за собою опредѣленныя послѣдствія, ясно указанныя въ § 236 проэкта австрійск. и § 224 нѣмецкаго Угол. Законовъ; изъ этого обстоятельства очевидно слѣдуетъ, что впредь судебному врачу не представится необходимости рѣшать вопросъ: какое поврежденіе въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто—тяжелое или нѣтъ, но только указать наступили ли тѣ послѣдствія, при существованіи которыхъ поврежденіе Угол. Зак. понимается, какъ „тяжелое" и какъ таковое наказывается.

Относящіяся сюда послѣдствія, соотвѣтствующія въ общемъ тѣмъ, которыя приводятся въ § 156 нынѣ дѣйствующаго австрійск. Уг. Закона, суть слѣдующія:

a) *Потеря важной части тѣла.* Такъ какъ выраженіе „важный", употребляемое нѣмецкимъ Уг. Закономъ, допускаетъ толкованіе, то опредѣленія проэкта австрійскаго Уг. Зак. въ этомъ отношеніи гораздо лучше: тамъ прямо названо, потерю какихъ членовъ законъ считаетъ за особенно важное и какъ таковые обозначаетъ: руку, ручную кисть, ногу, стопу и носъ.

Безъ сомнѣнія, потерю этихъ членовъ, поименованныхъ въ проэктѣ австрійскаго Угол. Зак., слѣдуетъ обозначить потерею „важныхъ" членовъ тѣла и по смыслу нѣмецкаго Угол. Зак., по потерю другихъ, напр., многихъ или всѣхъ пальцевъ руки, смотря по природѣ даннаго случая, слѣдуетъ также объявить „потерею важныхъ членовъ", или подводить подъ понятіе остающееся безобразіе (проэктъ ав. У. З.), или подъ понятіе „значительное и остающееся безобразіе". Потерѣ отдѣльнаго пальца и отдѣльнаго состава его едва ли можно приписывать такое же значеніе.

Слѣдуетъ ли понимать подъ „потерею" названныхъ членовъ только полное отдѣленіе ихъ отъ тѣла или же также негодность ихъ къ употребленію—отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ ни въ проэктѣ австрійскаго Уг. З., ни въ нѣмецкомъ Уг. Законѣ, однако судебный врачъ долженъ будетъ обращать вниманіе на одинаковое значеніе послѣдняго послѣдствія съ первымъ, тѣмъ болѣе, что и юристами это воззрѣніе раздѣляется, какъ напр. *Geyer* (l. c.) предлагаетъ опредѣленія нѣмецкаго Уг. Зак. и проэкта австр. Уг. Зак., дополнить такимъ образомъ: „или, что у него руки, ручная кисть, нога или стопа останутся навсегда негодными къ употребленію".

b) *Потеря способности зрѣнія на одинъ или оба глаза.*— Это точное опредѣленіе можно только привѣтствовать, потому что оно полагаетъ конецъ тѣмъ выше изображеннымъ трудностямъ, которыя являлись изъ неточныхъ опредѣленій прежнихъ австрійскихъ Уг. Законовъ. Впрочемъ и понятіе „потеря способности зрѣнія на одинъ или оба глаза" также не позволяетъ дѣлать рѣзкаго разграниченія, но тѣмъ не менѣе ни одинъ врачъ не замедлилъ бы объявить, что способность зрѣнія потеряна, когда потерпѣвшій еще въ состояніи, съ трудомъ различать большіе предметы, потому что, если не допускать такого воззрѣнія, то были бы принуждены отрицать потерю способности зрѣнія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ даже и въ томъ случаѣ, еслибы осталась только способность къ различію свѣта отъ тьмы. Если въ какомъ нибудь случаѣ существуетъ сомнѣніе—слѣдуетъ ли здѣсь принять поврежденіе способности зрѣнія или полную потерю его —то достаточно, если судебный врачъ разъяснитъ степень и зна-

ченіе такого поврежденія судьѣ или присяжнымъ, предоставивъ имъ дальнѣйшую оцѣнку даннаго поврежденія, особенно это легко бываетъ, дѣлать, когда поврежденіе не тяжелое.

c) Относительно *потери слуха, рѣчи* и *способности къ размноженію* (способность къ дѣторожденію), мы указываемъ на объясненіе подобныхъ же опредѣленій нынѣ дѣйствующаго австрійск. Угол. Закона.

d) *Переходъ поврежденія въ болѣзненность или параличъ.* Мы выше старались опредѣлить понятіе—„болѣзненность" и нѣтъ никакого сомнѣнія, что и здѣсь это понятіе должно имѣть такое же примѣненіе. Между тѣмъ какъ австрійск. Угол. Зак. (§ 156) говоритъ о „постоянной болѣзненности", въ проэктѣ его, а такъ же и въ нѣмецкомъ Уг. Законѣ подобнаго эпитета не встрѣчается, поэтому и является вопросъ — понимаютъ ли эти законы подъ болѣзненностію неизлѣчимое страданіе выше изложенныхъ качествъ или только вообще продолжительное хроническое болѣзненное состояніе, этого рода, хотя-бы излѣчимость этихъ формъ не исключалась. Послѣднее пониманіе можетъ быть болѣе справедливо, потому что предложенное берлинской ученой депутаціей опредѣленіе—„продолжительная" не можетъ быть принято на томъ основаніи, что состояніе болѣзненности уже само по себѣ предполагаетъ долгую продолжительность, а это опредѣленіе легко можетъ дать поводъ къ шаткимъ толкованіямъ.

Большое затрудненіе представляетъ выраженіе „переходъ въ параличъ", встрѣчающееся какъ въ проэктѣ австрійскаго, такъ и въ нѣмецкомъ Угол. Законахъ. Въ строго физіологическомъ смыслѣ подъ параличемъ понимается потеря сократительности мускуловъ, вслѣдствіе разстройства иннерваціи, при чемъ для понятія „параличъ"— не имѣетъ значенія, какого онъ происхожденія— центральнаго или периферическаго. И въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ этому выраженію придается такой же смыслъ, потому что говорятъ о параличѣ, если данный двигательный аппаратъ хотя существуетъ, но не можетъ функціонировать, такъ напр., говорятъ о параличѣ половины тѣла (параплегія, гемиплегія), о параличѣ языка, сфинктера и т. п. Это обыкновенное твердо установленное понятіе о параличѣ" берлинская ученая депутація существенно расширила и кромѣ того по поводу извѣстнаго случая (*), въ которомъ послѣ колотой раны въ верхнюю часть руки и послѣдовательнаго флегмонознаго воспаленія осталась негодность къ употребленію соотвѣтственной конечности, высказала свое мнѣніе, „что негодность къ употребленію опредѣленнаго двигательнаго аппарата для тѣхъ движеній,

---

(*) Vierteljahrsschrift f. ger. Med. 1872. XVI p. 1.

для которыхъ онъ по природѣ предназначенъ, слѣдовало бы обозначать словомъ „параличъ", все равно, гдѣ бы ни лежало препятствіе къ этому движенію—въ центральныхъ органахъ или же въ периферическихъ частяхъ тѣла.

Но это представленіе понятія „параличъ" крайне обширно, потому что вслѣдствіе этого вынуждены бы были каждый анкилозъ обозначать параличемъ, что однако было бы противорѣчіемъ, какъ въ медицинской такъ и обыкновенной точки зрѣнія. Напротивъ, мы вполнѣ согласны съ такимъ пониманіемъ относительно двигательной способности мышцъ, потому что онѣ при этомъ лишаются своей сократительности, а это для понятія о параличѣ только исключительно и имѣетъ цѣну.

Но такъ какъ и юристы (*) утверждаютъ, что опредѣленіе ученой депутаціи соотвѣтствуетъ смыслу закона, то было бы раціонально, во избѣжаніе дальнѣйшаго сомнѣнія, совершенно оставить сбивчивое выраженіе параличъ и замѣнить его выраженіемъ „негодность къ употребленію двигательнаго аппарата тѣла".

Дальнѣйшее затрудненіе въ употребленіи понятія „переходъ въ параличъ" происходитъ оттого, что нѣтъ нигдѣ указаній, какія части тѣла должны быть парализованы, или неспособны къ движенію, что бы такое состояніе должно было обозначить выраженіемъ „переходъ въ параличъ". Подразумѣвается ли подъ этимъ выраженіемъ параличъ цѣлой половины тѣла, или покрайней мѣрѣ большихъ группъ мышцъ, или большихъ частей тѣла (членовъ), или можетъ ли это понятіе быть распространено и на параличъ отдѣльныхъ мускуловъ? Въ законѣ нигдѣ нѣтъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса и только изъ смысла и связи понятій „переходъ въ параличъ" и „переходъ въ болѣзненность" а также принимая во вниманіе и остальныя тяжелыя послѣдствія, упоминаемыя въ § 236 проэкта австр. и § 224 нѣмецкихъ Уголовныхъ законовъ можно прійти къ заключенію, что только параличи значительной важности могутъ быть подведены подъ это понятіе. Но таковыми могутъ быть отмѣчены не исключительно параличи большихъ частей но иногда и отдѣльныхъ мускуловъ, какъ напр. параличъ сфинктера прямой кишки или мочеваго пузыря.

Также нѣтъ опредѣленнаго указанія, слѣдуетъ ли подъ понятіемъ „переходъ въ параличъ" понимать неизлечимыя параличи или только долго-длящіеся, относительно этого обстоятельства мож-

---

(*) *Geyer in Holtzendorff*'s Handbuch des Strafrechts III. 541. *Blumenstock* „Gerichtsärztliche Bemerkungen über den Entwurf des neuen St. G.", „Wr. medic. Presse" 1875 u. 1875.

но руководствоваться сказаннымъ о понятіи „переходъ въ болѣзненность“.

e) Относительно *„перехода въ умопомѣшательство“* мы можемъ указать на вышесказанное о скоропроходящемъ и остающимся умопомѣшательствѣ вслѣдствіе поврежденія въ смыслѣ §§ 152 и 156 в. нынѣшнихъ австр, Уг. Зак. Новыя постановленія закона отличаются отъ названныхъ только тѣмъ, что различія между скоропроходящимъ умопомѣшательствомъ и умопомѣшательствомъ „безъ вѣроятности излѣченія“ въ этихъ постановленіяхъ не дѣлается, и кромѣ того изъ нашихъ вышеприведенныхъ объясненій выходитъ, что законодатель при принятіи выраженія „переходъ въ болѣзненность и параличъ“ имѣлъ въ виду не исключительно только неизлечимыя состоянія.

f) *Остающееся увѣчье* (проэк. австр. Уг. Зак.) *значительное и остающееся безобразіе* (нѣмецкій Уг. Зак.). Относительно этихъ опредѣленій мы ссылаемся на вышесказанное, не прибавляя ничего болѣе.

B. *Вредныя дѣйствія* (Misshandlung schlechtweg) (*проэк. авст. Уг. Зак.*) *или легкія тѣлесныя поврежденія* (*нѣм. Уг. Зак.*)

Если „вредныя дѣйствія“ (проэкт. авст. Уг. Зак.) равнымъ образомъ „тѣлесное поврежденіе“ (нѣм. Уг. Зак.) не оставляютъ послѣ себя такихъ послѣдствій, которыя называются „тяжелыми тѣлесными поврежденіями“ въ смыслѣ Уголовнаго Закона, а также не причиняютъ смерти, то они обозначаются выраженіями „вредное дѣйствіе“ или *„легкое* тѣлесное поврежденіе“. Это послѣднее выраженіе желательно было бы ввести въ австрійскую судебно-медицинскую практику, хотя оно нигдѣ не встрѣчается въ проэктѣ новаго австр. Уг. Зак., потому что это выраженіе во всякомъ случаѣ болѣе свободно и кромѣ того является болѣе логичнымъ противопоставлять „тяжелое“ поврежденіе „легкому“.

Слѣдовательно всѣ тѣ поврежденія слѣдовало бы обозначать выраженіемъ „легкія тѣлесныя поврежденія“, которыя не причиняютъ смерти и не оставляютъ послѣ себя послѣдствій ясно упомянутыхъ въ § 236 проэк. авст. и въ § 224 нѣм. Уг. Зак. Изъ этого видно, что выраженіе „легкое тѣлесное поврежденіе“ впредь будетъ имѣть болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Но изъ этого также выходитъ, что мы черезъ это обширное примѣненіе выраженія „легкое поврежденіе“ до нѣкоторой степени противорѣчимъ обыкновенному пониманію этого выраженія, потому что подъ понятіе „легкое поврежденіе“ подводятъ не только совершенно незначительныя поврежденія, но рядъ такихъ, которыя на основаніи медицинскихъ соображеній обыкновенно обозначаются не легкими, но прямо тяжелыми

Въ своей первоначальной редакціи нѣмецкій Угол. Зак. не представлялъ никакихъ категорій „легкихъ тѣлесныхъ поврежденій", но предоставлялось судьѣ, смотря по обстоятельствамъ, присуждать за это поврежденіе или къ тюремному заключенію до 3-хъ лѣтъ, или къ денежному штрафу до 300 талер. На практикѣ однако оказалось необходимымъ дѣлать ясно указанное закономъ различіе между „легкими поврежденіями", главнымъ образомъ для того чтобы опредѣлять, мѣру наказанія, смотря по степени поврежденія. Для чего (1876) § 223 дополненъ примѣчаніемъ подъ лит. а, въ которомъ сказано:

Если тѣлесное поврежденіе нанесено оружіемъ въ особенности же ножемъ, или какимъ нибудь другимъ опаснымъ предметомъ или при неожиданномъ умышленномъ нападеніи, или совокупно многими или посредствомъ дѣйствія опаснаго для жизни, то опредѣляется тюремное заключеніе не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ.

Проэктъ австрійск. Уг. Закона предвидѣлъ необходимость такого раздѣленія, кромѣ того онъ въ § 235 приводитъ извѣстныя обстоятельства, при которыхъ мѣрою наказанія можетъ быть опредѣлено тюремное заключеніе до 5 лѣтъ. (слѣдовательно самый высшій срокъ тюремнаго заключенія по § 13), между, тѣмъ какъ за вредныя дѣйствія опредѣляется только тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ или денежный штрафъ до 500 флор

Этотъ параграфъ гласитъ:

«За вредныя дѣйствія (§ 234) опредѣляется тюремное заключеніе:

1. Если они имѣли послѣдствіемъ продолжающееся свыше одной недѣли разстройство здоровья или неспособность къ занятіямъ; или же сопровождались особеннымъ мученіемъ».

2- Если они были совершены такимъ орудіемъ или при такихъ обстоятельствахъ, что жизнь потерпѣвшаго была въ опасности;

3. Если они причинены родственникамъ въ восходящей линіи.

Кромѣ послѣдняго обстоятельства, которое упоминается также въ § 223 нѣмецкаго Уг. Зак. и которое не нуждается во врачебномъ обсужденіи, находится еще одно, о которомъ оба закона упоминаютъ какъ объ отягчающемъ а именно: „когда (§ 223 а нѣм. Уг. Зак.) поврежденіе совершено орудіемъ, въ особенности ножемъ или какимъ нибудь другимъ опаснымъ предметомъ, или же посредствомъ дѣйствія опаснаго для жизни", равнымъ образомъ, „когда оно (§ 235 проэкта Австр. Уг. Зак.), совершено опаснымъ орудіемъ или при обстоятельствахъ, которыя обусловливаютъ опасность жизни".

Эти опредѣленія по существу аналогичны съ опредѣленіями § 155 нынѣ дѣйствующаго австрійскаго Уг. Зак., однако же не вполнѣ идентичны. Отличіе это съ одной стороны заключается въ томъ, что новые законы смотрятъ на употребленіе опаснаго для жизни орудія вообще какъ на отягчающее обстоятельство, не обращая вниманія на извѣстный способъ его употребленія, какъ это требуется по § 155 а Австр. настоящихъ Уг. Зак., но съ другой стороны въ томъ, что опредѣляется тяжелое наказаніе за опасные для жизни поступки, совершенные орудіемъ, опасность котораго уже по природѣ своей общеизвѣстна, а равнымъ образомъ, если эти поступки совершены при обстоятельствахъ, обусловливающихъ опасность для жизни. Но изъ этого слѣдуетъ, что относящіяся сюда опредѣленія были бы болѣе понятны, если бы они гласили слѣдующее:

Нѣмец. Угол. Зак. § 223 а: **Если тѣлесное повреждевіе было нанесено посредствомъ оружія, въ особенности же ножомъ или какимъ нибудь другимъ опаснымъ орудіемъ, ... или посредствомъ какого** *нибудь другаго* **опаснаго для жизни поступка, то . . . .»**

Проэктъ австр. Уг. Зак. § 235, 2: **«Если вредныя дѣйствія совершены были орудіемъ или при другихъ обстоятельствахъ, которыя обусловливаютъ опасность для жизни».**

Относительно „опаснаго для жизни орудія“ мы ссылаемся на то, что было сказано при обсужденіи аналогичнаго опредѣленія § 155 теперешнихъ австр Уг. Зак.; изъ этого, а также изъ смысла вышеназваннаго новаго закона выходитъ, что иногда не только оружіе въ строгомъ смыслѣ, но также и другіе инструменты должны быть разсматриваемы такимъ образомъ, что преступникъ можетъ и долженъ знать, что употребленіе ихъ связано съ опасностью для жизни. Нѣмецкій уголовный законъ спеціально выставляетъ ножъ, какъ опасное для жизни орудіе, что происходитъ вслѣдствіе частаго его употребленія и опасности, которая дѣйствительно является при употребленіи этого орудія, хотя, какъ это видно изъ вышеупомянутаго закона, не всѣмъ ножамъ безъ исключенія можно приписывать опасный для жизни характеръ. На этомъ основаніи намъ кажется, что общее направленіе проэкта австр. угол зак. болѣе цѣлесообразно, такъ какъ оно позволяетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взвѣшивать опасность для жизни даннаго орудія.

Подъ другимъ „опаснымъ для жизни поступкомъ“, равнымъ образомъ подъ другими „обстоятельствами обусловливающими опасность для жизни“ слѣдуетъ понимать частію вредныя дѣйствія опаснаго для жизни характера, которыя хотя совершены орудіемъ, но не такимъ, которое уже по природѣ своей должно

быть обозначено, какъ опасное для жизни, напр. удары палкою, кулакомъ, пинки и пр., но съ другой стороны опасное для жизни вредное дѣйствіе, которое совершено было безъ употребленія орудія въ тѣсномъ смыслѣ, так. напр. черезъ лишеніе жизненныхъ потребностей и т. п.

Такого рода понятіе согласуется съ тѣмъ понятіемъ нѣмецкаго „Рейхсрата“ по поводу окончательной редакціи § 223 а нѣм. Угол. Зак., въ которой выраженіе „жизни угрожающее дѣйствіе“ такимъ образомъ коментируется: было ли дѣйствіе со стороны преступника таково, что, по заключенію врачей, дѣйствительно жизнь подвергалась опасности (*)“.

§ 235. Проэк. австр. Уг. Закона содержитъ, кромѣ выше сказаннаго, еще опредѣленіе, а именно, что увеличеніе уголовной мѣры наказанія опредѣляется, „если вредное дѣйствіе имѣло послѣдствіемъ постоянное разстройство здоровья или неспособность къ занятіямъ свыше одной недѣли, или же оно было связано съ особеннымъ мученіемъ“. Эти понятія также не требуютъ особеннаго объясненія, потому что они употребляются въ такомъ же смыслѣ нынѣшними австрійскими уголовными законами и уже были подробно объяснены.

Въ нѣмецкомъ Уг. Зак. особенныя мученія не упоминаются ясно, какъ отягчающее обстоятельство, напротивъ въ § 251 опредѣляется заключеніе въ смирительномъ домѣ, „если при грабежѣ человѣкъ былъ истязаемъ“ между тѣмъ какъ въ § 255 проэк. австр. Уг. Зак. употребляется потому-же поводу выраженіе „тѣлесно мучимый“; эти выраженія указываютъ съ своей стороны, что именно законодатель желаетъ понимать подъ „особенными мученіями“, связанными съ вреднымъ дѣйствіемъ.

Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть, что проэк. австрійск. Угол. Зак. (§ 237) и нѣмецкій Угол. Зак. (§ 225) опредѣляютъ наказаніе въ смирительномъ домѣ до 10 лѣтъ, если при вредномъ дѣйствіи или тѣлесномъ поврежденіи было *преднамѣренно* совершено, одно изъ послѣдствій, обозначеныхъ въ § 236 проэкт. австр. Угол. Зак. въ § 224 нѣм. Уг. Зак., слѣдовательно „тяжелое тѣлесное поврежденіе“.

Въ большинствѣ случаевъ дѣло судьи узнать намѣреніе преступника произвести одно изъ упомянутыхъ послѣдствій. Если же судебному врачу будетъ предложенъ такого рода вопросъ, то онъ, какъ мы упомянули при обсужденіи § 155 а австрійск. Уг. Закон., можетъ ограничиться тѣмъ, что сила была направлена противъ извѣстнаго важнаго для жизни органа, что орудіе было употреблено съ большею силою и т. п., однако представляя

(*) *Liman* (l. c. I. p. 386).

судьѣ, а также и присяжнымъ эти данныя обратить въ доказательство того, что преступникъ при совершеніи преступленія имѣлъ намѣреніе произвести упомянутыя послѣдствія.

C. *Смертельныя поврежденія.*

Каждое поврежденіе, которое произвело смерть, есть смертельное поврежденіе. При этомъ для обозначенія поврежденія какъ смертельнаго все равно, произвело ли оно смерть непосредственно или посредственно, равнымъ образомъ это же поврежденіе, гдѣ нибудь въ другомъ случаѣ, можетъ быть, не произвело бы смерти. Другими словами поврежденіе только тогда называется смертельнымъ, когда оно *въ данномъ случаѣ* находится въ причинной связи со смертію, *при чемъ кромѣ того, принимается во вниманіе общая или процентная смертность отъ даннаго поврежденія*, поэтому взвѣшиваніе этихъ обстоятельствъ и описаніе основаній, составляетъ большую часть врачебнаго мнѣнія.

Если насильственная смерть вслѣдствіе механическаго поврежденія дѣлается предметомъ судебно-врачебнаго изслѣдованія и обсужденія, то обыкновенно здѣсь дѣло идетъ о рѣшеніи трехъ главныхъ вопросовъ, которые могутъ быть выведены изъ опредѣленій § 129 австр. Угол. St. *P. O.* и которые гласятъ слѣдующее:

1. Что было ближайшею причиною смерти, или отчего вскрываемый прежде всего умеръ?

2. Произошла ли ближайшая причина смерти, вслѣдствіе поврежденія и вслѣдствіе какого? и въ утвердительномъ случаѣ:

3. Нанесено ли это поврежденіе вслѣдствіе дѣйствія другаго лица, или оно произошло какимъ либо другимъ образомъ?

1. *Ближайшая причина смерти.*

«Мнѣніе должно заключать въ себѣ, что въ данномъ случаѣ *прежде всего* было причиною наступившей смерти и чѣмъ эта причина смерти обусловливалась», сказано въ § 129 австр. St. P. O. и равнымъ образомъ § 29 прусскаго Regulat опредѣляетъ, что «въ каждомъ случаѣ мнѣніе должно быть направлено на причину смерти, смотря потому, что окажется изъ объективныхъ данныхъ, но также и на рѣшеніе вовопроса о преступномъ побужденіи. Если причина смерти не была найдена, то это должно быть ясно показано. Вовсе не достаточно сказать, что смерть произошла отъ внутренней причины или болѣзни; напротивъ того необходимо обозначить послѣднія».

Опредѣленіе ближайшей причины смерти, т. е. причины, отъ которой человѣкъ вслѣдствіе поврежденія прежде всего умеръ,

отнюдь не всегда легко; а именно тогда, когда эта причина порождается не матеріальнымъ измѣненіемъ важнаго для жизни органа, но анатомически недоказаннымъ или только трудно узнаваемымъ разстройствомъ важной для жизни функціи. Въ такого рода случаяхъ мы не рѣдко вынуждены ближайшую причину смерти выводить скорѣе не изъ результатовъ вскрытія, но изъ анамнеза, соображаясь при этомъ съ патологическими и физіологическими опытами и также природою даннаго поврежденія.

Вообще ближайшія причины смерти можно раздѣлить на первичныя или непосредственныя, вторичныя или посредственныя, хотя не въ состояніи разграничить ихъ рѣзко.

Къ *первичнымъ* или *непосредственнымъ* ближайшимъ причинамъ смерти принадлежатъ.

a) *Уничтоженіе* или грубое поврежденіе одного или нѣсколькихъ *безусловно необходимыхъ для жизни органовъ* напр. головнаго и спиннаго мозга, легкихъ или сердца, высшую степень поврежденія которыхъ мы находимъ въ раздробленіи цѣлаго тѣла, которое наблюдается послѣ взрыва или дѣйствія другихъ подобныхъ огромныхъ силъ.

Раздробленіе извѣстнаго органа и вслѣдствіе этого тотчасъ же происшедшее прекращеніе функціи послѣдняго настолько ясно, что этого достаточно, что бы это раздробленіе обозначить ближайшею причиною смерти, и является совершенно излишнимъ отыскивать причину еще болѣе близкую въ строго физіологическомъ смыслѣ.

b) Другія *механическія разстройства функціональной способности* безусловно необходимаго для жизни органа, такъ головнаго и спиннаго мозга,—вслѣдствіе давленія экстравазатами, легкихъ—вслѣдствіе вскрытія грудной клѣтки съ одновременнымъ поврежденіемъ или безъ поврежденія легкихъ, сердца—вслѣдствіе остановки движенія послѣдняго при кровоизліяніи въ сердечную сорочку и пр.

c) *Кровотеченіе*, одна изъ ближайшихъ причинъ смерти послѣ механическихъ поврежденій, оно наступаетъ послѣ поврежденій сердца или большихъ сосудовъ, но также послѣ поврежденія богатыхъ кровью паренхиматозныхъ органовъ, въ особенности печени, селезенки и легкихъ.

Можно различать наружное и внутреннее кровотеченіе, а именно говорятъ о первомъ, если кровь, выступающая изъ поврежденія, оставляетъ тѣло и говорятъ о послѣднемъ, если кровь изливается въ его полости.

Діагнозъ бывшаго кровотеченія вытекаетъ съ одной стороны изъ природы даннаго поврежденія, а также изъ большаго количества крови, излившейся наружу тѣла потерпѣвшаго, или въ извѣстныя его полости, затѣмъ изъ высокой степени анеміи тру-

па, которая констатируется при наружномъ осмотрѣ на основаніи чрезмѣрной блѣдности кожи и слизистыхъ оболочекъ, малаго развитія и даже совершеннаго отсутствія посмертныхъ пятенъ, а при внутреннемъ осмотрѣ на основаніи малаго количества крови въ сердцѣ и большихъ сосудахъ, но также и на основаніи въ большей или меньшей степени бросающагося въ глаза малокровія и даже блѣдности и сухости паренхиматозныхъ органовъ.

Въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ кровотеченія оно легко узнается, однако слѣдуетъ твердо держаться того факта, что ни при одной формѣ кровотеченія вся кровь не оставляетъ тѣла, но каждый разъ остается нѣкоторое количество ея, которое однако же въ значительной степени варіируется (*).

По большей части анемія наиболѣе выражена при „наружномъ кровотеченіи“ и мы уже три раза видѣли её настолько рѣзко выраженной, что не смотря на многодневное лежаніе трупа не было найдено никакого слѣда посмертныхъ пятенъ.

Гораздо рѣже она бываетъ такъ значительна при внутреннемъ кровотеченіи, потому что съ одной стороны объемъ полостей тѣла не позволяетъ слишкомъ большаго накопленія количества крови, а съ другой потому, что въ такого рода случаяхъ, вслѣдствіе кровоизліянія часто другія функціи прекращаются, напр., движеніе сердца или расширеніе легкихъ, черезъ что ускоряется наступленіе смерти.

Кромѣ этихъ обстоятельствъ и индивидуальныя особенности являются въ этомъ отношеніи заслуживающими вниманія, такъ какъ, вѣроятно, отъ нихъ зависитъ, что послѣ большихъ потерь крови происходитъ смерть или остановка дѣятельности сердца. Опытъ также учитъ, что вообще долго продолжающееся, но мало по малу, интервалами наступающее кровотеченіе обусловливаетъ болѣе высшую степень анеміи, чѣмъ острое кровотеченіе.

При оцѣнкѣ найденнаго относительно анеміи для діагноза бывшаго кровотеченія слѣдуетъ имѣть въ виду, что индивидуумъ раньше могъ быть анемиченъ и что существуетъ цѣлый рядъ другихъ состояній, которыя могутъ производить высокія степени анеміи (ракъ, туберкулезъ, левкемія, хлорозъ), состоянія, которыя, впрочемъ, обыкновенно легко исключаются.

Относительно гнилыхъ труповъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при распространившемся гніеніи участвующимъ явленіемъ представляется безкровіе сердца и большихъ сосудовъ, которое про-

---

(*) *Bischoff* находилъ у взрослыхъ 7, 7: *Welker*—у дѣтей 5, 2 крови на 100 частей вѣса тѣла, такъ что слѣдовательно человѣкъ вѣсомъ въ 153 ф. долженъ былъ бы имѣть крови 11 фунтовъ.

исходитъ вслѣдствіе того, что излившаяся и разлагающаяся кровь имбибируетъ стѣнки сосудовъ и сосѣднія ткани, равнымъ образомъ трансудируетъ въ различные серозные мѣшки. Слѣдовательно было бы грубою ошибкою въ такихъ случаяхъ діагносцировать бывшее кровотеченіе единственно только на безкровіи сердца и большихъ сосудовъ.

d) Не рѣдко первичною ближайшею причиною смерти послѣ поврежденій является *шокъ*, подъ которымъ понимаютъ остановку сердца (параличъ сердца), вслѣдствіе интензивнаго раздраженія переферическихъ нервныхъ окончаній рефлекторнымъ путемъ; смерть отъ шока преимущественно наблюдается послѣ большихъ поврежденій, но, однако, является относительно чаще и послѣ маленькихъ, но многочисленныхъ поврежденій кожи, т. наприм. при побояхъ черезъ продолжительныя удары палокъ, розогъ и т. п.

Вскрытіе при такихъ обстоятельствахъ, кромѣ поврежденія, даетъ отрицательные результаты и понятно, что вслѣдствіе природы такой ближайшей причины смерти не можетъ быть рѣчи объ анатомическомъ доказательствѣ послѣдней, и что она можетъ быть выведена только изъ связи всѣхъ обстоятельствъ даннаго случая. Именно такое заключеніе позволительно, если данный индивидуумъ умеръ во время или непосредственно послѣ понесеннаго вреднаго дѣйствія или пораненія. Если смерть наступила впослѣдствіи, тогда отъ принятія шока слѣдуетъ удерживаться тѣмъ больше, чѣмъ продолжительнѣе былъ промежутокъ относительнаго здоровья между поврежденіемъ и смертью, такъ какъ опытъ показываетъ, что во многихъ такихъ случаяхъ, въ которыхъ прежде объясняли смерть отъ шока, вслѣдствіе отсутствія бросающагося въ глаза момента, который можно бы было принять за ближайшую причину смерти, однако при болѣе точномъ разслѣдованіи были находимы другіе моменты, какъ ближайшія причины смерти.

Въ особенности это заслуга Nussbaum'а и его учениковъ (Wagner, Rusch, Halm); вслѣдствіе слишкомъ частаго принятія шока они предприняли изслѣдованіе и показали (*), что во многихъ такихъ случаяхъ ближайшею причиною смерти является не шокъ, но въ нѣкоторыхъ collapsus, происшедшій вслѣдствіе быстраго всасыванія септической матеріи, въ другихъ эмболія капиллярныхъ сосудовъ, констатированная Вирховымъ и др. (**)

(*) «Ueber den Schok grosser Verletzungen Wr. medic Presse 1877 N 16 und 17.

(**) Bergmann, Czerny, Uffetmann und *Heschl*. Мы точно также нѣсколько разъ имѣли случай наблюдать ее.

послѣ раздробленія костей, въ особенности же эмболія легкихъ отъ всасыванія мозговаго жира, при большихъ ранахъ живота охлажденіе брюшины, доказанное Wegner'омъ.

Форма шока, имѣющая также значеніе въ судебномъ отношеніи, есть параличъ вазоматорныхъ нервовъ, обусловленный травматическимъ сотрясеніемъ, особенно въ области nn. splanchnicorum. Въ этомъ отношеніи извѣстенъ Гольцевскій опытъ поколачиванія, состоящій въ томъ, что у лягушки, вслѣдствіе повторныхъ ударовъ по животу, сердце останавливается въ діастолѣ; конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что быстрыя сотрясенія живота у человѣка, вслѣдствіе удара, паденія и т. п. могутъ повести за собою такія же послѣдствія.

Мы имѣли рѣдкій случай наблюдать „опытъ поколачиванія" въ большихъ размѣрахъ на человѣкѣ, окончившійся благопріятно; именно мы случайно присутствовали, какъ передъ нашими глазами рабочій при выведеніи вагоновъ изъ путеваго двора въ Инсбрукѣ, попалъ между пуфферами, такъ что у него нижняя часть грудной клѣтки сдавилась. Человѣкъ закричалъ, при чемъ произошла рвота; моментально освобожденный при нашемъ содѣйствіи, онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и въ безчувственномъ состояніи. Удары сердца и пульсъ не ощущались. При спрыскиваніи холодною водою, онъ черезъ нѣсколько мгновеній пришелъ въ себя и сердцебіеніе, которое нельзя было ни ощущать, ни слышать впродолженіи нѣсколькихъ секундъ, возстановилось опять, хотя оно, равно какъ и пульсъ, было слабо и неправильно впродолженіи нѣсколькихъ минутъ. Поврежденный, перенесенный домой, на другой день былъ совершенно здоровъ.

Къ травматическимъ рефлекторно—вазоматорнымъ параличамъ, которые могутъ причинить смерть, принадлежитъ commotio cerebri, о которомъ мы поговоримъ при поврежденіяхъ головы.

e) Во многихъ случаяхъ поврежденій ближайшею причиною смерти можетъ быть *асфиксія.* Строго принимая, и вышеописанный шокъ принадлежитъ сюда, потому что при немъ, какъ и при каждой моментальной остановкѣ сердцебіенія, смерть въ концѣ концовъ происходитъ вслѣдствіе задушенія, Равнымъ образомъ смерть происходитъ чрезъ асфиксію при смертельныхъ поврежденіяхъ, при которыхъ вскрывается грудная полость, черезъ что расширеніе легкихъ дѣлается невозможнымъ.—Далѣе сюда принадлежатъ поврежденія medullae oblongatae; и вообще не трудно понять, что почти во всѣхъ мгновенныхъ родахъ смерти, происшедшихъ вслѣдствіе поврежденія, задушеніе является ближайшею или лучше сказать послѣднею причиною смерти, такъ напр. обезкровливаніе можетъ быть понимаемо какъ форма задушенія. Можно доказать, что асфиксія въ тѣсномъ смыслѣ

слова не рѣдко является ближайшею причиною смерти при рѣзаныхъ ранахъ шеи, какъ это особенно часто встрѣчается у самоубійцъ; именно, задушеніе здѣсь происходитъ оттого, что кровь, вытекающая изъ перерѣзанныхъ сосудовъ, попадаетъ въ дыхательные пути также перерѣзанные и такимъ образомъ вдыхается.

Къ *вторичнымъ* или *посредственнымъ* ближайшимъ причинамъ смерти принадлежатъ:

a) *Воспалительные процессы* отдѣльныхъ органовъ такъ Meningitis, encephalitis, pleuritis. peritonitis etc.

b) *Pyämia* Septicämia, Urämia.

c) *Истощеніе,*—этимъ выраженіемъ можно довольствоваться, если индивидуумъ умеръ послѣ продолжительной болѣзни, въ особенности соединенной съ обильнымъ нагноеніемъ и если, кромѣ поврежденія, общей анеміи и исхуданія нѣтъ никакого патологическаго явленія, которое можно бы было признать за ближайшую причину смерти:

d) *Tetanus*, — ближайшая причина смерти, которая также мало можетъ быть выведена изъ результатовъ вскрытія, какъ первичный и вторичный шокъ; но которая получается изъ анамнеза, если только не должно и здѣсь признать асфиксію послѣднею причиною смерти.

2. *Доказательство причиной связи ближайшей причины смерти съ поврежденіемъ.*

Доказательство того, что различныя ближайшія причины смерти дѣйствительно произошли вслѣдствіе поврежденія, слѣдовательно насильственнымъ путемъ, будетъ возможно, когда мы приведемъ, что данное поврежденіе было нанесено еще во время жизни индивидуума и что оно способно произвести тѣ измѣненія или разстройства въ организмѣ, которыя мы признали за ближайшую причину смерти, а также и тогда, когда мы исключимъ какъ естественную смерть, такъ и смерть, происшедшую вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ.

О доказательствѣ того, что извѣстное поврежденіе, вредное дѣйствіе было способно произвести тѣ измѣненія, которыя признаются ближайшею причиною смерти, мы не будемъ много распространяться, потому что это доказательство выводится только изъ общихъ клиническихъ и патолого-анатомическихъ основаній, а также и потому, что мы будемъ еще имѣть случай замѣтить необходимое при описаніи поврежденій по ихъ мѣсту.

a) *Отличіе прижизненнаго поврежденія отъ посмертныхъ.*

Всегда необходимо имѣть въ виду возможность, что поврежденіе, найденное при вскрытіи, могло произойти и по смерти, именно, при изслѣдованіи дѣтскихъ труповъ, и особенно смотря по роду ихъ устраненія (бросаніе въ отхожія мѣста, втискиваніе въ тѣсныя пространства, зарываніе и закрытіе камнями и пр.) что служитъ весьма часто къ происхожденію посмертныхъ поврежденій.—Но послѣднія могутъ находиться и у взрослыхъ и давать поводъ къ обману. Сюда принадлежатъ напр., случайныя поврежденія, которыя образуются на трупахъ, бывшихъ въ водѣ вслѣдствіе таскапія по хрящеватому дну, ударовъ о камни, брусья, льдины и т. п., также тѣ, которыя являются при неловкомъ сниманіи повѣшенныхъ, вслѣдствіе паденія трупа и наконецъ тѣ, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ происходить вслѣдствіе обгладыванія животными. Также может случиться, что поврежденія, сдѣланныя при вскрытіи, какъ, напр., отрывъ черепа при неловкомъ сниманіи черепныхъ покрововъ, могутъ быть приняты существовавшими при жизни. Далѣе, посмертныя поврежденія могутъ быть наносимы также умышленно, такъ раздробленіе трупа убитаго или для того, чтобы симмулировать самоубійство; такъ намъ извѣстенъ случай, въ которомъ трупъ женщины, вѣроятно убитой какимъ либо другимъ способомъ, былъ положенъ на рельсы (*). Также возможно, что индивидууму уже убитому какимъ либо другимъ способомъ, наносится поврежденіе съ цѣлью показать, что оно уже было нанесено при жизни

Такъ мы вскрывали въ Инсбрукѣ трупъ Итальянца, который былъ убитъ чрезъ раздробленіе черепа и кромѣ того имѣлъ длинный ножъ, воткнутый въ шею; этотъ послѣдній ясно былъ воткнутъ уже послѣ смерти, потому что, несмотря, на поврежденіе большихъ артерій и венъ, въ ранѣ не было никакого слѣда реактивныхъ явленій. Признаніе такого поврежденія за посмертное имѣло бы тогда особую важность, когда бы оно было причинено другимъ лицемъ, отличнымъ отъ лица, нанесшаго смертельное повреждение.

Какія странныя возможности могутъ быть относительно происхожденія посмертныхъ поврежденій, показываетъ случай, сообщенный Maschka [Gutachten I], въ которомъ трупъ мальчика, очевидно умершаго во вре-

(*) Taylor [l. c. I. 250] разсказываетъ объ одной дамѣ, у которой было перерѣзано горло ясно съ такимъ же намѣреніемъ, между тѣмъ какъ она прежде была убита задушеніемъ. Относительно незначительное количество крови, вытекавшей изъ раны, возбудило подозрѣніе, что въ данномъ случаѣ было не самоубійство, а убійство.

мя эпилептическаго припадка, лежалъ нѣсколько дней подъ открытымъ небомъ, засыпанный въ снѣгу, но такъ что голова его нѣсколько выстояла; охотники за личью приняли эту послѣднюю при лунномъ освѣщеніи за зайца и прострѣлили её; судебные врачи, основываясь на присутствіи картечи въ костяхъ черепа и мозгу и не смотря на совершенно незначительныя явленія реакціи, вызванныя зарядомъ, склонялись болѣе къ тому, что въ данномъ случаѣ смерть произошла отъ огнестрѣльнаго повреждения, до тѣхъ поръ пока не было представлено точныхъ доказательствъ противъ такого объясненія.

Такъ какъ мы уже выше [ст. 294] говорили объ отношеніи прижизненныхъ ссадинъ кожи къ посмертнымъ и упоминали также о кровоподтекахъ при ранахъ, то здѣсь при описаніи тѣхъ моментовъ, которые способны дать различіе прижизненныхъ повреждений отъ посмертныхъ, мы будемъ имѣть въ виду только раны мягкихъ частей и поврежденія костей.

Прежде всего въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить фактъ, первоначально выставленный Casper'омъ (*), что на трупѣ какъ мягкія части такъ и кости, показываютъ большую способность противодѣйствія насиліямъ, въ особенности тупымъ орудіямъ, чѣмъ на живомъ организмѣ. Хотя въ этомъ фактѣ сомнѣвается Krahmer (**), однако рядъ другихъ наблюдателей въ особенности F. Falk (***) и Aely (****) экпериментально провѣрили его и подтвердили. Мы также на основаніи многочисленныхъ опытовъ, которые мы производили и ежегодно демонстрировали нашимъ ученикамъ, должны согласиться съ мнѣніемъ вышеназванныхъ наблюдателей. Причина этого явленія, по нашему мнѣнію, заключается въ незначительной тургесценціи мертвыхъ тканей, и въ болѣе тѣстовидной консистенціи и большей пластичности, которыя мягкія части получаютъ вслѣдствіе посмертнаго окоченѣнія. Само собою понятно, что эта большая способность противодѣйствія мертвыхъ тканей есть только относительная и понятно, что каждая сила, если она соотвѣтственнымъ образомъ будетъ увеличена, можетъ повести къ нарушенію цѣлости какъ мягкихъ частей, такъ и костей и что равнымъ образомъ какъ и при жизни, опредѣленныя насилія при извѣстныхъ условіяхъ, напр.

(*) Haudb. der ger. Med. 1864, 4 Aufl. II, 264.

(**) Haudb. de ger. Med. 1857, 2. Aufl. 513.

(***) «Lur Frage der Widerstandsfähigkeit der Gewebe im Leben und nach dem Fode». Vierteljahrssch, f. ger. M. 1873, XVIII. 18.

(****) «Ueber die verschiedene Widerstandsfähig keif der Knochen im todten und lebenden Lustande». Arch. f. Anat. und. Phys. 1874. 510.

при благопріятномъ положеніи части, могутъ производить такія нарушенія цѣлости легче, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ.

Если поэтому Krahmer тяжестью раскачиваемой маятникообразно вѣсомъ въ 25 фун. былъ въ состояніи не только раздроблять на куски черепъ, но производить также и переломъ основанія его и если Küster при своихъ выше упомянутыхъ опытахъ [с. 321] съ ружьями Шассно наблюдалъ разрывъ черепа на трупѣ, что также констатируется и другими, то эти факты нисколько не говорятъ противъ общаго направленія, приводимаго Casper'омъ положенія, которое, конечно, можетъ модифицироваться вышеупомянутымъ образомъ.

Далѣе необходимо обращать вниманіе на присутствіе или отсутствіе прижизненныхъ явленій реакціи. Если между нанесеніемъ поврежденія и смертью прошло много времени, то обыкновенно явленія воспалительнаго припуханія, нагноенія и т. п. настолько значительны, что распознаваніе поврежденія какъ прижизненнаго не представляетъ никакой трудности, а потому по своей очевидности рѣдко является предметомъ вопроса, хотя нужно замѣтить, что такія явленія реакціи, непредставляющія никакого сомнѣнія и очевидныя на свѣжихъ трупахъ, могутъ вслѣдствіе гніенія уничтожаться или дѣлаться трудно различимыми.

Несравненно труднѣе различать посмертныя поврежденія отъ поврежденій, нанесенныхъ непосредственно передъ смертію. Въ такомъ случаѣ различіе основывается на томъ наблюденіи, что поврежденія происшедшія при жизни, связаны съ соотвѣтственнымъ сокращеньемъ разъединенныхъ мягкихъ частей и съ болѣе или менѣе сильнымъ кровотеченіемъ, между тѣмъ какъ оба эти явленія при посмертныхъ поврежденіяхъ или вовсе отсутствуютъ или, по крайней мѣрѣ, выражены несравненно слабѣе.

Прижизненное сокращеніе дѣлается въ особенности замѣтнымъ на кожѣ и обусловливаетъ расхожденіе краевъ раны. Степень, въ которой это явленіе встрѣчается при поврежденіяхъ, возникшихъ при жизни, зависитъ отъ мѣстныхъ отношеній разсматриваемаго участка кожи, именно отъ того, насколько прикрѣпленіе послѣдней къ нижележащимъ слоямъ тканей допускаетъ большую или меньшую сократительность. Особенно сильно проявляется сократительность, если кожа на разсматриваемомъ мѣстѣ легко подвижна и связана съ нижнимъ слоемъ только посредствомъ рыхлой, широкопетлистой соединительной ткани, тогда какъ на другихъ мѣстахъ, какъ напр. на головѣ и спинѣ, съ одной стороны плотность и толщина самой кожи, а съ другой стороны небольшое количество тугонатянутой подкожной ткани не допускаютъ сильнаго расхожденія раздѣленной кожи. Понятно, что эти мѣстныя отношенія также имѣютъ значеніе и

при поврежденіяхъ посмертныхъ, такъ какъ вообще извѣстно, что мертвая кожа также до извѣстной степени удерживаетъ свою эластичность и сократительность и что отъ этого края раны болѣе или менѣе расходятся, но вообще не въ такой степени, какъ мы обыкновенно можемъ наблюдать на разрѣзахъ, происшедшихъ при жизни, почему измѣненіе первоначальной формы кожной раны при посмертныхъ раненіяхъ менѣе выдается, нежели измѣненіе ея при раненіяхъ, происшедшихъ при жизни. Нельзя оставить безъ вниманія и то, что какъ при жизненныхъ, такъ и при посмертныхъ разъединеніяхъ кожи, разстояніе между краями раны можетъ многоразлично измѣняться вслѣдствіе мѣста и положенія разсматриваемой части тѣла.

При поврежденіяхъ, нанесенныхъ при жизни, особенно энергично проявляется сократительность мускулятуры, но относительно ея извѣстно, что она существуетъ нѣкоторое время послѣ смерти и не проявляется болѣе только послѣ того, какъ наступитъ окоченѣніе, изъ чего слѣдуетъ, что поврежденіе могло быть произведено вскорѣ послѣ смерти, хотя бы раздѣленныя мышечныя брюшки были найдены сокращенными, если это поврежденіе, напр. разрубленіе на куски трупа, было произведено непосредственно или столь скоро послѣ смерти, что сократительность мускулятуры могла еще проявить себя. Разъ произошло окоченѣніе или оно уже прошло, мускулятура, если она разъединена, послѣ этого мало или почти вовсе не сокращается. Вообще должно здѣсь замѣтить, что способность сократительности перерѣзанныхъ мускуловъ многоразлично обусловлена родомъ и способомъ ихъ прикрѣпленія и отношеніемъ къ сосѣднимъ частямъ.

Къ частямъ тѣла, сократительность которыхъ обусловлена какъ мышечными пучками, такъ и богатствомъ эластическихъ волоконъ и сильно проявляется, если разобщеніе этихъ частей происходитъ при жизни, принадлежатъ извѣстные апоневрозы, особенно Galea, и артеріи, состояніе которыхъ поэтому, если дѣло идетъ о различеніи посмертныхъ и прижизненныхъ поврежденій, всякій разъ должно быть принимаемо во вниманіе.

Еще болѣе важную точку опоры для отвѣта на предстоящій вопросъ представляетъ изслѣдованіе *кровотеченія*, находящагося или снаружи, или внутри въ полостяхъ тѣла, или въ сосѣдней ткани (подтеки), особенно же отсутствіе этого явленія.

Раны, возникшія при жизни, болѣе или менѣе кровоточатъ. Поэтому на трупѣ мы находимъ частію жидкую, частію свернувшуюся или засохшую кровь на самой ранѣ, и ея ближайшей окружности, и кровь, излившуюся частію на наружную поверхность тѣла, какъ напр. на одежды, и внутрь его между разобщенными слоями тканей или въ полости тѣла. Если поврежденіе будетъ нанесено трупу, то сильное кровотеченіе наступаетъ

только тогда, если будутъ повреждены очень большіе сосуды, наполненные жидкою кровію, при чемъ однако изливается только то количество крови, которое находится въ этомъ сосудѣ и его большихъ развѣтвленіяхъ безъ послѣдующаго излиянія изъ отдаленныхъ сосудистыхъ округовъ. Но вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ можетъ излиться очень большое количество крови, какъ напр. мы можемъ наблюдать это почти постоянно при вскрытіи задушенныхъ, при чемъ, такъ какъ кровь при этомъ родѣ смерти остается жидкою и не уменьшается въ количествѣ, мы замѣчаемъ, что какъ при вскрытіи черепной чашки изъ вскрытаго sinus, такъ равно при перерѣзываніи venae anonymae и при отнятіи грудной стѣнки вытекаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень значительное количество крови, которое въ послѣднемъ случаѣ изливается въ грудную полость,—обстоятельство, давшее поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ говорить о крови или кровянистой сывороткѣ въ грудной полости, такъ какъ они не доглядѣли, что эта кровь вошла туда только во время вскрытія.

Если кровь въ трупѣ была жидка, то при посмертныхъ поврежденіяхъ богатыхъ кровью паренхиматозныхъ органовъ, какъ напр. печени, мы точно также можемъ видѣть значительное количество излившейся крови. Посмертныя поврежденія периферическихъ частей, особенно же кожи, обыкновенно не соединены съ кровотеченіемъ, или же послѣднее при этомъ баваетъ крайне ничтожно, такъ какъ извѣстно и какъ это показываетъ поблѣднѣніе кожи, кровь во время умиранія и еще болѣе послѣ смерти изъ капиляровъ и небольшихъ периферическихъ сосудовъ изливается и собирается преимущественно въ правомъ сердцѣ и въ большихъ венозныхъ стволахъ. Въ этомъ отношеніи мѣсто, на которое нанесено поврежденіе, также показываетъ различіе. Тогда какъ раны на мѣстахъ кожи, расположенныхъ вверху, почти вовсе не кровоточатъ, на низко лежащихъ частяхъ, вслѣдствіе происшедшей тамъ или потомъ возникающей пассивной гипереміи, можно встрѣтить кровотеченіе, хотя оно при этомъ является только въ видѣ просачиванія, но никогда не бываетъ обильнымъ. Однако оно можетъ сдѣлаться очень сильнымъ, если рана проникла глубоко и задѣла большіе венозные стволы подкожной соединительной ткани или другихъ мягкихъ частей и если при благопріятномъ положеніи тѣла было достаточно времени для вытеканія опускающейся сверху внизъ крови.

И такъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что мы на основаніи того только обстоятельства, что рана кровоточила, не имѣемъ права заключать о томъ, что она была произведена при жизни, и что для такого діагноза мы должны принимать во вниманіе положеніе этой раны, ея глубину и качество пораженныхъ частей, свойство крови въ разсматриваемомъ трупѣ, равно какъ и

количество ея, излившееся изъ раны. Если дѣло идетъ о поврежденіи большихъ сосудистыхъ стволовъ или органовъ очень богатыхъ кровью, то должно принять въ соображеніе то, что посмертное поврежденіе, хотя бы оно касалось большихъ богатыхъ кровью органовъ, никогда не можетъ произвести тѣхъ общихъ измѣненій, которыя наблюдаются на трупахъ людей, дѣйствительно истекшихъ кровью.

Для діагноза, произошло ли поврежденіе при жизни, уже прежде и съ полнымъ правомъ было обращено вниманіе на состояніе *подтека* ниже разсматриваемаго поврежденія или въ ткани сосѣдней съ нимъ. Относительно этого состоянія должно еще замѣтить слѣдующее.

Прежде всего то, что при поврежденіяхъ, возникшихъ при жизни, сильные подтеки въ сосѣдствѣ находятся только при ушибенныхъ ранахъ, тогда какъ при порѣзанныхъ и колотыхъ ранахъ они развиваются въ незначительной степени. При этихъ ранахъ кровь изливается изъ разорванныхъ сосудовъ въ самую рану, а изъ нея наружу, она можетъ имбибировать по смерти разобщенныя ткани, если находится съ ними въ связи. Но понятно, что если есть особенно нѣжная соединительная ткань и если повреждены большіе артеріальные сосуды (Carotis), эти условія произведутъ то, что излившаяся кровь можетъ распространяться на далекія пространства въ петли окружающей клѣтчатки или между слоями различныхъ тканей на томъ основаніи, что она будетъ течь изъ разорванныхъ сосудовъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Въ противномъ случаѣ, если разорваны небольшія артеріи и нѣтъ той силы, которая распространяла бы кровь по сосѣднимъ тканямъ, послѣдняя будетъ вытекать изъ отверстія раны. Отсюда происходитъ то, что дѣйствительно при жизни происшедшія колотыя поврежденія, если въ ранѣ мало или вовсе не оставалось крови, такъ какъ она вытекла на внутрь, вмѣстѣ съ тѣмъ не представляютъ почти никакихъ реактивныхъ явленій и вслѣдствіе ихъ блѣдности именно вслѣдствіе отсутствія подтека въ сосѣднихъ частяхъ представляются какъ бы происшедшими вскорѣ послѣ смерти, о чемъ уже упоминали Casper и Liman (l. c. II 170), но они объясняли это явленіе болѣе быстротою наступившей въ этихъ случаяхъ смерти, нежели упомянутыми условіями.

Иначе представляется дѣло при ушибенныхъ ранахъ Здѣсь вслѣдствіе насилія является не только характерная рана, но въ окружающихъ ее тканяхъ вслѣдствіе ушиба происходятъ разрывы большихъ и малыхъ сосудовъ, которые всѣ ведутъ къ кровотеченіямъ, образующимъ вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ сліянія между собою, въ цѣломъ подтекъ, при чемъ, кромѣ давленія, подъ которымъ вытекаетъ кровь изъ артеріальныхъ сосу-

довъ, сюда присоединяется и то, что единичныя кровоизліянія распространяются въ окружности поврежденнаго мѣста, вслѣдствіе чего весь подтекъ распространяется шире.

На трупѣ такіе подтеки не могутъ происходить на томъ основаніи, что нѣтъ матеріала для ихъ образованія—крови въ частяхъ трупа и что еслибы и были разорваны нѣкоторые сосуды содержащіе жидкую кровь, то вытекшая при этомъ только въ незначительномъ количествѣ кровь не будетъ имѣть того давленія, которое необходимо для того, чтобы произвести ею инфильтрацію сосѣдней ткани.

Но ясно, что условія, необходимыя для образованія подтека могутъ быть даны и на трупѣ. Уже Engel (*) нашелъ, что если трупы будутъ приведены въ такое положеніе, при которомъ голова представляетъ ниже прочихъ лежащую часть, то въ послѣдней могутъ произойти не только сильныя пассивныя гипереміи, но что, если опытъ продолжается довольно долго, дѣло можетъ дойти до разрывовъ малыхъ сосудовъ и вслѣдствіе этого до образованія подтековъ на кожѣ головы, до образованія экхимозовъ въ конъюктивѣ. Мы точно также обратили вниманіе на извѣстные подкожные экстравазаты величиною въ булавочную головку до конoплянаго зерна, которые довольно часто были находимы на нижнихъ конечностяхъ повѣсившихся, если послѣдніе долго оставались въ петлѣ, при чемъ происходитъ то, что кожные капилляры наконецъ не могутъ противостоять давленію опускающагося сверху внизъ стобла крови и разрываются,—случай могущій встрѣтиться и при обыкновенномъ положеніи на спинѣ, если кровь, напр. у задушенныхъ, умершихъ отъ септицеміи и пр., въ трупѣ была жидка и вслѣдствіе этого особенно благопріятна для образованія гипостазовъ и если противодѣйствіе сосудистыхъ стѣнокъ вслѣдствіе быстраго наступленія гніенія было уменьшено.

На основаніи такихъ наблюденій можно ожидать, что такого рода посмертные экстразаваты еще легче могутъ образоваться въ томъ случаѣ, если сначала будетъ произведено поврежденіе и затѣмъ трупъ будетъ приведенъ въ такое положеніе, при которомъ поврежденное мѣсто могло бы лежать внизу. Дѣйствительно намъ удалось, у задушенныхъ собакъ вслѣдствіе поврежденій кожи головы—„Die forensisch wichtigsten Leichenerscheinungen" Vierteljahrschrift für ger. Мед. 1876. XXV, а еще болѣе вслѣдствіе разбиванія черепа, произведенныхъ много часовъ (2—4), спустя послѣ смерти, получать распространенные подтеки мягкихъ черепныхъ покрововъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ

(*) «Leichenerscheinungen» Wien 1854.

прижизненныхъ, если животное послѣ произведенія посмертнаго поврежденія было подвѣшено за ноги и въ такомъ положеніи было оставлено много часовъ.

Равнымъ образомъ мы могли наблюдать появленіе post mortem большихъ внутри и внѣменингіальныхъ экстравазатовъ и даже мозговыхъ кровотеченій, которые представляли извѣстную картину contusionis cerebri и подобно имъ происходили преимущественно на нижней поверхности лобныхъ долей и на вершинѣ темянныхъ. Далѣе мы измѣняли опытъ такъ, что у того же животнаго мы разбивали молотомъ кости нижнихъ конечностей и подвѣшивали трупъ за шею—при этомъ мы находили распространенные подтеки въ сосѣдствѣ съ раздробленными костями и на концахъ костей.

Изъ этого слѣдуетъ, что мы не имѣемъ права безусловно на основаніи присутствія подтека, признать поврежденіе за нанесенное при жизни, но должны точно также обсудить не было ли бы дано на трупѣ условій, которыя дѣлали возможнымъ происхожденіе посмертнаго подтека. Если мы можемъ исключить всѣ эти условія, а это можетъ быть трудно только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, то ясно, что разсматриваемое поврежденіе нанесено in vivo.

Нѣкоторыми авторами придавалось значеніе крови *свернувшейся* въ окружности поврежденій, и этотъ признакъ считался характернымъ для прижизненныхъ поврежденій. Еслибы этимъ хотѣли сказать, что трупная кровь не можетъ свертываться, то это вполнѣ несправедлвво, такъ какъ при вскрытіяхъ каждую минуту можно убѣдиться, что находящаяся въ сосудахъ жидкая кровь, даже кровь задушенныхъ, послѣ сравнительно короткаго времени свертывается, если она дѣлается доступною воздуху, точно также поэтому можетъ свертываться и кровь, вытекающая изъ посмертныхъ ранъ. Мы убѣдились нашими опытами, что при ушибахъ и вообще при поврежденіяхъ, несопровождающихся разрывами кожи, вслѣдствіе чего излившаяся кровь не приходила въ соприкосновеніе съ воздухомъ, посмертный подтекъ состоялъ изъ свернувшейся крови—обстоятельство, которое, такъ какъ животныя каждый разъ были задушены и кровь въ сердцѣ и въ сосудахъ оставалась жидкою, доказываетъ, что условіе (ферментъ необходимый для произведенія фибрина изъ фибринороднаго и фибринопластическаго веществъ, (Schmidt) находилось въ тѣхъ частяхъ, въ которыя излилась кровь. Однако мы должны замѣтить, что при нашихъ опытахъ мы всегда находили въ посмертныхъ подтекахъ кровь слабо свернувшуюся, но никогда не находили такого твердаго свертка, который наблюдается столь часто, хотя и не всегда, въ экстравазатахъ, происшедшихъ при жизни.

Опуханіе краевъ раны есть явленіе, которое для своего происхожденія требуетъ нѣкотораго, хотя бы и самаго короткаго времени; поэтому оно отсутствуетъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ смерть наступила тотчасъ послѣ поврежденія. Однако опуханіе краевъ раны можетъ явиться и при посмертныхъ повреждeніяхъ, если они занимаютъ такія мѣста, которыя вслѣдствіе гипостазовъ являются сочными. Даже опухоль, дѣйствительно существовавшая, можетъ на трупѣ исчезать частію вслѣдствіе испаренія, частію вслѣдствіе опусканія крови и другихъ жидкостей въ нижележащія части, такъ какъ извѣстно, что нѣкоторыя опухоли, напр. oedema, долгое время существовавшія до смерти, послѣ нея исчезаютъ изъ вышележащихъ мѣстъ кожи вслѣдствіе гипостаза или по крайней мѣрѣ значительно уменьшаются въ интензивности и что вообще вслѣдствіе названныхъ условій тургесценція всѣхъ частей на трупѣ измѣняется.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что различеніе прижизненныхъ повреждeній отъ посмертныхъ можетъ быть очень трудно даже на свѣжихъ неизмѣненныхъ трупахъ и требуютъ очень точнаго разсмотрѣнія всѣхъ упомянутыхъ условій и недопущенія шаблонныхъ выводовъ.

Различеніе это можетъ быть сдѣлано еще труднѣе на гнилыхъ или иначе, напр. обожженіемъ, изрѣзываніемъ измѣненныхъ трупахъ. Трудность особенно увеличивается при гнилыхъ трупахъ, именно при гнилыхъ трупахъ, вынутыхъ изъ воды, такъ какъ съ одной стороны, такъ называемыя явленія имбибиціи замѣняетъ подтеки, а съ другой стороны вслѣдствіе гніенія дѣйствительно бывшіе экстравазаты свернувшейся крови расплываются и вслѣдствіе имбибиціи могутъ сдѣлаться неузнаваемыми, при чемъ происходитъ еще то, что именно на поврежденныхъ и разможженныхъ мѣстахъ гніеніе начинается ранѣе и протекаетъ быстрѣе, нежели на другихъ мѣстахъ. Но изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что если на трупѣ, вопреки въ высшей степени гнилостному его состоянію, мы находимъ въ окружности поврежденія подтекъ свернувшейся крови, то уже на основаніи этого признака мы имѣемъ право заключить о прижизненномъ происхожденіи даннаго поврежденія, такъ какъ не могло бы образоваться свертковъ, если бы поврежденіе было нанесено тогда, когда трупъ былъ уже гнилой, и такъ какъ свертки были бы мягче и поэтому легче подверглись бы расплыванію вслѣдствіе гніенія, если бы поврежденіе было произведено на свѣжемъ трупѣ.

b) *Исключеніе другихъ причинъ смерти.*

Это исключеніе касается не только другихъ насильственныхъ родовъ смерти, но также и естественной смерти. Само собою понятно, что только въ исключительныхъ случаяхъ необхо-

димо обращать вниманіе на возможность *естественной смерти*, такъ какъ ясно, что нѣтъ никакого основанія обсуждать эту возможность, когда при вскрытіи мы признаемъ организмъ вполнѣ здоровымъ и на немъ найдемъ грубое, очевидно при жизни нанесенное поврежденіе важныхъ органовъ, которому по его природѣ свойственно произвести смерть.

Напротивъ это становится необходимымъ, если кромѣ поврежденія и его послѣдствій находятся еще прежде или впослѣдствіи образовавшіеся и независимо отъ этого поврежденія наступившіе патологическіе процессы, которые равнымъ образомъ могутъ произвести смерть, и если за ближайшую причину смерти признается такая, которая одинаково хорошо могла бы произойти вслѣдствіе поврежденія и вслѣдствіе болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ.

Поврежденіе людей больныхъ не представляется особенно рѣдкимъ явленіемъ въ судебно медицинской практикѣ и обсужденіе, если субъектъ умираетъ, далеко не всегда легко. Въ такомъ случаѣ должно принимать во вниманіе четыре возможности. Или разсматриваемый субъектъ умеръ отъ одного только даннаго поврежденія, или умеръ отъ одной только своей болѣзни, слѣдовательно естественною смертью, или данное поврежденіе получило смертельный исходъ только вслѣдствіе другаго заболѣванія субъекта, или наоборотъ заболѣваніе усилилось вслѣдствіе присоединенія травматическаго поврежденія, вслѣдствіе чего относительно былъ данъ толчекъ къ смертельному исходу.

Въ отношеніи двухъ послѣднихъ возможностей должно замѣтить, что какъ при острыхъ, такъ и при хроническихъ болѣзняхъ, они могутъ оказывать неблагопріятное вліяніе на теченіе какъ даннаго поврежденія, такъ и данной болѣзни; особенно же неблагопріятны хроническія состоянія (которыя въ этомъ отношеніи не рѣдко встрѣчаются) какъ напр. туберкулезное и скрофулезное (послѣднее особенно у дѣтей) далѣе старческій и вообще маразмъ, но преимущественно хроническій алкоголизмъ, о которомъ извѣстно, какъ часто теченіе раны при немъ принимаетъ неблагопріятный видъ, и какъ нерѣдко при немъ какъ вслѣдствіе хирургическихъ операцій, такъ и вслѣдствіе различнаго рода поврежденій, могутъ быть вызваны тѣ припадки, которые мы обозначаемъ какъ Delirium tremens (potatorum).

Если послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ оказалось бы, что или уже ранѣе возникшее заболѣваніе произвело неблагопріятное теченіе даннаго поврежденія, или что присоединеніе послѣдняго произвело неблагопріятное теченіе даннаго уже заболѣванія, то дальнѣйшее судебномедицинское опредѣленіе поврежденія должно быть одно и тоже, такъ какъ въ

обоихъ случаяхъ это поврежденіе должно быть признано смертельнымъ, ибо оно причинило смерть, причинило относительно ранѣе, нежели она должна бы наступить вслѣдствіе одной болѣзни, но въ мнѣніи должно быть объяснено, что это поврежденіе вызвало смерть не вслѣдствіе своей природы, по вслѣдствіе „личныхъ особенностей поврежденнаго“, какъ мы уже выше объяснили это при описаніи точнаго значенія § 129, 26 Австр. St. P. O. p. 352.

Для доказательства, что въ какомъ либо случаѣ одно само по себѣ данное поврежденіе а не одновременно бывшая болѣзнь, вызвало смерть, требуется удостовѣреніе въ томъ, что оно было таково, что одно само по себѣ могло произвести смерть, далѣе что оно одно само по себѣ произвело тѣ измѣненія, которыя при вскрытіи будутъ найдены какъ ближайшія причины смерти, и что ни изъ предшествовавшихъ смерти явленій, ни изъ данныхъ вскрытія нельзя признать, чтобы случайно при этомъ поврежденіи возникшая болѣзнь могла бы оказать неблагопріятное вліяніе на теченіе и исходъ его.

Точно такой-же выводъ долженъ быть и для доказательства, что въ извѣстномъ какомъ-либо случаѣ не данное поврежденіе, вызвало смерть, но что она должна была наступить естественнымъ путемъ вслѣдствіе наступившей во время поврежденія болѣзни, такъ что это доказательство будетъ произведено тѣмъ легче, чѣмъ незначительнѣе было поврежденіе (вредное дѣйствіе) и чѣмъ ничтожнѣе какъ in vivo такъ и на трупѣ, наступившія послѣ него, измѣненія и чѣмъ болѣе выражены измѣненія, произведенныя заболѣваніемъ.

Опредѣленіе можетъ сдѣлаться еше труднѣе, если заболѣваніе, поведшее къ смерти, наступило только во время теченія какого либо поврежденія, такъ что является вопросъ, стоитъ ли данное заболѣваніе въ причинной связи съ даннымъ поврежденіемъ или оно наступило независимо отъ послѣдняго. Относительно перваго для различенія служатъ опять патологическіе процессы, изъ которыхъ, одни, возникая хотя на другихъ, но весьма близко къ пораженнымъ органамъ, обусловлены однимъ только даннымъ поврежденіемъ и должны быть признаны за вторичные симптомы его, какъ напр. гипостатическіе пневмоніи послѣ поврежденій головы, а другіе какъ выражено въ § 129 Австр. S t. P. O подъ 2 д., произошли только случайно, но вызваны были даннымъ поврежденіемъ, куда напр. принадлежатъ септицэміи, госпитальная гангрена, инфекціонная рожа и друг. Только послѣдніе процессы должны быть упоминаемы въ смыслѣ названнаго опредѣленія закона и тѣ обстоятельства должны быть изложены, которыя наступленіе и вліяніе ихъ на смертельный исходъ даннаго поврежденія представляютъ случайными.

РУССКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ТРАВНИКИ И ЛѢЧЕБНИКИ.

СОБРАНІЕ МЕДИЦИНСКИХЪ РУКОПИСЕЙ XVI И XVII СТОЛѢТІЯ.

профессора **В. М. Флоринскаго.**

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

Печатапо по опредѣленію Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *Н. Высоцкій.*

„Прилож. къ Учеп. Зап. Импер. Каз. Унив. 1879 г.“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ числѣ памятниковъ старинной русской литературы не послѣднее мѣсто должны занимать сохранившіяся рукописи медицинскаго содержанія. Нѣкоторая часть ихъ уцѣлѣла до настоящаго времени, подъ названіемъ: цѣлебниковъ, лѣчебниковъ, травниковъ, зельниковъ и пр.: но есть основаніе думать, что въ старину число такихъ сочиненій было значительно больше и они имѣли не маловажное значеніе въ русской жизни.

Забота о собственномъ здоровьи такъ близка человѣку, что она, естественно, выражается тѣмъ или другимъ способомъ у всякаго народа, находящагося даже на самой низкой степени культурнаго развитія. Поэтому зачатки, такъ называемой, народной медицины существуютъ даже у дикихъ народовъ. Медицинскія понятія, выработанныя непосредственнымъ опытомъ, или заимствованныя у болѣе развитыхъ сосѣдей, сначала сохраняются въ семействахъ и передаются изъ рода въ родъ, какъ преданіе; но съ водвореніемъ письменности, естественно, является стремленіе сохранить такія преданія въ менѣе искаженной формѣ, посредствомъ болѣе стройнаго и подробнаго письменнаго изложенія ихъ. Такимъ способомъ должны были составляться первыя рукописныя сочиненія по русской медицинѣ, подъ именемъ травниковъ и зéльниковъ, имѣющія дѣло съ лекарствами почти исключительно изъ растительнаго царства и притомъ произрастающими на туземной почвѣ. При свойственномъ мало развитому народу суевѣріи, лекарствамъ обыкновенно приписывалось много чудесныхъ свойствъ. Поэтому первые, чисто народные, травники и зéльники должны были содержать въ себѣ значительную долю народныхъ предразсудковъ и вѣру въ чудесное дѣйствіе травъ. Только

такія „травники“ и могутъ называться чисто народными, самобытными. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ повѣрьяхъ, былинахъ, сказкахъ, предразсудкахъ, выражается доля народнаго творчества, не заимствованнаго отъ европейской науки, но скопившагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни и склада нравственныхъ понятій даннаго народа.

Съ теченіемъ времени, когда въ русскую жизнь стали проникать отъ цивилизованныхъ сосѣдей болѣе выработанныя медицинскія понятія, гдѣ медицина имѣла уже значеніе науки, лѣчебники должны были измѣнить свой характеръ и принять болѣе систематическую форму. Въ это время явились сочиненія, переведенныя или передѣланныя съ иностранныхъ языковъ, носящія отпечатокъ медицинской школы или греческо-римскаго періода, или періода арабскаго, не рѣдко съ ссылками на авторитетъ, напр. Галена, Цельса, Авиценны и пр. Эти сочиненія представляютъ уже не лепетъ народной медицинской поэзіи, но стройную систему медицинскаго ученія того времени. Такова напр., весьма распространенная рукопись, подъ заглавіемъ „Прохладный вертоградъ“. Это сочиненіе, относящееся ко второй половинѣ XVII-го столѣтія, было очень распространено, такъ какъ до сихъ поръ списки его встрѣчаются чаще другихъ лѣчебниковъ. Изъ сопоставленія этихъ списковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ эпохамъ, можно видѣть, что древніе переводы или передѣлки медицинскихъ книгъ не оставались въ одномъ и томъ же видѣ. Съ теченіемъ времени они пополнялись, наростали въ объемѣ и обогащались содержаніемъ посредствомъ вставокъ и приписокъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ. Такія пополненія, дѣлавшіяся обыкновенно въ концѣ главъ, гдѣ оставлялось свободное мѣсто, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ легко отличить по почерку, а иногда и по содержанію, соотвѣтствующему болѣе позднему періоду. Иногда въ рукописяхъ встрѣчаются болѣе крупныя вставки, или правильнѣе приложенія въ видѣ отдѣльныхъ статей, относящихся до медицины, техники, астрономіи и домашняго хозяйства, вслѣдствіе чего лѣчебники получаютъ характеръ медицинскихъ сборниковъ.

При разсмотрѣніи медицинскихъ рукописей, прежде всего долженъ явиться вопросъ: когда они были составлены и кѣмъ составлены? Къ сожалѣнію имѣющіеся у меня подъ руками списки, за немногими исключеніями, не заключаютъ

въ себѣ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній. Поэтому для разрѣшенія вопроса нерѣдко приходится руководствоваться внѣшнимъ видомъ (почеркомъ) и содержаніемъ рукописей, на сколько оно соотвѣтствуетъ тому или другому періоду развитія медицинскихъ наукъ вообще и русской медицины въ частности. Въ этомъ отношеніи имѣютъ особенно важное значеніе: 1) упоминаемыя въ лѣчебникахъ привозныя лѣкарственныя вещества, такъ какъ время перваго появленія ихъ въ Россіи до извѣстной степени можетъ быть опредѣлено по другимъ историческимъ источникамъ; 2) форма ихъ медицинскаго употребленія, фармацевтическая обработка, мѣра и вѣсъ; 3) складъ медицинскихъ воззрѣній, выражающихъ собой или слѣды арабской медицины, или представляющихъ возрожденную науку послѣ XV столѣтія; 4) медицинскій языкъ и въ особенности его терминологія; 5) случайные и внѣшніе признаки рукописей, характеризующіе ту или другую эпоху; 6) общія историческія соображенія о ходѣ медицинскаго дѣла въ Россіи, на основаніи которыхъ можно судить о возможности или невозможности отнести данную рукопись къ той или другой эпохѣ.

На основаніи этихъ данныхъ я считаю возможнымъ раздѣлить имѣющіеся у меня подъ руками списки травниковъ и лѣчебниковъ на три категоріи: а) рукописи (травники) составленныя до XVI столѣтія; б) лѣчебники XVI и XVII столѣтія и в) лѣчебники и вообще медицинскія рукописныя сочиненія XVIII столѣтія. Основанія, по которымъ данная рукопись относится мною къ той или другой эпохѣ, будутъ изложены ниже. Здѣсь же я считаю умѣстнымъ указать только на общія историческія факты, могущіе служить къ нѣкоторому разъясненію разсматриваемаго вопроса.

Первыя сѣмена медицинскихъ познаній внесены были въ Россію изъ Греціи, съ принятіемъ христіанской религіи, и первыми распространителями греческой медицины у насъ были монахи, преимущественно съ Аѳонской горы. Исторія сохранила намъ имена многихъ подвижниковъ, прославившихся даромъ врачеванія больныхъ, каковы напр. Преподобный *Антоній*, *Доміанъ*, *Олимпій*, *Агапитъ* печерскіе, *Пименъ Постникъ* и др. Переяславскій архіепископъ *Ефремъ* въ 1091 году приказалъ строить даже больницы для безмезднаго врачеванія всѣхъ приходящихъ. Духовныя лица, по большей части греческаго происхожденія или учив-

шіяся въ Греціи, занимались дѣломъ врачеванія изъ чисто религіозныхъ побужденій, какъ дѣломъ христіанской благотворительности. При этихъ занятіяхъ они должны были пользоваться греческими и латинскими медицинскими сочиненіями и, очень вѣроятно, дѣлали изъ нихъ извлеченія или переводы на русскій языкъ, распространяя такимъ образомъ медицинскія познанія не только словомъ и примѣромъ, но и въ письменной формѣ. Въ тоже время, т. е. въ XI и XII в., бывали въ Россіи и настоящіе врачи, напр. Петръ Сиріянинъ и такъ называемый армянскій врачъ, пользовавшій Владиміра Всеволодовича Мономаха, о которомъ въ Патерикѣ Печерскомъ сказано, что онъ былъ „хитръ зѣло" и умѣлъ опредѣлять пульсъ. Врачеваніе производилось по большей части домашними средствами, зеліями, произрастающими на русской почвѣ, мазями, пластырями и даже нѣкоторыми хирургическими пріемами (вскрытіе нарывовъ, моксы, затыканіе ноздрей при кровотеченіи изъ носу и пр.); но нѣтъ сомнѣнія, что уже въ это время были привозимы въ Россію и иностранныя лекарства. Владиміръ Мономахъ, получивъ облегченіе своей болѣзни послѣ употребленія средствъ, данныхъ ему преподобнымъ Агапитомъ, показывалъ эти средства армянскому врачу, который призналъ ихъ за Александрійскія: „нѣсть сіе зеліе отъ нашихъ зелій, сказалъ онъ, но мню изъ Александріи быти". Если допустить, что лѣкарства привозились даже изъ Александріи, то тѣмъ болѣе возможно было употребленіе медицинскихъ средствъ греческаго происхожденія, а также можетъ быть привозимыхъ изъ Азіи черезъ порты Каспійскаго моря и черезъ Булгарію. Къ числу такихъ средствъ могли относиться: корица, калганъ, ревень, сабуръ, перецъ, александрійскій листъ и пр.

Въ XIII и XIV вѣкѣ начатки восточной образованности, въ томъ числѣ и медицины, не успѣвшіе еще пустить прочныхъ корней въ Россіи, была почти совсѣмъ заглушены рядомъ бѣдствій, постигшихъ русскую землю. Нашествіе татаръ, междуусобія князей, страшныя эпидеміи повальныхъ болѣзней совершенно измѣнили строй русскаго развитія. Сношенія съ образованнымъ міромъ были почти прерваны; объ иностранныхъ медикахъ нѣтъ и помину; медицинскія познанія, заимствованныя прежде отъ Грековъ, едва сохраняются въ народныхъ преданіяхъ, постепенно извращаясь и вытѣсняясь предразсудками и суевѣріями. Такъ продолжалось до второй

половины XV вѣка, когда въ Россіи снова появились врачи, но далеко уже не пользовавшіеся тѣмъ довѣріемъ какъ прежде. Упоминаемый въ Русскомъ лѣтописцѣ врачъ нѣмчина Антонъ, прибывшій къ намъ въ 1485 году, за неудачное врачеваніе, по приказанію Великаго Князя Іоанна Васильевича, былъ зарѣзанъ, какъ овца подъ мостомъ на Москвѣ рѣкѣ (зимой). Таже участь постигла и другаго врача *Леона*, пользовавшаго въ 1490 г. сына Вел. Кн. Іоанна Васильевича, Іоанна Іоанновича, страдавшаго камчугою въ ногахъ. За неудачное лѣченіе этотъ врачъ былъ публично казненъ. Не смотря на такой недружелюбный пріемъ, иностранные врачи снова являются въ Москвѣ въ началѣ XVI столѣтія, именно: константинопольскій врачъ *Марко* и изъ Германіи *Николай Луевъ* и *Феофилъ*, лѣчившіе Вел. Кн. Василія Іоанновича.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго врачебное дѣло въ Россіи пользовалось особеннымъ покровительствомъ. Въ это время въ Москвѣ является нѣсколько врачей и аптекарей, преимущественно изъ Англіи, таковы: *Арнольфъ Лензей*, Елисей *Бомелій*, *Стендишъ*, Докторъ *Іоганнъ*, Ричардъ *Элмесъ*, Робертъ *Якобъ*, (въ Россіи называвшійся Романомъ Елизарьевымъ), аптекарь *Френшамъ* и др. Съ этого же времени, особенно съ открытіемъ торговаго пути черезъ Бѣлое море (1553 г.), стали привозить въ Россію болѣе разнообразныя и сложныя лѣкарства. Въ 1581 году заведена была въ Москвѣ придворная аптека, въ которой хранились и приготовлялись лѣкарства, преимущественно для Великихъ Князей. Въ числѣ лѣкарствъ, привезенныхъ въ Россію изъ Англіи аптекаремъ *Френчемъ* въ 1602 году, были и весьма дѣйствительныя средства, какъ напр. Опій, комфора, шафранъ, шпанскія мухи, морской лукъ, сабуръ, александрійскій листъ, манна, ирь, сѣрные цвѣты, кубеба, діагридія, gummi Benzoe, gummi Tragacanthae, Asa faetida, Borax, цытварное сѣмя, калганъ и пр. Многія лѣкарства для лучшаго ихъ сохраненія были заварены въ сахарѣ (Confectio cidoniorum, confectio prunorum, conserva Rorismarini, conserva Berberum, сиропъ цитроннаго соку, обсахаренная лимонная и померанцовая корка и пр.).

Иностранные врачи приглашались преимущественно для охраненія здоровья царственнаго дома и отчасти придворныхъ людей. Для той же цѣли предназначалась и заведен-

ная въ Москвѣ придворная аптека съ домашними и иностранными лѣкарствами [1]. Остальные обитатели Москвы, а тѣмъ болѣе другихъ городовъ Россіи, ни этими лѣкарствами, ни врачебными совѣтами не пользовались; слѣдов. они должны были имѣть свою домашнюю медицину и свои средства для лѣченія. Такая медицина дѣйствительно существовала и была распространена въ народѣ посредствомъ рукописныхъ лѣчебниковъ, при помощи которыхъ врачеваніемъ занимались многіе, не будучи собственно спеціалистами этого дѣла.

Составленіемъ лѣчебниковъ и лѣченіемъ больныхъ въ прежнее время преимущественно занимались лица духовнаго званія. Врачебная профессія осталась въ ихъ рукахъ частію вслѣдствіе старыхъ преданій, такъ какъ духовенство первое перенесло греческую медицинскую науку на русскую почву, —частію потому, что оно представляло тогда наиболѣе образованное сословіе. Въ рядахъ высшаго духовенства находилось не мало людей, вполнѣ владѣвшихъ греческимъ и латинскимъ языкомъ, слѣдовательно могущихъ пользоваться распространенными тогда медицинскими сочиненіями на этихъ языкахъ.

Доказательствомъ того, что лѣчебники составлялись и при содѣйствіи духовныхъ лицъ, могутъ служить: 1) предисловія къ нѣкоторымъ лѣчебникамъ, въ которыхъ прежде всего доказывается, на основаніи книгъ св. писанія и св. отцовъ, что „врачебное художество, не возбранно не только мирянамъ, но и инокамъ". 2) Въ предисловіяхъ иногда помѣщались пространныя богословскія разсужденія и выписки библейскаго содержанія, какъ бы для того, чтобы придать слѣдующему за тѣмъ лѣчебнику богословскую санкцію. 3) Въ одномъ лѣчебникѣ (изъ Солов. монастыря № 30) въ

---

[1] Даже придворные чины и сами великіе князья относились къ иностранному лѣченію весьма недовѣрчиво. Такъ напр. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, не смотря на особенную привязанность къ врачу своему Арнольфу Лензею, лѣкарства отъ него не принималъ. Даже въ позднѣйшее время, напр. при Петрѣ Великомъ, приготовленіе лѣкарствъ въ придворной аптекѣ и поднесеніе ихъ государямъ было обставлено большими формальностями, въ видахъ остерегательства отъ неправильнаго пріема, какъ это можно видѣть изъ помѣщенной ниже рукописи о порядкѣ придворной аптеки.

предисловіи прямо сказано, что онъ „сочиненъ изъ дохтурскихъ наукъ преосвященнымъ Киръ Афанасіемъ, архіепископомъ Холмогорскимъ и Вожескимъ (1696 г.)". Если въ это время, т. е. въ концѣ XVII вѣка, епископы занимались медицинскою литературой, то тѣмъ болѣе можно думать, что иноки занимались этимъ въ предшествовавшихъ столѣтіяхъ, когда память о первыхъ духовныхъ подвижникахъ на медицинскомъ поприщѣ, — инокахъ Печерскаго монастыря, святителяхъ и епископахъ, — была свѣжѣе и легче могла вызывать подражаніе.

Проф. В. М. *Рихтеръ* въ сочиненіи своемъ: „Исторія медицины въ Россіи" (1814 г.) считаетъ первый рукописный лѣчебникъ за переводъ съ польскаго, въ 1588 г. Въ рукописи, которую онъ имѣлъ подъ руками, означено было, что „сей травникъ 1423 года переведенъ въ Краковѣ на польскій языкъ римскими мастерами для пана Станислава Гожтовтова, воеводы Троцкаго, а по приказанію воеводы Ѳомы Аѳонасьевича Бутурлина переложенъ въ городѣ Серпуховѣ въ 1588 г. съ польскаго на россійскій языкъ" (ч. I, стр. 314). Рихтеръ не объясняетъ, почему именно этотъ лѣчебникъ онъ считаетъ древнѣйшею медицинскою рукописью на русскомъ языкѣ. Обозначенный здѣсь годъ перевода не доказываетъ еще того, чтобы всѣ другія рукописи, въ которыхъ годъ составленія ихъ не обозначенъ, были позднѣйшаго происхожденія. Напротивъ, мнѣ кажется, что рукопись, о которой говоритъ Рихтеръ, должна быть причислена къ позднѣйшимъ на томъ основаніи, что въ ней излагаются болѣе совершенныя формы врачебнаго искусства. Сюда относятся главы: о фельдшерскомъ и аптекарскомъ искусствѣ, объ аптекарской наукѣ, о времени для собиранія травъ, цвѣтовъ, корней и сѣмянъ, о иноземныхъ лѣкарственныхъ травахъ, деревахъ и сѣмянахъ, о гнойныхъ нарывахъ и разныхъ болѣзняхъ и пр. Я не имѣлъ подъ руками этого сочиненія, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ изложено у Рихтера (стр. 315—317); но по простому перечню главъ считаю возможнымъ сравнить его съ другими рукописями и предположить, что послѣднія должны быть признаны болѣе древними. Не говоря уже о травникахъ и зельникахъ, не носящихъ на себѣ никакихъ слѣдовъ научной медицины, даже сочиненія болѣе обработанныя и болѣе систематическія не содержатъ въ себѣ ни обстоятельнаго описанія бо-

лѣзней, ни фармацевтической обработки лѣкарствъ, ни упоминанія о фельдшерахъ и повивальныхъ бабкахъ или о фельдшерскомъ искуствѣ. И это едвали можно объяснить только тѣмъ, что лѣчебники предназначались для народнаго употребленія. Въ позднѣйшихъ лѣчебникахъ, имѣвшихъ тоже назначеніе, мы видимъ однакоже и медицинскій вѣсъ, и болѣе сложныя формулы лѣкарствъ и болѣе отчетливое понятіе о болѣзняхъ. Слѣдовательно отсутствіе этихъ признаковъ въ данной рукописи должно указывать на болѣе древнее ея происхожденіе.

Принимая мнѣніе Рихтера о первомъ русскомъ лѣчебникѣ, мы должны думать, что первый свѣтъ медицины проникъ въ Россію чрезъ Польшу; но это было бы не согласно съ историческими данными. Выше мы уже видѣли, что первыя понятія о греческой медицинѣ распространились у насъ посредствомъ греческихъ монаховъ, еще въ XI и XII столѣтіяхъ и нѣтъ основанія не допустить, что уже въ это время были возможны переводы и передѣлки на русской языкъ латинскихъ и греческихъ медицинскихъ сочиненій. Сверхъ того въ Россіи, по видимому, пользовались сербскими и болгарскими медицинскими сочиненіями, какъ объ этомъ упоминается въ предисловія къ одному изъ лѣчебниковъ, между тѣмъ какъ о заимствованіяхъ съ польскаго нигдѣ не говорится ни слова. Въ концѣ XVI вѣка, когда былъ переведенъ съ польскаго предполагаемый Рихтеромъ первый лѣчебникъ, у насъ не только должны были существовать рукописныя медицинскія сочиненія, но были болѣе или менѣе образованныя врачи, понимавшіе современную медицину, какъ это видно изъ описанія медицинскаго экзамена, произведеннаго докторомъ Артеміемъ аптекарю Филиппу Бритье въ царствованіе Михаила Феодоровича; слѣдов. лѣчебникъ переведенный съ польскаго для Бутурлина былъ у насъ далеко не новостью. Въ первой четверти XVII столѣтія у насъ понимали уже аптекарское искусство: умѣли дѣлать перегонку изъ травъ и цвѣтовъ посредствомъ кубиковъ, приготовлять экстракты, эфирныя масла, декокты, сыропы, порошки, кашки, мази, пластыри и пр. Были извѣстны и хирургическіе пріемы:—зашиваніе ранъ, разрѣзы, перевязки артерій, изслѣдованіе зондомъ, извлеченіе осколковъ переломленныхъ костей и пр. Изъ лѣкарствъ въ то время были извѣстны и употребительны у насъ почти всѣ средства, ко-

торыми пользовалась образованная Европа. (См. Медиц. Экзаменъ въ Царств. Мих. Федор. 1631 г. рукоп. напечат. мною въ Проток. Общ. Русскихъ врачей въ С. Петерб. 1877 г.).

Если даже считать недоказаннымъ, что существующіе въ рукописяхъ травники, зельники и лѣчебники, въ которыхъ не обозначенъ годъ ихъ составленія или перевода, могутъ быть отнесены къ періоду ранѣе 1588 года, то все таки упоминаемый Рихтеромъ польскій лѣчебникъ не можетъ считаться у насъ первымъ. Въ Императорской Публичной библіотекѣ находится рукопись подъ заглавіемъ: „Книга глаголемая Травникъ, травамъ всякимъ по азбучнымъ словамъ (въ алфавитномъ порядкѣ)" въ концѣ которой имѣется подпись, что „переведена сія книга съ нѣмецкаго языка на словенскій, а перевелъ полоняникъ литовскій, родомъ нѣмчинъ Любчанинъ, а переведена въ лѣто 7042 (1534 г.), мая въ 29 день". Слѣдов. это сочиненіе было извѣстно на русскомъ языкѣ за 54 года ранѣе польскаго лѣчебника Рихтера. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что и этотъ переводъ былъ далеко не первымъ. И до XVI столѣтія существовали болѣзни въ русскомъ народѣ, должно было существовать и лѣченіе ихъ, которое не могло же быть производимо по однимъ только устнымъ преданіямъ. Русскій народъ имѣлъ уже въ то время довольно значительную рукописную литературу, любилъ записывать и сохранять все достойное вниманія по предметамъ духовной, исторической и житейской мудрости, слѣдовательно не могъ не составлять и не сохранять медицинскихъ замѣтокъ, частію оставшихся отъ прежнихъ вѣковъ, частію вновь заимствуемыхъ изъ иностранныхъ литературъ, или изъ собственной житейской опытности. Очень возможно, что эти сочиненія не имѣли такой полноты и научно-систематической формы, какъ позднѣйшія переводныя лѣчебники XVI и XVII вѣка; но они тѣмъ не менѣе должны были существовать. Поэтому я склоненъ думать, что нѣкоторые встрѣчающіеся до нынѣ старые народные травники, въ которыхъ не означено время ихъ составленія, по происхожденію своему должны быть относимы къ этой эпохѣ (до XVI в.). Число такихъ рукописей въ настоящее время очень незначительно, во 1) потому, что они, какъ древнѣйшія, легче могли утратиться; 2) они какъ менѣе совершенныя, стали давно вытѣсняться изъ употребленія болѣе полными и болѣе научными лѣчебниками XVI и XVII

вѣка; 3) нѣкоторыя изъ нихъ можетъ быть были впослѣдствіи включаемы, какъ добавленія, въ позднѣйшіе медицинскіе сборники, передѣлывались и такъ сказать сливались съ ними.

До настоящаго времени собраны много слѣдующія рукописи:

1) *Травникъ.* Рукопись писана скорописью; списокъ начала XVIII столѣтія, заключающій въ себѣ 64 параграфа, повидимому неоконченный. Въ нѣкоторыхъ параграфахъ есть позднѣйшія приписки. Содержаніе расположено безъ всякаго порядка. Названія нѣкоторыхъ травъ повидимому передѣланы съ греческаго. Объ иноземныхъ растеніяхъ, кромѣ гвоздики, совсѣмъ не упоминается. Терминологія какъ растеній, такъ и болѣзней исключительно народная, а не научная. Растеніямъ приписывается много чудесныхъ свойствъ, согласныхъ съ существующими до нынѣ народными повѣрьями. Изъ болѣзней упоминаются въ этомъ травникѣ слѣдующія: щемота, черная болѣзнь, окбрмъ, порча, зубная болѣзнь, нбрча, безсоница, грыжа, щепотà, кумòха, трясàвица, волосатикъ, огнева, одышка, колотье, урбки, чемеръ, нырòкъ, моровая болячка, чырьи, отекъ, опухоль тѣла, кашель, задержаніе мочи, слабоуміе, когда пупокъ рушится, очи прѣютъ, когда ногти сходятъ, когда скотъ вертится, когда утроба болитъ, укушеніе бѣшеной собаки, укушеніе змѣй, корюха, оспа. Двѣ послѣднія болѣзни можетъ быть включены въ позднѣйшее время.

2) *Зелейникъ* или *травоврачъ.* Рукопись въ листъ, писана полууставомъ; списокъ, судя по почерку, принадлежитъ концу XVII или началу XVIII в. На заглавномъ листѣ рисунокъ, изображающій сердце, въ срединѣ котораго стоитъ мужчина въ духовномъ старообрядческомъ облаченіи, въ лѣвой рукѣ держащій горящій свѣтильникъ, надъ головой его солнце, луна и звѣзды, подъ ногами змій, держащій въ пасти посохъ и корону. По длинѣ змія надпись: „сый врачъ коронѣ и посоху равно". Изъ устъ мужчины идетъ въ видѣ спирали надпись: „сый сотворивый вся во времени, солнцелунно-планетно-тайноспѣяшнико зелейно-врачебнико жизненникъ". Въ верхней части сердца изображены двѣ горы; на одной надпись: „истинная тайна мудрыхъ", на другой—„заблужденіе смертныхъ". Внизу плоскій свѣтильникъ, въ видѣ чаши, въ которой три горящихъ свѣчи; изъ нихъ средняя стоитъ прямо, правая согнулась и оплываетъ, лѣвая, полу-

сгорѣвшая, потухла. Надъ сердцемъ крестъ и всевидящее око, съ подписью: „симъ вся исцѣлю". Внизу выставлено: 1306 годъ по Р. X.

Первая часть Зелейника заключаетъ въ себѣ 88 главъ, гдѣ описываются свойства разныхъ лѣкарственныхъ растеній, между которыми очень много иностранныхъ, и сила ихъ по отношенію къ разнымъ болѣзнямъ. Во второй части говорится о приготовленіи и употребленіи разныхъ медицинскихъ маслъ (о строеніи елеевъ 31 глава).

Судя по содержанію, эта рукопись должна быть отнесена къ XVII столѣтію, такъ какъ въ ней говорится о многихъ привозныхъ лѣкарствахъ, сдѣлавшихся извѣстными не раньше этого времени (инбирь, мушкатъ, корица, перецъ, калганъ, масличные бобки, шафранъ, комфора, александрійскій листъ и пр.), равно упоминается о значительномъ числѣ болѣзней, которыя до того времени не были извѣстны, напр. отпаденіе язычка, язвы во рту и гортани (указывающія на сифилисъ), падучая болѣзнь, меланхолія, цынга, рожа и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ рукописи сходенъ съ содержаніемъ другихъ лѣчебниковъ, напр. съ Прохладнымъ Вертоградомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что изъ послѣдняго были заимствованы сюда значительныя вставки. Во всякомъ случаѣ 1306 годъ, выставленный на заглавномъ листѣ, никакъ не соотвѣтствуетъ времени составленія Зелейника, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ дошедшемъ до насъ спискѣ. Если не считать этотъ годъ произвольно выставленнымъ рукой переписчика, то можно допустить развѣ такое предположеніе, что онъ относится къ первоначальной основѣ этого травника, къ части его содержанія, впослѣдствіи слившейся съ многочисленными вставками и дополненіями изъ другихъ новѣйшихъ сочиненій и совершенно измѣнившими первоначальный текстъ старой рукописи. Если такое предположеніе справедливо, то выставленный на заглавномъ листѣ 1306 годъ имѣлъ бы большое значеніе, какъ намекъ на сохранившееся у переписчика преданіе о времени происхожденія первыхъ рукописныхъ русскихъ травниковъ.

3) *Книга глаголемая прохладный вертоградъ, избранная отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещехъ ко здравію человѣческому пристоящихъ.* Въ концѣ одного изъ списковъ этого сочиненія (въ Импер. Публ. Библіот.) суще-

ствуетъ надпись: „Книга сія, прохладный вертоградъ или лѣчебникъ, переведена съ нѣмецкаго аптекарскаго лѣчебника (Hortus Amoenus) Земскаго Приказу подъячимъ Андреемъ Микифоровымъ, съ нѣмецкаго языка на русскій въ лѣто 1672 г.". Оригиналъ hortus Amoenus находился въ Аптекарскомъ приказѣ. По своему времени это было одно изъ самыхъ пространныхъ популярныхъ медицинскихъ сочиненій, изложенное въ строго систематическомъ порядкѣ, на началахъ науки. Оно заключаетъ въ себѣ 340 главъ: 1—50 о питательныхъ веществахъ, злакахъ, овощахъ и плодахъ; 51—68 о домашнихъ и дикихъ животныхъ, примѣняемыхъ къ гигіеническимъ или медицинскимъ цѣлямъ; 69—85 о птицахъ всякихъ къ лѣкарству угодныхъ; 86—101 о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ; 102—103 о пчелѣ, медѣ и воскѣ; 104—175 о заморскихъ и русскихъ зеліяхъ и травахъ; 176—190 о деревьяхъ; 191—211 о водахъ на травѣ перепущенныхъ; 212—266 о маслахъ; 268—271 о соляхъ; 272—280 о сахарахъ и сыропахъ; 281—318 о дорогихъ каменьяхъ, металлахъ и минераллахъ; 319—335 о сложныхъ лѣкарственныхъ веществахъ; 336—340 о моровомъ повѣтріи и о медицинской діагностикѣ (наука о знаменіяхъ). Многіе списки прохладнаго вертограда этимъ оканчиваются; нѣкоторые имѣютъ продолженіе въ видѣ второй части, гдѣ помѣщается: 1) Статья „о наукѣ врача Моисея египтянина ко Александру царю македонскому", въ которой излагаются правила гигіеническаго содержанія; 2) значеніе временъ года для здоровья; 3) спеціальное перечисленіе болѣзней, съ указаніемъ чѣмъ ихъ пользовать, изложенное въ анатомическомъ порядкѣ (40 главъ); 4) „книга о рожденіи младенческомъ" (подробное изложеніе акушерства и женскихъ болѣзней, преимущественно по арабской школѣ); 5) о болѣзняхъ дитячьихъ (дѣтскихъ) 38 главъ. Въ рукописи Соловецкой библіотеки сверхъ этого помѣщено еще 145 главъ, съ обозначеніемъ, что „сіи приписныя главы изъ другаго лѣчебника". Въ нихъ говорится: о лѣкарственныхъ маслахъ и бальзамахъ, о домашнихъ и дикихъ животныхъ, птицахъ, рыбахъ, гадахъ и насѣкомыхъ, имѣющихъ отношеніе къ человѣку. Вторая приписка о приготовленіи сложныхъ лѣкарствъ и о ихъ медицинскомъ употребленіи (пластыри, мази и пр.). Въ другихъ рукописяхъ имѣются приписки изъ другихъ источниковъ, разнообразнаго содержанія, въ томъ числѣ астрономическія

и календарныя замѣтки, о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, о кровепусканіи и благопріятныхъ для этого дняхъ, статьи историческаго, хозяйственнаго и богословскаго содержанія и проч.

Прохладный вертоградъ принадлежалъ къ числу лѣчебниковъ самыхъ полныхъ и наиболѣе распространенныхъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ въ 6 спискахъ: два списка въ Импер. Публ. библіотекѣ, одинъ изъ библіотеки Соловецкаго монастыря, одинъ изъ Москов. Румянц. музея, одинъ отъ доцента Каз. Ун. Скворцова и одинъ мой собственный. При сличеніи ихъ можно было возстановить болѣе правильное изложеніе текста, и отличить текстъ основной рукописи отъ придатковъ и вставокъ.

4) *„Реестръ изъ дохтурскихъ наукъ, сочиненный преосвященнымъ въ Богу Его милости Киръ Аѳанасіемъ Архіепископомъ холмогорскимъ и важескимъ, которыя суть къ человѣческимъ немощемъ прилично держать лѣкарства и тѣ лѣкарства къ какой причинѣ быти прилежатъ и къ какимъ немощемъ человѣческимъ составить водки и изъ какихъ зелій, также и лѣкарства и изъ какихъ вещей и какую они въ себѣ имѣютъ силу“.* Рукопись Соловецк. монастыря, помѣчена 1696 годомъ. Тѣмъ же годомъ помѣченъ списокъ этой рукописи въ Импер. Публ. библ., списанный въ 1745 г. и принадлежавшій капитану Вас. Гр. Зарину.

Сочиненіе это состоитъ изъ 54 главъ, описывающихъ способъ приготовленія различныхъ водокъ, бальзамовъ, эссенцій, спиртовъ, эфирныхъ маслъ, эликсировъ, порошковъ, мазей, пластырей и другихъ составовъ изъ разныхъ лѣкарствъ и отъ различныхъ болѣзней. Въ Соловецкой рукописи, имѣющейся у меня подъ руками, сверхъ того прибавлено: 1) „наставленіе изъ книги врачеванія о кровопусканіи“ гдѣ говорится въ какіе дни и мѣсяцы, въ какіе часы и при какомъ состояніи луны полезнѣе пускать кровь. Затѣмъ слѣдуютъ 2) астрономическія вычисленія „о добрыхъ днехъ“, въ которые можно начинать то или другое дѣло и въ какіе дни нельзя. 3) Такія же исчисленія „о разболѣвшемся человѣкѣ“ и „проразумѣнія о болѣзняхъ“, т. е. астрологическія предсказанія объ исходѣ болѣзни. 4) „Филона нѣкоего сказаніе луннаго теченія небеснаго мѣсяца наставшаго“ и нѣсколько другихъ вводныхъ статей, которыя встрѣчаются, или въ томъ

же порядкѣ, или въ разницу, и въ другихъ рукописныхъ лѣчебныхъ сборникахъ.

Къ той же книгѣ, въ концѣ приплетена рукопись, писанная четкой скорописью не ранѣе половины XVIII стол., представляющая собой отрывокъ перевода медицинскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Художество врачебное дѣйствительное". Между прочимъ здѣсь излагается ученіе о болѣзняхъ женскихъ половыхъ органовъ („о страстехъ чревесныхъ" кн. 4. гл. 4). Наконецъ здѣсь же помѣщено нѣсколько статей и замѣтокъ по разнымъ техническимъ вопросамъ, напр: указъ, какъ составлять чернь, писать по серебру или по мѣди; какъ по мѣди золотить или серебрить листовымъ золотомъ; какъ басмить позолоту на кожѣ; откуда начался порохъ; о гранатномъ дѣлѣ и пр.

5) Реестръ лѣкарствъ и многихъ иныхъ вещей въ травникѣ господина Симона *Сиренiуса*, доктора и лѣкаря академіи Краковской, описанныхъ. Два тома in fol., писаны уставомъ. Въ первомъ томѣ 1198 стр., во второмъ 688. Въ текстѣ много рисунковъ растеній. Этотъ списокъ не древній, именно 1763 года. (Въ Импер. Публ. библіотекѣ).

Сверхъ перечисленныхъ рукописей, въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи (преимущественно изъ Соловецкаго монастыря), равно и у частныхъ лицъ, находится еще нѣсколько списковъ другихъ сочиненій, мною еще не просмотрѣнныхъ. Вся эта древняя рукописная литература, вмѣстѣ взятая, составитъ довольно значительный матеріалъ для исторіи русской медицины.

Въ настоящее время я предполагаю обнародовать нѣкоторую часть этихъ, почти забытыхъ, сочиненій, т. е. положить начало изданія ихъ. Продолженіе изданія будетъ зависѣть частію отъ средствъ, необходимыхъ до этого, частію отъ того, насколько оно будетъ признано безпристрастною медицинскою критикою полезнымъ и заслуживающимъ матеріальныхъ затратъ. Въ частныхъ бесѣдахъ съ людьми, болѣе или менѣе знакомыми съ содержаніемъ этихъ рукописей, мнѣ приходилось слышать относительно изданія ихъ разныя мнѣнія. Нѣкоторые, весьма образованныя, лица считали эти изданія излишними на томъ основаніи, что 1) большая часть рукописей представляютъ переводы или передѣлки иностранныхъ медицинскихъ сочиненій, нынѣ вполнѣ устарѣвшихъ и потому не имѣющихъ ни научнаго, ни

практическаго значенія; 2) и въ смыслѣ историческихъ документовъ они не представляютъ особенной важности, такъ какъ содержаніе ихъ по большей части чисто медицинское, а не историческое; 3) такъ же точно они не имѣютъ значенія выразителей русской народной медицины, какъ народнаго творчества, ибо заключаютъ въ себѣ не плоды русской мудрости, а неболѣе какъ первыя попытки заимствованія европейской медицинской науки.

Само собою разумѣется, я не раздѣляю такого мнѣнія; иначе не предпринялъ бы довольно сложнаго труда перечитыванія, свѣрки, переписки и обработки упомянутыхъ рукописей. По моему мнѣнію они вполнѣ могутъ заслуживать вниманія всякаго образованнаго врача, дорожащаго не одними послѣдними выводами современной науки, но и историческимъ ходомъ ея развитія, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Старыя медицинскія рукописи, если даже большинство ихъ считать переводами съ иностранныхъ языковъ, не могутъ быть сравниваемы съ старыми иностранными книгами. Послѣднія дѣйствительно представляли бы собой только историческій интересъ данной науки, и то въ томъ лишь случаѣ, если они имѣютъ право на историческое значеніе; но переводы тѣхъ же сочиненій на рускій языкъ, какъ первыя усилія привить на русскую почву европейскую медицинскую науку, имѣютъ для насъ спеціально русскій историческій интересъ. Не нужно забывать, что эти переводы являлись въ то время, когда въ Россіи не только не было никакихъ медицинскихъ школъ, но не было ни какой подготовки до усвоенія медицинскихъ понятій, не было медицинскаго языка и необходимой для него терминологіи. Слѣдовательно медицинскіе переводы того времени имѣли со всѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣшніе переводы. Если взять во вниманіе одну только исторію разработки русскаго медицинскаго языка, то и въ этомъ случаѣ рукописи будутъ для насъ весьма дорогимъ матеріаломъ. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ уже значеніе не просто переводовъ, а русскихъ медицинскихъ памятниковъ, какъ выразителей народнаго творчества. Въ нихъ можно встрѣтить весьма много, чисто народныхъ, медицинскихъ терминовъ, теперь несправедливо забытыхъ подъ вліяніемъ иностранной терминологіи; по рукописнымъ лѣчебникамъ можно возстановить значеніе многихъ выраженій, встрѣчающихся въ другихъ историческихъ памятникахъ,

пониманіе которыхъ безъ этого могло бы быть затруднено, напр. слова: *михиръ*, *днà*, *лýно*, *камчужная болѣзнь*, *ýсове*, *желве*, *чéмеръ*, *грыжа* (въ старомъ значеніи) *килà* и пр. Приступая къ переводамъ иностранныхъ сочиненій, знакомя въ первый разъ русскую публику съ основами медицинской науки, переводчики должны были на каждомъ шагу встрѣчаться съ новыми понятіями, съ чуждыми русской рѣчи терминами и потому по необходимости должны были вырабатывать на родномъ языкѣ нѣчто соотвѣтствующее. Это составляло задачу весьма трудную, достигалось не вдругъ, а мало по малу. Потому въ первыхъ переводахъ мы встрѣчаемъ весьма много иностранныхъ словъ, только со временемъ, постепенно замѣнявшихся русскими. Достаточно сказать, что прежде не знали даже слова „желудокъ", называя его „стомахомъ", задній проходъ называли афедрономъ, матку —мастрикой, нарывъ—апостемой, мѣсячное—мéнстровой и пр. Въ скоромъ времени, однакожъ, явились другія выраженія: вмѣсто *мастрики* стали употреблять древне-славянское слово *днà* (вѣроятно отъ слова дно, донце), потомъ *золотнúкъ*, *мáтица* и наконецъ матка; половыя губы назвали — *затвóры*, заносъ — *тщеплóдіе*, *тяготà*, менструву — *мѣсячнымъ кровотóкомъ*, апостемы — *надутыми болячками*; явились слова: мужское сѣмя, дѣтородное мѣсто, устіе срамнаго уда, желудокъ, селезенка, гортань, діэта, порошокъ, пилюли, свѣчки (suppositoria), мазýнь (linctus), и пр. и пр. Такимъ образомъ оказывается, что русскій медицинскій языкъ, какъ и всякій другой, развивался и разработывался мало по малу. Въ этомъ-то и заключается, такъ сказать, самобытность старыхъ, хотя бы и переводныхъ, лѣчебниковъ. Потому-то они и заслуживаютъ изученія, какъ источникъ для изученія исторіи русскаго медицинскаго языка.

2) Рукописные лѣчебники имѣютъ и чисто историческое значеніе. Не говоря уже о включенныхъ въ нихъ отдѣльныхъ статьяхъ, касающихся эпизодовъ исторіи русской медицины, напр. упомянутое выше описаніе медицинскаго экзамена въ 1631 г., статья о порядкѣ въ аптекарской полатѣ въ началѣ XVIII в. и пр.—даже медицинскій текстъ лѣчебниковъ можетъ дать много указаній по исторіи русской медицины. Сюда относится напр. упоминаніе о тѣхъ или другихъ болѣзняхъ и привозныхъ иностранныхъ лѣкарствахъ, на основаніи чего можно дѣлать историческіе выводы или

подтвержденія относительно появленія или существованія у насъ въ данное время тѣхъ или другихъ заносныхъ болѣзней (горячка, сифилисъ, рожа, скарбутъ и пр.). Самый способъ распространенія въ Россіи научныхъ медицинскихъ понятій, посредствомъ лѣчебниковъ, прежде чѣмъ у насъ были заведены первыя медицинскія школы, имѣетъ уже высокій историческій интересъ.

3) Лѣчебники могутъ имѣть и нѣкоторое практическое значеніе по отношенію къ такъ называемой народной медицинѣ. Средства, рекомендуемыя въ нихъ, не разсчитанныя на существованіе аптекъ и медиковъ, отличаются общедоступностію, простотой и отсутствіемъ сильно дѣйствующихъ веществъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по справедливости могутъ считаться очень дѣйствительными, слѣдовательно могутъ быть рекомендованы народу даже въ настоящее время, какъ болѣе простыя и дешевыя. Въ числѣ ихъ много и такихъ, которыми пользуются медики до настоящаго времени, но много средствъ и оставленныхъ, забытыхъ, или сохранившихся только въ простонародіи, но тѣмъ не менѣе заслуживающихъ вниманія и раціональной провѣрки, именно въ видахъ примѣненія ихъ къ домашнему и простонародному врачеванію. Въ этомъ смыслѣ обнародованіе старыхъ лѣчебниковъ можетъ принести пользу и развитію народной медицины.

4) Присматриваясь къ распространеннымъ въ русскомъ народѣ медицинскимъ воззрѣніямъ и способамъ лѣченія, можно усмотрѣть, что подъ корой невѣжества и грубыхъ предразсудковъ сохраняется немало цѣннаго, практически полезнаго. То и другое должно имѣть свою исторію, такъ какъ укоренившіеся взгляды и лѣчебные привычки, напр. къ кровопусканіямъ, не явились сами собой, а должны были развиться подъ вліяніемъ того или другаго заимствованнаго ученія. Поэтому для историка, этнографа и медика далеко не праздный вопросъ: откуда взялась русская простонародная медицина, какъ она распространялась и чѣмъ поддерживалась? Рукописные лѣчебники и на этотъ вопросъ могутъ дать отвѣтъ. Оказывается, что большая часть господствующихъ въ народѣ медицинскихъ воззрѣній взяты изъ этого источника. Арабская медицина пустила свои корни въ русскомъ народѣ благодаря тому, что въ свое время она была распространяема у насъ путемъ многочисленныхъ по-

пулярныхъ сочиненій. Зная это, не покажется страннымъ, что до сихъ поръ въ устахъ простаго русскаго народа приходится иногда слышать идеи Галена, Цельза и Авиценны. Между прочимъ, это урокъ нашимъ современнымъ медикамъ. Составивъ себѣ ложное понятіе о недоступности научныхъ истинъ для простаго разума, они до сихъ поръ не сдѣлали того, что было подъ силу духовенству и подъячимъ XVI и XVII столѣтія. Обнародованіе лѣчебниковъ можетъ быть и въ этомъ отношеніи принесетъ пользу, показавъ какъ нужно просвѣщать народъ въ дѣлѣ сохраненія здоровья, не тая отъ него истинной науки и не относясь съ пренебреженіемъ къ его, будто бы, неразумію.

В. Флоринскій.

I.

ТРАВНИКЪ.

ТРАВНИКЪ.

§ 1.

Есть трава *Ахтомосъ*, ростомъ въ стрѣлу, темна-воропа и цвѣтъ на ней съ вѣнцами. И та трава вельми добра отъ щемоты, а хлебать ее въ молодомъ мѣсяцѣ въ уксусѣ или въ молокѣ. Ежели у кого пупокъ рушится, яждь тоя травы— поможетъ Богъ.

§ 2.

Есть трава *Парамонъ*, ростетъ волосата что черные волосы, ростетъ подлѣ болота, кустиками, а на верху что шапочки, желты. Полезна отъ нечистаго духа, отъ черныя болѣзни, и ту траву давай пить съ молокомъ.

§ 3.

Есть трава *Екумедисъ* (?) ростетъ на старыхъ росчисткахъ, собою мохната, листочки мохнатые жъ съ одной стороны, ростомъ въ пядь. А кто ее ѣстъ порану и тотъ человѣкъ отнюдь никакой болѣзни не узритъ.

§ 4.

Есть трава *Матошникъ*, ростетъ на межахъ и по перелогамъ, собою синя, цвѣтъ на ней кистьми, синій же; и та трава добра ко пчеламъ, на ту траву сама лѣтаетъ, и ту траву кто держитъ въ дому своемъ и по веснамъ ульи окуриваетъ — во всѣхъ ульяхъ пчелы будутъ.

§ 5.

Трава *Одоленъ*, ростетъ при рѣкахъ, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, листочки бѣлые. И та трава добра коли

человѣка окормятъ; и давъ ту траву скоро пойдетъ низомъ и верхомъ. И корень травы добръ отъ зубной болѣзни, и пастуху, чтобы стадо не расходилось, или кто тебя не любить станетъ и хочешъ его присушить, — дай ясти корень.

§ 6.

Есть трава *Адамова глава*, растетъ возлѣ сильныхъ раменскихъ болотъ, а растетъ кустиками по 8, по 6, по 9 и по 12, въ листѣ ростомъ въ пядь, цвѣтъ багровъ, кругленькій, а расцвѣтаетъ вельми хорошо—кувшинцы всякимъ видомъ. И ту траву рвать съ крестомъ господнимъ и говорить: Отче нашъ, помилуй мя Боже. А кто грамотѣ не умѣетъ и сотворить ему 300 молитвъ Іисусовыхъ. И принеси ту траву въ домъ свой, который человѣкъ порченъ и кто портилъ дай пить и того обличитъ; или которая жена не родитъ дай пить. А кто хощетъ діавола видѣть или еретика, и тотъ корень возми водой освяти, и положи на престолъ и незамай 40 дней и тѣ дни пройдутъ носи при себѣ—узриши водяныхъ и воздушныхъ демоновъ. А воду хощеши держать или мельницы ставить — держи при себѣ или пойми взверхъ (?); хощеши воздвигнуть полату, храмину и землю подъ себя подвести и та трава есть царь во всѣхъ травахъ. А когда кто раненъ или сѣченъ—приложи къ ранѣ, въ три дня заживетъ.

§ 7.

Есть трава *Плакунъ*, а ростетъ при озерахъ, высока въ стрѣлу, цвѣтъ багровъ и та трава вельми добра; держи въ чистотѣ, давай скоту, который вертится, или которые ребята не спятъ, клади въ головы, а крестъ изъ нея вырѣзать носить при себѣ вельми добро.

§ 8.

Трава *Бронецъ*, ростетъ кустиками, что гороховина, цвѣтъ на ней воронъ и красенъ, ягоды голубыя. Та трава къ тому, въ которомъ человѣкѣ старая порча или старая грыжа — топи съ хмелемъ и хлебай, то минется и кашлю претитъ.

§ 9.

Трава *Ворона*, ростетъ лапушникомъ, цвѣтъ прибѣлъ, собою низка, что капуста, ягоды вороны; ростетъ при рѣ-

кахъ. Добра та трава: аще кто ею трется, то тѣло отнюдь не пухнетъ и со всякаго удару щепоты нѣтъ.

§ 10.

Есть трава, ростетъ въ водѣ, концомъ противъ воды, а какъ сорвешь и кинешь на воду, то поплыветъ противъ воды. Та трава вельми добра носить при себѣ: всякаго еретика и сопротивника отгонитъ, а корень ея бѣлъ называется и къ замкамъ добра.

§ 11.

Трава имя ея *Коревъ*, ростетъ при мокрой землѣ, ростомъ въ стрѣлу, цвѣтъ бѣлъ, духъ тяжелъ. Отъ корюхи ([1]) ту траву носи при себѣ, или въ молокѣ хлебай, топя; выгонитъ кумоху ([2]) и одышку и галовить (?) кумошная, аще человѣкъ по дважды на день и въ недѣлю будетъ хлебать— скорби ([3]) своей избудетъ.

§ 12.

Трава *дягиль* кудрявый, безъ сердца; добра она отъ еретиковъ. Ту траву кто ѣстъ и тотъ человѣкъ никакія порчи не боится; аще въ пиръ пойдешъ, грызи корень хотя однажды въ день или въ недѣлю—скорби своя избудешъ; носи дягиль на главѣ — люди любятъ.

§ 13.

Трава *Сарахія*, ростомъ въ стрѣлу, толста и мохната, а корень девятной. Аще кто ее утопитъ ([4]) съ муравьями да (будетъ) пить на тощее сердце и который человѣкъ хмѣльное пилъ, — отнюдь не станетъ и духа ея станетъ бѣгать пereas? и зубы у нихъ вырветъ, да съ тою же травою Сарахіею утопи и пій, то будетъ добро. (Въ послѣднихъ строкахъ вѣроятно есть пропускъ).

§ 14.

Ласъ трава, собою бѣла, ростетъ при борахъ, цвѣтъ походитъ на . . . . ростомъ въ пядь, два корня что орѣшки,

---

([1]) Кори. ([2]) Лихорадку. ([3]) Болѣзни. ([4]) Т. е. сварить; и нынѣ употребляются выраженія: топленое молоко, топленные сливки.

одинъ черный, а другой бѣлый. Аще бѣлый ѣшъ, то стоитъ pudent; а черный съѣшъ, то не стоитъ. А положъ бѣлый за щеку, то безъ сумненія стоитъ. А самая та трава добра килы ([1]) парить — отвязываются прочь.

§ 15.

Есть трава *Нукокея?* ростетъ по березникамъ, синя и пестра, листочки долгоньки, что язычки, а корень па двое, единъ мужескъ, другой женскъ. А коли мужъ жену не любитъ дай ему женскъ,— станетъ любить, а женскъ (корень) смуголъ; а жена мужа не любитъ дай ей мужеска, а мужескъ (корень) бѣлъ,—станетъ любить.

§ 16.

Есть трава *Чанъ* ростетъ коленцы, ростомъ въ локоть и выше, а цвѣтъ синь и какъ отцвѣтетъ точно иглы востры. И та трава добра отъ черныя болѣзни, дай пить скоту, во храминѣ держи и съ собой носи.

§ 17.

Трава *Мачиха*, ростетъ лапушниками, одна сторона бѣла, а листочки что копытцы, а корень по землѣ тянется, цвѣтъ желтъ, а у иной цвѣту нѣтъ. Корень вельми добръ. Аще у кого утроба болитъ, корень парь да хлебай—поможетъ.

§ 18.

Есть трава *Петровъ крестъ*, ростетъ при поляхъ, ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, ростетъ кустиками что молодая дятлявина, а корень все крестиками, бѣлъ и мелокъ. Та трава вельми добра малымъ дѣтямъ давать въ молокѣ — скорби ([2]) пикакія не будетъ. Аще которая жена страждетъ черпою болѣзнію, хлебай ту траву — минется. Аще кто пойдетъ въ путь, корень возми съ собой отъ еретика.

([1]) *Кила* опухоль, грыжа, по народному повѣрью будто бы напускаемая злыми людьми. Отсюда выраженіе: «килу насадить», «килу навязать».

([2]) Болѣзни.

§ 19.

Трава *Пострѣлъ*, ростетъ при борахъ, а ростетъ она въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, въ сихъ мѣсяцахъ кустиками, и цвѣтъ вельми хорошъ. Ту траву рвать въ апрѣлѣ 9-мъ, 22-мъ или 23-мъ числѣ, въ то мѣсто положить индейское яицо. Та трава вельми добра носить при себѣ, и діаволъ бѣжитъ отъ того человѣка. Добра всякому человѣку держать въ дому своемъ, или кто станетъ избу ставить—положи подъ первое угольно бревно—добро будетъ.

§ 20.

Переносъ трава, собою мала и темна, цвѣтъ воронъ, а какъ отцвѣтетъ, то съ стручками, въ ней сѣмечки. Та трава добра отъ змѣй, и ужъ спитъ отъ нея и всякая печисть противиться (ей) не можетъ. А семя положивъ въ ротъ пойди въ воду — вода разступится. А корень его какъ есть человѣкъ.

§ 21.

Хеновникъ трава, ростетъ подлѣ рѣки, собою смугла, ростомъ въ стрѣлу, ростетъ кустиками, а духъ вельми тяжелъ. Та трава добра конямъ къ ранѣ прикладывай; аще червь у коня, давай пить.

§ 22.

Трава *Попутникъ*, ростетъ по пути. Добра она отъ окорму; высушивъ къ ранѣ присыпать съ масломъ коровьимъ. Живетъ скотина и человѣку добро.

§ 23.

Есть трава *Попугай*, ростетъ по низкимъ землямъ, собой едва узнать можно отъ земли. Носи при себѣ, гдѣ хощешъ проси денегъ или хлѣба, аще мужеска пола (у кого просишь) положи по правую сторону пазухи, аще женска полу — по лѣвую. А ежели скоморохи играютъ, кинь имъ подъ ноги и они передерутся.

§ 24.

Есть трава *Ужакъ*, ростетъ по камнямъ, по орѣшникамъ, и невидать, что яичный желтокъ. Добра отъ зубной болѣзни, у кого зубы болятъ, держи при себѣ.

§ 25.

Есть трава *Золотуха*, ростетъ по лѣсамъ, гдѣ женскій полъ не ходитъ. Она добра отъ волосатика. Собою желта и толста, что перстъ, а ростъ изъ подъ колоды, цвѣтъ желтъ.

§ 26.

Трава *Ряска*, ростетъ кустиками, синенька, стелется по землѣ. Та трава добра положить въ головы женѣ и она скажетъ что было съ ней добро или зло, а положить надобно въ сихъ числахъ: въ 19, 20, 25.

§ 27.

Трава *Девятисилъ* (1) ростетъ кустиками, высока, корень толстъ. Добра она кто ея топитъ въ уксусѣ и хлебаетъ — нутреннюю выгонитъ болѣзнь и одышку. А ростетъ она въ огородахъ по низкимъ мѣстамъ. Аще кто ея утопитъ съ хлѣбомъ и чеснокомъ, да пелынью и пьетъ по полуложкѣ на тощее сердце, всякую нечисть изнутри гонитъ.

§ 28.

Есть трава *Унзинъ*, листочки долгоньки, что стрѣльные копья желѣзца, кинулись по сторонамъ, а въ верху шишечки, мохната, ростомъ въ пядь и выше. Она добра къ порѣзу присыпать — скоро заживетъ. Аще рана, — парь огородною мятою или дикою и присыпай, то скоро заживетъ.

§ 29.

Трава *Навыка*, ростомъ въ человѣка, по ней что иглы колются, цвѣтъ мохнатъ, синь, а ростетъ по пахотнымъ мѣстамъ и по межамъ. Ту траву держать добро въ хороминѣ; а когда скотъ вертится и ты вложи корень въ шерсть съ воскомъ, — минется.

§ 30.

Трава *Осотъ*, добра кто ея знаетъ: тотъ человѣкъ таланъ обрящетъ. А ростетъ красна и свѣтла, листочки кру-

(1) Въ послѣдствіи, въ сокращенномъ видѣ, начали называть *Девясиломъ*.

гленьки, что денежки, собой въ пядь, а цвѣтъ розный. Ростетъ кустиками по сильнымъ мѣстамъ раменскимъ. Ту траву держать торговымъ людямъ: носи при себѣ гдѣ ни пойдешь, много добра обрящешь, и отъ людей честь будетъ и великою славою тотъ человѣкъ вознесется. А корень ея свѣтелъ, какъ воскъ.

§ 31.

Трава *Ушакъ*, ростетъ по березникамъ и по ельникамъ, собою въ пядь, а съ половины ея и до верха цвѣтъ пѣтушки бѣленькіе со всѣхъ сторонъ. Та трава добра отъ грыжи, топить ее въ уксусѣ или въ молокѣ и пить поутру не ѣвши, пока грыжа не уймется.

§ 32.

Есть трава *Сава*. Страшна бо та трава! Когда человѣкъ найдетъ на нее въ полѣ или лѣсѣ, то умомъ смятется. Ростомъ не велика, отъ земли чуть знать, на ней пестринки по всей, а въ корени черви и на верху. Добра ловить звѣрей. Аще кто что украдетъ,—поворотится (вернется) отъ него, только положи на слѣдъ; или кто ставитъ поставухи (силки, капканы) и ты положи (той травы) подлѣ дороги,—пути ему такъ не будетъ. Ту траву рвати по вечеру. Аще у кого сбромъ насорится (глазъ?) и ты истолки щавелю и привяжи въ сихъ платомъ. Аще у кого мшицы и ты обмочи платокъ въ деготь и положи себѣ на голову. Отъ хрипотины ясти морковь печеную—поможетъ. (Послѣднія 4 строки очевидно позднѣйшія приписки или замѣтки, не идущіе къ 32 парагр.).

§ 33.

Есть трава *Богородская*, ростетъ при великихъ рѣкахъ и припольникахъ, на добрыхъ мѣстахъ, собою мала, что елочки, ростетъ кустиками, цвѣтъ багровъ на каждой елочкѣ. Трава добра малымъ дѣтямъ давать въ молокѣ, помогаетъ отъ скорби. А корень носить добро у которой жены груди болятъ—топи въ молокѣ козьемъ, пей и грудь парь. Да и скотъ добро окуривать съ ладономъ—всякаго духа отгоняетъ.

§ 34.

Есть трава *Земляница*, ростетъ по прѣлямъ кустиками, что снѣгъ бѣла. Та трава добра въ молокѣ хлебать, кото-

рые малыя дѣти не спятъ—поможетъ. Она же добра отъ колотья.

§ 35.

Щавель коневей ростетъ на прѣлыхъ мѣстахъ, ростомъ въ конопель, что метла, а въ ней семячки. Она добра кто битый человѣкъ и приступаетъ къ сердцу кровь—дай съ виномъ пить или съ листомъ коноплянымъ—поможетъ.

§ 36.

Пелынь трава, ростетъ что лебеда. Полезна она въ винѣ варить съ медомъ, тотъ человѣкъ порчи не боится. Грыжу вонъ гонитъ и отъ трясавицы добра.

§ 37.

Есть трава *Боровóй листъ*, что брусница, цвѣтъ таковъ же красноватъ и ростомъ токоважъ. Та трава добра пчелы и борти окуривать—будутъ пчелы.

§ 38.

Трава *Царь Муратъ*, ростетъ при припольникахъ и на пашнѣ, собою въ стрѣлу и выше, цвѣтъ багровъ, коловата, по ней что иглы. Та трава угодна въ дому держать и хоромы ставить на ней. А когда скотина вертится, положи съ воскомъ въ шерсть и отыдетъ нечистый духъ. И отъ черной болѣзни добра.

§ 39.

Есть трава *Стародубка*, ростетъ при врáгахъ и при припольникахъ зеленыхъ, а ростомъ въ пядь, собою зелена, листочки что язычки, востреньки. Та трава добра давать пить котораго человѣка испортили, пей въ молокѣ—поможетъ. Или грыжа въ которомъ человѣкѣ нутряная, и который человѣкъ боленъ и труденъ, не ходитъ,—дай пить съ медомъ по малу, то вынесетъ низомъ и верхомъ. А кто огневой лежитъ, а поту нѣтъ, дай съ гвоздикою и потъ пойдетъ страшенъ; а какъ умереть будетъ, то потъ густъ что кровь и духъ тяжелъ.

§ 40.

Есть трава *Рябина*, ростетъ на пахотныхъ земляхъ, листочки что рябинкинъ цвѣтъ желтъ, кистями, корень бѣлъ. Та трава угодна: цвѣтъ, у кого очи болятъ—парь въ кисломъ квасу съ медомъ; а корень тоя травы когда бываетъ повѣтріе топи съ медомъ — поможетъ. Корень же пей кому уроки (¹) бываютъ, или на скотъ, пей и носи при себѣ. А буде у коровъ глумятся удесы, вложи корень въ главу съ воскомъ —поможетъ.

§ 41.

Есть трава *Полевой хмѣль*, ростетъ по полямъ, шишки желты. Та трава съ мятою угодна пить по утру рано, то хмѣль не возметъ, сколько ни пей, а иногда мята угодна къ тому есть.

§ 42.

Есть трава *Царевы очи*, ростомъ въ иглу, собою красна и листочки красны, и та трава угодна въ дому своемъ, и животу человѣку пользуетъ, и на судъ возми съ собою— не осужденъ будешъ, или въ путь идучи на который помыслъ, возми съ собою—вельми добра. Аще который человѣкъ хощетъ въ пиръ идти—не боится еретика, а кто хощетъ жениться—держи при себѣ—ласковое житіе будетъ. А ростетъ она при борахъ, гдѣ родится клюква.

§ 43.

Есть трава *Бакланъ*, ростетъ при рѣкахъ, цвѣтъ желтъ, а листы круглые, корень бѣлъ. Добра она давать конямъ и коровамъ, которые дряхлые или который трухо . . . . человѣкъ и забывается,—истопи, пей и парь ею тѣло и главу обкладывай — поможетъ.

§ 44.

Трава *Самотокъ*, ростетъ она на старыхъ лугахъ и на сильныхъ мѣстахъ, ростомъ въ пядь, цвѣтъ синь что шапка, корень бѣлъ. Ту траву хорошо въ молокѣ пить или въ уксусѣ у котораго человѣка чемеръ, вскорѣ поможетъ Богъ. Пить на исходѣ мѣсяца здравъ будешъ.

(¹) Изурочить — испортить, сглазить. Уроки — порча или нездоровье отъ дурнаго глаза или слова.

§ 45.

Есть трава *Полевой дягиль*, по горамъ и по сухимъ мѣстамъ, собою въ локоть или въ стрѣлу, что дягиль, на верху кисточки, бѣловата, духъ медвянъ, а корень что перецъ. Та трава добра давать пить у которой жены груди болятъ, а корень держи на зубахъ, угодна.

§ 46.

Есть трава *Медвѣжье ухо*, ростетъ на добрыхъ мѣстахъ раменскихъ, на старыхъ лугахъ и по огородамъ, ростомъ въ стрѣлу и выше, листомъ мала, цвѣтъ желтъ, духъ хорошъ. Цвѣтъ угоденъ давать конямъ въ овсѣ и парь конямъ губы и ноздри — норицы не будетъ.

§ 47.

Есть трава походитъ на конопель. Добро ее топить въ уксусѣ и пить на исходъ мѣсяца на тощее сердце — чиститъ въ человѣкѣ тѣло, и ломоту и грыжу выгонитъ и утробу чиститъ, и головѣ легче живетъ, которая бита.

§ 48.

Есть трава *Перепонка*, ростетъ по огородамъ и по старымъ пахотямъ, ростъ что елочка, листочки до́лгоньки, ма́леньки, гладеньки, цвѣтъ на ней что пѣстунки. Угодна та трава у кого очи прѣютъ или слезы ходятъ часто. Или которая (язва) долго не заживетъ, сотри съ попутникомъ и приложи съ масломъ или съ мукою аржаною — поможетъ.

§ 49.

Есть трава *Дикая крапива*. Добра она у кого человѣка мочь (моча) зоймется, дай пить съ грушевымъ морсомъ, истопи, или съ огурцами — поможетъ Богъ.

§ 50.

Есть трава *Чернобылецъ*, ростетъ вмѣстѣ съ крапивой, что крапива. Добра она отъ черной болѣзни, смѣшать съ плакуномъ — поможетъ Богъ. А конямъ давай въ овсѣ, — не столь зачесываются.

§ 51.

Есть трава *Сорочій щавель*, она маленька, листочки что денежки. Та трава добра котораго человѣка бѣшеная собака изъѣстъ, или змѣя или ужъ ожалитъ. Съ саломъ медвѣжьимъ въ три дня заживетъ.

§ 52.

Трава *Смыкъ*, ростетъ бѣла, а ина желта, что пѣстики, ростомъ въ пядь. Добра она который человѣкъ не смысленъ. Дай пить съ виномъ, пусти въ ухо, парь и хлебай— поможетъ Богъ.

§ 53.

Трава *Земляница*, на ней ягоды земляны. Добра та трава очи парить, у котораго прѣютъ, съ листомъ смородиннымъ.

§ 54.

(Повтореніе о травѣ золотухѣ § 25).

§ 55.

Есть трава *Вьюнецъ*, ростетъ при рѣкахъ и при болотахъ, на старыхъ мѣстахъ зеленицахъ, ростъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, корень красенъ. Добра она у котораго человѣка волосатикъ или нырокъ—хлебай и прикладывай на рану съ овечьимъ щавелемъ. Поможетъ Богъ.

§ 56.

Есть трава *Енохъ*, ростетъ по холмикамъ, собой маленька, свѣтла и бѣла, что булавочка, цвѣтъ что пыльца бѣлая и желтая, собой въ иглу, а когда сыщется ростетъ кустиками. Добра она съ нею щелокъ дѣлать съ кленовымъ листомъ и мыть голову, то кудри будутъ и волоса мягки. Она добра присыпать у кого ногти сходятъ. Легче будетъ.

§ 57.

Есть трава *Болотный былецъ* ростетъ при всякихъ рѣкахъ, высока что крапива, цвѣтъ походитъ на бѣль, корень

чернъ, мохнатъ, красноватъ, духъ тяжелъ. Добра та трава на медвѣдя ходить, борцамъ, или поводильщикамъ; да она добра въ молокѣ топить или въ уксусѣ пить поутрамъ, то утверждается стомахъ и афедронъ.

§ 58.

Есть трава *Палочникъ*, что на верху ростутъ черныя палочки, а ростетъ подлѣ озеръ. Добра та трава отъ порчи, и отъ горькой болѣзни, и отъ моровой болячки. Пей и парься. А пить ея съ пострѣломъ. А корень палошниковъ добръ къ посѣку или ужъ ужалитъ или змѣя, да еще добро держать мельникамъ.

§ 59.

Трава *Чистякъ*, ростетъ на раменскихъ мѣстахъ и врагахъ, ростомъ въ локоть, ростетъ кустиками, приголуба что лебеда, корень жолтъ, а въ ней что молоко, а въ корнѣ что краска. Тою травою парить очи съ медомъ, да еще парить ею у женъ груди—много молока будетъ.

§ 60.

Есть трава *Синеворотъ* (Солноворотъ?), ростомъ въ локоть, а ростъ безъ листковъ, гладкій, цвѣтъ желтъ. Та трава угодна отъ грыжи, которое мѣсто грызетъ (¹), а не проваливается; присыпай—поѣстъ. Да онажъ къ чирьямъ годна—прикладывай.

§ 61.

Есть трава *Пырей*. Добра коли пчелы жалютъ, трися ею и парь—минется пухота. Да она жъ угодна когда займется мочь въ человѣкѣ. Пей съ капустою. Поможетъ Богъ.

§ 62.

Есть трава *Молодовникъ*, ростетъ по рѣкамъ, листы что капуста, высока въ стрѣлу, цвѣтъ лазоревъ, кувшинцами, корень бѣлъ. Угодна та трава у кого корь на лицѣ или воспа. Парь въ банѣ, поможетъ Богъ.

(¹) Грыжа здѣсь употребляется въ смыслѣ нарыва.

§ 63.

Есть трава *Ефилія*, ростетъ въ дикихъ лѣсахъ и поляхъ, на ней что волосы тянутся. Та трава добра давать который человѣкъ не ростетъ или горбатъ, дай съ плакуномъ пить по девяти въ трехъ мѣсяцахъ. Да она же добра отъ пожогу или обварится человѣкъ, парь ею и хлебай—поможетъ, только да не смертно есть.

§ 64.

Есть трава, ростетъ по пригоркамъ, верхнимъ концомъ въ землю гнется. Аще кто ту траву роетъ на Ивановъ день и даетъ скотинѣ, и тотъ скотъ того году отъ повѣтрія не умретъ; а кто въ великій четвертокъ, вставъ по утру до солнышка, окуритъ въ дому скотъ свой, того году тотъ человѣкъ ничѣмъ нерушимъ отъ звѣря, отъ упаду. Добро есть ту траву всякому человѣку держати во рту своемъ.

(Рукопись на этомъ параграфѣ кончается).

II.

КНИГА
ГЛАГОЛЕМАЯ „ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАДЪ“
(HORTUS AMOENUS).

1672 г.

КНИГА,

ГЛАГОЛЕМАЯ „ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАДЪ“,

ИЗБРАННАЯ ОТЪ МНОГИХЪ МУДРЕЦОВЪ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВРАЧЕВСКИХЪ ВЕЩЕХЪ КО ЗДРАВІЮ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ ПРИСТОЯЩИХЪ.

Глава 1.

О ХЛѢБѢ РЖАНОМЪ.

Хлѣбъ ржаной естествомъ теплѣе ячмени, и пристоитъ его ясти здоровымъ людемъ и онъ имъ силу подаетъ; больнымъ же людемъ пристоитъ ясти пшеничный хлѣбъ, лучше и питательнѣе.

1. А у которыхъ людей желудокъ не варитъ ѣствы и тѣмъ не добро ясти ржанаго хлѣба, понеже болѣзнь стомахову не можетъ одолѣти, но съ великимъ томленіемъ изноетъ (1) и исходитъ.

---

(1) «Съ великимъ томленіемъ изноетъ», т. е. трудно переваривается въ желудкѣ. Выраженіе *«изныть»*, употребленное въ смыслѣ распустаться, растаять, выбрано очень удачно. Въ простонародіи до сихъ поръ употребляется иногда это выраженіе примѣнительно къ тающему весеннему льду или снѣгу: ледъ изнылъ, исчахъ, т. е. не былъ взломанъ, а какъ бы растворился, распустился. Для процесса пищеваренія плотныхъ кусковъ пищи это выраженіе болѣе характерно, чѣмъ употребляемое нынѣ слово «переварился». Въ древнихъ рукописяхъ человѣческій желудокъ обыкновенно называется *«стомахъ»* — выраженіе частію усвоенное изъ перевода библейскихъ книгъ, частію заимствованное отъ грековъ, впервые ознакомившихъ насъ съ медицинскими и анатомическими терминами. По простонародному, чисто русскому выраженію желудокъ называли и до сихъ поръ еще называютъ душой: *душу мутитъ*, *съ души тянетъ*, *съ души воротитъ* (тошнитъ), *съ души сорвало* (стошнило), *воняетъ изъ души* (дурной запахъ изъ желудка), *душу сосетъ*. *Душа мѣру*

2. Подобаетъ всякому человѣку беречися отъ хлѣба недопеченнаго, великія бо и тяжкія болѣзни отъ того раждаются, но да неядимъ хлѣба горячего или гораздо мягкаго, но да переночуетъ.

3. Тремя обычаи хлѣбъ печется: большой хлѣбъ имѣетъ въ себѣ многу мягкость, а корка его тверда и непитательна есть тѣлу и нескоро нойтельна [1], утробу заключаетъ; а мякишъ толстый надымаетъ тѣло и вредительную мокрость родитъ.

4. Хлѣбъ, который не великъ и тонокъ, того жаръ пройметъ и волгость изъ него вытянетъ, и тотъ хлѣбъ утробу вяжетъ и нескоро изноетъ.

5. Среднiй же хлѣбъ, и который не переквашенъ и непересоленъ, тотъ здравѣе всѣхъ, тѣло питаетъ, и добрые крови растенiе творитъ, и естество человѣческое укрѣпляетъ; но прiемлемъ его, чтобы не добрѣ былъ мякокъ, а не добрѣ черствъ, якоже выше рѣчено бысть [2]

6. Хлѣбъ, который растворенъ на вишневомъ соку, и истечетъ, прикладываемъ ко огненнымъ чирьямъ и тако ихъ мягчитъ и отворитъ [3].

7. Хлѣбъ, который печенъ со отрубями, скоро исходитъ, непитателенъ тѣлу человѣческому.

знаетъ и пр. Откуда взялось это выраженіе — сказать трудно; но оно до сихъ поръ господствуетъ въ народномъ языкѣ. Слово желудокъ вошло въ употребленіе только въ сравнительно новѣйшихъ лѣчебникахъ.

(1) Не скоро изнываетъ, т. е., трудно переваривается.

(2) Данныя относительно гигіеническаго значенія разныхъ сортовъ и качествъ хлѣба, изложенныя здѣсь по указаніямъ опыта, въ общихъ чертахъ вѣрны и согласны съ научными выводами. Вѣроятно благодаря старымъ лѣчебникамъ, они въ значительной мѣрѣ проникли въ народъ и до сихъ поръ могутъ считаться господствующими въ простонародной діететикѣ.

(3) *Огненные чирьи*, въ другихъ мѣстахъ — *горячіе чирьи* — ограниченныя флегмонозныя воспаленія кожи, острые нарывы, фурункулы, сопровождающіеся жаромъ, опухолью и краснотой. Называются они огненными въ отличіе отъ холодныхъ нарывовъ. Выраженіе: *твердый чирей*, *надутый чирей* обозначаетъ разныя фазы развитія болѣзни. — Выраженіе *отворить* нарывъ, вмѣсто употребляемаго нынѣ *вскрыть*, — старинное народное выраженіе. Оно употребительно до сихъ поръ, равно какъ выраженіе: отворить кровь, отворить жилу.

Глава 2.

О ПШЕНИЦѢ.

Пшеница естествомъ есть и пристоящая пища естеству человѣческому; а горяча и волгостна по мѣрѣ въ первомъ ступнѣ. А хлѣбъ пшеничный горячь во второмъ ступнѣ, а горячество его прибавится отъ жару огненнаго.

1. Хлѣбъ пшеничный питательнѣе ржанаго хлѣба, и пристоитъ его ясти нездоровымъ людемъ больши, понеже естеству человѣческому силу подаетъ и растеніе добрыя крови творитъ.

2. Отруби пшеничные намочить въ теплой водѣ и размѣшать и процѣдить, что кислые шти, и то пріимати въ ѣствахъ или съ студенью и тѣмъ кислые шти ѣствы очищаютъ, и легчатъ перси и легкое отъ лишнихъ мокротъ храковныхъ (харкотныхъ).

3. Пшеница варена, сирѣчь кутія, и пріята, заключаетъ жилы печенныя и желтость селезени наводитъ и родится отъ того камень въ почкахъ и въ пузырѣ.

4. Зерна пшеничныя во ртѣ жваны и прикладываны ко укушенію бѣшеныя собаки — заживляютъ.

5 Елей доспѣтъ во пшеницѣ и помазуемъ—обливу [1] и прыщи и иную нечистоту тѣлесную згонитъ и тѣло чисто творитъ.

6. Мука пшеничная смѣшана съ сокомъ белеповымъ по подобію масти и то прикладываемь къ жиламъ язвеннымъ и тогда кровь текущую изъ жилъ застановляетъ.

7. Мука пшеничная смѣшена съ оксимеломъ (oxymel), уксусомъ подсыченымъ и тѣмъ аще помазуемъ обливу на лицѣ — чисто станетъ.

8. Отруби пшеничные варены въ уксусѣ, и то прикладываемъ къ надутымъ чирьямъ и ко укушенію ядовитыхъ, и къ переломленнымъ костямъ, уздравливаетъ.

9. Пшеница варена съ молокомъ коровьимъ, подобно кашѣ, вельми питательна сухорлявымъ людемъ, кои естествомъ суть горячи и много тружаются; а которые естествомъ тучны и мокростны, ино тѣмъ того пріимати не ве-

---

[1] *Облива* золотушная сыпь (eczema, crusta lactea).

лимъ, понеже зарожается въ нихъ трясовичная болѣзнь и грыжа и камень въ почкахъ.

10. Тѣсто кислое пшеничное прикладываемъ къ твердымъ чирьямъ, то ихъ отмягчитъ и отворитъ.

Глава 3.

О ИЛУ ПШЕНИЧНОМЪ.

Илъ пшеничный теплъ и волгостенъ средостію, а составляется онъ сице: возми пшеницы добрыя елико восхощеши, и вложи въ воду студеную рѣчную, и тако постоитъ пять дней и пять нощей, и помѣшивай на всякъ день, и какъ вода устоится и то сливай и иныя наливай новыя, а въ пятый день воду слей долой всю гораздо, а пшеницы не возмути, чтобы илъ пшеничный не тронулся, и потомъ достань того илу, положи въ иной сосудъ и то высуши, а самую тое пшеницу истолки мелко и сквозь платъ протри, смѣшавъ съ водою, для того, чтобы илъ не проходилъ, а что пройдетъ, то постави на солнцѣ, чтобы высохло и смѣшай его часто, а какъ явится на верху вода и тое воду сливай, а егда станетъ сухо вельми и то станетъ илъ, а составляется отъ немолотыя пшеницы (¹).

1. Тотъ илъ пшеничный вельми пристоитъ тѣмъ людемъ, кои недугуютъ теченіемъ мокростнымъ и главнымъ и слезное теченіе уйметъ, коимъ обычаемъ ни прикладываемъ.

2. Илъ пшеничный толченый пріять въ ухѣ кислой, или съ водою по разсужденію, тогда блеваніе кровавое уйметъ, и утробу всякую заключаетъ.

3. Илъ пшеничный да мука сѣяная ячменная, обоихъ поровну смѣшавъ съ сахаромъ головнымъ, и то будетъ аки порохъ, и то пріято — кашель уйметъ.

4. Илъ пшеничный толченъ и варенъ съ молокомъ мигдальнымъ и та каша пріята утробу заключаетъ.

(¹) Илъ пшеничный въ народной медицинѣ игралъ большую роль, какъ сподручное и, повидимому, полезное средство. Судя по способу его приготовленія, надо полагать, что здѣсь играетъ нѣкоторую роль процессъ проростанія, а въ составѣ ила пшеничнаго долженъ главнымъ образомъ находиться крахмалъ и растительная клейковина.

5. Илъ пшеничный смѣшанъ и пріятъ по разсужденію всю внутреннюю укрѣпляетъ и уды тѣлесные утверждаетъ.

6. Илъ пшеничный сырой не пристоитъ пріимати, понеже отъ того глисты внутри раждаются.

Глава 4.

ОБЪ ОВСѢ.

1. Овесъ есть брашно скотское, а не человѣческое; но въ нужи и въ дорогомъ хлѣбѣ, въ томъ хлѣбы печемъ; а тотъ хлѣбъ непитателенъ тѣлу человѣческому, ни паки силу подаетъ и кровь отъ того не раждается.

2. Аще пластырь дѣлаемъ въ мукѣ овсяной и прикладываемъ —мягчитъ и отворяетъ чирьи. Аще дѣлаемъ пластырь въ мукѣ овсяной, да въ дылѣ (?) мукѣ пшеничной и тѣмъ помазуемъ прокаженіе личное и тако тѣло гладко станетъ.

3. Овесъ безъ лужбинъ варенъ въ водѣ и потомъ толченъ и съ медомъ прѣснымъ смѣшанъ пріятъ естественную теплость стомаху наводитъ.

4. Мука овсяная смѣшана съ бѣлилы добрыми и варена въ водѣ и тѣмъ аще кто лице омываетъ, лице станетъ бѣло и свѣтло.

Глава 5.

О ЯЧМЕНИ.

Ячмень есть студенъ и сухъ въ первомъ ступнѣ, и потребенъ къ различнымъ врачеваніямъ.

1. Ячмень чистый, безъ чешуи, варимъ въ водѣ рѣчной, докуды вода станетъ собою черлена; и та ячменная вода пріята, тушитъ неизреченный жаръ нутреній.

2. Таже вода отокъ язычный выведетъ и тѣмъ помогаетъ, кои горломъ недугуютъ и глотати не могутъ.

3. Аще пластырь въ мукѣ дѣлаемъ ячменной и къ тому прибавляемъ почки сидоніевыхъ яблокъ толченыхъ, да уксусу по разсужденію, и то прикладываемъ къ горячимъ чирь-

ямъ, кои явятся на камчюжномъ ([1]) ножномъ мѣстѣ; и отъ того огнь тушится и мокрость больную вытянетъ.

4. Тогъ же пластырь прикладываемъ къ коростѣ, которая отъ жару рождается, и та короста спадетъ, и тѣло чисто будетъ.

5. Аще у кого отъ вѣтра лице изсѣдается (потрѣскается кожа) и сморщится, тотъ да емлетъ ячменя толченнаго безъ мякинъ, и варитъ его въ водѣ до великія клеести, и потомъ выжметъ его сквозь платъ и тою водою умывается часто, и тако лице станетъ гладко и чисто.

6. Каша варена въ мукѣ ячменной съ водою, подсытивъ *сахаромъ головнымъ* ([2]), да къ тому прибавити изюмъ, и то пріято, трясавичную болѣсть уйметъ и огнь изъ печени выведетъ.

Глава 6.

О СОЧЕВИЦѢ.

Сочевица подобна гороху, студена и волгостна въ третіемъ ступнѣ, а естество ея двизательно и мягчительно.

1. Сочевица варена въ сытѣ, и потомъ ея толчемъ, и прибавимъ къ ней муки сѣмяни гунбиннаго, и то будетъ пластырь, и то прикладываемъ къ горячимъ апостемамъ и тако ихъ мягчитъ и холодитъ.

2. Сочевица въ сытѣ варена и пріята волгость всему тѣлу паводитъ и то пристоитъ къ тѣмъ людемъ, кои колеречи (холерики) суть, сирѣчь естествомъ горячи и сухи.

([1]) *Камчуга, камчужная болѣзнь* — выраженіе очень старинное, встрѣчающееся въ русскихъ лѣтописяхъ. Князь Іоаннъ Іоанновичъ, сынъ Вел. Кн. Іоанна Васильевича, заболѣлъ этою болѣзнію въ 1490 г. и умеръ отъ нея. Болѣзнь описывается какъ ломота въ конечностяхъ, преимущественно въ ногахъ. Вѣроятно такъ называли острый суставный ревматизмъ.

([2]) Выраженіе *головной сахаръ* употребляется въ народѣ до сихъ поръ, въ отличіе отъ сахарнаго песку и леденцу. Головной сахаръ, т. е. въ формѣ головъ, стали привозить въ Россію не ранѣе второй половины XVI вѣка.

3. Сочевица толчена въ муку и смѣшена съ уксусомъ и то прикладываемъ къ черленой обливѣ и къ лишаемъ и тако тѣло во своемъ существѣ станетъ.

4. Сочевица же пріята легостно урину движетъ; но аще чрезъ мѣру ея пріемлеши, тогда толь сильно движетъ, дондеже кровію учнешь мочитися.

5. Сочевичная мука въ какой ѣствѣ ни будетъ, проходъ движетъ.

Глава 7.

О ПОЛБѢ.

Полбино семя подобно ячменю, духомъ благовонно, а естествомъ студено и волгостно.

1. Хлѣбъ доспѣтъ въ той полбѣ непитателенъ есть; пшеничный да ячменный болѣ питательны, нутрь мягчатъ.

2. Полба, коимъ обычаемъ ни пріята будетъ, волгость изъ плюча (плеча) выгонитъ и старый кашель тушитъ и перси воложитъ.

Глава 8.

О КУКОЛѢ.

Куколь трава растетъ промежъ жита и во пшеницѣ, во время сухмени, имѣетъ ядовитое естество: піянство человѣку наводитъ и безъ ума доспѣваетъ, аще кто его безъ разсужденія пріемлетъ.

1. И та трава толчена и смѣшана съ сѣрою горючею и виномъ и уксусомъ разведена и тѣмъ помазуемъ коросту или обливу и отъ того тѣло чисто станетъ.

2. Та трава варена и съ кореніемъ въ водѣ и прикладываема къ надутымъ апостемамъ, тогда отокъ выведетъ и гной вытянетъ и заживляетъ.

3. Та трава толчена и смѣшана съ уксусомъ и съ медомъ прѣснымъ прикладываемъ къ камчюжной болѣсти и то имъ особна лѣчба, понеже изъ нихъ болѣсть вытянетъ.

4. Семя кукольное толчено или молото и то присыпаемъ къ язвамъ стрѣленымъ или сѣченымъ, тогда изломленныя кости, или отсѣченныя, отъ того прикладыванія выходятъ безъ болѣзни.

Глава 9.

О ПРОСѢ.

Просо естествомъ есть студено въ первомъ ступнѣ, а сухо во второмъ.

1. Просо часто пріято дряхлость наводитъ и всякую мокрость изъ тѣла выгонитъ.

2. Просо толченое аще привязуемъ къ подошвамъ ножнымъ, тогда утроба десятиріева (dysenteria, кровавый поносъ) отъ того заключается.

3. Тоже просо, тѣмъ же обычаемъ толчено и привязано къ пятамъ, тогда лишнее теченіе мастриково (мѣсячное — menstrualis, или маточное, отъ matrix) у женъ заключается.

Глава 10.

О ГОРОХѢ.

Горохъ есть студеностенъ и волгостенъ во второмъ ступнѣ.

1. Листвіе гороховое, да стручье зеленое взято обоихъ поровну и толки ихъ мелко и то прикладывай ко огню палящему и тако огонь вытянетъ.

2. Горохъ же пріяти не вельми пристоитъ, понеже мокрость отъ него раждается и студеность тѣлу наводитъ и тѣснованіе въ грудѣхъ отъ того бываетъ; но уха [1] гороховая здорова и сильна есть и пристоитъ пріяти боязнивымъ людемъ.

3. Горохъ пристоитъ пріяти тѣмъ людемъ, кои естествомъ горячи, понеже имъ силу подаетъ; а кои естествомъ суть студеностны, тѣмъ горохъ пріяти не повелѣваемъ. Пластырь доспѣваемъ гороховый и прикладываемъ къ переломленнымъ костямъ и тако заживляются. Уха, въ коей варенъ горохъ, пріята, болѣзнь изъ перси выведетъ и старый кашель уймется.

---

[1] Слово уха прежде употреблялось въ значеніи супа, отвора изъ чего бы то ни было, а не исключительно изъ рыбы, какъ понимается нынѣ. Потому говорили: уха изъ курицы, уха изъ гороха, уха изъ грибовъ и пр.

Глава 11.

О БОБУ (о бобахъ).

1. Бобъ свѣжій естествомъ холодителенъ и мягчителенъ въ первомъ ступнѣ. Бобъ варенъ и сухой, коимъ обычаемъ ни пріятъ, вѣтрость брюху творитъ и вредителенъ есть стомаху и умаленіе творитъ разуму, а отъ бобовыхъ скорлупъ утроба заключается.

2. Мука бобовая мелко толчена и тѣмъ аще тѣло потираемъ, коимъ обычаемъ ни буди, лице и тѣло гладко станетъ.

3. Аще который человѣкъ хощетъ бобы пріяти въ брашнѣ, обычая своего ради, то и къ тому пріемлетъ кимену большаго нѣмецкаго, да огородной мяты или душицы и тако не можетъ вредити тѣлу человѣческому.

4. Мука бобова смѣшана съ мукою гунбинныя травы, или съ семенемъ тоя травы, заживляетъ заушицу, аще прикладываемъ по обычаю пластыреву.

5. Бобъ сухой варенъ въ водѣ и потомъ толченъ и къ тому примѣшаемъ чистаго сала ветчиннаго топленаго и тою мастію помазуемъ отокъ ножной камчужный и тако отокъ тотъ поляжетъ (1).

6. Бобъ часто пріятъ за брашно, тягость велику творитъ тѣлу и отегчеваютъ вси внутренніе уды отъ того пріятія и болѣзнь главѣ наводитъ и тягостенъ сонъ бываетъ.

7. Аще у кого кила (2) и грызетъ въ ярости, тогда возьми муки бобовыя и съ прѣснымъ медомъ смѣшай пополамъ и тѣмъ помазуй часто.

---

(1) Подъ словомъ *Отóкъ* разумѣется не только отечное состояніе, но и всякая воспалительная опухоль.

(2) *Кила* греческое слово, означаетъ опухоль. Въ народномъ русскомъ языкѣ оно принимается въ томъ же смыслѣ, примѣнительно ко всѣмъ выдающимся наростамъ и холоднымъ опухолямъ. Въ этомъ смыслѣ килой называется и грыжа, какъ опухоль, возвышеніе, шишка. Существуетъ повѣрье, что кила происходитъ отъ злаго человѣка, что ее можно напустить, *насадить*, а равно и *снять* посредствомъ извѣстныхъ наговоровъ. Отсюда выраженіе: *насадить килу, снять килу*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. на сѣверѣ Россіи и въ Сибири, килóй или *кúлкой* называютъ также дубинку, т. е. палку съ шишкообразнымъ корнемъ на концѣ. Шишка отъ удара или ушиба, т. е. кровяной подтекъ, съ замѣтной припухлостію, тоже называется килóй.

Глава 12.

О КОНОПЛЯХЪ.

1. Конопли суть горячи и сухи во второмъ ступнѣ. Аще который человѣкъ многу мокрость имѣетъ во главѣ, отъ коей мокрости гной течетъ изъ ушей, тотъ да емлетъ елей конопляный и въ уши пускаетъ и тако онъ здравъ бываетъ.

2. Самая та трава болѣзнь главѣ наводитъ часто ея жнущимъ, и манія отъ того раждается.

3. Аще мужескъ полъ часто пріемлетъ сѣмя конопляное въ брашнѣ, у того сперма истребляется.

4. Конопля суть мокра́ и тепла́, варена; кто ихъ ястъ, тому окормъ (¹) и гной отъ сердца отгонитъ.

5. Такожде кто бы его конопля стеръ между руками и положилъ бы на рану, коли кого гадина или ужъ укусить, и привязалъ бы къ ранѣ, тогда весь ядъ выгоняетъ.

6. Такожде кого застрѣлятъ, тогда сотри конопля и приложи на рану — желѣзо вытянетъ. Смотри коли еленя застрѣлятъ и онъ на то мѣсто бѣжитъ, гдѣ конопля ростетъ, и коли его найдетъ и ужвавъ его вло́житъ въ рану и тако стрѣла изъ раны выйдетъ.

Глава 13.

О ГРЕЧИХѢ.

1. Гречиха есть мокраго прироженія, и вѣтры чинитъ мѣрно, а не такъ что горохъ и бобъ. Гречневая каша или крупы меньше справленіе (исправленіе) желудку подаютъ, нежели ячменная каша.

2. Каша изъ муки гречишныя добра ко стравленію и тучность немалу тѣлу подаетъ.

3. Крупы гречишныя въ молокѣ варены и на горячія болячки прикладываны уздравливаютъ ихъ.

4. Гречихою свиньи и куры кормятъ, тогда они тучны бываютъ.

(¹) *Окормъ* порча посредствомъ пищи, отрава; иногда употребляется и въ смыслѣ излишней пищи, объяденія.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

помѣщенныхъ въ

„УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА"

за 1834—1878 годы включительно.

I. ФИЛОСОФІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

1) Берви. Физiологико-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. 1858. II. стр. 3—83.
2) Винтеръ. Dichtlehre, als philosophische Theorie der wissenchaftlichen Dichtkunst. 1839. III. стр. LXXIV и 1—132.
3) Гавріилъ (архим.). Исторія философіи. 1837. III. стр. 3—99: 3—94; 1838. I. 125—155; II. 3—131; III. 66—122; IV. 3—147; 1839. II. 3—192; 1840. I. 3—73; II. 3—62; III. 3—64; IV. 3—48.
4) Гавріилъ (архим.) Философія правды. 1842. IV. стр. 59—120.
5) Левандовскій Ф. М. О народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ въ Пруссіи. 1859. IV. стр. 17—92.
6) Рожанскій В. Я. Декартъ и его философія. 1865. стр. 341—384.
7) Сбоевъ В. А. Гносисъ и гностики. 1839. I. стр. 129—189.

8) Сбоевъ В. А. О предлежательной реальности человѣческихъ познаній. 1845. IV. стр. 3—72.

9) Смирновъ А. И. О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явленіяхъ. 1875 г. стр. 893.

10) Смирновъ А. Англійскіе моралисты. Историко-критическое обозрѣніе главнѣйшихъ теорій нравственности въ англійской философіи отъ Бекона и Гоббза до настоящаго времени. 1876 г. стр. 861—943.

11) Суровцевъ Г. Е. Объ основаніяхъ изящнаго. 1835. III. стр. 111—138.

12) Шарбе Р. А. Мысли о воспитаніи въ гимназіяхъ. 1857. III. стр. 21—69.

II. ЯЗЫКОЗНАНІЕ, ЛИТЕРАТУРА, ГЕОГРАФІЯ, СТАТИСТИКА, ЭТНОГРАФІЯ И ИСТОРІЯ.

а) Русь и Славяне.

13) Аристовъ Н. Я. О современномъ состояніи и значеніи Русской Исторіи. 1868. стр. 3—20.

14) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Подробная программа лекцій. 1876 стр. 191—195 1877 г. стр. 302—324; 1878 г. стр. 61—135. (Изв.).

15) Буличъ Н. Н. Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. стр. 189—320.

16) Буличъ Н. Н. Литература и общество въ Россіи въ Россіи въ послѣднее время. 1865. стр. 385—416.

17) Буличъ Н. Н. Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности. 1866. стр. 527—639.

18) Буличъ Н. Н. О миѳическомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи. 1870. стр. 266—308.

19) Буличъ Н. Н. Казанскій Университетъ въ Александровскую эпоху.—I) Попечительство Румовскаго и Салтыкова. 1875 г. стр. 3—48. 241—288. 439—488.

20) Буевскій. О климатѣ Кунгурскаго уѣзда. 1857. I. стр. 159—169.

21) Буевскій. Жители Кунгурскаго уѣзда. 1857. I. стр. 141—165.

22) Булыгинъ В. О происхожденіи слова Князь. 1834. I. стр. 105—133.

23) Бѣляевъ И. Д. Положеніе русскаго общества въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. 1862. II. стр. 245—253.

24) Владимірскій Н. А. Нѣсколько словъ о „Прологѣ", памятникѣ древне-русской письменности, и нѣсколько литературныхъ вопросовъ изъ древнѣйшей эпохи нашего просвѣщенія. 1875 г. стр. 851.

25) Гавріилъ (архим.). Историческое описаніе Казанскаго Успенскаго второкласнаго Зилантова монастыря. 1833. IV. стр. 108—160.

26) Горловъ И. Я. Калмыцкое народонаселеніе въ Россіи. 1840. I. стр. 163—165.

27) Горскій С. М. Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михайловича 1857. IV. стр. 33—83.

28) Григоровичъ В. И. Краткое обозрѣніе словянскихъ литературъ. 1841. I. стр. 93—153.

29) Григоровичъ В. И. Опытъ литературы Словянъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ. 1842. III. стр. 105—116; IV. стр. 3—58.

30) Григоровичъ В. И. О значеніи церковно-словянскаго языка. 1851. стр. 3—25.

31) Григоровичъ. В. И. О трудахъ, касающихся древняго словянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго. 1851. I. стр. 26—52.

32) Григоровичъ В. И. Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-словянской. 1851. I. стр. 53—70.
33) Григоровичъ В. И. О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянской письменности. 1851 I. стр. 71—94.
34) Григоровичъ В. И. Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древне-словянскомъ языкѣ. 1851. I. стр. 95—108.
35) Григоровичъ В. И. Древне-словянскій памятникъ, дополняющій житіе словянскихъ апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. 1862. Вып. 2. стр. 1—29.
36) Гусевъ М. Отчетъ объ опредѣленіи географическаго положенія Вятки. 1850. I. стр. 30—64.
37) Добротворскій И. М. Посланіе Юрія Крижанича царю Ѳедору Алексѣевичу. изд. 1865. стр. 1—20.
38) Добротворскій И. М. Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія. 1865. стр. 21—30.
39) Добротворскій И. М. Сказаніе о Петрѣ Волоскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Руси, 1865. стр. 31—46.
40) Добротворскій И. М. Мнимо-молоканское вѣроисповѣданіе 1866. стр. 149—165.
41) Ивановъ Н. А. Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С. Петербургскихъ и Московскихъ. 1843. II и III. стр. 3—57.
42) Ивановъ Н. А. Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ. 1843 г. II и III. стр. 58—396.
43) Ивановъ Н. А. О сношеніяхъ папъ съ Россіею. 1849. IV. стр. 121—154.
44) Каземъ-Бекъ А. К. О взятіи Астрахани въ 1660 году. 1835. I. стр. 139—153.

45) Камковъ А. А. Лермонтовъ. Рѣчь. 1856. I. стр. 145—162.
46) Корсаковъ Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. 1871. Прил. стр. 1—246.
47) Корсакъ Ан. Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. 1856. I. стр. 91—144; II. стр. 49—176; 1857. I. 3—169; III. 70—109.
48) Ленстремъ К. И. О мирныхъ договорахъ между Россіею и Швеціею въ XIV столѣтіи. 1855. II. стр. 103—151.
49) Магницкій В. Пѣсни села Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. 1877 г. стр. 155—233; 359—439.
50) Небосклоновъ А. Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. 1873 г. стр. 848—868; 951—990.
51) Небосклоновъ А. Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость въ средніе вѣка. 1874 годъ. Гл. I—II. стр. 39—116; 1874 г. Гл. III. стр. 167—240. Гл. IV. стр. 325—392.
52) Петровскій М. П. Поученіе, приписываемое Иларіону митрополиту Кіевскому. 1865. стр. 47—84.
53) Петровскій М. П. Матеріалы для славянской діалектологіи. 1866. стр. 388—480.—1867. стр. 155—191.
54) Петровскій М. П. Образцы живой славянской рѣчи (къ изслѣд. „Матеріалы и проч.") 1864. I отд. стр. 289—368.
55) Петровскій М. П. Два слова въ память Карамзина. 1867. стр. 100—113.
56) Рябовъ И. Былина и временность Нижнетагильскихъ заводовъ. 1848. II. стр. 1—57.
57) Саблуковъ Г. С. Изслѣдованіе о мѣстѣ Сарая. столицы Кипчакской орды. 1842. II. стр. 55—76,

58) Саблуковъ Г. С. Состояніе православной россійской Церкви въ царствѣ Кипчакской или Золотой орды. 1842. II. стр. 38—55.
59) Серафимовъ. Записки о Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. 1858. IV. стр. 102—131.
60) Симоновъ И. М. Опредѣленіе географическаго положенія нѣкоторыхъ мѣстъ Казанской, Симбирской и частью Оренбургской губерніи. 1834. I. стр. 33—104.
61) Снегиревъ И. А. Отрывки Чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ. Очеркъ литературно-филологическій, 1878 г. стр. 62—132.
62) Соколовскій И. В. Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. 1873 г. стр. 545—733; 761—820.
63) Соколовъ А. И. Краледворская рукопись и судъ Любуши. 1845. IV. стр. 3—145.—1846. I. стр. 1—76.
64) Соколовъ А. И. Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ. 1854. II. стр. 3—42.
65) Суровцевъ Г. Е. Нѣчто о собраніи областныхъ словъ. 1839. II. стр. 193—206.
66) Суровцевъ Г. Е. Отчетъ о сооруженіи памятника Державину. 1847. III. стр. 129—139.
67) Теплоуховъ. 130 провинціальныхъ и техническихъ словъ Пермской губерніи. 1857. III. стр. 170—179.
68) Фойгтъ К. К. Рѣчь при открытіи памятника Державину. 1847. III. стр. 43—128.
69) Шестаковъ П. Д. Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій. 1858. стр. 21—110.
70) Шестаковъ П. Д. Мысли Карамзина о воспитаніи. 1867. стр. 3—27.
71) Шпилевскій С. М. Древніе города и болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. 1877 г. стр. 1—585.
72) Шпилевскій С. М. Заботы Императора Александра I о Казани. Рѣчь, произнесенная въ

торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета 12 дек. 1877 г. въ юбилейный день столѣтія рожденія Императора Александра I. 1878 г. стр. 3—49.

73) Эрдманнъ Э. А. Дополненіе къ опыту областнаго великорусскаго словаря. 1857. II. стр. 106—167.

74) Ягичъ В. Исторія сербско-хорватской литературы. Древній періодъ. Переводъ съ сербско-хорватскаго М. П. Петровскаго. 1871. Прил. стр. 1—243.

75) Янишевскій Н. П. О расходахъ на государственную защиту въ Россіи съ пришествія варяго-русскихъ князей до конца XVII столѣтія. 1850. I. стр. 73—222.

76) Ѳирсовъ Н. А. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель. 1870. стр. 321—769.

77) Ѳирсовъ Н. А. Положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Рссіи въ Московскомъ государствѣ. 1864. I отд. стр. 69—123; 367—424.

78) Ѳирсовъ Н. А. Карамзинъ объ исторіи сѣверо-восточной Россіи. 1867. стр. 28—51.

79) Выписка изъ лѣтописца о Нижнемъ-Новгородѣ. 1836. II. стр. 126—157.

б) Народы Востока и Финны.

80) Банзаровъ. Черная вѣра или шаманство у монголовъ. 1846. III. стр. 53—120.

81) Березинъ И. Н. Recherches sur les dialectes musulmans. 1849. II. стр. 1—92.

82) Березинъ И. Н. Recherches sur les dialectes persans. 1851. II. стр. 67—224; III. стр. 43—119; 1852. II. стр. 1—149.

83) Березинъ И. Н. Булгаръ на Волгѣ. 1852. III. стр. 74—160.

84) Готвальдъ І. Ѳ. Описаніе арабскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго Университета. 1854. II. стр. 43—171; IV. 1—67.—1855. IV. 1—118.

85) Готвальдъ І. Ѳ. Опытъ арабско-русскаго словаря на коранъ, семь моаллакатъ и стихотворенія Имрулькейса. 1861. II. 114—139; III. 60—176; IV. 1—144.

86) Григорьевъ В. В. О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы Шемса Бухари. 1861. I. стр. 3—129; II. стр. 140—169.

87) Григорьевъ В. В. О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки. 1862. II. стр. 81—92.

88) Григорьевъ В. В. Неизданныя монеты Уйгурскихъ владѣльцевъ Маверранагра. 1863. I. 1—115.

89) Даніилъ (архим.) Переводъ съ китайскаго языка изъ книги подъ заглавіемъ „драгоцѣнное зеркало для просвѣщенія ума“. 1837. II. стр. 139—158; III. стр. 99—110.

90) Даніилъ (архим.) Всеобщая исторія Китая, переводъ съ китайскаго. 1837. IV. стр. 95—145; II. стр. 132—154; IV. стр. 148—179.

91) Добротворскій М. М. Аинско-Русскій Словарь. 1875—1876 г. стр. 1—76. 1—487; 1—91.

92) Золотницкій Н. Особенности чувашскаго языка, зависящія отъ измѣненія и выпуска гортанныхъ звуковъ. 1877. стр. 578—591.

93) Золотницкій Н. Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ. 1877 г. стр. 735—760.

94) Зоммеръ Н. Объ основаніяхъ новой китайской философіи. 1851. I. стр. 109—177.

95) Ильминскій Н. И. Матеріалы для изученія киргизскаго нарѣчія. 1860. III стр. 107—159; IV. стр. 53—165; 1861. I. стр. 130—162.

96) Ильминскій Н. И. Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. 1861. III. стр. 1—59.
97) Ильминскій Н. И. Учащательная форма татарскаго глагола. 1863. I. стр. 15—18.
98) Ильминскій Н. И. Матеріалы для джагатайскаго спряженія 1863. II. стр.
99) Ковалевскій О. М. Каталогъ санскритскимъ, монгольскимъ, тибетскимъ, манджурскимъ и китайскимъ книгамъ и рукописямъ въ библіотекѣ Казанскаго Университета хранящимся. 1824. II стр. 263—292.
100) Ковалевскій О. М. Содержаніе монгольской книги, подъ заглавіемъ „море притчъ". 1834. I. стр. 134—162; II. стр. 236—259.
101) Ковалевскій О. М. О китайскомъ календарѣ. 1835. I стр. 111—138.
102) Ковалевскій О. М. Буддійская космологія. 1835. II. стр. 373—427; IV. 217—289.—1837. I. 99—135.
103) Навроцкій. Краткія замѣчанія о различіи между калмыцкимъ и монгольскимъ языками. 1840. III. стр. 160—176. 1841. I. стр. 3—34.
104) Назаріанецъ С. И. Бѣглый взглядъ на исторію гайканской литературы до конца XIII вѣка. 1844. I. стр. 46—95.
105) Назаріанецъ С. И. Обозрѣніе гайканской письменности въ новѣйшія времена. 1846. II. стр. 1—158.
106) Назаріанецъ С. И. Абулъ-Касемъ Фердауси Тусскій. 1849. III. стр. 34—136.
107) Петровъ П. Я. Программа для преподаванія санскритскаго языка и литературы. 1842. II. стр. 73—95.
108) Сбоевъ В. А. Іовъ въ художественномъ отношеніи. 1837. II. стр. 90—138.

109) Смирновъ А. О расколѣ шiитовъ вообще и расколѣ измаэлитовъ въ особенности. 1846. I. стр. 79—180.
110) Суровцевъ Г. Е. О чувашскомъ языкѣ. 1837. I. стр. 136--168.
111) Фойгтъ К. К. Обозрѣнiе хода и успѣховъ преподаванiя восточныхъ языковъ въ Казанскомъ Университетѣ съ 1842 по 1852 годъ. 1852. I. стр. 103—143.
112) Холмогоровъ И. Н. Объ основныхъ постановленiяхъ ислама. 1848. I. стр. 103—143.
113) Холмогоровъ И. Н. Исторiя Сербедаровъ изъ V тома, исторiи Мирхонда. Переводъ. 1860. IV. стр, 1—52.
114) Холмогоровъ И. Н. Очерки арабской письменности. 1862. I. стр. 33—80.
115) Холмогоровъ И. Н. Исторiя Восточнаго Халифата, Фахри. Переводъ съ арабскаго. Приложенiе къ 1862 и 1863 годамъ; стр. 1—384 и LXVIII.
116) Холмогоровъ И. Н. Шейхъ Мослихуддинъ Саади Ширазскiй и его значенiе въ исторiи персидской литературы. 1865. стр. 525—612. —1866. Прилож.
117) Холмогоровъ И. Н. Грамматы Надиръ-Шаха своему сыну Радза-Кули-Мирзѣ, касающiяся индiйскихъ походовъ Надира. Съ персидскаго. 1870. стр. 313—320.
118) Эрдманнъ Ѳ. И. Erläuterung u. Ergänzung einiger Stellen der von Mirchawend verfassten Geschichte des Stammes Buweih. 1835. III. стр. 51—142.
119) Эрдманнъ Ѳ. И. Vollständige Uebersicht der ältesten türkischen Völkerstämme nach Rasched-uddin's Vorgange bearbeitet. 1841. IV. стр. 3—188.
120) Эрдманнъ Ѳ. И. Behram-Gur u. die russische Fürstentochter — Muhammed Niszamiu-d-din,

dem Gendscher nachgebildet. 1843. I. и IV. стр. XXVII и 1—271.

121) Эрдманнъ Ѳ. И. Ueber Muhammed's Geburt u. Abrahah's Untergang. 1852. II. стр. 96—143.

122) Эрдманнъ Ѳ. И. Uber einsigen Münzehn Tamerlans. 1857. IV. стр. 56—75.

в) Западно-европейскіе народы. Греки и Римляне.

123) Бѣляевъ Д. Ѳ. Къ вопросу о міровоззрѣніи Еврипида. Историко-литературные этюды 1878 г. стр. 1—16; 17—134.

124) Иноземцевъ А. Д. Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты. 1873 г. стр. 827—847; 1007—1032.

125) Модестовъ В. И. Римская письменность въ періодъ царей. 1867. стр. 460—576; 631—672.

126) Ордынскій В. И. Сличеніе грамматики простонароднаго ново-греческаго языка съ грамматикой языка древне-греческаго. 1858. III. стр. 3—126.

127) Осокинъ Н. А. Савонарола и Флоренція. Историческая монографія. 1863. I. отд. I и II. стр. 1—321.

128) Осокинъ Н. А. Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II. Историческіе очерки. 1864. I отд. стр. 499—640.

129) Осокинъ Н. А. Утвержденіе аррагонской династіи въ Неаполѣ и Сфорцы въ Миланѣ. 1867. стр. 114—148.

130) Осокинъ Н. А. Личный и историческій характеръ Оливера Кромвелля. 1868. стр. 522—541.

131) Осокинъ Н. А. Вступительная лекція въ курсъ исторіи XIII вѣка. 1868. стр. 673—696.

132) Осокинъ Н. А. Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III. 1869. стр. 3—582.

133) Осокинъ Н. А. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами (второй томъ „Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени“). 1871. стр. 249—592.—1872. I отд. стр. IV и 1—180.

134) Осокинъ Н. А. Неаполитанскіе государи въ XIV вѣкѣ. Разсказы изъ итальянской исторіи. 1873 г. стр. 113—150; 189—220.

135) П-скій М. Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція; переводъ М. П—скаго. 307—328; 345—406. 1873 г.

136) Рѣдниковъ А. О воспитаніи у древнихъ римлянъ. 1851. II. стр. 3—66.

137) Сахаровъ В. Поллiонъ, IV. эклога Виргилія. 1866. стр. 461—496.

138) Синайскій. Критическій взглядъ на рѣчи Θукидида. 1840. IV. стр. 113—130.

139) Снегиревъ В. А. Психологическія сочиненія Аристотеля. Переводъ съ греческаго. 1874 г. стр. 976—1011; 1875 стр. 794.

140) Струве Θ. А. De argumento carminum epîcorum, quae res ab Homero in Iliade narratas longius prosecuta sunt. 1850. II. стр. 63—171.

141) Тхоржевскій К. С. De politiâ Timaeo-Critia, ultimo platonico ternione etc. 1847. II. стр. XII и 1—188.

142) Тхоржевскій К. С. In Solonem atheniensem diatribe. 1855. III. стр. 54—115.

143) Тхоржевскій К. С. Изслѣдованіе о космической системѣ Платона. 1855. стр. 123—172.

144) Тхоржевскій К. С. De Aristophanis Ecclesiazusis, habita ratione reipublicae Platonis. 1855 III. стр. 123—172.

145) Тхоржевскій К. С. О цѣли преподаванія древнихъ языковъ. 1855. III. стр. 183—200.

146) Угянскій А. О. О предисловіи Θукидида съ критико-исторической точки зрѣнія. 1868. стр. 289—383.

147) Фатеръ. Der Argonautenzug. Aus den Quellen dargestellt u. erklärt. 1844. II. стр. VIII и 1—168.—1845. I. стр. VII и 1—166.
148) Фатеръ. Quaestionum historicarum fasc. primus. De Isocratis qui fertur epistolis. 1844. IV. стр. 1—96.
149) Фатеръ. Das Verhältniss der Linguistik zur Mythologie u. Archäologie. Ib. стр. 97—176.
150) Фатеръ Р. А. Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen. 1849. II. стр. 93—102.
151) Шарбе А. А. Сновидѣніе Спиціона. 1853. III. стр. 13—60.
152) Шарбе Р. А. Переводъ и разборъ четвертой эклоги Виргилія. 1854. IV. стр. 69—120.
153) Шарбе Р. А. De geniis, manibus et laribus. Ib. стр. 61—197.
154) Шестаковъ П. Д. Медея, трагедія Еврипида; русскій переводъ. 1863. I отд. стр. 321—380. —Примѣчанія къ переводу; его же. 1864. I отд. стр. 1—32.
155) Шестаковъ П. Д. Гипполитъ, несущій вѣнокъ, трагедія Еврипида, русскій переводъ. 1871. стр. 114—196. — Примѣчанія къ переводу; его-же. 1871. стр. 197—238.
156) Шестаковъ П. Д. Троянки, трагедія Еврипи- (Переводъ съ греческаго). 1876 г. стр. 46—80. 256—290.
157) Эрдманъ Ѳ. И. Иродотъ заимствовалъ свое повѣствованіе о древней персидской исторіи изъ персидскихъ источниковъ. 1840. I. стр. 90—128.
158) Яковлевъ Н. Подробное изложеніе особенностей Беотійскаго нарѣчія. 1874. стр. 747—763.

III. ЧИСТАЯ МАТЕМАТИКА.

1) Арифметика, алгебра и геометрія.

159) Васильевъ А. Объ отдѣленіи корней совокупныхъ уравненій. 1874 годъ., стр. 661—667.

160) Жбиковскій А. К. Теорія планиметра Амслера. 1864. II отд. I. стр. 219—223.
161) Имшенецкій В. Г. Способъ трилинейныхъ координатъ. 1862. II. стр. 20—44.
162) Лобачевскій Н. И. Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8. 1834. I. стр. 9—32.
163) Лобачевскій Н. И. Воображаемая геометрія. 1835. I. стр. 3—88.
164) Лобачевскій Н. И. Новыя начала геометріи съ полной теоріей параллельныхъ. 1835. III. стр. 3—48.—1836. II. 3—38.—III. 3—50.—1837. I. 3—97.—1838. I. 3—124; III. 3—65.
165) Лобачевскій Н. И. Пангеометрія. 1855. I. стр. 1—56.
166) Поповъ А. Ѳ. Удвоеніе куба съ какимъ угодно приближеніемъ. 1870. стр. 233—235.
167) Поповъ А. Ѳ. Программа содержанія приготовленной къ печати: „Исторіи развитія ариѳметики" и вступленіе къ ней. 1872. стр. 113—115.
168) Серебровскій М. Рѣшеніе теоремы Пиѳагора въ общемъ видѣ. 1877 г. стр. 283—286.
169) Суворовъ Ѳ. М. О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній. 1871. стр. 1—114.

2) Дифференціальное и интегральное исчисленіе, ученіе объ интегралахъ, функціяхъ и безконечныхъ строкахъ.

170) Больцани I. А. Теорія Якобіевыхъ функцій и элиптическихъ функцій и интеграловъ. 1856. кн. III. и IV. стр. XXVII и 1—170.
171) Васильевъ А. Объ особенныхъ рѣшеніяхъ въ связи съ новыми взглядами на задачу интегрированія дифференціальныхъ уравненій перваго порядка. 1878 г. стр. 309—340.
172) Жбиковскій А. К. Объ Эйлеровыхъ интегралахъ. 1867. стр. 212—276.

173) Имшенецкій В. Г. О функціяхъ равносторонней иперболы и круга 1862. II. стр. 1—19.
174) Имшенецкій В. Г. Объ интегрированіи уравненій съ частными производными перваго порядка. 1864. Отд. II стр. 1—172.
175) Имшенецкій В. Г. Конечное интегрированіе одного вида уравненій съ частными производными посредствомъ введенія канонической системы перемѣнныхъ. 1866. стр. 5—14.
176) Имшенецкій В. Г. Изслѣдованіе способа интегрированія уравненій съ частными производными 2-го порядка функціи двухъ независимыхъ перемѣнныхъ 1868. стр. 111—256.
177) Имшенецкій В. Г. О функціяхъ Я. Бернулли и выраженіи разности между одноопредѣльными суммою и интегралами. 1870. стр. 244—265.
178) Котельниковъ П. И. О численномъ значеніи суммъ и пр. 1848. IV. 9—14.
179) Лобачевскій Н. И. Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ. 1834. II. стр. 167—226.
180) Лобачевскій Н. И. Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функцій отъ весьма большихъ чиселъ. 1835. 211—242.
181) Лобачевскій Н. И. Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ. 1836. I. стр. 1—194.
182) Лобачевскій Н. И. Значеніе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ 1853. IV. стр. 1—35.
183) Мельниковъ М. И. Объ интегрированіи уравненій съ частными дифференціалами втораго порядка. 1841. I. стр. 208—242; II. 167—340.
184) Поповъ А. Ѳ. Замѣчаніе на формулу Фурье, обобщенную Ліувилемъ. 1848. IV. стр. 1—8.
185) Поповъ А. Ѳ. О значеніи нѣкоторыхъ интеграловъ и суммъ. 1851. IV. стр. 1—8.
186) Поповъ А. Ѳ. Объ интегрированіи системы уравненій, имѣющихъ приложеніе въ теоріи рав-

новѣсія упругихъ и движенія текущихъ тѣлъ. 1852. IV. стр. 35—72.

187) Поповъ А. Θ. Теорія опредѣленнаго интеграла и проч. 1855. I. стр. 57—76.

188) Поповъ А. Θ. Ученіе объ опредѣленныхъ интегралахъ. Часть. I. 1863. II отд. стр. 1—167.

189) Поповъ А. Θ. Значеніе интеграла 1870. стр. 236—243.

190) Поповъ А. Θ. Математическая замѣтка. 1874 годъ. стр. 309—311.

191) Popof. A. Sur le développement de Sin. *X.* en Série des fonctions exsponentielles aux exposants réels. 1875 г. стр. 661.

192) Савиновъ А. О свойствахъ аналитическихъ факторіаловъ и способахъ вычислять эту функцію. 1851. IV. стр. 43—105.

193) Яковлевъ Н. Я. О разложеніи въ тригонометрическія строки функцій. 1857. IV. стр. 84—152.

194) Янишевскій Е. П. Формулы для повышенія дуги подъ знакомъ Sin. или Cos. 1855. IV. стр. 119—128.

195) Янишевскій Е. П. Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій 1 порядка, но не первой степени. 1867. стр. 149—154.

196) Янишевскій Е. П. Теорія уравненій съ частными производными перваго порядка. 1863. II отд. II. стр. 1—99.

IV. МЕХАНИКА.

197) Нератовъ Ал. Гидравлическія колеса. 1841. III. стр. 3—211.

198) Поповъ А. Θ. Объ условіяхъ движенія жидкости, представляющей постоянный токъ. 1850. I. стр. 20—29.

199) Поповъ А. Изслѣдованіе поверхности, которая представляетъ наименьшее сопротивленіе потоку жидкости. 1876 г. стр. 751—766.

200) Поповъ А. Ѳ. О законахъ колебанія жидкости въ цилиндрическихъ сосудахъ. 1850. I. стр. 3—19.

201) Поповъ А. Ѳ. Объ одномъ приближеніи принятомъ въ теоріи волнъ 1851. IV. стр. 9—11.

202) Поповъ А. Ѳ. Новое рѣшеніи задачи о волнахъ. 1852. IV. стр. 79—96.

203) Поповъ А. Ѳ. Приложеніе теоріи волнъ къ измѣренію потоковъ. 1853. III. стр. 1—12.

204) Поповъ А. Ѳ. Рѣшеніе задачи о волнахъ съ высшимъ приближеніемъ 1860. I. стр. 3—37.

205) Поповъ А. Ѳ. Опытъ теоріи постоянныхъ волнъ. 1860. I. стр. 38—46.

206) Поповъ А. Ѳ. Теорія волнъ, происходящихъ отъ поступательнаго внѣшняго давленія. 1867. Прил.

207) Поповъ А. Ѳ. Извлеченіе изъ записки: „Теорія отвѣсной жидкой струи". 1869. стр. 583—586.

208) Поповъ А. Ѳ. Объ отраженіи отвѣсной струи на горизонтальной плоскости, 1871. стр. 239—246.

209) Симоновъ И. М. Новое доказательство параллелограмма силъ. 1834. II. стр. 227—238.

V. ФИЗИКА И ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

210) Больцани I. А. Математическія изслѣдованія о распредѣленіи гальваническаго тока въ тѣлахъ даннаго вида. 1854. III. стр. 1—112.

211) Кнорръ. Ходъ температуры въ Казани изъ наблюденій 1833 года. 1835. I. стр. 89—110.

212) Кнорръ. Наставленіе учителямъ Казанскаго Учебнаго Округа для дѣланія метеорологическихъ наблюденій. 1835. I. стр. 193—199.

213) Кнорръ. О темныхъ лучахъ свѣта. 1842. III. стр. 84—104.

214) Николаи Л. Объ эмпирической формулѣ, представляющей аналитическую зависимость меж-

ду объемами насыщеннаго пара и его температурой. 1868. стр. 497—509.

215) Поповъ А. Ѳ. Объ опредѣленіи высотъ посредствомъ бумажнаго змѣя. 1844. III. 95—106.

216) Поповъ А. Ѳ. Изслѣдованія, относящіяся къ теоріи звука. 1848. IV. стр. 15—62.

217) Поповъ А. Ѳ. Геометрическое опредѣленіе однороднаго тѣла. 1850. I. стр. 65—72.

218) Савельевъ А. С. О гальванической проводимости жидкостей. 1842. I. стр. 3—177.

219) Симоновъ И. М. Опытъ математической теоріи земнаго магнетизма. 1835. III. стр. 49—68.

220) Симоновъ И. М. Recherches sur l'action magnétique de la terre. 1840. III. стр. 65—112. IV. стр. 49—72.—1845. II. стр. 1—46.

221) Смирновъ И. Н. Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россіи за 1873 — 1876 годъ. 1873 стр. 991—1006; 1874-й годъ, стр. 284—301 и 867; 1875 г. стр. 137. 1876 стр. 148, 188 (Изв.) 1877 стр. 79 и 405 (Изв.).

222) Смирновъ И. Н. О суточныхъ періодическихъ измѣненіяхъ термпературы въ Казани. 1864. II отд. I. стр. 193—218.

VI. АСТРОНОМІЯ.

223) Виноградскій В. Н. Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. 1872. 116—176.

224) Виноградскій В. Н. Опредѣленіе орбиты спутника μ^2 Bootis. 1874-й годъ. стр. 311.

225) Волковскій М. Изслѣдованіе полнаго солнечнаго затмѣнія. 1851. IV. стр. 13—42).

226) Ковальскій М. А. Теорія движенія Нептуна. 1850. IV стр. IV. 1—100; 1—27.

227) Ковальскій М. А. Developpement de la fonction perturbatrice en série. 1860. II. стр. 94—155.

228) Ковальскій М. А. Объ опредѣленіи эллиптической орбиты планетъ помощію двухъ данныхъ радіусовъ-векторовъ, угла между ними заключающагося и времени употребленнаго на описаніе этого угла. 1875 г. стр. 289.

229) Ковальскій М. А. Sur les lois du mouvement propre des étoiles du catalogue de Bradley. 1860. I. стр. 47—136.

230) Ковальскій М. А. Sur le calcul de l'orbite, ellyptique ou parabolique d' après un grande nombre d'observations, 1860. I. стр. 166.—181.—1860. II. 99—155.

231) Лобачевскій Н. И. Полное затмѣніе солнца въ Пензѣ 26 іюня 1842 г. 1842. III. стр. 51—83.

232) Поповъ А. Ѳ. О затмѣніяхъ спутниковъ планеты Урана. 1870 стр. 309—312.

VII. ЕСТЕСТВОВѢДЕНІЕ.

1) Химія и технологія.

233) Бутлеровъ А. М. О третичныхъ алкоголяхъ. 1864. II. Отд. I. стр. 130—145.

234) Бутлеровъ А. М. Объ охлоренныхъ мефильныхъ эѳирахъ. 1864. II. Отд. I. стр. 146—148.

235) Бутлеровъ А. М. О химическомъ строеніи веществъ. 1862. I. стр. 1—24.

236) Глинскій Г. Н. О нѣкоторыхъ превращеніяхъ соединеній и объ однохлоренномъ уксусномъ альдегидѣ. 1868. стр. 251—288.

237) Глинскій Г. Н. О радикалахъ въ органической химіи 1872. II. Отд. стр. 1—112.

238) Глинскій Г. Н. Новыя изслѣдованія о продуктахъ охлоренія хлористаго этила и хлористаго этилена и новыя доказательства существованія органическихъ радикаловъ, у которыхъ парное свободное сродство принадлежитъ од-

ному изъ углеродныхъ атомовъ. 1876 г. (стр. 127—212.

239) Грабовскій Н. И. Къ вопросу о дѣйствіи мыла при мытьѣ и сравнительная оцѣнка достоинствъ нѣкоторыхъ сортовъ мыла фабрикуемыхъ въ Россіи. 1875 г. стр. 836.

240) Зининъ. Изысканія надъ тѣлами бензоильнаго ряда. 1840. II. стр. 95—110.

241) Киттары М. Я. Публичныя лекціи технологіи. 1852. I. стр. 1—59.

242) Киттары М. Я. О сушкѣ овощей въ русской печкѣ. 1855. I. стр. 3—90.

243) Клаусъ К. К. Химическое разложеніе водъ города Казани. 1839. IV. стр. 72—107.

244) Котовщиковъ Н. И. Способъ опредѣленія азотной и азотистой кислотъ (въ разведенныхъ растворахъ) индиго-сѣрной кислотою. 1875 г. стр. 313.

245) Лукашевичъ К. О дѣйствіи азотной кислоты на эфильный уксусный тіоангидритъ. 1868. 514—516.

246) Лукашевичъ К. О дѣйствіи іодистаго ацетила и іодистаго эфила на уксусный тіоангидритъ и іодистаго ацетила на сѣрнистый эфилъ. 1868. 516—517.

247) Лукашевичъ К. О дѣйствіи азотной кислоты на двусѣрнистыя соединенія алькогольныхъ радикаловъ. 1868. стр. 510—513.

248) Марковниковъ В. В. Объ изомеріи органскихъ соединеній. 1864. II. отд. I стр. 1—108.

249) Марковниковъ В. В. Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ въ химическихъ соединеніяхъ. 1869. Прил. стр. 1—106.

250) Поповъ А. По поводу сродства углероднаго пая. 1864. II. отд. I стр. 149—158.

251) Самосатскій А. О дѣйствіи водорода in statu nascenti на анисовый альдегидъ. 1868. стр. 518—521.

252) Смирновъ В. О дѣйствіи и измѣненіяхъ мефильнаго алкоголя въ организмѣ. 1862. II. стр. 28—43.
253) Флавицкій Ф. М. Объ изомеріи амиленовъ изъ амильнаго алькоголя броженія. 1875 г. 49 стр.
254) Чугуновъ А. К. Сѣрная кислота и сода. 1864. II. отд. II. стр. 198—215.

2) Минералогія и геологія.

255) Вагнеръ П. И. Описаніе новаго минерала Пушкинита. 1840. II. стр. 134—150.
256) Вагнеръ П. И. Общій взглядъ на геогностическій составъ почвъ Казанской губерніи. 1859. I. стр. 3—14.
257) Вагнеръ П. И. Общій взглядъ на геогностическое строеніе почвъ Симбирской губерніи. 1859. IV. стр. 3—16.
258) Головкинскій Н. А. О кремнекислыхъ соединеніяхъ. 1861. II. стр. 3—81.
259) Головкинскій Н. А. О послѣтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ въ ея среднемъ теченіи. 1865. стр. 451—524.
260) Клаусъ К. К. Химическое изслѣдованіе остатковъ уральской платиновой руды. 1844. III. стр. 15—200.

3) Ботаника.

261) Бунге Ал. Описаніе новыхъ родовъ и видовъ китайскихъ и монгольскихъ растеній. Десятокъ первый. 1835. IV. стр. 154—180.
262) Корнухъ-Троцкій П. Я. Замѣчанія о поленикѣ (rubus arcticus) 1840. III. стр. 152—159.
263) Леваковскій Н. Ѳ. О вліяніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій на форму корней. 1868. стр. 395—460.

264) Леваковскій Н. Ѳ. О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ растеній. 1873 г. стр. 821—826.

265) Леваковскій Н. Ѳ. Къ вопросу о вліяніи среды на форму растеній. 1873 г. стр. 925—930.

266) Леваковскій Н. Ѳ. Замѣтки о Polygonum aviculare Z. 1877 г. стр. 37—45.

267) Пелль. О превращеніи растеній. 1857. IV. стр. 1—32.

268) Сорокинъ Н. Основы Микологіи съ обозрѣніемъ ученія о заразительныхъ болѣзняхъ. 1877 г. стр. 900.; 1878 годъ, стр. 340—453; 480—636; 637—683.

269) Шелль Ю. Физіологическая роль дубильныхъ кислотъ. 1874 годъ. Гл. I, II и III. стр. 397. Гл. IV, V, VI и VII стр. 513.

4) Зоологія.

270) Бутлеровъ А. М. Дневныя бабочки Волго-Уральской фауны. 1849. I. стр. 1—60.

271) Вагнеръ Н. П. Общій взглядъ на классъ животныхъ паукообразныхъ. 1854. I. стр. 1—150.

272) Вагнеръ Н. П. Самопроизвольное зарожденіе гусеницъ у насѣкомыхъ 1862. I. стр. 25—114.

273) Киттары М. Я. Анатомическое изслѣдованіе обыкновенной и колючей сольпуги. 1848. II. стр. 58—125.

274) Раненбаумъ. Анатомическое описаніе мускусной выхухоли (myogale moschata). 1860. III. стр. 77—172.

275) Эверсмана Э. А. Естественная исторія птицъ Оренбургскаго края. 1866—1867 г. Прил.

276) Эверсмана Э. А. Fauna Entomologica, Tomus primus. Lepidoptera. 1841. II. стр. XIV и 1—166.—1842. I. стр. 3—190; III. стр. 3—19.

277) Эверсмана Э. А. Addenda ad celeberrimi Pallasii zoographiam Rosso-Asiaticam. 1835. II. стр. 343—372.—1841. I. стр. 154—167.

278) Яковлевъ В. Е. Zemiptero приволжской фауны (Rhynchoto heteroptero). 1864. II отд. I. стр. 109—129.

5) Агрономія.

279) Рудинскій Г. А. Изслѣдованіе состава золы гречихи въ различные періоды произрастанія. 1867. стр. стр. 192—211.

VIII. ПРАВОВѢДѢНІЕ, СТАТИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

1) Всеобщая и Русская исторія права.

280) Загоскинъ Н. П. Обзоръ уставныхъ грамотъ XIV—XVI-го вв., опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. 1875. стр. 346.

281) Загоскинъ Н. Сведенный текстъ уставныхъ грамотъ XIV—XVI вѣковъ, дававшихся древнерусскимъ областямъ, городамъ и общинамъ и опредѣлявшихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія ихъ. (Съ добавленіемъ соотвѣтствующихъ статей изъ западнорусскихъ уставныхъ грамотъ и другихъ памятниковъ литовско-русскаго законодательства). 1876 г. стр. 492—579.

282) Загоскинъ Н. Опытъ указателя словаря къ сведенному тексту уставныхъ грамотъ. 1876 г. стр. 627—686.

283) Загоскинъ Н. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. 1875 стр. 151. 1876 г. стр. 687—750. 767—860.

284) Загоскинъ Н. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. 1877 г. стр. 43—85.

285) Загоскинъ Н. Методъ и средства изученія древней исторіи русскаго права въ связи съ древнѣйшимъ развитіемъ правъ другихъ народовъ славянскаго племени. 1877 г. стр. 233—283.

286) Загоскинъ Н. Исторія права Московскаго Государства. 1877 г. стр. 439—578; 599—667; 760—900.

287) Нелидовъ Н. К. Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству. 1868. стр. 542—662.

288) Осиповъ А. М. Брачное право древняго Востока. 1872. I отд. стр. 181—387.

289) Осиповъ А. М. Перечень источниковъ Китайскаго права. 1875 г. стр. 882.

290) Сергѣевъ П. С. Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи. 1840. I. стр. 74—89.

291) Смирновъ А. И. Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія. 1873 г. стр. 35—112; 221—306; 407—543.

292) Фогель Г. Опытъ возстановленія текста и объясненія Правды Русской. 1848. II. стр. 126—177.

293) Шпилевскій С. М. Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I. 1862. II. стр. 257—332.

294) Шпилевскій С. М. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. 1864. I. отд. 124—266.—1866. стр. 15—114.

295) Шпилевскій С. М. Исторія Государства Россійскаго въ отношеніи исторіи русскаго права. 1867. стр. 52—99.

296) Шпилевскій С. М. Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. 1869 стр. 587—742.—1870. стр. 1—232.

2) Римское право.

297) Кремлевъ Н. А. Къ ученію о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды по римскому праву. 1864. I отд. стр. 425—488.
298) Кремлевъ Н. А. Сепарація, какъ способъ пріобрѣтенія собственности добросовѣстнымъ владѣльцемъ, по классическому римскому праву. 1867. стр. 321—459.
299) Павловъ А. С. Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. 1865. стр. 89—104.
300) Тыжновъ. О приращеніи по римскому праву, сравнительно съ французскимъ и русскимъ законодательствами. 1858. I. стр. 8—116; III. стр. 127—173; IV. стр. 60—101.

3) Гражданское право и судопроизводство.

301) Камбекъ. Der Concurs der Gläubiger nach russischen Gesetzen. 1845. III, стр. 107—148.
302) Камбекъ. Grundzüge des gerichtlichen Verfahrens in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten nach russischen Gesetzen. 1846. III. стр. 1—52; IV. 1—39.—1847. 1—42.
303) Мейеръ Д. И. О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, о скрытныхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ. 1853. IV. стр. 1—127.
304) Мейеръ Д. И. Чтенія о русскомъ гражданскомъ правѣ. 1858. I. стр. 117—140. II. стр. 84—151.—1859. I. стр. 15—126.
305) Мейеръ Д. И. Очеркъ русскаго вексельнаго права. Лекціи, изданныя А. Вицинымъ. 1857. II. стр. 3—105.

306) Моисеенко Н. О субституціи въ завѣщаніи по русскому положительному праву. 1874. стр. 763.
307) Осиповъ А. М. Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. 1873 г. стр. 931—950.
308) Румянцевъ А. О заочномъ производствѣ дѣлъ гражданскихъ. 1876 г. стр. 3—36. 291—320. 413—491. 583—626.
309) Степановъ И. И. Опытъ теоріи страховаго договора. 1875. стр. 85—136. 484—583. 585—660.
310) Шимановскій М. О задаточныхъ роспискахъ по новому закону. 1878 г. стр. 279—295.
311) Шимановскій М. Новый законъ о заочныхъ рѣшеніяхъ. 1878 г. стр. 456.

4) Церковное право.

312) Гавріилъ (архим.) Понятіе о церковномъ правѣ. 1844. I. стр. 3—32.
313) Павловъ А. С. О кормчей инока князя Вассіана Патрикѣева. 1864. I отд. стр. 489—498.
314) Павловъ А. С. Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ Церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права. 1866. стр. 481—526.
315) Павловъ А. С. Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, 1869. Прил. стр. 1—100.

5) Уголовное право.

316) Ахматовъ М. Н. Критическій обзоръ разныхъ исправительныхъ системъ. 1845. II. стр. 47—165.
317) Степановъ И. И. Очеркъ Уголовнаго Права Китая. 1876 г. стр. 88—107.
318) Фогель Г. Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher, als das Sicherste Mittel den Zweck der Strafgesetzgebung zu erreichen. 1834. II. стр. 726—177.
319) Чебышевъ-Дмитріевъ А. П. С преступномъ дѣйствіи по русскому праву. 1862. I. стр. 1—242.

6) Государственное право.

320) Нелидовъ Н. К. Система курса общаго государственнаго права. 1874. стр. 950—976.
321) Степановъ Я. С. Устройство и управленіе Университетовъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. 1878 г. стр. 132.
322) Ѳирсовъ Н. Къ матеріаламъ по Университетскому вопросу. 1877 г. стр. 286.

7) Полицейское право.

323) Степановъ Я. С. О полиціи, какъ наукѣ во Франціи. 1867. стр. 577—630.
324) Степановъ Я. С. О полиціи, какъ наукѣ въ Англіи. 1868. стр. 384—394.

8) Международное право.

325) Ивановъ Н. П. Основанія частной международной юрисдикціи. 1865. стр. 136—188.
326) Ивановъ Н. П. О значеніи права войны въ связи съ общимъ понятіемъ о международныхъ отношеніяхъ. 1873-й годъ стр. 634—710; 1874-й годъ, стр. 240—284; 571.

9) Политическая экономія.

327) Винтеръ. Die wissenschaftliche Bearbeitung der Staatswirthschaftskunde. 1836. IV. стр. 3—216.
328) Горловъ И. Я. Руководство къ политической экономіи, сочин. Бланки. Спб. 1838. III. стр. 155—172.
329) Горловъ И. Я. О доходѣ съ капитала. 1840. II. стр. 63—94.
330) Горловъ И. Я. Движеніе народонаселенія въ Казанской губерніи I. стр. 167—174.
331) Микшевичъ Ю. А. Нѣсколько словъ о новой системѣ довѣрія. 1862. I. 1—32.

332) Осокинъ Н. А. Замѣтки по экономической исторіи Италіи. 1864. I отд. стр. 33—68.

10) Финансовое право.

333) Микшевичъ Ю. А. Продажа государственныхъ имуществъ, какъ одно изъ средствъ для удовлетворенія современнымъ финансовымъ потребностямъ Россіи 1869. II. 1—93.

334) Осокинъ Е. Г. Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ. 1852. IV. стр. 128—222.

11) Статистика.

335) Горловъ И. Я. Статистическіе очерки Сѣверо-Американскаго Союза. 1840. IV. стр. 73—112.

336) Маловъ Е. М. Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ казанской и нѣкоторыхъ другихъ епархій въ Волжскомъ бассейнѣ. 1866. стр. 311—387.

IX. ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

337) Горловъ И. Я. Описаніе Тагильскаго горнаго округа. 1840. III стр. 119—136.

338) Покровскій А. Краткое обозрѣніе металлургическихъ работъ Екатеринбургскихъ заводовъ, съ описаніемъ Екатеринбургскаго горнозаводскаго округа. 1835. III. стр. 92—113; IV. стр. 181—216.

339) Рябовъ И. Рельсовое производство въ Нижнетагильскихъ заводахъ. 1858. стр. 166—173.

340) Чугуновъ А. К. Отчетъ по обозрѣнію фабрикъ и заводовъ Самарской, Московской и С. Петербургской губерній. 1859. IV. стр. 158—198.

341) Шалаевъ. Описаніе Лысвенскаго завода. 1858. IV. стр. 132—149.

X. АНТРОПОЛОГІЯ.

342) Берви. Основныя начала антропологіи. 1839. I. стр. 3—128; IV. стр. 3—81.

XI. МЕДИЦИНА.

1) Анатомія и энциклопедія медицины.

343) Аристовъ Е. Ф. О способѣ происхожденія краснаго слоя на печонкѣ крови. 1856. II. стр. 1—48.
344) Аристовъ Е. Ф. О тѣлосложеніяхъ. Лекція. 1853. II. стр. 3—45.
345) Блосфельдъ Г. I. Вступительная лекція въ энциклопедію и методологію медицины. 1861. II. стр. 82—113.
346) Блосфельдъ Г. I. Prolegomena in Encyclopediam et methoodologiam medicinae. 1819. III. стр. 1—133.
347) Высоцкій Н. Ѳ. Лимфатическая система обволакивающихъ апоневрозовъ. 1878 годъ. стр. 683—690.
348) Кулаевскій М. В. О синовіальныхъ сумкахъ сухихъ жилъ мускуловъ: длиннаго сгибателя большаго пальца и общихъ поверхностныхъ и глубокихъ сгибателей прочихъ пальцевъ руки. 1867. стр. 277—320.

2) Эмбріологія и гистологія.

349) Кучинъ К. З. О строеніи спиннаго мозга рѣчной миноги. 1863. II. отд. I. стр. 31—53.
350) Перемежко. О развитии поперечно-полосатыхъ мышечныхъ волоконъ изъ мышечныхъ ядеръ. 1863. II отд. стр. 1—30.

3) Физіологія.

351) Асташевскій Пав. О сравнительной діастатической способности слюны у различныхъ животныхъ. 1878 г. стр. 209—279.

352) Данилевскій А. Я. Предварительное сообщеніе; 1) о мѣстѣ и образѣ разрушенія кровяныхъ шариковъ внутри и внѣ организма; 2) объ отношеніи нервныхъ центровъ другъ къ другу. 1865, стр. 85—88.

353) Дьяконовъ К. С. Къ ученію о перевариваніи бѣлковыхъ веществъ. 1864. II отд. I. стр. 159—192.

354) Ковалевскій Н. О. Анатомико-физіологическія изслѣдованія селезенки. 1860. III. стр. 48—106.

355) Ковалевскій Н. О. Какъ смотритъ физіологія на жизнь вообще и психическую въ особенности. 1877 г. стр. 3—43.

556) Ковалевскій Н. О. Матеріалы къ изученію легочнаго дыханія. 1855. стр. 105—135.

357) Ковалевскій Н. О. Работы Р. Вагнера надъ головнымъ мозгомъ. 1862. I. 1—10.

358) Скандовскій Н. А. Краткая физіологія человѣка. 1849. IV. стр. 1—112.

359) Скандовскій Н. А. Объ отличіяхъ пластической жизни отъ животной. 1847. I. стр. 81—100.

360) Соковнинъ Н. Матеріалы для физіологіи актовъ выведенія и задержанія мочи. 1877-й годъ. стр. 1243.

361) Фогель А. Biologie. Fragment aus dem Systeme der Physiologie. 1837. 76—89.

362) Щербаковъ А. Я. Продукты пищеваренія въ крови. 1864. II. стр. 173—197.

363) Щербаковъ А. Я. Къ вопросу о дѣйствіи искуственнаго желудочнаго сока на фибринъ. 1878 года, стр. 714.

4) Патологическая анатомія и общая патологія.

364) Аристовъ Е. Ф. Лекція изъ общей патологической анатоміи. 1857. III. стр. 3—20.

365) Залѣсскій Ф. Соврожденное почечное мочезадержаніе. Замѣчательный патологическій случай, 1858. II. стр. 151—165.

366) Землиновъ. Очеркъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 1874 году. 1878 г. стр. 280. (Изв.)
367) Любимовъ. Очеркъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 187⁵⁄₈ гг. 1877 г. стр. 507—573. (Изв.).
368) Мандельштаммъ Л. Б. Къ патологіи поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. 1873 г. стр. 869—924.
369) Пашутинъ В. В. Лекціи общей патологіи (патологической физіологіи). 1878 г. стр. 1—16. 17—192.
370) Петровъ А. В. Къ ученію объ уреміи. 1862. II. стр. 1—27.
371) Петровъ А. В. Критическій разборъ работъ объ урэміи. 1863. II отд. I. стр. 55—93.
372) Петровъ А. В. О состояніи и преподаваніи патологической анатоміи и преподаваніи патологической анатоміи за границею. 1865. стр. 321—340.
373) Петровъ. Очеркъ изслѣдованій въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 1893 году. 1877 г. стр. 254. (Изв.).

5) Фармакологія.

374) Брауелль. De acidi osmici in homines et animalia effectu comment physiologica 1849. II. стр. 61. 177.
375) Левитскій П. И. Матеріалы къ изученію дѣйствія бромистаго потассія на здоровый и больной организмъ. 1865. стр. 115—148.
376) Соколовскій А. А. Собраніе открытій и наблюденій по предмету фармакологіи, сдѣланныхъ съ 1856 по 1859 годъ. 1859. III. стр. 3—181.

377) Соколовскій А. А. О дѣйствіи различныхъ средствъ на нервную систему, въ примѣненіи къ теоріи Дюбуа Реймонда. 1868. IV. стр. 4—59.

6) Внутреннія болѣзни.

378) Асташевскій П. П. Къ казуистикѣ аномалій дыхательныхъ движеній. Предварительное сообщеніе. 1876 г. стр. 81—87.

379) Блосфельдъ Г. І. Замѣчанія о восточной холерѣ. 1848. I. стр. 1—102.

380) Болдыревъ М. Ф. Polypus laryngis multiplex. 1878 года стр. 699—708.

381) Виноградовъ Н. А. Два случая Febris intermittens larvatae. 1878 года, стр. 690.

382) Виноградовъ Н. А. Изъ факультетской терапевтической клиники Казанскаго Университета. 1874 годъ стр. 301—309.

383) Виноградовъ Н. А. Изъ факультетской терапевтической клиники Казанскаго Университета. 1874-й годъ стр. 392—397.

384) Виноградовъ Н. А. Нѣсколько словъ о горячкѣ и о лѣченіи ея холодною водою. 1864 г. стр. 813—867.

385) Виноградовъ Н. А. Tumor Cerebelli, сообщеніе изъ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Казанскаго Университета. 1878 г. стр. 49—62.

386) Дубовицкій А. П. Объ альбинизмѣ. 1838. II стр. 155—178.

387) Залѣсскій Ф. Очерки главнѣйшихъ публичныхъ лѣчебныхъ заведеній обѣихъ столицъ. 1659. I. стр. 127—241.

388) Котовщиковъ Н. И. Обзоръ важнѣйшихъ работъ, относящаяся къ діагностикѣ и клиническимъ способамъ изслѣдованія органовъ груди и живота. (Работы, появившіяся въ 1876 году). 1877 г. стр. 1111—1243.

389) Линдгренъ И. Г. О значеніи госпитальной клиники. 1849. IV. стр. 113—122.
390) Линдгренъ И. Г. Разсужденіе о госпитальной клиникѣ. 1850. III. стр. 3—75.
391) Линдгренъ И. Г. Versuch einer Nosologie der Cholera orientalis. 1847. IV. стр. VIII и 1—235.
392) Линдгренъ И. Г. Ueber die Entwickelung der Hospitalklinik an Unwersitäten Russlands. 1850. II. стр. 1—82.
393) Скандовскій Н. А. О перемежающейся лихорадкѣ. 1842. II. стр. 3—37.
394) Скандовскій Н. А. О тифозной горячкѣ. 1860. I. стр. 137—165.
395) Скандовскій Н. А. О пользѣ знанія народной медицины, особенно духовному званію. 1845. III. стр. 73—94.
396) Студенскій Н. И. Организація Казанскаго санитарнаго отряда, бывшаго въ Сербіи и его дѣятельность въ г. Крагуевцѣ. 1877 г. стр. 677—716.
397) Фрезе А. I. О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ. 1875 г. стр. 733.
398) Эрдманнъ Ѳ. И. Der Veitstanz keine Krankheit. 1842. III. стр. 20—50.

7) Хирургія и офталмологія.

399) Адамюкъ Е. В. Къ ученію о внутриглазномъ кровообращеніи и давленіи. 1867. IV. Прил. стр. 1—92.
400) Адамюкъ Е. В. Матеріалы къ этіологіи глявкомы и ея лѣченію. 1874 годъ. стр. 3—39.
401) Адамюкъ Е. В. О сущности выразительной способности глазъ. 1873 г. стр. 3—34.
402) Адамюкъ Е. В. О близорукости. 1874 годъ. стр. 137—167.

403) Адамюкъ Е. В. Офталмологическія наблюденія: 1875 стр. 79—126; 159—235; 271—336. 1876 стр. 81 и 147; 1877 стр. 52, 208, 324, 431 и 1878 стр. 219, 409 и 481. (Изв.)

404) Высоцкій Н. Примѣненіе ивовыхъ плетенокъ въ военное время. 1877 г. стр. 85—96.

405) Дубовицкій А. П. Вѣдомость о больныхъ въ хирургическомъ отдѣленіи клиники. 1840. I стр. 129—162; II стр. 134—176; III стр. 140—151; IV стр. 131—166; 1841. I стр. 168—207.

406) Дубовицкій А. П. Камнекрушеніе (Lithotripsie). 1837. III. стр. 167—171.

407) Дубовицкій А. П. О кровотеченіи вообще, о строеніи кровеносныхъ сосудовъ, о лѣченіи кровотеченій и въ особенности о разныхъ способахъ останавливанія и предотвращенія ихъ 1837. III. стр. 111—166; IV стр. 145—203.

408) Елачичъ Ф. О. и Китеръ. Новый способъ вырѣзывать всю матку, невыпавшую и пораженную ракомъ. 1847. I стр. 101—143.

409) Кривошапкинъ М. Ѳ. Объ экразированіи вообще и о примѣненіи его къ отнятію геморроидальныхъ опухолей и узловъ въ особенности. 1862. II стр. 46—135.

410) Левшинъ Л. Вступительная лекція по каѳедрѣ теоретической хирургіи, читанная въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 6 сентября 1874 г. 1874 г. стр. 933—950.

411) Скандовскій Н. А. Замѣчанія о глазныхъ операціяхъ и послѣдовательномъ ихъ лѣченіи. 1840. II. стр. 111—133.

412) Соковнинъ Н. О механизмѣ ущемленія грыжъ. Экспериментально-критическій разборъ современныхъ теорій ущемленія кишечныхъ грыжъ. 1876 г. стр. 213—255.

413) Студенскій Н. И. Ученіе о хирургическихъ повязкахъ. 1876 г. стр. 323—412.

414) Студенскій Н. И. Оцѣнка способовъ леченія переломовъ бедра. 1875 г. стр. 826.

8) Акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни.

415) Соловьевъ Н. А. и Арнштейнъ К. А. Mola lydatidosa incipiens. 1878 г. стр. 708—714.
416) Соловьевъ Н. А. Случай остановки кровотеченія послѣ родовъ введеніемъ кусковъ льда въ полость матки. 1878 г. стр. 692.
417) Фогель Л. Welche sind die Ursachen der unnatürlichen Sterblichkeit unter den Kindern in ihrem ersten Lebensjahre. 1835. III. стр. 69—91.

9) Гигіена и медицинская статистика.

418) Песковъ П. Медицинская статистика и географія, какъ отдѣльныя отрасли общественныхъ наукъ и методы статистическаго изслѣдованія въ области медицины. 1874 г. стр. 667—747.
419) Скворцевъ. Санитарный бытъ западно-европейскихъ городовъ и международная гигіеническая выставка въ Брюсселѣ. 1877 г. стр. 96—115.
420) Соколовскій А. А. Питательныя вещества и напитки. Лекціи изъ гигіены и діэтетики. 1859. II. стр. 75—222; IV. 93—157.
421) Щербаковъ А. Я. Способы нѣкоторыхъ санитарныхъ изслѣдованій. 1874 г. стр. 879—933. 1875 г. стр. 206—239. 406—438. 665—731.

10) Судебная медицина.

422) Блосфельдъ Г. І. Начертаніе судебной медицины для правовѣдовъ. 1846. III. стр. 121—165; IV. стр. 39—172.—1847. I. стр. 1—80.

423) Блосфельдъ Г. I. Начертанiе правилъ, соблюдаемыхъ при составленiи и обсужденiи, сообразно съ законными постановленiями, психологиковрачебныхъ свидѣтельствъ. 1859. II. стр. 3—74.

424) Блосфельдъ Г. I. Судебная токсикологiя, особенно въ техническомъ отношенiи. 1855. II. стр. 3—101.

425) Эдуардъ Гофманъ. Учебникъ судебной медицины. Переводъ студентовъ Казанскаго Университета подъ редакцiей профессора судебной медицины И. М. Гвоздева. 1878 г. стр. 1—16; 17—48; 49—80; 81—112; 113—192.

XII. ОТЧЕТЫ О ЗАНЯТIЯХЪ И ПУТЕШЕСТВIЯХЪ ПО РОССIИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

426) Берви. Отрывки изъ записокъ путешественника. 1835. IV. стр. 290—345; 1836. II. стр. 99—125; 1837. II. стр. 3—55.

427) Березинъ И. Н. Годичный отчетъ путешествующаго по Востоку. 1845. I. стр. 96—190; III. стр. 3—14.

428) Бодуэн-де-Куртенэ. Отчеты командированнаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя съ ученою цѣлiю о занятiяхъ по языковѣдѣнiю въ теченiи 1872 и 1873 годъ. 1876 стр. 45, 80. 1877 г. стр. 122; 270. (Изв.).

429) Булыгинъ В. Историческiя воспоминанiя на пути изъ Казани въ Симбирскъ. 1834. III. стр. 114—131.

431) Бутлеровъ А. М. Отчетъ о путешествiи за границу. 1859. III. стр. 172—194.

432) Бутлеровъ А. М. Поѣздка за границу лѣтомъ 1861 года и ея результаты. Ibid. стр. 1—10.

432) Вагнеръ Н. П. О зоологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1863 году на южномъ берегу Крыма. 1863. II отд. стр. 1—13.

433) Виноградскій. Краткій отчетъ объ экспедиціи въ Читу для наблюденія прохожденія Венеры передъ дискомъ солнца въ 1874 году, 27 ноября. 1875 г. стр. 235. (Изв.).

434) Владимірскій. Отчетъ о занятіяхъ за первый семестръ 1873—74 учебн. года. 1875 г. стр. 443. (Изв.).

435) Григоровичъ В. И. Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. 1848. IV. стр. 1—214.

436) Головкинскій Н. А. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ядринскій уѣздъ. Извѣстія 1867 г. стр. 347—352.

437) Елачичъ Ф. О. Донесеніе изъ заграничнаго путешествія. 1857. IV. стр. 204—221.

438) Заленскій В. Отчетъ о зоологическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ во время заграничной командировки въ 1873—74 академическомъ году. 1874 годъ. стр. 368. (Изв.).

439) Зеленогорскій. Отчетъ о занятіяхъ философіею за границей въ зимній семестръ 1871 годъ и 1872 г. и 1873 года, стр. 343—363 (Изв.).

440) Киттары М. Я. Отчетъ о путешествіи въ Лондонъ на всемірную выставку. Статья I. 1853. II. стр. 45—111.

441) Ковальскій М. А. Поповъ и Гусевъ: Отчетъ о путешествіи въ Бердянскъ для наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія. 1851. III. стр. 3—149.

442) Небосклоновъ. Отчетъ о занятіяхъ за границей славянской исторіеи въ 1872 году. 1873. стр. 589. (Изв.).

443) Овсянниковъ Ф. В. О путешествіи за границу въ 1860—1861 году. 1863. I. стр. 11—22.

444) Петровскій М. П. Отчетъ о путешествіи по словянскимъ землямъ. 1862. II. стр. 93—102.

445) Скандовскій Н. А. Поѣздка на Уралъ въ 1842 году. 1844. I. стр. 33—45.
446) Скворцевъ. Отчетъ о занятіяхъ прикомандированнаго къ Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи за 1873—74 академическій годъ. стр. 337. (Изв.).
447) Смирновъ. Отчетъ о занятіяхъ философіею за границей въ 1871 и 1872 гг. 1873 г. стр. 363; 568. (Изв.).
448) Смирновъ. Краткій отчетъ командированнаго по Россіи. 1877. стр. 49. (Изв.).
449) Сорокинъ. Отчетъ о занятіяхъ въ Петровской Академіи въ теченіи лѣта 1873 года. 1873 г. стр. 592. (Изв.).
450) Сорокинъ. Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ во время заграничной командировки въ 1873—74 г. 1875 г. стр. 38. (Изв.).

XIII. РАЗБОРЫ ДИССЕРТАЦІЙ, КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

451) Эрдманнъ Θ. И. Kritische Beurtheilung des Werkes: Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan, par Rasched-eldin etc. 1841. I. стр. 35—92.
452) О Раликалахъ въ органической химіи. Глинскаго. Рец. Зайцева А. М. 1873 стр. 340—343.
453) Юридическія и политическія основанія Государственной службы. Нелидова. Рец. Станиславскаго А. Г. 1874 стр. 383 (Изв.).
354) Объ отдѣленіи корней совокупныхъ уравненій. Васильева. Рец. Суворова. 1874 г. стр. 476. (Изв.).
455) Hartmann. Das Ding an sich und seine beschaffenheit B. 1871 г. Раз. Смирнова А. И. 1874. стр. 116—136.

456) Петровскій М. Сказанія князя Курбскаго. 1868. 3 изд. 1873 г. стр. 711—760.

457) Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами. Осокина Н. А. Рец. Ѳирсова Н. А. 1873-й г. стр. 62. (Изв.).

458) Брачное право древняго востока, Осипова, Рец. Шпилевскаго. 1873 г. стр. 64. (Изв.).

459) Къ патологіи поджелудочной желѣзы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. 1873 года. Мандельштамма Рец. Петрова. 1873 годъ, стр. 678. (Изв.).

460) Шестаковъ П. Д. Критика: Родственна ли Меря съ Вогулами; по поводу соч. Корсакова и Уварова. 1873 г. стр. 151—137.

461) Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, Виноградскаго. Рец. Ковальскаго М. А. 1873 г. стр. 329—339.

462) Philosophie des unbewusten, Гартмана. Разборъ Зеленогорскаго 1873 г. стр. 1033—1063.

463) Напряженія мозга и его взаимныя соотношенія съ кровообращеніемъ, Навалихина И. Г. Рец. Догеля И. М. 1874 г. стр. 392. (Изв.).

464) Дѣйствіе разведенной азотной кислоты на разведенный же растворъ индиго-сѣрной кислоты, Дьяконова Рец. Несчастливцева 1874 г. стр. 392. (Изв.).

465) Обозрѣніе группы Syphomycetes, Сорокина Рец. Леваковскаго 1874 г. стр. 469. (Изв.).

466) Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, Иванова Н. П. Рец. Осипова. 1874. стр. 472. (Изв.).

467) Элементарный Учебникъ Общаго Уголовнаго Права. А. Ѳ. Кистяковскаго. Разборъ Степанова И. И. 1876 г. стр. 108—126.

468) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Молитвы Вячеслава. Памятникъ старопольскаго языка, от-

крытый Александромъ г. Пржездзецкимъ. Извѣстіе о нихъ съ филологическимъ и лингвистическимъ разборомъ сообщаетъ Генрихъ Сухецкій и т. д. Краковъ 1871 г. стр. 35. 1877 г. стр. 366.

469) Смирновъ А. Механическое міровоззрѣніе и психическая жизнь. (По поводу рѣчи проф. Н. Ѳ. Ковалевскаго: „Какъ смотритъ физіологія на жизнь вообще и психическую въ особенности). 1877 г. стр. 290—366.

470) Новыя изслѣдованія о продуктахъ охлоренія хлористаго этила и хлористаго этилена, и новыя доказательства существованія органическихъ радикаловъ, у которыхъ парное свободное сродство принадлежитъ одному изъ углеродныхъ атомовъ. Г. Глинскаго. Разборъ Зайцева А. М. 1877 г. стр. 591.

471) Шумковъ М. Къ вопросу о психической жизни. (По поводу критической замѣтки Смирнова: Механическое міровоззрѣніе и психическая жизнь). 1877 г. стр. 1284.

472) Русскій Букварь для польскихъ дѣтей. Хорошевскаго В. Ю. Рец. Бодуэнъ-де-Куртенэ. 1878. стр. 295—302.

473) Historyczny obszar Polski. Przez Vincentego Pola и т. д. Рец. Бодуэнъ-де-Куртенэ. 1878 г. стр. 302.

XIV. СТАТЬИ, КАСАЮЩІЯСЯ УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО УЧРЕЖДЕНІЙ.

474) Буличъ Н. Н. Университетскій судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго. 1864. I отд. стр. 267—288.

XV. НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

475) Струве Ѳ. А. De vita scriptisque Cl. Tchorzewski. 1855. III. стр. 119—138.

476) Струве Θ. А. Praeceptoris ac discipulis Caesarei gymnasii Dorpatensis solemnia anniversaria celebrantis. 1853. II. стр. 112—138.

477) Скандовскій Н. А. Воспоминаніе о профессорѣ Г. Б. Никольскомъ. 1855. IV. стр. 129—141.

478) Поповъ А. Θ. Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Лобачевскаго. 1857. IV. стр. 153—159.

479) Ильминскій Н. И. Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ. 1865. стр. 417—450.

480) Евменій Филипповичъ Аристовъ (Некрологъ). 1876. стр. 196—204. (Изв.).

481) Александръ Васильевичъ Соколовъ. (Некрологъ). 1876 г. стр. 205—207. (Изв.).

482) Іосифъ Антоновичъ Больцани. (Некрологъ). 1876. стр. 208—217. (Изв.).

483) Степановъ. Некрологъ орд. проф. Микшевича, и Шпилевскій. Надгробное слово. 1878 г. стр. 185. (Изв.).

484) Струве Θ. А. Novae curae in Quinti Smirnaei posthomerica. 1860. III. стр. 3—148.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

НА 1879 ГОДЪ.

Газета «Новости» выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любаго нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день. Редакція газеты «Новости», не прекращая ежедневно своей дѣятельности раньше 2-хъ часовъ почи, имѣетъ возможность помѣщать въ каждомъ ближайшемъ нумерѣ газеты даже такія извѣстія, которыя появляются въ другихъ газетахъ днемъ позже. Затѣмъ Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь

крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты, можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что заимствованія изъ другихъ изданій подчинены самому строгому критическому выбору и пріурочиваются къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская печать», Редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Благодаря этому пріему, газета освобождается отъ упрека въ служеніи праздному любопытству и грубымъ инстинктамъ массы. Напротивъ, газета обращается постоянно только къ уму и сердцу читателя.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то Редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «Барбаруса», ром. П. Гейзе. — «Трубачъ голубыхъ гусаровъ», Эркмана-Шатріана. — «Тысяча одна брачная ночь», нѣсколько разсказовъ Катрелл. — «Тактика маркиза», разск. Уида. — «Исторія преступленія», В. Гюго. — «Блудный сынъ» І. І. Крашевскаго (еще печатается). — «Банкиръ воровъ», романъ де-Лонея. — «Романъ княгини», Поля Бонно. — «Отравительница», разсказъ. — «Открытъ!», разск. — «Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана». — «Не стая вороновъ слеталась», ориг. очеркъ. — «Среди милостивыхъ государей», оригинальный очеркъ. — «Подъ шумъ войны», ориг. ром. изъ петербургскихъ нравовъ. — «Среди мормоновъ», очеркъ Пашино. — «Изъ области преступленій», ориг. разск. — «Передъ подпиской», ориг. очеркъ. — «Кавалеръ на часъ», ориг. разск. — «Въ пріемномъ покоѣ», ориг. сцены. — «Букетъ изъ плѣнныхъ турокъ», ориг. очеркъ Пашино. — «Осада Индѣйцевъ», разск. — «Воспоминанія о королѣ Викторѣ-Эмма-

пулѣ», Пашино. — «Невидимые когти», ориг. разск. — «Набобъ», разск. Додэ. — «Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина». — «На спиритическомъ сеансѣ у Слэда», ориг. очеркъ. — «Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда», ориг. очеркъ. — «Возможенъ-ли походъ въ Индію?», Пашино. — «Генри Стэнли», очеркъ. — «Возвращеніе Стэнли», очеркъ. — «59-я годовщина с.-петербургск. университета». — «Умственное движеніе во Франціи». — «Очеркъ дѣятельности академика Бэра». — «Суевѣрія, какъ источникъ преступленій», очеркъ. — «Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу». — «Культъ усопшихъ», ст. Литрова. — «Мужичій поэтъ» (характеристика Некрасова). — Статьи Леруа-Болье и Петтенкофера. — «Походныя письма сестры милосердія» (8 пис.). — «Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества». — «Письма о парижской выставкѣ». — «Первая любовь Нодье», разск. Поля Феваля. — «Семейныя драмы», рядъ ром. Монтепена. — «Около чужихъ милліоновъ», ориг. очеркъ. — «Дневникъ молодой женщины», ром. Октава Фелье — «Розовое домино», романъ Бувье (печатается). — «Интригантка», ром. Г. Яковлева (печатается). — «Уголовно-интендантскіе мемуары». — «Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «Ядовитая трава», разск., перев. съ китайскаго. — «Мелочи архіерейской жизни», рядъ очерковъ Лѣскова-Стебницкаго (печатается). — «М. М. Антакольскій», біогр. съ Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь, читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета «Новости» даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

Условія подписки:

	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.
	руб.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	8	7 50	7 —	6 50	6 —
Съ пересылкою	9	8 25	7 50	7 —	6 50

	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р.	р. к.	р. к.	р.	р.	р.
Съ дост. въ С.-Петербургѣ	5 50	5	4 50	3 80	3	2	1
Съ пересылкою	5 75	5	4 50	4 —	3	2	1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платять за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к., съ 1-го ноября — 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: **въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».**

Издатель *О. Нотовичъ.*

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ТЕЛЕГРАФЪ"

1879 ГОДЪ.

«Телеграфъ» будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками; но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

«Телеграфъ» — политическая, литературная и общественная ежедневная газета — самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всему интересующему общество — вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета «Телеграфъ». Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досугъ прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни, всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ.

Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету «Телеграфъ» превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обезпечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

«Телеграфъ» выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ въ главной конторѣ газеты «Телеграфъ» на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету «Телеграфъ» съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

На 12 мѣс.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.
6 руб.	5 р. 50 к.	5 руб.	4 р. 75 к.	4 р. 25 к.
На 7 мѣс.	На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.
4 руб.	3 р. 50 к.	3 руб.	2 р. 50 к.	2 руб.
На 2 мѣс.	На 1 мѣс.			
1 р. 50 к.	75 коп.			

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

Издатель и редакторъ *К. Трубниковъ.*

Всѣ преміи предназначенныя для подписчиковъ 1879 года, отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ января по порядку поступленія подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше, должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ — посылкою. — 47-ми лѣтняя извѣстность журнала служитъ ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ — по третямъ; для неслужащихъ — по соглашенію съ редакціей.

Условія подписки:

На годъ безъ премій	7 р. — к.	(безъ перес.	6 р. — к.
На полгода безъ премій . . .	4 р. — к.	(безъ перес.	3 р. 40 к.
На 3 мѣсяца безъ премій . .	1 р. 80 к.	(безъ перес.	1 р. 41 к.

Съ преміями 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ въ Редакцію журнала «ВАЗА», Разъѣзжая, д. 32.

въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе** *(отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)* выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересыл. 10 руб.

II. **Воспитаніе и обученіе** *(отдѣлъ для родителей и воспитателей)* выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня или іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 руб.

Семейное чтеніе дастъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ «Педагогическою хроникою» содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). *«Педагогическая хроника»* дастъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильев. стр., 15 линія)д. № 8, кв. № 20); или адресуются просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и Школа»** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. КРАЕВИЧЪ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА
„СЛОВО"
въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ „СЛОВО" будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большого формата).

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:

Не у дѣлъ. Сцены. П. Д. Боборыкина.—Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ. Ф. Шаля.—Кто во что горазд. Повѣсть П. Вологдина.—Страница романа. Романъ Э. Зола.—Гражданка. Сцены А. И. Пальма.—Вогезскіе разсказы. Эркмана-Шатріана.—Идеалистка. Повѣсть Анны Стацевичъ.—Поѣздка во Фратешти. Е. Л. Ивановой.—Странные люди. Разсказъ Златовратскаго.—Бѣшеная. Разсказъ Г. И. Богрова.—Первый блинъ комомъ. В—вой.—Забытые. Очерки Н. Максимова.—Сами по себѣ. Романъ П. Д. Боборыкина.—Пармская шартреза. Романъ Стендаля.—Историческое значеніе военнаго подбора. М. П. Чурилова.—Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. А. Я. Ефименко.—Экономическая теорія Маркса. Н. И. Зибера.—Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи. П. А. Соколовскаго.—Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи. Д. Н. Куликовскаго.—Общественно-экономическія отношенія въ юговосточной Россіи. В. П. Гиляранскаго.—Культурные піонеры (этюдъ о религіозныхъ сектахъ). Д. Н. Куликовскаго.—Фердинандъ Лассаль сквозь очки Чичерина. Н. З.—Обезцѣненіе крестьянской собственности. Б. Ленскаго.—Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса. М. Кулишера.—Старовѣрье. Юзова.—Лѣсное царство. П. Вологдина.—Борьба за существованіе и политическій строй. М. Кулишера.—Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. М. Кулишера.—Родовое начало въ древнемъ обществѣ. Д. А. Коропчевскаго.—Темная страна (отчетъ о путешествіи Стэнли).—Послѣднее слово буржуазной философіи. Б. Ленскаго.—Ученое невѣжество. А. А. Головачева.—Общества животныхъ, какъ матеріалъ для соціальной науки. И. Л—аго.—Вольтеръ. Жика.—Физіологическія основы поэзіи. Т—скаго.—Финансовое хозяйство Россіи. А. С.—Британскіе интересы на Востокѣ. И. И. Янжула.—Временный застой. Вл. И. Жуковскаго.—О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.—Обозрѣнія русской и иностранной журналистики.—Политическіе вопросы дня. И. Л.—Корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Парижа, Германіи и пр.—Научная хроника.—Библіографія русская и иностранная.—Театръ въ провинціи и проч.

Въ приложеніи: Исторія одного преступленія. Виктора Гюго.—Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи. П. С. Ефименко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

Безъ доставки и пересылки . .	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	16 « — «	8 « 50 «
Съ пересылкою въ другіе города.	17 « — «	9 « — «
Съ пересылкою за границу . .	19 « — «	10 « 50 «

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ редакціи, Гороховая, 9; въ Москвѣ—у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала «СЛОВО», С.-Петербургъ, Гороховая, 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му марта—5 руб. и къ 1-му мая—5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою обращаются непосредственно въ редакцію.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА"

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ; рекомендованнаго Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ, Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для Библіотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

«Семейныя Вечера» въ 1879 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ

матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ,—а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: *для самыхъ маленькихъ дѣтей*)—отъ 5 до 8 лѣтъ. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на бытовую, этнографическую, какъ равно научно-естественную и біографическую стороны—путемъ живыхъ разсказовъ, освѣщаемыхъ описаніемъ мѣстностей и природы.

Что же касается отдѣла для *для семейнаго чтенія и юношества*, то онъ будетъ наполняемъ, какъ и въ прошедшихъ годахъ, такими статьями, которыя составили бы пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Редакція приметъ всѣ зависящія мѣры къ иллюстрированію журнала лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ дост.	Съ дост.
Полный журналъ (въ 24 кн.) . .	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.). . .	5 «	5 « 50 к.
« « сем. чтен. (12 кн.). . .	5 «	5 « 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ,—не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отд. съ дост.		На полный журн. съ дост.	
За 1-ю тр. впер.	2 р. 50 к.	За 1-ю тр. впер.	4 р.
« 2-ю «	2 «	« 2-ю «	4 «
« 3-ю «	1 «	« 3-ю «	3 «

Подписка принимается: Въ редакціи журнала «Семейные Вечера», у Симеоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля, № 1—2, кв. № 3.

Редакторъ-Издательница Софія Кашпирева.

тивную единицу, лишенную всякаго личнаго характера и собственной инціативы. Нашъ Царь Освободитель, Великій Реформаторъ, призналъ предоставленныя губерніи самостоятельность и самоуправленіе лучшими средствами къ водворенію въ краѣ благосостоянія. Земскимъ и городскимъ учрежденіямъ остается привести въ исполненіе великую мысль и тѣмъ укрѣпить за собою свыше дарованное право заботиться о своихъ нуждахъ и распоряжаться своими общественными средствами. Самоуправленіе, вообще, есть послѣднее слово политической жизни народовъ и слѣдовательно требуетъ извѣстной подготовки и подъема народнаго образованія. Послѣ этого неудивительно, если до сихъ поръ у насъ дѣло земское и городское, представляется вообще въ неудовлетворительномъ видѣ. Для него теперь время черной работы и подготовки, и работа эта такъ велика, что десятилѣтній періодъ въ этомъ случаѣ, составляетъ весьма незначительный срокъ; завершеніе этихъ подготовительныхъ работъ составляетъ дѣло не людей, а поколѣній. Но какъ бы медленны и малы ни были труды общества на пользу самоуправленія,—они дороги тѣмъ, что поддерживаютъ живое дѣло и даютъ ему возможность, при каждомъ удобномъ случаѣ, идти впередъ. Окончательно пагубна для дѣла реформы рутина и бездѣйствіе всего общества, и при этихъ послѣднихъ условіяхъ дѣло самоуправленія безповоротно гибнетъ. Нельзя не признать, что нерѣдко самоуправленіе, особенно городское, теряетъ отчасти свой настоящій характеръ и обращается въ прежнее, ни къ чему хорошему неведущее, канцелярское завѣдываніе общественными дѣлами. Въ подобномъ положеніи безсильны всякія высшія понужденія и регламентаціи и единственную помощь можно ожидать только отъ пробужденія и дѣятельности общественнаго мнѣнія, которое одно имѣетъ средства и силу дать реформамъ настоящее направленіе.

Общественное мнѣніе, какъ выраженіе народной совѣсти, есть сила, присущая человѣческой средѣ и, въ лучшемъ своемъ значеніи, важнѣйшій посредникъ и помощникъ для осуществленія государственныхъ мѣръ и для надлежащаго направленія общественной дѣятельности. Внѣ односторонняго вліянія и искуственнаго направленія. общественное мнѣніе, по вопросамъ доступнымъ общему пониманію, высказываетъ народную правду, тѣсно связанную съ дѣйствительными народными интересами.

Особенно важно значеніе общественнаго мнѣнія въ контролѣ и оцѣнкѣ дѣйствій общественныхъ дѣятелей. Можно безошибочно сказать, что правильность и успѣшность этихъ дѣйствій вполнѣ зависить отъ степени дѣятельности общественнаго мнѣнія. Тамъ, гдѣ общество относится безучастно и равнодушно къ своимъ дѣламъ и вслѣдствіе того мнѣніе его высказывается рѣдко и слабо,—тамъ и дѣла общественныя идутъ рутинно, безжизненно и все болѣе удаляются отъ настоящей свой цѣли.

Общественное мнѣніе появляется разрозненно, одиночно и чтобы дать ему дѣйствительное его значеніе, необходимо соединеніе этихъ разрозненностей, формулированіе ихъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ и наконецъ оглашеніе,—это дѣло печатнаго слова. Во всѣхъ обществахъ, живущихъ разумно и сознающихъ важность и необходимость общественной солидарности, газета является необходимостью, какъ единственное средство поддерживать эту солидарность и давать возможность каждому члену общества знать также хорошо общественное дѣло, какъ онъ знаетъ свое домашнее. Мѣстная газета, имѣя главною цѣлью точно воспроизводить общественное мнѣніе, обязана слѣдить за вѣрностью фактовъ, служащихъ основой этому мнѣнію; отличать, при столкновеніи различныхъ мнѣній, дѣйствительно общественное, чуждое какихъ либо тенденціозныхъ, несоотвѣтствующихъ интересамъ общества, направленій. Наконецъ, мѣстная газета, понимая высокое свое значеніе, какъ органа общества, должна быть чужда всякаго скандальнаго направленія; честно и вѣрно высказанное общественное мнѣніе пользуется общимъ вниманіемъ и уваженіемъ и въ той же мѣрѣ встрѣчается общимъ презрѣніемъ всякая сплетня и грязная инсинуація. Чтобы твердо держать знамя общественнаго органа, слѣдуетъ помнить, что насколько дѣйствія каждаго общественнаго дѣятеля подлежатъ самому тщательному контролю и строгой оцѣнкѣ общества, довѣріемъ котораго онъ пользуется,—на столько же неприкосновенъ человѣкъ въ его частной жизни и внутреннихъ убѣжденіяхъ.

Главная цѣль предпринимаемаго изданія Волжскаго Вѣстника быть общественнымъ органомъ трехъ сосѣдственныхъ губерній: Казанской, Симбирской и Самарской. Все вышеизложенное выясняетъ достаточно предполагаемое направленіе изданія. Принявъ мѣры къ возможно точному выполненію намѣченной программы, Редакціи остается желать встрѣтить со стороны общества и его дѣятелей, ту степень вниманія, которая оправдаетъ цѣль изданія и признаетъ его дѣйствительную потребность.

Редакторъ-издатель **В. ЧЕРНИКОВЪ**.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

VII ГОДЪ ЖУРНАЛА ГОДЪ VII

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе» издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣе двухъ съ половиной листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи.
2) Драмы и драматическія сцены.
3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.
4) Иллюстрированныя путешествія.
5) Этнографическіе очерки.
6) Статьи научнаго содержанія.
7) Статьи техническія и хозяйственныя.
8) Новости изъ области, наукъ и искусствъ.
9) Телеграммы.
10) Объясненіе гравюръ.
11) Шахматный листокъ.
12) Картинки МОДЪ съ объяснительнымъ текстомъ.

При подпискѣ гг. подписчики получать премію: **олеографію**, уже полученную въ редакціи. Втеченіи года гг. подписчики получать **вторую олеографію и литературную иллюстрированную премію**. Кромѣ того Редакція выдастъ еще одну премію, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали длиною въ $1^1/_4$ аршина, шириною въ 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хорошо исполнена, что можетъ служить украшеніемъ въ любой гостинной.

Въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: С. А. Андреевскій, Н. А. Богдановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, А. В. Разсказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Цуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 7 до 13 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Въ первыхъ нумерахъ журнала на 1879 годъ, между прочимъ, помѣщены: А. Михайлова «Мужъ и жена» романъ, разсказъ К. М. Станюковича, Омулевскаго «Рыцарь на стражѣ» поэма, «Лѣсное Хозяйство» Н. В. Шелгунова. «Козлы отпущенія» очерки Н. И. Северина. Копіи съ картинъ Брюллова, Гуна, Мещерскаго, Шварца.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки . .	6 р.	3 р. 50 к.
съ доставкою и пересылкою . .	7 р.	4 р.

При выпискѣ десяти экземпляровъ одинадцатый выдается безплатно, при выпискѣ двадцати—два безплатно и т. д. по разсчету.

Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата по-мѣсячно.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ, близъ церкви Знаменія, № 20.

ПОДПИСКА НА „ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ" въ 1879 году.

Съ 1879 г. «Вечерняя Газета» вступаетъ, подъ нынѣшнею редакціею, въ **шестой** годъ своего существованія. По своей программѣ она представляетъ собою органъ **политическій литературный и общественный**.

Сообразно этой программѣ, сверхъ передовыхъ статей по вопросамъ внѣшней политики и внутренней жизни, корреспонденцій изъ-за границы и русскихъ городовъ, библіографическихъ замѣтокъ, театральныхъ и музыкальныхъ рецензій, текущихъ извѣстій и т. п., составляющихъ обычный, ежедневный матеріалъ газеты, въ ней помѣщаются, въ видѣ еженедѣльныхъ періодическихъ обозрѣній: а) разборъ текущихъ явленій русской литературы и журналистики (**А. М. Скабичевскаго**), б) фельетонъ подъ заглавіемъ «Наброски и Недомолвки», имѣющій содержаніемъ петербургскую общественную жизнь (**И. Ѳ. Василевскаго**), в) юмористическое обозрѣніе въ стихахъ и прозѣ явленій современной общественной жизни, подъ заглавіемъ «Чѣмъ Хата Богата» (**Д. Д. Минаева**), г) «Московскія Письма» (**А. П. Лукина**). Кромѣ того въ газетѣ дается мѣсто другимъ статьямъ фельетоннаго характера и произведеніямъ беллетристическимъ, какъ оригинальнымъ, такъ и переводнымъ, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году между прочимъ напечатаны: «Наровилъ по Совѣсти» **Г. И. Успенскаго**, «На свою шею» **А. Н. Плещеева**, «Изъ воспоминаній о пишущей братіи» **П. Д. Боборыкина**, «Изъ воспоминаній о послѣдней войнѣ» **П. В Максимова**, «Исторія одного мошенничества» **Арсеньева**, «Герои послѣдней войны» его же», «Съ дороги» **В. Ѳ. Кеневича**, «Набобъ» романъ **А. Доде**, «Разсказы» его же, «Святая парочка Форскихъ горъ» **Бретъ-Гарта**, «Близнецы» **Эдм. Абу**. «Аттака мельницы» **Э. Зола**, и др. Въ отдѣлъ «Изо дня въ день» входятъ не только текущія извѣстія, какъ доставляемыя собственными репортерами, такъ и извлекаемыя изъ другихъ газетъ, но и замѣтки по поводу разныхъ явленій петербургской и заграничной жизни и газетныхъ статей, мелочи въ стихахъ и прозѣ, биржевыя бюллетени и торговыя извѣстія и т. п. Сверхъ того тутъ же помѣщаются, по мѣрѣ накопленія матеріала: а) обозрѣніе иностранной сатирической печати (**П. И. Вейнберга**), съ приведеніемъ въ переводѣ лучшихъ стихотвореній и прозаическихъ статей ея, б) отчеты о произведеніяхъ современной иностранной литературы (**А. Н. Плещеева** и др.) и т. п. Въ отдѣлѣ судебномъ помѣ-

щаются подробные или сокращенные стенографическіе отчеты о выдающихся процессахъ. Заграничныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ: въ Лондонѣ, въ Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; внутреннихъ: въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ, Твери, Ригѣ, Архангельскѣ, Енисейскѣ и др. городахъ.

Труды собственно редакціонные раздѣляетъ съ нижеподписавшимся *Э. К. Ватсонъ*, завѣдывающій также и иностраннымъ отдѣломъ. Постоянное участіе въ газетѣ принимаютъ слѣдующія лица: *П. Д. Боборыкинъ, И. Ѳ. Василевскій, П. И. Вейнбергъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, К. П. Галлеръ, В. Ѳ. Кеневичъ, Н. Н. Константиновъ, Н. С. Курочкинъ, С. И. Ламанскій, А. П. Лукинъ Н. В. Максимовъ, Д. Д. Минаевъ, В. О. Михневичъ, А. Н Плещеевъ, А. О. Преженцовъ, А. М. Скабичевскій. К. М. Станюковичъ. Г. И. Успенскій, Н. Н. Фирсовъ.*

Подписка на „Вечернюю Газету“ принимается на слѣдующихъ основаніяхъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ губерніи:

На 12 мѣс. 8 р. — к.	На 8 мѣс. 6 р. — к.	На 4 мѣс. 3 р. 50 к.
» 11 » 7 » 50 »	» 7 » 5 » 50 »	» 3 » 2 » 50 »
» 10 » 7 » — »	» 6 » 5 » — »	» 2 » 1 » 70 »
» 9 » 6 » 50 »	» 5 » 4 » 20 »	» 1 » — » 90 »

Подписка открыта въ главной конторѣ «ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЫ», въ С.-Петербургѣ на Литейному проспекту, въ домѣ № 42; отдѣленіяхъ конторы: въ Одессѣ, Успенская улица, домъ № 33 и въ Харьковѣ у Николая Петровича Овсянникова, Богуновскій переулокъ, домъ Савченко.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Вечерней Газеты».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургѣ,—высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 3 руб., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

Редакторъ-издатель В. А. ПОЛЕТИКА.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАНІЕ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

1879 г.

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Вступивъ съ 1879 года во второе десятилѣтіе своего существованія, Юридическій Вѣстникъ съ обновленною энергіею служить потребностямъ научной и практической юриспруденціи.

Объединеніе стремленій и интересовъ русской юриспруденціи, сосредоточеніе силъ русскихъ юридическихъ факультетовъ, обществъ и судебной практики составляетъ существенную цѣль Юридическаго Вѣстника.

Журналъ предлагаетъ своимъ читателямъ научныя статьи по юриспруденціи, по преимуществу, общаго содержанія. Вмѣстѣ съ симъ онъ представитъ правильные отчеты о движеніи иностранной журнальной литературы по предметамъ права.

Движеніе судебной практики послужитъ предметомъ періодическихъ обозрѣній, которыя, не ограничиваясь однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ матеріала, будутъ имѣть своею главною задачею критическую оцѣнку судебныхъ рѣшеній и посильное восполненіе пробѣловъ русскаго законодательства, гражданскато и уголовнаго.

Гражданское право, нерѣдко оттѣсняемое въ періодическихъ изданіяхъ на задній планъ, начиная съ 1879 года обратитъ на себя особенное вниманіе Юридическаго Вѣстника. Между прочимъ редакція расчитываетъ въ этомъ дѣлѣ на близкое участіе **С. А. Муромцева**, который въ ближайшемъ времени, согласно съ постановленіемъ Московскаго Юридическаго Общества 4 декабря 1878 года, имѣетъ вступить въ редакцію.

Ежемѣсячный библіографическій листокъ, независимо отъ подробныхъ критическихъ разборовъ юридическихъ сочиненій и изданій, представитъ непрывающійся отчетъ о движеніи юридической литературы, русской и иностранной.

Право и его органы образуютъ предметъ научнаго изученія со стороны ихъ закономѣрности. Судъ, въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, составляетъ великую силу, отъ правильнаго направленія которой зависитъ многое въ ходѣ общественной жизни. Эти мысли положены въ основаніе Юридическаго Вѣстника; онъ будетъ руководиться ими въ продолженіе своего посильнаго служенія дѣлу юридической науки и практики.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

I-го отдѣла:		I-го и II-го отдѣловъ вмѣстѣ:	
на годъ	7 р.	на годъ	13 р.
на полгода	4 »	на полгода	7 »
съ пересылкою:		съ пересылкою:	
на годъ	8 р.	на годъ	14 р.
на полгода	5 »	на полгода	8 »

Отдѣльно на 2-й отдѣлъ подписка не принимается.

Гг. иногородних просятъ адресовать подписку на журналъ единственно въ Редакцію «Вѣстника Реальныхъ Знаній», въ Москву. Адресъ почтамту извѣстенъ. Только при подобномъ адресованіи требованій редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Въ Москвѣ подписка принимается въ редакціи, Покровка, близъ Гаврикова пер., на Переведеновской ул., домъ Алексѣевой.

Редакторъ-Издатель Д. Кишенскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНІИ «ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА» въ 1879 году.

Православный Собесѣдникъ

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1879 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: **съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—**

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1879 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“, четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. (всего за оба изданія десять руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

Въ тойже редакціи продаются

А. **Православный Собесѣдникъ** *въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ **Православный Собесѣдникъ**: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к., за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ **Православнаго Собесѣдника** приложенія къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ) Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. За всѣ семь томовъ 24 руб.

3. **Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

4. **Благовѣстникъ**, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матѳея. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.

5. **Его же толкованіе** на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

6. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

7. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8. **Святаго отца нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

9. **Сказанія о мученикахъ** христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

10. **Посланія Игнатія,** митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

11. **Сочиненія преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

12. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

13. **Сочиненіе инока Зиновія:** Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученія (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 руб. 50 к.

14. **Остенъ.** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

15. **Сборникъ** древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

16. **Житіе** преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17. **Житіе** преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп

18. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.** Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к

19 **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.** Н Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20. **Ересь антитринитаріевъ III вѣка.** Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

21 **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.** Изслѣдованіе Н. Милославскаго. Ц. 2 р.

22. **Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.** Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 руб.

23. **Книга** о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при нѣмъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24. **Стародубье.** Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

25. **Толковая Палея.** В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26. **Указатель** статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» **съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.**

27. **Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.** Цѣна 20 коп.

28. **Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева.** Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 к.

29. **Списокъ съ писцовыхъ книгъ** по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Ц. 40 к.

30. **Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей** по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 руб. 50 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками **«Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ»**. Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ - мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 26) Религіозное и политическое значеніе *хаджа* или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р.

Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

Отъ издателей можно выписывать книги:

1. СЛОВА къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. *Первый томъ.* Цѣна: безъ пере-

сылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. *Второй томъ*. Цѣна такая же.

3. ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. Цѣна 2 р. 50 коп. съ перес.

4. ТВОРЕНІЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА «DE CIVITATE DEI», КАКЪ АПОЛОГІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЕГО БОРЬБѢ СЪ РИМСКИМЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб

5. ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКАГО СЛОВАРЯ. Н. Остроумова. Казань. 1876, Цѣна 1 р

6. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ. П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 коп. На пересылку 25 коп.

7. ОЧЕРКИ ПО ЦЕРКОВНОЙ ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ. Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 коп.

8. СБОРНИКЪ БЕСѢДЪ СО СТАРООБРЯДЦАМИ. Изд. подъ редакціей э. орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

9. АНТИТРИНИТАРІИ XVI В. Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 руб.

10. ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПАПСКАГО ДОГМАТА. Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Цѣна 30 к.

11. ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВЪ ГЕРМАНІИ. П. Милославскаго. 1878. Цѣна 2 руб. 25 коп.

ВЪ СЛУЧАѢ НЕПОЛУЧЕНІЯ КѢМЪ ЛИБО

изъ подписчиковъ той или другой книжки Собесѣдника, Редакція покорнѣйше проситъ заявлять ей объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки и при этомъ прилагать отъ мѣстной почтовой конторы удостовѣреніе, что требуемая книжка, за неполученіемъ въ конторѣ, подписчику дѣйствительно не доставлена. При исполненіи этого послѣдняго условія подписчикъ немедленно получитъ изъ Редакціи новую книжку. Если же удостовѣренія отъ мѣстной почтовой конторы въ Редакцію доставлено не будетъ, то подписчику придется ждать, пока утратившаяся книжка будетъ розыскана почтовымъ вѣдомствомъ.

Мѣста и лица, желающія получить отъ редакціи, кромѣ требуемыхъ книгъ, увѣдомленіе о полученіи денегъ (свыше 5 руб.), благоволятъ присылать въ редакцію почтовую марку въ 8 коп. и гербовую марку въ 5 к.

Владиміровъ. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверо-великорусскаго нарѣчія, XVI и XVII ст. К. 1878 г. Ц. 45 к.

Гассе. Церковная исторія. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. Н. П. Соколова. 2 т. К. 1866—69 г. Ц. 2 р.

Гвоздевъ. Историческая записка о второй Казанской гимназіи. К, 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Геккеръ. Руководство для родственниковъ душено-больныхъ. К. 1876 г. Ц. 30 к.

Горскій. Жизнь и историческое значеніе князя А. М. Курбскаго. К. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к.

Головкинскій. О послѣтричныхъ образованіяхъ по Волгѣ въ ея среднемъ теченіи. К. 1865 г. Ц. 50 к.

Григорьевъ. Русская азбука. К. 1866 г. Ц. 25 к.

Его-же. Взглядъ на нѣкоторыя методы начальнаго обученія чтенію и изложеніе метода. П. (Григорьева). К. 1866 г. Ц. 20 к.

Гусевъ. Ересь антитринитаріевъ III вѣка. К. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гисси. Дознаніе, его цѣли и способы производства. Руководство для чиновъ полиціи, волостнаго и сельскаго начальства. 2 т. К. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к.

Добротворскій. Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. К. 1869 г. К. 1 р. 25 к.

Его-же. Аинско-русскій словарь. К. 1876 г. 3 р. 50 к.

Душинъ. Воспоминанія о святыхъ мѣстахъ или путешествіе въ Соловецкую обитель. К. 1869 г. Ц. 50 к.

Загоскинъ. Исторія права Московскаго Государства. Т. I. К. 1877 г. Ц. 2 р.

Его-же. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. К. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Его-же. Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. 2 в. К. 1875—76 г. Ц. 1 р. 25 к. Отдѣльно в. II. 75 к.

Заринскій. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. Съ планомъ Казани. К. 1877 г. Ц. 1 р. (Сочиненіе это удостоено Императорскою Академіею Наукъ Уваровской преміи).

Его-же. Апологія исламизма новѣйшей англійской работы. К. 1878 г. Ц. 30 к.

Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Изд. 2-е исправленное и дополненное. К. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Основныя начала духовно-училищной реформы въ царствованіе Императора Александра I. К. 1878 г. Ц. 30 к.

Золотницкій. Замѣтки для ознакомленія съ чувашскимъ нарѣчіемъ. В. I. К. 1876 г. Ц. 20 к.

Его-же. Корневой чувашско русскій словарь, сравненный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и др. племенъ. К. 1875 г. Ц. 2 р.

Его-же. Солдалык кнеги. Календарь на 1874 г. съ пасхаліею на 20 лѣтъ. На чувашскомъ языкѣ. К. 1873 г. Ц. 15 к.

Ивановскій. Бесѣды со старообрядцами въ трехъ селахъ Казанской епархіи. К. 1877 г. Ц. 30 к.

Его-же. Сборникъ бесѣдъ со старообрядцами и другихъ сочиненій относящихся къ старообрядству. В. I. К. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права, въ историческомъ развитіи. К. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Иноземцевъ. Опытъ краткой грамматики греческаго языка, для учениковъ русскихъ гимназій Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущенъ какъ учебное пособіе при краткомъ повтореніи греческой грамматики. 2-е изд. А. А. Дубровина. К. 1873 г. Ц. 60 к.

Иннокентій. Богословіе обличительное. 4 т. К. 1859—64 г. Ц.

Ислентьевъ. Словесныя и письменныя упражненія въ русскомъ языкѣ, для учениковъ приготовительныхъ классовъ гимназій. К. 1877 г. Ц. 35 к.

Камковъ. Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. 5-е исправленное изданіе съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку 1056—1057 г. изд. А. А. Дубровина. К. 1878 г. Ц. 30 к.

Каталогъ книгамъ Казанской городской публичной библіотеки. К. 1870 г. Ц. 25 к.

Клазіусъ. Введеніе въ математическую физику о потенціальной функціи и о потенціалѣ. К. 1875 г. Ц. 80 к.

Климентъ. Бесѣды на пророка Іезекіиля иже во святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова. К. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корнильевъ. Счетоводство по всѣмъ отраслямъ промышленности. К. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корнрумфъ. Выписки изъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента за 1870 г. К. 1870 г. Ц. 25 к.

Косолаповъ. Мѣсяцесловъ православной каѳолической церкви. К. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к.

Красинъ. Твореніе Блаженнаго Августина De civitate dei, какъ апологія христіанства въ борьбѣ съ римскимъ язычествомъ. К. 1873 г. Ц. 2 р.

Его-же. Положеніе женщины въ древнѣйшемъ Римѣ. К. 1877 г. Ц. 30 к.

Кривошапкинъ. Объ экразированіи вообще и о примѣненіи его къ отнятію геморроидальныхъ опухолей и узловъ въ особенности. К. 1873 г. Ц. 1 р.

Карповъ. Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки. К. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лозановъ. Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведе-

ній. В. I. Одобренъ Ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія. К. 1877 г. Ц. 1 р. Изд. А. А. Дубровина.

Тоже. в. II изд. Воскресенскаго. К. 1877 г. Ц. 1 р.

Львовъ. Промысловой налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ и Россіи К. 1879 г. К. 1 р. 50 к.

Люстрицкій. Указатель къ «Православному Собесѣднику» за 20 лѣтъ его изданія. К. 1876 г. Ц. 30 к.

Магницкій. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжска, Чебокс. уѣзда Каз. губ. К. 1877 г. Ц. 50 к.

Малiевъ. Матеріалы для сравнительной антропологіи. К. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Отчетъ о Вогульской экспедиціи. К. 1876 г. Ц. 50 к.

Его-же. Антропологическій очеркъ башкиръ. К. 1876 г. Ц. 30 к.

Макаревичъ. Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Каз 1876 г. Ц. 75 к.

Матеріалы для изученія и обличенія мухаммеданства. В. I. К. 1873 г. Ц. 1 р.

Машановъ. Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка. К. 1876 г. Ц. 2 р.

Мельниковъ. Акты историческіе и юридическіе относящіеся до Казанской губерніи. К. 1859 г. Ц. 2 р.

Милославскій. Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. К. 1874 г. Ц. 2 р.

Его-же. Типы современной философской мысли въ Германіи. К. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к.

Миссіонерскій противумусульманскій сборникъ. Труды студентовъ миссіонерскаго противумусульманскаго отдѣленія при Казанской Духовной Академіи. XII в. К. 1873—76 г Ц. 16 р. 25 к.

Монастыревъ. Историческій очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія. К. 1878 г, Ц. 2 р.

Невзоровъ. Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка, въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. К. 1877 г. Ц. 1 р.

Орловъ. О землетрясеніяхъ вообще и о землетрясеніяхъ Южной Сибири и Туркестанской области въ особенности. 3 в. К. 1873—76 г. Ц. 4 р.

Его-же. О землетрясеніяхъ въ Пріуральскихъ странахъ. К. 1873. Ц. 25 к.

Его-же. Руководство къ геометрическому линейному черченію. Съ атласомъ чертежей. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. К. 1878 г. Ц. 1 р. 60 к.

Осиповъ. Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. К. 1873 г. Ц. 50 к.

Осокинъ. Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III го К. 1869 г. Ц. 3 р.

Его-же. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами. К. 1872 г. Ц. 3 р.

Его-же. Древне Римская Имперія. Литографир. лекціи. К. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к.

Его-же. Исторія среднихъ вѣковъ. 2 тома. К. 1877—78 г. Ц. 8 р. 50 к.

Его-же. Новѣйшая исторія. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

Островскій. Вотяки Казанск. губ. К. 1874. г. Ц. 50 к.

Открытіе публичныхъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани. К. 1876 г. Ц. 20 к.

Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Казанск. губ. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Первый шагъ. Провинціальный литературный сборникъ. Каз. 1876 г. Ц. 2 р.

Песковъ. Медицинская статистика и географія. К. 1876 г. Ц. 75 к.

Петровскій. Князь А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его сказаній. К. 1873 г. Ц. 50 к.

Платонъ (Любарскій). Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ. К. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.

Полкановъ. Поученія для простаго народа. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Полкановъ и Василькова. «Лучи». Книга для класснаго чтенія. К. 1878 г. 70 к.

Поповъ. Разборъ Дарвинова ученія о происхожденіи человѣка. В. I. К. 1874 г. Ц. 1 р.

Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. I. Древній періодъ. Изд. 2-е исправленное и дополненное. К. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пашутинъ. Лекція общей патологіи. Ч. I. К. 1878 г. Ц. 3 р.

Румянцевъ. О заочномъ производствѣ дѣлъ гражданскихъ. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Рыловъ. Выдѣлка лайки. К. 1875 г. Ц. 25 к.

Рѣдниковъ. Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ для высшихъ классовъ гимназій. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. К. 1877 г. Ц. 1 р.

Саблуковъ. Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. К. 1878 г. Ц. 2 р.

Его-же. Коранъ, законодательная книга мухаммеданскаго вѣроученія. На русскомъ языкѣ. К. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к.

Серебровскій. Популярное изложеніе стереометріи. К. 1870 г. Ц. 60 к.

Его-же. Простой и дешевый способъ приготовлять геометрическія модели, для низшихъ школъ. К. 1876 г. Ц. 10 к.

Скворцевъ. Санитарный бытъ западно-европейскихъ городовъ. К. 1877 г. Ц. 40 к.

Его-же. Санитарный бытъ русскихъ и западно-европейскихъ городовъ. К. 1877 г. Ц. 75 к.

Смирновъ. Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной. К. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явленіяхъ. К. 1875 г. Ц. 30 к.

Его-же. Механическое міровоззрѣніе и психическая жизнь. К. 1877 г. 50 к.

Систематическій каталогъ русскихъ книгъ Казанской Городской публичной библіотеки. К. 1878 г. Ц. 75 к.

Соколовъ. Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямолинейная тригонометрія. Съ чертежами. Изданіе 4-е исправленное и дополненное. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. К. 1873 г. Ц. 60 к. Изд. А. А. Дубровина.

Соловьевъ. Историческое повѣствованіе о вещественной христіанской святынѣ. К. 1876 г. Ц. 60 к.

Соловьевъ. Книга для класснаго чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. 3 вып. К. 1875 г. Ц. 1 р. 45 к.

Его-же. Объяснительное чтеніе и предметные уроки въ начальныхъ народныхъ училищахъ. К. 1875 г. Ц. 35 к.

Его-же. О русскомъ правописаніи. К. 1878 г. Ц. 30 к.

Его-же. Верблюдъ и лошадь и ихъ полезное значеніе. К. 1874 г. Ц. 20 к.

Его-же. О погодѣ и воздушныхъ явленіяхъ. К. 1875 г. Ц. 30 к.

Его-же. Разсказы о полезныхъ и вредныхъ птицахъ. К. 1875 г. Ц. 90 к.

Его-же. Тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ. К. 1874 г. Ц. 20 к.

Сорокинъ. Путешествіе къ Вогуламъ. Съ рис. К. 1873 г. Ц. 2 р.

Его-же. Основы микологіи съ обозрѣніемъ ученія о заразительныхъ болѣзняхъ. Съ рис. К. 1878 г. Ц. 2 р.

Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. К. 1877 г. Ц. 40 к.

Студенскій. Организація Казанскаго санитарнаго отряда, бывшаго въ Сербіи. К. 1877 г. Ц. 40 к.

Его-же. Оспопрививаніе. К. 1376 г. Ц. 10 к.

Его-же. Руководство къ хирургіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Его-же. Хирургическія повязки. Съ рис. К. 1876 г. Ц. 70 к.

Степановъ. Опытъ теоріи страховаго договора. К. 1875 г. Ц. 2 р.

Снегиревъ. Отрывки чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ. К. 1878 г. Ц. 50 к.

Его-же. Новый завѣтъ на Сербскомъ нарѣчіи. К. 1876 г. Ц. 30 к.

Степановъ. По поводу пересмотра устава университетовъ. К. 1878 г. Ц. 75 к.

Тургеневъ. Пэгазъ. К. 1874 г. Ц. 40 к.

Успенскій. Толковая Палея. К. 1877 г. Ц. 75 к.

Ульрици. Нравственная природа человѣка. Пер. Голубинскаго. К. 1878 г. Ц. 1 р.

Фрезе. О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ. К. 1875 г. Ц. 50 к.

Его-же. Очеркъ судебной психологіи. 2-е дополненное изданіе. К. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шпилевскій. Древніе города, и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. К. 1877 г. Ц 3 р. (Сочиненіе это удостоено Императорской Академіей Наукъ Уваровской преміи, и Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ большой золотой медали).

Его-же. Семейныя власти у древнихъ славянъ и Германцевъ. К. 1869 г. Ц. 2 р.

Его-же. Заботы Императора Александра I о Казани. Каз. 1877 г. Ц. 40 к.

Шимановскій. О задаточныхъ роспискахъ и заочномъ рѣшеніи по новымъ законамъ. К. 1878 г. Ц. 40 к.

Штейнъ. Женщина въ области политической экономіи. К. 1876 г. Ц. 40 к.

Ягичъ. Исторія сербско-хорватской литературы. Древній періодъ К. 1871 г. Ц. 2 р.

Яковлевъ. Подробное изложеніе особенностей беотійскаго нарѣчія. К. 1874 г. Ц. 35 к.

КНИГИ ИЗДАННЫЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІЕЙ:

Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. 7 томовъ. К. 1859—75 г. Ц. 24 р.

Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта. 4 т. К. 1874 г. Ц. 7 р. 50 к.

Его-же. Толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. К. 1866 г. Ц. 1 р.

Его-же. Толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. К. 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Его-же Толкованіе на дѣянія св. Апостоловъ. К. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Святаго отца нашего Григорія Двоеслова. Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души. Каз. 1858 г. Ц. 1 р.

Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою церковію. К. 1865 г. Ц. 1 р. 75 к.

Посланія св. Игнатія богоносца. К. 1855 г. Ц. 75 к.

Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго. К. 1855 г. Ц. 75 к

Сочиненія преподобнаго Максима грека, 3 т. К. 1859—62 г. Ц. 5 р.

Сочиненіе инока Зиновія. Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. К. 1863—64 г. Ц. 2 р. 50 к,

Стоглавъ. (Съ предисловіемъ). К. 1862 г. 2 р.

Житіе преподобнаго отца нашего Трифона вятскаго чудотворца. К. 1868 г. Ц. 50 к.

Житіе преподобнаго Иларіона митрополита суздальскаго. К. 1868 г. Ц. 50 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА:

На «Извѣстія и Ученыя Записки» ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета, 6 книгъ въ годъ ц. 6 р.

На «Православный Собесѣдникъ» издаваемый при Каз. Дух. Акад. 12 книгъ въ годъ ц. 7. р., и

На «Казанскія Губернскія Вѣдомости» выходятъ 2 раза въ недѣлю ц. 5 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя книги за исключеніемъ изданій Академіи и Университета гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка %.

Гг. иногородные при выпискѣ какъ вышеозначенныхъ такъ и другихъ книгъ благоволятъ прилагать на почтовую пересылку 10% на рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ. **„ИЗУМРУДЪ“** ГОДЪ ВТОРОЙ.

СБОРНИКЪ
РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ
съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Начавъ изданіе Сборника въ самое трудное для всѣхъ время, т. е. въ разгаръ Русско-Турецкой войны, когда многія отрасли торговли и въ особенности книжная находились въ полномъ застоѣ, редакція, разумѣется, должна была вступить въ трудную борьбу съ различными препятствіями, но благодаря усиліямъ и желанію пріобрѣсть своему изданію одобреніе публики, ей удалось выполнить принятую на себя задачу, хотя и не въ полнѣ, но однако настолько, чтобы убѣдиться, что старанія эти остались не безплодными.

Множество писемъ, полученныхъ редакціею отъ Гг. подписчиковъ, обратившихся къ ней за различными свѣдѣніями и въ которыхъ они высказываютъ полное одобреніе сочиненіямъ, напечатаннымъ въ Сборникѣ, служитъ, какъ нельзя лучше, доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Презирая громкія фразы и пышныя рекламы, редакція не желаетъ прибѣгать къ нимъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ замѣтить, что она надѣется угодить Гг. подписчикамъ въ 1879 году несравненно болѣе, чѣмъ въ 1878, такъ какъ ею принимаются мѣры улучшить изданіе Сборника во всѣхъ отношеніяхъ и вообще сдѣлать все то, чего она не могла сдѣлать въ первый годъ, обыкновенно тяжелый для большинства издателей. Говоря яснѣе, редакція обратитъ строгое вниманіе на то, чтобы переводы помѣщаемыхъ статей отдѣлывались тщательнѣе, чтобы корректура была исправна и чтобы книги, которыя будутъ несравненно объемистѣе, выходили аккуратно въ срокъ.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить въ слѣдующіе сроки, а именно: между 10 и 30 числами января, марта, мая, іюля, сентября и нояб-

ря мѣсяцевъ, т. е. шесть разъ въ годъ книгами солиднаго формата и объема.

Каждая книга будетъ заключать въ себѣ одинъ совершенно законченный романъ и нѣсколько разсказовъ. Отъ этого правила редакція позволитъ себѣ отступить только въ такомъ случаѣ, если ей встрѣтится произведеніе очень интересное по содержанію, но великое по объему. Во всякомъ случаѣ редакція не допуститъ, чтобы произведеніе занимало болѣе 2 книгъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ Сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ. а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

Наружный видъ изданія будетъ тоже улучшенъ.

Въ настоящее время редакція имѣетъ въ виду слѣдующіе романы:

Истребитель Львовъ—изъ американскихъ нравовъ.
Мужъ графини Эммы—изъ нѣмецкой семейной жизни.
Княгиня Кастель-Франко—изъ италіанскихъ нравовъ.
По слѣдамъ убійцы—уголовный.
Драма въ Константинополѣ—изъ послѣднихъ событій на востокѣ.

И многіе другіе романы и разсказы, принадлежащіе перу лучшихъ иностранныхъ писателей.

Примѣчаніе. Впрочемъ хота редакція и назвала упомянутые романы, она оставляетъ за собою право замѣнить ихъ другими, если ей встрѣтятся болѣе интересные.

Подписная цѣна за Изумрудъ въъ годъ.

Въ Москвѣ без доставки на домъ	5 руб.	
» » съ доставкою » »	5 руб.	50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ	6 руб.	

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ всѣ подписчики на 1879 годъ получатъ безплатно въ концѣ его большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Въ вышедшихъ книгахъ Сборника Изумрудъ за 1878 годъ помѣщены:

Братоубійца—Эли Бертэ.
Лейла—изъ турецкихъ нравовъ.
Король Англо-Саксовъ—Э. Бульвера.
Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.
Пиръ смерти—изъ временъ первой французской революціи.
Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.
Трагическая развязка—автора романа графъ де-Фуа.
Испорченная жизнь—Эли Бертэ.
Тайна индійскихъ офицеровъ—Миссъ Бреддонъ.
Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уильки Коллинза.
Фрегатъ Аркона—Бера.
Опасная комната.
Почему я не сдѣлался адвокатомъ.
Подъ Бичемъ чумной заразы—М. Лафонъ.
Игрушка фортуны.
Раскаяніе мстителя—изъ временъ короля Карла VI.
и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные, желающіе выписать этотъ годъ, остающійся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить его изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Примѣчаніе 1. Для новыхъ иногороднихъ подписчиковъ на 1879 годъ редакція считаетъ возможнымъ сдѣлать уступку, а именно, вмѣсто слѣдуемыхъ за Сборникъ за 1878 года шести рублей, они благоволятъ высылать 4 рубля.

Примѣчаніе 2. Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что Сборникъ за 1878 годъ уступается только тѣмъ новымъ иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, которые вышлютъ деньги за оба года одновременно, т. е. 10 рублей.

Примѣчаніе 3. Сборникъ за 1878 годъ уступается только иногороднымъ подписчикамъ на 1879 г., а для Москвы цѣна остается таже т. е. безъ доставки 5 руб., а съ доставкою 5 руб., 50 коп.

Гг. Подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адресы написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерніи и уѣзда, гдѣ находится ихъ жительство.

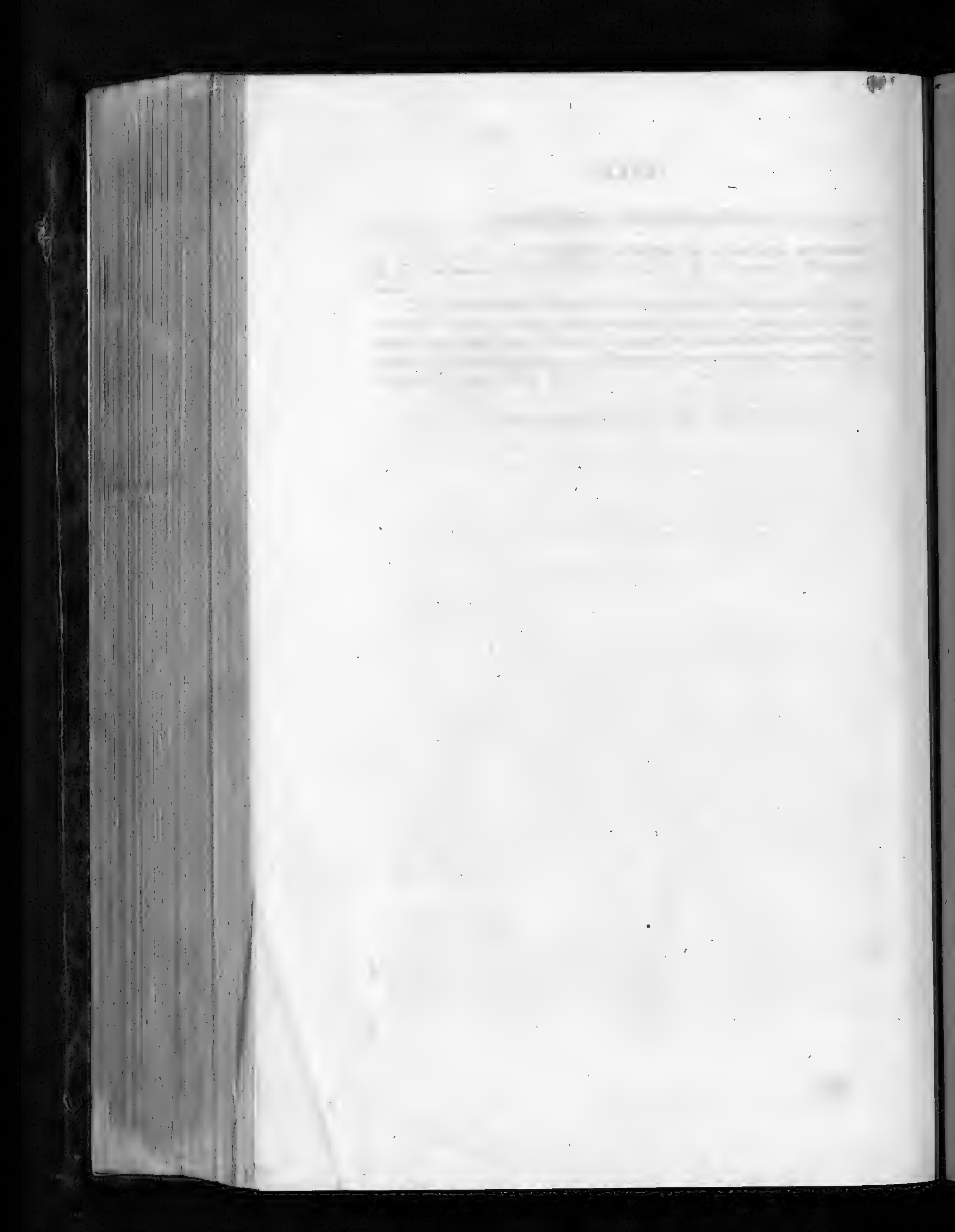
Примѣчаніе 4. Желающіе получать отъ конторы Сборника какія-либо свѣдѣнія благоволятъ присылать на отвѣтъ почтовую 8 копѣечную марку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи и книжныхъ магазинахъ И. Г, Соловьева братьевъ Улитиныхъ, В. Д. Кашкина и Центральномъ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ оаразомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника «Изумрудъ», г. Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову, на Тверской улицѣ, домъ № 280.

Редакторъ-Издатель М. ВОРОНОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Извѣстія“ и „Ученыя Записки“ Казанскаго Университета выходятъ *шесть* разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

Извѣстія представляютъ собою оффиціальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертаціяхъ на ученыя степени, отчеты, програмы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни.—Ученыя Записки—труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертаціи, пробныя и вступительныя лекціи, документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый спеціалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою. Студенты Казанскаго Университета платятъ за годовое изданіе *два руб. сер.;* продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ Редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ Редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани.

Редакторъ Орд. Проф. А. М. ОСИПОВЪ.

